Прозрачные драконы

Шон Макмиллен

Прозрачные драконы

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

Шон Макмиллен

ЗОЛОТАЯ СЕРИЯ ФЭНТЕЗИ

SEAN

McMULLEN

Glass Dragons

ШОН

МАКМУЛЛЕН

Прозрачные драконы

АСТ
ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА

УДК 821.111(931/96)-312.9
ББК 84 (8Авс)-44
М15

Серия «Золотая серия фэнтези» основана в 1999 году

Sean McMullen
GLASS DRAGONS

Перевод с английского Ю. Сковпень
Серийное оформление А. Кудрявцева
Компьютерный дизайн С. Шумилина

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Ralph M. Vicinanza Ltd. и Andrew Nurnberg.

Подписано в печать 20.06.2008. Формат 84×108 $^{1}/_{32}$.
Усл. печ. л. 33,6. Тираж 3000 экз. Заказ № 2759

Макмуллен, Ш.

М15 Прозрачные драконы : [фантаст. роман] / Шон Макмуллен; пер. с англ. Ю. Сковпень. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2008. — 631, [9] с. — (Золотая серия фэнтези).

ISBN 978-5-17-041130-6 (ООО «Издательство АСТ»)
ISBN 978-5-9713-9058-9 (ООО Издательство «АСТ МОСКВА»)

...В этом мире на небе — несколько лун, а в груди у людей — два сердца.

...Здесь стоят рыцарские замки и ведутся феодальные войны, странствуют по свету вечно голодные вампиры, талантливые дети отправляются учиться в Академию магии, рыцари бьются на турнирах за благосклонность дам...

Но теперь здесь произошло СТРАШНОЕ.

Новое тайное магическое оружие, силой которого можно уничтожить весь этот мир, попало в опасные руки.

Времени все меньше.

Кто решится предотвратить неотвратимое?

Только навеки оставшийся мальчишкой вампир Ларон — и горстка храбрецов, отправившихся с ним в опасное путешествие...

УДК 821.111(931/96)-312.9
ББК 84 (8Авс)-44

© Sean McMullen, 2004
© Перевод. Ю. Сковпень, 2008
© ООО Издательство «АСТ МОСКВА», 2008

Посвящается моей маме,
которая научила меня ценить хорошие манеры,
и моим старшим братьям,
которые научили меня ценить хороших друзей.

Благодарности

Спасибо моей жене Триш и дочери Кэтрин, которая вела машину во время исследования пути Уоллеса и Эндри.

Также хочу поблагодарить Александра Альберта, Майка Дайала Смита, Пола Коллинза и многих других из секции карате при университете Мельбурна, также клубы по фехтованию за оказанную поддержку при написании боевых сцен.

Пролог

На улицах Альберина хлестал ливень, и ветер усилился настолько, что сбивал с ног. Но двух мужчин, появившихся из особняка, это не волновало. Они ни разу не обернулись, спеша к воротам, и не обратили внимания на охранника, который весело помахал им бутылкой вслед.

— Я хотел бы заметить, что втянуть ее в наше дело было твоей идеей, Тальберан, — сказал тот, что был выше.

— Я слышал, что она эксцентрична, но это уже чересчур, — признал его спутник.

— Официанты в трусиках с хвостиком кролика, официантки в костюмах фавнов! А во что была одета она сама и ее гости! Если бы я не видел своими глазами, то никогда бы не поверил.

— Ты уверен, что она самая могущественная колдунья Северного Скалтикара, Лафонтен?

Да. Госпожа Уэнсомер Каллиентор — единственный в истории человек, который отказался стать посвященным тринадцатого уровня. Она сказала, что «посвященный двенадцатого уровня» звучит красиво, в словах «посвященный четырнадцатого уровня» тоже есть особая сила, а сочетание «посвященный тринадцатого уровня» полностью лишено смысла, и она отказалась присоединить это к своему имени.

Буря не мешала ночной жизни Альберина: все продолжали веселиться за закрытыми дверями. Музыка и смех раздавались из таверн со слегка приглушенным светом, дым тянулся из окон, мимо которых шли спутники; время от времени, драз-

ня обоняние, доносился запах свежего хлеба или жарящегося мяса. Пьяный подмастерье плелся, шатаясь, по улице, держа в одной руке бутылку, а в другой крошечную флейту. Тальберан и Лафонтен посторонились, дав ему пройти.

О, как бы мне хотелось быть в городке Альберин,
Пусть даже сейчас не везет.
Юношей всегда так ждут в городке Альберин...

Они обернулись, когда подмастерье вдруг прервал свою песню, и смотрели, как молодой человек направился к стоящему на улице фургону и растворился в пелене дождя.

— Он уже в Альберине. Почему он поет о том, как бы ему хотелось оказаться здесь? — спросил Лафонтен.

— Очередная чепуха, как и то, что говорит ведьма. Мы предложили ей возможность распоряжаться ветрами!

— А она сказала, что лучше бы распоряжалась своими гостями и велела им менять партнеров каждые полчаса.

— Мы предложили ей править миром.

— А она сказала, что предпочитает пирушки, устраиваемые правителями, хотя они и близко не так хороши, как ее собственные пирушки.

— Мы предложили ей бессмертие.

— Она ответила, что знала множество бессмертных, и все они были скучными.

— Чего же хочет эта женщина? — Лафонтен сердито всплеснул руками, словно требуя ответа у промозглой темноты.

— Она сказала нам, Лафонтен. Она хочет знать, как похудеть без упражнений и диет.

— Разве она не поняла, что мы даем ей шанс стать богиней?

— По ее мнению, у всех богов красивые тела и стройные талии. Такое предложение вызвало у нее подозрение, что ей придется заниматься упражнениями или сесть на диету.

Они свернули на аллею. Когти, отливающие голубым, блеснули на носках их ботинок и на пальцах перчаток, когда они начали взбираться по отвесной кирпичной стене.

— Кто следующий? — спросил Тальберан во время подъема.

— Один старик, которому не на что больше надеяться в жизни, но который еще не утратил свои идеалы.

— Астеншаль?

— Да, посвященный четырнадцатого уровня. Ему восемьдесят один год, и он не испытывает потребности в телесных наслаждениях. Вероятно, его будет легко убедить.

— В отличие от этой распутной обжоры-ведьмы. Представляешь, она отклонила наше предложение, поскольку не нашла в нем ничего интересного.

Они перелезли через край стены и очутились на крыше. Это была их последняя ночевка в Альберине.

На следующий день работник, проверявший засорившиеся стоки труб, обнаружил два плаща, смытых в водосточный желоб. Они были новыми, не отмеченными знаком местного портного. Поблизости лежали два кошелька, в каждом — двадцать серебряных ноблей. Работник, практичный и разумный человек, не склонный докучать комендантам по пустякам, взял серебро, почистил плащи и кошельки, чтобы продать на рынке. Он не забыл обсчитать владельца здания за прочистку трубы. К тому времени Тальберан и Лафонтен уже были на другом материке. Они устроили весьма многообещающую встречу с мудрым, могущественным, и главное, не склонным потакать своим желаниям магом, который чувствовал, что идеально подходит для роли бога.

Кладка была не просто старой, она оказалась древней. В последний раз ее использовали еще до строительства первых городов. Но сейчас все, что осталось на этом месте — округлая насыпь в сотню ярдов диаметром.

Трех старцев верхом на лошадях, которые остановились там, сопровождала дюжина конных наемников и еще полдюжины рабочих. В отличие от своей охраны, старики не имели при себе оружия и доспехов. Наемники без особого интереса наблюдали, как те распаковали свои седельные сумки, а затем занялись определением размеров древнего холма при помощи колышков и веревок. Один из стариков наблюдал за рабочими, в обязанность которых входило выкопать три ямы. Их нельзя было назвать первыми в мире археологами, так как этого слова еще не придумали. Но они были здесь именно для этого.

— Если верить хроникам, этому холму тысячи лет, — сказал мужчина с самой длинной бородой, вбивая колышек в землю.

Его спутник достал свиток из сумки на ремне, развернул и стал читать:

— «Дьявольский холм... проклятое место... место смерти... говорят, он дает силу мужчине, если во время солнцестояния тот ляжет на вершине на рассвете, и...»

— Все это сказки и домыслы, Вальтазар. Нам интересно его первоначальное предназначение.

— «Он старше любого королевства или города», — продолжил Вальтазар.

— О! Очень странно.

Еще долго колдуны-археологи исследовали и измеряли холм, наблюдали за солнцем, его местоположением и движением по небу. Два козопаса тоже обратили внимание на положение солнца, и, решив, что уже полдень, они сели перекусить.

— Стараются выглядеть, как благородные, — сказал тот пастух, что был пониже ростом, кивнув на прибывших.

— Ну да, — ответил его товарищ, почесав подбородок под накладной бородой. — Но благородные стараются вы-

глядеть благородными, и потому них есть красивая одежда и целая свора гончих, чтобы загонять дичь и кусать крестьян. У тех троих красивая одежда, но у них нет ни оружия, ни собак, ни гербов.

— Это колдуны, да?

— Ну да, и они изучают древнее место силы.

— Очень странно.

Неподалеку дровосек и возчик грузили сломанные бурей ветви на повозку, запряженную волами.

— Те двое с колышками и веревочками — высокоученый Астеншаль и высокоученый Вальтазар, — сказал дровосек.

— А тот, что раскапывает? — спросил возчик.

— Сложно сказать, плохо видно. Он все стоит на коленях, рассматривает ямы, но он моложе, чем двое других.

— Высокоученому Сергалю всего семьдесят лет, и он занимается точными науками и магией.

— Но высокоученый Сергаль ненавидит высокоученого Вальтазара.

— Это правда, но если высокоученый Сергаль и высокоученый Вальтазар работают вместе...

— Очень странно.

Внизу, у подножия древнего холма, на траве в объятиях друг друга лежали двое влюбленных.

— Астеншаль, Вальтазар и Сергаль, — прошептала девушка, когда юноша поцеловал ее в ухо.

— Они продолжают говорить о Стене Драконов, — едва слышно проговорил ее возлюбленный, обладавший отличным слухом.

— Стена Драконов — древний механизм, который использовали для превращения людей в богов-повелителей ветров. Теперь секрет утрачен.

— Возможно, эти люди тоже намереваются стать богами.

— Очень странно.

Высокоученый Астеншаль и высокоученый Вальтазар сели возле ямы высокоученого Сергаля на вершине холма. У них было то возбужденное, но загадочное выражение лица, которое бывает у людей, обнаруживших нечто очень важное, но которые не спешат рассказать об этом остальным.

— Хорошие новости, — объявил Сергаль, подняв заступ.

— Очень хорошие? — спросил Вальтазар. — Мы ищем впадину величиной в один фут, которая образовалась в результате того, что песок расплавился. А это холм.

— Мои раскопки показывают, что эта впадина диаметром в сто шагов. Вероятно, ее засыпали пять тысяч лет назад. Посмотри в яму. Пятнадцать футов — слой расплавившегося песка, а последующие пять футов находятся ниже уровня остальной почвы. Моя внешняя траншея лишь на два фута глубиной, а уже видна граница между камнями. Она на фут выше, чем вся долина.

— Тогда это точно руины Стены Драконов! — воскликнул Астеншаль. — Здесь расплавленное стекло, а впадина диаметром в сто шагов, глубиной в пять футов в центре, а вокруг кромка высотой в один фут.

— Кто-то сокрыл это место! — закричал Вальтазар, который, прежде чем согласиться, всегда спорил со своим учителем, произнося какую-либо умную фразу. — Неудивительно, что его так долго не могли найти.

— Да, да, а теперь мы нашли их все, — продолжил Астеншаль. — Конечно, нам нужно убрать грунт. Но для этого требуются лишь лошади, телеги и рабочие.

— Зачем строителям было засыпать ее, учитель? — спросил Астеншаля Сергаль.

— Строителям? — Вальтазар засмеялся. — Ее мог засыпать кто угодно в любое время за последние пять тысяч лет.

— Я люблю иметь дело с конкретными фактами, — ответил Сергаль. — И я выясню возраст камней и скажу, когда они был засыпаны.

— Выяснишь? — Вальтазар снова засмеялся. — Нельзя определить возраст, если только о нем не говорится в письменных источниках.

— Разве? — спросил Сергаль, показав на свою траншею пером. — Что же тогда говорят нам эти полосы?

Сергаль указал на несколько чередующихся слоев темной и светлой почвы. Вальтазар взглянул и повернулся к Астеншалю.

— Я не знаю, умнейший, — признался он. — Ты можешь понять это?

Сергаль еще не понимал, что Вальтазар сменил тактику и хотел заставить его поставить Астеншаля в глупое положение.

— Какое заклятье мне произнести, чтобы прояснить смысл? — спросил Астеншаль.

— О, самое обычное, — начал Сергаль, но осекся.

Сергаля ценили как блестящего ученого, но дипломатом он был никудышным. Поздновато, но Сергаль осознал, что велел единственному в мире посвященному четырнадцатого уровня использовать обычное заклинание. И Астеншалю это не могло понравиться. Астеншаль начал проявлять первые признаки недовольства.

— На самом деле, ничего магического не требуется! — поспешно добавил Сергаль. — Но, когда я читал книги об истории этих мест, то обнаружил, что в двадцати милях отсюда есть вулкан. Он извергается раз в шесть веков, как это ни странно... как и многие вулканы. Вулканы не подчиняются правилам, знаете ли.

— Не меняй тему, высокоученый Сергаль, — сказал Астеншаль, достаточно раздраженный уже одной только необходимостью обращаться к низшему по званию формально.

— Ну, в почве над речным илом лежит девять слоев пепла, который кто-то использовал, чтобы закапать впадину. Шесть веков умножить на девять — получается пять тысяч четыреста лет. Приблизительно в это время появился механизм Стены Драконов, как пишут в хрониках.

Астеншаль погладил подбородок. Это свидетельствовало о том, что он очень возбужден, но старается не выдать своего волнения. Астеншаль вынул небольшую книгу. Обложку украшали пластины из слоновой кости и золота, но страницы были из очень старого пергамента, и чернила сильно выцвели.

— «...за четыре тысячи лет до строительства Логъяра существовала кладка Стены Драконов, которая наделяла людей божественной мудростью, и они становились повелителями ветров», — прочитал Астеншаль.

— Известно, что Логъяру пятнадцать веков, то есть все вместе пять тысяч пятьсот лет. Практически совпадает. Молодец, высокоученый Сергаль.

— Возможно, колдуны, ставшие богами, засыпали ее, — сказал Вальтазар, поспешно вступая в разговор. — Вероятно, они не хотели, чтобы ее использовал кто-то другой.

— Но почему остальные ямы не закопали? — спросил нетерпеливо Сергаль.

— Потому что все семнадцать камней нужны для работы механизма. Спрячь один, и остальные будут бесполезны!

— Боги-колдуны убрали по камню с каждой стороны, и таким образом разрушили систему, — возразил Сергаль. — Зачем скрывать лишь один...

— Эй, постойте, хватит! — воскликнул Астеншаль. — Возможно, вожди племен, живших здесь, закопали место из-за суеверных страхов. Мы не можем знать все, но все знать и не нужно.

Астеншаль казался внешне спокойным, однако он еле сдерживался, чтобы не дать воли своим чувствам. Теперь были обнаружены все места, где когда-то существовала кладка Стены Драконов. Ничто не мешало ему воссоздать Стену Драконов — не хватало лишь конструкции, состоящей из восьмидесяти девяти мегалитов, восьми сотен и шестнадцати кресел с каменными сидениями, и также необходимо было собрать одиннадцать сотен и еще двух магов.

— Нужно расчистить здесь землю, — сказал он, и снова стал наблюдать за процессом раскопок.

— Я бы мог этим заняться, — сразу предложил Вальтазар.

— Потребуется охрана.

— Я знаю здешнего правителя, умнейший, я мог бы поговорить с ним на эту тему.

— Нужно разбить здесь лагерь.

— Я предоставлю необходимые средства.

Ни для кого не было секретом, что Вальтазару хотелось считаться посвященным тринадцатого уровня. Точно так же все знали, что именно Сергаль заслужил на это право. Являясь единственным из живущих посвященных четырнадцатого уровня, Астеншаль мог бы в одиночку провести необходимый ритуал. Другим вариантом было подождать собрания Совета Магов-Наставников Акремана. Такие встречи проводились раз в десятилетие, последняя — восемь лет назад. Астеншалю требовались опыт и знания обоих. Вальтазар мог лучше все организовать, но Сергаля уважали гораздо больше среди магов. «Лучше держать их обоих при себе», — решил он.

— Высокоученый Сергаль, в силах магов вдохнуть жизнь в Стену Драконов, — сказал Астеншаль. — Но потребуются сотни.

— Многих придется заставить, — рассуждал Вальтазар. — Почему просто не взять тех, кто хочет сам? Я бы мог разослать письма.

— Потому что мы должны вернуть на место все семнадцать камней, высокоученый Вальтазар, — нахмурившись, ответил Астеншаль.

Вальтазар сжался. Незаметно постороннему глазу, но внутренне он сжался.

— Если опытнейшие колдуны будут сменять друг друга четыре раза в день, то нам потребуются почти все маги, которые только есть. Высоученый Сергаль, твоя образованность не вызывает сомнений. Но ты можешь убедить каждого колдуна принять участие в Стене Драконов?

— Я буду считать это своей целью, умнейший, — ответил Сергаль.

— Великолепно, великолепно. Господа, когда будет воссоздана Стена Драконов, станет ясно, кто из вас займет место хранителя кладки.

Оба других мага знали, что первые из древних, которые обратились в богов, разрушили Стену Драконов и преградили путь остальным — так утверждалось. Астеншаль понимал: они будут стараться опередить друг друга и получить возможность быть среди первых колдунов, использующих Стену Драконов, так что работа пойдет быстро.

Козопасы тем временем продолжали обедать, наблюдая, как колдуны собирались вместе и опять расходились в разные стороны.

— Смотри-ка, они разделились, — заметил пастух пониже ростом.

— Думаю, они нашли, что хотели, — сказал его бородатый спутник.

— Очень странно.

— Нам следует рассказать об этом императору.

— Эти пастухи только что бросили своих коз и ушли, — заметил дровосек.

— Шпионы, — сказал возчик.

— Очень странно.

— Я сообщу об этом в Консилиум, а ты скажешь правителю Логьяра.

— На этот двойной донос нам придется потратить целый день.

— Однако он принесет нам двойную выгоду.

Влюбленные по-прежнему не размыкали объятий, лежа на траве и наблюдая за дровосеком и возчиком, спешащими в разные стороны.

— Они бросили свою работу, — сказала девушка.

— Шпионы Консилиума, это точно, — ответил юноша.

— Очень странно. Мы должны рассказать кастеляну.

— Что-то влюбленные быстро утратили друг к другу интерес, — сказал птицелов своему другу, осматривая местность со склонов горы.

— Шпионы Альпенниена, как я и говорил, — с уверенностью проговорил его спутник, вглядываясь вдаль.

— У них есть лошади — спрятали, приготовив для того, чтобы быстро улизнуть.

— Очень странно. Надо бы и нам поторопиться.

Часом позже захода солнца припоздившийся жестянщик прилег под дерево, располагаясь на ночлег. Он закутался в дорожный плащ, а вместо подушки подложил под голову свою сумку. Вытащил пробку бурдюка и сделав несколько глотков.

— Ну это же только чтобы согреться, — сказал он, ни к кому конкретно не обращаясь.

Огромный зеленый диск Мираля светил с неба, озаряя округу. Вдруг на вершине горы неподалеку что-то пошевелилось. Жестянщик сощурился. Среди груд камней возник-

ла голова на длинной змеиной шее. Вершина горы поднялась и раскачивалась, разбрасывая сухую грязь по склонам и поднимая тучи пыли. Странная штука слабо замерцала, расправив два крыла. Их размах оказался больше, чем длина любого корабля. Нечто бесшумно поднялось в воздух, затем устремилось вниз к древним камням и повернуло к морю. Жестянщик почесал голову, вновь вытащил пробку из бурдюка и вылил остатки в траву.

Глава 1
Заговор драконов

В ночь свадьбы принцессы Сентерри и виконта Косеррена только одна мысль ни за что бы не пришла в голову магистра музыки при дворе императора Саргола. Он слышал поговорку «Чем выше взлетишь, тем больнее падать», но никогда бы не подумал, что это может быть применимо и к нему.

Мильвариос из Турлоссена не обладал политическим влиянием. Все, что он делал — напускал на себя величественный вид да следил, чтобы с музыкой, исполняемой на важных мероприятиях, все было в порядке. Магистру следовало знать музыкальные пристрастия императора, быть прекрасным организатором различных торжеств, понимать, кто из бардов, менестрелей и певцов сейчас пользуется популярностью, а кто впал в немилость, разбираться в придворных интригах и сплетнях, со вкусом одеваться и уметь поддержать светскую беседу. Ему очень редко приходилось что-то исполнять или сочинять самому, но это Мильвариоса устраивало: он не отличался выдающимися способностями в этой области, и с этим лучше справлялись специально нанятые музыканты. Однако он был неплохим организатором.

С музыкой на свадьбе все было великолепно: никаких фальшивых нот, порванных струн и прочих неприятностей. Церемония проходила в дворцовом храме, и для нее требовались духовые инструменты — сопровождать церемониальные шествия и все в таком духе. Щедрый прием в тронном зале проводился под струнные, а на танцах играли флейтисты.

За этим не приходилось присматривать так внимательно, как за музыкой в храме, поэтому, хотя ночь еще не подошла к концу, Мильвариос решил отдохнуть. Он провел одиннадцать часов среди знати и членов императорской семьи, выслушав кучу торжественных речей, и следил, все ли идет согласно расписанию, и все ли музыканты и певцы находятся на своем месте, и у всех ли есть именно те ноты, что нужно.

Быть магистром музыки при дворе императора Мильвариосу из Турлоссена оставалось девять минут и пятьдесят семь секунд.

Но никто не знал, что возникла проблема похуже, чем порванные струны или фальшивые ноты. Покои новобрачных были устроены в башне с видом на гавань. Башню покинули все слуги, стражники и придворные, а вход тщательно охранялся. Это было сделано, чтобы обеспечить уединение Сентерри и Коссерену в течение ночи, которая принадлежала им и только им.

При виде виконта Коссерена многие молодые женщины падали в обморок. Родившись в богатой семье, он провел большую часть своей жизни, ездя верхом, охотясь и совершенствуясь в обращении со всеми видами оружия, приличествующими его благородному происхождению. Однако большинство придворных соглашались, что ему не хватает благоразумия. Будучи слишком бестолковым, чтобы поднять мятеж или притязать на власть, он не волновал императора. Однако принцессу Сентерри волновал, но совсем в другом смысле. Она сидела обнаженной на огромном супружеском ложе, обхватив руками колени и всхлипывая под облаком темных волос, скрывавших лицо.

— Меня еще никогда, никогда так не оскорбляли! — бормотал Коссерен, зашнуровывая рубашку. — Не девственница! Я знаю девственниц, я спал с дюжинами, ты не можешь мне

рассказать о них ничего нового. Почему, почему ты отдалась обычному рабу?

— Мой господин, пожалуйста, выслушайте! — умоляла Сентерри. — Он был моим спасителем, а не рабом!

— Раб, спаситель, какая разница? Ты первый раз переспала с каким-то безродным выскочкой.

— Он был благородного происхождения!

— Благородного? И какую-то мелкую сошку можно назвать благородным. Где его фамильное имение?

— В Северном Скалтикаре...

— Еще и иностранец! Я ухожу, и уверен: твоему отцу будет очень интересно узнать, что ты солгала о, так сказать, состоянии своей чести.

Коссерен подошел к двери, распахнул ее и захлопнул за собой. Он успел сделать несколько шагов, прежде чем нечто отделилось от теней под сводом и внезапно сбило виконта с ног.

Очнувшись, Коссерен увидел перед собой очень бледное лицо. Глаза существа мерцали голубоватым сиянием, губы приоткрылись в слабой улыбке. Коссерен не был уверен, но предположил, что это, скорее всего, девушка. Он бы с радостью не видел ее улыбки, обнажавшей два острых и крепких верхних клыка. Они казались в три раза длиннее обычных и слегка поблескивали. Несмотря на свое хрупкое телосложение, девушка крепко держала Коссерена за горло одной рукой.

Молодой виконт глянул вниз. До внутреннего двора было не менее сотни футов. Внизу бродили стражники, но никто не смотрел наверх. В воздухе пахло плесенью и гниющим мясом.

— Сентерри расстроена, — вкрадчиво прошептала демоница. — Ты причина. Сентерри мой друг.

— Кто... ты? — выдавил из себя Коссерен.

— Я, я само зло. Сентерри добра ко мне, однажды. Благодарна. Сентерри ты причинил боль.

— Сэзуррргринни, — только и мог прохрипеть Коссерен, пока хватка на его горле сжималась, и демон мотал виконта из стороны в сторону.

— Представляешь, насколько сильнее, чем ты — я?

— Гнннг.

— Не уроню тебя. Только страх, напугать. Но...

— Бингег?

— Но если не вернуться к Сентерри, ползать, извиняться, заниматься любовью, то...

— Геннг?

— Перерезать горло. Сосать кровь. Ты долгое время умираешь. Тело никогда не найдут. Сентерри веселая вдова. Или радостная вдова? Счастливая вдова? Путаюсь в прилагательных.

Прямо за углом стояла Сентерри. На ней не было одежды — лишь волосы частично прикрывали ее тело. Слезы катились градом по лицу. Она хотела подойти к Коссерену и умолять не позорить ее перед отцом. Теперь стало очевидно, что ее странный друг добивался того же самого, действуя более эффективно. Он втащил Коссерена обратно в окно и отпустил. Глухие хрипы, вырывающиеся из горла виконта, долго не давали ему нормально дышать.

— Ты, иди обратно к Сентерри, — угрожающе произнес шелковый шепот со странным акцентом. — Если ты не возвращаешься, я возвращаюсь. Если Сентерри грустная, я возвращаюсь. Если Сентерри злая, я возвращаюсь. Если не ползаешь, я возвращаюсь. Если не занимаешься любовью, я возвращаюсь. Для тебя очень плохо, если я возвращаюсь.

Оглядев музыкантов струнного ансамбля, Мильвариос сдержанно усмехнулся. Несмотря на их красивую одежду, они все-таки умудрялись выглядеть неряшливо. Некоторые, казалось, были уже навеселе. С другой стороны, Мильвариос

не полагался на их сознательность, поэтому выбрал музыкантов, способных хорошо играть, даже будучи пьяными. Однажды его организаторский талант поможет ему стать сенешалем в императорском дворце — магистр музыки был в этом уверен.

По какой-то причине Мильвариос засмотрелся на музыканта с лирой. Тот был высоким, с аккуратной черной бородкой, кудрявыми волосами, карими глазами и длинными тонкими пальцами. Вероятно, он бы походил на самого Мильвариоса, если бы последний похудел фунтов на шестьдесят. Музыкант посмотрел вверх и встретился взглядом с магистром. У Милвариоса почему-то засосало под ложечкой.

— Эта ночь — триумф моего господина.

Мильвариос обернулся, чтобы оказаться лицом к лицу с женщиной лет на десять старше его. Другие придворные и иностранные послы не обращали на нее внимания, но у Мильвариоса был свой расчет. Будучи любезным с женщинами из дворцового общества, лишь немного уступавшими ему в положении, он вызывал благосклонность по отношению к себе, и люди говорили о нем хорошо в тех местах, где его самого не было, чтобы сказать о себе что-то хорошее.

— Моя госпожа Аррикин, я счастлив одним вашим присутствием, — сказал Мильвариос, наклоняясь, чтобы поцеловать ее руку.

«Вдова, дочь скоро выходит замуж, тратит кучу денег на свадьбу, желает впечатлить двор, поздний брак принес бы удачу в делах и звание пэра», — промелькнула мысль в голове у Мильвариоса.

— Император, конечно, может позволить себе самое лучшее, — произнесла леди Аррикин, махнув веером в сторону музыкантов.

— Ах, мне кажется, ваша очаровательная дочь собирается выйти замуж в следующем месяце. Постарайтесь не пропустить этот скромный спектакль, вы же знаете, каким может быть наказание за измену.

Леди Аррикин застенчиво улыбнулась:

— Как раз об этом я и хотела с вами поговорить. Сколько бы вам потребовалось, чтобы поставить свою подпись под брачным гимном?

— Моя госпожа! — прошептал Мильвариос, кладя руку на грудь. — Мое перо может использовать только император.

— Почтенный Мильвариос, я уверена, есть некоторые исключения относительно вашего пера, о которых императору лучше не знать, — ответила леди Аррикин, выразительно посмотрев на него.

— Хорошо... возможно, я бы мог, по крайней мере, разделить свое вдохновение с вами... Возможно, через час, когда празднество перейдет на ту стадию, на которой им уже не нужно руководить?

— В ваших покоях, господин Мильвариос?

— Я бы не мог предложить ничего лучше, моя прекрасная госпожа.

Покинув ее, Мильвариос решил взглянуть на музыкантов. Все шло великолепно, только лишь лира была прислонена к стулу, а музыкант пропал.

«С другой стороны, кажется, никто не обращает сейчас особого внимания на музыку, так что не стоит беспокоиться, — подумал Мильвариос. — Мой триумф совершенен».

С музыкой все было в порядке, но вообще на свадьбе время о времени происходили какие-то мелкие неприятности. Акробат, выпрыгнувший из свадебного торта, испеченного в виде императорского дворца, оступился, хотя и не упал. В течение церемонии жених путал слова и несколько раз отвечал за невесту. Одна из лошадей почетного караула опорожнила свой кишечник прямо во время парада, растянувшегося на пятьдесят ярдов по внутреннему двору, начиная от дворцового храма и заканчивая у портика собраний. «И лишь моя музыка безупречна», — вновь и вновь думал Мильвариос. Конечно, император был удовлетворен и обещал сделать его

Герольдом Декларации. А сейчас у Мильвариоса появилась и та, что согреет его постель в оставшуюся часть ночи. Хотя она была немного старовата, как некоторым могло показаться, на ее коже не наблюдалось морщин, и, как говорили, леди Аррикин придерживалась диеты и даже делала упражнения для поддержания своего очарования.

Но Мильвариос не мог продать гимн леди Аррикин. Однако он сумел бы написать его, а затем распространить слухи о вероятности своего авторства. Считалось, что ему более пристало отказаться от комментариев, нежели опровергать эти слухи, тем самым давая повод думать, что гимн вышел из-под его пера. Это также дало бы окружающим повод считать, что император благоволит дочери леди Аррикин, что было немаловажно. Ирония заключалась в том, что гимну даже не обязательно было быть хорошим, раз Мильвариос отрицал бы свое участие в нем. В самом худшем случае Мильвариос просто проведет замечательную ночь с леди Аррикин, а затем наймет какого-нибудь голодающего студента-музыканта, чтобы тот написал что нужно.

Оглядевшись в последний раз, Мильвариус подумал, что все идет как по маслу. Присутствующие постепенно пьянели, объедались и флиртовали друг с другом. Мильвариос сумел привлечь внимание императора, и тот поманил его к себе.

— Мой господин музыкант, как бы я был без тебя? — спросил ласково монарх, когда Мильвариос склонился перед ним. — Сколько мелких неприятностей произошло на этой свадьбе! Неужели это предвещает, что и сам брак будет полон подобных раздражающих мелочей?

— Не могу сказать, Ваше Величество. Я музыкант, а не провидец.

— Только твоя музыка безупречна. Конечно, ты понимаешь значение этого?

— Возможно... — начал было Мильвариос, не зная, что сказать: мысли одна за другой внезапно появлялись в его голове. — Возможно, в браке и придется столкнуться с опреде-

ленного рода досадными неожиданностями, но супруги будут жить в гармонии друг с другом, несмотря на превратности судьбы.

Император улыбнулся и хихикнул. Это был первый знак его хорошего настроения за весь день.

— Скажи мне, мой гармоничный друг, сгодишься ли ты в сенешали? — спросил он, не переставая улыбаться Мильвариосу.

— Знаток музыки должен также быть сенешалем, Ваше Величество, но сенешалю не обязательно быть музыкантом.

— Молодец, Мильвариос, молодец. Ну же, скажи, почему ты хотел меня видеть?

— Я надеюсь, что в награду за сегодняшний вечер вы соблаговолите отпустить меня на ночь, господин.

— Конечно, иди в кровать хоть сейчас, и крепкого тебе сна. Завтра ты узнаешь о своих новых обязанностях, приходи ко мне за час до полудня. Вероятно, ты сможешь привнести часть своей гармонии в суетную дворцовую жизнь.

Мильвариос чувствовал себя на седьмом небе от счастья, когда покинул императора и стал готовиться к визиту своей гостьи. Много будет слухов, если кто-нибудь увидит ее здесь, но вскоре и его собственное имя станет известным. Император назначит его дворцовым сенешалем в течение ближайших двенадцати часов. Такие мысли будоражили душу магистра музыки.

Он и подумать не мог, что жить императору осталось всего три минуты и пятьдесят семь секунд.

Сентерри бесшумно поспешила обратно к супружескому ложу, залезла на кровать и села в ожидании мужа. Некоторое время спустя она услышала снаружи осторожные шаги кожаных сапог для верховой езды. Шаги замедлились, потом вовсе прекратились. Кто-то постучал в дверь.

— Да? — ответила Сентерри твердым, резким голосом.

— Э-э, дражайший цветок мой, э-э, это я, — сказал Коссерен, входя.

— Я вижу, — сурово ответила Сентерри.

Коссерен подумал, что с ней случится истерика от облегчения, когда он вернется. Однако Сентерри вовсе не казалась близкой к истерике. Это не сулило ничего хорошего.

— Ну, я решил, что... Ну, ты так очаровательна, что не могу опозорить тебя, так что я решил простить тебя и вернуться в твою постель.

Сентерри склонила голову набок.

— Очень мило, — сказала она. — Но следы пальцев на твоем горле говорят совсем о другом. Я думаю, ты встретил моего друга, который может ползать по отвесным стенам, который сильнее тебя и твоей лошади вместе взятых и у которого очень странные пристрастия в еде.

Коссерен положил руку на горло и бросил быстрый взгляд через плечо.

— Слушай, мне, э-э, мне в самом деле жаль, — сказал он. — Очень жаль. Отчаянно.

— О, вскоре ты еще больше об этом пожалеешь, намного, намного больше, — процедила Сентерри. — Может, у тебя и не было возможности обесчестить меня раньше кого-то еще, виконт Коссерен, но теперь-то ты, без сомнения, меня обесчестил. Переспал с дюжинами девственниц, да? Ну что ж, если ты улыбнешься хотя бы портрету другой женщины, я рассержусь очень сильно. Ты знаешь, кто вернется, если это произойдет?

— Д-д-да.

— И еще кое-что. Ты будешь — как очаровательно выразился мой друг-демон — «заниматься любовью» шесть раз за ночь...

— Шесть раз? Я сказал...

— До тех пор, пока я не забеременею. Теперь раздевайся и ложись в постель.

— Да, моя цветочная чашечка, немедленно, — пробормотал виконт, скидывая обувь и буквально срывая с себя рубашку. — Но шесть раз!

— Подумай о ком-нибудь еще. Если это поможет, я, например, так и сделаю.

— Как скажешь, услада моих глаз.

— И вот еще что, Коссерен!

— Да, мой ураган лепестков?

— Первый раз за эту ночь не считается.

Мильвариос повернул узорчатый ключ в особом тройном замке и открыл дверь. Дворцовые двери, особенно закрытые, всегда представляли собой существенное препятствие — ведь нужно было остерегаться грабителей. Последние были опасны не только для драгоценностей, но и для обитателей дворца, поскольку обычно бывали вооружены.

Мильвариос взглянул на золотую монету, которую всегда оставлял на столе. Не окажись ее здесь, Мильвариос запер бы дверь снова и позвал стражников. Однако монета лежала на своем месте, и единственным, что двигалось в его покоях, было пламя в камине и тени на стенах. Мильвариос вошел, огляделся, закрыл дверь и повернул ключ в замке.

Не пройдя и полкомнаты, он неожиданно обнаружил, что золотой монеты на столе нет.

— О нет, я забыл заказать вечер кувшин хорошего вина для себя и своей возлюбленной! — воскликнул Мильвариос, нарушив царящую тишину. Крик вышел резким, почти истеричным.

Он повернулся, и столкнулся лицом к лицу со своим двойником — только более стройным и с бородой. И тут же получил удар кулаком в солнечное сплетение. Мильвариос согнулся пополам, и его хрип был едва слышен. Явно зная свое дело, незваный гость уложил Мильвариоса перед камином и связал

запястья, привязав руки к прочным железным прутьям, которые не давали горящим дровам выпадать на пол. Затем он вставил магистру кляп в рот и связал лодыжки.

— Ты рановато вернулся, Мильвариос, — произнес гость, снимая накладную бороду. — Я надеялся, что ты проведешь еще, по крайней мере, полчаса в разговоре с императором, ну да ладно, уже не важно.

Мильвариос увидел, как он приподнял одежду и начал подкладывать под нее тростниковые дощечки. Завершив приготовления, незнакомец оправил свой наряд. Дело было закончено: теперь он ничем не отличался от магистра музыки.

— Наверно, ты хочешь знать, кто я, — прошептал незнакомец мягким, почти ласковым голосом. — Я не могу сказать тебе этого, но могу рассказать о своей внешности. На самом деле я ее украл. Она принадлежала одному крестьянину, но он, в отличие от меня, не знал, как ее использовать наилучшим образом.

Незваный гость прошел в другую комнату, затем вернулся с маленьким арбалетом и корзиной цветов. Мильвариос увидел, как тот натягивает тетиву и смазывает стрелу какой-то жидкостью. Он удивился, когда незнакомец начал прикреплять цветы к арбалету, но внезапно понял его намерения.

— Кто я — это совсем не важно, — сказал незнакомец. — Крестьянин, подаривший мне эту внешность, теперь находится на дне морском в полумиле отсюда, и очень занят тем, что кормит рыб. Возможно, он придумает, как оправдать свои грехи перед богами. Но хватит о нем. Я долго и тщательно выбирал свою телесную оболочку. Затем я занялся своим лицом. Мне хотелось, чтобы оно походило на твое. Теперь я стану тобой на пару минут, убью правителя, а потом снова превращусь в мертвого крестьянина. Понимаешь, Мильвариос, я не существую.

Он проверил готовность арбалета, теперь похожего на букет.

— Когда я соберусь в обратный путь, то случайно потеряю свой капюшон и плащ. А подумают, что я — это ты. Перед тем, как развязать тебя и убрать этот неудобный кляп, я на-

лью тебе в ухо медленно действующий яд. Из-за него начнутся невыносимые боли, ты будешь метаться и кричать, словно безумец. Стражники решат, что ты сопротивляешься, и убьют тебя. Увы, Мильвариос, мне хотелось бы оставить тебя в живых, чтобы ты почувствовал на себе гнев наследного принца. Но я не могу позволить, чтобы распространились слухи о существовании крестьянина с твоим лицом, ведь тогда начнутся его поиски, не так ли? Знаешь, я с нетерпением жду этой части убийства. Мои невольные двойники — единственные, кому я без утайки рассказываю о своих способах и средствах, и мне очень нравится выступать перед публикой. Но, пожалуйста, не утруждай себя аплодисментами.

Незнакомец ушел. Мильвариос быстро огляделся, но не увидел поблизости ничего, что могло бы помочь ему. Он напрягся, пытаясь разорвать путы, но попытки оказались безуспешными. Мильвариос почти не мог двигаться, и его левую ногу свело. Тогда он вытянул ноги. Так его руки оказались ближе к огню. Мильвариос быстро подтянул ноги снова, выпрямил и еще ближе пододвинул руки к камину. Из-за этих неловких телодвижений выпало горящее бревно. Пленник постарался подобраться к нему как можно ближе, и прижал веревки, связывающие запястья, к тлеющим углям.

Мильвариос тут же отдернул руки, ощутив острую боль от прикосновения к пылающему бревну. «Но лучше немного обгоревшая кожа, чем смерть», — подумал он и снова и снова прижимал свои путы к раскаленным докрасна углям. Веревки, которыми были связаны руки, сильно нагрелись. Но и запястья тоже. Он замычал от боли, но никто не расслышал бы эти тихие звуки в шуме праздника. В воздухе пахло горящей одеждой, паленными волосами и горящим мясом.

Наконец Мильвариосу удалось пережечь веревки. Сев, он увидел, что обширные участки кожи на его запястьях покрылись пузырями и даже обуглились. «Сгорит не меньше, если я окажусь виновным в смерти императора», — подумал он, вытаскивая кляп изо рта.

— Убийство! — закричал Мильвариос. — Императора намерены убить! Предупредите императора!

Ответа не последовало. На празднике слишком громко играла музыка, Мильвариос помнил об этом. Он развязал веревки на лодыжках и встал, но снова упал: ноги затекли от долгого лежания и не слушались. За дверью послышались крики. «Он сделал это, — подумал Мильвариос. — Он сделал это, будучи мной!»

На минуту магистр музыки словно окаменел от отчаяния. Затем отчаяние сменилось гневом. Кажется, этот одержимый хотел удостовериться, что его, убегающего с арбалетом, заметят, а потом он собирался вернуться в комнату, изменить свой облик и уйти. Ну уж нет!

«Он, несомненно, убийца, и у него много смертоносного оружия, — думал Мильвариос. — А я музыкант с кочергой. У меня шансов застать его врасплох и обезвредить столько же, сколько выиграть конкурс лучшей портовой шлюхи месяца. Что же мне делать?»

Он выронил кочергу. Убийца наверняка найдет способ исчезнуть из комнаты и привести сюда стражников. Как? Где? Мильвариос вдруг вспомнил, что за секретной дверью есть ниша — укрытие для любовников. Но это был тупик.

Где-то рядом он услышал пронзительный женский крик:

— Мильвариос!

А затем тот же голос воскликнул:

— Мильвариос, что же ты наделал?

Хотя и ниша для влюбленных и не вела никуда, у нее было преимущество: это было единственное место, которое стражники вряд ли сразу обнаружат. Мильвариос добрался до секретной двери, залез внутрь и беззвучно сел там в темноте. За это время он успел лишь сделать несколько вдохов. Затем он услышал лязганье дверного замка снаружи. Затем вновь скрипнул замок, на этот раз запираемый изнутри.

— Ну а сейчас, Мильвариос из Турлоссена, настанет миг, и ты станешь свободным, но ненадолго... — начал убийца.

Он заметил, что магистра музыки не было на своем месте. Мильвариос услышал грохот, когда убийца в бешенстве обыскивал спальню и другие комнаты. В дверь стали стучать, сердитые голоса призывали Мильвариоса сдаться. Наконец убийца перестал искать своего двойника и понял, что нужно бежать. Пальцы царапали по резным украшениям секретной двери и нажимали на тайную панель. Но замок не открылся, а секретная дверь не отворилась. Мильвариос очень крепко держал ее изнутри. Снаружи доносились негромкие, но яростные ругательства на чужом языке.

Раздался треск, и дверь вышибли. Послышался звон клинков и ломающейся мебели. Крики и стоны смешались со звуками боя, и, судя по всему, убийца побеждал.

— Стой на месте! — крикнул кто-то. — Стреляю!

Раздались громкие щелчки, когда стражники направили свои арбалеты на убийцу. В течение нескольких минут Мильвариос не слышал ничего, кроме топота рядом со своим спасительным тайником. Затем голос объявил: «Изменник мертв». Какое-то время Мильвариос слышал разговоры стражников, пока они ждали кого-то, чтобы он удостоверился, что убийца действительно мертв.

— Кто бы мог подумать, что он такая бестия!

— Он убил пятерых наших!

— Отчаянный ублюдок, дрался, словно сам дьявол.

— Хорошо, что мы покончили с ним.

— Ты имеешь в виду, ему хорошо — это легкая смерть по сравнению с тем, что его ожидало бы за убийство императора.

— Его подвесили бы за пальцы над слабым огнем.

— О да, под его же собственную музыку.

— Хм, думаешь, с его музыкой тоже не все чисто?

— Знаешь, возможно. Я сейчас уже не удивляюсь, что он оказался отличным убийцей — ведь музыкант он ужасный.

— Ну должен же человек хоть в чем-то преуспеть.

Мильвариос медленно отпустил потайную дверь и опустил руку. Его пальцы коснулись одежды и струны какого-то инструмента. Она звякнула, и этот тихий звук показался громом Мильвариосу, но, к счастью, не стражникам. Они ничего не слышали. Очень осторожно магистр музыки проверил то, что чуть не выдало его. Это оказалась лира — излюбленный инструмент бардов. Мильвариос решил оставаться в укрытии еще немного, нужно было дождаться, по крайней мере, прибытия старших по званию, которых ожидали стражники. Они явно хотели побыстрее покончить с этим. Мильвариос не был уверен, что ему стоит сейчас появляться. Он услышал звук приближающихся шагов, и кто-то закричал: «Смирно!». Сапоги щелкнули, и наступило молчание.

«Я удостоверюсь, что каждый человек в этой комнате не забудет про мои сочинения до своего последнего дня», — подумал Мильвариос, дрожа в узком и тесном пространстве.

— Кажется, он мертв, — сказал чей-то голос.

— Со стрелой арбалета во лбу не поспоришь, господин.

— К нему можно подойти?

— Спорю на свое месячное жалование, что он мертв, господин.

— Посмотри-ка! Тростниковые накладки и повязки под одеждой. Толстый оказался худым!

— Потрясающе. Уж кто бы подумал, что при его-то аппетите ему понадобится такой маскарад.

Повисла пауза.

— Принц Став вне себя от ярости. Он приказал сжечь особняк Турлоссенов и все прилегающие постройки.

Ситуация по-прежнему накалена до предела, подумал Мильвариос.

— Конечно, старший Турлоссен будет против.

— Старшему Турлоссену потребуется голова на плечах для этого, как и его жене. Двое других сыновей за границей, и я сомневаюсь, что они когда-либо вернутся.

— Дай мне свой арбалет, я должен доложить о смерти убийцы принцу

До ушей Мильвариоса донесся звук удаляющихся шагов.

— Ублюдок в долгу у нас за то, что мы убили его.

— О да, это точно.

«Надо что-то срочно придумать», — решил Мильвариос. Конечно, кто-то знал, что он был невообразимо толстым. Несомненно! Жена Распорядителя Провианта, его тайная любовница! Однако было одно неудобное слово — «секрет». Она вряд ли хотела распространения слухов об их связи, и уж точно не обрадовалась бы тому, что ее имя связывают с предполагаемым убийцей императора. Нет, собственная полнота не поможет Мильвариосу.

Тонкая деревянная панель отделяла его от стражников. Отодвигать ли ее? Если он это сделает, у стражников возникнут вопросы. Какие вот только? Что они спросят? Почему он тихо спрятался в этой комнате, когда на императора готовилось покушение? Почему... Нет, первое было важнее.

Мильвариос взялся за дверную ручку, на которую падал свет через крошечные трещинки в деревянной панели. Кроме собственной мантии, в его распоряжении оказались грязные штаны из грубой материи, пара вонючих сапог, туника, залитая красным вином, шерстяной плащ, полупустой бурдюк и лира. Мильвариос потянулся было к сапогам, и тут что-то мягко коснулось его лица. Он чуть не закричал от ужаса, но затем понял, что это была всего лишь болтающаяся веревка. Мильвариос поискал ее над головой и обнаружил круглую лазейку в крыше своего укрытия. «Так вот как ублюдок проник в мою запертую комнату, — понял он. — И этим путем он намеревался и улизнуть».

Это открытие меняло все. Мильвариос из Турлоссена отныне считается мертвым, и никому не пришло бы в голову искать его. Бывший магистр музыки внимательно осмотрел одежду убийцы, на этот раз более детально. В грязном кошельке на шнурке обнаружилось несколько мелких монет, а в городском пропуске значилось, что он принадлежит Уолле-

су Гандьеру, пастуху. Очень медленно, стараясь не произвести ни звука, Мильвариос разделся и примерил одежду мертвеца. Штаны были тесноваты, да и туника тоже.

— Эй, посмотри-ка сюда! — воскликнул кто-то снаружи.

— Золото!

— Много золота!

— Это, несомненно, вознаграждение убийцы.

— И очень щедрое вознаграждение. Посмотри, какая тяжесть.

— Естественно, каждая монетка теперь наша.

— Ты имеешь в виду нас пятерых?

— На пятерых этого не так уж много.

— Мне больше, ведь это я убил убийцу.

К тому моменту, когда Мильвариос из Турлоссена превратился в Уоллеса Гандьера, у каждого из стражников было по семнадцать золотых монет, а кожаная сумка уже горела в камине спальни. Один из них, более грамотный, написал на листе бумаги «Смерть императору, соблазнившему мою возлюбленную» и оставил его в сундуке, в котором было найдено золото.

— Вот чего я не понимаю, так это зачем он бросился сюда, где оказался в ловушке.

— Где-то есть секретная панель, которая отодвигается в сторону. Держу пари, он намеревался спрятаться именно там.

— Тебе-то откуда знать?

— Да во всех дворцовых спальнях есть такие. В них прячутся любовники, например, когда мужья неожиданно появляются на пороге после долгого отсутствия, а жены их совсем не ждут.

— Но ты-то как узнал о них?

— Ну, пару раз пользовался подобными штуками.

«Пора», — подумал бывший магистр музыки. Он медленно выпрямился. Пространства было мало; на самом деле он сидел во встроенном шкафу, превращенном в укрытие. Над головой зияла круглая дыра, и в нее свисала узловатая веревка.

Пока стражники взламывали потайную дверь, человек, который отныне был Уоллесом, начал взбираться по веревке, оставленной убийцей. Было очень тесно, а он был потолще убийцы, и не привык взбираться по веревкам. Веревка оказалась привязанной к балке, но наверху путь ему неожиданно преградили доски. Уоллес толкнул их и обнаружил, что доски не были прибиты. Он отодвинул их, и вылез наружу. И в этот момент за углом послышался топот сапог.

Соображая быстрее, чем когда-либо в своей жизни, бывший магистр музыки сел на край внешней стены и заиграл на лире. Выходило ужасно, однако это его совсем не удивило.

Великий император, мудрый и старый,
Поражен убийцей-смельчаком.
Вероломный, хитроумный Мильвариос
Предал своего императора за золотую...

— Эй, ты! Стой! — рявкнул командир стражи.

Не двинувшись с места, новоиспеченный бард империи Сарголан перестал играть.

— Что это ты тут делаешь? — продолжил командир.

— Сочиняю погребальную песнь для мертвого императора, — ответил бард-самозванец.

— Я имею в виду, как ты залез сюда?

— По лестнице.

— Лестницы охраняются.

— Нет, господин, Вы велели всем людям быть у магистра музыки, — сказал капрал, держащий факел.

Уоллес указал рукой на затянутое облаками небо, затем снова забренчал на своей лире.

— Я пришел сюда, чтобы сочинять, находясь между величественной мощью зубчатых стен и изменчивой красотой звезд, — заявил он. — Пока ужас от убийства не прошел, я обращаюсь за помощью к своей музе...

Командир стражи поставил сапог на грудь Уоллеса и толкнул его. Уоллес свалился с зубчатой стены и кричал все время, пока падал в темные, полные тины воды рва.

— Не все любят искусство, — сказал командир стражи и посмотрел за край, уперев руки в бока. Затем он со своими людьми ушел прочь.

Не выпуская из рук лиру, новоиспеченный Уоллес вылез на покрытый илом край рва. Его желудок избавился от ранее съеденного обеда, прекрасного меда с пряностями и, по крайней мере, трех пинт зловонной воды изо рва вместе с дюжиной головастиков. К нему подошли стражники. Четверо оттащили Уоллеса к воротам для слуг во внешней стене, и, дав ему пинка, велели убираться в город. Уоллес поспешил скрыться. Улицы были темны и опасны, но шел дождь, и большинство преступников отсиживались в тавернах.

Бесцельно блуждая, Уоллес в конце концов вышел к реке как раз в том месте, где ее пересекал один из трех каменных мостов. Издалека ему показалось, что мост горит, но при ближайшем рассмотрении выяснилось, что это всего лишь стайка попрошаек развела костер на берегу внизу.

— Эй, бард, давай к нам! — позвал кто-то из них. Уоллес не заставил себя долго уговаривать.

— Ты, верно, промок, — сказал один из попрошаек, когда он присоединился к их компании.

— Спрыгнул в дворцовый ров, — ответил Уоллес сдержанно, понимая, что грамотная речь могла раскрыть его.

— А это что? — спросил предводитель нищих. На нем была корона, сделанная из какого-то рванья, обвязанного струной.

— Ожог, — сказал Уоллес, показывая раны на запястьях.

— Как ты так?

— Да одному уроду показалось, что моя музыка недостаточно хороша, — печально ответил Уоллес, и все засмеялись, решив, что это шутка.

— Ну что, сыграешь для нас? — поинтересовался предводитель.

Уоллес лихорадочно соображал. Бард, который не умеет играть на своей собственной лире — это странно. С другой стороны, его руки были обожжены, а лира промокла.

— Лира промокла, пока я плыл, поэтому не могу выдавить ни звука, — ответил он. — Да и руки поджарили.

Повисло молчание. Надолго. Они явно считали, что Уоллес обязан что-то им дать. Он подумал о кошельке на поясе, в котором оставалось несколько грязных монет.

— Ну так что тогда? — спросил попрошайка у него за спиной.

— Вино с императорского стола, — тут же предложил Уоллес.

Вино, вероятно, предназначалось для музыкантов, но никто из нищих-то не знал об этом. Уоллес предложил его предводителю, и тот пришел в неописуемый восторг. Теперь бывшему магистру музыки убежище на ночь было обеспечено. Попрошайка, заявивший, что когда-то был целителем, стал втирать дурно пахнущую мазь в раны Уоллеса, а затем связал их полосками мешковины. Пока Уоллес сидел у костра и сушил свою одежду, он развлекал компанию рассказами о свадьбе и о последующем убийстве. Бродяги тем временем внимательно слушали и передавали бурдюк по кругу. Им тоже было что рассказать, и Уоллес узнал, как потрошить, насаживать на вертел и жарить крысу, а также выучил несколько песен о нищих, проститутках и моряках. От дрянного вина он быстро опьянел. Однако соображал он довольно хорошо и заметил, что намокшие штаны и туника растянулись и теперь лучше подходили под его фигуру.

На рассвете дождь кончился, и над рекой повис густой туман. Несмотря на то, что одежда Уоллеса просохла, она была дешевой, грубой и выглядела ужасно. Шерстяной плащ был размером с два добрых одеяла — Уоллес разглядел это в свете костра, который поддерживался всю ночь.

Он еще раз критически осмотрел свой наряд. Итак, имелась одежда, кошелек с четырьмя медными монетами, маленький нож и лира. Не прошло и двенадцати часов после того, как инструмент попал ему в руки, и Уоллес наконец-то уделил ему внимание.

Это был кусок дерева, вырезанный в форме лиры, но в нем отсутствовал звуковой механизм. Уоллес насчитал только пять струн, сделанных из кишок, три костяных лада и деревянные гвоздики. Лиру сделали так, чтобы воспроизводимый звук слышали на расстоянии в несколько футов. В общем, она была фактически бесполезна, хотя ее было трудно сломать. Если бы ее украли, легко можно было бы сделать новую.

Проблема Уоллеса состояла в его неумении играть. Прежний Уоллес, вероятно, и мог что-то делать с этим музыкальным инструментом, но бывший магистр музыки даже не знал, с какой стороны за него браться.

Пока он сидел, размышляя о лире, несколько проституток появились из тумана и присоединились к нищим.

— Есть новости из дворца, — сказала одна из них, когда предводитель поприветствовал их. — Кажется, тот магистр жив.

— Ты-то почем знаешь? — спросил тот.

— Я слышала это от парня из ополчения, а он от стражника. Мертвец-то костлявый, а горничная магистра говорит, что он определенно был толстым. Похоже на то, что магистр нанял убийцу.

— Да уж. Придворный чистюля вроде этого сам ни на что не способен.

«Горничная? — удивленно подумал Уоллес — «Должно быть, уже после этой ужасной ночи она проболталась на пирушке для Гильдии Музыкантов».

— Она ждала награды, но они сняли ей голову просто за то, что она его знала.

Уоллес хранил молчание, пока нищие смеялись. То, что они говорили, было по большому счету правдой. Уоллес боялся прикоснуться к боевому топору, даже если тот был не заточен. У него было несколько топоров для церемоний, но он никогда не размахивал ими в порыве гнева, и никогда не тренировался в обращении с оружием. Да и арбалеты он никогда не брал в руки. Лошади и верховая езда? Он давно утратил к этому интерес. Уж лучше удобный экипаж, чем трястись верхом. Короче, воин из него был никакой.

— Заффтрак, сударь?— спросил бывший целитель, поднимая за хвост продолговатый кусок поджарившегося мяса.

— Что это? — поинтересовался Уоллес, опасаясь, что ему не поздоровится, если он откажется это есть.

— Жареная боевая крыса.

— Почему боевая?

— Э-э, эту крысу забили до смерти, а потом зажарили.

Уоллес осторожно пережевал немного, улыбнулся и кивнул в знак одобрения старику, но затем выплюнул, как только тот отвернулся.

Его родители были мертвы. В течение некоторого времени Уоллес обдумывал эту мысль. Когда-то, будучи придворным, он скрывал свое происхождение, поскольку его родители принадлежали к числу простых торговцев. Отец был пекарем, а мать была женой пекаря. Так или иначе. Они были скорее торговцами, чем ремесленниками, хотя формально отец считался мастером, а мать — женой мастера. Но они поставляли свои караваи, сдобные булочки с изюмом и остальную выпечку в пять разных лавок и, таким образом, занимались своего рода торговой деятельностью. Теперь родители были мертвы. Из-за него. Так или иначе. «Я стараюсь вызвать чувство печали в своей душе, но что-то оно не желает просыпаться», — думал он, в задумчивости откусывая кусок от боевой крысы. С каждым часом усиливалась вероятность того, что скоро он присоединиться к своим родителям на небесах.

— Награда за его голову — пятьсот золотых крон, — заявила одна из проституток.

Уоллес вздрогнул от страха. Пятьсот золотых крон было больше, чем могли заработать три поколения мельников за все время своих жизней. Он знал все о мельниках, потому что отец как-то нанял одного, когда дела пошли лучше.

Уоллес решил уйти от нищих, взяв с собой пустой бурдюк. Если верить отцу, за бурдюк можно выручить пару медных монет.

К полудню Уоллес действительно продал бурдюк за две медных монеты и обменял одну на буханку хлеба и кусок сыра. Он поел, разглядывая свой портрет, весь утыканный стрелами и забросанный испорченными фруктами и овощами. Вдруг изображение задымилось. Уоллес кинул камень в горящую солому, решив не выделяться из толпы. Один из стражников, который принес портрет и хворост на рынок, встал позади повозки и позвонил в колокольчик, желая привлечь внимание.

— Слушайте все! — закричал он. — Да будет известно здесь и во всем городе, что сегодня вечером во дворце собирают бардов. Пиво всем и каждому, кто придет!

Стражник подождал, пока поднявшийся гвалт не затихнет. Дела у продавцов старых музыкальных инструментов скоро пойдут в гору, но хорошо знающий придворные интриги Уоллес уже понял, что к чему. Он спрятал свою лиру под грязным и рваным плащом и начал выбираться из толпы.

— В конце вечера Принц Став дарует награду тому, кто лучше всего прославит в стихах почившего императора.

Здесь тоже все было ясно для Уоллеса. Кто-то допросил дворцовых стражников, которые несли службу прошлой ночью. Этот кто-то вскоре смекнул, что всего несколько минут спустя после убийства всего в паре ярдов от тайного выхода из спальни магистра музыки появляется некий бард. Так было установлено, что магистр музыки жив и выдает себя за барда.

Это и было причиной, по которой принц собирал музыкантов, и Уоллес был уверен, что у каждого существовала возможность получить крайне неприятный приз.

Когда начались шторма, прогулки по улицам Альберина сделались непростым делом. Бесконечный дождь заливал портовой город, дул пронизывающий шквалистый ветер из самого сердца континента Скалтикар. В Альберине так часто стояла плохая погода, что на улицах появились палатки, крытые дорожки, навесы и приюты для всех нуждающихся. Бездельники больше не шатались по узким темным закоулкам, как и мрачные личности с подозрительными намерениями — никто не горел желанием гулять под дождем.

Однако три странные фигуры таинственного вида, возникшие на улицах сорокового дня третьего месяца 3141 года, не были бездельниками. Они внимательно наблюдали за всем, что было видно при свете одного из немногочисленных горящих фонарей. Пока их цель казалась трудно достижимой. Но незнакомцы запаслись терпением, к тому же они знали свое дело. Проститутка, к которой они подошли, отличалась от двух других более резкими духами. В Альберина легко можно было подхватить пневмонию, так что когда незнакомцы появились в толпе, на них было больше одежды, чем на членах иных религиозных орденов с других материков. Они неожиданно возникли перед девушкой и окружили ее. У одного в руках были мешок и веревка. Другой помахал толстой деревянной палкой. Третий держал на ладони пять серебряных монет.

— Шутишь, да? — воскликнула девушка, но на ее лице не было ни тени улыбки.

— Нет, — сказал тот, что держал серебро. — Можешь помочь?

— Добавь еще одну серебряную монету к тем, что на ладони, и тогда у тебя будет опытный моряк со знаком отличия Гильдии Плотников.

— Отлично, куда мы отправимся, и сколько стражников нам встретится по пути?

— Ни одного.

— Ни одного?

— Ну так что?

— Если он то, что нам нужно, три монеты сейчас и три потом.

Девушка выпростала бледную руку из складок своей одежды, взяла три холодных серебряных монеты и спрятала. Она медленно пошла прочь, и незнакомцы последовали за ней. Завернув за угол и остановившись на полпути к соседней улице, девушка указала на дверной проем, где, казалось, лежала куча темных мокрых тряпок. Главный из незнакомцев сел на корточки.

— Ха! Нассал в свои штаны! — воскликнул он.

— Вовсе нет, — сказала девушка, отодвигая носком туфли осколок битой посуды и указывая на ставни над дверью. — Я все видела. Он устроился в дверном проеме, достал дудку и начал играть. Экономка вылила на него ночной горшок и надела его ему на голову, поскольку он не захотел уйти.

Главный из вербовщиков потрогал свою голову, словно ощупывая синяк, и посмотрел на окно:

— Отлично. О да, на цепочке у него на шее знак отличия Гильдии. В форме молотка. Да, он плотник, все правильно. Говоришь, он еще и моряк?

— Я слышала, как он играл морскую джигу до того, как его ударили горшком, — ответила девушка.

— Моряк, единственный в своем роде, полагаю. Очень хорошо. Друзья, свяжите его и засуньте в мешок, — он вложил две монеты в протянутую руку девушки. — Минус одна монета за запах.

— Да и костлявый урод к тому же, — заметил мужчина с веревкой.

— Вернете монету обратно, когда будете искать следующего, — заявила девушка. — Вы бы нашли его сами?

Еще одна монета упала ей на ладонь. Самый крепкий из незнакомцев взвалил мешок себе на плечо.

— Не рассказывайте маме, — пробормотал парень из мешка, не просыпаясь.

— Его зовут Эндри, — сказала девушка.

— Ты что, его знаешь? — спросил главный.

— Вовсе нет! — с негодованием воскликнула девушка.— Я слышала, как экономка кричала: «Убирайся!», а он в ответ: «Эндри Теннонер уходит когда хочет!»

— Правда? Ну ладно, разберемся потом. А ведь ночь только началась, да?

— Нет уж, я пойду в таверну и выпью вина с пряностями. А для кого он?

— «Буйная пташка».

— А, тот большой торговый корабль, что пришел недавно? Опять идет на юг?

— Нет. Это особое заказное плавание в Палион, в империю Сарголан.

— Палион! — воскликнула девушка.

— Ну да.

— Палион, который через Пролив Страха?

— Ну да.

— Но послушайте, ваш корабль может загореться и затонуть вместе со всей командой в конце волнолома. Друлинг Джеррик был на борту последнего судна, которое переплывало через Пролив Страха. А он не робкого десятка. Джеррик пил свой эль на «Последнем Якоре» и не утратил присутствия духа.

— Этот корабль и был «Буйная пташка», — сказал невозмутимо главный из незнакомцев, словно и не он собирался отправиться в путешествие. — Груз сделал богатым каждого на борту.

— Ага, только вот Джеррик после этого сошел с ума.

Незнакомцы не стали с ней больше разговаривать, добрались до конца крытой дорожки и ушли в дождь и темноту. Девушка стояла и смотрела им вслед, прижав руку ко рту.

— Кажется, он славный малый, хоть и пьян в доску, — сказала она тихо с искренним раскаянием. — Хотя никогда не знаешь...

Со стороны бухты доносился рокот волн, которые словно предсказывали мрачную судьбу, предначертанную Эндри Теннонеру.

Мегалиты Стены Драконов и других магических мест оставались нетронутыми в течение многих тысячелетий, хотя некогда их обрабатывали каменотесы, получая за это свои кровные денежки. Там, где денег не существовало, с ними расплачивались овцами, рыбой или цыплятами. Естественно, количество животных зависело от размера мегалита. Но оплата была всегда. Величественные камни Голгравора никогда не обрабатывались бесплатно, и уж тем более — для религиозных орденов. Хотя нынешний заказ явно имел отношение к религии, он оплачивался, и оплачивался хорошо.

Заказ Голгравора Лассена предполагал обработку семнадцати мегалитов, и все условия были оговорены очень точно. Декоративная обработка могла проводиться по желанию мастера. Голгравор обожал гратториальскую школу цветочного орнамента двадцать седьмого века, и поэтому повелел своим ученикам и помощникам нанести на каждый квадратный дюйм каменных мегалитов цветущие примулы и тонкие стебельки колокольчиков.

— Не на области сидений, — пояснял Голгравор новому наемному каменщику, впервые осматривающему место работы. — Размеры сидений определены очень точно, и они должны быть из простого, необработанного камня.

— Мне кажется, он похож на человека, который лежит, высоко подняв в молитве руки, — сказал Костерпетрос.

— Ну да, это их основная форма.

— Так это для какого-то храма, где священники возносят молитвы?

— Не могу сказать. Самое важное то, что мне заплатили слитками чистого золота, причем высочайшей пробы.

— Ого! Ну а кто возьмет на себя доставку?

— Камни исчезают, а кто-то оставляет золотой слиток там, где они были.

— Вот так?

— Да.

— Камни же весят где-то десять тонн?

— Ну, вообще-то, пять. В основании ниша, словно их предполагается ставить по кругу.

— А золото остается?

— Да, слиток из чистейшего золота.

— Как выглядит твой заказчик? Кто-нибудь же его видел?

— Нет, никто не видел. Нам запретили смотреть, как забирают камни. В сумерках мы уходим и на рассвете возвращаемся. Мегалита не будет, но на его месте появится золотой слиток.

— Сколько камней тебе поручили обработать?

— Семнадцать, по пять тонн каждый. Теперь за работу. Один из нас уходит сегодня вечером, другой вскоре вслед за ним. Ты займешься украшениями из примул на камне под номером семнадцать. Нужно закончить к концу недели, иначе мы не успеем. Именно поэтому ты здесь. Если все сделаем вовремя, будем щедро вознаграждены.

— Но кто же покупатель? Есть какие-нибудь предположения?

— Нет. Не важно, кто они — люди, драконы, духи или боги. Они платят чистым золотом. Много золота. Это все, что нам следует знать, и это все, что я хочу знать.

Костерпетрос удостоверился, что прибыл на место до наступления сумерек. Он интенсивно работал в течение недели, даже выполнял двойные нормы и в полной мере продемонстрировал свои способности. Он стал душой компании.

Костерпетрос рассказывал хорошие шутки, делился вином и интересовался даже тем, что обсуждали самые скучные ремесленники. Как-то раз он решил провести конкурс на лучшую теорию о возможности полного переноса мегалитов. Так он надеялся выяснить, кто же мог это сделать. Объединив имевшиеся знания и слухи, все решили, что это был бог, спустившийся с облаков и унесший мегалиты, чтобы разделить их на части для гигантской настольной игры.

Сейчас Костерпетрос лежал в высокой траве, накрывшись зеленым плащом. Слиток золота, уплаченного за мегалит, весил не менее сотни фунтов. Костерпетрос даже боялся, что его сумка не выдержит такой тяжести. Сотня фунтов — не шутка, но он обладал недюжинной физической силой и выносливостью. Потребуется пройти около мили по лесу, и там его ждал брат с лошадью и телегой. Костерпетрос знал, что справится. Он даже попробовал пройти это расстояние с двойным весом за плечами, поскольку хотел быть полностью уверенным. На ноги он прикрепил пару «птичьих лап», каждая из которых была в половину ярда длиной. Они изготавливались из кожи с костяными когтями. Такие приспособления оставят предупреждающие отпечатки на белом песке там, где когда-то были мегалиты.

Мегалит погрузили на деревянный поддон, надежно привязали четырьмя крепкими веревками по краям, и множеством шнурков, которые могли бы выдержать в десять раз больший вес. Деревянный блочный кран поднял камень и поместил в центр круга из чистого белого песка, предварительно выровненного и просеянного.

На западе медленно садилось солнце, на небе стали видны два лунных диска и звезды. После всех дневных споров, проклятий, обычной для работников брани и криков надзирателей рабочая площадка выглядела тревожно. Днем здесь было светло, жарко и шумно, а сейчас темно, прохладно и тихо. Костерпетрос лежал молча, затаив дыхание. Скоро что-то произойдет, скоро что-то случится. Он подумал обо

всех версиях, которые выдвигали его коллеги. Возможно, над мегалитом в воздухе разверзнется дыра, и оттуда покажется огромная когтистая рука, поднимет камень и оставит золотой слиток. Демоны же могли сами создавать такие прорехи; его брат изучал магическое искусство седьмого уровня посвящения, и он великолепно разбирался во всех деталях. Но демоны обладали хорошим слухом. Важно было не вскрикнуть от изумления или страха, если подобное существо появится.

В темноте раздался свист, и что-то на секунду затмило звезды и луны. Ураганный ветер бушевал во дворе. Затем с неба медленно спустилось некое существо, похожее на огромную летучую мышь, и село на мегалит. «Демон, не бог», — подумал Костерпетрос. Размах крыльев существа был больше, чем вся рабочая площадка, а глаза тускло мерцали фиолетовым и голубым. В челюстях существа находился гигантский крючок, а закрепленная в нем веревка тянулась в небо. Демон аккуратно прикрепил крючок к петле веревки, и на глаза Костерпетроса опустилась пелена. И брат ничем не мог помочь, так как другой громадный крылатый призрак устремился вниз к лесу, где он сидел и ждал в своей телеге. Существо изрыгнуло белое пламя и взмыло обратно в ночные небеса.

Голгравор Лассен рассматривал тело, лежавшее в высокой траве, уперев руки в бока и качая головой. Очевидно, слиток весом в сто фунтов упал с огромной высоты, поскольку он размозжил голову человека. Вокруг было все забрызгано, и парня явно застали врасплох: следов борьбы не было. Темно-зеленый плащ скрывал большую часть тела, оставляя снаружи пару больших когтистых лап. Голгравор снял плащ и решил, что тело принадлежало человеку. Поиски остальной одежды привели к обнаружению печати и свитка гильдии, по которым стало ясно: это Костерпетрос. В этот момент подошел надзиратель с той стороны, где раньше был лес, а теперь все выгорело дотла.

— Мы нашли несколько металлических креплений и раздробленные осколки дерева и костей. Они, вероятно, принадлежали телеге, лошади и вознице, — сказал он.

— Полагаю, мы нашли соучастника, — произнес Голгравор, указывая на тело.

Надзиратель взглянул на тело, на птичьи лапы и на золотой слиток. Ему потребовалось много времени, чтобы подумать и дать свой ответ.

— Когда я был ребенком, моя мать говорила мне, что если я не съем обед полностью, придет Куриный Бог и выклюет мои внутренности за бесполезную трату мяса своих подопечных. Я думал, это лишь сказка, но сейчас...

— Судя по свитку в его мешке, это был Костерпетрос, новый каменщик. Или, возможно, Костерпетрос — переодетый Куриный Бог.

Надзиратель потянул лапу с когтями. Она оторвалась. Надзиратель шумно выдохнул с облегчением.

— Ты просто не знаешь, как я рад, что лапы поддельные, — сказал он.

Голгравор махнул рукой на золотой слиток.

— Пусть сюда придет пара учеников с тележкой, чтобы забрать его, и затем смоет кровь и мозги.

— А тело?

— Обмыть и похоронить, но сначала показать констеблям.

Надзиратель бросил оторванную лапу на тело.

— А что мы им скажем? — спросил он.

Они молча стояли, рассматривая мертвеца.

— Кажется, золотой слиток пролетел целую милю и разбил ему голову, — сказал наконец Голгравор. — По-видимому, телега была превращена в пепел чем-то, что может исторгать пламя и двигать мегалиты. Судя по всему, это существо огромных размеров, способное летать и сжигать. И, похоже, ему очень не нравится, когда за ним наблюдают.

— Драконы?

— Драконы не существуют.

— Что тогда?

— Очень большие и богатые птицы, похожие на драконов.

— Птицы не могут извергать пламя.

— Ну тогда драконы.

— Но ты говоришь, драконы не существуют.

— Конечно, нет, но если бы они существовали и выяснили, что ты узнал об их существовании, то могли бы уронить золотой слиток тебе на голову.

— Но зачем драконам, которые не существуют, мегалиты весом в пять тонн?

— Не знаю. Да мне и все равно.

— Э-э, ты мне еще не сказал, что мы скажем людям.

— Скажи им, что следить за нашими клиентами очень опасно, и продемонстрируй доказательства. А сейчас заставь их пошевеливаться. Мы уже и так потратили кучу времени этим утром.

То, что «Буйная пташка» все-таки прибыла в Палион, вызвало там большое удивление. Лабиринт отмелей и скал, окружавший бухту, защищал город от гигантских волн, поднятых последним торейским штормом, и никому бы в голову не пришло выходить в такую погоду в море. Однако «Пташке» повезло. Огромная волна подхватила ее и благополучно перенесла через скалы в бурлящем и грохочущем пенном водовороте. Высота волн в гавани достигала пяти футов. Те члены экипажа, что были способны двигаться, смогли провести судно мимо внутреннего волнолома к пристани.

Через некоторое время портовые рабочие поприветствовали команду и помогли пришвартоваться. Отличительные знаки на флаге свидетельствовали о принадлежности корабля флоту Альберина с континента Скалтикар, лежащего в четырехстах милях к югу. При нормальных погодных условиях путешествие не должно было продлиться дольше недели, но оно заняло тридцать два дня из-за продолжительного шторма. Холодный дождь заливал город, порывы ветра сбивали с ног, в ушах гудело, словно завывал смертельно раненый дракон.

Специальные крюки зацепили за потрепанный фальшборт. Измученная, осунувшаяся женщина лет тридцати с бледным лицом показалась на палубе и осторожно спустилась на причал. На ее плече висела большая сумка, а одежда промокла насквозь во время шторма. Спустившись с палубы, она упала на колени и стала покрывать поцелуями сырые доски пирса. Дождь хлестал, не зная пощады, и ветер швырял в лицо брызги и какой-то мусор.

Со стороны пирса к женщине поспешил закутанный чиновник. Он протянул ей руку:

— Добро пожаловать в Палион, врата в жаркие страны, — сказал он, помогая женщине подняться. — Вы поклянетесь перед своими богами, что не обвиняетесь ни в каком преступлении, гражданском либо же государственном, в Сарголанской империи или на союзных территориях, и не везете с собой вещей ценностью свыше пяти золотых крон?

Женщина пошарила в складках своей одежды, вынула золотую крону и вложила ее в ладонь чиновника.

— Нет, — прохрипела она. Женщина говорила так, как будто ее тошнило в течение всех тридцати двух дней путешествия.

— Понятно, — ответил чиновник, доставая небольшой свиток. — Просто напишите свое имя внизу, когда появится свободное время. И имейте в виду, что вам лучше не попадать в неприятности. Кто-нибудь есть еще на борту?

— Больше никто не может двигаться.

— Ну ладно, пойду посмотрю.

В то время как чиновник торопливо поднимался на борт, женщина шла неуверенной походкой по пирсу. Какой-то юноша поспешно спустился по ступеням стены гавани и выбежал ей навстречу.

— Высокоученая старейшина? — отважился спросить он. — Высокоученая старейшина Терикель из Метрологов?

Женщина подняла голову и попыталась сфокусировать на нем взгляд. Красноватые, с кровавыми прожилками глаза посмотрели на юношу.

— Да, — выдохнула она с хрипом.

— Высокоученая ректор Феодореан послала меня поприветствовать вас, — объяснил юноша. — Она сожалеет, что не может быть здесь лично в своем собственном лице, так сказать, ха-ха.

На его попытку пошутить женщина никак не отреагировала. Или она не поняла его, или не заметила шутки совсем.

— Она сожалеет не больше, чем я, пустившись в путешествие и оказавшись здесь лично, — сквозь зубы процедила Терикель.

— Недавно убили императора, поэтому услуги ректора Феодореан очень востребованы при дворе.

— Повезло императору, — пробормотала старейшина.

— О, госпожа! — воскликнул юноша. — Смерть нашего императора — большое несчастье для всех нас.

— Молодой человек, тридцать дней назад я чуть было не умерла в мешанине из волн, порывов ветра, брызг, сырости, толчков, падений, шатающейся палубы, рвоты и криков: «Качайте, уроды, качайте воду!» Я не знаю, почему я не покончила жизнь самоубийством в первый же день.

— Но такова жизнь на корабле, госпожа. Мне тоже приходилось бывать в море...

— А твой корабль когда-нибудь взлетал в воздух по милости волн и ветра?

Юноша сглотнул.

— Нет, конечно, — признался он.

— Вот так-то. Я сбилась со счета, сколько их было всего, после десятого прыжка в воздух. — Она остановилась и прислонилась к столбу, устраиваясь поудобнее. — Я никогда не верила в любовь с первого взгляда, пока не увидела этот пирс.

— Но почему вы покинули Скалтикар?

— Для начала, чтобы увидеть твою госпожу. Как тебя зовут?

— Ох! Мои искренние извинения за то, что не представился. Я оцепенел, увидев ваше состояние...

— Как тебя зовут? — повторила Терикель.

— Брайнар, Брайнар! Брайнар Бульсарос, действующий глава студенческого совета Академии Эфирных Искусств Палиона. Мы называем ее «А-три», когда...

— Знаю, знаю, когда хотите произвести впечатление на девушек в тавернах, еще называете «Аррр», когда вы пьяны, и «Аххх», когда засыпаете на скучных лекциях. Теперь отведи-ка меня в купальню Академии. Будь добр, возьми мои вещи. Пока я привожу себя в порядок, ты сожжешь их.

— Сжечь, госпожа? — выдохнул юноша.

— К тому времени, как даже самая старательная прачка выбьет из них запах рвотного зловония, я уже умру от старости. Проверь мои вещи, там где-то должна быть запасная одежда, завернутая в вощеную бумагу и кожу.

Прямо за ними, на палубе «Буйной пташки», чиновник три раза взмахнул руками крест-накрест. Это означало, во-первых, проверить ее свиток выгрузки, во-вторых, арестовать судно, и, в-третьих, изъять все, что на нем было. Когда старейшина и Брайнар подошли к концу пирса, из здания с надписью «Таможня, акцизы и передвижения чужеземцев» появились второй чиновник и двое охранников. Они преградили им дорогу.

— Именем наследного принца приказываю вам остановиться и объявить... — начал чиновник.

Он не закончил. Терикель, сложив ладонь в форме чашки, поднесла ее ко рту и что-то зашептала. Тут же к ногам чиновника обрушился шквал огненных брызг, и раздался оглушительный взрыв. Мужчина отлетел на несколько ярдов вместе с обломками камня мостовой. Охранники упали на колени и, перепуганные насмерть, попытались спрятаться друг за друга. Чиновник попробовал подняться, но, встав на колени, почувствовал резкую боль.

— Высокоученая старейшина Терикель Эример из Метрологов, — прорычала единственная из пассажиров «Буйной пташки», способная двигаться самостоятельно, — прибыла из Альберина, столицы Северного Скалтикара.

— Я, я, я... э-э... очарован, — пробормотал чиновник.

— Тот клоун, который встретил меня у корабля, взял в качестве платы за высадку золотую крону и сказал, что вы дадите положенный по закону свиток, запишите мое имя в регистре прибытия и предоставите взамен сорок семь серебряных вассалов.

— Да?

— Было бы очень неплохо так и сделать, — предостерегающе сказал Брайнар.

Через две минуты старейшина Эример вышла из здания с надписью «Таможня, акцизы и передвижения чужеземцев», держа в руках необходимый свиток и маленькую сумку, наполненную серебром, с удовлетворением осознавая, что ее имя теперь официально записано в портовом регистре. Она также потребовала вознаграждения в десять серебряных вассалов за то, что рассказала о произошедшем на пирсе.

— Если и есть что-то, чего я терпеть не могу, так это бессовестные чиновники, которые получают деньги и не выполняют свои обязанности, — пробормотала она, поднимаясь по ступенькам стены гавани.

— Да, это нарушает принципы этой новой торговой политики, о которой все говорят, — сказал Брайнар.

Вскоре они поднялись на стену и оказались в центре порта. Мимо них прошло несколько людей, спешащих посмотреть своими глазами на самый большой корабль, прибывший за последний месяц.

— Ну и как путешествие? Захватывающее, говорите? — поинтересовался Брайнар, пока они шли, укрывшись его дождевиком.

— Если ты считаешь волны высотой в триста футов захватывающими, то да,— ответила Терикель.

— Конечно, нет! — воскликнул студент. Он подумал, что старейшина шутит, однако сам не рискнул засмеяться.

— Глава студенческого совета Брайнар из «А-три», вода в здешнее море поступает из Оксиданического океана, и в проливе Страха между Скалтикаром и Акремой на-

блюдается очень сильное течение. Спустя год почти непрекращающихся торейских бурь вода находится в состоянии невероятного волнения. Пройдя устье пролива, через три дня я увидела гигантские волны над вершиной Сидрагона. А та гора не менее трехсот фунтов в вышину, это точно. На четырнадцатый день вода в проливе немного успокоилась, волны достигали лишь ста фунтов. Мы так быстро вошли в Плакидианский океан, что незаметно миновали Мальдеринские острова. Мне бы очень хотелось остановиться там, но, по мнению капитана, если бы мы задержались, чтобы пополнить запасы продовольствия, убедить моряков вернуться на борт снова было бы невозможно. Все без устали твердили о неминуемой гибели корабля, только один член экипажа не потерял присутствия духа, и он погиб на пятый день. На него упало бревно.

— Но, по крайней мере, вы выжили.

— Вероятно потому, что я твердила о гибели корабля.

Когда они пришли к храму академии, Терикель отправилась на кухню, вынула не до конца пропеченный хлеб из печи и стала его есть, с набитым ртом объясняя, что по пути из Альберина все время мечтала о теплой, сухой, и, главное, несоленой пище. Потом она приняла горячую ванну с подносом, полным пирогов и горячего чая, плавающим в мыльной воде.

Брайнар распаковал мокрую сумку Терикель, в то время как она наблюдала за ним. Он вынул все, что там было, и положил отдельно запечатанный пакет и сухую одежду. Кроме того, обнаружился запечатанный цилиндр из вощеной бумаги с именем Феодореан на нем.

— Наверно, моя запасная одежда и бумаги были единственными сухими вещами на «Буйной пташке», — сказала Терикель. — Отнеси бумаги высокоученой Феодореан. Немедленно. Мне нужно отдохнуть... Дай мне знать... когда она их прочитает.

Выйдя из спальни, Брайнар велел горничной следить, чтобы старейшина не утонула в ванной, если вдруг заснет.

— Эти бумаги, должно быть, очень важны, если ради них она прошла через такой кошмар, — заметила девушка.

— Я не понимаю, почему Терикель не послала наемного курьера, или даже почтовую птицу-посланника, — сказал Брайнар, затем добавил:

— Если только это не что-то необыкновенно важное.

Через час Феодореан вернулась из дворца и увидела Брайнара, принесшего бумаги старейшины.

— Как высокоученая Терикель? — поинтересовалась глава Академии.

— Измучена, истерзана, истощена и промерзла до костей, — ответил Брайнар. — Она говорила о волнах высотой в триста фунтов, о торейских бурях и о ветрах, носящих «Буйную пташку» по воздуху.

— Ах, бедняжка. Ей никогда не везло с морскими путешествиями. А что же такое важное заставило ее отправиться в путь?

Брайнар протянул ей бумаги. Пробежав глазами несколько строк, Феодореан выронила их из рук и стала тереть виски.

— Плохие новости, госпожа? — спросил юноша.

— Молодой человек, это послание определяет абсолютно новые границы понятия «плохие новости». Старейшина из Метрологов здесь, чтобы остановить процесс создания эфирного механизма — Стены Драконов.

Каменная кладка Логьяр была закончена последней из семнадцати. Причина оказалась проста: ветер. Место находилось на пойменных землях в миле от побережья, и хотя камни закрывала гора, защищая от ветров, дующих преимущественно с запада, это не могло не сказаться. Те, кто принес сюда мегалиты, передвигались по воздуху, и потому штормовая погода для них являлась определенным препятствием.

Вальтазар постоянно следил за доставкой мегалитов. Их доставляли с расстояния примерно в тридцать миль от каменной кладки Логъяр в хорошо защищенной долину, жителей которой пришлось заставить уйти. Пожилой, но не утративший сил маг ждал возле огромной повозки весом в двенадцать тонн. Ее привезли сюда сто быков, понукаемые пятьюдесятью погонщиками. Сейчас они расположились в пяти милях отсюда и ожидали сигнала.

Пока Вальтазар укладывался в установленные сроки, но Сергаль догонял его, набирая все новых магов. Вальтазар понимал, что тот, кто закончит первым, получит звание хранителя каменной кладки Логъяр, а Астеншаль уже решил: только посвященный тринадцатого уровня может претендовать на подобное место. Хранитель будет восседать на семнадцатом мегалите, когда воссоздадут Стену Драконов. Вальтазар очень заинтересовался ее историей, или легендой, смотря как назвать. Легенда о первоначальной Стене Драконов состояла в том, что прежний хранитель, построивший ее, каким-то образом разрушил мегалиты и не дал возможности другим стать богами. Поэтому было бы очень неплохо сделаться хранителем, когда Стена Драконов будет восстановлена.

Ночное небо затянули облака, но это было даже к лучшему, поскольку те, кто доставлял камни, не хотели привлекать внимания. Маг еще раз наведался к повозке, проверяя, хорошо ли закреплены на каждом колесе массивные тормозные устройства. Пока он осматривал правое переднее колесо, подул сильный ветер, ставший вскоре ураганным.

Вальтазар посмотрел вверх. Темнота перед повозкой уже не казалась непроглядной, в ней можно было разглядеть что-то огромное с гигантскими крыльями и длинной шеей. Существо парило на крыльях, когда Вальтазар вышел навстречу и низко поклонился.

— Последний из наших даров вам, смертные маги, — раздался голос сверху.

Повисла тишина, нарушаемая скрипом повозки, когда на нее клали очень тяжелый груз. Вальтазар знал: лучше даже и не пытаться смотреть. Было слишком темно и почти ничего не видно. Но если бы Вальтазар хотя бы мельком увидел то, что не предназначалось для его глаз, жизнь его оборвалась бы в тот же самый момент, и, возможно, он даже не успел бы осмыслить прожитые годы перед смертью.

— От имени все магов в Акреме, Лемтасе и Скалтикаре — огромная благодарность! — сказал Вальтазар резким, нервным голосом, хотя он хотел произнести слова торжественно, как и подобает говорить от имени всех магов трех континентов в случае, подобном этому.

— Освободи крюк, — потребовало существо.

Подойдя к повозке, Вальтазар влез по ступенькам на поддон, затем медленно вскарабкался по веревке и взялся за сеть, окутывавшую мегалит. Ему было восемьдесят два года, и потому маг не мог двигаться слишком быстро. Он с радостью поручал многие задания колдунам низшего уровня посвящения, но не те, что касались славы. Никто не знал, с кем он встречается по ночам, и даже сам Вальтазар не знал, кто же его покровители. Но вряд ли кто-то знал больше, чем он, и это очень высоко поднимало его в глазах других.

Вот уже в семнадцатый раз Вальтазар отцеплял крюк, прикрепленный к веревке, свисающей с неба. В нем двигались какие-то огромные существа, звук от взмахов их крыльев гулко отдавался в ушах. Очевидно, они могли видеть в темноте: освобожденный крюк тут же взмыл в небо. «Ууууушшш, ууушшш, ууушшш», — шум двигающихся крыльев постепенно затихал, пока не наступила тишина.

— Можно мне поблагодарить всех... — Вальтазар поймал себя на мысли, что хочет сказать «драконов». — Всех других существ за обработку и доставку мегалитов?

Это оказался непростой момент. Являясь магом высокого уровня, он великолепно понимал, как обидчивы прозрачные драконы. А ведь это были именно они.

— Другим существам не нужна ваша благодарность, — прогремел откуда-то голос, заставивший мага содрогнуться. — И мне тоже.

— Понятно. Ну... э-э... Мы не подведем вас.

— Надеюсь, нет. У нас появилось много трудностей, когда мы обеспечивали вас необходимым для этого эфирного механизма. Теперь вы нам должны.

— Маги каменной кладки Логьяр отличаются высокой степенью ответственности. Это в других местах колдуны могут подвести. В Альпенниен — нет...

— Все вы так говорите, смертные. Предпочитаете видеть своих соперников униженными и это для вас важнее, чем достижение цели.

— Вовсе нет, Ваша Милость. У нас дружественные отношения с магами из Альпенниен, мы не враги. Надеемся, они не подведут, просто не очень им доверяем.

— Один подведет — подведут все. Стена Драконов не будет воздвигнута. Если это случится, вы все проиграете, и мы тоже. Если мы проиграем, то очень рассердимся. Эти торейские бури ужасно нам мешают. Я предупреждаю тебя, не пытайся разрушить другие каменные кладки и делать дураков из тех, кто пришелся тебе не по душе. Будь готов, когда Лупан, проходя по поверхности Мираля, подаст знак магам во всем мире. Тогда Стена Драконов должна быть возрождена, и опоясать полмира, от одного полюса до другого.

Крылья начали работать, но Вальтазар крепко держался за веревочную сеть на мегалите. Первый взмах огромных крыльев был подобен ураганному порыву ветра, который осыпал Вальтазара грудой булыжников, принес с собой облака пыли и почти оторвал его от камня. Но второй раз крылья взмахнули уже далеко.

Наконец маг остался наедине с мегалитом. Он медленно спустился на землю. Подушечки пальцев горели, и это заставило его вспомнить о сигнальном костре. Он уже складывал его, но из-за взмахов огромных крыльев хворост разлетелся

так далеко, что на сбор потребовалось около часа. Наконец можно было разводить огонь. На растопку пошли веревки, привязанные к колышкам палаток. Маг прикинул, долго ли будет разгораться сложенная им куча веток. Пламя занялось сразу, и вскоре запылал яркий огонь.

На расстоянии нескольких миль дозорный заметил свет сигнального костра и три раза подул в свой свисток. Погонщики быков привели в движение свое стадо, но впереди на лошадях ехали всадники, которые направлялись к мегалиту, чтобы привязать его к повозке. Между всадниками и быками шли люди с цветами и с фонарями.

Приблизительно через три часа быки были у повозки, и всего через несколько минут их впрягли в нее. Им предстояло проделать путь длиной в тридцать миль — к каменной кладке. К тому времени всадники прочно привязали мегалит к повозке. Рядом ждал, выстроившись в колонны, конный эскорт. Все держали в руках факелы. Повозку украсили свежими цветами. Даже к факелам привязали букеты. На быках также было праздничное убранство, а их погонщики несли факелы.

— Не понимаю, что за суматоха, — сказал Гарко, один из посвященных двенадцатого уровня, сидевший вместе с другими посвященными двенадцатого уровня вокруг мегалита. — Первые двадцать миль нам никто не встретится, ну разве что случайный пастух.

— Вальтазар любит парады, — мрачно заметил Сергаль. — Мы, истинные маги, скрываемся в тени, в своих комнатах, башнях и уединенных местах, изучая заклинания. Высокоученому Вальтазару нравится, когда люди осознают его значимость. Он не истинный маг.

— Возможно, мы еще и опоздаем, — добавила Ландир, которую высоко ценили маги всех каменных кладок за ее искушенность в таинствах магии. — Каменную кладку Логьяр нужно закончить последней, и, кажется, мы не успеваем. Вот так Вальтазар и выставит нас не в лучшем свете.

— Но мы действительно не успеваем, — сказал Гарко. — Здесь была куча земли, которую потребовалось убрать. На это ушло много времени и сил.

— Звучит как обычные оправдания, — заметила Ландир.

— Не обычные, а обоснованные оправдания, — ответил Гарко. — Сильные ветра и торейские бури тоже помешали... ну, доставить мегалиты.

— Вальтазару не нужны оправдания, он обратит их в свою пользу. Этот парад продемонстрирует людям, что мы должны были оказаться последними, поскольку имеем слишком большое значение. Ведь тысячи людей сидели на стенах Логьяра и смотрели на наши раскопки!

— Налейте пива и раздайте пироги с ореховым маслом всем, у кого есть корзина цветов, чтобы бросить нам под ноги! — велел Сергаль.

— За счет Вальтазара, — скромно добавила Ландир.

— Ученые господа, можно задать непростой вопрос? — спросил Сергаль.

Его двое спутников в знак согласия кивнули головой.

— Почему возводят Стену Драконов?

— Чтобы ослабить мощь торейских бурь, — ответила Ландир.

— Да, Астеншаль прибыл ко мне месяц спустя после начала торейских штормов. Скажи-ка, как Астеншаль мог осмотреть шестнадцать из семнадцати кладок, протянувшихся почти на полмира, за такое короткое время? Вспомни, каменную кладку Логьяр нужно было исследовать последней, что и случилось уже через месяц после начала бурь.

— Очевидно, помогли прозрачные драконы, — предположила Ландир, перейдя на шепот. — Они могут пролететь от одной стены до другой за считанные дни.

— Получается, что большую часть осмотрели прозрачные драконы, они же обработали и принесли мегалиты. Возможно, именно они подали саму идею Астеншалю. Из этого следует: механизм Стены Драконов готовились восстановить задолго до начала торейских бурь.

— Если все так, тогда у прозрачных драконов на уме вовсе не укрощение ураганов, — подвела итог Ландир.

— Вот эта мысль и беспокоит меня, — кивнул Сергаль.

Процессия, сопровождавшая последний мегалит, двигалась очень, очень медленно. К тому времени, как затянувшееся облаками небо осветили первые лучи солнца, она продвинулась всего на десять миль и остановилась, чтобы поменять факелы, освежить украшения из цветов, позавтракать и накормить лошадей и быков. Поскольку главный посвященный каменной кладки Логьяр хотел сохранить торжественность и ничего не делал наспех, кормить лошадей и быков на ходу запрещалось. Все остановились, чтобы перекусить, и появилась возможность немного отдохнуть. Спали и ели до полудня. И люди, и животные были довольны, как и Вальтазар. Если двигаться в том же темпе, до города Логьяр можно добраться часа через два после захода солнца. Факелы будут гореть ярко, и все внимание будет привлечено к процессии.

Во второй половине дня все были охвачены волнением и чувством предвкушения. Жители близлежащих деревень, уже видевшие остальные шестнадцать мегалитов и прежде не придававшие им особого значения, теперь прекращали работу, когда огромная каменная глыба с грохотом проезжала мимо них на гигантской украшенной повозке. Люди громко приветствовали процессию и кидали цветы и зелень. Некоторые из сопровождения успевали заскочить в таверны, а Вальтазар устроил небольшой фейерверк, чтобы произвести впечатление и развлечь селян. На закате солнца факелы зажгли вновь, но на сей раз задержка была не более чем на час.

Проведя в пути еще примерно два часа, они подошли к границе городских стен. Остановившись у ворот, они увидели правителя княжества Кейпфанг, гарцующего на белом коне.

Он произнес несколько комплиментов в адрес Вальтазара, затем подъехал к погонщикам быков, и сказал, что они могут проезжать. Подобно Вальтазару, правитель был убежден в своей значительности и не упускал возможности появиться на торжественных событиях, для которых всегда выбирал белого коня и белый плащ, чтобы его было хорошо видно ночью. Его придворный алхимик даже создал особый раствор, которым смачивался факел, чтобы тот горел мерцающим сине-зеленым пламенем.

Сначала Вальтазару польстило присутствие правителя, но потом стало раздражать: почему кому-то должна достаться его слава? Однако Вальтазар улыбался и махал рукой в ответ на приветственные крики людей, видящих в эфирном механизме обычную стройку, а парад считавших всего лишь альтернативой сидению дома и раздумыванию, не пойти ли уже спать. Лепестки цветов в основном ложились к ногам правителя, и это не давало покоя старому магу, всматривавшемуся в фигуру в белом, горделиво сидящую в седле.

— Чтоб ты провалился в ад, — пробормотал Вальтазар.

Внезапно дорога превратилась в широкую, ярдов в сто, яму, откуда вырывалось пламя. Около шестидесяти быков провалились туда и потянули за собой остальных вместе с повозкой. Правитель Кейпфанга и его конь тоже рухнули в огненную бездну. Начали рушиться городские стены, оседая и падая в яму, а с ними и тысячи зевак оказались в западне.

Вальтазар вскочил на ноги и обнаружил, что его посвященные двенадцатого уровня в спешке покидают накренившуюся повозку.

— Нет! Нельзя! — пронзительно закричал маг, и сам понял бесполезность своих слов.

На расстоянии около десяти ярдов от края ямы Вальтазар схватился за почти незаметный деревянный рычажок и потянул изо всей силы на себя. Что-то щелкнуло, и высвободилось железное крепление — посредством него упряжка быков кре-

пилась к повозке. Выпали четыре железных штыря и зажали колеса. Повозка замерла в ярде от края ямы, и в этот момент обрушилась часть городской стены и погребла под собой оставшихся быков.

Последующие расследования показали, что под дорогой был глубокий туннель, прокопанный во время осады около трехсот лет назад. Осада закончилась, когда голодные жители восстали против своей собственной стражи, убили разжиревших правителей и распахнули городские ворота для врага. Посчитав, что на засыпание огромного туннеля потребуется много денег, завоеватели Логьяра решили просто завалить землей вход. А свод по-прежнему опирался на столбы и балки. Устройство построили так, что все обрушивалось, стоило потянуть за специальный трос, но, поскольку вход перекрыли, этого не должно было случиться. Завоеватели не только завалили вход, но и соорудили над ним памятник, чтобы увековечить свою доблестную победу.

Народными героями в одночасье не становятся. Несколько баллад пережили около трех тысячелетий в тавернах Логьяра. В них рассказывалось о гигантской пещере, найденной под дорогой за западной стеной города. Некто послушал баллады, потом снял домик возле городских стен и раскопал яму, где, по его расчетам, должен был проходить туннель. Кто бы ни затеял это дело, у него хватило ума исчезнуть, как только все стало рушиться, и чиновникам пришлось довольствоваться казнью владельца домика. Торговцы, обосновавшиеся на рынках Логьяра, обнаружили, что дельцами, связанными с другими государствами, было приобретено количество зажигательного масла, вполне достаточное для ведения войны. Удалось поймать нескольких посредников, которых подвергли пыткам, но сами заказчики ускользнули от закона.

Тем временем мегалит провезли окольными путями по улицам Логьяра, затем вывезли через южные ворота города и отправили к каменной кладке по дороге на побережье. Теперь люди держались как можно дальше от процессии. Повозку толкала тысяча рабочих, и шедшие впереди несли украшения из цветов и виноградных листьев, хотя никто не смотрел на них, кроме городской стражи, сопровождавшей процессию на безопасном, по ее мнению, расстоянии. Наместник правителя наблюдал за ними с высоких стен дворца, окруженный придворными, потягивающими хмельной мед в надежде стать свидетелями очередного спектакля. Но ничего такого не произошло. С небольшим опозданием мегалит прибыл в целости и сохранности к каменной кладке и был установлен на место.

Вальтазар не находил себе места из-за произошедшего. Он вернулся в свой шатер, попросил кубок вина, проверил убытки от несчастного случая и обнаружил, что богиня Удачи, похоже, очень любит мегалиты. Никто из высших посвященных не погиб, камень остался неповрежденным, и была надежда восстановить каменную кладку Логьяр за час до начала движения Лупана. Единственное, что тревожило Вальтазара — это цель произошедшего события: семнадцатый мегалит. Он был слишком большим и тяжелым, чтобы его украсть, слишком прочным и твердым, чтобы повредить и слишком маленьким, чтобы обстрелять из осадных орудий. Хотя если уронить его в глубокую яму и сбросить сверху часть стен Логьяра, вряд ли он бы остался в хорошем состоянии. О двух тысячах людей, погибших под обвалившимися стенами, Вальтазар даже не вспомнил. Всего лишь зеваки. Вальтазара заботило лишь, чтобы все видели, как он спасает мир.

Не объявив о своем прибытии, Астеншаль внезапно вошел в шатер. Вальтазар склонился в поклоне так быстро, как только мог человек, которому исполнилось восемьдесят два года. Он не знал, что поблизости находился посвященный четырнадцатого уровня.

— Высокоученый господин! — воскликнул Вальтазар, собираясь с мыслями по ходу дела. — Меня не предупредили о вашем прибытии.

— И не надо было, — ответил Астеншаль. — Соберите посвященных двенадцатого уровня, высокоученый Вальтазар. Четверо из вас станут посвященными тринадцатого уровня, и среди этих четырех вы займете место хранителя каменной кладки Логьяра.

Эндри Теннонер спустился на землю с корабля «Буйная пташка» и быстро зашагал к пирсу, со свернутой сумкой на плече и сорока семью серебряными ноблями в мешочке под туникой. На корабле он был закован в кандалы, но ему удалось открыть замок и освободиться. Эндри сделал отметку о своем освобождении в регистре наказаний, принес на палубу и показал офицеру, несшему вахту. Тот не умел читать, но предположил, что Эндри не умеет писать. Однако ему хотелось показать, что он умеет читать, а потому он пытался прочесть то, что как Эндри сказал, было написано.

Когда моряки покинули корабль, Эндри также не стал там оставаться. Худой, высокий и широкоплечий, с всклокоченными волосами и отросшей за тридцать два дня бородой, одетый в кожаную куртку до колен и моряцкие сапоги, за поясом торчит легкий топор, на рукоятке которого красуется змей с высунутым языком — таким Теннонер появился у пропускного пункта таможни.

— Ну что там? — спросил служащий с бинтом на лбу.

— Три корабельных покрывала, корабельный топор, лобзик, стамеска, гарпун, ненужная на корабле туника и брюки, а также нож, заточенный о сломанный палубный коловорот.

— Заставили пойти в плавание?

— Ну да.

— Деньги есть?

— Четырнадцать серебряных ноблей.

— Что? У других было по пять золотых крон.

— Ну да, я потратился немного.

— На что?

— Ну штраф за ночь в хранилище капитанского спиртного, штраф за то, что помочился с такелажа, штраф за драку с портовым детиной, штраф за...

— Постарайся держать себя в руках в Палионе, — посоветовал таможенник. — Наказаниям подвергался?

— Ага. За несоблюдение субординации и попытку к бегству.

— Несоблюдение субординации? Бегство?

— Ну да. Капитан вынудил. На Мальдеринских островах я избил его и попытался выпрыгнуть за борт, надеясь доплыть до побережья.

— Наказание за нанесение телесных повреждений капитану — смерть в течение двадцати четырех часов после преступления.

— Ну это да, но я был единственным плотником на борту.

Таможенник сцепил руки, и, поднеся их ко рту, скривил губы. Таким была его реакция на рассказ о путешествии моряка из Скалтикара. Для любого, находящегося на борту, оно было невыносимым, включая колдунью — виновницу появления огромной дыры в мостовой и еще большей дыры в его уверенности в себе. Таможенник бросил Эндри медную монету:

— Добро пожаловать в Палион. Выпей за «Таможню, акцизы и передвижения чужеземцев», — сказал он, выписывая визу моряка для Эндри. — А теперь забирай визу и проваливай.

Эндри направился к близлежащей таверне, где часть экипажа «Буйной пташки» уже хорошенько набралась. В камине горел огонь, и около моряков вилось дюжины две женщин, помогая им потратить деньги. Он был удивлен, увидев ста-

рого капитана в углу возле камина, курящего длинную трубку и не обращающего внимания на шум вокруг него. Эндри подошел к стойке бара и облокотился на нее.

— Эй, можно мне пинту янтаря? — сказал он трактирщика на разговорном диомеданском — языке торговли в портах Плакидианского океана.

— Янтаря? — переспросил сарголанец.

— Да, янтаря. Его разливают в бочки, а потом пьют.

— Ты имеешь в виду сэнди? Это пиво.

— Ну да. Налей пинту. Попробую.

Эндри сделал глоток сэнди и уже потянулся к кружке снова, как вдруг увидел позади старого капитана, прислонившегося к стойке.

— Пинту сэнди, — потребовал он. Тут же перед ним возникла высокая пивная кружка.

— Знаешь, ничто не сравнится с путешествием по возможности расширить кругозор, — произнес Эндри. — Вот я тут всего пять минут, а уже узнал, что янтарь — это сэнди.

— Я думал, ты еще в кандалах, — ответил старый капитан вялым и безжизненным голосом.

— Ну, знаешь ли. Когда проверили регистр наказаний, Зонник решил, что мне пора на свободу.

— Но тебя вычеркивают из регистра, только если ты уже отбыл наказание.

— Да ну? — удивился Эндри. — Значит, Зонник меня с кем-то перепутал.

— Парень, ты быстр, как крыса в канализационной трубе, — засмеялся моряк. — Однако ты хорошо управлялся на «Буйной пташке». Если бы не ты, нас бы тут не было.

— Ага, это точно, — заулыбался Эндри, толкая его локтем в ребро. — Если бы не ты, меня бы тут не было!

— И тебе еще нужно доставить нас обратно.

— Это подразумевает, что я захочу отправиться обратно, — сказал, подмигнув, Эндри. — Мать далеко, братьев нет, сестры не кричат на меня, деньги есть... Эй, парень, еще две пинты сэнди!

— А девушки у тебя в Альберине не осталось?

— Какая альберинская девушка посмотрит на Эндри Тенонера? Знаешь, мне тут нравится, вот что.

— Ну, я называю Альберин домом, и вернуться обратно можно лишь на «Буйной пташке», — вздохнул старый капитан. — Она почти единственный здесь крупный корабль. Слишком много моряков отправилось в плавание во время первых торейских бурь. Плавания приносили огромные доходы, ведь кораблей осталось мало после войны. Чем меньше кораблей — тем больше доходы. Золото манило моряков в путь.

— Мы тоже поддались этому соблазну.

— И да, и нет. Мы везли много меха и масла — этого количества хватило бы на выкуп самого альберинского наследного принца. Если бы, конечно, кто-нибудь взял его в плен. Но с нами плыла также и высокоученая старейшина из Метрологов.

— А зачем она отправилась в путь? И вообще, кто она?

— Ты слышал о торейских бурях?

— О да, только выбрался из них. Тридцать два дня мотался.

— Я имею в виду, ты слышал, как они начались? Эндри, можешь себе представить, что эти бури продолжаются все время, и погода ни разу не менялась? Ты должен знать о Торее.

— Ну да, большой остров далеко отсюда. Какой-то колдун поджег его...

— Когда-то Торея была материком, по величине равным Скалтикару. Колдовское оружие под названием Серебряная Смерть вырвалось из-под контроля и расплавило всю округу до камней. Это походило на... Ну, подойди и глянь.

Эндри обошел стойку и приблизился к огню. Моряк взял его пивную кружку и поставил на край каминной полки. Затем вытащил ножом большой тлеющий уголь. Очень ос-

торожно удерживая уголь на лезвии, старый капитан уронил его в сэнди. В кружке забурлило и зашипело, и пошла коричневого цвета пена. Некоторые из сидевших рядом захлопали и засвистели.

— Колдовскую жару, растопившую Торею, принес ветер, и все, как сумасшедшие, попрыгали в море. Многие маги пытаются как-нибудь остановить торейские бури. Поэтому они и решили восстановить то, что называется Стеной Драконов. Я не волшебник, но я стараюсь помочь. Я сам решился на путешествие. Старейшина как-то связана со Стеной Драконов. Вот так мы на «Буйной пташке» оказались здесь.

— Э-э-э, капитан, ну вы молодцы, — только и мог промолвить Эндри.

— Давай выпьем за это. Эй, еще две пинты.

— А ты смелый. Рассказываешь мне такие вещи. Я ведь мог бы оказаться шпионом.

— Ха-ха, мне надо с кем-нибудь поговорить. Знаешь, я полностью уверен, ты скоро напьешься и вряд ли многое вспомнишь из того, что я тут наговорил.

— Такое ощущение, что ты не простой моряк.

— Все мы не простые моряки.

— Как это?

— Мы — всего лишь инструменты различных организаций, преследующих определенные цели. Некоторым нравится идея непрерывности бурь: они провоцируют хаос и способствуют разрушению прежних устоев. Многие хотят прекращения ураганов, но пара материковых королевств предпочитает немного помедлить. Народу, живущему на побережье, нужно меньше ветра и больше дождя, иначе высохнут пастбища и пропадут урожаи. Это значит, что спрос на рыбу возрастет.

Они пили, капитан и Эндри, пинту за пинтой. Моряк угощал всех вокруг. И все время говорил:

— Ну ведь есть еще маги. Ну должны же они... ну... сделать что-то... волшебное... заставить Стену Драконов рабо-

тать. Тысячи магов, все они могут собраться вместе в местах, называемых каменными кладками. Стать богами, повелевать ветрами.

— Ах да, боги повелевают ветрами, — согласился Эндри. — Это известно каждому.

— Они заставят действовать Стену Драконов, а она... будет контролировать ветра. Остановит торейские бури.

— А та старейшина, она же среди них, да?

— Да, но странная она. Родом она из Тореи.

— Тореи? С уничтоженного материка? Эй, парень, еще две пинты. Нет, капитан, руки прочь от кружки, сейчас моя очередь. В следующий раз пущу по кругу.

Трактирщик и официантка бросились исполнять заказ. Вокруг стали собираться желающие бесплатно выпить. Эндри повернулся к старому капитану:

— Большая проблема — торейские бури.

— Мы столь ничтожны по сравнению с этой проблемой, Эндри, — сказал моряк. — Почему нас так волнует это?

— Э-э... скажи мне.

— Да я имею в виду, я не знаю, почему это нас волнует.

— Ну тогда не волнуйся.

— Давай найдем пару шлюх и напьемся.

— Шлюх? — повторил Эндри, думая о последствиях, к которым может все это привести, если мать узнает о приключениях сына.

— Именно, шлюх. Они выпьют с тобой, ты потратишь на них деньги, затем они снимут с себя одежду и пойдут с тобой в постель.

— Ну а потом?

— Поиграете в делание детей.

— О, правда... А потом?

— Как только ты заснешь, они улизнут, прихватив из твоего кошелька то, что осталось!

Моряк громко засмеялся и подбросил горсть серебряных ноблей в воздух. Несколько девушек и пьяных кинулись их ловить. Старый капитан положил Эндри руку на плечо.

— Тебе нужна шлюха, — заявил он. — Это приказ.

Эндри сглотнул. Девушка. Девушка на одну ночь. Он никогда прежде не спал с женщиной. Эндри даже не был уверен, знает ли, что делать, однако много слышал об этом в бесконечных разговорах в тавернах, на верфях, баржах, кораблях и во время ночных гулянок на улицах. А мать находилась далеко отсюда. Не менее важно и то, что он так далеко от Альберина и своих друзей, так что никто не узнает, если он сделает какую-нибудь глупость.

К этому времени несколько девушек окружило их. Эндри подумал, что неплохо бы тоже подбросить серебро в воздух. Он порылся в поисках своего кошелька, но ничего не нашел. Он оглянулся на моряка, который вытащил серебряный нобль из подозрительно знакомого мешочка и прижал к телу хихикающей девушки, сидевшей у него на коленях. Внезапно осознав, что сейчас произойдет, Эндри залпом осушил пинту сэнди.

— Тебе придется рассчитаться за все, иначе у тебя будут проблемы, — громко сказал трактирщик.

Но Эндри не мог заплатить, и потому на него тут же накинулись, избили и выкинули вон. Через несколько минут ему вслед выкинули его мешок и топор. Остальные инструменты остались в таверне.

— Заберешь их, когда расплатишься! — закричал трактирщик, хлопая дверью.

— Грабеж среди белого дня! — заорал Эндри, колотя в закрытую дверь.

Спустя минуту он обнаружил, что несколько серебряных ноблей выпали из штанов и завалились в сапоги. Он выбрался из грязи, отряхнулся и пошел искать следующую таверну. Ведь его мать была далеко.

Представители высшего общества Палиона, ректор Феодореан и старейшина Терикель потягивали из хрустальных бокалов холодное вино «Волосы Ангела» 3129 года, лежа

на шелковых диванных подушках перед камином, сложенным из черного камня в форме пасти морского дракона. Терикель наливала себе намного больше, чем ректор.

— Совет Стены Драконов попросил меня отправиться в путешествие к каменной кладке Альпенниена, — объясняла ректор. — Явился сам высокоученый Сергаль и стал меня убеждать. Я сказала, что я слишком стара для подобных испытаний. Три недели трястись в коляске по грязным дорогам, а потом эксперименты, требующие огромных сил? Не для меня.

— По сравнению с моей дорогой из Скалтикара это звучит просто роскошно, — ответила Терикель.

— Ты меня не понимаешь, — сказала Феодореан. — Я бы лучше добровольно приняла участие в ежемесячном конкурсе на звание лучшей портовой шлюхи месяца. И, кстати, почему ты все-таки хочешь остановить возведение Стены Драконов?

— Я кое-что подсчитала, основываясь на наблюдениях других Метрологов. Строительство Стены Драконов — вовсе не необходимая мера, наоборот, она опасна.

— Конкурс на звание лучшей портовой шлюхи месяца тоже не является необходимостью. Но если попробуешь его отменить, навлечешь на себя гнев толпы.

— Но Стена Драконов опасна! Торейские бури сильны как никогда. Очень медленно они начинают утихать. Все, что может сделать Стена Драконов — это собрать энергию ветра и превратить ее в эфирную энергию. Подобная энергия должна где-то храниться, и ведь ее можно использовать для величайших злодеяний. Вот представь: твой подвал затопило водой. Приходит умный маг. Он говорит, что превратит воду в пиво, тогда ты сможешь написать «бесплатное пиво» на двери своего подвала, и все окрестные тунеядцы будут собираться у тебя и пить. Что бы ты сделала?

— Ну, думаю, ввела бы плату за вход.

— Именно! Ты бы не смогла отдать это даром. Теперь представь огромное количество магической эфирной энергии. Ты бы потратила ее впустую?

Ректор покачала графином с вином в воздухе и налила Терикель еще:

— Если предположить, что ты права, что мы можем сделать? Мы обе посвященные одиннадцатого уровня, у Астеншаля потенциал больше в тысячу раз.

— Враг силен. Но это не причина, чтобы сдаваться без боя.

— Терикель, Терикель, ты говоришь, как юный Вильбар из Кловессерской Академии Практических Магических Искусств. Он собрал группку радикально настроенных студентов, назвав ее группой магических замыслов и общих оккультных планов. Над ними смеялись все академии империи. Теория Вильбара состояла в том, что восстановление Стены Драконов — замысел магов другого лунного мира, заключающийся в установлении контроля над разумом наших собственных волшебников.

— Вот поэтому секретность Вильбар ставил на первое место. И это было не просто слово. Я знаю, существует некая тайна, ректор, и я знаю гораздо больше, чем говорю. Стена Драконов сосредоточит в себе огромное количество энергии. Последний раз, когда смертные управляли такой энергией, Торею сровняли с землей.

— Думаю, ты права. Какой силой обладаю я? Я даже не член совета.

— Не нужно быть капитаном корабля, чтобы потопить его, — ответила Терикель. — У тебя есть связи во дворце. Четыре каменных кладки находятся в Сарголанской империи или на территориях, которые контролируются ее союзниками. Последний император очень подозрительно относился к Стене Драконов. Он настаивал на проведении расчета силы Стены Драконов и проверки ее мощности и способов управления ей. Когда все будет завершено, правда всплывет.

— Проверку закончили, и наследный принц присутствовал при этом, — нетерпеливо сказала Феодореан. — Он удовлетворен и считает, что Стена Драконов не представляет опасности.

Феодореан ожидала взрыва эмоций со стороны Терикель, но старейшина из Метрологов осталась удивительно спокойной. Она встала, поставила свой бокал на буфет и скрестила на груди руки.

— Император возражал против Стены Драконов, но теперь он мертв, — медленно произнесла она. — Сейчас, кажется, наследный принц «удовлетворен», как ты выразилась. Очень странно.

— Императору собирались представить результаты, но накануне его убили. Иначе он мог бы наложить вето на строительство, если бы обнаружили что-то опасное.

— Все вдруг стало приобретать смысл, — задумчиво сказала Терикель, качая головой. Однако она не выглядела взбудораженной, как ожидала ректор.

— Терикель, ты же не думаешь, что наследный принц Сарголанской империи каким-то образом причастен к убийству своего отца?

— Конечно, нет, тогда бы я просто сошла с ума. Мне пора, ректор. Спасибо за гостеприимство.

— Что ты сейчас будешь делать?

— «Буйная пташка» отплывает к берегам Диомеды через день или два, чтобы закупить тропические фрукты для продажи в Альберине. Я также собираюсь туда.

— Почему Диомеда?

— По мнению... м-м-м... моего консультанта, у Стены Драконов есть один недостаток. Я могу отправиться вверх по реке Лейр к каменной кладке Центрас. Чем я там займусь, следует знать только мне, но, без сомнения, я сумею разрушить Стену Драконов даже после ее активации.

После того как Терикель ушла, ректор произнесла короткое заклинание. Оно приняло форму ее собственного небольшого изображения, на котором она выглядела лучше, чем на самом деле. Держа портрет на ладонях, Феодореан что-то

шептала над ним в течение нескольких минут, затем привязала его к амулету. Когда образ исчез, растворившись в гладком камне, ректор позвонила в маленький колокольчик. Тут же появился Брайнар.

— Отнеси это во дворец и отдай кому нужно, — приказала Феодореан, передавая амулет, держа его большим и указательным пальцами руки.

— Старейшина из Метрологов казалась мрачной, когда уходила, — сказал Брайнар.

— Старейшина из Метрологов — опасный человек, Брайнар. Ступай.

С ее позволения Брайнар откланялся, закрыл за собой дверь и поспешил по коридору.

— Да, очень опасный человек, — повторила Феодореан, прислушиваясь к удаляющимся шагам. — С ней что-то надо делать.

Глава 2
Битва драконов

Уоллес разглядывал свое жалкое имущество: тремя медных монетки, кусок протухшей колбасы, корка черного хлеба и треснувший кувшинчик с дождевой водой. Он прятался от непогоды под телегой. Раньше ему бы не пришло в голову даже проехаться на ней, не то что сидеть под ней. Но теперь ему пришлось признать: она отлично защищала от ливня и была чище, чем ступеньки у дверей.

В тот день казнили двадцать городских бардов из опасения, что это может быть он. Других же, кто пришел, бросили в подземелье до окончания расследования. Уоллес находился в весьма приподнятом настроении. Несмотря на холод, страх, черствый хлеб и дешевую колбасу, он был жив и свободен. Кроме того, его лира наконец-то высохла. Уоллес понял, как настроить инструмент, и теперь мог сыграть пару моряцких джиг, которым научили его нищие.

Он знал: нужно бежать из Палиона. Но он не знал, куда. Требовалось лишь добраться до границы империи, но Уоллес не очень разбирался в географии. Ближайшая граница находилась в пяти милях отсюда. Западные горы были ближе, но они казались дикими и неприступными. С другой стороны, хотя дикие и неприступные горы не являлись любимой местностью Уоллеса, перспектива лишиться головы за цареубийство нравилась бывшему магистру музыки еще меньше.

Жизнь продолжалась, и нужны были деньги. Для этого требовалось найти работу. Хорошо зная, как произвести хорошее впечатление, Уоллес сознавал, что необходимо привести

себя в порядок перед встречей с потенциальным нанимателем. Но тогда он мог стать похожим на Мильвариоса, а это означало: не сносить ему головы. С другой стороны, сейчас в городе осталось так мало бардов и менестрелей, что почти каждый был способен заработать деньги игрой. Уоллес сумел бы соединить свои шесть тонов в разные композиции и придумать танцевальные мелодии. Так представлялась ему работа уличного музыканта.

Уоллес дрожал от холода и обхватил себя руками как можно плотнее. Недостаток телеги состоял в том, что ее колеса со спицами никак не укрывали от ветра. Он вылез из своего укрытия, медленно выпрямился, потянулся и отправился к ближайшей таверне. Когда Уоллес вошел, отовсюду, как обычно, раздались приветственные возгласы:

— Эй, храбрец с лирой!

— Позовите стражников, здесь магистр музыки!

Уоллес сел на пол неподалеку от огня, взял лиру и начал наигрывать мелодии. Многих потянуло выпить. Хозяин таверны приносил ему кружку пива почти каждый час; постоянные клиенты кидали медные монеты и иногда даже серебро. Внезапно кто-то запел по-диомедански:

> Сюда идите, моряки, послушайте рассказ,
> Уйдите от причалов, из объятий шлюх,
> Налейте эля им, пусть допьяна напьются,
> И может быть, к утру останетесь с деньгами.

Судя по акценту, поющий был родом из Скалтикара и исполнял песню в три такта — так, как играл ее Уоллес. Уоллеса раздражало, что кто-то хочет превзойти его, однако начинать спор и, следовательно, обратить на себя внимание было не лучшим выходом. Бывший магистр музыки продолжал играть. Исполнив еще семь куплетов, певец остановился. Посетители таверны не скупились на плату. Уоллес забрал себе ровно половину.

— Эй, а ты знаешь «Красотки Диомеды»? — закричал певец, пододвигая к Уоллесу не меньше дюжины кружек пива.

— Э-э, нет, не знаю, — ответил он.

Рядом раздался смех.

— Он имеет в виду «Прыжок Мелиссен», — подсказал кто-то.

Уоллес знал только начало джиги, но певец заглушал своим голосом его игру. К концу песни Уоллес добавил еще один такт. Певец купил ему пива:

— Меня зовут Эндри, я только что переплыл пролив на «Буйной пташке».

— Я Уоллес, просто иногда играю здесь.

— В море был?

— Да, недавно с борта корабля, направлявшегося в Лейсер. Бури потопили мое последнее судно, но мы находились недалеко от побережья, вот так я попал сюда. Жив, но денег мало.

— Ну, если ты жив, давай-ка что-нибудь сыграем.

Эндри вынул маленькую флейту из-за пояса и начал играть джигу. Уоллес не знал этой мелодии, но понимал, что надо делать. Подыгрывать было несложно. Уоллес остался доволен собой. Он чувствовал: все идет как надо. Он выглядел заправским уличным музыкантом.

В течение трех часов Эндри и Уоллеса выкинули из пяти таверн. Во второй Эндри ухитрился украсть кувшин, но в нем оказалось лечебное чесночное вино «Крем Матери Антвурцель». Эндри почти полностью выпил его по пути к третьей таверне. Перед тем как войти, Уоллес сделал последний глоток. Трактирщик не упустил случая пошутить насчет запаха изо рта у Эндри, и охранники с дубинками вытолкали их вон.

Этим вечером дела шли плохо. Эндри потерял два украденных покрывала, продал третье за две пинты сэнди и одолжил два серебряных нобля Уоллесу, который, в свою очередь,

дал их проститутке. Она же вылезла из окна комнаты и исчезла в ночи быстрее, чем Уоллес и его друг успели что-либо сообразить. Со временем их единственным желанием стала хоть какая-то крыша над головой, где можно было бы зарыться в кучу старых тряпок. Эндри учил Уоллеса своей любимой песне об Альберине, когда они бродяжничали, поддерживая друг друга:

О как бы мне хотелось быть в городке Альберин,
Пусть даже сейчас не везет.
Юношей всегда так ждут в городке Альберин,
А юноши не хотят...

Черная тень, внезапно возникшая из темноты, сбила Эндри с ног. Ее колено оказалось на животе Эндри, а нечеловечески сильные холодные руки сжали мертвой хваткой. В воздухе разнесся запах крови, гниения, плесени и резкий запах пота. Но все, что могли слышать жители соседних домов — это отзвуки последнего куплета какой-то песенки, исполняемой на альберинском диалекте. Уоллес прижался к стене, оцепенев от страха.

Вдруг Эндри вырвался. Тень отшатнулась от него.

— Эй! Я не могу есть это! — прошипел женский голос по-диомедански, но с абсолютно незнакомым акцентом.

— Почему же? — спросил кто-то поблизости молодым голосом безо всякого акцента.

— Грязный, скользкий, волосатый, вонючий!

— Я тоже такой, — с надеждой произнес Уоллес.

— Уступаю его тебе, — заявил жуткий призрак своему спутнику.

— Может быть, поешь, если я вытру ему шею? — предложил второй.

— Нет! Он пахнет дерьмом фермера, наевшегося чеснока, и... как называется это, которое вымачивают в вине, а потом готовят?

— Маринад, — ляпнул Уоллес, прежде чем успел подумать.

— Он замаринован!

— Что за чушь, — прохрипел Эндри.

— Ты, заткнись! — крикнул призрак, хватая его за грудки.

— А как насчет того, что пожирнее? — поинтересовался второй.

Женщина-призрак повернулась к Уоллесу, уперев руки в бока. Ее глаза и клыки мерцали голубоватым светом. Но вдруг она покачала головой:

— Э! Если это его дружок, он такой же грязный!

— Ты отпустишь их обоих? — воскликнул юноша, очевидно, удивленный.

— Ну, пить его кровь... противно.

Она отвернулась от Уоллеса и снова взглянула на Эндри.

— Ну так, э-э, уважаемый... уважаемая... можно нам, э-э, идти? — спросил Уоллес, не зная, что говорить. — Кажется, вас не мучает жажда.

Мерцающие глаза перевели взгляд на него. Уоллес прикрыл руками горло, но женщина снова покачала головой:

— Аппетит пропал после такого запаха!

К тому времени как Эндри отдышался и смог сесть, призрак и его спутник беззвучно растворились в темноте плохо освещенных улиц. У Уоллеса было ощущение, похожее на то, когда над твоей головой пролетает арбалетный болт, срезав несколько волосков.

— Эндри, ты... живой? — прошептал Уоллес, подползая к нему.

— Ну да, наверно.

— Что это было?

— А какие есть предположения?

Цепляясь на стену, они поднялись, прошли, шатаясь, несколько сотен ярдов и оказались на аллее. Она закончилась тупиком. Они снова прошли немного, затем Эндри повернулся, сделал пару шагов назад и упал на колени.

— Это парусина, — объявил он. — Гнилая парусина.

— Корабля-то нет, — ответил Уоллес.

— Я имею в виду, спать-то хорошо.

— А если дождь?

— Взгляни на небо. Звезды.

Уоллес посмотрел наверх, потерял равновесие и упал. Тогда он решил немного отдохнуть, а потом подползти к парусине. Вместо этого к нему подполз Эндри:

— Проснись, простудишься.

— Отвали, — пробормотал Уоллес.

Эндри попытался затащить друга на кучу парусины, но Уоллес оказался слишком тяжелым. Тогда Эндри взял лиру и пополз обратно.

— Эй, у меня твоя лира, — позвал он. — Давай сюда.

— Присмотри за ней, — ответил Уоллес, не просыпаясь до конца.

Сыграв несколько нот, Эндри начал было песню «Город Альберин», но потом решил не делать этого: последний раз, когда он исполнял ее, появились некие существа, пившие кровь. Эндри потрогал ребра, и снова уселся на парусину.

— Знаешь, Уоллес, тебе как моряку цена две пинты, — произнес он.

— Присмотри за моей лирой, — ответил Уоллес.

— Слушай. У тебя есть дом?

— Присмотри за моей лирой, — снова пробормотал Уоллес.

— Я имею в виду, мы могли бы пойти к тебе домой и поспать под крышей.

— Присмотри за моей лирой, — пробурчал Уоллес, не желая об этом говорить.

— Знаешь, Уоллес, ты хреновый бард, ты можешь сыграть лишь пару мелодий на своей штуковине.

«Девяносто серебряных монет за один урок игры на сладкоголосой лире, и вот так, значит», — подумал он, но ответил:

— Присмотри за моей лирой.

Внезапно где-то рядом раздался крик, послышался топот убегающего человека. Кто бы это ни был, он приближался.

— Женщина, — пренебрежительно сказал Эндри.

— Присмотри за моей лирой, — сказал Уоллес, засыпая.

Кто-то промчался мимо их аллеи, затем вернулся и забежал на нее, споткнувшись об Уоллеса, Эндри и кучу парусины. Эндри ощутил едва уловимый запах ароматного мыла и услышал неровное, сбившееся дыхание женщины, силы которой были на исходе.

Увы, ее преследователи почти настигли ее. Они видели, как женщина свернула в аллею. Ее шансы ускользнуть таяли на глазах. Она перелезла через Уоллеса, протиснулась мимо Эндри, и обнаружила, что оказалась в тупике. Женщина замерла в нерешительности. Но она не собиралась сдаваться без боя, и прошептала заклинание огня, сложив руки. Но она ошиблась. Ее магия подействовала лишь на кучу парусины.

Эндри вскочил, главным образом, из-за того, что парусина вокруг него заполыхала пламенем. Огонь осветил пятерых крепких мужчин, окруживших женщину и прижавших ее к земле. Уоллес встал на колени. Эндри услышал треск разрываемой одежды и увидел мелькнувшие бледные ноги и яркий блеск ножей.

— Эй, что за рыцари тут собрались? — громко спросил Эндри по-диомедански. На него никто не обратил внимания.

Он махнул Уоллесу лирой. На этот раз пятеро удивленно посмотрели на них. Их жертва тоже. Повисла тишина.

— Присмотри за моей лирой, — дрожащим голосом произнес Уоллес за спиной у Эндри.

— Знаете, все это не очень-то хорошо, — продолжал Эндри. — Если вы обидите женщину, будете иметь дело с нами.

— Заберите их, — прогремело из конца аллеи. Откуда-то выскочили две огромных тени.

Недолго раздумывая, Эндри выхватил из-под кучи горящей парусины топор и завертел им в воздухе. К несчастью, рукоять оказалась под воздействием заклинания женщины: именно она загорелась первой, а оттуда пламя перекинулось

на парусину. Топор пролетел мимо главаря, но воткнулся в его сообщника, при этом рукоять отвалилась. Эндри ударил по голове ближайшего мужчину, затем ударил другого лирой, сломав ее о голову противника.

— Ну, давай, давай же! — орал Эндри. — Что, уже в штаны наделали, мать вашу!

Волосы, борода и одежда мужчины, схватившего женщину, теперь горели, и он упал на землю с пронзительным криком. Другой попытался наброситься на Эндри. На самом деле, он просто хотел скрыться и спасти свою жизнь, но Эндри этого не знал. Он треснул бандита сломанной лирой, затем вскочил на кучу шевелящихся тел и со всей силы ударил по тому, кто, как он надеялся, не был Уоллесом. И тут же получил в ответ. Левый глаз Эндри расплылся, в голове зашумело. Через несколько минут он очутился на земле и увидел, что Уоллес, крепко уцепившись за руку главаря и доставая нож, поднимается в воздух. Эндри попробовал пустить в ход ноги, но попал лишь в чье-то колено. В этот момент Уоллес и его соперник свалились на Эндри.

Внезапно все кончилось. Никто больше не нападал на Эндри, но его придавило чье-то тело. Эндри с усилием высвободился. Бандит скатился вниз. Рука Уоллеса по-прежнему сжимала рукоятку ножа, торчавшего из груди соперника.

Эндри встал. Женщина уже тоже была на ногах. Она была очень слаба, и прислонилась к стене, ища опоры. Кругом была разбросана ее порванная одежда. Парусина все еще горела. Один из бандитов тоже, но он не двигался.

Рядом с Эндри лежал еще один, его голова была расколота случайным попаданием топора. На лице мертвеца застыла ухмылка. Один из тех, кто остался в живых, был без сознания и стонал. Эндри ударил его по голове.

— Присмотри за моей лирой, — пробормотал Уоллес.

— Он мертв, — сказал Эндри. — Наверно, ты попал в сердце.

Они повернулись к женщине и к костру из человеческих тел.

— Горит, — произнес Эндри.

— Это я подожгла, — прохрипела женщина.

— Было бы очень неплохо сейчас убраться отсюда, — проговорил Эндри, собирая остатки лиры и передавая их Уоллесу.

— Моя лира сломана, — сказал Уоллес.

Женщина потеряла сознание.

Эндри ломился в дверь Дома Отдохновения мадам Джилли до тех пор, пока не вылетела дверная скоба, и дверь не распахнулась. За ней стояли три женщины. Их одежда казалась дорогой, хотя ее и было немного. А еще они держали в руках миниатюрные арбалеты, и каждый был направлен в грудь Эндри. Оружие казалось игрушечным, но Эндри знал: альберинские куртизанки прячут такие в складках своих юбок, и стрелы наверняка отравлены. Через минуту кто-то, кого скрывал сумрак комнаты, заметил ношу Эндри — на плече он держал потерявшую сознание женщину.

Услышав слова «Впустить их», куртизанки опустили оружие и отступили в сторону. Эндри вошел, придерживая спасенную женщину. За ним следовал Уоллес с лезвием топора, обгоревшими обломками рукояти, окровавленным кинжалом, четырьмя кошельками и с разбитой лирой. Его левый рукав потемнел от крови.

— Мы тут вроде как спасли эту проститутку от бандитов, — объяснил Эндри.

— Ужасных бандитов, — уточнил Уоллес.

— Они вроде хотели воспользоваться ее услугами бесплатно, но мы помешали, — продолжал Эндри.

— Я заколол одного, — подтвердил Уоллес. — Его же ножом.

— Это сути не меняет, — заявила мадам Джилли.

— Ну это же не вина Уоллеса, — сказал Эндри.

Уоллес был не из тех, кто охотно согласится с мнением других. Он поднял вверх обуглившиеся остатки топора:

— Ну, допустим, это и не вина Эндри.

Эндри положил женщину, до сих пор находящуюся без сознания, на кушетку:

— Там еще трое. Ну, по крайней мене, я насчитал столько.

— Эндри бил их по голове, — объяснял Уоллес. — Он бил их очень сильно, и они были просто не в состоянии быстро встать.

— Ну а женщина подожгла еще одного, — добавил Эндри.

— Но мы не знали, была ли она виновата, — согласился Уоллес.

Мадам Джилли стояла, скрестив на груди руки. Она выглядела спокойной, но мозг ее напряженно работал, сопоставляя факты. Ей нужны были подробности и разъяснения.

— Она подожгла кого-то?

— Да, — подтвердил Эндри.

— Только посвященная одиннадцатого уровня, обладающая огромной силой, может заставить воспламениться человека, — сказала мадам Джилли, посмотрев на женщину. — Вы уверены, что это проститутка?

— Ну да, потому что я... он... ну, Уоллес, скажи.

— Она... бродила одна ночью.

— Ах да, другие женщины не гуляют ночью в одиночестве. Может быть, ее сопровождающих убили,— заметила мадам Джилли, будучи в замешательстве, но стараясь не показать этого.

— Почему вы принесли ее сюда? — спросила она, вытаскивая что-то из кошелька женщины.

— Мы увидели ваш знак и подумали... ну... проститутки помогают же друг другу.

— Это жрица Ордена Метрологов! — воскликнула мадам Джилли, разглядывая какую-то печать.

— Да? — удивленно спросил Эндри.

— Это ученый орден, занимающийся измерениями, — объяснил Уоллес. — У них есть министерство по делам шлюх, сирот и инвалидов в тех городах, где построены их храмы.

Мадам Джилли посмотрела пристально на Эндри:

— Она никакая не проститутка, она из Метрологов. Почему ты спас ее?

— Ну потому что, — начал Эндри. — Ну когда эти ублюдки повалили ее на землю, чтобы овладеть ею... это было ужасно.

— Да, — согласился Уоллес. — Путь грязных мужиков, а она кричала таким тонким голосом. Такой голос мог принадлежать только образованной женщине. Мы, как отзывчивые люди, естественно, должны были помочь. Вот так все и началось.

— Минутку. Ты спас ее, думая, что эта женщина — шлюха, от пяти Стражей Трона, поскольку решил, что это будет благородно?

— Что? — засмеялся Эндри. — Стражи Трона? О нет, это были просто крепкие малые.

Мадам Джилли взяла двумя пальцами витиеватый кинжал у Уоллеса:

— Герб на нем свидетельствует о принадлежности хозяина к числу Стражей Императорского Трона. Только Стражи Трона могут носить такой. Наказание для всех прочих, использующих герб Стражей Трона на своем оружии — смерть.

— Я убил Стража Императорского Трона? — едва слышно произнес Уоллес, выронив все, что держал в руках, и упал в обморок. Его грузное тело обмякло.

— Несчастный, — посочувствовала мадам Джилли. — Такой храбрый, только что так красиво говорил. Да, Эндри?

— Да.

— Иди с Эллизен, она поможет. Розелль, Мелье, помогите мне с Уоллесом и жрицей.

Эллизен не позволила Эндри лечь спать до тех пор, пока он не снял свою одежду, не принял ванну и не вымыл волосы в растворе колючего кустарника, чтобы убить вшей. Она была выше его, шире в плечах и, очевидно, не привыкла выслу-

шивать всякую чепуху. Эллизен напомнила Эндри его мать. И внезапно он понял, что ему очень легко с ней. Вскоре Эллизен уже терла Эндри спину жесткой щеткой и песчаным мылом, и между ними шел оживленный разговор о потасовках в тавернах, которым они были свидетелями.

Эндри наслаждался запахом свежего постельного белья в кровати — о, он так давно не спал в кровати. Он лежал, прислушиваясь к шуму в соседней комнате, и не заметил, как наступило утро. Его одежда была аккуратно сложена на комоде около стены. Она больше не воняла и, казалось, изменила цвет. Некоторое время Эндри озадаченно разглядывал ее. Потом он понял, что одежду выстирали. Эндри быстро оделся и натянул свои сапоги, которые были начищены до блеска. Все казалось непривычным. Эндри заметил зеркало. Его установили так, что смотреться можно было только лежа в кровати.

— Никакой пользы, — пробормотал озадаченный певец, сняв его со стены, повертев в руках и поставив его на пол. Тот, кто отразился в зеркале, выглядел более прилично, чем ожидал Эндри. «Ну если я действительно так хорошо выгляжу, почему у меня нет девушки?» — с сомнением подумал он.

— Может быть, ты одно из тех волшебных зеркал, которые показывают то, что хочется видеть? — спросил Эндри у зеркала. Оно не ответило.

Он открыл дверь и увидел Эллизен, свернувшуюся под одеялом у стены. Ее арбалет лежал рядом. Не зная точно, для чего она здесь — чтобы не выпускать его или не впускать других, Эндри походил немного по комнате, чтобы ее разбудить. Эллизен встала, потянулась и повела его к мадам Джилли, которая завтракала с Уоллесом в комнате, казавшейся слишком маленькой для гостиной и слишком большой для будуара. Уоллес выглядел очень довольным собой.

— Предположительно, отряд наемных убийц и пятеро иноземных магов убили двух Стражей Императорского Трона прошлой ночью, — сообщила мадам Джилли.

— Это о нас? — спросил Эндри.

— О нет, — засмеялась мадам Джилли. — Нет, это не могли быть вы. Идите сюда, вы, беспокойная компания. Я уже давно жду вас.

Эндри завтракал по большей части молча. В гостиной было уже мало людей: девушки, которые работали ночью, сейчас отсыпались. У соседней скамьи стояла служанка, сворачивая салфетки, а мадам Джилли пила чай и читала свитки из тростниковой бумаги.

— Я никогда не убивал, — признался Эндри, прожевывая кусок копченой свинины.

— Конечно, убивал,— сказал Уоллес. — Прошлой ночью. Как и я.

— Нет, я имею в виду, до этого никогда не убивал. Несколько раз треснул по голове — и все. Но никогда не убивал.

— Но ты и не убил никого.

— О, и правда.

— Замечательно бросил топор, — заметил Уоллес, мимолетно взглянув на мадам Джилли. — Я бы метнул свой нож, но, кажется, ты овладел ситуацией.

— Чистая случайность, — сказал Эндри, пожав плечами. — Мне надо было сделать это, чтобы спасти свою жизнь.

— Ну это спасло и жизнь женщины из Метрологов.

— Ты убил, Уоллес. Как ощущения? Виноват же. Каково это — знать, что ты вот сидишь тут и ешь свой завтрак, а он больше не будет завтракать. Никогда.

— Не знаю. Да, ощущения ужасные. До прошлой ночи я никогда не убивал.

— Правда? — спросила мадам Джилли.

Внезапно Уоллес вспомнил, как он хвастался, лежа у нее в постели минувшей ночью.

— Ну если ты неплохой боец, как я, то иногда можно и проявить милосердие.

— Значит, ты впервые вонзил нож человеку в правое сердце и перерезал поперечную артерию? — спросил Эндри.

— А ты знаешь, что такое поперечная артерия? — задал вопрос Уоллес, внезапно меняя тему разговора.

— Конечно. Она большая и соединяет наши два сердца. Это часть обменной системы.

— Откуда ты знаешь?

— Когда-то я похищал трупы с кладбищ для Гильдии Медикаров... ну... в свободное время. Они разрезали их, чтобы студенты увидели внутренности своими глазами. Я бродил поблизости, и затем помогал прибраться за двадцать медных монет. Понимаешь, я никогда не думал о мертвецах, как о некогда живых людях, но прошлой ночью были живы пятеро, а теперь двое из них мертвы. Ушли в Мрачные Земли.

— Тебе знакомо чувство вины, о котором ты говорил? — спросил шепотом Уоллес.

— Что? — спросил Эндри.

— Что мне с этим теперь делать?

Эндри закрыл рукой лицо, не зная, как ответить, и пожал плечами. В течение нескольких минут они ели молча.

— Я впервые спал в публичном доме, — сказал Эндри.

— Доме Отдохновения, — поправила Эллизен, которая стояла у двери, скрестив руки.

— Мужчины приходят сюда не спать, — вежливо заметил Уоллес.

— Я, должно быть, слышал их. Казалось, что они беспрестанно возят кровать по комнате.

Служанка захихикала. Мадам Джилли прикрыла рот руками, и даже Эллизен улыбнулась.

— Это была комната мадам Джилли, — с презрительной усмешкой пояснил Уоллес, внутренне гордый, что этот шум были его рук делом. Хотя сравнение с «возить кровать по комнате» ему не понравилось. — А что ты делал?

— Пытался заснуть!

— В смысле, ты был один? — спросил Уоллес, лукаво взглянув на Эллизен.

— Ну да.

— Наверное, первый раз мужчина спал в кровати без женщины здесь.

— Да, никто бы не стал здесь обслуживать себя сам.

Лицо мадам Джилли приобрело пурпурный цвет, хотя она и пыталась это скрыть. Служанка утирала слезы на глазах, а Эллизен рассматривала что-то внимательно на потолке.

— Ну так что теперь? — спросил Уоллес.

— Найдем таверну, выпьем по пинте, — ответил Эндри.

— Эндри, нас разыскивают. Мы убили двух важных стражников императора.

— Да, и спасли ту женщину.

— Эндри, другие Стражи остались в живых. Что бы там ни говорилось в том свитке, они начнут искать парня в одежде моряка с топором столяра, говорящего по-диомедански с сильным альберинским акцентом.

— Ну да, и его толстого друга с лирой.

— Мы должны покинуть Палион. Немедленно! — заключил Уоллес.

Когда Эндри и Уоллес собрались, в их внешности произошли некоторые изменения. Эндри побрил щеки и убрал назад волосы. Теперь его голова стала похожа на нечто взлохмаченное и перетянутое ремешком. Уоллес приклеил часть бороды Эндри себе над верхней губой, и еще на подбородке небольшую родинку. Остатки лиры он сжег.

Мадам Джилли выкинула нож Стража Трона в реку. Вскоре она вернулась в Дом Отдохновения, откуда незваные гости уже собирались уходить.

Эндри и Уоллес хотели прежде взглянуть на женщину, которую спасли. На вид ей было около тридцати лет, она казалась хрупкой и изнуренной.

— Господа, позвольте еще раз вас поблагодарить, — сказала Терикель по-диомедански, но со странным, незнакомым акцентом.

— Ладно, не бери в голову, — ответил Эндри.

— Но если ты знаешь дешевый и безопасный способ исчезнуть из города, мы будем очень признательны, — добавил Уоллес.

— Зачем вам? — спросила она прямо.

— Нас здесь не очень-то хотят видеть, — пояснил Уоллес.

— Ну, вернее, нас хочет видеть каждый стражник города, — сказал Эндри. — Вот это-то и проблема.

Наступило короткое молчание. Эндри чесал голову.

— Почему вы помогли мне? — задала вопрос Терикель, как будто считала, что от незнакомцев помощи не дождешься.

— Ну тебе вроде бы нужна была помощь, — сказал Эндри.

— И все? Просто потому, что мне требовалась помощь?

— Да.

— А еще почему?

— Да не было других причин. Вот ты, жрица Метрологов, помогаешь больным и покалеченным, проституткам. Они тебя спрашивают, почему ты занялась этим?

Жрица нахмурилась, размышляя. Только сейчас Эндри заметил, что на ней одежда из общего гардероба девочек мадам Джилли. Однако ее лицо не было лицом проститутки. Она больше была похожа на ястреба, у которого болит голова, чем на женщину, работающую по ночам на улицах.

— Я тоже должна покинуть Палион, — заявила она. — Но сначала мне нужно увидеть некоторых людей и кое-что уладить. Понимаете, я торговый агент.

— Мадам Джилли сказала, ты жрица, — выпалил Эндри.

— Каждый стражник и наемник в городе ищет жрицу, — заметила она. — Для меня лучше быть торговым агентом.

— Ну ладно, ты — торговый агент, — согласился Эндри.

— Очень хорошо. Теперь послушайте-ка внимательно. Противники моего нанимателя хотят сорвать очень важное дело, которым я занималась. Понятно?

— Ага, — хором ответили Уоллес и Эндри.

— Если вы желаете покинуть город, то можете присоединиться ко мне в качестве охранников. Что скажете?

— Он согласен! — крикнул Уоллес, исподлобья взглянув на Эндри. — Мы согласны!

Каменной кладке Центрас предстояло первой пройти испытания.

Астеншаль изучил ее со всех сторон и удостоверился, что все шестнадцать магов находятся на своих местах и готовы к ритуалу. Его собственный мегалит находился в центре, в круглой впадине.

«Это как-то неправильно, — думал Астеншаль, спускаясь в воронку из расплавленного песка. — Все шестнадцать внешних мегалитов гордо возвышаются над местностью, и лишь мой камень спрятан в воронке».

Вскоре Астеншаль залез на свой мегалит и сел, не желая тратить время на пустые разговоры и театральные паузы. Ведь это всего-навсего проверка.

— Высокоученые коллеги, произнесите ваши заклинания, — призвал Астеншаль, и шестнадцать магов, сложив ладони, зашептали могущественные, хотя и не проверенные как следует магические формулы.

— Разделяй! — крикнул Астеншаль. Шестнадцать магов разделили мерцающие, пульсирующие клубки неукротимой эфирной энергии на две части и подняли их до уровня подлокотников мегалитов.

— Бросай! — и вверх взвились тридцать два спиралевидных огненных столба голубого цвета: по два от каждого мага, что сидели с разведенными руками вдоль края каменной кладки. Теперь настала очередь Астеншаля произнести завершающее заклинание. Он превратил пульсирующий шар в два сгустка энергии, а затем стремительно направил пару огненных столбов в небо.

От Астеншаля осталась лишь треть, которую впоследствии и похоронили. Остальное разлетелось на кусочки. На расстоянии в четверть мили не было ни одного человека или животного, на кого бы ни попала хоть малая часть.

— Этот центральный мегалит, — сказал Лафонтен, который вместе с Тальбераном осматривал камень спустя некоторое время. — Наверно, он был такой же высоты, как и крайний мегалит, иначе бы возник резонанс. А мы все знаем, к чему это может привести, — добавил он, разводя руками.

— Сейчас знаем, — ответил Тальберан. — Зачем было строить в форме воронки?

— Да это не было частью первоначального замысла! Что-то очень горячее взорвалось здесь тысяч пять лет назад, и остался кратер с расплавленным стеклом. Чтобы воссоздать прежнюю конструкцию кладки, мы должны сложить каменное основание и поднять центральный мегалит на уровень крайних.

— Чем меньше времени, тем больше случается задержек, — вздохнул Тальберан.

— Лучше задержка, чем катастрофа, — сказал Лафонтен, отбрасывая носком сапога ухо.

Терикель, Уоллес и Эндри появились на многолюдных улицах Палиона ранним утром. Стороннему наблюдателю могло бы показаться, что старейшину — она выглядела как жена богатого мужа — сопровождают домой два наемных телохранителя. Терикель пошла прямо на рыночную улицу, где вместо прилавков было множество магазинов. Эндри за всю свою жизнь никогда не был в магазине и очень нервничал, поскольку думал, что продавцы подозрительно на него смотрят. Терикель выбрала длинное, доходящее до лодыжек теплое одеяние темно-серого цвета. Пока она торговалась, Эндри и Уоллес прогуливались по улице от одного сложенного из камня магазина к другому.

— Эта мадам Джилли, никогда не подумаешь про нее такого! — произнес Уоллес, вспоминая прошедшую ночь.

— Ей бы захотелось, чтобы ты рассказал мне в подробностях? — спросил Эндри, чувствуя неловкость.

— Она нежная, очаровательная и не знает усталости! Ну, конечно, не вначале, потому что я...

— Я не хочу это слушать, Уоллес! — прошипел Эндри, прижав палец к губам. Затем он резко повернулся к двери ближайшего магазина. Уоллес пошел за ним.

Друзья очутились в музыкальной лавке. Эндри положил на плечо бамбуковую флейту.

— У тебя уже есть флейта, — заметил Уоллес.

— Ну да, — согласился Эндри, сыграв несколько нот. — Но эта для тебя.

— Для меня? Но я же не умею играть. Это... — Уоллес поймал себя на мысли, что чуть было не сказал «для низшего класса». — Ах да, с более низким звучанием, чем я люблю...

— О нет, она способна на многое, — возразил Эндри, наигрывая какую-то мелодию на нижних октавах.

— Мне спеть?

— Уоллес, ты поешь ужасно, особенно когда выпьешь. Окажи милость, научись играть на флейте

У Уоллеса от гнева и потрясения пропал дар речи. Бывший магистр музыки мог выслушивать критику только от покойного императора. А покойный император не различал высоты звука, соответственно и замечаний не делал.

Подошел продавец, улыбаясь и потирая руки:

— О, это замечательный инструмент, господин, но играете ли вы на лире? У нас сейчас особые скидки, продаем за четверть цены.

— Ну, вообще-то мне нужна лира, — признался Уоллес.

Эндри внимательно смотрел на улицу сквозь стеклянное окошко в двери. Он заметил, что снаружи за магазином наблюдают. Двое стояли неподалеку, изображая случайных прохожих. Он повернул и увидел Уоллеса, играющего на лире.

— О нет, это инструмент для барда, а ты не бард, — отчетливо произнес Эндри, подмигивая и показывая взглядом на улицу.

Продавец потер макушку. Люди, делающие вид, что они просто проходили мимо и что их совсем не интересует музыкальный магазин, обменялись парой фраз друг с другом. Терикель вошла в магазин, закутавшись в свою новую одежду.

— Очень хорошо, парень, — сказала она по-диомедански без малейшего акцента. — Я хочу приобрести инструмент в качестве подарка мужу. Это должно быть то, чему легко научиться.

— На лире можно научить играть всего за несколько дней, — со знанием дела заявил Уоллес.

Эндри поймал на себе взгляд продавца, который постукивал большим пальцем по макушке. Бросив взгляд на наблюдателей на улице, Эндри заметил, что они оживились и подают какие-то таинственные сигналы. Он повернулся к продавцу. Тот чесал голову мизинцем. Быстрый взгляд через дверь — и Эндри понял, что остальные тоже что-то показывают.

— У нас сейчас большая распродажа лир, — рассказывал продавец Терикель.

— Великолепно, а какую цену вы просите? — спросила она, взяв инструмент, протянутый Уоллесом. — Я хочу что-то на память о Палионе. Я прибыла с Диомеды, и потому попросила своих охранников подобрать простой инструмент. Знаете, я совсем не разбираюсь в музыке.

— И я буду торговаться по поводу цены этой второсортной вещицы, — заявил Уоллес.

Продавец рассердился и начал спорить с Уоллесом. Эндри отвел Терикель в сторону.

— Госпожа, за магазином наблюдают, — прошептал он.

Терикель посмотрела на улицу. Наблюдатели прятаться не умели, скрыть своего возбуждения тоже не могли.

— Ну вот они и нашли меня, — прошептала она в ответ.

— Они? Кто?

— Люди, которые должны были найти меня.

Где-то неподалеку раздался свист, и кто-то ударил в гонг.

— Хотя, вероятно, меня нашли не те.

Эндри подошел к двери и выглянул на улицу. Приближалась группа стражников. Он посмотрел в другую сторону. Подходил отряд в не меньше двух дюжин воинов в доспехах. Стоявшие напротив магазина шпионы отчаянно подавали знаки обоим, тревожно поглядывая друг на друга. Других людей на улице не было: местные жители как-то узнали о приближении стражников и спрятались в безопасных местах. Эндри подошел к продавцу, схватил его за тунику и ударил кулаком в лицо. Ошеломленный мужчина упал на пол.

— Что ты делаешь? Что ты там себе надумал? — закричал Уоллес в ужасе. — Я его за три серебряных...

— Быстро уходи через заднюю дверь.

— Задней двери нет! — раздался голос Терикель из глубины магазина. — Окна тоже.

С улицы донесся шум. Свист стрел и топот бегущих ног смешивался с криками боли и боевыми выкриками. Случайные зеваки, попавшие в перестрелку между городской стражей, ищущей Уоллеса, и подразделением Стражей Трона, преследующих Терикель, шли, шатаясь, или падали.

Терикель, Уоллес и Эндри замерли от удивления, наблюдая за битвой на улице. Численность стражников в несколько раз превосходила численность Стражей Трона, но последние являлись элитным воинским отрядом. Началась рукопашная. Стражники сражались у магазина, затем Стражи Трона оттеснили их и стали окружать. Затем они снова переместились к магазину. Видимо, командир Стражей Трона решил, что противники захватили Терикель в магазине и собирались в разгаре битвы убить старейшину из Метрологов.

Эндри снял со стены трехструнный ребек.

— Эндри, это же кража! — воскликнула Терикель.

— Да, ну и что? — ответил Эндри. — Может, я забираю его как плату за все это беспокойство!

Эндри взял еще несколько запасных струн, вышел на улицу и стал внимательно наблюдать за битвой, которая теперь переместилась на несколько ярдов к северу.

— Э-э, думаю, нам бы лучше отправиться в путь, — сказал он, маня к себе остальных.

Терикель и Уоллес присоединились к нему, и они быстро пошли прочь. Оставалось несколько шагов до перекрестка, когда из музыкального магазина выскочил продавец, размахивая руками и вопя:

— Он там, остановите его, он купил лиру!

Стражи Трона посмотрели на них и заметили Терикель, Уоллеса и Эндри.

— За нами, старейшина! — закричал Уоллес.

Стражи Трона развернулись и девять из них метнули топоры. Один всадил лезвие в череп продавца, но Терикель, Уоллесу и Эндри удалось избежать смерти. Городская стража вновь начала нападать на Стражей Трона, решив, что те отступают. Стражи Трона обратились в бегство. Терикель, Уоллес и Эндри исчезли за углом.

— Можно узнать, что все это значило? — спросил Уоллес, когда они расположились в таверне в миле от музыкального магазина, приходя в себя и переводя дыхание.

— За магазином наблюдали! — ответил Эндри.

— Они наблюдали за мной, — объяснила Терикель.

— Но продавец кричал про лиру, — возразил Эндри.

— Только потому, что ты спас меня, — сказала Терикель. — Трое выживших Стражей Трона наверняка сообщили, что у одного из моих спасителей была лира, сломанная во время борьбы. Когда Уоллес спросил о лире, продавец, скорее всего, дал сигнал кому-то, находящемуся снаружи.

— Но я видел там два отряда, сражающиеся друг против друга.

— Я чувствую себя польщенной. Они сражались за право убить меня.

Эндри повернулся к Уоллесу:

— Убери эту чертову лиру с глаз моих! — прошипел он.

— Чем займемся сейчас? — поинтересовался Уоллес, пряча лиру в рваное покрывало.

— Ну, продавец мертв, уличные шпионы тоже, — подытожила Терикель. — А стражники видели нас только на расстоянии. Если немного изменить внешность и почистить одежду, никто нас не узнает. У меня есть белые повязки на голову, как у паломников, для каждого из вас. Выдавая себя за паломников, мы сможем бродить по городу как странники и посещать странные места, не выглядя странно.

— Какие места? — спросил Эндри с любопытством.

— И насколько странные? — подозрительно осведомился Уоллес.

После обеда они посетили храмы, гробницы, памятники и другие места, где за последнюю пару тысяч лет по той или иной причине умирали святые.

— Твой акцент, он звучит как альберинско-скалтикарский, — говорила Терикель Эндри во время прогулки.

— Ну да.

— Ты давно тут?

— Со вчерашнего дня.

— Ах, да... — начала Терикель, но замолчала.

— Простите, госпожа?

— Да вчера прибыл корабль «Буйная пташка».

— Да, я приплыл на нем. Помощник плотника, вот кто я. За исключением того, что самого плотника не было.

— А ты не слишком молод для помощника плотника?

— О нет, мне уже девятнадцать. Я учился.

Терикель мало что видела из своей каюты на борту «Буйной пташки», и что бы ни случилось, она находилась в безопасности. Если ее что и беспокоило, то только волны. Однажды старейшина из Метрологов наблюдала за огромной волной, накрывшей величественную вершину Сидрагона. В течение тридцати двух дней она ела шесть раз в день в каюте капитана, и во время разговоров о холоде, трудностях и попытках удержать корабль на плаву и продолжать путь на север, хотя сносило на запад, Терикель вспоминала, как моряки жаловались на «того молодого ублюдка», помощника плотника. Он присоединился к команде перед отплытием из Альберина и почти постоянно подвергался наказаниям за различные проступки, начиная с драк и пьяных песен во время ночной вахты и заканчивая раздражающим поведением в целом.

— Ты получил двадцать пять ударов кнутом за то, что выпил ром из фляги капитана и наполнил ее жидкостью, ставшей причиной расстройства его желудка, и еще двадцать пять ударов за стычки с командой и попытку бежать с Мальдеринских островов.

— Я... вы... Как?.. я... — пробормотал, запинаясь, ошеломленный Эндри.

— Ударить офицера считаются тяжелым проступком, так что, должно быть, тебя очень ценили, раз ограничились поркой.

— Но... но как?

— В порту сейчас около пяти дюжин моряков с «Буйной пташки», и они рассказывали о путешествии, Эндри, — продолжила Терикель. — Когда-то это был единственный корабль из Скалтикара, о котором любая новость, приходящая с юга, тут же разлеталась по городу. Мельчайшие подробности не оставались без внимания. Пьяные моряки, говорившие со скалтикарским акцентом, охотно обсуждали их.

— О... ах, да.

— Не подумайте ничего плохого, Эндри и Уоллес. Я слушаю, запоминаю и собираю информацию, которую другие люди пропускают мимо ушей. Никогда, никогда не лгите мне. Если я пока не знаю правды, то все равно скоро ее выясню. Тогда буду очень разочарована.

Уоллес и Эндри одновременно вспомнили о едва стоявшей на ногах жрице, заставившей воспламениться Стража Трона. Обоим подумалось, что эти воспоминания не из самых приятных.

Уоллес от них был вообще в ужасе, поэтому он не стал возражать:

— Хорошо.

— Тогда кто ты?

— Я в бегах.

— Какое преступление ты совершил?

— Никакого.

— Это не ответ.

— Убийство.

— Черт! — воскликнул Эндри.

— Видишь, как все просто? — сказала Терикель. Очевидно, ее не волновали заверения Уоллеса, что он не совершал преступления. — Я так часто спрашиваю, когда уже знаю ответ. Ты спас меня из очень неприятной ситуации, вполне вероятно, от смерти, но все это могло быть спланировано.

— Спланировано? — воскликнули хором Уоллес и Эндри.

— Конечно. Послушайте-ка. Меня преследовали, избили, сорвали одежду. Неожиданно появляетесь вы двое и швыряетесь оружием, сражаясь с воинами элитного отряда. Я доверяюсь вам, рассказываю все секреты, даже то, что агония последнего императора не могла быть моих рук делом. Если вы искренни, я не зря вверила вам свою жизнь, и моя благодарность не знает границ. Если вы обманываете меня, вас ждет неминуемое воздаяние.

Эндри и Уоллес отошли в сторонку, когда Терикель остановилась взглянуть на статую Барбаруна, бога урагана. Все вокруг было усыпано жертвоприношениями из-за торейских бурь, которые с недавнего времени еще больше усилились и участились.

— А что такое «воздаяние»? — прошептал Эндри Уоллесу.

— Это то, о чем ты думаешь очень, очень осторожно, — ответил Уоллес.

— Например, о Мариэль Стокер, как она раздевается и принимает ванну?

— Ну не совсем, подумай о том, что свалилось на тебя прошлой ночью и почти разорвало горло, чтобы напиться крови.

— Ой, не хочется это вспоминать.

— Ага! Теперь ты понимаешь, что имела в виду жрица, говоря «неминуемое воздаяние».

Терикель присоединилась к ним, и они продолжили путь.

— Госпожа, вы же почитаете Барбаруна, да? — поинтересовался Эндри, шагая рядом с ней.

— У Барбаруна и у меня общие интересы, — ответила Терикель. — Стена Драконов была построена, чтобы подорвать его власть, а мое предназначение... — Она бросила взгляд исподлобья на Эндри. — Мое предназначение — узнать подробности.

Рано вечером Терикель вернулась в заведение мадам Джилли, поговорила с ней пару минут и что-то обсудила с одной из проституток. Они вместе отправились в спальню и вскоре вернулись. На девушке была одежда Терикель, а сама Терикель оделась как торговец. Ее верхняя одежда раздулась, а грудь была перевязана, и люди легко могли бы предположить, что перед ними мужчина с широкими плечами и грудью.

— Это Мелье, — провозгласила Терикель, указывая на девушку, отныне замаскированную под нее. — Мелье, это Эндри и Уоллес. Они будут тебя сопровождать. Мелье — диомеданка, прибывшая на юг Палиона в поисках удачи. За то, чтобы она поплыла на борту «Буйной пташки», выдавая себя за меня, я дала ей маленький кошелек с золотыми монетами, а также предоставила бесплатный проезд домой на Диомеду. Вы отправитесь вместе с ней на «Буйной пташке». Диомеда находится вне Сарголанской империи, так что вы будете в полной безопасности. А теперь, господа, мне пора. Это наша последняя встреча.

Терикель ушла просто, безо всяких формальностей, лишь поклонившись и прикрыв за собой дверь. Мелье поднялась наверх, а Эндри и Уоллес сидели и наигрывали мелодии на своих инструментах, пока ждали ее.

— Странная женщина, эта старейшина, — тихо сказал Эндри. Можно было подумать, что она вышла только чтобы купить кувшин на рынке, а не исчезла навсегда.

— Наверно, ей не терпелось поскорей уйти от тебя, — ответил Уоллес. — Представь себе, справить нужду в ром капитана.

— Да нет! Его фляжка была пуста.

— Конечно, ты же вначале выпил его ром!

— Ублюдок выкинул мою флейту за борт, пришлось украсть другую у боцмана. Ну так где эта Мелье?

— Собирается, наверно.

— Уже пятнадцать минут? Когда я плавал вверх по реке на баржах, у меня было лишь одеяло и нательная одежда.

— Неудивительно, что люди обходили тебя стороной.

— Что ты хочешь эти сказать?

В этот момент к ним подошла мадам Джилли, размахивая рукой. Она указала наверх.

— Уоллес, пожалуйста, дай Мелье необходимые советы, чтобы ей хорошо перенести путешествие, — приказала она.

— Но, но я даже не умею плавать! — воскликнул Уоллес.

— Тогда посоветуй, что взять с собой. Эллизен, иди вместе с ними.

Мадам Джилли смотрела, как они поднимались по лестнице, затем поманила Эндри к себе.

Эндри еще никогда не был в публичном доме до своего прибытия в Палион, если не считать той ночи в Альберине, когда его вышвырнули из дверей одного такого заведения. Теперь он находился в личных покоях женщины, которая заправляла публичным домом. Эндри поставил сумку в углу. Ему не терпелось узнать, что же будет, и от этого сладко засосало под ложечкой. Но одновременно он и боялся поставить себя в глупое положение.

В воздухе витал легкий запах лаванды. В комнате стояла большая кровать, на которой лежало яркое одеяло и пара розовых подушек в форме женской груди. Было несколько сундуков, стол с зеркалом, еще один стол с набором для письма и регистрационные книги. «Она живет здесь», — подумал Эндри и внезапно почти перестал бояться. Мадам Джилли открыла один из сундуков и стала в нем рыться.

— Наверно, тебе интересно, почему я привела тебя сюда, — сказала она, выпрямившись и вытащив маленький кошелек.

— Да, — ответил взволнованно Эндри.

— А как ты думаешь?

— Прошу прощения, госпожа, но это слишком неприлично.

— Ну этого можно было ожидать, но то, чего ты хочешь, я тебе не дам. Ты получишь лишь кошелек, который у меня у руках.

Эндри протянул руку, и она положила кошелек на ладонь. Несколько минут Эндри просто разглядывал неожиданный подарок.

— Это что-то волшебное?

— Отчасти да. В нем есть иголка, моток черных ниток, кусок мыла, зубной порошок, губка и пилка для ногтей. Смотри, пользуйся каждым предметом в течение всей следующей

недели и тогда заметишь, что девушки начнут воспринимать тебя серьезно. Пользуйся месяц — и познаешь любовь. Пользуйся до тех пор, пока не решишь вернуться назад из Диомеды в Скалтикар и... ну, не забудь зайти ко мне как-нибудь в гости.

— Вы говорите, мне надо умываться, чистить зубы, латать одежду и ухаживать за ногтями? — спросил с сомнением Эндри.

— Можешь попробовать еще причесываться, но ты выглядишь хорошо и с всклокоченными волосами, — произнесла мадам Джилли, открывая дверь.

Эндри поспешил к выходу, но, проходя одну из комнат, решил проверить себя. Он положил кошелек на стол в холле.

— Огромное спасибо, госпожа, но не надо, — сказал он.

Мадам Джилли взглянула на него с удивлением.

— Я это и имела в виду, когда пригласила зайти, если окажешься здесь снова, — заявила она.

— Почему? — спросил Эндри почти шепотом.

— О Эндри, чтобы узнать, как ты поведешь себя, дурачок.

— Ну я бы выглядел как сейчас: помытым и причесанным.

Мадам Джилли снова улыбнулась, наклонив голову набок.

— Ты бы мог мне понравиться, — призналась она кокетливо.

— Прошу прощения, госпожа, но вам понравился Уоллес, когда он был грязным. Если со мной что-то не так, то ванна и расческа не помогут.

— А ты завидуешь! — засмеялась мадам Джилли, и в ее глазах загорелся лукавый огонек.

— Не завидую, госпожа, просто немного обидно. Уоллес проводит ночь с женщиной, а я всего лишь получаю набор для шитья. Это как в альберинских тавернах. Официантки приносят тебе пиво бесплатно за хорошо исполненную песню, а затем сидят на чужих коленях. Можете объяснить мне, почему так?

Вопрос был очень неожиданным, и мадам Джилли, очевидно, оказалась захваченной врасплох. Она поднесла к губам палец, пытаясь придумать подходящий ответ.

— Думаю, некоторые мужчины сначала производят хорошее впечатление, — начала она.

— Ну да, а некоторые — плохое, — несчастным голосом добавил Эндри.

Над ними хлопнула дверь, и Уоллес, Эллизен и Мелье стали спускаться по лестнице. Эллизен несла пять сумок Мелье. Они остановились перед мадам Джилли, и Эллизен передала Эндри свою ношу.

— Моя дорогая мадам Джилли, боюсь, нам пора покинуть ваш очаровательный дом и вас, обворожительная леди, — заявил Уоллес, разводя руки и кланяясь.

Мадам Джилли отступила назад. На ее лице не было и тени улыбки. Уоллес тут же опустил руки и отвесил небольшой, формальный поклон. Она подняла свои юбки так, что стало видно всю ее ножку. Четыре пары глаз пристально следили за мадам Джилли, вынимающей кинжал из ножен, закрепленных на бедре.

— Как-то раз он уже отрезал язык мужчине, хвастающемуся тем, что произошло между нами ночью, — произнесла она, демонстрируя свое небольшое оружие.

Уоллес побелел, Мелье выглядела озадаченной, Эллизен слегка ухмыльнулась. Эндри с трудом оторвал свой взгляд от голой ноги мадам Джилли — и увидел, как она направила свой кинжал на него.

— Господин, мне очень жаль, что я была слишком застенчива и не предложила вам места в своей постели прошлой ночью, — тихо сказала она, глядя прямо на Эндри. — Пожалуйста, поймите: самое важное для меня — чтобы вы помнили обо мне. Если господину суждено когда-либо вернуться в Палион, мое сердце не будет знать покоя, если он выберет не мою постель для отдыха.

Рука Эндри дрожала, принимая кинжал. Затем мадам Джилли обвила его шею и поцеловала в губы. После нескольких слов на прощание Эллизен открыла дверь. Уоллес так рассердился, что споткнулся на ступеньках и вывалился головой вперед на улицу. Мелье шла за ним с по-прежнему озадаченным выражением лица. Эндри шел с краю, на палке через плечо висели сумки.

Мадам Джилли и Эллизен стояли вместе, наблюдая за троицей, спускающейся вниз.

— Я думаю, что понимаю сейчас Эндри, — сказала мадам Джилли.

— Да, мадам? — спросила Эллизен.

— Эндри вырос грубым, но одновременно он скромный, храбрый, добродушный и очень, очень сообразительный. Его проблема в том, что он не находит места среди своего же класса, и люди не знают, как с ним быть.

— Правда, мадам, — согласилась Эллизен, которая чувствовала что-то подобное.

— Но Эндри не является своим и среди знати, хотя он лучше, чем многие из них. Я обидела его, Эллизен, но попыталась сгладить свою вину.

— Он вас, несомненно, глубоко уважает, мадам.

— Нет, презирает.

— Презираст — это слишком сильное слово.

— Ты думаешь, я достаточно унизила Уоллеса?

— О да, мадам.

— Хорошо.

Внезапно поняв, что Эндри может стать серьезным соперником в борьбе за благосклонность Мелье, Уоллес причесался, пригладил одежду и заговорил на самом изысканном сарголанском. Очень скоро он осознал: таким образом можно исключить из разговора не только Эндри, но и Мелье. Тогда Уоллес перешел на правильный диомеданский.

— Конечно, агенты императора, например, я, должны быть мастерами маскировки, — начал он, когда троица ушла с улицы, на которой находилось заведение мадам Джилли.

— А в чем состоит ваша миссия? — спросила девушка, широко раскрыв глаза. В душе Мелье боролись восхищение и подозрение, и эта борьба отразилась у нее на лице.

— Ну конечно, защита старейшины Терикель.

— Но разве не Стражи Трона последнего императора преследовали ее?

— Вовсе нет, то были простые наемные убийцы, одетые как Стражи Трона. Можно сказать, их было почти не отличить от настоящих.

— А вы, господин Эндри, — произнесла девушка, поворачиваясь к Эндри, который нес четыре ее сумки на палке через плечо и одну на спине. — Мне очень неудобно, что такой благородный человек, как вы, вынужден нести мой багаж.

«И вполовину не так неудобно, как мне», — подумал Эндри, но вслух сказал:

— К вашим услугам, госпожа.

— Расскажите вашу историю, Эндри. Мадам Джилли обмолвилась, что вы — лорд, как и господин Уоллес.

— Я обычный парень, — ответил Эндри, всматриваясь в дорогу впереди.

— Но вы же не могли дать другого ответа, правда? Думаю, я потрачу много времени в путешествии, пытаясь выяснить, кто же вы на самом деле. Кажется, сегодня погода гораздо лучше, чем вчера. Она благоприятствует нашему плаванию.

— Хорошая погода меняется на плохую гораздо быстрее, нежели наоборот, — возразил Эндри. — Как и люди.

Если бы Эндри был полюбезнее с Мелье, Уоллес бы неминуемо проиграл ему. Однако Мелье восприняла его немногословность как обычное поведение знатного человека и поверила в невозможность каких-либо отношений с ним. Вскоре Уоллес снова смог перевести разговор на себя и стал развлекать ее рассказами о многочисленных скандалах во дворце.

— Конечно, никто не мог находиться рядом с виконтом Коссереном и принцессой Сентерри, когда они возлегли на супружеское ложе, но я перекинулся парой слов с леди Кормендель, четвертая дочь которой, как известно, оказывала услуги дворцу взамен на высочайшие милости.

— О нет! — выдохнула Мелье, никогда не слышавшая ни о леди Кормендель, ни о ее дочери.

— О да, и она развлекала виконта Коссерена ночью и на следующее утро! Она сказала, что он был грубоватым и неловким, и вообще не понимал, как удовлетворить женщину. Она даже добавила: «Вероятно, все победы, которыми Коссерен так гордился, он одержал над овцами».

Оба разразились безудержным смехом, хватаясь друг за друга, чтобы не упасть.

— И беспородными овцами, к тому же, — выдавил Уоллес через несколько минут, наконец-то закончив историю, которая при всей своей вульгарности содержала, как это ни удивительно, частицу правды.

Эндри ждал их до тех пор, пока они не успокоились и снова не пошли за ним.

— Какое же умение... ммм... требуется, чтобы усладить утонченную даму, господин Уоллес? — наигранно невинно спросила Мелье, хотя даже Эндри понял, что кроется за этим вопросом.

— О, сложно объяснить, — ответил Уоллес с величавой торжественностью, которую не смог бы изобразить ни один уличный попрошайка. — Незаметные жесты, взгляды, поклоны, любезности — все эти изысканности, каковые лучше показывать, а не марать словами.

— Мне бы так хотелось узнать что-нибудь об утонченной вежливости, прежде чем я вернусь на Диомеду.

— Ну тогда после путешествия вы можете смело говорить, что у вас была есть связь с придворным.

«Я бы никогда не смог стать великим соблазнителем, моя честь воспротивилась бы этому,— подумал Эндри, устало передвигая ноги и таща сумки. — Я только что подумал о том... что же я подумал? Я — благородный? Эндри Теннонер из Баржардса? Четырнадцатый из семнадцати детей? В мадам Джилли, по крайней мере, есть изысканность. Изысканность? Я только что подумал об изысканности? Когда я помыл волосы, наверно, что-то произошло с моими мозгами. Или, может быть, это случилось из-за выведения вшей. Но как Мелье оказалась втянута Уоллесом в эти глупые шутки? Если женщина хоть немного умна, она будет вести себя хоть немного по-умному!»

Эндри был все еще погружен в свои мысли, когда они подошли к «Буйной пташке». Поднимаясь на борт, Мелье положила руку на локоть Уоллеса. За ними плелся Эндри с сумками. Их встретил капитан, который долго и тщательно рассматривал бумаги Мелье.

Уоллес представил ее как Терикель, немного смутившись — ведь он знал, кто она на самом деле. Капитан наклонился к ее уху, и что-то прошептал ей. Она дала ему пощечину. «Интересное путешествие намечается», — подумал Уоллес, передавая сумки Мелье матросу, стоявшему около пассажирского люка и пытавшемуся сдержать смех. Никто не обратил на Эндри внимания до отплытия, которое произошло вечером.

— Разрази меня гром, если это не молодой Теннонер! — воскликнул старый моряк — знакомый Эндри, внезапно увидевший его.

— Собственной персоной, — просто ответил Эндри.

— Но на борту для тебя нет места. Мы сегодня наняли плотника и помощника плотника.

— Но на сей раз я пассажир, — сказал Эндри. — Я нахожусь на службе у этой диомеданской госпожи, у которой есть билет на дорогу в родной город. Я наемный охранник.

— Ты наемный охранник? — засмеялся старый моряк.

— Я обладаю особыми навыками, помогающими мне в работе. Отличная погода для плавания, да?

— Ну да, вот только сколько это продлится?

В этот момент появился Уоллес, взял одну из сумок Мелье, затем исчез вместе с ней в пассажирском люке. Эндри заметил, как капитан бросил на них сердитый взгляд. Он потер лицо и позвал старого моряка. Они разговорились, начали шутить и смеяться. У Уоллеса намечается интересное путешествие, решил Эндри. Возможно, сначала в еду подсыплют дозу слабительного, и у него начнется легкое недомогание, во время которого капитан будет расписывать Мелье прелести положения его фаворитки. С другой стороны, когда начнется сильная качка за пределами гавани, вероятно, Уоллесу уже не понадобится что-то дополнительное, чтобы плохо себя чувствовать. Возможно, и Мелье не покажется хорошей компанией.

«Почему я такой ужасный растяпа, и постоянно отталкиваю людей? — удивлялся Эндри. — Кто я? Дворянин, оставшийся сиротой или покинутый родителями, и выросший в Баржардсе?» Без сомнения, он был похож на своего отца, высокого, костлявого и упрямого. Наверняка бы кто-то заметил, если бы они с матерью не были похожи. И ведь Эндри унаследовал ее способность запоминать все до мельчайших подробностей и быстро учиться. Когда он был у мадам Джилли... его украденный ребек! Теперь Эндри вспомнил, что он забыл его в Доме Отдохновения мадам Джилли, в ее спальне.

Первой мыслью Эндри было спрыгнуть на пирс и мчаться обратно, швартовы уже были отданы, и небольшое судно стояло в ожидании сигнала, чтобы начать буксировку «Буйной пташки» в открытое море. «Нет, это хорошая причина для визита в следующий раз с невинным видом», — решил Эндри, но неожиданно для себя ударил кулаком по пери-

лам корабля: — «К черту невинность, я хочу сейчас обратно в комнату мадам Джилли и делать с ней то, что делает Уоллес с Мелье в ее каюте!»

День почти закончился, но погода была прохладной, как обычно при торейских бурях. «Когда я снова увижу мадам Джилли...», — подумал Эндри — и больше уже ни о чем не думал.

Лафонтен и Тальберан неторопливо прогуливались вокруг каменной кладки Центрас, которую все не только покинули, но и оставили без охраны. За ней устанавливали три дополнительных каменных кольца.

— Я все-таки не уверен в необходимости дополнительных колец, — признался Тальберан. — Да и как можно назвать те штуки каменными кольцами, если даже мегалиты — лишь деревянные стулья с высокими спинками?

— Ну, сиденья-то каменные, выполненные специально в форме ягодиц. И находятся они на каменных плитах.

— Это не одно и то же. Древние...

— Древние построили маленькую конструкцию, и она должна была работать. Мы же воздвигаем самый огромный механизм, который только могут соорудить смертные.

— А что с центральным мегалитом?

— Я думаю, мы знаем, что пошло не так, сейчас все проясняется. Любая эфирная энергия должна проходить через центральный мегалит, и необходимо, чтобы он сочетался с остальными шестнадцатью и дополнял их. Наш мегалит оказался слишком низко из-за кратера, вот и рвануло!

Лафонтен поднял руки к небу, возмущенный:

— Это «рвануло», как ты изволил выразиться, стоило нам доверия каждого мага в лагере. Сейчас никто по своему желанию не станет в этом участвовать.

— Нам нужно постараться держать проблему в секрете.

— В секрете? — Лафонтен засмеялся. — Как? На каждого в радиусе четырех сотен ярдов попали клочки Астеншаля.

— Ну, мы все-таки можем создать хоть какую-то завесу секретности. Сергаль находится у каменной кладки Логьяр. Он достаточно могущественен и опытен, чтобы заменить Астеншаля. Я сегодня вечером отбываю и вызову его сюда. Тем временем ты должен начать строительство каменной плиты в центре кратера, чтобы потом установить центральный мегалит на одном уровне с остальными.

— Весьма неприятным путем мы выяснили правду насчет этого кратера.

— Зато мы раскрыли древнюю тайну.

Эндри обнаружил, что стоит в полумраке, а напротив него — очень стройная незнакомка. На первый взгляд она казалась полностью обнаженной, но если вглядеться, становилась заметна облегающая белая одежда, оставляющая открытыми только руки, ступни и голову. За спиной девушки тихо плескалась неторопливая темная река, а у берега покачивалась самая прекрасная лодка, которую Эндри когда-либо приходилось видеть. Весла были такими длинными и тонкими, что походили на лапки паука. Девушка держала раскрытой огромную книгу.

— Что-то мне не по себе, — сказал Эндри.

— Ты знаешь, кто я? — спросила девушка.

— Ты перевозчица, но имени твоего я не знаю.

— А почему я здесь?

— Думаю, потому, что я мертв.

— Теоретически да... но есть одна проблема.

— Ты не такая, какой я тебя себе представлял. Ты должна быть старухой в лохмотьях, с палкой и на черной лодке.

— Перевозчицы все разные. Я вообще-то работаю на другой мир. Было слишком много смертей, когда горела Торея, так что работы до сих пор хоть отбавляй.

Девушка заглянула в книгу и нахмурилась. Эндри заметил, что ее уши круглые, как и зрачки глаз.

— Что теперь? — спросил Эндри.

— Мне нужно отвезти тебя в загробный мир, но... здесь записана смерть, а имени не указано.

— О! Моя жизнь подошла к концу?

— Хм? Подожди-ка, я проверю графу «Выдержки» и поищу твое имя. О боже, как тут много всего. Статьи об обучении, моряках, пятидесяти ударах хлыстом, назначение Пьяным Скандалистом Баржсайда в 3140 году, мелкая кража, храбрец, знает три языка, сообразительный... Тебе надо вручить приз за абсолютно неправильное использование своих талантов.

— Все так плохо? — спросил Эндри.

— Скорее печально, чем плохо. У тебя монета есть?

— Монета?

— Монета. Плата на перевоз через реку в загробный мир, — заявила перевозчица, кивая в темноту вдали.

Эндри пошарил в карманах. Кажется, у него вообще не было денег. Девушка снова посмотрела в книгу.

— Нет монеты, — признался Эндри.

— Понятно, — ответила перевозчица, не отрываясь от книги. — Ты музыкант. Сыграешь?

— Я бы с удовольствием, но мой ребек у мадам Джилли.

— Как-то странно все это. Уоллес тонет, потому что не умеет плавать, но сейчас он еще жив, а ты точно мертв. Очень, очень запутанно.

— Что случилось? «Буйная пташка» затонула?

— Нет. Капитан приревновал Мелье к Уоллесу. Он ударил тебя по голове и выбросил за борт, думая, что ты их охранник. Теперь он выкинул Уоллеса тоже... ну-ка, я думаю, мы можем помочь друг другу.

— Я? Помочь Смерти?

— Я перевозчица, не Смерть. Ты спасаешь Уоллеса, я достаю твой ребек. Что скажешь?

— Согласен.

Внезапно Эндри очутился в холодной воде в бухте Палиона. Возле него барахтался булькающий клубок рук и ног, бывший, по-видимому, Уоллесом.

Терикель в одиночестве отправилась на площадь на склоне холма, выходившую на гавань Палиона. Одну половину площади обнесли каменной стеной, на другой находились дома с видом на море — их сдавали, и они приносили неплохой доход. Уже давно наступил вечер, когда старейшина преодолела пятьдесят ярдов и прислонилась к стене, вглядываясь вдаль, но не забывая и по сторонам поглядывать. На ней была одежда странствующего торговца. Это означало, что она являлась мужчиной, сильным, но вовсе не богатым — и потому не брезгующим воровством.

Прошло не более минуты, как с другой стороны площади появились двое. Они остановились, что-то обсуждая между собой, затем посмотрели на нее. Наконец один сделал шаг по направлению к Терикель, а другой исчез между двумя домами. Терикель слышала, как шаги приближаются, затем они затихли. Старейшина почувствовала запах плесени и гниения. Некоторое время они стояли рядом, опираясь локтями на старый мрамор перил. Терикель обернулась, и заметила, что человек одет во все черное.

— Веландер? — окликнула Терикель.

— Да, высокоученая старейшина, — услышала она ответ, произнесенный тихим, вкрадчивым, но не лишенным угрозы голосом. — Не подходи слишком близко, я очень опасна.

Говорили на мертвом языке мертвого материка, но Терикель знала его.

— Я думала, что никогда не увижу тебя снова, — сказала она.

— К моей радости, это не так, высокоученая старейшина. Мы слишком долго находились далеко друг от друга.

— Мы были не в очень хороших отношениях, когда видались последний раз.

— Да. Мы ненавидели друг друга. Я предала тебя, высокоученая старейшина, я пыталась уничтожить тебя. Этого нельзя простить.

Терикель выпрямилась, скрестила на груди руки, опустила их, потерла подбородок и взмахнула рукой в воздухе, словно готовясь сказать нечто, что прозвучало бы как прощение и ободрение одновременно. Однако она не смогла найти нужных слов даже для себя, не говоря уже о Веландер. Старейшина плотнее сжала на груди руки и уставилась вниз, на мраморные плиты. Она переминалась с ноги на ногу. Обеим было неловко.

— Вероятно, ты чувствовала себя такой оскорбленной, преданной, когда я... — начала Терикель.

— Да, но это не оправдание для того, что я сделала. Мне нет прощения.

— Тебя наказала сама Судьба, — возразила Старейшина. — Зачем мне еще наказывать тебя? Я хочу снова быть твоим другом.

Послышался звук, похожий на сдавленное рыдание.

— Твоим другом? Посмотри на меня. Я мертвец, который может передвигаться. Я охочусь за живыми, и я всегда голодна.

Глаза Веландер засветились, а кончик языка облизал губы. Терикель с трудом справилась с желанием попятиться. Она почувствовала резкий и неприятный запах в воздухе — запах свернувшейся крови. Возникло ощущение, что она в опасности — как если бы над ней навис огромный тяжелый ящик, удерживаемый тоненькой полусгнившей веревкой.

— Веландер, мне бы многое хотелось исправить в отношениях между нами.

Терикель сделала шаг вперед и протянула руки, но Веландер отступила к стене, оставаясь вне досягаемости.

— Не прикасайся, прошу тебя! — воскликнула она. — Это было бы похоже на объятия овцы и волка. Очень плохая идея.

Терикель поняла ее. Кроме запаха свернувшейся крови и плесени, витавшего в воздухе, она ощутила резкий запах пота. Пота до смерти перепуганных людей. «Все они сейчас мертвы, это точно», — осознала Терикель. Ее старая подруга стала демоном.

— С тобой приехал Ларон? — спросила Терикель.

— Да, мы увидим его попозже, сейчас он занимается некоторыми проблемами во дворце, — ответила Веландер, кивая в сторону императорского дворца.

— Я слышала, он теперь как ты.

— Ты имеешь в виду, мертв и опасен?

— А... ну да.

— Это так, но он уже чувствует себя лучше. Почему ты здесь? Я могу тебе помочь?

— Официально я не здесь, у меня билет на тот корабль, «Буйная пташка».

— Но он уже ушел с пристани и находится в открытом море.

— Да. Он направляется к восточному побережью Акремы и дальше к северным королевствам. Мои враги знают это, а то, что думают мои друзья, вряд ли имеет сейчас значение.

— Однако ты здесь, высокоученая старейшина.

— Да. Я должна ехать в горы Кейпфанга. Мне там надо кое-что решить со Стеной Драконов.

Веландер следила за удаляющейся «Буйной пташкой». Корабль можно было заметить по ярким огням, которые постепенно исчезали. Погода стояла ясная, дул легкий ровный бриз.

— Стена Драконов — это не то, что кажется, — начала Веландер.

Внезапно на «Буйной пташке» вспыхнул огонь, длинные языки пламени начали лизать палубу и взбираться по палубам и такелажу. Длинные извилистые тени виднелись в свете горящего корабля, они напоминали большую плоскую голову на шее, которая то показывались на поверхности воды, то погружались снова в темноту.

— Эндри! — воскликнула в ужасе Терикель, схватившись за голову. — Мелье! Уоллес!

— Это та приманка, которую ты оставила на борту? — спросила Веландер, не отводя глаз.

— Приманка, но они мои друзья! — закричала Терикель.

Горящее масло, изрыгаемое морскими драконами, заливало все, сковывало движения и утягивало вниз. «Буйная пташка» быстро стала огромным плавучим факелом. Огненные змеи продолжали неистовую пляску на телах моряков, выпавших за борт.

— Морские драконы еще никогда так себя не вели, — сказала Терикель.

— Я надеюсь, кто-нибудь сообщит куда следует, — проговорила Веландер.

— Это глубоководные создания, и их не видно с побережья. Естественно, они под контролем.

— Кто-то пытается убить тебя, — заключила Веландер.

— Я заметила, — сказала Терикель, качая головой.

— И что дальше? — спросила Веландер. — Твои преследователи должны быть уверены, что ты мертва.

«Одна часть меня уже мертва, — подумала Терикель. — Я же считала, что оказываю услугу своим друзьям».

— Мне нужно где-то остановиться в безопасном месте. И затем необходимо добраться до гор Кейпфанга в целости и сохранности. Передвигаться по воздуху невозможно. Я слишком слаба после путешествия и... других переживаний.

— Я могу помочь, — сказала Веландер, указывая на одну из улиц, ведущих в сторону от площади. — Пошли, хватит уже на это смотреть.

Они пересекли сумрачную площадь, уже не казавшуюся столь пустынной. Из окон высовывались люди. Они выходили из домов, спускались к нижней стене и смотрели. Внезапно яркая вспышка осветила здания. Терикель услышала, как некоторые из зевак вскрикнули.

— Иногда у меня появляется ощущение, что в мире для меня не осталось больше теплоты, — прошептала она.

— Мне жаль твоих друзей, — сказала Веландер. — Я знаю, что происходит сейчас в твоей душе.

— Тогда тебе должно быть знакомо невыносимое ощущение вины, Вел. Отчасти я рада их смерти. Мне никогда, никогда не удастся объяснить, что я не хотела такой судьбы для них.

Промокшие и грязные, Эндри и Уоллес прижались к илистому берегу под пирсом, наблюдая за пылающим кораблем и чудовищами, напавшими на него.

— Вот черт! — воскликнул Эндри.

— Только черта нам еще и не хватало, — прохрипел Уоллес.

— Там была госпожа Мелье! — закричал Эндри, указывая на горящий в отдалении корабль и разбушевавшихся морских змеев.

— Там мы чуть не погибли! — сказал Уоллес.

— Они думали, что госпожа Терикель находилась на борту, — ответил Эндри.

— Кто они? — грозно спросил Уоллес.

— Тот, кто это сделал, — ответил Эндри.

Внезапно они заметили яркую вспышку огненно-красного цвета с редкими желтыми вкраплениями: «Буйная пташка» взорвалась.

— О, черт, — прошептал Уоллес.

Огонь начал перекидываться на пирующих морских драконов. Хоть они и могли сами извергать пламя, их шкура была уязвимой к огню. Драконы исчезли с пронзительными воплями и больше не появлялись.

— Что произошло? — выдохнул трясущийся Уоллес.

— На борту было масло для ламп, — ответил Эндри. — Очень ценное, допустимо хранение лишь глубоко в трюме. Его можно было перевозить лишь на таком большом корабле, как наш. В Диомеде за него бы выручили целое состояние.

— Ты имеешь в виду, что «Буйная пташка» была просто обречена на взрыв с таким грузом?

Это не приходило Эндри в голову.

— Старейшина, — произнес он тихо. — Она велела Мелье одеться как она, прежде чем взойти на борт.

— Ах да, Мелье.

— А ее враги стали бы искать судно в первом же порту. И обнаружили бы, что старейшины там нет... но сейчас никто не знает о ее мнимой смерти. Могла ли она подготовить такое?

— Ты имеешь в виду, сфальсифицировать свою гибель? — сказал Уоллес, не веря своим ушам.

— Ну да.

— Стерва-убийца!

— Ага.

— Как думаешь, кто-нибудь выжил? — спросил Уоллес, вспомнив о Мелье и чувствуя себя немного виноватым за то, что он все еще жив, а она погибла.

— Только ты, — ответил Эндри, не отрывая взгляда от столбов дыма и языков пламени в центре бухты. — То немногое, что у меня было, осталось в сумке на «Буйной пташке».

— Твоя лира лежала в моей сумке.

— Ну и? Она тоже сгорела вместе с «Буйной пташкой».

— Да не совсем. Я забыл свою сумку, она у мадам Джилли.

Уоллес еще раз взглянул на бухту, где в свете горящего масла можно было видеть предсмертную агонию объятого пламенем морского дракона, всплывшего на поверхность. Он вдруг представил, как умирала Мелье, и понадеялся, что ее смерть была быстрой.

— Можешь распоряжаться моей жизнью на свое усмотрение, — вздохнул он.

— Тогда следуй за мной, — ответил Эндри и упал замертво.

Мадам Джилли лежала полностью одетая на своей кровати, положив руку на лицо, когда в дверь постучали. Три раза. Негромко. Она не стала обращать внимания. Вскоре стук повторился.

— Я сказала, я хочу побыть одна! — закричала она, не убирая руку с глаз.

— Боюсь, мне придется настоять на своем, — произнес кто-то мягким контральто.

Мадам Джилли тут же села, ужасно рассердившись.

— Как ты осмеливаешься входить в мою комнату? — прошипела она, пристально рассматривая стоящую перед ней девушку. — Никому не дозволено входить...

Ее голос задрожал. Она находилась в своей спальне, но ее заволакивал полумрак, и можно было различить чернильно-черную реку. Неподалеку кто-то сидел в узкой лодке.

— Только не это, — прошептала мадам Джилли.

— Так говорят многие, когда видят меня, — сказала девушка, потянувшись к сумке Эндри и доставая оттуда его ребек и смычок.

— Откуда ты здесь? Я лежала на своей кровати, дверь была закрыта.

— Кровати — опасные места. В них умирает людей больше, чем где-либо еще. Ты-то не мертва, а вот Эндри — да. Мне нужно твое разрешение, чтобы принести ему его ребек.

— Мое разрешение?

— Он оставил его у тебя, поэтому я должна спросить. Ну так что?

Мадам Джилли выскользнула из кровати, но когда она оглянулась, то увидела, что ее тело продолжало лежать.

— Я не могу задерживаться слишком долго, — сказала девушка. — Если, конечно, ты не хочешь, чтобы к тебе пришел кто-нибудь другой.

— Смерть?

Девушка засмеялась:

— О, Смерти не существует, она лишь антропоморфное существо, придуманное теоретиками постмодернистской магии и философами-метафизиками. Есть я и такие как я.

— Что все это значит?

— Смерть — процесс, а не существо.

— Я все еще не понимаю.

— Послушай, можно я возьму ребек Эндри для него? Настоящий, материальный ребек останется в сумке, а у него-то будут проблемы во время перевозки через реку, если он не сыграет для меня.

— Если Эндри нужно, возьми, — сказала мадам Джилли, потом воскликнула: — Подожди!

— Я не принимаю условий, — предупредила девушка. — Так можно я возьму, или нет?

— Пожалуйста, послушай. Я хотела изменить Эндри, я хотела дать ему что-нибудь, что будет напоминать обо мне. О, я ведь соблазняла его обещанием провести с ним ночь... ну, наверно, идея оказалась и не очень удачной, но я действовала из лучших побуждений. Теперь он мертв. Как бы мне хотелось обходиться с ним... ну... лучше.

— Так часто бывает, — заметила девушка.

Мадам Джилли увидела, как на ее спальню медленно опускается тень, а берег реки становится все мрачнее.

— Ты скоро можешь умереть, — произнесла перевозчица. — Останешься со мной подольше — и не вернешься.

— У меня есть время, чтобы послушать, как Эндри играет?

Эндри прогуливался в одиночестве по берегу реки, когда вернулась перевозчица с его ребеком и смычком.

— Что бы вам хотелось услышать, госпожа? — спросил он, принимая принесенное девушкой.

— О, я не знаю, что играют в вашем мире, — сказала она, слегка взмахнув рукой. — Наверно, что-нибудь морское. Я своего рода моряк, как бы там ни было.

Эндри сыграл джигу, потом еще один отрывок оттуда, затем рил и наконец исполнил песню «Парень, работающий на барже». Перевозчица сидела и слушала. Очевидно, ей нравилось. Позади стали собираться неясные, призрачные создания. «Здесь не надо удивляться привидениям», — подумал Эндри. Он перестал играть, когда девушка подняла руку.

— Очень хорошо, Эндри, — сказала она. — Я довольна, можешь садиться в лодку.

— Нет, подожди! — закричало одно из созданий позади.

Пара привидений с невероятно красивыми, совершенными телами выступила вперед, и перевозчица представила их как Удачу и Случай:

— Нам бы хотелось, чтобы ты сыграл «Галоп на пальцах и пятках».

— О да, конечно, — отозвался Эндри.

— Тебе не обязательно, Эндри, — сказала девушка. — Их сила здесь на тебя не подействует.

— Может быть, но мне бы хотелось сыграть.

Из тени вышла Судьба, поклонилась перевозчице и протянула руку. К тому времени Эндри сыграл несколько отрывков, в которых упоминались дюжины богов, полубогов и потерянных душ, танцующих на берегу реки. Он заметил,

что один из слушателей стоял в отдалении и не принимал участия в происходящем. Наконец перевозчица попросила остановиться.

— Как ты умер, Эндри? — спросила Удача. — Я тебе благоволила.

— Воля Судьбы, — ответил Случай.

— Слепой Случай, — возразила Судьба.

— Я не слепой, — обиделся Случай.

— Все то время, которое ты провел в тавернах с пьяными картежниками, ты был пьян до слепоты в глазах, сказала бы я, — настаивала на своем Судьба. — В любом случае, люди никогда не говорят, что Судьба слепа и проводит столько времени в тавернах, сколько ты. Они проклинают меня, а молятся тебе.

— Если ты посчитаешь таверны, то поймешь, что Случай и я построили больше храмов для нас, чем все другие боги, — заговорила Удача, толкая Эндри локтем под ребро.

— Так кто убил Эндри? — спросила перевозчица.

Боги переглянулись.

— Это был не Случай, это точно, — сказал Случай.

— Это была не Судьба, я навещала тогда Рок, — подхватила Судьба.

— Ну а я ему благоволила, — заявила Удача, кладя руку Эндри на плечо. — Ты мне нравишься, Эндри,

— Он на самом деле умер? — спросил Случай у перевозчицы.

— Судьбой ему было предначертано жить, — сказала Судьба.

— Держу пари, произошло одно из тех случайных совпадений, которые повсюду оставляет Вероятность, — заявил Случай.

— И это законно здесь? — спросила перевозчица.

— Существовала Вероятность, что его слишком сильно ударили по голове, — подтвердила Вероятность. — Тогда бы он вряд ли пришел в себя в холодной воде, и в любом случае бы утонул.

— Так это была ты? — спросила перевозчица.

— Нет, у него оказалась крепкая голова, она повидала и выдержала многое. Просто Случайно...

— Нет! — закричал Случай. — Я устал слышать, как мое имя употребляют всуе.

Перевозчица встала и кивнула Эндри пройти с ней. Они подошли к лодке и остановились, наблюдая за спором остальных.

— Так случается время от времени, — сказала перевозчица. — Пусть твоя душа что-нибудь сыграет, тогда они начнут слушать, иначе с ними случится сердечный приступ. Я люблю моряков, поэтому и прошу самых лучших перебрать разок струны, а не платить деньги.

— Я не понимаю, — сказал Эндри.

— Совместные действия Судьбы, Случая и других богов часто приводят к гибели людей. Они начинают раздражаться, если такое случается. Разделение власти, понимаешь. Прибавь тот факт, что Удача благоволит тебе, поэтому все выглядит очень двусмысленно.

— Я все еще не понимаю, — сказал Эндри.

— Просто смотри, — ответила перевозчица, доставая регистрационную книгу, перо и баночку чернил со дна своей длинной полупустой лодки. — Господа, Эндри сыграл эту мелодию для меня. Сейчас мне нужна лишь подпись возле его имени, тогда я могу перевезти его...

— Я не буду ничего подписывать! — взвизгнул Случай.

— Вероятность того, что я позволю вовлечь себя в его смерть, невероятно низка, — заявила Вероятность.

— Его смерть не была предопределена Судьбой, я к этому не причастна, — сказала Судьба.

— Я благоволила ему, хватить на меня смотреть! — решительно сказала Удача.

— Я просто перевожу их, — заявила перевозчица. — Мне нельзя ставить свою подпись в регистрационной книге.

Жизнь Эндри повисла на волоске, когда девушка и несколько могущественных богов обдумывали сложившуюся ситуацию. Случай прокашлялся. Остальные повернулись к нему.

— Может выйти Случайно, что холодная вода замедлила процессы жизнедеятельности в его организме, поэтому ему не понадобилось обычное количество воздуха.

— Есть небольшая Вероятность, что волны, созданные морскими драконами и взрывом «Буйной пташки» вынесли его на илистый берег под пирс, — признала Вероятность.

— Да и Судьбой ему было уготовано жить гораздо дольше, — согласилась Судьба.

Удача исчезла без предупреждения. Судьба поклонилась Эндри и растворилась в полумраке. Вероятность попрощалась и пропала. Эндри увидел, как кто-то, прежде наблюдавший молча, сделал несколько шагов вперед, зашел в лодку перевозчицы и сел. Случай подбросил в воздух монету, поймал ее, хлопнул по тыльной стороне ладони, посмотрел, что вышло, пожал плечами и поклонился незнакомке.

— Ваша поперечная артерия может случайно разорваться, мадам, — предупредил он.

— Мадам, это очень плохая идея, — сказала перевозчица, приближаясь к лодке.

Незнакомец покачал головой в капюшоне. Случай записал что-то в большой книге, закрыл ее и положил на стол, которого минуту назад еще не было. Эндри сощурился. Стол исчез. Он встал на ноги и пошел к Случаю.

— Я мертв? — спросил он.

Случай бросил на него ничего не выражающий взгляд.

— Так уж произошло, — ответил бог. — Ты хочешь пожить еще?

— О да, мне кое-что пришло в голову за время моего пребывания в Палионе. Это... ну... как будто я покинул Альберин и понял, что я тогда просто губил все свои таланты, понимаешь?

— Но ты действительно покинул Альберин.

— Я хочу выяснить, кем я должен быть... вроде как... и стать этим человеком. Лучше узнать себя... ну... изучать что-то, учиться.

Бог кивнул, но выражение его лица не изменилось.

— Я отправляю тебя обратно, Эндри, в основном, из-за того, что ты появился здесь из-за прикосновения Перемены. Наверно, она жестковато с тобой обошлась, но знаешь, иногда так трудно привлечь внимание людей. Я предупреждаю: если пренебрежешь подарком Перемены — окажешься в большой беде.

— Ну почему же, господин?

— Никогда не знаешь, чего ждать от ее следующего дара. А сейчас иди и живи — о, и играй превосходно!

Глава 3
Стена драконов

Уоллес со всей силы стучал в дверь Дома Отдохновения мадам Джилли, ожидая, что ему навстречу выскочит несколько полураздетых женщин с арбалетами в руках. Однако когда дверь отворилась, случилось другое: Эллизен ударила ему кулаком в лицо, и затем дверь снова захлопнулась. Уоллес пришел в себя, лежа на спине на улице. Челюсть клацала каждый раз, когда он шевелил ею, а несколько зубов выпало. Уоллес сел, раздумывая, что делать. В сумке Эндри была пара монет, одежда и ребек, а также лира. Он прямо сейчас мог бежать из Палиона. Без сумки Уоллес бы застрял в городе и вернулся бы к попрошайкам.

Дверь открылась снова, и появилась Эллизен. Она вышла и встала над ним, скрестив на груди руки.

— Почему ты до сих пор жив? — сурово спросила Эллизен. — Говорили, что все на «Буйной пташке» погибли.

— Эндри и я боролись с водной стихией, — объяснял Уоллес, запыхавшись. — Я вытащил его на берег, где он и умер. Послушай, мне нужен его...

— Ты говорил, что не умеешь плавать.

— Все так, правильно, он вытащил меня на берег, но перед смертью сказал, что оставил сумку в комнате мадам Джилли.

— Эндри мертв?

— Да, да, он был ранен, когда морские драконы уничтожили корабль. Эллизен, пожалуйста, моя лира в его сумке — и там еще мои деньги. Ну, половина из тех денег моя.

Остальное можешь оставить себе. Но если ты милосердна, я бы не отказался от твоей помощи: мне необходимо покинуть город.

Уоллес улыбнулся ей, надеясь, что выглядит трогательно и очаровательно.

— Заходи, — сказала она, повернулась и вошла внутрь.

Дверь в комнату мадам Джилли была открыта, и не меньше дюжины девушек и женщин окружили ее кровать. Она лежала там в яркой одежде, осыпанная цветами, свежими и не очень, которые сорвали где-то поблизости. Над мадам Джилли склонился человек с медицинскими инструментами, и что-то рассматривал, сощурив один глаз.

— Говоришь, она издала лишь один вскрик? — спросил он у подошедшей Эллизен.

— Я слышала лишь один вскрик, господин. Когда она не ответила на мой стук и слова, я взломала дверь.

— Она умерла от разрыва поперечной артерии. По-видимому, боль пронзила ее на короткое мгновение, затем наступил конец. Я напишу заявление, чтобы не заводили уголовного дела.

Уоллес стоял неподалеку, пока лекарь не ушел. Эллизен поглядела по сторонам и увидела сумку Эндри.

— Ты можешь забрать лиру и половину денег, Уоллес, но это все, — заявила она, поднимая сумку. — Но сначала ты должен отвести меня к телу Эндри.

— Что? Но... тогда я окажусь в опасности!

— Почему?

— Из-за стражников, людей, которым принадлежал затонувший корабль, из-за морских драконов, из-за...

— Тебе хочется добавить меня в этот перечень? — спросила Эллизен, уперев руки в бока.

— Я... вовсе нет, — ответил неохотно Уоллес.

— Замечательно. Веди.

Натянув промокший капюшон на голову, Уоллес пошел к передней двери, открыл ее, и внезапно взвизгнул и бросился к Эллизен. Она оттолкнула его, и он свалился на пол. Перед ними стоял Эндри, подняв кулак, чтобы постучать в дверь. Как и с Уоллеса, с него капала вода и падали комки грязи.

— Э-э... Могу я забрать сумку? — поинтересовался он. — Она в комнате мадам Джилли

Эллизен от души отвесила пинок Уоллесу.

— Это за то, что пытался ограбить Эндри, — рявкнула она, словно маршал на солдата.

В течение последующего часа Эндри рассказывал о том, что с ним произошло после того, как он вытащил Уоллеса на берег. Не было ничего удивительного, что Уоллес решил, что Эндри умер: ведь было темно, а Эндри был весь в мокрой, холодной грязи. Они снова приняли ванну, пока Эллизен тщательно перебирала в ящике одежду, оставленную или забытую разными людьми за много лет. В ней Эндри и Уоллес стали выглядеть вполне прилично.

Эндри сел рядом с кроватью мадам Джилли, подле женщины на ее смертном ложе. Эллизен стояла позади, расчесывая ему волосы.

— Я послала Уоллеса на ночной рынок с Розелль, нашей новенькой, — объясняла Эллизен. — Ей нужно многое купить, а потом они подождут нас у одной таверны.

— Э-э, что все это значит, госпожа?

— Терикель знает, что у тебя здесь друзья.

— Она думает, мы мертвы.

— Хорошо, если так.

Спустя полчаса расчесывания было вычесано огромное количество вшей, а то, что было не прочесать, Эллизен просто состригла с головы Эндри. Она убрала назад его чистые, сухие шелковистые волосы и завязала их кожаным ремешком. Потом принесла зеркало.

— Узнаешь себя? — спросила Эллизен.

— Такое ощущение, что моя голова уменьшилась.

— Людям будет трудно узнать тебя, а те, кто хотел причинить тебе вред, не ожидают снова увидеть тебя в живых. А теперь попрощайся с мадам Джилли, мы должны идти.

— Но как? Она же мертва.

— О, придумай что-нибудь романтическое, Эндри! Она к тебе относилась как-то по-особенному.

— Я не так уверен в этом. Она говорила мне ласковые слова, но спала с Уоллесом. Вот кто ей по-настоящему нравился.

— Это глупая ошибка, мы все их совершаем. Он дала тебе свой звездный кинжал. Это ее особенное оружие, сделанное из осколка упавшей звезды, выкованное, закаленное и заточенное женщинами. Тело мужчины оно рассекает надвое. На моей руке больше пальцев, чем мужчин, которым довелось держать такое оружие. Мадам Джилли пыталась тебе сказать, что ей жаль, Эндри. Жаль, поскольку она поддалась влиянию Уоллеса и причинила тебе боль.

Эндри сидел, поднеся кулак ко рту и разглядывая тело мадам Джилли. Наконец он взял свои отрезанные волосы, поднял одну ее руку и положил поверх спутанных прядей.

— Теперь она сможет пропускать пальцы через мои волосы всегда, когда захочет, — сказал он, не убирая руки. — Я видел, так делали девушки с парнями, которые им нравились.

Одна из женщин, сидевших рядом на кровати, шмыгнула носом. Эллизен положила руку на плечо Эндри.

— Сейчас на самом деле пора идти, — произнесла она.

— Я еще никогда в своей жизни не испытывала подобного волнения, — сказала мадам Джилли, когда лодка перевозчицы пристала к берегу, за которым кончался мир живых.

— Ну сейчас-то ты мертва, — ответила девушка, которая тоже выглядела не самым лучшим образом.

— Приехал обратно из Аркадии для того, чтобы даже не умереть как следует. Столько нервов из-за этого перебежчика-херувима.

— Случай из ряда вон выходящий даже для меня.

— Нам не разрешили остановиться даже в аду.

— Я предупреждала тебя. Все самые жуткие бюрократы идут туда.

— И что теперь? Мне просто здесь остаться?

— Не навсегда. Процесс твоей смерти связан с Эндри, поэтому, когда он умрет, можешь разделить лодку с ним. Очень романтично.

— Он может прожить еще много лет!

— Ну, все равно он не вечный.

— А мне что делать? Я люблю, когда вокруг люди, люблю встречаться с новыми людьми. Это место меня угнетает.

— Я должна вернуться в свой собственный мир, срок моего контракта уже почти истек... но я скажу тебе вот что. Я покажу, как войти в библиотеку, где хранятся книги прошлого и настоящего. В них много романтических историй, соблазнений, предательств и прочего. Почитай их, наверняка найдешь что-нибудь интересное.

— О, я люблю романтику.

— Великолепно. Я уверена, ты будешь счастлива.

Отказавшись быть всего лишь заместителем хранителя каменной кладки Логъяр, Сергаль очень удивился, увидев у себя Тальберана, не сообщившего заранее о своем прибытии. Встреча произошла в седлах и под дождем на дороге в Логъяр.

— Мне нужно сегодня отправиться к каменной кладке Центрас? — спросил Сергаль в третий раз, до сих пор не веря в то, что слышит.

— Если ты согласен, высокоученый брат, тогда отправляйся немедленно. Карета будет ждать тебя около Логьяра и повезет на север по дороге вдоль берега. Лошадей поменяют, все устроено. Ты получишь еду, кровать и узнаешь несколько очень важных заклинаний.

Сергаль оглянулся на Логьяр, потом посмотрел на север.

— Хранитель каменной кладки Центрас, говоришь? — спросил он в пятый раз.

— Ну на самом деле ты будешь хранителем всей Стены Драконов, — ответил Тальберан, еще больше раззадоривая Сергаля. — Все остальные хранители подчинятся тебе.

— Ты уверен, что знаешь, как это случилось? Я имею в виду смерть Астеншаля.

— О да, он умер не зря, он раскрыл тайну, почему первая Стена Драконов была разрушена. Понимаешь, маги, произносящие заклинание Стены Драконов, должны находиться на одном уровне с камнями, и то, где находится центральный мегалит, особенно важно. В том древнем эфирном механизме его установили плохо. И на определенной стадии после произнесения заклинания камень упал. Это разрушило не только ту кладку, но и все кладки, поддерживающие Стену Драконов. Вся огромная энергия тут же высвободилась через центральные мегалиты, и на их месте образовались кратеры.

— Кратеры не являются частью кладки? — подытожил Сергаль, кивнув головой и поглаживая бороду.

— Нет, они лишь свидетельствуют о том, что произошло в древности, — ответил Тальберан.

— Это подтверждает мои мысли, — сказал Сергаль, вновь поворачиваясь к каменной кладке Логьяр. — Я много спорил с Вальтазаром.

— О, он неправ. Сейчас это считается общепризнанным фактом. Ему велят построить каменную платформу и поднять центральный мегалит Логьяра на нужную вышину.

В голосе Тальберна слышались злобные нотки, когда он обращался к Сергалю. Кажется, Тальберан презирал лишенных воображения магов- политиков, похожих на Вальтазара, испытывал чувство удовлетворения от возможности их унизить и радовался их неудачам.

Хотя его плащ промок, и ему не очень хотелось отправляться в путь длиной почти в две тысячи миль без перспективы хорошо выспаться по дороге, от такого предложения Сергаль отказаться не мог.

— Перед вами новый верховный хранитель, высокоученый Тальберан, — заявил он, отворачиваясь от каменной кладки Логьяр — теперь уже навсегда.

Эллизен вела Эндри через лабиринт темных аллей и улочек, пока не убедилась, что за ними никто не идет. Тогда она повернула к «Капризному Страннику». От западных ворот Палиона было недалеко, причем, как известно, ночью они были открыты. В таверне их ждали Розелль и Уоллес. Они немного выпили и были навеселе. При виде Эллизен Уоллес сел прямо и принял торжественную позу.

— У нас поминки по мадам Джилли, — объяснил он.

— Уоллес говорит, нужно радоваться жизни, когда встречаешься со смертью, — добавила Розелль. Потом она встала и направилась в сторону стойки бара.

— Это все равно как если бы ты подкупал выпивкой старика-перевозчика, — продолжил Уоллес.

— Лодкой управляет девушка, и ей не больше двенадцати лет, — сказал Эндри, который сел неподалеку и почесывал затылок.

— Откуда ты знаешь? — засмеялся Уоллес. — Встречался с ней?

— Да.

Уоллес смотрел то на Эллизен, то на Эндри. На их лицах не было и тени улыбки.

— Вы сошли с ума? — спросил Уоллес, все еще пытаясь улыбаться.

— Нет, просто живы, — ответил Эндри, который сейчас почувствовал, что никто, кажется, и не заметил того, что он умирал.

Уоллес побледнел и пристально посмотрел на Эндри: ведь он помнил, как его спутник не дышал, и его сердце не билось там, под пирсом. Эллизен тоже не отводила глаз, потом взглянула на стол, хлопнула в ладоши, постучала по столу и кивнула головой самой себе. Уоллес решил сменить тему.

— У тебя нет моей лиры, а? — спросил он Эндри.

Эндри вынул инструмент из мешка и передал его Уоллесу, который стал что-то наигрывать.

— Она не настроена! — воскликнул он.

— Удача благоволит мне, — ответил Эндри.

— Да не слишком.

— Удача покинула меня.

— Чем сейчас займемся? — спросил Уоллес, выдвинув колок и натягивая струну.

— Можешь еще выпить, — сказал Эндри, ущипнув себя за запястье, желая удостовериться, что чувствует боль.

— А ты?

— Как-то не хочется после того, как чуть было не выпил половину бухты.

— Идем обратно к мадам Джилли? — обратился Уоллес к Эллизен.

— Мы уже были у мадам Джилли, никуда идти не надо, — заявила Эллизен. —Мы останемся здесь до рассвета, потом ты и Эндри покинете город.

— А где мы будем спать? — попытался протестовать Уоллес, взглянув на Розелль, которая возвращалась с четырьмя пивными кружками.

— Сегодня мы не будем спать, — сказала Эллизен таким тоном, что, казалось, ее возмущал сам факт существо-

вания Уоллеса. — Городские ворота закрываются за полчаса до восхода солнца. Если, конечно, тебе не хочется ползти по стенам.

— Ну вообще-то есть много других способов скоротать ночные часы, — возразил Уоллес, когда Розелль села напротив него.

Он дотронулся до нее под столом и стал гладить рукой ее бедро. Но он случайно перепутал ее с Эллизен. Она схватила Уоллеса за мизинец и резко согнула. Раздался щелчок, и Уоллес вскрикнул от боли.

— Ну, кто сыграет? — спросил ошеломленный Эндри, поспешно доставая свой ребек.

— Чего мне действительно хочется, так это выпить, — пробормотал Уоллес, вставая и гладя свой сломанный палец.

— А мне хочется танцевать! — воскликнула уже порядком пьяная Розелль, подпрыгивая и хватая Уоллеса за руку.

Эндри сыграл несколько танцевальных мелодий, Уоллес и Розелль танцевали перед очагом. Официантки и пара посетителей присоединились к ним. Владелец «Капризного Странника» стоял неподалеку и одобрительно посматривал на них. Он ценил репутацию своей таверны как места, где каждый мог найти развлечение по вкусу в любое время, а также качественное пиво по умеренным ценам. Еще более важным являлось то, что музыканты здесь играли бесплатно.

Во время первого перерыва Уоллес подошел к столу, стараясь не сталкиваться с Эллизен, сел подле Эндри, тяжело дыша. Он выпил кружку пива, стоявшую перед ним, и потер сломанный палец. Эндри пошарил в сумке в поисках какого-либо обрывка одежды и перевязал Уоллесу руку, примотав мизинец к безымянному пальцу.

— Знаешь, Эндри, все эти танцы — на редкость хорошая возможность обратить на себя внимание, — сказал Уоллес весело.

— Да? — спросил Эндри.

— Конечно, я и не ожидал, что ты это знаешь, ты же моряк. Чистый, прохладный, бодрящий воздух сельской местности, лучи солнца на твоем лице, сон на теплых, ароматных стогах сена, честные, доброжелательные крестьяне и осознание полной независимости от других людей, кроме себя самого.

— А да, правда, — согласился Эндри. — На корабле воздух грязный под палубой и холодный снаружи. Команда должна работать вместе или умереть, а капитаны не очень-то добры.

Уоллес глубоко вдохнул и запел:

Левой, левой, левой — по дороге к небу,
Левой, левой, левой — по дороге — только ты и я.

Эндри узнал мелодию марша, которую слышал в свою первую ночь в Палионе. Он взял свой ребек и стал играть в одиночестве.

Остаток ночи продолжалось веселье, хотя и в рамках приличия. Эндри и Уоллес играли на лире и ребеке, а остальные посетители «Капризного Странника» танцевали и пели. Где-то в полночь вошли двое стражников и сообщили, что следят за порядком, затем сели и заказали по пиву. Вскоре они уже танцевали с Эллизен и официанткой под музыку Эндри. К тому времени Уоллеса и Розелль нигде не было видно.

Солнце уже почти встало, когда Эндри вышел из «Капризного Странника» и направился к городским воротам. Эллизен несла Уоллеса на плече, а рукой поддерживала Розелль за шкирку и пыталась заставить ее идти прямо. Двое стражников следовали за ними, решив составить компанию. Эндри нес обе сумки, запечатанный кувшин вина и ребек. Стражник пониже нес бурдюк, который Эндри получил в качестве подарка от владельцев таверны, а его огромного роста напарник

рассказывал Эллизен, какое это чудесное совпадение, что они оба служат стражниками и работают в ночной смене, и не хотелось бы ей позавтракать?

— Уоллес и Розелль взяли что-нибудь в дорогу? — спросил Эндри, когда все остановились недалеко от городских ворот.

— Каждому по одеялу, немного хлеба и копченую колбасу. Еще флягу с водой, — ответила Эллизен. — Я была как-то раз в ополчении, выдавая себя за мужчину. Я знаю, что может понадобиться в пути.

— Молодец, парень, — сказал высокий стражник, давая Эндри серебряную монету. — Мы отлично повеселились ночью под твою музыку.

Своим поступком он скорее хотел произвести впечатление на Эллизен, нежели поблагодарить Эндри, и желаемый эффект был достигнут. Элиззен свалила Уоллеса на землю, отпустила Розелль, затем сжала руку стражника и прошептала, что он поступил великодушно. Эндри распечатал кувшин, глотнул пару раз и пролил часть на тунику. Остальное вылил на голову Уоллесу, заставив его сесть. Тот забормотал какие-то ругательства.

— Под твоими ногами, странник, все прелести начала пути, — засмеялся Эндри.

— Эндри, это для тебя, — сказала Эллизен, вынимая деревянный гребень черного цвета, на котором было вырезано демоническое лицо с длинными зубами. Она посмотрела в сторону, затем подбросила что-то ногой и кинула Уоллесу:

— А это тебе, Уоллес. Иди, Эндри, и пусть Удача сопутствует тебе.

К этому времени стражник пониже исчез вместе с Розелль, которая вдруг почувствовала себя плохо. Эндри потребовалось некоторое время, чтобы поставить Уоллеса на ноги и разобраться со своей сумкой. Эллизен начала достаточно

серьезный разговор с высоким стражником о наручниках и прочих подобных устройствах. Эндри взвалил сумку на плечо и поднял бурдюк из «Капризного Странника».

— Теперь ведите себя так, как будто вы пьяны, поскольку мы приближаемся к воротам, — велел Эндри, когда они двинулись в путь.

— Чего это ты... иии... имееешь в виду, говоря «вести себя»?» — спросил Уоллес.

Они шли, пошатываясь, к городским воротам, и свободными от поклажи руками поддерживали друг друга. Движение сквозь ворота было небольшое, что не радовало. Стражникам нечем было заняться, и от скуки они могли более тщательно проверять проходящих путников.

Один из стражников преградил им путь. Эндри и Уоллес заранее договорились бормотать что-нибудь нечленораздельное. Пошарив в сумке, Уоллес достал пару медных монет для взятки, но стражник покачал головой.

— Мне нужны документы на проход для вас обоих, — твердо заявил он.

Эндри ожидал, что потребуются документы для входа в город, но не для выхода. В Альберине все только радовались, когда люди вроде него и Уоллеса покидали город.

— Нееету документов в рукее, поищу в сумеее, — пробормотал Эндри, надеясь, что пронесет.

— Я попрошу вас вывернуть сумки, или останетесь здесь, — начал стражник. Тогда между ними встал ночной стражник, который был выше.

— Нежелательно, их выгнал магистрат гавани, — вступился он.

— Выгнал, говоришь? — спросил стражник.

— Мне приказали довести их до ворот и удостовериться, что они покинут город в течение часа с момента восхода солнца. Если кто-то попытается удерживать их, я должен записать его имя и сообщить магистрату.

— Ах да, спасибо за предупреждение! — воскликнул стражник, который тут же отступил в сторону и указал на ворота:

— Вы двое, пошли вон!

Эндри и Уоллес не прошли и четыреста ярдов от западных ворот Палиона, когда начались трудности.

— Эти лямки от сумки врезаются мне в плечи, — заворчал Уоллес.

— Ты нес ее по всему городу и не жаловался, — ответил Эндри.

— Да, но... она не была такой тяжелой, и я мог сесть и отдохнуть, когда становилось совсем тяжко.

— Ну ладно, потерпи. Нам нужно скрыться из поля зрения стражников, чтобы кто-нибудь опять не решил, что нас нужно проверить.

Они прошли еще четверть мили.

— У меня болит левая нога, — пожаловался Уоллес.

— Так ты же идешь, это неудивительно, — сказал Эндри.

— Может, остановимся и отдохнем?

— Нет! Мы еще и на полмили не ушли от ворот.

— Полмили? Да тут все пять! Ты же моряк, откуда тебе знать, что это лишь полмили?

— Вон посмотри на тот белый камень впереди, на нем надпись: «Палион. 5 мили».

Они прошли еще четверть мили.

— Не верится, что мы не дошли еще даже до первого камня с обозначением целой мили, — жаловался Уоллес. — Кажется, время остановилось. Какой-то злой маг запутал нас. Или, вероятно, этот камень просто украли.

— Не говори чепухи, Уоллес, он весит полтонны!

— Наверно, похититель обладает недюжинной силой.

— Спорим на медную монету, мы пройдем его через пару минут.

— Давай!

Эндри показал на белый камень в отдалении, потом спросил Уоллеса насчет своей монеты.

— Чертов землемер, неправильно пометил расстояние, — пробормотал Уоллес.

— Я считал шаги, все правильно: мы прошли приблизительно полмили.

Возле белого камня у Уоллеса началась истерика.

— Такое ощущение, что в мои пятки впиваются гвозди из сапог — стонал он.

— Это волдыри, у меня они тоже есть.

— А в левой икре спазмы!

— Ну, так бывает во время ходьбы.

— Больно!

— Ты знал, что торейские мили в два раза длиннее наших, акреманских?

— Заткнись!

— Тебе надо больше ходить.

Возле столба с обозначением двух миль по обеим сторонам дороги раскинулась небольшая рощица, и Эндри разрешил отдохнуть. Уоллес жадно припал к бурдюку с вином. Эндри выпил немного воды, затем взял топор у Уоллеса и срубил длинную прямую ветку одного из деревьев, затем очистил ее от листьев и сучьев.

— Ха, тебе нужна опора, — фыркнул Уоллес. — Твои ноги моряка не привыкли ходить по земле.

— Мне нужно оружие, — объяснил Эндри. — Это будет подходящая дубина.

— Оружие простолюдинов! — засмеялся Уоллес. — Благородные носят топоры.

— А ты знаешь, как пользоваться топором?

— Я... ммм... ну вот, теперь ты об этом...

— Я могу дать тебе пару уроков.

— Нет! Ничего, что потребует от меня встать, пожалуйста.

— Боюсь, тебе в любом случае придется вставать. Нам нужно идти.

Уоллес сделал еще несколько глотков вина из бурдюка.

— Просто так будет легче, — объяснил он.

Когда они прошли пять миль, Уоллес почти разрыдался и умолял остановиться на ночлег. По расположению солнца на небе Эндри понял, что было около девяти часов утра. Уоллес споткнулся на обочине дороги и тяжело упал. Он корчился на земле, крича от боли в ногах. Эндри делал Уоллесу массаж ног, пока тот снова не смог стоять, и затем сдался и решил сделать перерыв. Прихрамывая, Уоллес дошел до крытого стога сена и лег, не снимая сумку. Он тут же заснул.

Эндри проверил, что Эллизен положила в его сумку. Там были чернила, вычурное одеяло с надписью «Дом Отдохновения мадам Джилли», вышитой красным на уголках, маленький коврик, разнообразная еда и небольшая книга.

— «Альманах странника в сарголанской империи», — прочитал громко Эндри. Он съел немного хлеба и вернулся к книге. После того, как Эндри все снова уложил в сумки, он позволил себе немного вздремнуть. Около полудня их разбудил фермер, обнаруживший Уоллеса, безмятежно спавшего на его сене. Фермер взял дубину и прогнал путешественников обратно на дорогу.

— О, моя голова, — простонал Уоллес, когда только фермер скрылся из виду.

— Моя тоже болит, и даже не из-за похмелья, — сказал Эндри.

— Хочу умереть, — ворчал Уоллес.

— Пять миль, — ответил Эндри. — Посмотри назад, увидишь легкую дымку. Мы ушли из города.

— Я был в таверне... — начал было Уоллес, но он точно не помнил, что происходило прошлой ночью.

— Знаешь, мы можем неплохо сыграть: я на ребеке и ты на лире. Помнится, один раз, когда мы начали бренчать, не потребовалось покупать выпивку для четверых из нас.

— Да, многие танцевали тогда, в таверне. Пели. Розелль танцевала на столе. Официантка увела меня оттуда, чтобы осушить вдвоем бочку.

— И оставила меня одного играть в течение получаса.

— То была самая лучшая бочка, — засмеялся Уоллес. И вздрогнул от боли.

— А что с Розелль? — спросил Эндри.

— А что с ней?

— Казалось, ты ей нравился.

— А, просто девка. Переспал с ней в конюшне.

Эндри обдумывал его слова в течение следующих ста шагов и пришел к изумительному заключению — изумительному потому, что раньше так всегда говорили о нем самом.

— Уоллес, ты знаешь, что ты подонок?

— Что? Что ты несешь? Отстань.

— Так...

— Нет! Знаешь, я могу бросить тебя, иноземца, одного в сарголанской глуши. А тебе нужен проводник и переводчик.

Он изогнулся от боли — лямки натерли ему плечи, но вскоре он понял, что можно немного облегчить страдания, если опустить сумку пониже.

— Хотелось бы знать, сколько еще до Логьяра? — сказал Уоллес, размышляя вслух.

— Пятьсот миль.

— Пятьсот! Но почему, почему это в сто раз больше, чем мы прошли за весь день!

— Сейчас еще даже не вечер.

— Откуда ты знаешь, что пятьсот?

— Эллизен дала мне альманах странника.

— Ха! Не сомневаюсь в том, что ты ей дал — ха-ха!

Эндри со всей силы ударил Уоллеса между ног. Тот тяжело упал.

— Ну-ка, думай о дороге, — сказал Эндри, помогая ему подняться.

Лишь через полмили Уоллес смог идти в ногу с Эндри. Они шли молча до столба с отметкой «6 миль».

— Знаешь, я пойду только до Глэсберри, — решил Уоллес. — Хороший, большой город. Сколько до него?

— Двести миль, — ответил Эндри, испытывая злобное удовлетворение.

Уоллес нахмурился и некоторое время обдумывал этот неутешительный факт.

— А большой провинциальный город Кловессер?

— Сто восемьдесят миль.

— Вот черт, когда ближайшая деревушка?

— Ну через семьдесят миль. Если будем делать поменьше привалов, дойдем через два дня.

— Так значит, сейчас мы делаем много привалов?

— Делать поменьше привалов — значит, что в течение дня необходимо быть на ногах восемнадцать часов и делать остановки только для сна и по малой нужде. Есть на ходу, пить на ходу и не останавливаться во время дождя, снега или из-за похмелья.

— Но ведь на этой проклятой дороге должен найтись какой-нибудь постоялый двор! — взвыл Уоллес.

— О да, он называется «Отдых от счета миль».

— Глупое название для постоялого двора.

— Это у столба с отметкой в двадцать миль.

— Двадцать миль! — закричал Уоллес. — Это в четыре раза больше, чем мы прошли.

Начался дождь.

Обычно путники начинали появляться в таверне, чтобы перекусить или просто выпить, не раньше часа дня. Поэтому в «Каприэном Страннике» было пусто, когда туда вошла Те-

рикель. Она направилась к камину и погрела руки перед пламенем. Когда старейшина повернулась, чтобы погреть спину, она увидела рядом с собой Ларона и Веландер.

— Высокоученая старейшина, — сказали они хором, одновременно кланяясь и приветствуя ее.

— Ларон, — начала Терикель, сделав шаг вперед и остановившись. Прошло почти сто и шестьдесят дней с тех пор, как старейшина последний раз видела его, и Ларон сильно изменился с тех пор. — Ты выглядишь... э-э... — начала она напряженно.

— Живым, высокоученая старейшина? — подсказал Ларон.

— Я хотела сказать... очень хорошо. На самом деле, просто отлично. Очарователен, энергичен и потрясающе галантен.

— Благодарю тебя, высокоученая старейшина, но мне по-прежнему пятнадцать, — ответил Ларон.

— Хотя живешь уже семьсот лет.

Веландер немного отошла в сторону, когда Терикель и Ларон обнялись.

Терикель заметила, что его кожа была действительно снова теплой, а лицо — чистым, без прыщей и угрей, которые не исчезали в течение семи веков. Они сидели перед огнем, пока Веландер рыскала среди теней в другом конце таверны — возбужденная и голодная.

— Но как Веландер стала такой, каким ты был некогда? — спросила Терикель. — Я имею в виду, разве она не умерла? Когда я находилась в Диомеде, я разговаривала с теми, кто видел ее тело. В нем определенно не было никаких признаков жизни.

— Да, но я слышал о чудесах и волшебстве, происходящих именно в тот самый момент между жизнью и смертью. Я видел, как блуждала тень Веландер, освободившаяся от всего, что связывало ее с нашим миром. Другой маг не смог бы сделать ничего, только пожелать доброго пути, но я существо-

вал в тех пограничных сферах уже семьсот лет. Веландер была очень слаба, ее жизнь оказалось спасать слишком поздно, однако оставалась возможность сделать... кое-что опасное.

— Получилось?

— О да. Теперь Веландер мертва, но она с нами. Кровь других питает ее, их энергия дает ей силы. Когда Мираль опускается ниже линии горизонта, Веландер должна лежать подобно мертвой, но в остальное время она может ходить и говорить, как и все мы.

— Ты превратил Веландер в такое же существо, каким сам был когда-то?

— Да, но я действовал из благих побуждений, — ответил Ларон.

— Так она убивает людей?

— Да, но только тех, кто причиняет другим страдания.

— Очередной реформатор вампирского общества, — вздохнула Терикель, кладя руку на лоб и потерев левый висок.

— Ларон научил меня галантности, — слышался голос Веландер из другого конца комнаты. — Я питаюсь только теми, кто...

— Они что-то дают, и поэтому считаются добропорядочными гражданами? — осмелилась сказать Терикель.

— Ну да.

— И недостатка в них нет, — добавил Ларон.

— О, Вел! — воскликнула Терикель, вставая и раскрывая объятия.

— Не надо обнимать, пожалуйста, — сказала Веландер, тут же сделавшая шаг назад. — Я себя контролирую, но не стоит испытывать судьбу.

Терикель снова села, наощупь найдя стул. У нее кружилась голова. Веландер превратилась в существо, чья плоть была холодной, мощь равнялась силе пяти мужчин, а кровь других была ей жизненно необходима. Она не могла сдви-

нуться с места, даже когда огромный диск Мираля с кольцами опустился за горизонт. Однако из всех людей континента Акрема Веландер и Ларон оставались единственными, кому Терикель доверяла больше всего.

— Чем займемся? — спросил Ларон, решив прервать затянувшееся молчание.

— Я должна дойти до гор Кейпфанга, — ответила Терикель, опуская подбородок на руки.

— Это очень просто, как обычно, — сказал Ларон. — Отряд копьеносцев — вот с чем у меня ассоциируется поход туда. Ты можешь ехать верхом?

— Нет, — произнесла Терикель.

— Ох. А топором владеешь?

— Я когда-то рубила лес.

— А копьем пользовалась?

— Никогда.

— Ладно, не обижайся, старейшина, но есть что-нибудь среди твоих умений, что может быть полезно, раз уж у тебя нет опыта ношения доспехов?

— Я немного понимаю в медицине.

— Это уже что-то, — заявил Ларон. — Но тебе нужно научиться ездить верхом. Может, стоит сегодня попозже зайти в конюшни, узнать самое элементарное и взять пару хороших уроков верховой езды. Экспедиция в Кейпфанг отправляется через неделю, поэтому у нас времени предостаточно. Почему ты хочешь туда?

— Там живут люди, очень умные люди. Мне нужно поговорить с ними о Стене Драконов, так что... Возможно, было бы лучше, если бы я тебе не рассказала, все очень трудно и сложно. Стену Драконов введут в действие через два дня. Я хотела не допустить этого...

— Остановить активацию Стены Драконов? — воскликнул Ларон. — Величайшего магического проекта за всю историю мира?

— Как я и говорила, все очень сложно и тем более опасно. Ты видел, что случилось с кораблем на прошлой неделе, а перед этим на меня напали Стражи Трона на улицах Палиона.

— Я слышал, тебя спасли твои охранники, — заметил Ларон.

— Нет, я была одна. Убила двух магов и побежала. К тому времени как пятеро Стражей Трона окружили меня, я почти лишилась сил и не могла сражаться. Меня спасли двое подвыпивших бродяг. Альберинские моряки, по крайней мере, один из них.

— Альберинцы? — вскрикнул Ларон. — Моряки?

— Да. Один говорил с очень сильным акцентом.

— О, боги луиных миров, в Альберине есть моряки-дикари, — сказал Ларон, проводя пальцами по волосам и не спуская с Терикель своих выразительных зеленых глаз. — Это они убили Стражей Трона?

— Ну... один из них убил одного Стража, а другого я сожгла заживо. Пламя было так близко, что я чуть не погибла.

— А трое других?

— Тощий моряк просто побил их.

— Но... но чтобы стать Стражем Трона, нужно сразить десятерых вооруженных головорезов. Одновременно. Причем сражаться необходимо без одежды и оружия.

— Просто повезло. Хотя теперь городской казне «повезет» потерять кучу денег, чтобы восполнить потери, — сказала Терикель.

— Где они сейчас? — спросил Ларон.

— Они были на борту «Буйной пташки». Их сопровождала проститутка, одетая как я. Сейчас все мертвы.

Зная, что ей предстоит отправится в путь продолжительностью в недели и длиной в сотни миль, Терикель использовала любой повод, чтобы еще немного отдохнуть и погреться у камина. Она посмотрела на Веландер в другом конце комнаты, которая выглядела до боли знакомо, только чуть более бледной и худой.

— Вел, ты совсем не изменилась, — весело сказала она.

— Я никогда не меняюсь, высокоученая старейшина. Я буду такой всегда. Или, по крайней мере, до тех пор, пока кто-нибудь не отсечет мою голову, не сожжет ее, не вырежет мои сердца и не похоронит их на перекрестке, тогда...

— Хорошо, хорошо, мне очень жаль, что я затронула такую щекотливую тему! — воскликнула жрица.

— Высокоученая старейшина, только мне есть за что извиняться. Я просто рассказывала тебе, как меня можно уничтожить, тем самым отдавая себя в твою власть.

— Но Веландер, я не стою таких жертв.

— Высокоученая старейшина, потребуется много времени, прежде чем мне будет позволено снова стать твоим близким другом, ведь я причинила тебе такую боль. Пока я займусь незначительными делами, которые постараюсь довести до конца.

— Но Вел, я прощаю все, что ты когда-то сделала...

— Высокоученая старейшина, ты не понимаешь. Прощение, даруемое тобой... Я должна быть достойной твоего прощения. Должна сделать... кое-что важное. Я поступила с тобой жестоко, и причинила тебе слишком сильную боль.

Пока Терикель постигала премудрости верховой езды, Эндри и Уоллес считали придорожные столбы до «Отдыха от счета миль». В окрестностях постоялого двора местность была равнинная, и преобладали пастбища, а не деревья, поэтому выкрашенные в белый цвет стены были заметны с расстояния трех миль.

— У виндикейцев есть поговорка, — сказал Уоллес, сосредоточившийся на движении собственных ног, и не особенно заботившийся о том, что говорит язык. — «Он выглядит так, словно проделал долгий путь». Спорю, я сейчас выгляжу так же.

— Ага, — ответил Эндри. — Но семьдесят миль — не очень много. Согласно альманаху, большинство постоялых дворов находятся на расстоянии в двадцать миль друг от друга. Для здорового крепкого крестьянина это день пути. Так там пишется.

— Но я не здоровый крепкий крестьянин!

— Уоллес, а кто же ты?

— Больной, несчастный, уставший, со стертыми ногами... Вот черт! Опять начинается дождь.

— Ну тогда побежали оставшиеся три мили до «Отдыха от счета миль».

— Твой отец — близорукая канализационная крыса, а мать — маленькое зеленое бородавчатое насекомое, питающееся мухами.

— Так ты не побежишь?

— Солнце выглянуло только на два часа, но мое лицо сгорело. Теперь такое ощущение, что его скребли металлической щеткой.

Дождь усилился. Эндри достал коврик из спальни мадам Джилли и сделал из него накидку. Уоллес даже не пытался укрыться от непогоды. Он опять поправил лямки сумки, но каждый дюйм его плеч пронзала сильная боль.

Прошел час с наступления вечера, когда Уоллес и Эндри дошли до «Отдыха от счета миль». Дождь немного утих и полностью прекратился, как только они добрались до двери, но Уоллес даже не остановился, чтобы выругаться. Он направился прямо в таверну, к камину, не обращая внимания на толпу путешественников и пьянчуг с окрестных ферм, и тотчас упал на пол. Медленно, очень медленно Уоллес стянул ботинки. Носки намокли от воды и крови. Рядом кто-то присвистнул. Уоллес снял носки. Взгляду окружающих предстали огромные свежие мозоли на пятках и подушечках пальцев. Уоллес пару раз встряхнул ногу, и клочья окровавленной кожи вывалились из носков. Кто-то снова присвистнул. Стали

показывать пальцем. Уоллес положил носки на теплые камни, и из них сразу повалил пар. Запах чем-то напоминал подогретый подпорченный гуляш.

Эндри подошел с парой пивных кружек, и только сейчас Уоллес обнаружил, что все еще не снял сумку. Он опомнился и свалил ее на пол. Затем осушил свою порцию эля залпом.

— Тяжелый выдался денек, да? — спросил старик, сидевший на стуле возле камина.

— Ага, — промычал Уоллес.

— Попробуй бычий жир, — сказал старик, пододвигая к Уоллесу маленький кувшинчик.

— Не, лучше тигриный жир и ланолиновое масло, — произнес кто-то еще, протягивая другой кувшинчик.

— Сено нужно, в обувь подложить, — посоветовал кто-то, стоявший позади Уоллеса.

— Нет ничего лучше свежей травы.

— Используй зубчатые цветки, в них особые заживляющие вещества, лекари очень даже советуют.

— А у тебя лишь одна пара носков. Я ношу две.

— Я три.

— Нужно помыть твои ноги в медовом вине. Жжет, зато помогает. Подожди-ка, я принесу чуть-чуть.

У Эндри создалось впечатление, что всем этим людям, не плавающим в море, не ездящим верхом, не путешествующим на баржах или в экипажах, нет ничего интереснее, чем рассматривать свои ноги и ухаживать за ними. Уоллес взвыл, когда на его кровавые мозоли вылили вино. Потом отовсюду стали советовать, как утишить боль, какое использовать масло и повязки и какие носить сапоги.

В этот момент вошел один из местных торговцев, взял кружку вина с пряностями, и присоединился к толпе в таверне.

— О, какие веселые парни собрались здесь! — воскликнул он громким и нарочито радостным голосом. Торговец не обращал внимания на доносившийся со всех сторон зло-

вещий шепот, который, казалось, зарождался внутри самой толпы. — Я только что совершил замечательную бодрящую прогулку от своего хранилища через поле сюда, — продолжил он, — О, я не променял бы это даже на мешок золота.

— А променял бы на мешок фальшивых медяков, — сказал так тихо Уоллес, что расслышал лишь Эндри.

— Да, прохладный, освежающий воздух деревенского вечера — о, это просто волшебно! — не унимался торговец. — Нет никаких неприятных запахов или дыма, есть только две ноги, несущих тебя по дороге, которая вскоре закончится в дружелюбной таверне. Никаких городских грубиянов и головорезов, лишь честные, приятные крестьянские лица, готовые с удовольствием разделить с тобой и пинту, и песню.

Уоллес попробовал сдвинуться с места на своих перебинтованных ногах. Боль не исчезла, однако он превозмог ее. Усилием воли Уоллес сделал шаг правой ногой. Икры горели, как будто в них воткнулись сотни горячих иголок. Он сделал шаг левой. Торговец отпил из его кружки и набрал в легкие воздуха.

Левой, левой, левой — по дороге к небу,
Левой, левой, левой — по дороге — только ты и...

Левой рукой Уоллес схватил торговца за зеленый шнурок поверх туники, а правой ударил кулаком в лицо. Пострадали левый глаз, щека и нос.

— Как-нибудь попробуй прогуляться на стертых до крови ногах, идиот, — заорал Уоллес, не отпуская свою жертву. — Тогда посмотрим, захочется ли тебе запеть эту проклятую глупую «левой, левой, левой...» песню!

Уоллеса поддержали одобрительными возгласами, когда он, прихрамывая, вернулся к камину, а проезжий сапожник даже предложил бесплатно подправить сапоги. Эндри вынул свой ребек и начал наигрывать неторопливую мелодию, популярную в Скалтикаре, а посетители снова вернулись к своему пиву и разговорам.

— Да точно, и сейчас хватает грубиянов, — произнес чей-то голос из-за стойки бара.

— Думаю, неплохо было бы очутиться дома, в Альберине, — сказал с тоской Эндри.

— Ты забыл про пролив Страха? Волны выше, чем горы? В любом случае, единственный корабль, способный преодолеть пролив Страха, превратился в облако дыма и теплые угольки, плавающие в бухте.

— Нужно сначала отправиться в Логьяр. Там я дождусь окончания бурь. После этого я продолжу свой путь.

— Но корабля-то нет.

— В самом узком месте ширина пролива составляет лишь сотню метров. Есть много рыбацких лодок, и когда бури утихнут, они все займутся перевозками грузов. А груза нужно перевезти немало.

— Что касается меня, то я останусь в Глэсберри, — сказал Уоллес, возясь со вторым носком. — Это старая столица Саргола, по возрасту не уступает самой империи. Еще сто восемьдесят миль! Если идти как обычно, получится девять дней. На самом деле мне все равно где остаться — пусть и в незнакомом месте.

— Но люди думают, что нас нет в живых, — напомнил Эндри.

— Люди будут думать, что мы мертвы до тех пор, пока не увидят нас своими глазами. Когда мы появимся перед ними живые, многим станет очень не по себе.

— О да. Мы только что поняли, что они могут сделать, когда им очень не по себе, — добавил Эндри. — Мне не особо нравится твоя идея. Почти весь Палион пытается убить старейшину Терикель, затем старейшина Терикель пытается убить нас, чтобы убедить других в своей смерти.

— Ага, и убивает Мелье, — сказал Уоллес. — Так жаль, она была отличной любовницей.

— Мелье тоже? — воскликнул Эндри. — Три женщины за одну ночь.

— Да... В смысле... ну да, — пробормотал Уоллес.

— Это просто отвратительно.

— Ты — ханжа, — огрызнулся Уоллес. — Женщины хотят комплиментов и галантности, и не прочь заплатить за это весьма приятным способом.

Эндри никогда не приходило в голову говорить об этом так сухо и расчетливо. Он начал пристально разглядывать огонь, размышляя об отношениях между мужчинами и женщинами и надеясь, что все не столь прозаично, как следовало из слов Уоллеса. Мысли снова вернулись к «Буйной пташке».

— Мои друзья на корабле, все они погибли, — сказал Эндри, обращаясь скорее к огню, чем к Уоллесу. — Мне так больно, когда я представляю, что они утонули, сгорели или их съели морские чудовища.

— Но тебя же там били, обворовывали и подвергали штрафам и наказаниям, — напомнил ему Уоллес.

— Ну да, но так же всегда. За них. И за Мелье.

С этими словами Эндри и Уоллес чокнулись и выпили.

— Но хоть мы-то живы, — облегченно вздохнул Уоллес.

— Ага, несмотря на то, что некоторые очень хотят сделать нечто ужасное с моим телом, например, поджарить его на слабом огне или оторвать голову за пару пинт освежающего напитка.

— Это точно. Да одна та демоница была достаточным поводом без промедления покинуть Палион...

Перемещение Лупана являлось знаменательным событием в астрономическом мире, и поэтому его время стало известно заранее. Это был тридцать шестой день четвертого месяца 3141 года, 9 часов 6 минут. Кто хотел, мог не обращать на него внимания или просто забыть, но увидеть его предстояло почти половине мира. Маги Лемтаса, Акремы и Скалтикара восприняли его как сигнал и семнадцать каменных кладок

соединились в линию длиной в почти тринадцать тысяч акреманских миль, с каменной кладки Гласиен до каменной кладки Терминус. Это оказалось делом непростым, поскольку они находились на расстоянии в восемьсот миль друг от друга, но высокоученый Астеншаль выбрал именно такой условный знак, который невозможно было неправильно понять или не заметить.

Высокоученый Астеншаль, конечно, погиб, но строительство Стены Драконов продолжилось с новой силой. Несомненно, ее предназначение заключалось в создании препятствия и, следовательно, ослабления неистовых торейских бурь. Маги, принимающие наиболее активное участие, поняли, что благодаря эфирному механизму можно будет установить контроль над титаническими силами и даже обрести бессмертие. Никто не хотел этого упустить.

Все семнадцать каменных кладок находились на суше: четыре — на Лемтасе, пять — на Скалтикаре, шесть — на Акреме и две — на островах. Перед осмотром акреманских сооружений на кладках в Скалтикаре были установлены каменные сиденья, и сарголанский император велел своим магам следовать указаниям Астеншаля. Три круга кладки проходили по границам Сарголанской империи и ее союзников, а две другие, акреманские, круги пролегли в пустынях, в которых безраздельно властвовали кочевые племена. В северном королевстве, где один акреманский круг захватывал побережье, правитель был настроен поддерживать своих могущественных соседей. Он решил, что после случившегося в пустыне к сарголанцам нельзя относиться несерьезно, и согласился не только освободить Побережье Кладки, но и оказывать всяческую помощь магам.

С островом, находящимся на севере, проблем тоже не возникло. Диомеданский военный флот вторгся на остров Фелици и расчистил местность, на которой потом возвели каменную кладку Фелици, и, таким образом, Стена Драко-

нов нашла свою опору и здесь, хотя Диомеда не располагалась вблизи от линии каменной кладки. Диомеданцам пришлось нелегко во время этих военных действий. Из-за торейских бурь мореплавание стало особенно опасно, и однажды во время сильного шторма диомеданские корабли пошли ко дну сразу после своей победы.

С Лемтасом тоже не возникло неприятностей. Поняв, что у них появился шанс контролировать четыре каменных круга, и что Акрема может пойти на них войной, правители Лемтаса решили заполнить каменные кладки своими магами прежде, чем это сделает кто-то другой.

Возведение Стены Драконов напоминало сооружение каменного моста. До момента полного завершения она оставалась непрочной, но Стена Драконов словно удерживалась сама собой. Хотя, конечно, ключевыми словами здесь было «полное завершение». Сергаль сравнивал строительство Стены Драконов со спуском на плоте по особо опасному участку горной реки — быстро, опасно и страшно. И требует огромных сил. Однако, в отличие от случая с рекой, никто не представлял, как спуститься и обойти опасное место.

Все четыре круга каменной кладки Логьяр маги соединили воедино. Они вышли из организационного лагеря, и Вальтазар возглавлял процессию, словно подчеркивая тот факт, что он все еще занимает место хранителя. Ему очень нравились всевозможные шествия и публичные зрелища. Когда-то в молодости Вальтазар даже стремился вступить в Гвардию Сопровождения Путешествий, чтобы сопровождать императора во время парадов. Однако его незаурядные способности к наукам проявились очень рано, поэтому мальчика отдали в местный храм для получения надлежащего образования. Он продолжил учиться в Сарголанской Академии Волшебства и там увлекся таинственными обрядами и заклинаниями. Когда умер отец, и братья готовы были поубивать друг друга ради наследства, Вальтазар стал придворным магом одного удельного князька и сделался богаче, чем был его отец.

Теперь Вальтазар обладал правом проводить парады по своему усмотрению, а активация Стены Драконов была своего рода праздником. Просто пройти от шатра к каменной кладке и посидеть на кресле особой формы казалось ему недостаточным. Вальтазар решил, что процессия должна обойти сооружение семнадцать раз, а протяженность одного круга составляла несколько миль. Большинство магов не проходили такое расстояние и за десять лет. К тому времени, как они начали семнадцатый круг, многие испытывали те же ощущения, что и Уоллес в первый день после ухода из Палиона.

Как только послышался звук фанфар, маги четвертого круга отделились от парада и выстроились вокруг шестнадцати маленьких волшебных камней с деревянными креслами, стоящих вне главного круга. При втором сигнале фанфар отделились маги третьего круга, в котором тоже были кресла и камни. Вскоре подошла очередь магов второго круга: они расположились во внутреннем круге с волшебными камнями. Затем маги первого круга заняли свои места у главных мегалитов. Они прошли между магами, сидящими в трех внешних кругах, и уселись на резных сиденьях. В этот момент заиграл торжественный марш, и Вальтазар начал свое продвижение к центральному мегалиту.

Сначала он обошел внешнее кольцо, проверяя местоположение каждого из шестнадцати магов четвертого круга, затем пробрался внутрь и осмотрел всех их снова с другой стороны. Вальтазар проделал то же самое с двумя другими кругами и постепенно оказался во внутреннем кольце. Он обогнул все мегалиты и, наконец, очутился в самом центре.

«Осталось только крикнуть: «Все ли готовы?» — и начнется», — подумала Ландир.

Вальтазар взобрался на свое место на центральном мегалите. Ритм марша, исполняемого оркестром, нарастал, и музыка заполняла сердца присутствующих благоговейным трепетом.

— Высокоученые мужи, произнесите свои заклинания! — призвал Вальтазар.

«А как насчет высокоученых жен?» — подумала Ландир, произнося слова заклинания, и в ее сложенных руках разгорелось бело-голубое пламя.

— Лупан переместится через две минуты на третьем ударе гонга! — возвестил герольд, находящийся вне кругов, и один за другим эхом отдались три глухих удара. Большинство зрителей смотрело на Мираль, который клонился к западу, но еще не скрылся за горизонтом. Крошечным мерцающим диском на его фоне и был Лупан, очень близко подошедший к огромной увенчанной кольцами планете.

Для активации Стены Драконов все маги должны были действовать сообща. Это должно было привести к созданию гораздо более масштабного эфирного механизма, нежели тот, что был создан пять тысяч лет назад. Было решено, что магам одного круга следует действовать синхронно.

— Четвертый круг, расширяй! — велел Вальтазар.

Ландир, которая находилась в четвертом, самом внешнем круге, медленно развела руки, и пламя ее эфирной энергии разделилось надвое — по одному на каждой руке.

— Четвертый круг, бросай!

Ландир подняла руки, ее ладони были обращены кверху. Когда они развернулись под углом сорок пять градусов, пламя эфирной энергии устремилось вверх в виде двух потоков, которые пересеклись через несколько футов над ее головой, затем окружили основание огромного цилиндра — четвертого каменного кольца, снова встретились в вышине на противоположной стороне и продолжили свое движение по темному небу. Эффект от заклинания, проводимого всеми шестнадцатью магами, представлял собой довольно впечатляющее зрелище, и почти каждая пара глаз в соседнем Логьяре не отрываясь следила за колонной пересекающихся спиралевидных полос света, появляющихся на юго-западе.

— Переход Лупана через минуту при третьем ударе гонга! — предупредил герольд.

Вальтазар неожиданно понял, что, организовав великолепную пышную церемонию, он не слишком точно рассчитал время.

— Третий круг, расширяй! — закричал Вальтазар между ударами гонга. Досчитав до десяти, он добавил:

— Третий круг, бросай!

Вторая колонна взвилась в небо рядом с первой, но на сей раз все вышло не так удачно, поскольку некоторые маги постарше не привыкли действовать в спешке. Колонна покачивалась, время от времени меняя цвет с голубого на ярко-красный, однако вскоре приняла устойчивое положение.

— Второй круг, расширяй! — призвал Вальтазар. Однако в его голосе прозвучало что-то, похожее на отчаяние. Он поднялся на ноги и взобрался на вершину своего мегалита.

— Перемещение Лупана через полминуты на третьем ударе гонга!

Поспешно оглянувшись, чтобы удостовериться, что все маги второго круга готовы, Вальтазар крикнул:

— Второй круг, бросай! — и почти тут же:

— Первый круг, расширяй!

Третий спиралевидный столп вспыхнул в небе гораздо ярче, чем второй. Некоторое время Вальтазар наблюдал за ним. Поняв, что все в порядке, он стал проверять готовность магов первого круга. Двое их них еще не прошли подготовительную стадию.

— Переход Лупана через четверть минуты на третьем ударе гонга!

Драгоценное время летело незаметно, но каждую секунду сердце Вальтазара замирало трижды. «Ну ладно, если второй круг не очень хорошо справился, то первый должен все исправить», — решил он.

— Первый круг, бросай! — закричал Вальтазар. Он вжался в свое каменное сиденье, произнося слова заклинания и разводя руки с почти смешной спешкой.

— Переход Лупана на третьем ударе гонга! — объявил герольд, когда Вальтазар поднял руки и положил их на углубления в мегалите. Он начал произносить заклинание в момент удара гонга.

Из его ладоней прямо в небо вырвались два оранжевых потока. На втором ударе Вальтазар почувствовал, что главная часть спектакля началась. Он развернул одну руку на север, другую — на юг. Два оранжевых потока разошлись в разные стороны, увлекая за собой два голубоватых спиралевидных клубка. Потоки начали сплетаться. Затем неожиданно они замерли неподвижно, когда два огромных световых шара соединились и коснулись кладки. Заклинания каменной кладки Логьяр стали сливаться. К ним добавились заклинания каменной кладки Альпин с севера, а с юга — каменной кладки Септир из Скалтикара.

Очень медленно Вальтазар поднял руки и соединил их над головой. Основания оранжевых потоков соединились, едва одна ладонь коснулась другой. Тогда потоки отделились от Вальтазара, и, излучая ослепительно-яркий свет, стали подниматься в небо. Хранитель подождал, пока за горизонтом исчезнет последний отблеск. Он едва не падал с мегалита от усталости и напряжения после этого грандиозного массового заклинания, не говоря уже об усталости от шествия перед этим.

— Четвертый круг, объединить заклинания! — прохрипел он, и маги внешнего кольца соединили руки над головой. Из их ладоней вырвалось пламя голубовато-розового цвета и устремилось в небо. Оранжевый круг — Стена Драконов — своей яркостью поражал всех присутствующих. Вальтазар дал знак другим кольцам сделать то же самое, и Стена Драконов каждый раз вспыхивала с новой силой.

— Первый круг, пора!

Вновь стали появляться извилистые линии спиралевидных потоков голубого цвета. Они образовывали отдельную колонну, которая оказалась настолько не похожа не предыду-

щие, к тому же каждый из наблюдателей видел ее по-своему. Вспышка света по всему небу и была Стеной Драконов. Она переливалась и, наконец, разделилась на несколько частей по цветам радуги. Вальтазар осмотрелся и прокашлялся.

— Высокоученые господа, я объявляю эфирный механизм, Стену Драконов, активированным! — повторил он еще раз про себя. Это стало бы сигналом к началу рукоплесканий знати, стражников, слуг и разных придворных... Но вдруг Вальтазар почувствовал, что не может двигаться. Крохотные контролирующие символы мерцали и поблескивали в центральной каменной кладке. Маги, не принимающие непосредственного участия, пытались пошевелиться, но обнаружили, что не могут сделать этого. Каждый маг оказался в тисках каменного комплекса, неважно, сидел ли он на одном из обычных кресел или на главных мегалитах.

Оранжевые потоки энергии каскадом падали с огромной радужной сферы, находящейся высоко в небе. Они с грохотом врезались в землю, разбивали скалы и плавили почву, затем начинали вновь подниматься к сфере, все время вращаясь вокруг своей оси. Небесные молнии пронзили двух лошадей, стражника и одного из дворян, которые тут же скончались. Началась паника, все кричали и пытались спастись бегством.

«Вероятно, Вальтазару нужно сделать объявление», — подумал Гарко. С другой стороны, объявление о небесных молниях, обрушивающихся с неба и постепенно раскалывающих материк, породило бы еще большую панику.

Сын погибшего дворянина оправился от потрясения и смог подобраться к телу отца. Ему было двадцать шесть лет. Хотя юноша много раз бывал в кровопролитных битвах, при виде тела столь скоропостижно умершего отца он упал на колени, и его вырвало.

Вскоре он пришел в себя достаточно, чтобы вернуться назад и выяснить, что за огромный забор появился в небе. Тем временем Стена Драконов изогнулась в форме буквы S и напоминала вертикально расположенный изогнутый клинок.

Потом она стала напоминать огромную ветряную мельницу, и крылья вот-вот должны были начать вращение.

— Ветряная мельница, раскинувшаяся над половиной мира, — сказал юноша всаднику, который отважился присоединиться к нему.

Какая-то глупая летучая мышь полетела прямо через бледно-оранжевый занавес молний. На двоих мужчин упали остатки шкуры, капли крови, куски мяса и костей.

— Понимаю проблемы птиц во время миграции, — сказал всадник, вытирая плащ и кольчугу.

— Ну тогда мне следует выступить в защиту всех мигрирующих птиц, и не только мне, но и другим людям в Акреме, — ответил юный дворянин.

Позднее выяснилось, что магические лезвия глубоко вошли в почву и оказались очень твердыми и невероятно длинными. На шахте в Альпенниен решили, что лезвия уходят где-то на расстояние мили под землю. В море, за исключением пролива Страха, они уходили на всю глубину, от гребня волны до морского дна. Если на лезвия попадало что-то плотное, например, плывущее по течению бревно или большая рыба, лезвия приобретали ослепительно-белый цвет и разрезали предмет на кусочки длиной в шесть дюймов.

Поскольку никто не знал, что подобное является нормальным при активации Стены Драконов, очень многие люди испытывали сильное беспокойство. Юный дворянин собрал всех своих воинов — девяносто всадников, сел на лошадь и направился к герольду. Он потребовал Вальтазара и заявил, что если в течение двух минут не получит объяснений, то вместе со своими подчиненными начнет убивать магов, принимавших участие в активации Стены Драконов.

К всеобщему удивлению, внезапно появился призрак Вальтазара и встал на небольшое возвышение перед дворянином.

— Молиться бессмысленно, — сказал он. Сверкнула яркая молния, и раздался взрыв, который слышали далеко за пределами Логьяра.

Там, где только что стояли юный дворянин и его слуги, взору теперь открывался выжженный круг, усеянный кусками частично расплавленного металла и обуглившегося мяса. Призрак Вальтазара посмотрел на черную дымящуюся массу, которая несколько минут назад была его верным герольдом. «Ну, наверно, он это заслужил, — подумал Вальтазар. — Мы, полубоги, всегда правы».

Вот уже третью ночь Эндри и Уоллес проводили в пути. Небо было ясным, и Мираль постепенно клонился к западу. К тому времени Уоллес потихоньку привык к боли в ногах и усталости, которая, однако, сулила ему невероятно сладкий сон. Они решили, что в останавливаться на постоялых дворах дороговато, и поэтому спали они в поле, а на постоялые дворы заходили выпить в конце дня.

«Пять дюжин миль» была достаточно большой гостиницей с просторным крытым балконом, выходящим на запад, и посетители могли наслаждаться с него видом заката солнца, а трактирщик не гасил ламп до глубокого вечера.

— Скоро переход Лупана, — сказал жестянщик, сидевший за одним столом с Эндри и Уоллесом.

— Ну да, так написано в альманахе, — ответил Эндри.

— Загадай желание во время перехода Лупана, оно исполнится.

— Как бы мне хотелось, чтобы мои ноги перестали болеть, — произнес Уоллес.

— А мне бы хотелось, чтобы ты перестал ныть о своих ногах, — сказал Эндри.

— А твои ноги что, не болят? — обиженно спросил Уоллес.

— Болят. У меня мозоли на ступнях, и спазмы в икрах.

— И не подумаешь, когда видишь, как ты шагаешь. Почему ты не замедляешь шаг?

— Я привык переносить неудобства еще на борту корабля, — засмеялся Эндри. — Ты же не такой, ты не можешь не обращать на неудобства внимания.

— Сто сорок миль до Глэсберри, — с тоской в голосе произнес Уоллес.

— Четыреста сорок миль до Логьяра, — сказал Эндри.

— Оставь их себе, — пробормотал Уоллес.

— Логьяр, говоришь? — оживился жестянщик.

— Да. Кстати, что известно о дороге туда? — спросил Эндри. — Как обычно, разбойники, которые грабят народ, и хищные звери?

— Ха-ха! Более того, там одна из каменных кладок. Не такая, как другие. Ее построили позже остальных. Много магов, размахивающих волшебными палочками, и тысяча крестьян... ну, там были проблемы. Когда я проходил мимо, поднимали десять огромных камней. Гигантские они. Как большие кресла.

— Да ну, — недоверчиво сказал Эндри.

— Ну да, смейся, если хочешь, но я видел то, что видел. Кажется, их собирались превратить во что-то волшебным заклинанием. Не надо бы им этого делать. Это неправильно.

— Правда, — согласился Уоллес. — Как и проходить двадцать миль каждый день.

— Ну так а вы чего хотите, зачем держите путь?

— Ищем, — ответил Эндри, не раздумывая.

— Чего ищете? Магии? Женщину? Славы?

— Всего по чуть-чуть, — сказал Уоллес. — Мой неутомимый спутник не чувствует боли, и однажды он спас женщину, рассчитывая на славу, а она отплатила нам тем, что отдала на растерзание магическим тварям.

— Так вы ищете ее? — спросил жестянщик.

— Мы ищем место, находящееся как можно дальше от нее, — ответил Уоллес.

Жестянщик засмеялся. Эндри и Уоллес даже не улыбнулись.

— Еще я ищу Стену Драконов, — сказал Эндри, придумывая на ходу свою историю. — Это же величайшее событие в мире магии. Как я скажу своим внукам, что я жил в то время, но не удосужился сходить туда и взглянуть собственными глазами?

— Он немного молод для внуков, а? — захихикал жестянщик, тыкая Уоллеса локтем в бок.

— Да он еще и детей-то не пытался делать! — ответил Уоллес, с грохотом поставив пустую кружку на стол.

На северо-западе блеснула голубоватая молния. Все замолчали и уставились на горизонт. Некоторые стали показывать пальцами друг другу.

— Это там, где каменная кладка Альпин, — сказал Уоллес. — Видно на расстоянии... ммм...

— Трехсот миль, — подсказал Эндри.

— Ах да, на расстоянии трехсот миль, эта штука, должно быть, просто огромная.

Пока они смотрели, голубая молния разделилась на две части, которые полетели в разные стороны. Они начали подниматься в небо, окрашиваясь в оранжевый цвет. Посетители трактира видели, как молнии собрались в оранжевую линию по всему западному небу, под ними мерцали голубые лучи; потом оранжевая линия распалась на несколько тонких полосок по цветам радуги. Оранжевые потоки падали каскадом с радужной сферы Стены Драконов до тех пор, пока не превратились в занавес оранжевого цвета, спускающийся с огромной радуги. Лишь в одном месте его пронзал голубой луч, указывающий на каменную кладку Альпин.

— Вот черт, — выдохнул Уоллес.

— Вот это да, — прошептал жестянщик.

Эндри и Уоллес спали под деревом в ту ночь и завтракали поздно, когда уже прошло даже время обеда. Для Уоллеса завтраком стало полбуханки хлеба и около пинты вина. Эндри

съел несколько ломтиков колбасы и остатки хлеба Уоллеса, запивая все водой.

— Заметь, раньше ты пил не воду, — сказал Уоллес.

— Ага, та жажда меня оставила с тех пор, как мы ушли из Палиона.

— Кажется, твоя жажда поселилась во мне. Э-э, ты причесываешь волосы!

— Ну да.

— Что-то на тебя не похоже.

— Ну, так те, кто попытается найти и убить меня, меня не узнают.

— В следующий раз ты почистишь зубы.

— Уже.

Развеселившись, они отправились в путь. Уоллес приветствовал каждого, кто встречался на дороге, и прикладывался к бурдюку, когда уставал. Он обнаружил, что алкоголь притупляет боль, но вина было мало, а идти предстояло долго. За три часа прошли две мили. Им повстречалось несколько путешественников и стадо коз. Эндри и Уоллес заметили стадо, когда козы были на расстоянии ста ярдов. Наступил вечер, и небо стало окрашиваться в темные тона.

— Ноги болят, мне нужен отдых, — сказал Уоллес, замедляя шаг и делая очередной глоток.

— За нами идут козы, — ответил Эндри.

— У них копья и топоры, и они кричат: «Смерть Уоллесу и Эндри!»? — спросил Уоллес.

— Они кричат что-то похожее на «Бе-е-е».

— Тогда пусть догоняют.

— Если мы пойдем за козами, то по уши окажемся в их дерьме.

— Отличная идея, глядишь, и дорога будет мягче, — съязвил Уоллес.

Они отошли на обочину, чтобы дать стаду пройти. Уоллес не упустил случая снова приложиться к бурдюку.

— Эй, Уоллес!

Возглас подействовал на Уоллеса как удар молнии. Он завертелся волчком, разбрызгивая вино и ища глазами вооруженных воинов или лезвие топора, занесенного над ним. Вместо этого Уоллес увидел стадо неторопливо бредущих коз.

— Эй ты, я узнал тебя, хоть ты и растолстел порядком!

«Это они о настоящем Уоллесе, которого прикончил тот убийца, а ведь его одежда пахла козами, — мелькнуло в голове у Уоллеса. — Эти люди знают его, но я-то их не знаю!» С другой стороны, за время его службы при дворе императора ему постоянно приходилось водить людей за нос.

— Сейчас разберусь, — тихо сказал Уоллес Эндри и направился к пастуху. Мужчина говорил на всеобщем сарголанском. Уоллес понимал его лучше, чем многие придворные, поскольку сам родился в обычной семье.

— Привет, не кричи, братец, — негромко произнес он, пытаясь имитировать акцент мужчины.

— А у тебя что, проблемы, брат?

— Да нет, я подрабатываю вон с тем парнем.

— Подрабатываешь?

— Мы играем. Нас зовут на ярмарки и фестивали.

— Да? Ты? Играешь?

«Так. Настоящий Уоллес не умел играть на музыкальных инструментах», — понял самозваный Уоллес. Он решил воспользоваться этим и похлопал пастуха по спине.

— Тот парень думает, что я отлично играю на лире, но я ведь умею только чуть-чуть. Втянул меня в это дело. Думает, что я играю уже сотню лет. А я лишь с парой мелодий кое-как справляюсь. Парень — молодой скалтикарский бард, приехавший в Акрему в поисках героических сюжетов для своих песен. Я наблюдаю за ним, а он учит меня играть.

— Я и не знал, что ты вообще умеешь играть.

— Учусь. Ну а сейчас, если ты сохранишь это в секрете, можем продолжить разговор, — заговорщически подмигнув, сказал Уоллес.

В течение нескольких последующих минут он понял, что разговаривает со своим кузеном Раффином, и что они живут в деревне под названием Харх. Харх находился приблизи-

тельно в неделе пути отсюда, если идти со стадом. Уоллес мог только мечтать о подобном месте, чтобы дать отдых стертым ногам. Единственная проблема состояла в том, что он и Эндри, как ожидалось, должны были играть танцевальные мелодии вместе. Уоллес рассказал все Эндри, пока они шли вместе со стадом.

— Ну ладно, мы можем сыграть вместе пару мелодий, — ответил тот.

— Ну может быть, только я не знаю, сколько сумею продержаться. Я...

Слова застыли на губах у Уоллеса, когда он услышал за собой стук конских копыт. С востока легким галопом приближался конный отряд. Пастухи поспешно увели коз с дороги, чтобы дать всадникам проехать, но их предводитель остановил отряд и спросил, кто здесь главный. Раффин сделал шаг вперед. Ему стали задавать вопросы о каких-либо подозрительных незнакомцах, которые, возможно, повстречались в пути. Раффин сказал, что не видел никаких посторонних людей в тот день. Отчасти это была правда. Уоллес не являлся незнакомцем для Раффина, а Эндри не являлся незнакомцем для Уоллеса. Отряд поехал дальше.

— Может, нам лучше остаться со стадом? — предложил Уоллес, когда они стояли и смотрели вслед удаляющимся всадникам.

— О да, это сделает нас похожими на местных — по крайней мере по запаху, — согласился Эндри. — Но тогда нам нужно будет помогать со стадом.

— А что придется делать?

— Помнишь, у тебя с собой топор? Взмахивай острым лезвием перед любым, кто попытается украсть козу.

Той ночью Эндри и Уоллес вместе с пастухами осушили пару бурдюков и играли разные мелодии, пока те отплясывали джигу и рил вокруг костра. Уоллес чувствовал какое-то под-

черкнуто уважительное отношение пастухов к нему. Однако это означало, что его обман вряд ли откроется, поэтому он был счастлив. Уоллес вместе с Эндри расположились на ночлег чуть поодаль от остальных.

— Почему они тянутся к тебе? — спросил Эндри.

— Все очень просто. Я умею заставлять людей рассказывать о себе и забывать интересоваться мной. Искусство быть придворным.

— Кем?

— Э-э, тайным агентом, — быстро поправился Уоллес.

— Не уверен, что понимаю, — сказал Эндри.

— Тайные агенты — это как шпионы.

— Так ты, значит, шпион.

— Ну, когда-то был. Нажил много врагов, пришлось стать попрошайкой. Тайные агенты путешествуют повсюду, привозят с собой разные вещи, слушают, о чем говорят в народе, и сообщают об этом. Мы много узнаем и мало говорим, потом передаем сведения своим хозяевам.

— А куда мы идем?

— Их деревня находится на главной дороге к западу, приблизительно в неделе пути отсюда. Я сказал, что мы остаемся с ними, пока не доберемся до деревни, затем отправимся в Глэсберри.

— Звучит разумно.

Эндри посмотрел на запад, где под радугой поблескивали оранжевые лучи — Стена Драконов.

— Кажется, там буря, — сказал он, качая головой.

— Нет, это не буря, это Стена Драконов, — сказал Уоллес.

— Я имею в виду, похоже на бурю. Кажется, все далеко, но она такая огромная, что тебе не скрыться нигде.

— Какая разница? Для нас, простых смертных, это не важно. Просто вспышка магического пламени на небе. Какой-то великий план великих магов.

— Магов? Знаешь, теперь народу есть о чем побеспокоиться.

— Ну да, да. Та старейшина Терикель была волшебницей.

— Ага. Только о ней я и беспокоюсь.

А в тысяче миль к северу, в одном из прибрежных городов Диомеды, ректор Ивендель из Академии Практической Магии мадам Ивендель поднялась на одну из немногих крыш академии, достаточно высокой, чтобы можно было увидеть горизонт на западе. В отличие от своей дочери, могущественной альберинской волшебницы Уэнсомер, Ивендель была элегантной высокой и стройной женщиной. Ей было чуть больше сорока лет. Ивендель предпочитала носить шелк ярких цветов. Несмотря на возраст, ее лицо и фигура до сих пор привлекали многих мужчин. За Ивендель стояла академик Лавенци — альбинос, по росту почти не уступающая ей. Обе женщины были уже причесаны перед сном. Ночное небо освещала мерцающая Стена Драконов, а на западе переливался голубой луч с каменной кладки Центрас.

— Кажется, эфирный механизм стабилизировался, — сказала Ивендель.

— Не только стабилизировался, ректор. По форме и цветам, которые я вижу, я могу судить, что его мощь растет, — поделилась своими наблюдениями Лавенци.

— Я предупредила людей, — сказала Ивендель.

— Некоторые из нас прислушались, — напомнила Лавенци.

— Да, спасибо. Как дела со сборами?

— Все практически готово. Книги в ящиках с водонепроницаемым покрытием из воска, личные вещи преподавательского состава и старших студентов отобраны по следующему принципу: если они не могут что-то нести на расстояние в две мили, то должны это оставить.

— Все оставшееся нужно продать на рынках. Торговец недвижимостью уже сделал разумное предложение касательно зданий академии. Я сказала, что король даровал нам новые помещения, поэтому ему следует молчать до публичного объявления, если, конечно, он не хочет вызвать гнев короля.

— Многие знают правду?

— Лишь пятеро в Сенатской Академии и те, кто уже собирается. Я завтра отправлю младших студентов на каникулы по домам. Никто не станет задавать вопросов.

Ивендель и Лавенци замолчали, наслаждаясь красотой Стены Драконов.

— Матушка, можно мне еще раз спросить, как вы узнали об этом? — спросила Лавенци. — От шпиона, Пеллиена?

Некоторое время Ивендель раздумывала, какой дать ответ, но решила, что не стоит ничего скрывать.

— Я ничего ни от кого не узнавала, правду не утаишь, — призналась она, не спуская глаз со Стены Драконов. — Я просто поставила себя на место тех людей, которые занимались этим. Они не истинные маги, они обычные планировщики и строители. Их уровень посвящения указывает только на данную от природы силу.

— Однако это что-то да значит? — спросила Лавенци, которая надеялась в ближайшие десять лет стать магом двенадцатого уровня.

— Если человек такой сильный, что может поднять большой вес и хорошо владеет топором, следует ли из этого, что он станет хорошим королем? Эти люди бездушны, им незнакомо чувство сострадания. Они слушают, но не слышат, они смотрят, но не видят. У них упрощенное восприятие мира. Нетрудно представить себе их образ мыслей, однако если я это делаю, в голове появляется ощущение пустоты.

— Как все сложно. Конечно, было бы неплохо обезопасить себя доказательствами, прежде чем дальше демонстрировать крах академии?

— Доказательства у нас будут, академик, но к тому времени станет поздно делать то, что мы делаем сейчас. Сейчас мы должны что-то сделать с параноей. Мы отплываем завтра ночью на маленьком торговом корабле дальнего плавания «Пангелон». Он держит путь к берегам острова Гелион, затем к Мальдеринским островам, потом к протекторату Цурлан и к Альберину. Путешествие в Плакидианском океане продлится так долго, что огромные волны пролива Страха превратятся в обычный шепот моря. Мы будем плавать в течение многих месяцев, за которые для всех остальных мы исчезнем.

— Альберин, — прошептала Лавенци, проводя пальцами по волосам. — Разве не там живет наша Уэнсомер?

— Там.

— Уэнсомер, которой ты ужасно не нравишься, и ее потенциальные возможности гораздо выше твоих?

— Да.

— Уэнсомер, которая застала меня при довольно необычных обстоятельствах с одним из своих друзей в прошлом году, и теперь она ненавидит меня больше, чем тебя?

— Именно она.

— Уэнсомер Каллиентор, самая могущественная волшебница континента Скалтикар, которая считает своим призванием исполнять танец живота и веселить людей, своей страстью — вкусную еду, дорогое вино и интересных мужчин, а своим хобби — магию?

— Да, такова моя малышка.

— «Похорони-меня-в-крепком-гробу-наполненном-дорогим-вином-3129-года» — фраза Уэнсомер?

— Меня бы это не удивило.

— Нет другого города, кроме Альберина, где мы могли бы спрятаться?

— Академик Лавенци, мы направляемся в Альберин потому, что на наш мир скоро опустится пелена тьмы. Армии будут раздавлены, цветущие города разрушены до основания,

а от крепостей останется лишь прах. Город Альберин — ничто. Воинов там меньше, чем ученых, и там всего четырнадцать наших людей. А какой там правитель! Этот человек — просто выродок, он подошел бы только на роль мужа Уэнсомер. Нет, когда юные глупые боги Стены Драконов начнут посылать на величайшие города мира огненный дождь, Альберин их, по-видимому, совсем не заинтересует. Уэнсомер, ты и я, вероятно, единственные волшебницы, оставшиеся в живых, но не связанные со Стеной Драконов. Если это так, только мы сможем разрушить ее.

Глава 4
Сущность драконов

Стаду коз потребовалось четыре дня, чтобы пройти десять миль и добраться до Харха, и даже это считалось очень быстро. Однако Уоллес только радовался, поскольку боль от спазмов, мозолей и падений уменьшилась. Единственной неприятностью было то, что однажды его боднул козел.

Трижды мимо них проскакали отряды всадников с перьями на шлемах, одетые в золотые плащи, и каждый раз они спрашивали, не попадался ли кто-нибудь незнакомый в пути. В частности, всадники интересовались женщиной, которая говорит по-диомедански. Пастухи все время отвечали, что нет, никогоо не встречали, и смотрели ничего не выражающими глазами.

Дуэт музыкантов, состоящий из Эндри и Уоллеса, стал превращаться, так сказать, в маленький оркестр. Они играли в каждой придорожной таверне, которая попадалась на пути, и иногда получали бесплатно выпивку. Уоллес купил несколько бурдюков, потому путешествие уже не было столь утомительным. Они прибыли в Харх вечером на восьмой день после ухода из Палиона. Это оказалась укрепленная деревушка, отдельно стоящие небольшие усадьбы, окруженные частоколом. Жители занимались разведением коз и производством молочных продуктов на продажу, а также выращивали овощи для близлежащих рынков. Небо над головой теперь отливало пурпурным цветом, изредка вспыхивали зеленые искры и широкие оранжевые лучи. На западе ровно поблескивала радуга и сверкал оранжевый вихрь — Стена Драконов.

— Они какие-то неестественные, эти огни, — сказал Раффин, идя за стадом.

— Да уж, — ответил Уоллес. — Надеюсь, что для нас это лишь к лучшему, вроде как заклинание против плохой погоды.

— Ты рассуждаешь о таких вещах?

— Да, я, — сказал Уоллес, указывая большим пальцем себе на грудь. — Научился этому в городе.

Где-то в отдалении раздался звон колокола, и жители Харха стали собираться, держа в руках факелы, чтобы поприветствовать пастухов и осмотреть новорожденных козлят. Все проходило мирно. Однако Уоллес был удивлен, когда полногрудая женщина с румяными щеками и рыжими волосами нервно поздоровалась с ним и назвала мужем.

— Да, Уоллес удачливый дьявол — отхватил такую жену как Желена, — сказал Раффин.

Было бы неверно сказать, что в честь возвращения пастухов в Харх устроили большой праздник. Они и отсутствовали-то всего две недели. Однако им радовались, ведь дорога не была безопасной. Порой даже доходили слухи о гражданской войне из-за убийства императора.

К козьему жаркому, жарившемуся на костре уже полдня, добавились еще три свежих тушки. Кроме местного пива, пастухов угостили особым алкогольным напитком и дождевой водой, смешанной с ягодным соком.

Эндри и Уоллес по возможности предпочитали играть музыку и уклоняться от разговоров: могли возникнуть вопросы, на которые Уоллес не мог дать ответов. Вскоре люди увлеклись едой и выпивкой и перестали чем-либо интересоваться, а Эндри и Уоллес уже строили планы, как бы ускользнуть в Глэсберри рано утром. Несколько девушек принесли Эндри множество кружек местного пива, но он вылил большую часть в траву.

«Почему я делаю это? — спрашивал сам себя Эндри, опрокидывая за собой уже шестую кружку. — Это хорошее пиво, а я люблю пиво».

Женщина по имени Желена, которая вышла замуж за человека — живого или мертвого — по имени Уоллес, подошла к Эндри вот уже в седьмой раз, держа в руках кружку пива. У него появилось ощущение, что что-то здесь, вероятно, не так. И вскоре пришлось в этом убедиться.

— Я слышала, как ты говорил по-диомедански, — сказала она, беря его пустую кружку и предлагая полную. — Значит, мы можем поговорить.

«Вот черт, она говорит по-диомедански», — подумал Эндри, который притворялся, что плохо говорит на всеобщем сарголанском, надеясь таким образом избежать неприятностей.

— Ну да, все мы, моряки, говорим на нем в Альберине.

— Моряк из Скалтикара? — спросила женщина, садясь рядом.

— Да, с «Буйной пташки». Это было мое первое путешествие.

— Мои родители продали меня Уоллесу, — сказала Желена. — Тогда у них был тяжелый год. Но у них тяжелый год закончился, а я уже три года как здесь.

Эндри выпил до дна то, что оставалось в кружке. Желена передвинулась ближе, и, улыбаясь, слегка толкнула его под ребро. «Интересно, зачем она это сделала», — подумал Эндри.

— Так ты, э-э, замужем за Уоллесом? — спросил он.

— А... Уоллес... ну да, мы женаты. Ты его хорошо знаешь?

— Да не очень. А ты?

Тут Эндри понял всю бессмысленность своего вопроса женщине, которая уже три года живет в браке. Эта мысль поразила его словно внезапный удар в солнечное сплетение, но Желена, кажется, восприняла его промах как тонкую игру слов.

— Думала, что хорошо. Уоллес-пьяница... Уоллес-прелюбодей... Уоллес-грубиян, бьющий жену... Уоллес-убийца тех, кто крадет коз. А сейчас он здесь, красиво говорит, вежливый, утонченный. Он даже говорит по-диомедански. Я просто не знаю...

— Ого, подожди-ка минутку, — попросил Эндри. — Расскажи мне побольше об этих разных Уоллесах.

— Об Уоллесе и всех его женщинах?

— Да нет, о козах.

— Я не думаю, что он... ну, ты понимаешь... что-то там было с теми, кто крадет коз. Да, он убил пятерых. Жестокая, грубая сила — вот кем был наш Уоллес. Теперь он изменился. Может, я и придумываю, но Уоллес стал выше, крупнее, ну и вообще. У него волосы были гуще и темнее, еще морщинки и веснушки. Где ты с ним познакомился?

— В таверне. Тогда я впервые проводил ночь на берегу. Мы стали петь, наигрывая на лире, потом выпили. Завязалась драка... да нет, ты не поверишь. Потом мы спустились... нет, тоже не поверишь.

— Уоллес не умеет петь, — сказала Желена.

— Ну да, теперь я согласен. Никогда не прошу его исполнить какую-нибудь балладу. Тогда из таверны люди разбегутся быстрее, чем если крикнуть «Пожар!»

— Ты не понимаешь. Уоллес никогда не поет.

«Она меня запутала, — подумал Эндри. — Не дай себя сбить с толку, парень».

— Ну да, люди меняются, когда отсутствуют в течение долгого времени, — ответил он невинно, словно проблема с Уоллесом совсем не являлась проблемой.

— Его не было всего три месяца, — не отступала Желена.

— Ох. А-а-а, ну да, может...

Эндри понимал, что не в силах сказать ничего толкового, но Желена снова начала говорить.

— Он никогда не менялся так за три месяца. Может, он и выучил пару — тройку вежливых фраз, дюжину слов по-диомедански, но внутри Уоллес должен был остаться прежним.

Тем Уоллесом, который всегда кричал: «Пива!», «Обед!», «В постель!». Он держал меня в страхе в течение трех лет, а я пыталась угодить ему, боясь побоев. Я думала, Уоллес не вернется, но сейчас он здесь. Ладно, хочешь еще пива?

Когда она ушла, Эндри неожиданно заметил, что кто-то стоит в тени возле двери за его спиной.

— Ты, из Скалтикара, — сказал по-диомедански резкий женский голос.

— Я? — спросил Эндри.

— Ты, друг Уоллеса. Уоллес в опасности.

— Что? Откуда ты знаешь? Кто ты?

— Я — деревенский травник. Желена взяла у меня чашку сока дьявольского цвета около часа назад. Она сказала, это для крысы. Теперь я знаю, что это за крыса.

Дьявольский цвет рос в Скалтикаре и в Акреме. Ярко-красные ягоды с черными прожилками. На фоне темно-зеленых листьев кустарника они выглядели словно красные глаза с узкими зрачками. Это было одно из самых известных ядовитых растений.

— Он... Я... Что же мне делать? — выдохнул Эндри. — Он мой друг.

«Друг? Я ж его знаю всего одиннадцать дней», — подумал Эндри. Хотя может и так. Они столько вместе пережили.

— Иди к ней в дом и выкради яд.

— А почему ты этого не сделаешь?

— У нее есть волкодав.

— Волкодав! Он меня тоже может укусить!

— Ты не слушаешь меня. Соблазни ее. Она привяжет волкодава. Как только она заснет, выкради яд.

— Но Уоллес...

— Напои его вначале. Поспеши! Она идет!

Желена снова присела рядом с Эндри, и они выпили, произнеся тост за всех богов, покровительствующих козам. Где-то неподалеку Уоллес играл на своей лире вместе с несколькими жителями деревни, которые гудели на оловянных флейтах. Кто-то танцевал, остальные пили.

— Ну, я готов пуститься в пляс, — заявил Эндри, надеясь, что ему все-таки удастся найти возможность избежать неизбежного. — А ты?

— Я только этого и ждала, — ответила Желена.

У Эндри не было большого опыта в танцах, да и приглашали его не часто, поэтому ответ Желены стал для него неожиданностью. На самом деле он хотел подойти к музыкантам после того, как Желена отклонит приглашение, и как-нибудь предупредить Уоллеса. Танцы в Хархе почти не отличались от тех, которые Эндри выучил вместе со своими сестрами в Альберине. Они с Желеной немного покружились, пока не был объявлен перерыв. Желена решила помочь с едой, а Эндри отправился к Уоллесу.

— Эндри, как мне быть с той женщиной? — прошептал Уоллес прежде, чем Эндри успел открыть рот.

— Что ты имеешь в виду?

— Я не ее муж! Ладно, я пока справлялся, я же сказал ей всего пару слов, но что же мне делать потом?

— Я думаю, это очевидно.

— Вовсе нет! Я вообще ничего о ней не знаю, ох... что же мне?..

— Хватит, перестань. Слушай, она рассказывала, ее муж любил выпить, так что давай, выпей большую кружку. Расслабься до беспамятства, тогда и говорить будет не надо. Завтра утром мы отправимся в Глэсберри, тебе лишь нужно сказать, что вернешься через месяц.

— Много выпить, да?

— Не помешает!

«То, чего он не знает, не повредит ему, — думал Эндри. — Однако как это обернется для меня, неизвестно».

Уоллес выпил пять пинт за пять минут, но Эндри решил, что ему самому нужно оставаться относительно трезвым и присматривать за другом. Танцы не возобновились, у огня

остались те, кто пил и пел. Уоллес уже был не в состоянии идти, и, к ужасу Эндри, некоторые из мужчин предложили отнести его домой. Эндри отправился с ними и настоял на том, чтобы они оставили Уоллеса с ним у двери.

— Вскоре ему понадобится облегчиться на улице, он сейчас не в состоянии попасть в горшок, — объяснил он.

Как только мужчины скрылись из виду, Эндри отвел Уоллеса под навес для дров. Убедив его лечь, Эндри вернулся обратно. Желена по-прежнему была с другими женщинами, помогая убирать после праздника. Он открыл дверь ее дома. В камине тлели угли, их свет обрисовал огромную фигуру собаки. К удивлению Эндри, гигант лишь обнюхал его, помахал хвостом и лизнул руку.

— А да, я ведь танцевал с твоей хозяйкой! — тихо воскликнул Эндри, вздохнув с облегчением.

Он быстро осмотрел дом, состоящий лишь из одной комнаты, в которой было все, кроме дров. Яд должен храниться где-то в маленькой миске, а на сосудах с дьявольским цветом всегда нарисован большой глаз. Эндри зажег восковую свечу от камина, она дымила, но давала больше света, чем очаг. «Куда она могла его спрятать? — думал Эндри.— Где бы стал искать человек, похожий на Уоллеса? Там, где лежат травы!»

Миска с дьявольским цветом стояла за несколькими кувшинчиками сухих листьев на верхней полке. Эндри вылил ее в камин, промыл и наполнил дождевой водой, потом потушил свечу. Затем выпрямился и обернулся. И столкнулся лицом к лицу с Желеной. Она несла охапку дров и керамическую лампу.

— Эндри! — воскликнула она. — Что ты здесь делаешь?

«Тоже хотел бы это знать», — подумал он, но вслух сказал:

— Помогал привести Уоллеса домой.

— Я заметила. Он под навесом для дров, лежит на поленнице. Весь в блевотине.

— А, ну да... Я думал, там ему будет лучше. Ну, ночью.

— Ночью?

— Ну да.

— Так, а ты что здесь делаешь?

«Опять тот же самый вопрос, за исключением слов «так, а». Ответить уже сложнее». Почему он находится в доме у женщины ночью, когда ее муж спит где-то на улице? В голову пришло лишь одна разумная причина, если не считать выливания миски с ядом в камин. Эндри что-то забормотал беззвучно. «Давай, это же всяко не хуже, чем когда бьют в лицо или дают пинка — а к такому ты привычен, — говорил внутренний голос. — Давай, это же должно когда-нибудь случиться».

— Наверно, мне лучше объясниться, — начал Эндри, надеясь, что продолжать не придется.

Желена ничего не сказала, но опустила на пол дрова и зажгла лампу.

— Насчет мертвецки пьяного Уоллеса на улице и всего остального, — опять стал говорить Эндри и заметил, как смягчился ее напряженный взгляд. — Я здесь, чтобы рассказать о Уоллесе.

Эндри сделал ошибку, что не ушел, и более того, продолжил говорить.

— Я думал...

— Продолжай.

— Ну он был пьян, и ты сейчас знаешь и...

«И что?» Она стояла в дверях, уперев руки в бока. Проскочить мимо нее было невозможно. Через минуту она бы бросила его на кровать и...

— Госпожа Желена, это не Уоллес! — воскликнул Эндри.

Желена открыла рот, но тут же справилась со своими чувствами. Она медленно закивала головой, скрестив на груди руки.

— Я так и думала, — сказала она.

— Настоящий Уоллес... мертв.

Ничто не дрогнуло на лице Желены.

— Этот человек знатный и очень богатый, — придумывал Эндри. Уоллес и сам много врал о своем прошлом, почему же Эндри нельзя было добавить еще чуть-чуть? — Он женился на женщине, которая хотела получить его деньги. Она... вероятно, она встретила твоего Уоллеса на улице и решила, что он очень похож на ее мужа. Наверно, она привела его домой и переспала с ним, сейчас всей правды не узнаешь. А Уоллес, который сейчас спит на улице, вернулся домой и вошел в спальню, держа в руках лампу. Его жена откинула одеяло, желая показать своего любовника, и... насмерть... ножом в грудь. Собственные слуги схватили его, пока жена кричала, что он убил ее мужа и пытался выдать себя за него.

— Слишком странно, чтобы быть правдой, — прошептала Желена.

— Уоллес понял, что пахнет жареным, тем более что судьей был отец его жены... вряд ли бы ему удалось доказать свою невиновность. Он сумел сбежать. В течение нескольких дней повсюду искали Уоллеса, но он выдавал себя за убитого и смог остаться невредимым.

— А ты кто?

— Я близкий друг... человека, который сейчас называет себя Уоллесом. Я не могу назвать его настоящего имени, но я могу помочь ему исчезнуть.

— Ты тоже знатный?

— Не могу сказать, госпожа Желена. Он решил напиться, прежде чем прийти в постель и обесчестить тебя.

— Но он мог бы попробовать... — голос Желены становился все тише по мере того, как она осознавала сказанное Эндри. Она прижала руки к щекам. — Он испугался за мою честь?

— Ну да — в смысле, да! Да, так и было.

— Никто никогда не думал о моей чести! Знатный, и в моей хижине! Быстрей, помогите занести его сюда — если позволите, господин!

Уоллес оказался внутри прежде, чем Эндри успел помочь. Желена положила Уоллеса на кровать и попросила Эндри снять вместе с ней его ужасно пахнущую одежду. Уоллес проснулся и задрожал от холода.

— Все хорошо, мой господин, — шептал Эндри. — Госпожа Желена знает, что вы не ее муж, и очень беспокоится о вашем состоянии

— Все сошли с ума, — бормотал Уоллес.

— Господин, вы так пьяны, и это ради меня! — заголосила Желена, ее голос срывался, когда она гладила Уоллеса по лбу. — Вы должны остаться в моей постели ночью. О, и господин Эндри! Прошу вас, не уходите из моего дома.

— Я? — Эндри открыл от удивления рот. — О, нет. Я обязан наблюдать и охранять дом на улице. Никогда не знаешь, когда нападут его враги.

«Не говоря уж о его обожателях», — добавил про себя Эндри и поспешил выйти. Он нашел свою сумку и устроился поудобнее в дровяном навесе Желены. Наслушавшись в течение получаса смешков, вздохов и скрипов, доносящихся из комнаты Желены, он пододвинулся к догоравшему костру и наконец-то заснул — по крайней мере, на час. Начинался дождь. У Эндри была крыша над головой, и он провел ночь в сухости и даже, можно сказать, с комфортом. «Вот что мы делаем для наших друзей, — подумал Эндри, проваливаясь в сон. — Но распутный клоун даже не мой друг».

— Ты глупец, — сказал громко Эндри, уже почти заснув, и сам удивился, почему он это сказал.

Жители деревни разбудили Эндри на рассвете, когда на рынке только начиналась торговля. Небо расчистилось, хотя земля и была влажной от прошедшего ночью дождя. Эндри решил остаться там, где был, и поскольку плохо выспался, вскоре снова заснул, несмотря на суету вокруг. Уже совсем рассвело, когда Эндри разбудили второй раз.

На рынке собралось множество пастухов и крестьян из близлежащих сел и ферм, которые были вооружены копьями и одеты в чистые богато расшитые рубахи и блестящие кольчуги. Сейчас вооруженные люди, стоящие поблизости, не пугали так Эндри. Никто не преследовал его и не пытался убить, вероятно, потому, что тот Эндри, которого хотели убить на Палионе, был мертв.

Эндри очень хотелось помыть волосы, побриться и привести себя в порядок. Это стало для него привычным, и если он не сделает этого сегодня утром, то останется ощущение неудовлетворенности. Это было немного странно, ведь количество раз, когда Эндри занимался своей внешностью, можно было бы сосчитать по пальцам на одной руке. Он мыл лицо в поилке для лошадей, когда из домика Желены появился Уоллес и стал покупать яйца, копченое мясо и травы. Эндри накинул на плечо свою сумку и присоединился к нему.

— Собираешься позавтракать? — спросил он Уоллеса, который расплачивался за крынку масла.

— Да нет, я поел уже давно, мы с Желеной позавтракали еще в постели. Это на обед — приходи к нам.

— Ну если он состоится не в постели.

— О нет, за столом, будет накрыто как во дворце, — засмеялся Уоллес. — Желена думает, ты такой же знатный, как и я, поэтому очень хочет видеть тебя в качестве гостя.

— Но Уоллес, никто же из нас не дворянского происхождения.

— Она думает, мы — придворные, выдающие себя за простых людей. Просто веди себя как обычно, но постарайся выглядеть немного нервным. А, и побрейся. Старайся выглядеть опрятно, как знатный человек, одетый как простой человек.

— Уоллес, я простой человек, одетый как простой человек.

— Эндри, наверно, тебе стоит выучить пару вежливых выражений. Тогда ты мог бы быть простым человеком, выглядящим как знатный. Никто бы не заподозрил тебя во лжи.

Хотя Уоллес хотел съязвить, Эндри увидел в насмешке некий смысл. Он вернулся к лошадиной поилке, вынул нож и начал бриться. Эндри посмотрел на свое отражение в воде и помыл волосы. Расчесывание и массаж головы, который когда-то делала ему Эллизен, пошли на пользу: теперь Эндри выглядел гораздо лучше. Он убирал волосы назад, когда раздался гневный возглас, а затем пронзительный вопль. Обернувшись, Эндри увидел Уоллеса, схватившего нож и связывавшего какому-то мужчине руки за спиной. Он поспешил туда и неожиданно понял, что мужчиной была Терикель.

— Держи того парня, я поймал жрицу, это наше отмщение! — кричал Уоллес.

Они упали в грязь, Уоллес прижал старейшину из Метрологов к земле. Блеснул нож.

— Ларон, на помощь! — взмолилась Терикель.

Ларон хотел нанести удар Уоллесу в плечо, но Эндри опередил его. Ларон отступил назад, когда Эндри напал слева, и в его руках откуда-то взялась секира, которую Эндри успел перехватить за рукоять. Он толкнул Ларона, а тот схватил Эндри за ногу и со всей силы дернул. Однако Эндри не потерял самообладания, лишь упал на землю и покатился, попытавшись зацепиться за колено Ларона. Что-то блеснуло, и Ларон нагнулся. Эндри хотел ударить его по голове, но Ларон резко поднялся, метя секирой по рукам противника. Он сбил Эндри с ног, но моряк мертвой хваткой вцепился в своего врага, схватил оружие и вырвал его у него из рук. Затем, действуя секирой словно рычагом, нажал на челюсть Ларона. Тот обмяк. Эндри осмотрелся. Уоллеса держали двое других всадников, а третий помогал Терикель развязать ноги. Около двух дюжин вооруженных людей окружили Эндри, держа наготове секиру или копье.

— Давай бросай свою секиру, парень, повторять не буду! — приказал кто-то на всеобщем сарголанском.

Эндри подчинился.

— Госпожа, вы в порядке? — поинтересовался один из воинов у Терикель.

Говоря по-диомедански, он подошел к Терикель и опустился перед ней на колено.

— Со мной ничего не случилось, я лишь хочу уйти, — сказала она быстро тихим голосом.

На воине был капитанский шлем и темно-синее одеяние поверх кольчуги. Его плащ, также синего цвета, был украшен алой тесьмой по краю. На плаще был вышит императорский герб, но герб на шлеме был другим.

В это время из деревни подошел отряд ополченцев, желающих узнать, что происходит.

— Я — капитан Гилврэй из Императорской Гвардии Сопровождения Путешествий, — представился капитан, вновь говоря на сарголанском. — И я здесь главный.

Никто не пытался спорить. Эндри схватили двое воинов, а их командир ударил его в живот. Эндри, удерживаемый копьеносцами, сумел ударить противника ногами по лицу. Командир упал без чувств. Вокруг Эндри столпилось около дюжины воинов, но Терикель закричала, чтобы они остановились. Эндри ударил по голове одного из них, вырвал из рук секиру и напал слева на другого. Но его быстро окружила группа воинов, поднявших секиры и копья.

— Остановитесь, освободите этих людей, я знаю их, — воскликнула Терикель, вытирая грязь с лица.

— Но ведь они напали на тебя, — возразил капитан Гилврэй.

— Произошла ошибка.

— Ошибка! — вскрикнул Эндри. — Она пыталась убить нас, она потопила мой корабль.

— Эндри, не надо! — взмолилась Терикель. — Мы можем поговорить об этом позже с глазу на глаз.

— Почему? Боишься правды?

Терикель подошла к Эндри. Вспомнив, как она сожгла заживо Стража Трона, Эндри уже приготовился уворачиваться от всего, что бы ни полетело в него. Однако Терикель опустилась на колени и склонила голову. Среди всадников пробежал удивленный ропот.

— Эндри Теннонер, я прошу прощения за страдания, причиненные тебе и Уоллесу, — сказала она на чистом диомеданском. — Но я не топила «Буйную пташку». Я была так же удивлена и испугана, как все остальные, когда эти чудища напали ни нее.

— Говоришь, ты не знала? — спросил Уоллес.

— Понятия не имела. Не хотите ли вы уйти с рынка и выслушать меня?

Эндри покачал головой:

— Ты просто хочешь завести нас куда-нибудь и там убить по-тихому.

— Еще раз, — добавил Уоллес.

— Так вы мне не верите? — спросила Терикель.

Ларон тем временем очнулся и поднялся на ноги.

— Я ручаюсь за старейшину своей жизнью, — сказал он, шатаясь, но глаза его не отрываясь смотрели на Эндри.

— Ага, но меня волнует моя собственная жизнь, — ответил Эндри.

В этот момент Терикель сделала то, на что Эндри не мог не обратить внимания.

— Капитан Гилврэй, я больше не нуждаюсь в вашей защите, — заявила она.

Лицо Гилврэя вытянулось от удивления.

— Вы хотите остаться в деревне? — спросил он.

— Нет, я отправляюсь в Глэсберри, одна. Если бы эти два господина, Эндри и Уоллес, соблаговолили поехать со мной, то мои шансы на выживание, несомненно, возросли бы.

— О, госпожа, вы не можете так поступить! — воскликнул Гилврэй. — Это безумие.

— Я решила, капитан Гилврэй. О моей безопасности вам не стоит беспокоиться. Спасибо за помощь. Передайте наилучшие пожелания вашей госпоже.

Спорить с Терикель было бесполезно, и вскоре всадники покинули Харх, чтобы присоединиться к остальным войскам. Вместе с отрядом ушли фургоны с продовольствием и карета. Однако Ларон вернулся.

— Надо же, ты распоряжаешься свитой императора, — сказал Уоллес, когда он сам, Терикель, Эндри и Ларон сидели в домике Желены. — Это же была Гвардия Сопровождения Путешествий.

— Это была свита его дочери, — ответила Терикель.

— Принцессы Сентерри? — воскликнул Уоллес.

— Да. Ей случилось держать путь в порт Логьяр со своим мужем, виконтом Коссереном. Ей предстояло стать регентом по приказу и королевой по праву. Мне разрешили ехать с принцессой. Все устроил некий высокопоставленный друг, после того как я якобы погибла на борту «Буйной пташки».

— Почему ты послала нас туда? — спросил Эндри, в душе которого вновь поднималась волна гнева из-за несправедливой судьбы корабля.

— Вы хотели уехать из Палиона. А я хотела, чтобы все думали, что я отправилась в Диомеду. Я не знала о планах моих врагов разгромить «Буйную пташку» и уничтожить всю команду.

— Что происходит во дворце? — спросил Уоллес, по невнимательности произнеся слова с особым сарголанским акцентом, свойственным только образованным людям. — Сначала Стражи Трона и весь город пытаются убить тебя, а затем Гвардия Сопровождения Путешествий прибывает в качестве твоей свиты.

— Сейчас каждый сам по себе, — объяснил Ларон. — Со смертью императора началась борьба за власть между его сыновьями. Чему удивляться?

— Кто тот высокопоставленный друг, который оказывает такое сильное влияние на принцессу? — спросил Эндри.

— Я, — сказал Ларон.

— Что? Да ты еще молод.

— Мне уже пятнадцать! — возмущенно воскликнул Ларон.

— О да, как много! — засмеялся Эндри.

— Я — наперсник принцессы. Кроме того, в случае необходимости я ее телохранитель. Можно сказать, я — не прикрепленный к отряду воин в ранге капитана Императорской Армии Основных Путей Сообщения. Я подчиняюсь только принцессе.

— И тебе разрешили покинуть ее, чтобы охранять Терикель?

— Это, мой самый недоверчивый из всех простолюдинов, лишь подчеркивает величие старейшины.

Терикель сжала кулаки и опустила голову:

— Ларон и я здесь, поскольку меня мучают угрызения совести из-за того, что едва не случилось с вами. Я относилась к вам с глубоким уважением, это дело чести.

— Уважение, честь — все это для напыщенной богатой знати! — воскликнул Эндри, который не видел в этих словах большого смысла. — Что ты можешь дать нам, кроме слов?

— Сколько можно сомневаться! — крикнул рассерженный Ларон. — Посмотри на это с другой стороны, парень. Старейшина должна была быть на борту «Буйной пташки» с вами. Вы исчезаете оттуда. Почему? Потому что вы знали, что на корабль нападут морские драконы?

— Нет, мы знали, что старейшины не было на борту! — закричал в ответ Эндри. — Женщина под вуалью, которая взошла на корабль одетая как Терикель, была лишь приманкой. Она погибла.

— А почему вас не оказалось на борту? — не отставал Ларон.

Эндри взволнованно взглянул на Уоллеса. Тот поежился.

— Я... Я думаю, что меня ударили по голове и выкинули с корабля во время плавания, — сказал Эндри. — На моем затылке есть глубокий порез и еще можно нащупать шишку.

— Правда? И почему так случилось?

Уоллес прокашлялся:

— Ну... из-за приманки.

— А поясней можно?

— Потому что мы были охранниками той женщины-приманки, — ответил Эндри.

— Я все еще не понимаю, — сказал Ларон.

— Ну... та женщина, которую старейшина выбрала... притворяться ей на «Буйной пташке», положила на меня глаз, — заявил Уоллес. — Капитан обиделся, поэтому нас с Эндри вышвырнули за борт.

— Ты задрал ей юбку, как только вы оказались в каюте, а сейчас даже не помнишь ее имени! — воскликнул Эндри.

— Розелль, ее звали Розелль.

— Нет, ты залез на Розелль спустя четыре часа в конюшнях «Капризного странника», ты, мерзкое гадкое отродье. К тому времени бедняжка уже была в животе одного из морских драконов.

— Ну скажи тогда, как ее звали! — крикнул Уоллес.

— Мелье, — ответил Эндри.

— А да, Мелье. Я знал это, — воскликнул Уоллес. — Ну да, я понравился Мелье, и мы... ну... решили узнать друг друга получше в ее каюте. Приблизительно через полчаса в дверь постучал капитан и сказал, что я должен немедленно выйти на палубу. Нужно было что-то уладить с сарголанским ведомством «Таможня, акцизы и передвижения чужеземцев». Естественно, я натянул тунику, штаны, сапоги и поспешил туда, но как только показался на палубе, меня схватили, связа-

ли и выкинули за борт так быстро, что я не успел и закричать. Лишь коснувшись воды, я стал звать на помощь, но никто не обращал внимания на мои вопли.

— Так значит, тебя спасла ревность капитана, — сказал Ларон.

— И меня, — произнес Эндри. — Этот клоун не умел плавать, и мне пришлось вытащить его на берег.

— Затем морские драконы напали на корабль, — завершил свой рассказ Уоллес, быстро взглянув на Эндри.

— А почему капитан так неожиданно воспылал к ней страстью? — спросил Ларон.

Повисло молчание. Все смотрели друг на друга. Терикель закрыла глаза и ссутулилась.

— Потому что я была любовницей капитана во время путешествия в Палион! — быстро произнесла она. — Тогда я не была против. Как ты думаешь, почему он поддался на уговоры рискнуть своим кораблем и отправиться в такое опасное плавание? Мои действия одобрил наследный принц Альберина, однако ордену Метрологов пришлось оплачивать почти все. Как-то раз в море капитан сказал, что он возьмет мои деньги, направится в Цурлан, бросит меня там и... Я не испытываю чувства гордости, когда вспоминаю, как мне удалось его убедить поплыть туда — но с этим покончено.

Никто не мог вымолвить ни слова.

На лице Ларона не отразилось никаких эмоций, Эндри был в шоке, а Уоллес бросил на Терикель хитрый оценивающий взгляд. Словно судья, собирающийся вынести свой приговор, Ларон встал и развел руки.

— Старейшина Терикель, Эндри, Уоллес, кто расскажет самую невероятную историю? — спросил он.

Эндри пробормотал, что, наверное, он. Старейшина признала, что ее действия, вероятно, не вызвали одобрения со стороны Эндри и Уоллеса. Уоллес сказал, что если бы он поведал всю историю полностью, вряд ли бы кто-то поверил.

— Ну так что ты хочешь делать? — спросил Ларон, глядя Эндри прямо в лицо.

— А тебе не все равно, что я хочу делать? — дерзко ответил Эндри.

— Ты победил меня в честном бою, когда я пытался убить тебя. Но ты сохранил мне жизнь, так что я у тебя в долгу. Скажи мне, что ты хочешь делать, и я позабочусь о том, чтобы это было сделано.

— Я хочу, чтобы ты присматривал за госпожой, понял? Она обязала тебя меня защищать, но я отказываюсь. Теперь уходи, забирай ее с собой и догони Гвардию Сопровождения Путешествий.

— Но что ты хочешь делать?

— Я? Какая разница?

— Скажи мне.

— Я хочу пойти в Логьяр. Теперь ты знаешь.

— Старейшина, а каково твое желание?

— Оно не изменилось. Отправиться в горы Кейпфанга, в место под названием «Небесное зеркало», возле порта Логьяр.

— А Уоллес?

— Ну, я собираюсь в Глэсберри, — начал он, подмигнув Терикель. — Но порт Логьяр, конечно, тоже звучит заманчиво.

— Прямо как долгая дорога от Палиона, — добавил Эндри.

— Ага. Если туда не нужно идти, то я за.

— И я так же, — сказал Ларон, сложив руки на груди. — Я живу для других людей, поэтому мне не важно, что я делаю. Я должен проследить, чтобы вы все в целости и сохранности добрались до Логьяра.

— Позаботься о других, — угрюмо пробурчал Эндри. — Я пойду туда, куда хочу.

— У меня есть лошадь, но все вместе мы оказались бы тяжеловаты для нее. Кажется, нам потребуется повозка. Я поищу ее. Старейшина, будь так добра, запасись едой для нас на деревенском рынке.

— А я? — спросил Уоллес.

— Займись чем хочешь, Уоллес, главное подготовься к выходу завтра утром. А тебе, Эндри, придется до этого времени поменять свое решение. В повозке для тебя найдется место.

— Я уже уйду к этому времени, — ответил Эндри.

— Как хочешь. А, Уоллес. Мне нужно кое-что сказать тебе, — сказал Ларон, поворачиваясь к Уоллесу.

— Да, капитан Ларон? — спросил Уоллес, хлопнув в ладоши, улыбнувшись и слегка поклонившись.

Ларон ударил коленом в пах Уоллесу. Тот согнулся надвое, и на его лице отразились удивление, шок и боль.

— Ублюдок, ведешь себя неподобающе! — прорычал Ларон и, повернувшись к Эндри, сказал:

— Ну?

— Наверно, я иду с вами, — ответил Эндри, и впервые с момента их встречи улыбнулся.

Когда Ларон и Терикель ушли, вернулась Желена. Она села на угол кровати, ее гости — рядом на стулья.

— Э-э, надо выпить, — сказал Эндри, вставая. — Хоть чуть-чуть.

— В буфете есть несколько кувшинов вина, господин, — ответила Желена, кланяясь и ставя перед ним маленький кувшин прежде, чем Эндри успел сделать шаг.

— Не надо «господин», я просто обычный моряк, — сказал Эндри. — Насчет Уоллеса не знаю.

— Кем бы ты ни был, он не мой муж, — произнесла Желена, смотря на Уоллеса.

— Э-э, нет.

— Но ты лучше. Он мертв?

— Я не убивал его! — воскликнул Уоллес.

— Но ты убил того, кто убил настоящего Уоллеса, — сказал Эндри.

На лице женщины не промелькнуло и тени сожаления. Несколько минут она обдумывала сказанное.

— Прошлой ночью я слышала другую историю, — заявила она. — Так где мой муж?

— Мертв, — сказал Уоллес.

— Тогда я вдова?

— Да, — сказали Уоллес и Эндри хором.

Пару минут Желена размышляла.

— Будет проще продолжать делать вид, что он Уоллес, — решила она.

— О да, но на первом месте твоя честь, — дипломатично сказал Эндри.

— Но кому она важна? — шмыгнула носом Желена.

— Мне, — сказал Уоллес, подходя к кровати и обнимая ее. После неприятных объяснений своих отношений с разными женщинами он хотел показать, что может быть внимательным и заботливым по отношению к любому человеку, который в этом нуждается. В особенности Уоллеса заботило мнение Эндри, поскольку тот был ему необходим во время пути.

— Но все-таки я предложила тебе свою кровать, — сказала Желена.

— Ну да, хотя ты и знала, что я не Уоллес, не твой муж. Я тебя не обманывал.

Когда они обнялись, Эндри встал и пошел к двери, держа в руках кувшин.

— Это было трудное утро, — сказал он. — Думаю, мне нужно побыть на свежем воздухе, чтобы проветриться и успокоить нервы. Вернусь вечером.

В усадьбе, находящейся в двух милях от деревни, проснулся фермер от рычания и лая своих пятерых волкодавов. Он встал, зарядил арбалет и вместе с сыном, держащим в одной руке факел, а в другой топор, отправился проверить, что

случилось. Один из волкодавов был мертв, а трое других тревожно поглядывали друг на друга с крыши сарая для коров. Пятый лежал на земле и все еще пытался бороться, а что-то черное, напоминающее человека, пожирало его живьем. Фермер поднял арбалет и выстрелил в хищника. Тот посмотрел наверх, взвыл, вытащил стрелу из раны и исчез.

— Если бы я был тобой, я не стал бы делать этого второй раз, — раздался голос позади них.

Мальчик повернулся, бросил факел отцу и взмахнул топором. Но не успел он сделать и одного вдоха, как топор схватила пара рук и согнула его прежде, чем мальчик смог понять, в чем дело. Удар пришелся ему по челюсти. Оглушенный, мальчик упал. Тот, кто, кажется, был приблизительно его возраста, бросил топор в темноту и слегка поклонился фермеру.

— Прости за поздний визит, но мы здесь из-за повозки, которую ты продаешь, — заговорил он по-диомедански.

— Но я не продаю никакой повозки, — дрожащим голосом сказал фермер, пятясь назад.

— О, боюсь, что продаешь, и вот тут два твоих волкодава — разве это плохая цена? Ради своей безопасности тебе лучше продать ее.

— Что значит «ради моей безопасности?»

— «Ради своей безопасности» тебе следует еще и забыть о нас, особенно если кто-то будет интересоваться нами. В противном случае тебя навестит мой друг. Ей нравятся люди, и она всегда голодна.

Когда Ларон вернулся с повозкой, Желена сидела на кровати и наблюдала за Эндри, который возле очага играл на ребеке «Волны Бантриока», а Уоллес подыгрывал ему на лире. Иногда он останавливался, чтобы взглянуть на жаркое, перевернуть мясо и проткнуть запекающиеся клубни. «Это даже приятнее, чем жить при дворе» — подумал Уоллес. Раздался

стук, Уоллес танцующей походкой подошел к двери и открыл ее. Перед ним стояла Терикель — ее было отчетливо видно на фоне темноты за дверью.

— О, как раз вовремя: пора обедать, — сказал Уоллес, подмигнув, театрально поклонившись и отступая назад, давая ей пройти.

— Эй, господа, Ларон снаружи, ему нужно представить вам одного нашего друга, — объявила Терикель. — Она поедет с нами.

— Входите, входите, все по очереди. Еды хватит на десятерых, а готовит могучий Уоллес.

Ларон вошел следом за Терикель. Бледный, чем-то похожий на ястреба юноша все еще был одет в плащ поверх кольчуги, хотя шлем держал под мышкой. Затем появилась Веландер. Ее плащ скрывал все, кроме головы и сапог.

— Спасибо за предложение, но уже поела — их!

Эндри и Уоллес тут же узнали голос демоницы из темной аллеи в Палионе. Они одновременно подпрыгнули и столкнулись друг с другом. Веландер могла видеть их в темноте и запомнить лица. Эндри с серьезным видом осмотрел как возможный путь отступления дымоход, камин и вообще все, откуда представлялась вероятным бежать. Наконец он остановился на окне. Взгляд Эндри наткнулся на Уоллеса, который решил исчезнуть тем же способом. Уоллес со всей силы вцепился в ставень, а Эндри схватил бутылку.

— Почему ты размахиваешь этой пивной бутылкой перед моим другом? — спросил Ларон, хотя хорошо представлял, какой получит ответ.

— Она пьет кровь! — закричал Эндри.

— Это тебе не поможет, Веландер бегает в три раза быстрее, чем смертные, — начал объяснять Ларон.

— Ну и что, мне просто нужно бежать быстрее Уоллеса! — воскликнул Эндри.

— Грязный, противный, мерзкий, вонючий пьяница! — зашипела Веландер, но не сдвинулась с места.

— О да, но я еще хуже! — пролепетал Уоллес, который только что открыл ставни.

— Когда надо было, ты так не говорил, — сказал Эндри.

Несмотря на сильный страх и панику, Эндри внезапно вспомнил о Желене. Он вытащил ее из постели и толкнул к окну — туда, где застрял Уоллес.

— Бегите, бегите в разные стороны, она может преследовать только одного из вас! — крикнул Эндри, не оборачиваясь.

Желена упала на Уоллеса, и окно, не выдержав их веса, вместе с рамами и ставнями отделилось от стены и вывалилось наружу вместе с застрявшим в нем Уоллесом. Желена вылезла вслед за ним. Эндри медленно попятился к дыре, которая когда-то была окном; затем у двери появилась Желена со своим волкодавом и закричала:

— Взять ее, Фанг!

Фанг взглянул на Веландер, судорожно замолотил лапами и исчез в ночи, прижав хвост и утащив за собой хозяйку.

— Так вы уже встречались с Веландер? — спросил Ларон, который действительно не видел их лиц во время случайного столкновения в Палионе.

— Я могу поймать человека, а не живот, — прорычала Веландер.

«Странно, — подумал Эндри. — Она шатается как пьяная». Эндри видел много пьяных в свое время и считал себя в этом деле докой.

— Они спасли тебя, высокоученая старейшина? — спросил Ларон. — Я имею в виду, ты полностью уверена?

— Посмотри внимательней, Ларон, — сказала Терикель, показывая на Эндри. — Несмотря на свой страх, он не отступит, защищая Желену от Веландер. Однажды он уже так поступил, защищая меня от Стражей Трона.

— Запах алкоголя, — заметил Эндри. — Гнили, плесени и крови, но кто-то сильно пьет. Терикель и Ларон прочно стоят на ногах, в отличие от... демоницы.

В этот момент вернулась Желена с несколькими деревенскими ополченцами похрабрее, но им сказали, что все в порядке, и отправили искать Уоллеса. Уоллеса нашли неподалеку от дороги: он никак не мог выбраться из оконной рамы. Прошел целый час после первого появления Веландер, и все направились в домик к Желене. Дыру в стене завесили одеялом, а с Уоллеса наконец сняли раму.

— Наверно, нужно еще раз познакомиться, — начала Терикель. — Ларон — наемный телохранитель Веландер.

— Он, скорее всего, очень занят, охраняя от нее людей, — сказал Эндри.

— А-а-а, так он единственный, кто не ест людей? — спросил Уоллес.

— Меня невозможно поймать за таким занятием, — ответил Ларон, слегка усмехнувшись.

— Конечно, есть еще много желающих убить меня, — продолжала Терикель.

— Ты имеешь в виду, они хуже этой? — сказал Эндри, показывая на Веландер.

— Одно время думали, что я погибла на борту «Буйной пташки», но вскоре мое исчезновение было обнаружено. Повсюду шпионы и предатели, даже во дворце.

— Особенно во дворце, — добавил Уоллес.

— И Веландер пообещала что-нибудь сделать с ними, — закончила Терикель, многозначительно взглянув на Уоллеса.

— Кем бы они ни были, я им сочувствую, — произнес Эндри.

— Но с Веландер не все в порядке, — сказал Ларон.

— Я мертва, — объяснила Веландер.

— Ей нужно много спать. А мы, трое мужчин, должны обеспечить Веландер защиту, когда она ослаблена.

— А она очень много спит? — с надеждой в голосе спросил Эндри.

— Около двенадцати часов каждый день, когда Мираль опускается за горизонт, — ответил Ларон.

— Ты, несомненно, будешь находиться на безопасном расстоянии от нее, — успокаивающим тоном сказала Терикель, взглянув на Эндри.

— Да я бы не стала его есть, даже если бы он был последним человеком на свете, — пробормотала Веландер

— Эй, слышишь, что она сказала? — воскликнул Эндри, облегченно вздохнув.

— Вот черт, а как насчет меня? — закричал Уоллес.

— Мы с Веландер нашли повозку, и у меня уже есть лошадь, — заявил Ларон. — Думаю, нам нужно хорошо выспаться и отдохнуть ночью, и на рассвете отправиться в Глэсберри.

Веландер легла в повозке, а все остальные уснули в доме. Уоллесу пришлось довольствоваться местом на полу, поскольку Желену не впечатлили его, так сказать, негеройские действия, когда появилась Веландер. На рассвете Терикель дала Желене денег в качестве компенсации за разбитое окно, пока мужчины грузили повозку. Ларон и старейшина выступали свидетелями Уоллеса, когда он в присутствии местного судьи клялся, что он не тот Уоллес, который является мужем Желены, и насколько ему известно, тот Уоллес погиб. В сельском регистре Желену записали вдовой.

Эндри умывался в поилке для лошадей, когда она позвала его. Эндри подошел к ее дому и увидел, как Желена наполняет бурдюк Уоллеса из одного из нескольких больших кувшинов. Другой бурдюк лежал перед ней, уже полный.

— Со смертью моего мужа они мне больше не понадобятся, — объяснила Желена. — Берите с собой. Можете захватить еще пустые кувшины, если останется место.

— С собой? — воскликнул Эндри.

— Все, что сможете унести. Я продам остальное. Сядьте, господин, отдохните немного и поговорите со мной.

— Что будет с тобой теперь? — спросил Эндри, предполагая, что именно об этом она хотела поговорить.

— Мне удалось сделать кое-какие сбережения. Раффин иногда извиняется, что приходит и берет какие-то вещи, потом возвращается и отдает их. Скоро я скажу ему, что его штаны нужно починить, хотя это совсем и не обязательно.

— Ну тогда все в порядке, — сказал Эндри, глубоко и с облегчением вздохнув. — Тогда лучше забрать этот бурдюк в повозку.

— Мне хотелось бы, чтобы ты забрал и это тоже, — произнесла Желена. — Это походный набор для шитья, чтобы в дороге ты оставался опрятным. Готовила его для Уоллеса, моего Уоллеса, но ему уже не понадобится.

— Женщины всегда дают мне что-нибудь подобное, — сказал Эндри, сильно рассердившись. — Никогда не понимал, почему женщины хотят, чтобы я занимался шитьем вместо... ну ладно, давай, спасибо.

Он засунул маленький сверток за пояс.

— Эндри, мне плохо!

— Заболела, что ли?

— Нет, но... если бы ты проявил больше интереса в ту первую ночь, то я бы, наверно... отнеслась к тебе более сердечно.

— Ох, — выдавил из себя Эндри, внезапно поняв, что она пытается вести разговор о его тайных желаниях.— Я польщен.

— Но я боюсь осмелиться... Ведь я остаюсь той, кто я есть, а ты — переодетый дворянин, и все такое.

— Я не дворянин, Желена. Уоллес и Ларон — единственные здесь благородного происхождения.

— Нет, ты — благородный, Эндри, и это невозможно скрыть, — сказала она, сжимая руку Эндри. — Ты изменил мою жизнь.

Эндри покраснел, затем встал, держа бурдюк. Он повернулся к двери и увидел Уоллеса. Тот нахмурился и пошел к повозке.

— Как ты думаешь, что он слышал? — спросила Желена, внезапно побледнев.

— Если только то, что ты сказала о переменах в своей жизни, то он, вероятно, подумал самое плохое, — ответил Эндри.

У Эндри было много времени на размышления, когда повозка, которой правил Ларон, громыхая, выезжала из деревни. Его ошибочно приняли за благородного, и у Уоллеса сложилось ложное впечатление, что он провел ночь с Желеной. Эндри не знал, какая мысль причиняла ему больше беспокойства.

Благородный. Эндри Теннонер из дома номер 5 Поквоссит Лейн, Баржардс, Альберин. Благородный... похожий... на... Тут Эндри понял, что не с знаком ни с одним дворянином. Конечно, был Ларон, и еще, возможно, Уоллес, но последний не вел себя как человек благородного происхождения. Ларон обладал приятным голосом и, кажется, даже знал дочь покойного императора. Однако он путешествовал с дьяволицей-хищницей, которая пахла как куча мусора за таверной. Разве благородные такие?

Эндри подумал и о Веландер. Ларон пояснил, что она спит под ворохом одеял в повозке и что ее не следует будить до восхода Мираля. Эндри глотнул немного вина из одного из кувшинов, но оно показалось ему кислым, поэтому бурдюк полетел в поле.

— Это было мое, — заворчал Уоллес.

— Тогда твое вино испортилось, — ответил Эндри, открывая другой кувшин.

— Пьяный хам, — пробормотал Уоллес, который все-таки не выпускал из рук свой бурдюк.

— Просто облегчаю повозку для лошади, — весело сказал Эндри.

— Ей было бы легче, если бы ты сам слез отсюда.

— О да, но ведь ты же весишь больше.

— Хватит уже, вы двое, — приказал Ларон, не оборачиваясь.

Эндри открыл кувшин, сделал глоток, взял лиру Уоллеса и стал играть «Плясовую Картера».

— Сначала забираешь мою женщину, потом мою лиру, — угрюмо пробурчал Уоллес.

— Ты не остался, чтобы защищать свою женщину от врага — ну, я имею в виду госпожу Веландер.

— Единственная причина, почему ты остался защищать ее, было то, что я застрял в оконной раме.

«Веландер по-своему тоже благородна», — произнес голос внутри Эндри. Он немного подумал над этим. В ней были какие-то благородные черты. Хотя в основном она производила ужасное впечатление. Вероятно, Ларон видел в ней то, что не видели другие. Возможно, только благородные замечают то, что пропускают простые люди.

Кучка крестьян помахала Эндри и захлопала в такт, когда повозка проезжала мимо них. Уоллес кинул им полный кувшин вина.

— Это было мое, — сказал Эндри.

— Это вино дала моя женщина, поэтому это мое вино.

— Она больше не была твоей женщиной, когда давала нам вино, поэтому это вино принадлежит нам всем.

— Тогда вычти его из моей доли, и хватит уже, — произнес Ларон, не оборачиваясь.

— У тебя нет доли, — ответил Уоллес.

— Если вы не перестанете пререкаться, то я возьму ваши кувшины, назову их своей долей и оставлю на дороге!

К тому времени все они уселись настолько далеко друг от друга, насколько это было возможно сделать в маленькой повозке. Эндри и Ларон устроились на козлах: Эндри играл, а Ларон следил за дорогой. Терикель лежала под одеялом, же-

лая остаться незамеченной. Уоллес сидел сзади, свесив ноги и рассматривая окрестности. Веландер была скрыта где-то глубоко под запасами провизии, багажом и вином. Эндри снова подумал о том, что сказала Желена. Благородный. Эндри Теннонер благородный. Словно кто-то другой произносил эти слова в его голове.

— Господин? — спросил Эндри, не переставая играть.

— Просто Ларон, — ответил Ларон.

— Хорошо, Ларон. А те всадники из отряда, они были благородными?

— Все благородные, и некоторые к тому же ведут себя благородно.

— Ох. То есть как это? Разве они не благородны от рождения?

— Отчасти да. Но можно и купить дворянский титул. Важно вести себя как благородный. И ты можешь делать это бесплатно.

Внезапно в голове у Эндри кое-что прояснилось. Уоллес был благородным по происхождению, но он мог вести себя, по словам Ларона, «как ублюдок» и «неподобающе». Эндри не совсем понимал, что значит «неподобающе», но Уоллес вел себя именно так.

— А «подобающе» — это то же самое, что и «благородно»? — спросил Эндри.

— Ну да.

— Тогда ясно. А что нужно сделать, чтобы стать благородным?

— Хм... самое главное — поведение.

— Поведение, говоришь?

— Да.

— А как это?

Ларону потребовалось немало времени, чтобы объяснить. Он начал приводить примеры. Эндри задавал много вопросов, которые вовсе не были лишены смысла. Ларон стал

рассказывать об этикете и общественных нормах поведения. В течение последующих десяти миль Эндри узнал, как обычно обращаются воины к простым людям, пэрам, начальникам, знати, всадникам, королю, чужеземным подданным, чиновникам и пленникам. Сложнее оказалось объяснить манеру поведения за столом, поскольку Эндри всегда раньше ел где и как придется. Когда Ларон перешел к повествованию о том, как следует кланяться и двигаться, Эндри радостно вскочил на подножку, попытался поклониться, и вывалился из повозки.

Следующие пять миль Эндри провел лежа в повозке и потирая синяки. Затем проснулась Веландер, начала шуметь и сердито ворчать. Эндри поспешно залез обратно на козлы. Ларон передал ему поводья.

— Перед тем, как с кем-то сражаться, необходимо правильно его поприветствовать, — сказал Ларон, вытаскивая топор.

— Поприветствовать? — переспросил Эндри.

— Да, поприветствовать. Что ты делаешь прежде, чем вступить в бой?

— О, я кричу: «Давай, давай, чего ждешь? Или в штаны наделал?»

— Ну «поприветствовать» значит немного другое, — сказал Ларон, поморщившись. — Ты вынимаешь левой рукой топор, сжимаешь основание рукояти правой, затем занимаешь определенную позицию готовности, принятую в твоей школе боевого искусства.

— О, а я никогда не изучал этого в школе, — признался Эндри.

— Так ты ходил в школу?

— Ну да, я могу читать и писать по-альберински и по-диомедански. Но не очень хорошо. Еще могу считать и складывать. Сарголанский я учил в тавернах... ну... от моряков.

— У меня есть идея, — сказал Ларон. — Старейшина примерно одного роста с тобой, и она носит форменную одежду воина Гвардии Сопровождения Путешествий.

— Ага.

— Однако такое занятие больше подошло бы тебе. Ты знаком с искусством обращения с топором, а она скорее ранит себя, чем врага. Если бы старейшина использовала в борьбе магические заклинания, то люди знали бы, что она волшебница, а этого нельзя допустить. Если мы оденем ее в твою одежду, а тебя нарядим гвардейцем, тогда мы, наверно, будем выглядеть так, как хотели бы.

— Как это?

— Повозка, тянущаяся за отрядом Гвардии. Ее должны сопровождать двое гвардейцев.

Вечером Эндри облачился в одежду гвардейца, а Терикель — в одежду Эндри. Терикель выглядела растерянной, когда Ларон пытался объяснить ей, что так будет лучше. Эндри старался применить полученные знания о поведении за столом на практике, даже если стола не было. Они ели бобы, приготовленные Уоллесом, и тушеное мясо при помощи остро заточенных деревянных маленьких ножей, как это было принято среди сарголанцев. Эндри вырезал нечто похожее на нож и приступил к еде. Это оказалось труднее, чем просто достать содержимое из банки и отправить в рот вместе с коркой хлеба. Кусок мяса вылетел из миски и упал в грязь. Эндри промыл его в вине и засунул в рот. Ларон только покачал головой.

Эндри помогал Уоллесу вымыть посуду, и внезапно он ощутил знакомый запах затхлости, плесени и алкоголя. Много времени не потребовалось, чтобы узнать в безмолвной тени Веландер. К тому времени Эндри стал считать ее чем-то вроде большой и раздражительной сторожевой собаки. Пока ее держат на поводке, она не причинит вреда.

— Ты приставал к моей жене, — пробормотал Уоллес, когда они стояли на коленях возле мутного ручья, стараясь отскрести при помощи травы горшки и кастрюли. Терикель протирала посуду и укладывала обратно в повозку.

— Она не была твоей женой, — ответил Эндри, хотя в душе испытывал приятное чувство удовлетворения от того, что эта тема вновь поднимается.

— Она думала, что была.

— Ага, и хотела отравить тебя.

— А ты залез в ее постель. Как это должно было спасти меня? Скажи-ка.

— Но она и правда собиралась тебя отравить.

— Почему же ты тогда не предупредил меня?

— Мы не хотели шума...

— О, просто замечательно. Моя жизнь висит на волоске, а вы не хотите шума.

— ...поэтому я велел тебе напиться.

— Как это должно было помочь? Она могла открыть мне рот и влить яд прямо в горло.

— Я... отвлекал ее некоторое время, — сказал Эндри.

— Долго?

— Ну, около четверти часа.

— Что? Ты, мерзкий негодяй, ты приставал к моей жене! Нет, ты и правда это делал.

— Может, хватит ссориться? — спросила Терикель, которая устала ждать чистую посуду.

— Он не был женат на ней, он поклялся в этом судье... — начал Эндри.

— Думаю, ты имеешь в виду, что он произнес клятву, подтверждающую правдивость сделанного им заявления, — сказала Терикель.

— В любом случае люди считали наш брак действительным, — продолжал Уоллес. — Он унизил меня, наставил рога у всех на глазах.

— Да ты никого из них больше не увидишь, — засмеялся Эндри.

— Что ты хочешь этим сказать? Трое здесь — даже четверо, считая тебя.

— Пройдет неделя или две, Уоллес, и мы будем там, где никто тебя не знает.

— Ты же ни разу не приезжал в своей жизни в Харх, Уоллес, не так ли? — спросила Терикель.

— Ну, вообще-то нет, — признался тот.

— Настоящий Уоллес мертв, да?

— Я не убивал его. Я никого никогда не убивал, если не считать того Стража.

— Так! Притом ты выглядишь как Уоллес.

— Если одеться соответствующе, то да.

— Ты — воспитанный и образованный человек, который может непринужденно беседовать с людьми, подобно придворному. Человек, способный играть на дюжине инструментов, но предпочитающий лиру.

— Человек, так ужасно исполняющий баллады, что они вызывают смех, — вмешался Эндри.

— Человек, обвиненный в убийстве, однако до сих пор не сказавший, в убийстве кого он обвиняется, — многозначительно произнесла Терикель.

Внезапно Эндри попятился от Уоллеса, уронив оловянную тарелку.

— Скажи мне, что это не ты убил императора! — закричал он.

— Не убивал!

— Ты лжешь!

— Ты мне велел сказать...

— Ты — профессиональный убийца! Ты, ублюдок! Ты оставил меня одного сражаться с теми Стражами Трона!

— Одного я убил.

— Ну да, а мне пришлось биться с тремя, и даже госпожа сражалась с одним. Ты профессиональный убийца, ты

мог убить всех пятерых... вероятно, замучив до смерти одной из своих ужасных баллад.

— Здесь кто-нибудь выслушает меня? — вскрикнул Уоллес.

— Говори лучше правду, — предупредил Эндри. — Так кто ты?

— Я... о, ты не поверишь.

— Говори! — потребовал Эндри.

— Я — Мильвариос из Турлоссена, — гордо заявил он. — Магистр музыки при дворе императора.

И не закончил. Эндри упал на грязный берег ручья, скорчившись от смеха. Где-то в темноте захихикала Веландер.

— Я же сказал, что ты не поверишь, — угрюмо пробурчал Уоллес.

— Расскажи еще, — выдохнул Эндри, вставая.

— Он — настоящий убийца — проник через секретный вход в мои покои. У него было мое лицо! Он связал меня, но я пережег веревки, — Уоллес показал ожоги на запястьях. — Он сказал, что знает магическое заклинание и может превратить свое лицо в мое.

— То был убийца из торейского союза, — сказала Веландер. — «Меняющие форму» — так их зовут. Они пользуются сильными магическими заклинаниями и изменяют внешность.

— Да, да, именно так он сказал! — воскликнул Уоллес.

— Все они погибли, когда Торея была расплавлена... но один остался, наверное. Наемник. За большие деньги. Но есть одна проблема. Меняющие форму были объектом для насмешек. После убийства поймать их не представляло труда. Лица...Черт, забыл слово. Хотеть? Желать? Искать?

— Нуждаться? — спросил Эндри.

— Да. Нужен был год, чтобы прийти в себя и превращаться снова. Поймал — убил. И ждал. И так часто. Уоллес, вероятно, прав.

— Ему нельзя верить! — закричал Эндри. — Его баллады ужасны.

— Почему ты?.. — сердито заворчал Уоллес.

— Ха! Магистр-музыкант, переодетый, не способный хорошо играть свою роль? — спросила Веландер, бросив взгляд на Уоллеса. — Принцесса Сентерри когда-то говорила мне: «Ура, Мильвариос сгинул, а с ним и его скучные баллады.

— Клянусь кольцом Мираля, это правда! — снова закричал Эндри.

— Неправда! — возмутился Уоллес.

— Убийца хотел, чтобы тебя нашли стражники? — спросила Веландер.

— Да, но я спрятался в секретной нише и плотно закрыл замок. Его загнали в угол в моей спальне и убили Стражи Трона. Скрючившись в своем укрытии, я обнаружил, что убийца приготовил для себя сменную одежду. Возможно, мне стоило выйти и рассказать о случившемся, но разве бы мне поверили?

— Нет! — воскликнул Эндри.

— Вот то-то и оно! Ты бы меня тоже убил на их месте. У меня было лицо убийцы — а у него мое, вот в чем дело.

— Вероятно, меняющие форму... умны. Убить Уоллеса. Настоящего Уоллеса. Жить как Уоллес. С лицом Уоллеса.

— Но Уоллес, муж Желены, случайно оказался похож на меня! — не унимался бывший магистр музыки последнего императора. — Вероятно, все меняющие форму убивали подобным образом. И никто из них, возможно, не умирал сам. Дюжины невинных придворных и стражников пали от их рук, и убийцы исчезли, но подозреваемых не было. Убийцы принимали другой облик и выжидали, проводя время с друзьями, семьей и слугами двойника. Причем никому не приходило в голову, что человек, которого они знали, мертв, а это — чужак.

Уоллес помолчал немного, занятый собственными мыслями.

— Поздравляю, Уоллес, — сказала Терикель.

— О, что ты имеешь в виду? — спросил он, широко улыбаясь.

— Возможно, ты обнажил, в смысле, выдал самую сокровенную тайну Тореи, — произнесла Веландер. — По крайней мере, до того, как Торея расплавилась. Метод меняющих форму.

— А ты и правда был магистром музыки? — поинтересовался Эндри.

— Имел такую честь.

— Но даже тогда я бы смог стать им. Собаки на улицах лают и то мелодичнее, чем ты поешь баллады.

— Хватит уже об этом! — закричал Уоллес. — Хорошо, но почему же не ты магистр музыки при дворе?

— Мылся плохо, — предположила Веландер, но Эндри проигнорировал ее.

— Я видел, как таверны вмиг пустели, стоило кому-то запеть его баллады, — воскликнул Эндри. — Даже пьяные, спящие на полу, продирали глаза и ползли к выходу.

— Просто бисер перед свиньями. Чего ты ждал?

— Тогда те свиньи мои друзья! — крикнул Эндри.

— Но они же свиньи! — закричал в ответ Уоллес, кидая в Эндри горшок и толкая в ручей.

Уоллес плюхнулся в воду вслед за Эндри, и они начали молотить друг друга кулаками. Уоллес был сильнее и крупнее, а Эндри было больше опыта в драках. Вскоре у Уоллеса пошла кровь из носа и уха, и он упал на колени в воду, закрывая ладонями лицо. Эндри вылез на берег с видом победителя, сложив на груди руки. Веландер посмотрела на него сверху вниз. Внезапно Эндри почувствовал, что весь насквозь промок и заляпан грязью.

— Грязный, вонючий и глупый, — сказала Веландер и снова растворилась среди теней.

Мадам Джилли оторвала взгляд от книги, когда услышала, как кто-то вежливо кашлянул. Похожее на человека создание стояло перед нею, медленно превращаясь из воина в оборванного крестьянина.

— Мадам Джилли, полагаю? — спросила маленькая девочка, протягивая букет цветов.

— Ну да.

— Я — Перемена, — объяснил стражник, опираясь на копье.

— Богиня? — выдохнула она, поднимаясь и делая реверанс.

— Да, да, собственной персоной, — ответил старый маг. — А где перевозчица?

— Она сказала, ее контракт закончился.

— Проклятие! — воскликнула жрица, облаченная в ослепительно-белые одежды. — Мой слуга должен был выплатить ей жалование.

— Жаль слышать это, — сказала мадам Джилли, хлопая в ладоши, чтобы не дать им задрожать.

— Опять! — воскликнул скелет, обтянутый одеждой. — Знаешь, там, на улице, очередь.

— Мне бы хотелось помочь, — произнесла мадам Джилли, в голову к которой пришла идея. — В Лимбе довольно скучно.

— Согласен, — ответил голый малыш, сжимающий плюшевого медвежонка. — Тебе же нравится встречаться с новыми людьми?

— Я всю жизнь встречалась с новыми людьми, — подтвердила мадам Джилли.

— Обслуживала? — спросила танцовщица.

— Помогала такому количеству душ, которому могла, — призналась мадам Джилли.

— А морской болезни у тебя нет, правда? — спросил старик с бородой до колен.

— С самого детства я была среди моряков.

— А почему ты здесь? — спросил рабочий с мотыгой через плечо.

— Я умерла не так, как все.

— Замечательно! — воскликнул трактирщик. — А тебе бы хотелось заработать пару монет и встретиться с множеством людей? Большие Перемены грядут в твоем мире, и мне очень не хватает перевозчиц.

Первым пассажиром мадам Джилли стал фермер, который уже держал монеты наготове. Горвессоль совсем не ожидал увидеть ослепительно-белую лодку с женщиной в красном платье, перехваченном на талии поясом. Насколько Горвессоль мог заметить, швея упустила из внимания верхнюю часть одежды и оставила грудь почти обнаженной, едва прикрыв ее красной шелковой тесьмой.

— Так, согласно Регистру Передвижения, вам достается Аркадия, Горвессоль, — сказала весело женщина, отталкиваясь от берега шестом, белым, как снег. — А как вы умерли?

— А вы не знаете? — спросил удивленный дух фермера.

— Боюсь, что нет. Я занималась новой лодкой и не успела прочесть «Выдержки».

— А? Ах да, замечательная лодка.

— Так как вы умерли?

— Некто, пьющий кровь, разорвал мое горло, когда я шел из таверны домой.

— Правда? Как часто подобное происходит в наши дни.

Эндри тщательно смыл грязь со штанов и плаща, его лицо было красным от стыда. Он кричал как торговка рыбой и вопил как уличный продавец фруктов. «Так себя не ведут благородные люди» — эта мысль не давала Эндри покоя. Даже оправдать себя тем, что он был пьян, Эндри не мог. И ему не нравилось, что Веландер все видела и слышала. Эндри не возражал выглядеть глупцом в глазах своих друзей, но немного переживал, что подумают о нем люди, к которым он

не испытывал особой симпатии. До этого Эндри гордо разгуливал тут как императорский гвардеец... «Нет, одетый как императорский гвардеец», — напомнил он себе. Что сказала Желена о своем настоящем муже предыдущей ночью? Он не мог так измениться за три месяца. Да, действительно. Простой человек не в силах хоть немного стать похожим даже на Уоллеса за три месяца.

Его штаны и плащ сушились на палках возле тлеющих углей, пока Эндри очищал сапоги от грязи. Наконец он помыл волосы и все тело в холодной родниковой воде. Кончиком ножа Эндри выковырял остатки земли из-под ногтей и сел, чтобы просохнуть. Дрожа, он смотрел, как сохнет одежда. Сзади послышались тихие шаги, и на траву упали его старые штаны и туника. Эндри поднял голову и увидел Веландер.

— Ларон беспокоился, — сказала она таким тоном, что стало очевидно, что она-то о нем совсем не беспокоилась. — Говорит, простудишься еще.

Эндри стал перебирать в памяти уроки по правилам этикета, надеясь вспомнить слова, с которыми мог обратиться замерзший, мокрый, обнаженный мужчина к мертвой, опасной и обладающей сверхъестественными способностями женщине, принесшей ему сухую одежду.

— А да, спасибо, — сказал он через минуту.

— Старая одежда сидит лучше, — угрожающе добавила Веландер.

Эндри взял свои старые брюки и тунику. «Веландер права, — решил он. — Прежняя одежда больше соответствует тому, кто я на самом деле — Эндри Теннонер из Баржардса». Но внутренний голос произнес: «Не отступай». Слова прозвучали так отчетливо, что Эндри оглянулся, не было ли кого поблизости. Не отступай. Эндри понимал смысл сказанного и, все еще сомневаясь, бросил старые брюки и тунику в огонь. Сначала повалил дым, потом вспыхнуло пламя. Эндри посмотрел на Веландер, которая, казалось, удивилась и стояла в нерешительности. Даже находясь на расстоянии в несколько шагов от нее, он чувствовал запах алкоголя.

— Так что носит старейшина Терикель? — спросил Эндри.

— Поймала пьяного фермера, шел из трактира, две мили отсюда. Разорвала горло, выпила кровь. Старейшина Терикель надела его одежду.

У Эндри на минуту закружилась голова. В нем поднялась волна безрассудного гнева.

— Ты убила человека ради его одежды? — воскликнул он.

— Была голодна. Попался по дороге.

— Голодна? Вот это да! Для тебя он был лишь кувшином вина.

— Он был пьян! Пьяный — зло. Ларон учил меня. Нужно убивать, чтобы прокормиться, и поэтому когда убиваешь зло, съедаешь его.

— Зло? Да ты все равно что горький пьяница, ищущий дешевого вина.

— Я могу пить только кровь!

— И сама не своя от крови пьяных.

— Ты пьяный! — огрызнулась Веландер, и ее лицо, казалось, приняло еще более угрожающее выражение, чем обычно.

— Вовсе нет! Уже десять дней, как я пью совсем чуть-чуть, только чтобы успокоиться. Вскоре это будет один глоток, потом капля, а затем я стану пить, когда и как захочу, и не буду нуждаться в этом постоянно. Ты сама пьяна, и ты сама — зло. Я не такой.

— Я не пьяная!

— Думаешь, я не понимаю, кто пьян, а кто нет? Что было плохого в фермере, направляющемся домой из трактира после нескольких кружек эля?

— Пошел домой, побил жену, наверное.

— Да ты понятия не имеешь, был ли он женат! — закричал Эндри.

С молниеносной скоростью Веландер выбросила вперед руку и схватила Эндри за горло. Она прижала его к земле и почти соприкоснулась своим лицом с лицом пленника. В широко открытом рту поблескивали клыки, затхлый запах крови,

гнили и выпивки ударил в нос Эндри, ее огромные бешеные глаза, не мигая, смотрели на него. Но внезапно хватка Веландер ослабла.

— Помоги мне! — прошептала она, затем отшвырнула пленника в сторону и скрылась в темноте.

На следующий день они остановились в другой деревне, где Ларон купил для упряжки более спокойную лошадь, чем его собственный жеребец, и еще одного коня для Эндри. Также они долго выбирали, и, наконец, приобрели на рынке кое-что из одежды. Когда все снова собрались в путь, на Уоллесе и Терикель были красные шарфы и красные повязки, указывающие на то, что их обладатели являлись рекрутами Императорской Армии Основных Путей Сообщения и обладали статусом гвардейцев запаса. Уоллес пытался научиться вести повозку. Лошадь постоянно останавливалась на обочине дороги и что-то рассматривала каждые сто ярдов, так что за ней нужен был глаз да глаз. Эндри и Ларон ехали верхом, облаченные в форму и доспехи гвардейцев Сопровождения Путешествий.

— Боюсь, я навсегда останусь ворчливым неряхой, хотя мне хочется быть... ну... выше всего этого, — признался Эндри Ларону, в то время как они вдвоем ехали немного поодаль от повозки.

— Ну а теперь о том, что значит «подобающе», по-рыцарски.

— Что?

— Это значит «с честью».

— А да, я понимаю, что такое честь. Например, когда какой-нибудь повеса соблазняет твою юную сестру и потом не хочет жениться на ней, тогда ты точишь свой топор и идешь за ним. Смотри, вот что сделал Брэнни Колкер, когда моя сестра Келен...

— Ну это немного не совсем то, однако, в своем роде, правильно. Хочешь ли ты услышать о настоящем рыцарстве, Эндри? Потребуется время.

— Что, нужно правильно себя вести, сир? Я ведь так и останусь простолюдином. У меня нет никаких шансов.

— Императорская Армия даст тебе шансы. Со своими плотницкими навыками, хорошими манерами и отвагой в битвах когда-нибудь ты станешь военным инженером.

— Но я же еще даже не в армии, — возразил Эндри.

Ларон минуту или две ехал молча, потом поднял руку. Они остановились. Эндри осмотрелся, но не заметил ничего подозрительного или опасного. Ларон слез с коня. Эндри последовал его примеру, из тележки вылез Уоллес, желая узнать, что случилось.

— Хочешь ли ты, Эндри Теннонер, вступить в ряды Императорской Армии Основных Путей Сообщения Его Величества, наследника Сарголанской Империи? — спросил Ларон. — Ты будешь уланом. Это низший кавалерийский ранг.

— Сомневаюсь, что они меня примут, сир, — ответил Эндри, пожав плечами. — Кроме того, я подданный Альберина, что в империи Северный Скалтикар.

— Наемников можно брать, если страны, откуда они родом, не ведут войны с Сарголанской Империей.

— Вы серьезно, сир?

— Абсолютно.

Для Эндри это было сродни решению сжечь свою старую одежду. Как будто ему приказали приготовиться к бою. Он четко не понимал, кто отдает приказ, но, с другой стороны, ему нравилось, что ему указывали идти вперед.

— Тогда согласен.

Уоллес тоже быстро задумался о преимуществах военной службы. Для начала появились бы документы и свое место под солнцем. Если бы удалось вынести пять лет работы по-

варом в походных фургонах, у него была бы возможность вернуться к нормальной жизни и получить вполне законный паспорт. Самое главное — «в фургонах». Это означало, что ему больше не придется идти пешком.

— Эй, а как насчет меня? — спросил Уоллес, поднимая руку. — У меня есть плащ и герб на груди. Думаю, армии нужны талантливые повара для поддержания высокого морального духа.

Ларон почесал подбородок и улыбнулся.

— Очень хорошо, почему бы и нет? Уоллес, как ты посмотришь на то, чтобы стать поваром третьего класса в Императорской Армии Основных Путей Сообщения?

— Для этого нужно будет проверить мою биографию? — спросил тут же Уоллес.

— Если бы у каждого гвардейца проверяли биографию, то гвардейцев не было бы вообще. А те, кто бы остался, закончили бы свою жизнь в петле. А пока набор в армию еще ведется, не хотела бы ты засвидетельствовать присягу, высокоученая старейшина?

— Конечно, — сказала Терикель, спускаясь из тележки.

— Сколько нужно служить? — спросил Уоллес.

— Пять лет, и я могу походатайствовать для вас о месте в гарнизоне Логьяра, когда мы приедем туда.

Эндри почесал голову. Уоллес потер подбородок.

— А я могу преуспеть как повар? — произнес Уоллес.

— Делай, как я скажу, и если будешь стараться, то, думаю, чего-нибудь добьешься.

Терикель выступила свидетелем, когда Эндри и Уоллес, упав на колени в пыль на обочине дороги, приносили по очереди присягу Сарголанской империи.

— Ваши имена? Откуда родом? — спрашивал Ларон.

— Эндри Теннонер из Альберина.

— Уоллес... Бейкер... из Саргола родом.

— Поточнее?

— Палион.

— Эндри Теннонер из Альберина и Уоллес Бейкер из Палиона, клянетесь ли вы в верности трону Сарголанской империи, клянетесь ли вы преданно служить в Императорской Армии Основных Путей Сообщения именем богов, которых вы почитаете, как засвидетельствовала Старейшина Терикель Эример из Ордена Метрологов?

— Да, сир, — ответил Эндри.

— Ну да, сир, — брякнул Уоллес.

— Тогда поднимитесь, вы приняты. Наказание за дезертирство в первый раз — сто плетей, во второй — смерть через повешение. Пусть будет так, высокоученая старейшина. Поскольку с этими двумя новобранцами все улажено, предлагаю вновь присоединиться к гвардейцам Сопровождения Путешествий.

— Согласна, — ответила Терикель. — Почетный ритуал окончен.

Ларон ускорил темп, желая нагнать Сентерри и ее свиту. Проведя ночь под открытым небом и два дня в пути, они пришли в город Кловессер. К своему ужасу Уоллес обнаружил, что у него осталась лишь четверть пинты вина на каждый день, но Эндри не придал этому обстоятельству никакого значения.

Эндри опасался Веландер, которая, кажется, давно не ела и во время прогулок часто поглядывала на него и облизывалась. Эндри обертывал шею куском ткани, пропитанным чесночным соком, когда ложился спать. Как и ожидалось, Веландер постоянно отпускала колкие замечания в адрес Уоллеса и Эндри, вступивших в ряды Императорской Армии Основных Путей Сообщения, но они редко ее видели, поскольку Веландер просыпалась только по ночам, когда Мираль был высоко в небе. Обычно она бродила вдали от лагеря.

Кловессер был достаточно большим городом, находящимся приблизительно в одном дне езды верхом к востоку от Глэсберри, и как только все добрались до пропускных во-

рот, то увидели, что на стене висит знамя императора. В Кловессере находился член императорской семьи, и им могла быть лишь принцесса Сентерри. Повозка въехала в город с наступлением вечера.

Терикель и Веландер остались в гостинице, а Ларон, Эндри и Уоллес отправились городской гарнизон. Там зарегистрировали двух рекрутов и выдали им форменные плащи, туники, штаны, шлемы и сапоги. К своему ужасу, Эндри обнаружил, что за одежду придется платить. Уоллесу тут же дали поручения, касающиеся запаса провизии, а Эндри получил звание разведчика, или реккона. Ларон оставил его наедине с маршалом Гвардии Сопровождения Путешествий.

— И кем же вы будете, сир? — спросил тот, близко наклонившись к лицу Эндри.

— *Новобранец Теннонер к вашим услугам*, сир, — медленно произнес тот по-сарголански.

— Так, новобранец Теннонер, капитан Ларон сообщил мне, что вас следует назначить рекконом при Гвардии Сопровождения Путешествий. Однако это не делает вас членом Гвардии Сопровождения Путешествий и не дает права говорить о своей службе в ее рядах. Я понятно объясняю?

— Да, сир, — ответил Эндри, который не понял ничего из того, что было сказано, за исключением того, что ему был задан вопрос, по-видимому, предполагающий ответ «да».

— Тогда не нужно стоять столбом! Снимайте доспехи и форму гвардейца Гвардии Сопровождения Путешествий и наденьте длинную тунику реккона!

Маршал кричал еще целый час, пытаясь научить Эндри чистить коня, чистить и полировать седло, уздечку и седельные сумки, а также чистить, точить и полировать свой топор. Затем ему пришлось осваивать строевую подготовку до тех пор, пока солнце не опустилось за горизонт. Наконец Эндри отпустили, но приказали привести себя в порядок для официального обеда.

— После всего, что ты вытворял на борту «Буйной пташки», как ты можешь спокойно сносить все это? — спросил Уоллес, забирая для стирки тунику Эндри.

— «Буйная пташка» была как Баржардс, Уоллес. Там я не мог бы стать никем, кроме плотника, даже если бы очень постарался. Здесь совсем не так. Здесь я мог бы стать военным инженером.

— Инженер — это своего рода офицер. Почти лейтенант, если я правильно помню свои уроки в школе геральдики.

— О да, Уоллес, я должен много работать и исправить свое поведение. Благородным так быстро не станешь, но я добьюсь своего.

— Смотри, не разочаруйся, когда это произойдет, — предупредил Уоллес.

Терикель решила не отпускать далеко Веландер не столько для спокойствия жителей Кловессера, сколько из-за соображений собственной безопасности. Кловессер был достаточно *большим городом, чтобы иметь свою маленькую магическую* академию, и именно туда и направились Терикель с Веландер. На вампире был черный плащ, накинутый на черную тунику, а волосы она убрала назад, и поэтому другие легко могли принять ее за наемного телохранителя, сопровождающего женщину по темным улицам.

— Мне нужно встретиться с очень необычными людьми, — объясняла Терикель на торейском языке, ныне мертвом, когда они вышли из гостиницы.

— Это плохие люди? — спросила Веландер с надеждой.

— Нет! И, пожалуйста, старайся держать себя в руках. Они особенные, целеустремленные люди, но не плохие.

— А потом, может быть, зайдем в таверну? — предложила Веландер.

— Чтобы ты могла поохотиться на пьяных? Веландер, я начинаю очень волноваться за тебя.

— Никто не волнуется, если Эндри пьет слишком много, — сказала Веландер тихо.

— Он не берет свое вино из крови других. Однако я беспокоюсь об Эндри так же, как и о тебе.

— А кто эти особенные люди? — пробормотала Веландер, уже не очень интересуясь темой разговора.

— Я рассказывала о них в Палионе. Они называют себя группой магических замыслов и общих оккультных планов.

— Да, звучит и в самом деле как-то по-особенному.

— Это группа радикально настроенных студентов, которые хотят свергнуть правящие круги.

— Звучит серьезно, а часто серьезные люди — это зло, — сказала Веландер, облизывая губы: в ней снова проснулась надежда. — Кто-нибудь из них пьет?

— Нет! Запомни: оставь их в покое! Я... О, Вел, мне грустно видеть тебя в таком состоянии. Тебе можно чем-нибудь помочь?

Веландер пожала плечами, затем хлопнула в ладоши, чтобы унять дрожь.

— Нет, — сказала она просто. — Я кончу плохо, и тогда, надеюсь, ты запишешь мою историю в назидание остальным.

— Вел, если бы я могла помочь тебе... Что можно сделать?

— Если Ларон не может помочь, то уже ничего не поделаешь. Но мы уходим от темы, высокоученая старейшина. Как я могу быть полезна тебе сегодня вечером?

— Как я говорила, эти странные люди одержимы желанием очернить правящие круги, а в данный момент я практически в одиночестве с ними сражаюсь.

— С правящими кругами? Но с какими?

— О, если бы я знала. Мне нужны союзники — любые, каких я только найду. Так что если действительно хочешь помочь, Веландер, не досаждай им.

Обедали в гарнизонной столовой, и Эндри усадили за стол в задней части зала. Там было еще шесть других реккон, прикрепленных к Гвардии Сопровождения Поездок, все из империи Северный Скалтикар. Командование придержи-

валось теории, согласно которой иностранные наемники вряд ли станут участниками заговоров против императорской семьи, в отличие от местных. Пока что теория подтверждалась. Самым надежным способом добиться верности со стороны рекконов было дать им почувствовать некое свое превосходство. Для Эндри проблема состояла в том, что маршал не познакомил его с другими рекконами, которые высокомерно посматривали вокруг.

Выполняя полученные указания, Эндри промаршировал к столу и, поклонившись, по-сарголански обратился к реккону, отмеченному красной звездой делегата и вручил ему маленькую тарелку:

— Теннонер прибыл, сир!

Делегат кинул тарелку на свободное место за столом и сказал:

— Садись.

Он был человеком, через которого маршал гвардии Сопровождения Путешествий передавал приказы, поэтому к нему прислушивались. Однако он не был их командиром, поэтому его собственные приказы никто не выполнял.

Эндри сел и, ожидая, пока его обслужат, стал наблюдать, чем заняты остальные рекконы. Сначала Эндри заметил, что между собой они говорят по-альберински. И обращаются друг к другу по-приятельски. А еще у них была еда на тарелках, а у него не было. Эндри терпеливо ждал.

Неожиданно реккон, которого другие звали Эссеном, встал, подошел к столику, где раздавали пищу, и взял себе добавку. Внезапно поняв, что свалял дурака, Эндри покраснел, извинился и тоже направился за едой. Он также заметил, что у остальных были еще и небольшие кружки с вином. Вино раздавали за другим столиком, но Эндри решил не делать очередную ошибку и обошелся без спиртного. Таким образом, стараясь избежать одной оплошности, он сделал другую.

Эндри нарушил один из пяти существующих здесь неписаных законов, что не укрылось от внимания рекконов, а также не выполнил правила, о котором не сказал ему мар-

шал. Рекконы были разведчиками, а это предполагало наблюдение за любыми новыми людьми. Назревал конфликт.

— Некоторые считают ниже своего достоинства пить с рекконами, — сказал один из рекконов по имени Дэнол.

— Кто это? — спросил Портер, делегат.

— Щеголеватые господа, ничего собой не представляющие, — ответил Дэнол.

«Пойди-ка и поучись манерам, и тогда посмотрим, можно ли тебя назвать щеголеватым господином», — закипел от злости Эндри, потом встал, извинился и направился за вином. Дэнол сел. Эндри решил, что будет есть и пить, и беспокоился, не желая никого обидеть.

Хотя Эндри и был обычным парнем из Альберина, он не являлся абсолютно неопытным. Кое-что о корабельной дисциплине пришлось усвоить на борту «Буйной пташки», во дворах и тавернах Баржардса — научиться драться, а благодаря многолетней работе с портовыми лошадьми — ездить верхом. Он также знал некоторые нормы поведения и способы защиты от Ларона и от Уоллеса — как нужно есть и что говорить за столом. Более того, Эндри умел считать, читать и писать по-альберински, говорил на всеобщем сарголанском диалекте и понимал диомеданский язык торговли — все это выделяло его из массы простых людей; он мог бы возвыситься над ними, если бы захотел. На самом деле, Эндри был одарен от природы, и получил неплохое образование, хоть условия и были не идеальны. Но сейчас его способности стали наконец проявляться. Стоило кому-то что-нибудь сказать, как он запоминал это до мельчайших подробностей и использовал на практике. Теннонеру не хватало лишь опыта, но Эндри напоминал себе, что опыт — это, что он только что приобрел за столом рекконов.

Однако вскоре стало очевидно: другие считали назначение Эндри рекконом запаса Гвардии Сопровождения Путешествий ошибкой, за которую отвечать придется всем. За столом остались некоторые из рекрутов, остальные ушли.

— Они говорят нам, что о рекконах в последнее время стали лучше думать, — сказал Портер.

— Сомневаюсь, если учесть то, сколько нам платят, — ответил полный, коренастый Костигер.

— О да. Юные франты хотят купить место в наших рядах, словно откупаясь от службы в прочих войсках.

— Скажи-ка, а мы что-нибудь от этого получаем? — спросил Сандер.

— Ну, они неплохо подготовлены, хоть и думают, что выше нас со своими франтовскими манерами, — сказал Портер.

— Их отправляют сюда словно собак в собачьи школы — так знатные поступают со своими псами, — добавил Дэнол, самый младший из рекконов. — Скажи им: «Сидеть», они и сядут.

Эндри начал понимать, к чему они клонят. Годы пьянок и драк в Баржардсе не прошли даром.

— Думаю, собакам нужно кидать кости на пол, — заметил Хартман, который брился наголо, не желая демонстрировать начинающие седеть волосы.

— Если собака может выполнять приказы, ее следует брать в расчет, — ответил делегат Портер.

— У собаки есть перед нами преимущество: она может лизать свою задницу, не испортив себе аппетит, — добавил Дэнол.

— Попридержи язык, Дэнол. Наши двери всегда открыты для всех рекрутов.

Эндри погонял ложкой в тарелке крупную кость, затем осторожно срезал ножом мясо и, подцепив кончиком, отправил его в рот. Дэнол и остальные просто грызли свои кости. Естественно, действия Эндри не остались незамеченными.

— Посмотрите-ка, никто не говорил этой собачке, что за столом рекконов едят руками, — сказал Дэнол, поднося ко рту очередную кость.

— Очень хорошие манеры для собаки, — сказал Сандер.

— Наверно, сбежала от богатеньких франтов, — добавил Дэнол.

В мгновение ока Эндри схватил нож и всадил его в кость, которую грыз Дэнол, расщепив ее на части. За столом рекконов наступила полная тишина, затянувшаяся, казалось, на целую вечность, хотя на самом деле длившаяся всего десять секунд.

— Я прошу прощения, — сказал Эндри, широко улыбнувшись, медленно протянулся и взял нож за рукоятку. — Нож выскользнул.

Он вынул нож и кость изо рта Дэнола, снял кость с лезвия и осторожно положил ее в дребезжащую миску реккона. Минуту Эндри подержал нож, показывая остальным, что на рукоятке была выгравировано изображение женской груди, смотрящей в разные стороны, а конец представлял собой пару ягодиц.

— Необычно, знаю, — сказал Эндри, — Но это памятный подарок от покойной мадам Джилли из Дома Отдохновения мадам Джилли из Палиона, и я очень люблю его.

Эндри хорошо изобразил альберинский акцент Ларона, то есть очень правильно, но одновременно и небрежно. Затем он взял кружку вина.

— Реккон Теннонер!

Голос маршала эхом отозвался по всему залу, и все, начиная от принцессы Сентерри и заканчивая Эндри, замолчали. Некоторые даже перестали двигаться. Маршал направился к столу рекконов.

— Реккон Теннонер, делегат реккон Портер, внимание! — крикнул он.

Оба рекрута вскочили на ноги, поприветствовали маршала и замерли, повернувшись к той части зала, где сидела Сентерри.

— Делегат реккон Портер, позвольте представить вам рекрута Эндри Теннонера. Теннонеру не следует разрешать

брать вино за столом, поскольку, по его собственным словам, он завязавший пьяница и спиртное демонстрирует не лучшие качества его характера.

— Сир! — ответил Портер.

— Во-вторых, Теннонер напал на трех из лучших Стражей Трона умершего императора, и они сейчас находятся в дворцовом лазарете, а потом устроил драку с доблестным капитаном Ларoном и избил нескольких гвардейцев из Гвардии Сопровождения Путешествий. Вам следует позаботиться о том, что таланты Теннонера использовались против врагов принцессы и не были направлены против своих.

— Сир.

— В-третьих, Теннонер что животное — как вы, наверно, уже заметили — поэтому ему не требуется дополнительные силовые нагрузки, чтобы укрепить тело, или проходить базовую военную подготовку. Однако Теннонеру пришлось взять курс «О поведении и этикете», чтобы не быть таким опасным для тех, кто на его стороне. Соответственно, позаботьтесь о поощрении усилий, предпринимаемых рекрутом по изменению своих привычек, вами и вашими людьми.

— Сир.

— Это все. Вы свободны, можете вернуться к еде.

— Сир! — крикнули Эндри и Портер хором.

Эндри отправился на свое место, отодвинул кружку с вином и стал отрезать кусок мяса от кости в миске. Очень медленно другие рекконы также вернулись к еде, и оставшаяся часть обеда прошла, в основном, в молчании.

Маршал уселся на свое место за высоким столом возле Ларона.

— Это было замечательное предложение — представить молодого Теннонера солдатам и отряду рекконов, капитан Ларон, — произнес он, поднимая кубок вина.

— Мне нравится, когда люди знают свое место, и не устраивают всяких глупых недоразумений, — ответил Ларон.

— Вы очень проницательны и разумны для своего возраста. Отчего? Ведь даже *молодой* Теннонер, по крайней мере, лет на пять старше вас.

— Напротив, маршал. Я гораздо старше, чем выгляжу.

Терикель встретилась с Вильбаром, Риеллен и Мэбеном в домике, где Вильбар и Мэбен делили мансарду. Через окно они видели широкую полосу огней — Стену Драконов, протянувшуюся по всему западному горизонту. Вильбар носил очки с цветными стеклами даже ночью и всегда прикрывал рукой рот, когда говорил. Мэбен объяснил, что таким образом Вильбар хотел казаться незаметным, поскольку являлся тайным революционером. Терикель и Веландер обменялись друг с другом взглядами, однако не нашлись с подходящим ответом.

— С помощью этого мы можем следить за Стеной Драконов, — рассказывал Вильбар, показывая устройство, представлявшее собой пять кусков затемненного стекла, прикрепленного к спинке круглого стула. — Знаете, как будто ты просверлил дырочку в стене и подглядываешь в комнату, где преподаватели составляю вопросы для экзаменов.

— Мы называем себя сверлами, — гордо сказала Риеллен, глядя на Терикель поверх толстых стекол своих очков в узкой оправе. — Мы сверлим отверстия в заклинаниях и величайших деяниях.

— И следим за происходящим, — произнес Мэбен, желая поучаствовать в разговоре.

— Это было создано мной, и по праву должно носить название «Миниатюрная Каменная Кладка Вильбара». Лишь из соображений безопасности мы не можем давать свои имена приспособлениям. По крайней мере, пока все не установлено, нужно обеспечить надежность и быть честным по отношению к людям, рассказав им всю правду о нововведении...

— Как это работает? — нетерпеливо спросила Терикель.

— Мы используем это устройство и слышим слова магов, управляющих Стеной Драконов, — ответила Риеллен.

К тому времени Терикель успела приглядеться к людям, входящим в группу магических замыслов и общих оккультных планов. Мэбен был около четырех футов ростом и очень волновался, если на него не обращали должного внимания. Риеллен оказалась альберинкой, носившей очки с очень толстыми стеклами, еще менее знакомой с нормами поведения в обществе, чем Эндри, а Вильбар был выше Мэбена на два фута, но, по-видимому, и весил в два раза больше. Вильбар представлял себя реформатором-революционером, собирающимся показать магическое сообщество в его истинном свете, но пока затруднялся определить, в чем же именно заключается истинный свет, который он хочет показать.

— Но любое подобное устройство нужно установить в непосредственной близости от Стены Драконов для достижения контакта, — сказала Терикель. — Поэтому придется расположить все прямо под эфирным механизмом.

— Вот тут вы не правы! — радостно заявил Вильбар, размахивая в воздухе своей табуреткой.

— Нет, правы, — сказала Риеллен, которая всегда стремилась поддерживать женщин, так как она была единственной девушкой-студенткой из пяти мужчин.

— Просто немного заблуждаетесь, — объяснил Мэбен, подпрыгивая на месте и махая рукой, чтобы привлечь внимание.

— Стекло, в которое превратился расплавленный материк Торея, — произнес гордо Вильбар. — Нам всем пришлось работать целый месяц, чтобы мы смогли купить этот ценный образец.

— Я много знаю о резке стекла и линзах, поскольку мне самой нужны особые очки, — сказала Риеллен. — Именно я разрезала кусок на пять частей.

— Я прикрепил их к стулу, — добавил Мэбен.

— Но вам потребуется пять людей, которые могут сотворить заклинание, — сказала Терикель. — Вас всего трое.

— О, сегодня вечером Голбок разливает пиво в «Руках Короля».

— А Аллэн натирает полы в «Ногах Королевы, — произнес Мэбен.

— Но вы ведь тоже заклинатель, — сказала Риеллен. — Если подождете час, пока Аллэн закончит работать, тогда будет пятеро, и вы все увидите.

— Мы не можем так долго ждать, — сказала Терикель. — Веландер произнесет заклинание.

Веландер кивнула, когда трое студентов повернулись к ней. Они поклонились, полагая, что видят одного из магов высшего уровня.

Использование устройства Вильбара предполагало привязывание стула к столу, и развернуть его необходимо было так, чтобы он смотрел сквозь окно в сторону Стены Драконов. Вильбар очень беспокоился о точности углов и о том, как бы не упала и не сломалась самая, вероятно, маленькая кладка в мире.

— Эй, нам нужна книга магических формул, — вдруг заявила Риеллен. — Все книги хранятся в моей комнате.

Книги были ценными, а Риеллен жила в дортуаре клювессерской школы Карьеры, Изысканных Манер и Этикета, поскольку это было единственное заведение, предоставляющее комнату для молодых девушек-студенток. Там имелась охрана, и большинство учебных изданий, которые пятеро экспериментаторов позаимствовали из академической библиотеки, находилось именно там.

— Думаю, я могу произнести подходящее заклинание по памяти, — сказала Терикель. — Давайте начнем.

В настоящей каменной кладке маги сидели бы на камнях, но сейчас это оказалось невозможным: камни представляли собой холмики песка высотой в четыре дюйма, переплавленные в стекло. Каждый из пяти магов мысленно нарисовал в воображении свой образ величиной приблизительно в один дюйм и поместил его на стеклянный обломок. Маленькие копии начали разводить руки, и вспыхнули искры эфирной энергии, которые переплетались и исчезали в окне, устремляясь к Стене Драконов. Вильбар произнес заклинание от имени своего изображения, и в центре наклоненного стула возник переливающийся шар эфирной энергии. Сгустки энергии превратились в крошечную головку, которая говорила едва слышным голосом:

— Каменная кладка Альпин сообщает о буре в тридцати милях к северу. Пожалуйста, ответьте, каменная кладка Центрас.

Голова вновь сменилась шаром разнородной энергии, и больше уже ни во что не превратился. Прошло несколько минут. Терикель нарушила тишину.

— Они молчат, — сказала она. — Они обнаружили нас?

— Нет, им просто нужно быть сконцентрированными, чтобы расслышать передаваемое сообщение. Никто в каменной кладке Альпин больше не произнес ни слова после того первого послания, и мы не слышали ни звука от каменных кладок, находящихся на отдаленном расстоянии.

— Мне бы хотелось еще что-нибудь узнать об этом, — произнесла Терикель, стараясь не показать своего волнения.

— Каменная кладка Альпин — все, что мы можем слышать... — начал Мэбен.

— Просверлить отверстие! — вмешался Вильбар.

— ...с помощью этого особенного устройства, — закончил Мэбен.

— Но у нас есть еще кое-что! — попыталась возразить Риеллен.

— Риеллен! — воскликнули хором Вильбар и Мэбен.

— Зачем скрывать? — спросила Риеллен, упершись кулаками в бедра.

— *Эти женщины* — не из магического сообщества, — сказал Вильбар.

— Правильно ли я понимаю, что у вас есть каменная кладка большего размера? — спросила Терикель.

— Я ничего не знаю об этом, — решительно заявил Вильбар, но больше никто не проронил ни слова.

— Ну, спасибо за все, что вы мне показали, — произнесла Терикель, вставая. — Все это интересно, но не думаю, что это может помочь.

— Премного благодарны, — добавила Веландер, тоже поднимаясь со своего места.

Студенты поклонились, но вдруг поняли, что совершили какую-то промашку. Веландер жадно облизнулась. Студенты в страхе отшатнулись назад. Терикель подошла к двери.

— Подождите! Пожалуйста, подождите! — сказал Вильбар. — Ну... у нас в самом деле есть такая кладка, и мы... ну... провели кое-какие испытания. Вероятно, нам повезло, что вы здесь, и мы можем снова опробовать ее. Я... мы заметили: вы помогали с маленькой кладкой, и в центре появился более отчетливый образ, чем получался у нас во время работы с той большой.

— Это потому, что вы гораздо сильнее нас в заклинаниях, — произнесла Риеллен с нескрываемым восторгом.

— Представь, что вы могли бы сделать с той большой! — закричал Мэбен, подпрыгивая вверх и вниз и размахивая руками.

Терикель сложила на груди руки и неподвижно смотрела на них.

— А где же «та большая»? — спросила она.

— На крыше академии, — сказал Вильбар.

— Правда, сейчас ее там нет, — добавила Риеллен.

— Но через час мы можем ее там установить, — завершил Мэбен.

Теперь Сергаль был отчаявшимся, напуганным и запутавшимся человеком. В этом он оказался не одинок: маги всех каменных кладок оказались в сложном положении и очень беспокоились о своей судьбе. Ведь никто из них не мог остановить функционирование Стены Драконов. Сейчас стало понятно, почему она так называется. Прозрачными драконами были маги, которые постоянно жили под воздействием заклинания, тщательно создаваемого в течение десятилетий и укрепляемого на протяжении многих веков или даже дольше. Их тела оказались в особом магическом состоянии неизменности: они не старели, им не требовалась ни пища, ни вода, ни воздух. Стена Драконов представляла собой похожее устройство, и участвовавшие в ее строительстве маги скоро поняли, что если хотят уйти, то нужно полностью остановить действия заклинания. Все планы по активированию внешних колец внезапно стали магам так же важны, как проститутка для евнуха, хотя первоначально они собирались этим заниматься. Однако помимо затруднений в их положении было и свои преимущества, поскольку физически волшебники не могли умереть, а Стена Драконов давала им возможность посмотреть на мир сверху, с высоты несколько сотен миль, и общаться с простыми людьми, используя заклинания-образы. Многие из старых, немощных, больных магов считали все это определенным улучшением своей жизни. Они словно тоже становились прозрачными драконами, освободившись от всех земных трудностей.

Однако в Стене Драконов было сосредоточено огромное количество энергии, и если бы сооружение было разрушено, для нее потребовался бы выход. Существовало нечто, которое

в книгах Сергаля называли «Огненным Ветром», и, как там утверждалось, оно вбирало в себя эфирную силу, возникшую в результате вращения «ветряных мельниц» Стены Драконов. Проблема была в том, что Сергаль знал заклинание для призвания Огненного Ветра, и знал о его способности концентрировать внутри себя энергию. Но он понятия не имел о других его свойствах.

Не активированные по всем правилам, но тем не менее действующие каменные кладки притягивало к Стене Драконов, подобно тому, как акула приманивает маленьких рыбешек. Даже не очень сильные маги могли устроиться на холме или крыше, находящейся под определенным углом к поверхности земли, и связаться со Стеной Драконов. Пятеро уже вышли на связь со Стеной Драконов с континента Акрема, остальные пока устанавливали связь. Однако в эфирном механизме существовала некая тайна, тайна настолько ужасная, что если бы Сергаль узнал о ней раньше, то посвятил всю свою жизнь поискам способа разрушить Стену Драконов. Еще никто не понял, кто же за всем этим стоит, но со временем кто-то непременно узнал бы правду и рассказал о ней остальным. То, что случилось бы потом, стало бы концом света.

На данный момент Сергаль знал: необходимо, по крайней мере, попытаться убедить других не присоединяться к ним. Было слишком опасно предпринимать какие-то действия по отношению к работающим в полную мощь каменным кладкам из-за боязни нарушить равновесие всей Стены Драконов. С другой стороны, не все работающие каменные кладки работали в полную мощь.

Эндри, его приятелям-рекконам и гвардейцам запаса из Сопровождения Путешествий разрешили уйти в конце обеда и вернуться в полночь. Как только они покинули зал, Эндри нашел Уоллеса и предложил завернуть в таверну.

— Это ничего, если ты уйдешь, ты же готовишь? — спросил Эндри.

— Да ладно. Мне там рады и очень хорошо относятся. Я могу готовить гораздо лучше, чем кто-либо. Даже Гвардия Сопровождения Путешествий получает пищу весьма посредственного качества в пути во время службы.

— У тебя талант готовить изумительные блюда из обычных продуктов, — сказал Эндри. — Откуда ты все это умеешь?

— Родители научили, которые превращали простые ингредиенты во вкусную еду, а ее — в большую сумму денег.

— Твои родители были поварами?

— Можно сказать и так. Они заработали много денег и решили, что мне и моему брату следует найти себе место при дворе. Я изучал риторику, искусство лести, геральдику, этикет и все эти штучки, к которым прибегают знатные, ленивые и невероятно скучные богачи. Я также брал уроки музыки и оказался очень способным молодым человеком.

— Ну...

— Ладно, смейся, если хочешь. Я допускаю, что мои необычные композиции редко ценили по достоинству, но в исполнении музыкальных произведений других авторов я превзошел многих. Даже то, что писала императрица — о, этим нотам лучше бы сразу отправиться в мусорную корзину! — звучало гораздо лучше, когда я играл это. Мужчины могли льстить ей, но именно я умел сделать ее сочинения мелодичнее, чем они были на самом деле. Так я получил повышение. Понимаешь, все как в моей семье: из ничего делаешь конфетку.

— Уоллес, мысль о тебе как о великом музыканте сарголанской империи никогда не перестает меня удивлять. О, выглядит многообещающе — «Дыхание Дракона».

Они вошли в маленькую, переполненную таверну, чьей посетителями являлись, в основном, пехотинцы, гвардейцы и уланы из казарм гарнизона неподалеку. Эндри купил две пинты местного эля и встал с Уоллесом у окна, наблюдая за движением экипажей на ночной улице.

— Уоллес, ты когда-нибудь замечал, что те, кто больше всего ненавидит несчастных, но талантливых людей, или находятся с ними на одном социальном уровне, или немного выше их?

— Неприятности с рекконами? — спросил Уоллес.

— Да, много, и все во время еды. Я точно не знаю, что случилось, но рекконы стали жаловаться на мои слишком хорошие манеры. Тогда подошел маршал и стал кричать на меня, называя животным, потом рекруты перестали говорить обо мне. Они даже друг с другом больше не общались. Я что, действительно переступаю какую-то черту?

— Отчасти да. Ты бы мог легко найти общий язык с теми рекконами, если бы захотел. Нет никого проще тебя, но ты пытаешься усвоить манеры и вежливые выражения, которые тебе не свойственны. Чего ты на самом деле хочешь, Эндри?

— Чего я хочу? Сейчас я хочу шумную таверну, полный кошелек и хороший ребек.

— Все это у тебя есть. Здесь много солдат, в наших карманах звенят монеты, а в твоей сумке — ребек.

— А, правда. Проблема в том, что когда я надел тот плащ, я хотел стать офицером.

— Ого! Тогда для начала тебе придется стать благородным.

— Я бы мог продвинуться по службе.

— Это невозможно. Тебе необходимо познакомиться с принцессой, чтобы достичь желаемого, но прежде нужно стать благородным.

— Принцесса слышала, как маршал кричал на меня. Она уже знает обо мне.

— Поверь мне, Эндри, это разные вещи.

— Их разговор прервал полный мужчина с пинтой в одной руке и, кажется, с деревянной флейтой, прикрепленной к коровьему рогу, в другой. Он опасно раскачивался из стороны в сторону, стоя перед Эндри и Уоллесом.

— Купишь музыкальный инструмент, на котором играли при дворе императора в Палионе? — спросил он.

— Да это ж обычная волынка, господин, — ответил Уоллес. — Самая обычная волынка.

— Это семейная реликвия. Моя мать-старушка когда-то играла на ней.

— Это инструмент не для женщин, — сказал Уоллес. — Ты взял его у кого-то, кто украл его, и если кто-нибудь купит, ты пропьешь деньги.

— Дай сюда, — вмешался Эндри, протягивая руку.

На одном конце была двойная дудочка, и Эндри проверил ее, поскольку умел обращаться с подобным инструментом. Он взял дудочку в рот и сыграл «Джигу всадников». Некоторые из посетителей захлопали. Эндри поклонился.

— Я беру ее, — сказал Эндри. — Если, конечно, цена разумная.

Немного поторговавшись, Эндри снизил цену до той, которую считал подходящей.

— Зачем тебе волынка? — спросил Уоллес, когда Эндри отсчитал деньги за украденный инструмент. — У тебя есть флейта и ребек — и ты продолжаешь брать мою лиру и поешь свои пьяные песни.

— У нее сильный, громкий звук, это хорошо для танцев. Кроме того, я пел любовную песню прошлой ночью. Благородные поют любовные песни.

— «Пять пинт перед тем, как она переспала с ним» вряд ли можно назвать любовной песней. Но ты поддержал теневой рынок, купив эту волынку.

Эндри отсчитал стоимость волынки.

— Вот, парень. Уоллес, даже преступникам нравится хорошая песня. Э-э, да я ведь знаю одного хладнокровного убийцу, который играет...

— Ладно-ладно, хватит, достаточно, ты меня убедил, ты победил.

— Как зовут тебя, парень? — спросил Эндри, когда хозяин волынки во второй раз пересчитал пригоршню медных и серебряных монет.

— Трансером кличут.

— Странное имя, — сказал Уоллес. — Не встречал такого в Геральдических Списках 2-А.

— Меня так кличут среди торговцев, толстяк.

— Следи за языком! — воскликнул Уоллес, испытывающий чувство гордости от того, что в последнее время похудел, хотя это произошло и не по его желанию.

— Я передаю вещи от людей, у которых они есть, людям, которые хотят, чтобы они у них были.

— Кажется, ты не платишь налоги, — сказал Уоллес.

— Ха-ха-ха, сир, вот и весь мой ответ. Я помогаю в разных ситуациях. Люди помогают мне, а я помогаю им. Мы все люди, которым нужна помощь, и мы помогаем друг другу. Сборщики налогов не помогают никому.

Эндри бросил на стол монету.

— Давай, Уоллес, купи нам выпить, пока я тут побуду, — начал он, и вдруг почему-то ему вспомнились два слова Веландер, пробудившие какие-то давно забытые воспоминания. «Помоги мне». Эндри пришло в голову, что он давно не брал в рот спиртного. Нет, не из-за одержимости Веландер этой темой. Но если можно было что-то сделать с ее нынешним состоянием, то несомненно удалось бы сохранить жизни многих пьяниц — набрался бы целый батальон, большой, хоть и недееспособный.

— Эй, я передумал, мне простой воды, — сказал Эндри, пока Уоллес еще не ушел.

Эндри стал наигрывать песню «Ива у воды». Трансер вскочил и, шатаясь, пошел отплясывать джигу. Остальные посетители присоединились к нему, хлопая в ладоши или стуча ногами. Эндри решил, что он счастлив, даже если владельцу таверны все это и не нравилось.

Кловессерская Академия Прикладных Магических Искусств в действительности представляла собой старую гостиницу, в стенах которой находились лекционный зал

и библиотека. Академия вмещала около пяти дюжин студентов, пять магов-наставников и надзирателя. В отличие от больших академий, где каждому предоставлялось место в общежитии, преподаватели и студенты Кловессера были рассредоточены в разных местах. Это означало, что на ночь в академии не оставалось никого.

Забраться внутрь было проще простого. Вильбар украл несколько ключей и сделал с них оттиски на воске, а Риеллен изготовила дубликаты. Решили проникнуть именно таким образом, дабы не потревожить защитных заклинаний против воров, поставленных надзирателем.

— На крыше нет защитных заклинаний, старейшина, вскарабкаться туда — вот это проблема, — объясняла Риеллен, пока они ждали в узком переулке, которым заканчивалась улица, тянущаяся от здания академии.

— На крыше? — спросила Терикель.

— Там, где мы установили свою кладку, — сказал Вильбар.

— Я знаю, где расположены заклинания, а на крыше мы бывали уже сотни раз, — добавил Мэбен. — Дело в том, что когда мы делаем это... ну... это как-то необдуманно. Нужно обсудить все очень, очень тщательно.

— А на крыше есть веревка? — поинтересовалась Веландер.

— Да, на самом деле даже двойная, — ответил Вильбар. — Мы прячем веревки, балки и все, что связано с нашей кладкой, в водосточном желобе на крыше.

— Подождите, — произнесла Веландер.

Перейдя на другую сторону улицы, она залезла прямо по кирпичной стене академии, цепляясь когтями. Через минуту оттуда упала веревка. Терикель схватилась за нее и исчезла в вышине. Едва старейшина смогла перевести дыхание, Веландер снова спустилась на улицу. Она вновь присоединилась к трем студентам.

— Старейшина на крыше, — сказала Веландер. — Давайте и вы туда.

— Но нам тогда тоже нужна твоя помощь, — ответила Риеллен.

— Вернусь через час.

Веландер растворилась в темноте, оставив студентов обмениваться недоуменными взглядами среди теней.

Эндри видел много трупов, пока жил в Баржардсе, но тот, на который он наткнулся, пройдя несколько улиц от таверны, где только что играл, отличался от всех других. Эндри довелось купить кое-что у него при жизни, причем с тех пор не прошло еще и часа. Горло Трансера оказалось разорвано, и прежде румяный маленький продавец краденых вещей сейчас был бел, как мел при свете ламы.

Эндри и Уоллес постояли, глазея на стражника и судебного пристава, осматривающих тело. Уоллес покачал головой, когда последний попытался нащупать пульс там, где когда-то была шея Трансера. Собралась толпа пьяных, зевак и проституток. Эндри потрогал под одеждой волынку и вздрогнул.

— Веландер, — прошептал Эндри так тихо, что даже Уоллес ничего не услышал.

— Мне вспоминается, ты тоже чуть было так не кончил, — сказал испуганно Уоллес. — И я, кстати. Хотелось бы знать, продается ли в Кловессере лечебное чесночное вино «Крем Матери Антвурцель»?

— Что за способ уйти в Мрачные Земли! — сказал громко Эндри. — Как могут благородные люди, подобные господину Ларону и госпоже Терикель, отпускать этого дьявола на свободу?

— Вероятно, они не могут убедить Веландер в пользе вегетарианского образа жизни, — предположил Уоллес. — Меня тоже никто не заставит это сделать. Ни один из вегетариан-

цев, которых я когда-либо встречал, не оказался убедительным наставником.

— Она говорит, что пьет кровь только злых людей, — сказал Эндри, не слушая Уоллеса. — Что злого было в Трансере? Он перепродавал краденные вещи и пропивал заработанное.

— Возможно, он подкопил бы денег и исправился, — добавил Уоллес.

— Много ведь есть других, которые куда хуже.

Стражник подобрал кувшин, валявшийся возле трупа, поднял крышку, понюхал содержимое и допил остатки.

— Отвратительно, — сказал Уоллес. — Он даже кружки не взял.

— Наставник, — пробормотал Эндри, отвернувшись и усаживаясь прямо на землю на полутемной улице. — Ты сказал «наставник», Уоллес? Кто такой наставник? Это как бы хозяин ученика?

— Не совсем, больше похоже на то, когда один, старый и опытный ремесленник, мастер своего дела, рассказывает о своем ремесле другому. Кто-то, кто, скорее, является хорошим примером для подражания, нежели учителем.

— Наставник, — повторил Эндри, взвешивая на ладони свою новую волынку. — Веландер просила о помощи, но я не сделал ничего.

— Помощи? Я думал, она в силах завалить пьяного без посторонней помощи.

— Я пошел обратно к казармам, Уоллес. Ты идешь?

— О да. Сейчас впервые с моего бегства из дворца в Палионе у меня настоящая постель, на которой можно растянуться.

— А как же мадам Джилли?

— А... ну да. Уф.

— И койка Мелье на «Буйной пташке».

— Ну... в общем, да.

— И постель Желены в Хархе.

— Точно.
— И...
— О, заткнись!

Кладка большего размера представляла собой множество разграничительных знаков на крутой, покрытой черепицей крыше академии. Здание вытянулось с севера на юг, поэтому располагалось параллельно к Стене Драконов. Чтобы подготовить кладку, указывающую на радугу огней на горизонте, необходимо было связать деревянные балки тщательно отмерянной длины над отметками, сделанными на тщательно подобранном расстоянии на определенных черепицах, и поместить в нужном месте тонкий кусок торейского стекла, спрятанного в водосточном желобе — примерно час кропотливой работы.

Посвященные старательно трудились над установкой кладки, после чего долго проверяли, все ли расположено именно так, как нужно.

— Сколько еще ждать? — спросила Терикель, заметив, что студенты уже дважды, если не трижды осматривают различные части кладки.

— Прошу прощения, госпожа, но ваша подруга еще не вернулась, а нам нужны пятеро посвященных, — сказала Риеллен.

— Черт, — выругалась Терикель.

— Простите?

— Да не обращайте внимания. Вы упоминали других магов.

— Голбок и Аллэн. Аллэн скоро закончит работу в «Ногах Королевы». Я мог бы найти его, он живет недалеко, но вдруг госпожа Веландер вернется...

— Пусть госпожа Веландер делает, что ей заблагорассудится. Веди Аллэна.

Прошло около получаса, когда Риеллен вернулась вместе с Аллэном, который был похож на грязный веник, одетый в тунику. Также Риеллен оставила записку под дверью Голбока, жившего в доме Аллэна.

— Голбок — очень серьезный и добрый человек, но немного медлительный, — объясняла Риеллен Терикель, пока Вильбар инструктировал Аллэна. — Он любит поспорить, и не сразу может сделать нужные выводы.

— И он в группе, которая занимается раскрытием тайн? — спросила Терикель с сомнением.

— О, он мыслит неплохо. Проблема в том, что Голбок не любит, когда его торопят.

— Это может стать большой помехой, если придется действовать, не руководствуясь правилами, предписаниями и законами, придуманными опасными людьми для собственного удобства.

Эндри смотрел на повозку, стоящую в тени возле конюшни. Через минуту он заговорил. Правда была в том, что никто раньше не просил его о помощи. Иногда Эндри удивлял людей своей способностью оказать им поддержку, когда в ней нуждались. Но просьба о помощи — такого Эндри еще не слышал.

— Эй, Веландер? — начал он, не приближаясь к повозке.

Веландер откинула одеяло, села, затем вылезла наружу, похожая на сгусток черной ртути, и встала возле повозки.

— Ну, что скажешь? — спросила она.

— Ты просила о помощи, и я помог.

— Помог? Как?

— Я попытался быть твоим наставником, — ответил он, немного преувеличивая. — Я не пил с тех пор, как стал тебе помогать.

На самом деле Эндри не знал, почему пил сейчас гораздо меньше. Благородные употребляли вина столько же, сколько и остальные люди, они лишь не так сильно буянили.

— Я... ты не пьян, а? — спросила Веландер, и ее голос дрогнул.

— Нет.

Веландер отвела взгляд в сторону. Такого раньше не было. Веландер всегда смотрела на людей сверху вниз.

— Пьяный... всего один, — неохотно призналась она.

— Того всего одного пьяного звали Трансером. Ему был сорок один год, и он танцевал джигу, когда я играл на своей новой волынке в «Дыхании Дракона». В его комнате жила дикая крыса по имени Крыл, любящая сырные колечки. Он работал продавцом на рынке, и однажды грабители разломали его телегу и забрали все, что там было, поэтому Трансеру пришлось заняться продажей краденых вещей. Особого выбора, знаешь ли, не было. В душе царила пустота, но он все-таки держался молодцом. Трансер причинял другим вреда меньше, чем они ему.

— Хватит! — воскликнула Веландер, поднимая руки, но взгляд по-прежнему отводила в сторону. — Так что теперь?

— Соблюдай наш уговор.

— Не было никакого уговора.

— Ты просила помощи.

— Но ты не говорил об уговоре! — закричала Веландер, из всей силы топнув ногой — так, что вылетел камень из мостовой.

Эндри вздрогнул от страха и удивления, но стоял на своем.

— Ну хорошо, говорю теперь. Я не возьму в рот ни капли спиртного, если ты перестанешь охотиться на безобидных пьяниц.

— Ты бросаешь? — удивилась Веландер.

— Ага. Это очень сложно, ведь все мои друзья проводят время в тавернах, а я там играю.

— Сложно? Очень?

— Да. Заключим договор?

Веландер повернулась лицом к Эндри и встретилась с ним взглядом. На сей раз она не пыталась смотреть на него сверху вниз.

— Да, мы договариваемся о следующем: я убиваю, ты проводишь ночь в тавернах и напиваешься. Я говорю про, э-э... Трансфера. Сейчас.

То, с каким усилием Веландер вспоминала имя своей последней жертвы, произвело на Эндри неизгладимое впечатление: у него пропал дар речи, поэтому он даже не исправил ее.

— Ларон говорит, ты можешь питаться собаками и волками, — добавил Эндри.

— Ну да. Но это как вино, превратившееся в уксус. Вино вкуснее.

После того, как каждый посвященный занял свое место, Терикель и студенты произнесли заклинания и создали свои изображения. Маленькие фигурки осторожно перемещались по осколкам стекла, потом подняли руки и выдохнули огненные вихри, которые сплелись в спирали и, озарив весь город, слились с радугой, мерцающей оранжевым цветом где-то далеко на западе.

На сей раз группой руководила Терикель, и поэтому действия были более четкими и организованными. В центре, на пересечении лучей эфирной энергии, появился шар.

— Каменная кладка Центрас сообщает об очередных энергетических колебаниях в подконтрольных областях. Другие кладки, ответьте.

Голос прозвучал громко и ясно. Вероятно, даже слишком громко. Терикель подумала, что бы сделал стражник, проходящий мимо и заметивший странный свет и голоса на крыше академии. Шары построились в ряд и заговорили по-диомедански:

— Каменная кладка Септир сообщает: все в порядке.

— Каменная кладка Логъяр сообщает: колебания заметили, но не поняли, откуда они.

— Каменная кладка Центрас сообщает: все в норме.

— Каменная кладка Вейстланд сообщает: здесь все тихо.

— Каменная кладка Альпин сообщает: наблюдали за колебаниями и пришли к выводу, что они исчезнут сами по себе.

— Каменная кладка Центрас: повторите, каменная кладка Альпин.

— Каменная кладка Альпин сообщает: кажется, у колебаний есть источник, сигналы которого постепенно угасают. Возможно, присутствуют фоновые волны, не замеченные до окончания возведения Стены Драконов.

— Каменная кладка Центрас: говорите, эти колебания естественны, каменная кладка Альпин?

— Каменная кладка Альпин: такова наша теория.

«Колебания», — подумала Терикель. — Урони камень в пруд, и появятся колебания. Произнеси случайное заклинание, рядом со Стеной Драконов, и тогда она тоже может зашататься». Казалось так странно, что маленькая и слабая кладка была в состоянии повлиять на мощную Стену Драконов, словно вода в пруду, которая волновалась, если в нее падал камень, в миллионы раз меньший по весу.

Изображения подконтрольных областей мелькали перед глазами Терикель, когда кладки, протянувшиеся почти по всему миру, обменивались друг с другом сообщениями. По мнению Терикель, в Стене Драконов было что-то не так, поскольку все находилось в пределах ее досягаемости, стоило

ей только захотеть дотянуться до какого-то места. Конечно, это привлекло бы к ней внимание, но, обращаясь к Стене Драконов, Терикель могла пользоваться ее силой для прикрытия. Контролировать резервы Стены Драконов оказалось слишком легко. Похоже на ловушку? «Каждый может сделать что хочет, — думала Старейшина. — Это как огромная военная галера, которой управляет тысяча гребцов, причем каждый из них может быть и рулевым». Терикель приказала произнести заклинание, затронувшее самый верхний уровень Стены Драконов. Шар приобрел форму головы пожилого человека с испуганным выражением лица.

— Мел'си дар, тик-ле тррас асгир.

Терикель знала этот язык — ученый торейский, или ларментийский. Все лекции в университете Ларменталя велись на ларментийском, а она училась там десять лет назад. Тррас. «Бить», или, возможно, «наносить удар». Асгир. «Нападающие»...

— Разорвите связь, быстро! — закричала она, позабыв про свой образ и кусок стекла. — Они видят нас!

Терикель поскользнулась на крутой крыше, ударилась о водосточный желоб, потеряла равновесие и упала, но приземлилась в один из кустарников, растущих у главного входа. Посмотрев наверх, она заметила, как Риеллен спускается по веревке, привязанной Веландер, за ней следовал Вильбар. Аллэн тоже столкнулся с желобом и схватился за него. Желоб оторвался и полетел, увлекая несчастного студента за собой. На Терикель посыпался ливень синевато-серой черепицы; вскоре неподалеку свалился Мэбен.

— Быстрей, уходим! — закричала старейшина, вылезая из ветвей.

При таком стремительном падении с крыши довольно высокого здания ушибов было не избежать, но, к счастью, ничего серьезного не случилось.

— Что это такое? — выпалил Вильбар, когда они скрылись в тени.

— Стена Драконов, — ответила Терикель. — Она контролирует почти весь мир, — прошептала старейшина ему на ухо. — Стену Драконов нужно разрушить!

— Что? Почему? — прошептал в ответ Вильбар.

— Эту мощную энергию может контролировать любой, — едва слышно произнесла Терикель, хватая его за воротник. — Все гораздо хуже, чем я думала. Теперь я знаю, я должна ее разрушить, и вскоре пойму, как.

— Эй! — крикнула Риеллен. — Кто это?

Насколько было видно в полумраке, поблизости стоял кто-то в плаще и шляпе с длинным растрепанным пером. Они заметили, как незнакомец достал ключ и направился к двери академии.

— Голбок! — позвал Мэбен. — Сюда, прячься!

— Братья, вы где? — ответил Голбок, оглядываясь. — В записке говорилось, что время прятаться прошло.

— Голбок, не споры! — закричал Вильбар. — Иди сюда, прячься.

— Но братья, в записке говорилось, этой ночью мы разнесем академию...

Ослепительно-яркая вспышка ударила в крышу и через некоторое время в каменную кладку — точно определить хронологический промежуток оказалось бы не под силу никаким измерительным приборам. Взрыв был такой оглушительный, что никто из находящихся внизу не помнил, с каким звуком он произошел. В воздухе поднялось облако пыли, похожее на густой туман, и на Терикель и студентов посыпались остатки раскаленной черепицы и кирпича.

Старейшина взглянула наверх и упала на колени. Через слой пыли она увидела то немногое, что осталось от академии. Казалось, крышу разорвали на сотни частей, и четыре стены

упали в разные стороны. Терикель вышла на улицу. Из-под обломка, ушедшего глубоко в землю, торчала пара ног. Она вернулась к остальным.

— Забирайте свои вещи и бегите! — твердым голосом сказала Терикель съежившимся студентам.

— Но сначала мы должны поискать Голбока! — закричал Вильбар.

— Выше колен от Голбока ничего не осталось.

— Мой дом, он горит! — воскликнул Аллэн, посмотрев в сторону своего жилища.

Это была правда. Несколько соседних домов тоже оказались объятыми огнем, и жители или выбегали на улицу, или выпрыгивали из окон, надеясь спастись.

— Ну, одним местом, куда нам нужно зайти, меньше, — сказала Терикель. — А теперь вперед!

Город быстро оживал, пока они бежали по улицам. Звонили колокола и гонги, раздавались сигналы тревоги, мчались люди с ведрами воды и лестницами в руках.

— Думаю, императорский экипаж скоро уедет, — произнесла Терикель, указывая на дорогу, по которой они пришли. — А если нет, то я смогу убедить принцессу покинуть это место. Мне бы хотелось предложить вам поехать со мной, но боюсь, даже у меня появятся проблемы с транспортом.

— Ты? — воскликнул Вильбар. — В императорском экипаже?

— Это длинная история. Даже тем, кто близок правительству, не всегда нравится правительство. Может, барон даст нам убежище.

Спустя несколько минут по ночному небу рассыпался рой полупрозрачных бабочек золотистого цвета.

— Что ты делаешь? — грозно спросила Терикель Вильбара.

— Да ничего, просто мысленно посылаю сообщения, что в подобной жестокости виновато правительство.

— Вильбар, время революционных движений прошло, сейчас самая пора пытаться выжить. Не произноси никаких заклинаний, в смысле, никаких до тех пор, пока я не скажу. Ясно?

— Да, командир.

— Нам понадобится телега, чтобы забрать наши вещи, — выпалила Риеллен, не привыкшая носить тяжести.

— Ты возьмешь деньги, одно одеяло, оружие, сумку и кое-что из одежды, — решительно заявила Терикель, когда они подошли к большой, но выглядевшей запущенно гостинице. — И какой-нибудь еды...

Ослепительно-белый диск заполнил собой пространство вокруг комнаты Вильбара на четвертом этаже и превратился в обжигающий пар. Он начал давить на деревянные перекрытия, кирпич и штукатурку, и раздался взрыв, в результате которого от гостиницы остался лишь шар пыли и огня, разбрасывающий мелкие осколки в разные стороны.

— Небольшое изменение: вы берете ту одежду, которая сейчас на вас, и спасаете свои жизни! — крикнула Терикель.

— Наверное, они разрушили и нашу маленькую кладку! — воскликнул Вильбар.

— Да уж наверняка, — ответила Риеллен.

В комнате Риеллен прежде никогда не происходило встреч или экспериментов с участием группы магических замыслов и общих оккультных планов, поскольку в дортуар кловессерской школы Карьеры, Изысканных Манер и Этикета пускали далеко не всех. Но Терикель вошла туда вместе с Риеллен, притащив сумку с книгами, которыми Риеллен зачитывалась в академической библиотеке. Они завернули в одеяло рукописные страницы заговоров, заклинаний и магических теорий, запасные очки, маленький бинокль и арбалет длиной в руку.

— Личное средство безопасности, позволяет свободнее чувствовать себя в жестоком мужском обществе, — пробормотала Риеллен, смутившись.

— У тебя нет больше ничего из одежды? — спросила Терикель, поднимая арбалет.

— Подушка.

Подушка на кровати была набита запасной одеждой и нижним бельем Риеллен, поэтому она прежде не задумывалась о покупке новой. Они выбежали на улицу, где их ждали Вильбар, Мэбен и Аллэн.

— Что дальше? — закричал Вильбар, когда все поспешили прочь.

— Мы покинем город и постараемся остаться в живых, — ответила Терикель.

— А помедленнее мы не можем покинуть его? — прохрипел Аллэн, который еле бежал.

— Я знаю, где повозка и лошадь, — сказала Терикель. «Кто-нибудь из вас может вести повозку?

Никто не поднял руки.

— Кажется, и принцессе придется спасаться бегством в одиночестве, — пробормотала Терикель.

Главным недостатком группы магических замыслов и общих оккультных планов являлось то, что ее члены все-таки не были параноиками. В настоящее время в городе существовало около тридцати различных объединений и организаций, имеющих загадочные и опасные намерения. Братство Безопасности Каменных Кладок не знало, что причиной двух взрывов оказалась Стена Драконов, поэтому начала нападать на персонал клювессерской академии в их домах. Слаженные действия огненных шаров и призрачных воинов очень быстро заставили весь город запылать. Прибыло городское ополчение и начало бороться с пожаром, разрушая заклинания специальными орудиями с металлическим наконечником. Сопровождение Путешествий привели в состояние боевой готовности, а принцессу Сентерри посадили в экипаж, пока гвардейцы

расчищали дорогу для выезда из города. Видя, как они надевают доспехи и готовятся к сражению, местный барон решил, что впал в немилость со стороны наследников последнего императора, поэтому призвал своих людей и велел им не пускать к себе никого. Преследователи из Палиона, которые охотились за Терикель, пришли выводу о начале нападения Гвардии Сопровождения Путешествий и объединились с несколькими группировками в городе, желая дать отпор.

Эндри и Уоллес подошли к гарнизону в то время, когда солдаты занимали боевые позиции и наблюдали, как Гвардия Сопровождения Путешествий эскортирует императорский экипаж к выходу.

— Они уходят без нас! — выл Уоллес, пока Эндри оттаскивал его от дороги.

— Если бы ты был принцессой, они бы взяли тебя с собой. Теперь делай как я говорю. Возьми мою сумку, иди к казармам, собери нашу одежду. Встретимся у конюшни.

Эндри оседлал лошадь и впрягал ее в повозку, когда вернулся Уоллес. Он уложил в повозку все сумки. Шатаясь, вылезла Веландер, зашипела на Уоллеса и снова натянула на себя одеяло. Над ними вспыхнул каскад огненных стрел и ударил в гарнизонные казармы.

— А мы не можем оставить ее здесь? — спросил Уоллес, когда Эндри уселся верхом и поднял топор.

В этот момент Терикель и члены группы магических замыслов и общих оккультных планов вошли, пошатываясь, во двор конюшен, едва дыша от быстрого бега.

— Эндри! Это ты?

— Терикель?

— Возьмешь нас? — выдохнула она. — Всех нас? Императорский экипаж уже уехал, и нам нужно какое-то средство передвижения.

— Заклинаю веслами перевозчицы, скажи мне, кто эти люди?

— Ты можешь нас взять?

— Да. Забирайтесь, но там Веландер.

На улицах шла ожесточенная борьба, хотя никто точно не знал, с кем сражается. Повозка проехала несколько улиц, когда кто-то в толпе, состоявшей главным образом из городского ополчения и преступников, призвал остановиться. За повозку схватились чьи-то руки, но тут показалась Веландер, схватила незнакомца за волосы и распорола его горло своими когтями. Его сообщник тоже долго не продержался. Веландер вцепилась ему в руку и затащила в повозку. Душераздирающие крики вскоре прекратились, но их хватило, чтобы толпа пропустила повозку вперед.

Неподалеку огромная толпа людей направлялась к местному дворцу. Через пару минут поток раскаленной добела плазмы обрушился на самое большое в Кловессере здание.

— Драконы! — закричал Уоллес. — Что происходит? Кловессер казался таким приятным городком, когда мы приехали.

Они вышли на маленькую площадь, выделяющуюся на фоне окружающих ее горящих домов, и внимание Эндри привлек дракон величиной приблизительно в двадцать футов, парящий над шестью всадниками, тянущими перевернувшийся экипаж. Все были одеты так же, как Эндри.

В его голове завертелось множество мыслей, но ни одна не была четкой. Эндри вернулся к повозке. Терикель и студенты прижались друг к другу в одном конце, пока Веландер поедала свою очередную жертву, пойманную некоторое время назад. Развернув топор, Эндри ударил Веландер по ягодицам рукояткой.

— Брось его! — закричал он. — Ты же обещала мне тогда, ночью! Веландер никак не отреагировала на слова, поэтому Эндри ударил ее по голове. Пронзительно завизжав, Веландер оглянулась.

— Жадная пьяница! — снова закричал Эндри. — Оставь его в покое и встань рядом со мной!

Эндри развернул коня к дракону и пришпорил его. Лошадь сорвалась с места. Тем временем на дракона напали три реккона. На главного их них обрушился ослепительно-белый поток; затем дракон направился к экипажу, не обращая внимания на остальных рекрутов. Его челюсти раскрошили большую часть повозки. Дракон заглянул внутрь. Очевидно, то, что там было, ему не понравилось, поэтому экипаж охватили языки пламени, и вскоре от него остались лишь пепел да зола, а булыжники, на которых он стоял, обуглились.

Через пару мгновений драконы изрыгнули новую порцию огня. Однако в течение последующих десяти секунд произошли значительные изменения. Вперед выскочил Эндри. Дракон качнул головой и сбил с ног Дэнола и его коня. Веландер бросила свою жертву и выпрыгнула из повозки. Эндри приблизился к дракону и со всей силы ударил его по спине. Лезвие топора воткнулось во что-то, издавшее странный гулкий звук, и оттуда вырвались яркие лучи энергии. Еще два удара — и лезвие вошло в необычные волокнистые мышцы, которые позднее Терикель назвала сплетением заклинаний. Металлическое оружие разрушило их, но не сразу, а лишь только после ряда ударов по одному и тому же месту. Эндри, опустив топор в третий раз, высвободил огромное количество эфирной энергии, которая, как и железо, обладала свойством ни с чем не смешиваться: что-то ярко вспыхнуло и выбило оружие из рук. Дракон взревел скорее от гнева, нежели от боли, повернулся и снова изрыгнул огонь. Эндри быстро наклонился, и пламя пронеслось мимо его головы и попало в несколько соседних домов, поджигая то, что еще не горело.

Над Эндри клацнули огромные челюсти, но неожиданно по шее дракона поползло нечто темное, уселось под головой, надрезало кожу так, что вырвался яркий голубой луч, и приложилось к ране. Дракон взвыл, зашатался и расправил крылья. Их размах оказался по величине больше всей площади. Уол-

лес погнал повозку подальше от этой улицы. Дракон поднялся в воздух, три раза хлопнул крыльями, замер и рухнул вниз. Там, куда он упал, закружились клубы дыма и искр.

Вскоре стало возможным что-нибудь рассмотреть. Терикель прижимала маленький арбалет Риеллен к виску Уоллеса. Через сквер, шатаясь, брел реккон, оказавшийся Дэнолом, держа в руках топор с наполовину обуглившимся лезвием. Перед ним вез тележку Эндри, студенты помогали ему. Дэнол пронзительно вскрикнул от отвращения, увидев то, что осталось от последнего обеда Веландер.

— Выброси тело! — закричал по-сарголански Эндри: именно так командовал маршал в сражениях. Дэнол выкинул тело из повозки. — Уоллес, держи на запад! — добавил Эндри по-диомедански, ведь маршал его сейчас все равно не слышал.

— Делегат Портер, где он? — спросил Эндри, снова переходя на всеобщий сарголанский, не зная, сообщат ли рекконы о его диомеданском.

— Вот та куча пепла на обуглившихся камнях! — сказал один из четырех рекконов, сидевших на лошадях.

— Кто вы?

— Меня зовут Эссен, сир.

— Так, вы все отправляетесь с повозкой! — закричал Эндри.

— А что с вами, сир? — спросил Эссен.

— Я собираюсь найти... ммм... — начал Эндри, который не мог подобрать слова на сарголанском языке, обозначавшего «демон», «монстр», или «дьявол — убийца, пьющий кровь». — Леди! Найти... ммм... одного друга одной леди! — крикнул он. Затем Эндри повернул лошадь и поскакал к клубам дыма и искр: именно там Веландер вступила в схватку с драконом.

К этому моменту конь, на котором ехал Эндри, понял, что, несмотря на пережитый за последние минуты страх, он остался жив и почти не получил ранений, поэтому пора бы помочь осознать своему хозяину все безрассудство его действий.

Однако коню пришлось повиноваться, когда Эндри остановился перед горящим зданием, куда рухнул дракон. Он слез с седла, привязал поводья к сломанному забору и перелез через камни туда, где среди обломков виднелся лежащий дракон. Именно виднелся: тела там не было.

— Веландер!

Никто не откликнулся. Эндри попытался поискать там, где находилась голова дракона, поскольку хвост и шея оказались невероятно похожи. Оттуда послышался звук падающих камней, и все вновь замерло. Поэтому Эндри решил идти в этом направлении. Он увидел, как из-под кучи сломанных досок вылезла Веландер. Ее одежда висела клочками, тело было покрыто синяками, царапинами и пылью. Глаза горели белым светом. С собой Веландер тащила то, что, кажется, являлось доспехами.

— Веландер! — закричал Эндри.

— Эндри. Не смотри, — попросила она, и у нее во рту что-то блеснуло.

— Я иду, жди там.

Эндри увидел, что в области шеи доспехи были разорваны, и там виднелась плоть.

— Прошу тебя, скажи, жрица жива? — спросила Веландер.

— Не скажу. Голова почти отвалилась. Кто он?

— Прозрачный дракон.

Только сейчас Веландер отпустила свою жертву. Эндри снял свой плащ и, помог взобраться по камням изумленному и сильно взволнованному вампиру.

— Это безнадежно, мы должны бороться, чтобы уйти из города, а бороться в силах только я, — сказал Эндри, и отдал Веландер своего коня.

За его лошадью выстроились четыре реккона и повозка. Терикель по-прежнему не спускала глаз с Уоллеса и теперь направляла маленький арбалет на его нос.

— Черт, поспеши, повозка стоит! — закричал Уоллес, когда Эндри остановился и замер в изумлении.

Мадам Джилли в отчаянии посмотрела на очередь, затем поспешно пролистала «Регистр передвижений», вспомнила несколько имен, положила книгу подле себя и открыла «Отрывки из жизненных путей».

— Фальзер Рикель, Д'брц-Трт, также известный под именем Лафонтена, Голбок Харц, Трансер — вы все сядете в лодку вместе, — приказала она. — Возражения есть?

Духи умерших переглянулись между собой и пожали плечами.

— Нет? Хорошо. Пожалуйста, заходите в лодку и рассаживайтесь. Вам повезло, мистер Трансер, ваше место на корме.

Мадам Джилли держала в одной руке «Отрывки из жизненных путей», а другой отталкивала лодку от берега.

— Ты умер оттого, что на тебя упала каменная кладка, Голбок? Что же такое происходит, если теперь даже по улице нельзя спокойно пройтись? О Трансер, дорогой мой, тебе разрезал горло дьявол-кровопийца. Думаю, ты хотел бы, чтобы все было так же быстро и четко, как с юным Голбоком? Д'брц-Трт — само божество, превратившееся в прозрачного дракона в возрасте шестисот лет! Мы, перевозчицы, нечасто видим похожих на тебя, и я не могу дождаться, когда вернусь и расскажу об этом в чайной Библиотеки Душ. Фальзер... и вновь тот дьявол-кровопийца.

Они прошли через сумрак, который легко можно было спутать с туманом. Вдруг его прорезал красный луч. Тем, кто ехал в лодке, стали слышны крики, раздававшиеся неподалеку, и показались неровные очертания берега с огромными фигурами, размахивающими руками. Четверо мужчин в ужасе

наблюдали за происходящим, когда внезапно что-то просвистело мимо, и шест перевозчицы опустился на голову Фальзера, опрокидывая его за борт. Как только голова показалась на поверхности черных волн, мадам Джилли со всей силы воткнула шест в спину Фальзера.

— Насиловал проституток, да? — закричала она. — Ну почувствуй то же, что чувствовали они, когда ты их заваливал и брал силой!

Несмотря на то, что происходящее было ужасно, три духа, остававшиеся в лодке, начали смеяться. Наконец мадам Джилли убрала свою шест и взмахнула им над лодкой Д'брц-Трт не подозревал, что произойдет, пока шест не описал полный круг и не ударил его еще раз. Д'брц-Трт ушел под воду.

— Ты покушался на жизнь моего возлюбленного, ублюдочный убийца прозрачный дракон! — закричала она, ударяя его прямо по лицу, пока тот отчаянно пытался подняться на ноги на темной отмели. — И спалил его командира! А ну вылезай-ка на берег!

Демоны, стоящие там, сердечно поприветствовали мадам Джилли, которая помахала в ответ и послала воздушный поцелуй.

— В любое время, когда потребуется работа, милая, добро пожаловать к нам! — крикнул один из них, размахивающий парой наручников и ослепительно-белыми вилами.

Мадам Джилли поплыла обратно в темноту, а ее два пассажира стали выбираться на берег. Гольбок и Трансер прижались друг к другу на другом конце лодки; им было совсем не смешно.

— Эй, а нам уготована такая же судьба? — спросил Голбок.

— Нет, вы отправитесь в Аркадию. Теперь посидите-ка спокойно, эта штука раскачивается. Извините, ненавижу насильников. Да и из-за безопасности Эндри можно было проявить эмоции.

Вскоре моменту мадам Джилли вернулась к тому месту, где другие души умерших ожидали своей очереди.

— Портер, — позвала она. — Тебе пора, забирайся в лодку и садись в середине. Она оттолкнулась от берега. — Ну а сейчас... я думаю, это ты командовал моим возлюбленным, Эндри Теннонером.

— Эндри? — воскликнул испуганный дух, и его колени внезапно задрожали. — Он никогда не говорил, что его любимая носила имя «Смерть».

— О, я всего лишь перевозчица, и я была жива, когда произошло наше знакомство. Это длинная история. Мы можем поехать в Аркадию через Пристань Ада, если тебе действительно хочется ее услышать. Как сейчас дела у Эндри?

— Я командовал им недолго. Совсем недолго. Буквально пару часов.

— Да это не проблема, большинство мужчин, встречавшихся в моей жизни, оставались со мной час или два. Скажи, у него есть девушка?

— О, а... нет. Но у него есть маленький нож... как будто женский.

— О, он все еще тоскует по мне!

Уже ночью, проведя много часов в седле, рекконы решили остановиться и дать отдохнуть лошадям. Хотя они проехали уже пять миль, город, объятый огнем, был все так же виден на востоке. Эндри немного постоял возле коня, положив руки ему на шею, как бы благодаря за верность в бою. Когда животное пошевелилось, давая понять, что предпочитает прогулку по пастбищу дальнейшим проявлениям чувств, Эндри сел, охватив голову руками.

— Делегат Теннонер, сир!

Эндри поднял глаза и увидел Эссена, в знак уважения стоящего на некотором отдалении. Тот поклонился и поприветствовал еще раз.

— Я не делегат, — ответил Эндри.

— Нет, вы делегат, сир, прошу прощения за то, что осмелился вам перечить. Все ждут ваших приказов.

— Приказов? — переспросил Эндри, не будучи уверенным, правильно ли понял это сарголанское слово.

— Ваших приказов, сир. Портер был нашим делегатом в Гвардии Сопровождения Путешествий, но сейчас он мертв. Мы избрали вас на его место.

Эссену понадобилось немного времени на объяснения того, что случилось. Рекконы обладали правом избирать своего собственного представителя, называвшегося «делегатом». Они решили про Эндри еще в пути. Им казалось, что любой человек, вступивший в поединок с прозрачным драконом ради спасения рекрута, имея лишь топор в качестве оружия, был достоин подобного звания. Эссен также рассказал более подробно о том, что случилось до приезда Эндри.

— Когда Сопровождение Путешествий бежало из города, в небе заметили парящего дракона, — закончил Эссен.

— Попробуй его не заметить, — сказал Эндри.

— Капитан Гилврэй решил посадить принцессу Сентерри на лошадь и перевернуть экипаж. По предложению делегата Портера мы остались и стали защищать те обломки, как если бы принцесса все еще была там. Когда появились вы и начали сражаться с драконом, я и моя команда собрались и приняли решение.

— Что? Вы согласны, чтобы вас вел любой, кто пошел на такой глупый риск?

— Ну да, сир.

— Ох. Ну а кто у вас самый главный?

— Вы, сир.

— Я?

— Вы, сир.

— Вы обречены, — тихо пробормотал Эндри, однако взял себя в руки. — Ладно, заберите раненых и идите по этой дороге. Неподалеку Глэсберри, там безопаснее.

— Да, сир, но разрешите задать один вопрос?

— Спрашивай.

— Откуда вы узнали, что подруга той леди была в месте, где упал дракон?

— Он сидела на драконе.

— Прошу прощения, сэр, но на драконе находился только демон, вцепившийся ему в горло. В когтях или еще где-нибудь не было никого, тем более леди.

— Демон и есть друг той леди, реккон Эссен. И не стоит называть ее демоном в следующий раз.

«У нее очень низкая самооценка», — добавил внутренний голос.

Когда Терикель всех осмотрела, стало ясно, что многие ранения остались незамеченными. Прошел почти час, пока старейшина, используя имеющиеся в распоряжении вино и рваную одежду, всех перевязала. Веландер лежала, завернувшись в одеяло, и никого к себе не подпускала. Эндри решил, что поскольку он отвечает за рекконов, его ранами его следует заняться в последнюю очередь.

Остальные собирались, пока Терикель наконец перевязывала раны, ожоги и царапины Эндри. Чтобы отвлечься от жгучей боли от вина, которое она лила ради дезинфекции, Эндри уставился на мерцающие огни Стены Драконов у горизонта на западе.

— Эндри, что ты знаешь о Стене Драконов? — спросила Терикель, приматывая последний бинт.

— Ну... это... магическое заклинание, чтобы ослабить торейские бури, которые топят наши корабли и приносят такие ливни, госпожа.

— Да, так, грубо говоря, — сказала Терикель, удивленная простотой его ответа. — Те ужасные бури возникли после гибели континента Торея.

— О да, даже я слышал, как это случилось, — произнес Эндри, вставая. — Говорят, вы оттуда, госпожа. А что там на самом деле было? Вы видели все своими глазами?

— О да, я тогда находилась на Торее. Да, так. Я едва спаслась. Там шла война, и силы противников были равными. Один из полководцев использовал древнее таинственное оружие под названием «Серебряная Смерть», думая, что это просто более совершенное устройство для осады. Он понятия не имел о его мощности, которая в миллионы раз превышала возможности самой большой когда-либо построенной катапульты. Оружие вышло из-под контроля. Все, что не могло гореть, расплавилось. Несколько очень храбрых людей разрушили Серебряную Смерть, пока она не причинила еще больше вреда, но магическая жара, объявшая Торею, уже нанесла непоправимый урон, который вызвал к жизни торейские бури. Маги Лемтаса, Акремы и Скалтикара установили семнадцать каменных кругов. Тысячи посвященных усилили их заклинаниями великой силы. Кладки протянулись с севера на юг одной линией и опоясали почти полмира. Благодаря их общей мощи возникло то красивое, но опасное пятно света в небе на западе. Оно вытягивает силу из торейских бурь, подобно мельничному колесу, незначительно, но замедляющему течение воды.

— Кажется, дело стоящее, — сказал Эндри, почесывая голову. — Но почему вы здесь?

— Еще никто прежде полностью не контролировал общую эфирную энергию, созданную тысячами самых могущественных магов на трех континентах. Ну, по крайней мере, последние пять тысячелетий. Меня беспокоят люди, Эндри. Люди, которые участвуют в работе Стены Драконов. Вопросы, на которые отвечают лишь успокаивающим взмахом руки и пустыми обещаниями. Я — Метролог, я измеряю и задаю вопросы. Измеряю то, на что остальные не обращают внимания, и задаю такие вопросы, которые предпочитают не произносить вслух.

— Например? — спросил Эндри.

— Например, куда денется вся энергия, которая вытягивается из бурь.

— В небо?

— Формально — нет, но на самом деле да. Там она может остаться или... куда-нибудь ударить. Или обрушиться подобно всепоглощающему огню на людей, которые впали в немилость того, кто сможет направить эту энергию. Это уже случилось сегодня вечером, и их целью была я.

— И в Кловессере тоже? — воскликнул Эндри. — О нет, там кроме вас было еще столько недовольных, магов и драконов с тех пор, как загорелся город. Может, это вообще они все устроили.

— Те дураки, идиоты и глупцы лишь помогли распространению пламени. Но началось все со Стены Драконов. Те, кто стоит за всем этим, знают, что кто-то в курсе истинного положения дел, и вскоре они узнают и еще кое-что: этой ночью убить меня не удалось.

— Не могу поверить в это, госпожа. Что плохого может случиться из-за света в небе?

— Эндри, я стояла возле городской академии, когда раздался взрыв, как будто по дыне ударили деревянным молотком. Я шла к гостинице и видела, как это произошло. Они пытались убить меня и хотели уничтожить еще сотни других людей. Я очень беспокоюсь, Эндри.

— Ну да, теперь и я тоже беспокоюсь, — сказал Эндри, вдруг ощутив нарастающую тревогу.

— Я знаю, как это остановить, но проблема в том, что я не знаю, как остановить тысячи других магов, чтобы они не начали все сначала. Становится все хуже и хуже... но хватит уже о моих проблемах. Мы будем завтра в Глэсберри?

— Лошади устали и голодны, но они могут идти дальше. Рекконы говорят, осталось пять миль, но я бы не поехал по прямой дороге, если за вами охотятся, чтобы убить или еще что сделать. Мы можем держаться проселочных путей

и подойдем к Глэсберри с севера. Тридцать, вероятно, сорок миль. Если мы не будем спать и отправимся сейчас, рискуя загнать лошадей, возможно, мы и приедем туда завтра к вечеру. Я прикажу рекконам и Уоллесу собираться, как только меня перевяжут.

— Хорошо, хорошо, такое облегчение, когда есть кому доверять.

Комплимент из уст Терикель возымел на Эндри такое же действие, как удар в живот. Спустившись с небес на землю, Эндри вспомнил об одном очень важном обстоятельстве.

— Перед тем как мы отправимся в путь, можно мне задать вопрос?

— Я обязана не только ответить, я должна тебе гораздо больше.

— Я слышал сказки и баллады о дьяволах, демонах, духах и питающихся человеческим мясом чудовищах, но я никогда не сталкивался с рассказами о кровопийцах. С Веландер что-то не так?

Терикель выглядела удивленной при неярком свете их маленького костра.

— Веландер мертва, но питается кровью и жизненной энергией других. Предпочтительно людьми, но если нет выбора, то и животными.

— Я не это имею в виду. Я слышал, что Ларон пытался научить ее питаться только злыми людьми, но она охотится за пьяными — точнее, за вином в их крови.

— Эндри, ты меня удивляешь. Ты обнаруживаешь тайны, которые было бы трудно раскрыть всей Императорской Тайной Полиции.

— Мне нравится слушать, госпожа, а народу нравится говорить. Особенно тем, кто взволнован.

— Эндри, Веландер — монстр, и сдерживать себя она может не больше, чем смертельно раненый волкодав. Проблема в том, что какая-то часть прежней Веландер все еще здесь и в ужасе наблюдает за своими поступками. Она охотится за пьяными в поисках средства забвения, которое есть в их крови, поскольку не может видеть, кем она стала и чем занимается. Ларон и принцесса Сентерри некоторое время присматривали за ней и пытались научить немного ограничивать себя. Ларон и принцесса в то время спали вместе и — Эндри! Как ты это делаешь? Мне не следовало тебе рассказывать!

— Тогда не рассказывайте, госпожа.

— Ох... ладно, я кое-что проясню, но не больше! Ларон спас Сентерри после того, как ее похитили работорговцы, поэтому понятно, что она была ему благодарна.

— Я так и думал.

— Сейчас Ларон и Сентерри поссорились, поскольку Сентерри вышла замуж за Коссерена ради власти, политической стабильности и титула королевы Логъяра.

— О да, так многие делают. А Веландер... ну... когда-нибудь крутила с Лароном?

— Если ты на самом деле хочешь научиться светским манерам, Эндри, то существует понятие под названием «личное». И ответ — «нет». При жизни с Веландер... было немного сложно. Ларон взял ее под свою защиту, так как она оказалась одна и без сил. Теперь Веландер больше не слаба, а у него свои проблемы.

Глава 5
Птица-дракон

Не так просто дойти до Глэсберри, нужно пройти через множество мелких деревушек, которые в голове постепенно превращаются в пеструю смесь домов, садов, рынков, таверн и храмов. Движения на дорогах становилось все больше, а сами дороги — уже. Шел шестой час пополудни, когда рекконы и повозка добрались до стен старого города. Высокий дворец был заметен издалека, и Эндри решил идти к нему. Возле дворцовых казарм рекконы объявили, что Эндри избран их делегатом, поэтому ему полагаются две красных звезды на плащ поверх кольчуги.

— Одну спереди, чтобы враг видел, куда стрелять, другую сзади, чтобы мы видели, куда стрелять, — сказал Эссен. — Вы умеете шить, сир?

— Ну да, научился на борту «Буйной пташки», — ответил Эндри. — Частенько приходилось чинить паруса из-за торейских бурь.

Рекконы устроились на сеновале в конюшне, и начали подкрепляться пирогами, купленными в таверне неподалеку. При свете глиняной лампы Эндри нашил на плащ сарголанские знаки отличия второго ранга. Потом он стал чинить одежду, соединяя оборванные, обожженные и растрепавшиеся края. Раздался скрип, как будто кто-то лез по лестнице. Через пару минут появилась голова капитана Гилврэя, и вскоре он сам вскарабкался на сеновал. Рекконы вскочили и замерли в ожидании.

— Господа, вольно, — сказал Гилврэй на сарголанском, жестом приглашая их сесть обратно на сено.

Они снова сели, но общее чувство расслабленности исчезло. Гилврэй устроился с краю, опираясь спиной на балку:

— Делегат Теннонер, я читал ваш отчет о битве с драконом ради защиты пустого экипажа.

— Да, сир, — ответил Эндри.

— Там говорится, что делегат был убит повстанцами к тому времени, как вы вступили в бой, и вас выбрали новым делегатом на месте. Затем вы обнаружили перевернутый экипаж принцессы, и, когда дракон приземлился, решили защищать его, как будто она была там — и дать возможность Сентерри исчезнуть. Дракон напал на вас и сжег дотла повозку, затем взлетел, думая, что принцесса мертва.

— Да, сир.

— Вы чертов лжец, делегат Теннонер.

— Да, сир.

Рекконы неуклюже попятились в сторону, стараясь не смотреть на Эндри и Гилврэя.

— Рядовой Уоллес из Императорской Армии Основных Путей Сообщения свидетельствует, что вы приблизились к ныне павшему делегату, защищая перевернутый экипаж от дракона, увидели, как делегат гибнет, напав на дракона, и отвели рекконов в безопасное место, когда дракон стал сражаться с другим магическим существом.

— В этом случае вдова делегата не получит пенсии, поскольку ее муж нарушил приказание, сир, — объяснил Эссен.

— Я вам разрешил говорить, реккон Эссен? — грозно спросил капитан Гилврэй.

— Нет, сир.

Гилврэй повернулся к Эндри:

— Вы называете Уоллеса чертовым лжецом, сир?

— Он рекрут, сир. Новобранец, и стал им из-за того, что лучше справляется с черпаком, нежели с топором.

— Так вы говорите, Уоллес — просто повар, не способный правильно оценить происшедшее?

— Да, сир.

Некоторое время Гилврэй обдумывал ситуацию.

— Я полагаю, что рядового Уоллеса нужно немного проучить, чтобы в будущем он внимательнее следил за развертыванием событий. Может быть, десять плетей?

— Думаю, пять, сир.

— Тогда пять. И в течение часа. Между тем вы нарушили приказ относительно защиты экипажа.

— Да, сир.

— Вы оштрафованы на одну серебряную монету. Заплатите мне позже.

Рекконы Эндри тут же подались вперед, и каждый протягивал серебряную монету капитану Гилврэю. Эндри вытащил деньги из кармана.

— Может, пошлете их вдове делегата Портера, — сказал Гилврэй, беря монету Эндри и кивая головой на остальные. — Кроме того, у меня есть приказы для Теннонера, Эссена, Костигера, Дэнолариана, Хартмана и Сандера. Спокойной ночи, джентльмены. О, делегат Теннонер, удостоверьтесь, что у вас при себе топор, который вы использовали в битве с драконом, когда... будете выполнять указания.

Эндри не стал дожидаться, пока капитан Гилврэй выйдет из конюшни, сломал печать на маленькой папке и обнаружил приглашение на ночной бал в честь принцессы Сентерри.

— Подписано: Гаральдин, король Глэсберри и княжества Мидландс, монарх-подчиненный славной Сарголанской Империи, — прочитал он вслух.

— Разрази меня гром, монарх знает, что я существую, — воскликнул Костигер.

Оказалось, что приглашены все, кто принимал участие в защите принцессы в Кловессере. Пока полутемные казармы оглашали свист плетей и пронзительные крики Уоллеса, рекконы спустились к лоханям, из которых поили лошадей, разделись и принялись ревностно стирать свою форму.

Костигер присвистнул, увидев спину Эндри.

— Вас пороли, сир! — закричал он.

Эндри пожал плечами:

— Да.

— Вы были виновны?

Эндри подумал. Если позволить им думать, что все произошло по несправедливости, вряд ли это повредит, решил он.

— Я говорю, что виновен, значит, виновен.

— Прикрывали друга, так? — громко произнес Костигер.

— Я сказал, я был виновен.

— Теперь внимательно послушайте, сир. Если вы прикроете кого-нибудь еще раз, я ударю вас в лицо. Понятно?

— А, это вовсе не обязательно.

— Не думайте об этом, просто помните.

Костигер расправил свой плащ, который больше не был черным.

— Эй, с моим плащом что-то не так, — сказал он.

— Он такой же, как у всех нас, — ответил Эссен. — Его настоящий цвет — оливковый зеленый.

Костигер вылил грязную воду из лохани и снова начал взялся на ручку насоса.

— Сир, сколько плетей? — спросил он Эндри.

— Пятьдесят.

— Я получил двести, — произнес Костигер, с гордостью демонстрируя свою спину.

— Взял вину на себя? — спросил Эндри, осторожно подбирая слова.

— Нет, помочился на командирскую постель, сир.

— Говорят, после ста уже ничего не чувствуешь.

— Нет, сир, чувствуешь, только по-другому.

Уже давно наступила полночь, когда они закончили с починкой, чисткой и мытьем и решили, что пора лечь поспать.

— Эй, Эссен, — услышал Эндри где-то в темноте.

— Да, Кости?

— У меня ощущение, словно перед жестокой битвой.

— У меня тоже.

— Что следует сказать, если король заговорит со мной?

— Смейся его шуткам и называй его королем.

— Лучшая форма обращения — «Ваше величество», — посоветовал Эндри. — Теперь давайте спать, парни. Мы же уже два дня без сна. Это все равно что пойти на танцы, разница лишь, что вход будет бесплатным и все, кроме нас, очень богаты.

На следующее утро Уоллес поспешно объяснял рекконам правила поведения на балу. Он все еще испытывал боль, поскольку, хотя он и получил всего пять плетей, тот, кто порол его, делал это не в первый раз и разрывал кожу с каждым ударом.

— Но я ведь рассказал лишь то, что видел! — продолжал стоять на своем Уоллес.

— Другой человек воспринял это иначе, — сказал Эссен. — Тот, кому капитан поверил.

— Если я когда-нибудь узнаю, кто это был, отбивную котлету из него сделаю. А сейчас так: если к тебе подойдет человек с красной перчаткой, поклонится и возьмет за руку, что ты сделаешь, Костигер?

— Я врежу ему по лицу, сир. Моя мама предупреждала меня о...

— Нет, нет, еще раз нет! Тот человек — представитель высокопоставленной леди, которая желает с тобой танцевать. Ты должен позволить ему провести себя по бальному залу и, когда он представит тебя, просить ее согласия на танец.

— Ох. А если она скажет «да»? — спросил Костигер, чувствуя себя в замешательстве.

— Ты проверяешь свою программку и смотришь, каким будет следующий танец, и знаешь ли ты шаги. Нынешний бал предполагает, что будет много военных, ведь чествуют героев, поэтому танцы планируются самые обычные.

— Ого, а что за герои?

— Это мы, ты, тупоголовый, грязный идиот! Итак, танцы. Музыканты сыграют галоп, рил, будут исполняться танце-

вальные мелодии с преобладанием ударных и с жестким ритмом. В общем, все то, что нравится солдатам и их девицам.

— Я знаю их.

— Ну, тогда одной проблемой из сотни меньше. Остаются еще девяносто девять.

К середине дня дело пошло на поправку. Рекконы могли исполнить почти все танцы, значащиеся в программке, вложенной в приглашение, знали правила поведения. Теперь настала пора учить их есть и пить за столом. Эндри решил, что необходимо дать им тренировку по фехтованию, подумав, что если они хорошенько устанут, то будут меньше нервничать. К исходу пятого часа пополудни рекконы мыли друг друга в лохани и сравнивали старые шрамы. Сандер смешал мыло для стирки с ладаном, чтобы сделать ароматное средство для мытья волос. В процессе помывки Костигер обнаружил, что он шатен, а Эссен — что его волосы вьются, если смыть с них весь жир.

Веландер проснулась или, точнее, пришла в сознание. Эфирная энергия бушевала и искрилась в темноте вокруг нее; то тут, то там вспыхивали лучи голубого и оранжевого цвета. Она находилась в самом центре, внутри маленького пустого шара. Лучи разлетались повсюду. Их были сотни, тысячи, миллионы. Несколько вспышек возникло возле Веландер, и они тут же потянулись к главному скоплению энергии — к ней. Веландер чувствовала себя так, как будто ее вытащили из теплой ванны и принесли в очень холодную комнату, и от ее кожи валит пар. «Еще немного постою без одежды — и умру от холода», — подумала Веландер. Жар — это то, во что превратилась жизненная сила ее последней жертвы. Она поддерживала ее силы, но все больше уходила в темноту, растворяясь в холоде.

Лучи энергии по-прежнему разлетались в разные стороны и мерцали. Веландер не хотелось думать, на кого она сейчас была похожа. Множество искр и вспышек отделялось

от шара и поглощалось хищниками, имени которых никто не знал, и которые даже в магических текстах не упоминались. Хищниками, такими, каким стала и она.

По аллее брел человек, опасно шатаясь и извиняясь перед каждой стеной или дверью, в которую врезался. Ближе, ближе. На улице больше никого не было. Веландер наблюдала за прохожим из тени на стене под окном. Ближе, еще ближе. Постепенно жажда брала верх. Веландер даже не думала, что этот человек был ей незнаком. Душащая, животная жажда. А ведь Ларон учил ее чему-то. Никак не вспомнить, чему. Чему-то важному... но сейчас самой важной была жажда. Позорная жажда. Хотелось опьяняющего до дурноты запаха алкоголя, смешанного с кровью и эфирной энергией.

Мелькнула рука с длинными, около дюйма, вытягивающимися когтями, вцепилась в шею и утянула пьяного в темноту под окном. Теплое мясо на холодных губах, клыки, погружающиеся в дурманящую смесь алкоголя и крови, возбуждение от такой близкой энергии самой жизни. Хруст костей и хрящей, ощущаемая дрожь слабых судорог под кожей, словно она была большой ядовитой змеей, держащей моряка под водой до тех пор, пока он не захлебнется, или кошкой, вгрызающейся в обреченного голубя.

Веландер вдруг кое-что вспомнилось, когда несколько лучей потянулось к центру эфирной энергии. Вспомнилось, как она врезалась в огненную стену. Боль охватила все тело, боль от падения в расплавленный свинец, боль от бессилия уничтожить мысль, что стала демоном, боль от желания наказать себя за потерю последних связующих нитей со смертными, с их чувствами и радостями. Остатки прежней, живой Веландер устремились к стене энергии, но вампир, проснувшийся в ней, уже хотел жить. Отблески лучей вызывали в ней физическую боль, ярко-синюю и фиолетовую боль.

Веландер парила, не думая о времени. Она чувствовала, как болит каждая клетка ее тела. Огненный шар был все еще там... но сейчас небо освещали, по крайней мере, тридцать других лучей, и их отсветы касались и того места, где нахо-

дилась Веландер. Раздавался звон, когда они соприкоснулись с ней. Соприкоснулись с ней, соединяясь! От ее прежней жизни оставалось одиннадцать лучей. Теперь стало почти сорок.

— Где демон? — спросил голос поблизости. Это был Эссен, один из рекконов.

— Лежит в повозке, — ответил кто-то, вероятно, Уоллес. — Любит поспать, когда Мираль опускается.

— Когда Мираль поднимается, я начинаю беспокоиться. Я видел, что она сделала с тем драконом.

— Ну, тогда некоторое время она не будет голодна. Драконы очень питательны.

— Откуда ты знаешь? Пробовал когда-нибудь?

— Я повар. Мы знаем это. Ну а сейчас... я симпатичная молодая девушка из более низкого социального класса. Как ты пригласишь меня на танец?

— Э-э... эй, клянусь богиней Удачи, ты просто красотка. Пиво будешь?

Уоллес протяжно вздохнул.

— Прошу прощения, самая очаровательная и обаятельная леди, но не окажете ли вы мне честь?

— Какую честь?

— Не спорь! Думай об этом, как о беспорядочных приказах от руководства.

— Эй, знаешь, я не умею танцевать галоп.

— Ты знаешь мелодию, дурень! Я слышал, как ты играл ее на ребеке Эндри сегодня утром.

— Да, но я никогда не танцевал.

— Эх, да ведь это как «Волны Бантриока», только руки меняешь. Представь, что я девушка, возьми мою правую руку своей левой, и правую положи на спину. А-а-а, больно, мне же надавали плетей, ты, тупица!

— Я стесняюсь.

— Заткнись и сконцентрируйся. Дюжина шагов-прыжков сюда, поворот, поменяй руки... Р-р-р! Не забывай про мои плети! Потом вот так обратно, остановись, подними мою левую руку своей правой до головы и сделай шаг-прыжок вокруг стены. И по новой.

— Думаю, я понял. Но меня вот что удивляет, Уоллес. Где ты все это выучил?

— О, я готовил для некоторых важных людей, поэтому видел много танцев и балов.

Веландер слышала их голоса, которые постепенно затихали, поскольку говорящие уходили прочь. «Мне не следовало этого слышать, — подумала она. — Они говорили про убийство дракона». Она живо представила себе, как вцепилась в его шею, и как ее клыки исчезли в мягкой плоти, показавшейся из-под прозрачных доспехов — переплетений лучей эфирной энергии. Затем видение пропало. На нее обрушилась эфирная энергия, однако это была не та энергия, которая питала ее силы, не энергия жизни. Тогда что же это такое? Дракон, казалось, походил на огромную куклу с множеством лучей, исходящих их него. Она обнаружила это и убила мага прямо там, в глубине, когда дракон стал разрушаться... но все это происходило в воображении, поэтому не улетучивалось подобно жизненной силе ее обычных жертв.

Драконы. Кем они были? Прикрытием для ужасной тайны, эфирными крыльями с колоссальным количеством энергии, а что было в этой энергии, что? Веландер почти потеряла сознание, втягивая в себя громадное количество энергии прозрачного дракона. Эндри звал ее... но ее глаза не видели ничего. Она ослепла? Когда Мираль поднимется, она могла бы это понять. Нет! Она пришла в сознание, значит, Мираль уже стоял над линией горизонта. Следовательно, Веландер осталась слепой и недвижимой. Она не могла двигаться. Все вокруг нее... нет, словами это описать невозможно. Существо, личность, пустой дом, дерево, одежда, документы для выезда за пределы страны, прошедшие экзамены, любовные переживания, унижение, жадность, ненависть, сильные желания, любопытство, амбиции... Веландер была одинока в жизни мертвеца.

Забери мои воспоминания, оставь меня в каком-нибудь городе на далеком континенте, и Веландер будет существовать дальше и, вероятно, даже оживет? Тогда бы Велан-

дер стала совсем другой. Веландер-вампир понимала все, но не могла поддерживать свои жизненные силы. То было бессознательное стремление жить. То был ад из пустоты, который заполнила собой энергия жизни, достаточная для населения целого города, но не достаточная для того, чтобы насытить Веландер. Неужели она всего лишь... оболочка?

До нее донеслись какие-то звуки. Звон наковальни, крики продавцов у прилавков, выкрики командира на тренировке по фехтованию для рекрутов.

— Сегодня вы делаете успехи, Уоллес и Эндри! — послышался где-то далеко звонкий голос Ларона.

— Успехи, — повторил Уоллес.

— Как ваши дела в этот замечательный день?

— Все ужасно болит после плетей, — ответил Уоллес.

— От пяти-то плетей? Студентам академии приходится куда хуже, если они не выполняют домашнюю работу по прикладной магии.

«День, — подумала Веландер. — Мираль все еще низко. Почему же я не сплю и даже в сознании?» Веландер снова вернулась к окружающему ее светящемуся шару, немного поколебалась и осторожно прикоснулась к нему. Резкая боль пронзила все ее тело, она беззвучно вскрикнула. Постепенно Веландер вновь пришла в себя. Она сосчитала, сколько всего лучей находилось рядом с ней. Пятьдесят семь. В прошлый раз было меньше пятидесяти. Вдруг Веландер ощутила едва уловимый запах. «Вероятно, это я сама, — подумала она. — Сколько лучей в жизни? Десятки тысяч? Миллионы? Любой и каждый из них похож на огненную агонию. Ощущения такие, будто под ногти вгоняют раскаленные иглы». Веландер сжалась, желая спрятаться.

— Так Веландер все еще в повозке? — спросил Ларон.

— Да, — ответил Эндри. — Ей нездоровится.

— Мне очень жаль, — сказал Ларон. — Когда-то я думал, что могу убедить ее идти по той же дороге, по которой иду сам.

— Ты сам? Ты же жив, у тебя теплая кровь.

— Так было не всегда. Долгое время я жил вампиром, как и Веландер. Семьсот лет назад Метрологи проводили кое-какие эксперименты. Они смогли добраться до другого мира с помощью эфирного устройства и создали копию духа одного монстра из того мира. То был я. Они поместили копию в тело мертвеца. Я сбежал от них и с тех пор бродил, полуживой, по вашему миру в поисках крови и жизненной энергии. В течение семи веков мне было четырнадцать лет. Я не старел, не изменялся. Я дал имя каждому прыщику на лице: один на подбородке назывался Пустеллой, а другой на моей левой щеке — Пультиком.

Он дотронулся до воздуха перед своим лбом, и там, где, казалось, не было ничего, появился серебряный кружок, в котором вспыхивали и гасли лучи звездной пыли. Эндри вскрикнул от восторга. В самом центре был зеленый драгоценный камень сферической формы. В течение минуты Эндри разглядывал его, пытаясь понять, что это такое.

— Перед тем как ты задашь вопрос, хочу сказать: задняя часть этого зеленого самоцвета соединяется с моим сознанием, и поскольку она не вполне материальна, то не причиняет особого неудобства. Моя... моя душа, сущность, дух находится в неразрывной связи с драгоценным камнем. Забери его, и мое тело умрет. В прошлом году я попал... в одно очень сильное эфирное устройство. Невероятной мощности. Его мощности хватило бы, чтобы разрушить Торею...

— Кольца Мираля! — *воскликнул Эндри.*

— ...и возродить мое тело к жизни. И вот я здесь, живой.

— Ты был таким, как Веландер, когда не был живым? Ну, я имею в виду, похожим на жалкое хищное создание, охотящееся за пьяными, как остальные из нас охотятся за пинтой?

— Не совсем, хотя и счастья я тоже не испытал. Во время смерти я придерживался рыцарских норм поведения, поэтому не стал демоном полностью. Соблазн обращаться с людьми

как с животными был очень велик, но я справился. Веландер... не так сильна. Я пытался убедить ее охотиться на плохих людей, без которых было бы лучше большинству городов, но вскоре ее стали терзать сомнения. Она, как вампир, абсолютно несчастна. Эндри, несчастна более, чем был я.

— Мне следует удивиться?

— В какой-то степени она, вероятно, лучше меня, но поэтому ей и труднее быть чудовищем. То устройство, которое вернуло меня к жизни, разрушено, такова его судьба. Теперь Веландер обнаружила, что кровь пьяных лишь ненадолго дает облегчение, смягчает остроту ее горечи и печали.

— Я заметил.

— Она запуталась, Эндри. Говорит, что выбирает в качестве своих жертв только преступников и сутенеров, но все не так. И я, и ты это знаем. Однажды я буду вынужден покончить с ее существованием.

— Когда?

— Когда исчезнет все от прежней Веландер и останется только вампир. Боюсь, это случится уже скоро.

— Господин, я пытаюсь помочь. Я поклялся не пить, пока она воздерживается от убийств людей.

— Ты? Заключил договор с Веландер?

— Да.

— Ты перестал пить, чтобы оказать ей моральную поддержку?

— Да, и мне это невероятно трудно, вот что могу сказать. Я бы отдал все за кувшин вина. Но сир... может, прозвучит странно, но... я ее люблю.

Ларон сглотнул, затем широко улыбнулся.

— Великолепно. Эндри, ты был грязным пьяным моряком, когда я впервые увидел тебя, но сейчас! Сейчас ты не пьешь, получил воинское звание Сарголанской империи, командуешь пятью рекконами, ведешь себя так, как я бы никогда не подумал, и приглашен на сегодняшний бал у принцессы. Вот это перемена! И всего за восемнадцать дней!

— Ну да, — ответил застенчиво Эндри.

— Это невозможно.

— Возможно, господин Ларон. Сколько пьяных с перерезанным горлом перестали быть пить, если бы у них появился шанс? Вы дали мне шанс, теперь я пытаюсь дать его Веландер. Знаете, что остановило меня от того, чтобы бросить ее в огонь, когда Мираль был низко, и она спала?

— Скажи мне.

— То, что она была такой же, как и я, и, вероятно, еще сможет разобраться в себе и найти верный путь.

— Ей не так просто, как тебе, Эндри, клянусь.

— Да? Я не брал в рот вина с Кловессера, и когда я представлю себе выпивку, у меня начинает болеть голова и горит язык, перед глазами танцуют безумные человечки. Я могу понять...

Вдалеке кто-то позвал Эндри и попросил воска для удаления усов.

— Надо идти, — сказал Эндри.

— Твои люди воспринимают бал очень серьезно.

— Как и я. Вы будете там, господин?

— Нет. Нужно сопровождать Терикель в одно опасное место. Я не могу отказать ей, так что придется извиниться за свое отсутствие.

— А разве Веландер не сопровождает всегда Терикель?

— Как ты знаешь, ей нельзя доверять. Возвращение в Кловессер может стоить жизни какому-нибудь студенту.

— Если вспомнить, сколько там народу погибло, я удивлюсь, если кто-нибудь это заметит.

Эндри позвали более настойчиво. Кому-то из рекрутов не терпелось узнать, как пользоваться расческой.

— Мне пора идти, господин. Нужно сбрить бороду и усы для бала. Желаю вам удачи этой ночью.

* * *

Веландер больше не пыталась съежиться и спрятаться. Напротив, она прикоснулась к лучам своей жизненной энергии, и стремительно бросилась в пестроту вокруг. Все тело

пронзила боль, словно его одновременно ударили тысячью плетей, затем боль от соли, посыпанной на тело после тысячи плетей; и, наконец, боль от новой тысячи плетей. Потребовалось немало времени, прежде чем Веландер снова пришла в себя. Она насчитала сотню новых лучей и снова бросилась в небесный круг.

К закату рекконы покончили с дырами, прорехами, лохмотьями и заплатами на своей униформе, которая стала чистой и сухой, но после чистки сапог обнаружилось, что нужно снова приводить в порядок ногти. Наконец, чистые, опрятные и нарядные, они шли по городу к дворцу, возбужденно обсуждая предстоящие события и строя предположения, захочет ли кто-нибудь с ними танцевать. Спустя четверть мили рекконы развернулись и помчались за приглашениями, оставленными в казармах.

Терикель и Ларону не очень везло. Академией Наук и Эфирных Искусств города Глэсберри управлял младший префект девятого уровня посвящения, старшие студенты и преподаватели отправились несколько месяцев назад на собрание магов каменной кладки Альпин. Большинство из первокурсников разослали по домам, не было даже уборщиков и поваров.

— Меня очень беспокоит, что организация, существующая семьсот лет, вдруг отказывается принимать участие в этом, — сказал Ларон, когда они с Терикель возвращались в гостевое крыло дворца Глэсберри. — Семь веков все работало, прямо как я, но сейчас это напоминает мне тяжело больного старика.

— Согласна, — ответила Терикель. — Кажется, это конец света.

— Высокоученая Терикель?

— Да?

— Ты и правда думаешь, это конец света? Стена Драконов и все остальное?

— У людей так мало опыта, а мир так велик. Потребуется много времени, чтобы все разрушить.

— Хотя эфирный механизм, созданный учеными и магами много лет назад, расплавил Торею совсем недавно.

— Да, легендарная Серебряная Смерть. Благодаря тебе и Уэнсомер ее больше нет.

— Но сейчас наши маги построили другой, не менее опасный небесный механизм. Может, он не столь могущественен, как Серебряная Смерть, но обладает гораздо большей зоной действия. Как ты думаешь, стали маги сильнее настолько, чтобы спасти наш бедный маленький мир?

— Да, Ларон, например, я и некоторые другие.

— Так что мы сделаем?

— Начнем решительно действовать.

— Как?

— Я говорю не про себя. Кое у кого есть план, как установить контроль над Стеной Драконов. Теоретически им можно доверять. Есть те, кто хочет видеть Стену Драконов разрушенной.

— Кто они?

— Понятия не имею. Я играю свою роль и надеюсь: те, кто выше меня, знают, что делают.

В таверне звучит музыка, и несколько посетителей пускаются танцевать джигу или рил с проститутками или официантками, а владелец трактира потирает от удовольствия руки, поскольку народу много, и вскоре все захотят пить. На ярмарках обычно происходит так: кто-то один угощает других, ставит на стол бочку и приглашает трех-четырех музыкантов, с этого все и начинается. Танцы в пивных и подобных им заведениях такие же, как на ярмарках, только у дверей стоит ох-

рана и собирает деньги за вход. Музыканты играют, получают бесплатно выпивку, а иногда еще и несколько монет. Пары танцуют, одинокие повсюду расхаживают и бросают друг на друга таинственные и многозначительные взгляды, загадочно улыбаются, подмигивают и делают красивые жесты. Например, кланяются или протягивают руку заинтересовавшему их человеку, случайно проливают на него вино, чтобы, наконец, завязать разговор. Каждый знает свою роль, а правила совсем просты. Балы — совсем другое дело, и новичков они зачастую пугают.

Эндри и других рекконов провели по ряду величественных анфилад и коридоров несколько облаченных в роскошную одежду лакеев и слуг. Они почти постоянно переспрашивали их имена и снова проверяли свои списки. Повсюду стояли вооруженные часовые в позолоченных доспехах и с богато украшенным оружием.

— Я думаю, они хотят удостовериться, что мы не попытаемся стянуть что-нибудь и сбежать, — обратился Эндри к Эссену, но того уже увел к какой-то двери человек в одежде, словно сшитой из золотых нитей. Потом он вернулся за Эндри.

— Стой здесь и жди, пока не назовут твое имя, потом тебя заберут, — сказал он, ведя Эндри к двери, в которой исчез и не вернулся Эссен.

— А кто ты? — спросил Эндри.

— Пропускающий герольд, конечно! — воскликнул мужчина, крайне удивленный вопросом.

Они остановились у огромной арки с двойными дверями, по обеим сторонам которой стояли самые роскошно одетые часовые, каких Эндри когда-либо видел в своей жизни. За ними была комната, где собралось столько знатных людей, что Эндри удивился, сколько их все-таки существует в мире. Пропускающий герольд трижды ударил в гонг, и шум в толпе поутих.

— Король с удовольствием представляет вам... делегата рекконов Эндри Теннонера, воина запаса из Императорской Армии Основных Путей Сообщения, подчиненного наследного принца Альберинского, в настоящее время присягнувшего регенту.

Раздались вежливые, но несколько натянутые аплодисменты, и Эндри увидел, как к нему подходит, чтобы отвести его в зал, женщина, чьи сильные рыки свидетельствовали: она не станет терпеть никакого вздора от мужчин, будь то воин, маг или сам король. Также от внимания Эндри не ускользнуло, как смотрят на него собравшиеся женщины и девушки. Теперь Эндри даже пожалел, что не стал еще раз причесывать волосы утром и, пожалуй, стоило собрать их в хвост новым кожаным ремешком.

Рекконы сильно нервничали из-за предписаний и правил поведения на пышных балах, однако вскоре обнаружили интересный факт: уделив столько времени тщательной подготовке, они стали обращать куда больше внимания на мелочи чем обычно. Проверив приглашения на входе, их отвели к начальнику караула, который пригласил рекконов пройти к столу и угоститься вином и другими спиртными напитками. Эндри попросил пустой кубок, и вскоре служанка принесла его на подносе. Через некоторое время рекрутов направили к группе военных, где стоял и Уоллес. Их представили друг другу, хотя все уже и так были знакомы, и предоставили самим себе. Спустя пару минут к ним подошли посредники и принесли приглашения на беседы с различными мужчинами и женщинами, принадлежащими к среднему и высшему классу города Глэсберри, большинство из которых никогда не общались с военными, имеющими звание ниже лейтенантского. Посредники великолепно поддерживали разговор, не допуская в нем затянувшихся пауз, поэтому у всех создавалось впечатление, что они находятся в теплой и дружественной обстановке.

Начались танцы. Женщины, у которых общение с военными ограничивалось перешагиванием через пьяных на улице, теперь рассылали своих слуг с приглашениями на танец,

и ночь, обещавшая стать абсолютной и полной катастрофой для рекконов, пролетала незаметно. Женщины поняли, что обычные солдаты были сильными, крепкими и на удивление робкими мужчинами с очаровательным и немного старомодным произношением, а рекруты и военные почувствовали, насколько опытными были дворянки в искусстве соблазнения.

— Ларон говорит мне, они больше ничем не занимаются, кроме этого, но как же хорошо у них получается! — делился Эндри своими мыслями с Костигером во время перерыва среди танцев.

— А как насчет стирки и остального? — скептически спросил Костигер. — Кто готовит, драит полы, ходит на рынок и ведет хозяйство?

— Слуги, Кости.

— Какие слуги? — спросил Костигер, который хоть и слышал такое слово, но никогда не задумывался о его значении.

Герольд у двери трижды ударил в гонг, и шум в толпе утих.

— Король с удовольствием представляет вам... капитана Ларона Алиасара, воина запаса Императорской Армии Основных Путей Сообщения, героя отступления из Кловессера. Капитан Алиасар приносит свои извинения за опоздание: ему пришлось сопровождать одну леди, направляющуюся с деловым визитом в интересах империи.

Среди девушек и женщин пронесся шепот, по обрывкам которого стало понятно, что Ларон занимал важное положение, отличался храбростью, обладал романтической внешностью, происходил из хорошей семьи и был очень, очень молодым. По крайней мере, к нему подошло около дюжины посланников от разных женщин. Но вскоре один из посредников увел Ларона к столу с напитками.

— Эндри, как отдыхается? — раздался поблизости очень знакомый голос, и Эндри, еще не обернувшись, поприветствовал капитана Гилврэя.

— Восхитительный вечер, сир! — ответил он бодро.

— Расслабься, Эндри, как только мы проходим через эти двери, мы все превращаемся в пэров.

— Ох. Слушаюсь, сир.

— Молодой Ларон только что появился здесь, как всегда эффектно. Все дочери и матери-аристократки бегают за ним, как собаки за лисой.

— Удача на его стороне, сир.

— Да, но мы мало о нем знаем. Я проверил списки и нашел лишь одно упоминание о Ларона Алиасаре. Это было сделано в прошлом месяце. Там говорится, что он собирается уйти со службы императору Северного Скалтикара. Странно. Ведь раньше же тоже существовали Алиасары. Приблизительно каждые пятьдесят лет из Северного Скалтикара прибывает Алиасар, проводит год или два занимаясь разнообразной деятельностью, затем едет дальше, и всегда «на север».

— Может, это семейная традиция, сир?

— Может. Понимаешь, мне нравится знать, кому я служу. Взять, к примеру, тебя, Эндри. Я не знаю, сколько тебе лет, но думаю, всего семнадцать.

— Девятнадцать, сир. Думаю.

— А, и в какой же день ты родился?

— Не знаю, сир, но пять лет назад один старик хотел извиниться за то, что выпил в последний день Третьего месяца, и назвал его днем моего рождения, а в семье устроили небольшой праздник.

— Вот как, — сказал Гилврэй, неожиданно легко принимая подобную историю. — Ты первый раз далеко от дома?

— О, нет. Я часто ездил на сухогрузах вверх по реке из Альберина.

— На сухогрузах?

— Когда баржи с древесиной идут вверх по реке, бывает необходимо отремонтировать их — ну, всякое случается. Тогда пригоняют два дополнительных судна, которые тянут

баржу. И капитан баржи и его команда едет на них, ремонтируя неполадки во время пути. Поэтому судно не встает в док. Ведь это невыгодно. Так говорит купец Экономика, кем бы он ни был. Я плаваю на таких сухогрузах с девяти лет. Три дня вверх по реке, спишь на борту, устраняешь поломки, день в Ахраге, помогаешь загружать древесину, потом два дня обратно, обтесываешь древесину и делаешь заготовки.

— Понятно, помощник плотника.

— Да, если бы не было бурь, и все большие корабли не утонули бы, то я, вероятно, и стал бы им. Потом я попал в одну компанию, и... ну да, я служил помощником плотника.

— Ты верхом хорошо ездишь?

— Ну да, ездил на портовых лошадях в течение девяти лет, так сказать. Объезжал коней и до самого конца упражнялся.

— Ты замечательно владеешь топором.

— Вроде да. Еще лучше я владею рулеткой. Я использовал ее, чтобы отмерить такую длину топорища, при котором баланс будет самый лучший, сир.

— Очевидно, да. Я видел, как ты держался против Ларона и двух дюжин гвардейцев на сельском рынке, и тот старенький топор у тебя за поясом свидетельствует о том, что ты пошел бы даже против прозрачного дракона. Военной сноровке можно научиться, Эндри. Смелости — нет.

— Спасибо, сир.

— Скольких человек ты убил?

— Ни одного, сир.

— Ни одного? — воскликнул Гилврэй, крайне удивившись. Его глаза горели.

— Ни одного, сир. Ни одного мужчины, ни одной женщины.

— Но если ты оказываешься с кем-то, кто должен умереть, что тогда?

— Пока я не встречал человека, который должен был умереть, но если бы мне пришлось убить, то я бы сделал это.

— Поразительно. Большинство воинов хвастается, сколько людей они уложили. Ты сражаешься гораздо лучше многих и гордо заявляешь, что никого не убивал. Кажется, ты нравишься своим рекконам.

— Если вы так считаете, то да, сир.

— Ты не согласен? — спросил Гилврэй, уловив в голосе Эндри сомнение.

— Нет, сир, но... ничего.

— Скажи мне.

— Сир, я был в течение семи дней на службе, среди рекконов же еще меньше. Другие здесь уже почти год. У меня мало опыта, поэтому я погублю нас всех, если останусь делегатом.

— Но многие, поступившие на военную службу, имеют звание офицеров, когда их родители уплачивают нужную сумму.

— Я просто выражаю свое мнение, сир.

— Да? Я нечасто такое слышу. Да и подобных проблем пока не возникало. Высокопоставленные люди редко понимают точку зрения честных, но простых людей, не ищущих продвижения. Твои рекконы очень хорошо ведут себя на сегодняшнем вечере.

— Они все по-своему благородны, сир.

— Правда? Кто, как ты думаешь, мог бы стать тебе заменой?

— Реккон Эссен, сир. Его уважают, у него достаточно опыта, он всем нравится. Эссен принимает правильные решения, и он чертовски хороший музыкант.

— Но делегат — это не командирский чин, он просто передает приказы от капитана Гвардии Сопровождения Путешествий.

— Прошу прощения, сир, но часто вас нет поблизости, а рекконы спрашивают делегата, что значит тот или иной приказ.

— Ах да, объяснение, возможно, ты и прав. Так ты альберинец. Вероятно, трудно было принести присягу?

— Северный Скалтикар и Сарголанская империя не находятся в состоянии войны, сир, но если бы такое произошло, думаю, я бы ушел со службы в сарголанской армии.

Гилврэй кивнул, затем улыбнулся и огляделся.

— Мне очень приятно разговаривать с тобой, Эндри, но сейчас мне пора. Желаю хорошо провести остаток вечера.

Когда Эндри остался один в окружении множества делегатов, между которыми сновали служанки, Ларон подошел к нему.

— Прошу вас, господа, разойдитесь немного. Мне нужно поговорить с делегатом Теннонером по вопросу защиты принцессы, — произнес Ларон, жестом прося их посторониться. Затем он повернулся к Эндри и стал как-то странно подмигивать. — На самом деле мне не нужно ничего обсуждать с тобой, Эндри, просто хочу немного больше свободного места.

— Вам везет, меня только старушки приглашают на танец, — признался Эндри.

— Это потому, что тебя не считают знатным. Они смотрят, как ты ведешь себя, прежде чем разрешить своим дочерям отправить к тебе посыльных. Никто не добивается звания капитана, если он не родился в дворянской семье, поэтому меня преследовали с самого начала. Дай мне еще полчаса, и у тебя отбоя не будет. Как рекконы?

Эндри осмотрелся. О некоторых из них уже пошли сплетни, их с интересом обсуждали женщины. Но все рекконы выглядели такими же напуганными, как и Эндри: им было непривычно оказаться среди роскоши и блеска.

— Они... то, что надо... отлично держатся во всей этой неразберихе, — выдавил из себя Эндри. — По крайней мере, кажется, капитан Гилврэй думает именно так.

— Хороший человек, этот капитан Гилврэй, — согласился Ларон. — Его отец был начальником Императорского Сыскного Подразделения. Подумай, Гилврэй не из знати, но на-

стоящий благородный человек с Альпенниен, с великолепным чувством вкуса и утонченными манерами. Он может даже герольда заставить устыдиться своих манер. Запомни мои слова, принцесса благоволит ему. Подождем десяток лет, и он станет кастеляном.

— Кажется, Гилврэй заслуживает удачи больше, чем многие другие, сир, — сказал Эндри.

— Оставь «сира» в покое, Эндри. Это всего-навсего я. Вернемся к Гилврэю. Он уже капитан, и как только он получит землю, он станет знатным человеком. Для знатных же самое главное — проверка на «вшивость».

— Вы имеете в виду, что они принимают ванны, ну... даже когда не нужно? — спросил Эндри, не уверенный, правильно ли все расслышал.

— И это тоже, но еще прогулку в купальню в одном полотенце. А люди, похожие на Гилврэя, производят впечатление и действуют как знатные. Поставь рядом с ними стражников, и станет невозможно различить, кто тут дворянин, а кто — простой крестьянин.

— Уоллес должен был стать придворным, и, вероятно, он даже является человеком дворянского круга.... — начал Эндри.

— Исключения, всегда есть исключения. Терикель говорила мне, что узнала от образованных людей — не буду называть имен — что Уоллес раньше служил магистром музыки.

— Забавно, сир... э-э-э... просто Ларон.

— Если это правда, обдумай тогда эти слова. Родителями магистра были кондитеры, которые нажили целое состояние, много и упорно работая. Они потратили некоторую сумму на образование сына, но Уоллес наградил их усилия, протоптав дорожку к императорскому двору. Там он добился того, что отец получил фамильный герб, и лично представил его императору... Однако ему все-таки не хватило проверки на «вшивость». А кстати, где он?

— Там, с... богатенькой на вид леди.

— Графиня Белльсарион! — воскликнул Ларон.

— Вы знаете ее?

— Она — сторонница принца Валиоса, третьего по счету наследника императорского трона.

— Правда? Вы имеете в виду, открыто, при дворе Палиона? — удивился Эндри.

— Нет, она держит ушки на макушке. И потом пишет длинные и содержательные письма принцу.

— Но Уоллес, без сомнения, беспрестанно рассказывает ей всякую ерунду, например, как он был императорским агентом или что-нибудь подобное.

— О, сейчас это может быть серьезно. Графиня Белльсарион знает о любом придворном шпионе в империи, а также о некоторых доносчиках из числа купцов и простых людей. Если она подумает, что Уоллес — новый агент принцессы Сентерри, то завтра в Палион отправится длинное и подробное письмо. Или его, вероятно, пошлют птичьей почтой, если Уоллес ее особенно сильно впечатлит.

— Черт, проклятие, Уоллес! — пробормотал Эндри, заметив, как расширились глаза графини Белльсарион, пока Уоллес ей что-то рассказывал с серьезным видом.

— Это, вероятно, означало: «О Уоллес, ты так глуп!» — предположил Ларон.

Вдруг Уоллес поклонился и пошел прочь. Графиня повернулась к хорошо одетому старику, немного помолчала, затем помахала рукой в том направлении, где за занавесом находилась дверь. Старик довел ее до этой двери, исчез на минуту и появился вновь. На другом конце комнаты Уоллес остановился и завел разговор со служанкой. Затем они вместе зашли в служебный вход.

— С этой комнатой много связано — и таинственного, и смешного, — сказал Ларон, тоже не спускающий глаз. — Кстати, это был граф Игон Белльсарион. Очень ревнивый

тип. Поэтому после любого разговора с незнакомцем графиня идет к нему и успокаивает. Сомневаюсь, что в регистрах упоминается девица, с которой Уоллес...

— Уоллес, твоим телом управляют не мозги, а похоть! — тихо прорычал Эндри.

Ларон засмеялся. Герольд объявил следующий танец.

— Держись, к нам приближаются посыльные от молодых леди.

Эндри вскоре обнаружил, что рядом с ним стоит девушка и объясняет, что ее мать рассматривала его во время предыдущего танца. Ее звали Мурелис, у нее было миловидное лицо, на котором выделялся вздернутый нос. Золотистые локоны удерживали в прическе серебряные украшения.

— Я почти не знаю сарголанского! — хихикнула девушка. — Это так замечательно — танцевать с прославленным героем. Как будто отважный разбойник похищает тебя из экипажа.

— Моя обязанность — ловить разбойников, — ответил Эндри, стараясь не повышать голоса.

— О да, потом бы вы пришли и спасли меня, запустив в него топор, как вы сделали с драконом, посадили бы меня на свою лошадь и, крепко держа в объятьях, унесли далеко-далеко, в безопасное место.

— У вас... э-э-э... очень живое воображение, госпожа, — натянуто произнес Эндри.

Внезапно он понял, что графиня не вернулась обратно. Не было ни Уоллеса, ни его служанки. Прошло уже два танца, медленных и долгих.

— А что там за дверь, за красным занавесом? — спросил Эндри человека, стоящего рядом.

— О, как вы смелы, — хихикнула снова Мурелис.

— Что вы имеете в виду?

— А вы не знаете?

— Я никогда прежде не был во дворце, — признался Эндри.

— Там комнаты отдыха. Туда идут женщины, когда чувствуют усталость, хотят отдохнуть, скрыться от шума и духоты бального зала. Очень модно сейчас ощущать переутомление уже в самом начале.

— Там отдыхают? — выдохнул Эндри, и подозрение, возникшее в его голове прежде, укрепилось.

— Ну, не всегда. Пойдем, давайте я покажу вам. Это делается вот так: «О, мне дурно, не отведете ли вы меня в комнату отдыха, реккон Эндри?»

Эндри прошел по бальному залу с Мурелли и оказался прямо возле красного занавеса и находящейся за ним двери. За дверью открывался широкий коридор, в котором находилась дюжина одинаковых дверей. Все, кроме одной, были не заперты. Мурелли провела Эндри к ближайшей, захлопнула ее и закрыла на засов. Сначала Эндри заметил только то, что в комнате из мебели была одна кровать. Тем временем Мурелли завела маленькие часы, обвила руками его за шею и прижала губы к его губам. Затем очень ловким движением, несомненно, повторявшимся бессчетное количество раз, она повалила Эндри на кровать, снова целуя его и извиваясь всем телом.

— Это невероятно! — простонала она. — Я в комнате отдыха, и между моих ног — герой из числа простолюдинов.

«Ну да, а еще там двадцать слоев ткани и кружев», — подумал Эндри.

— Но пойдут сплетни, — сказал он.

— О нет, ты останешься здесь ненадолго, мы не успеем воспылать друг к другу страстной любовью. Кроме того, моя мать посмотрела на тебя и ничего плохого не сказала, так что все в порядке. А если она ошиблась, то давай, снимай свои штаны, задери мои юбки и сделай мне ребеночка, но ты, конечно, благороден, хоть и из простых людей, ты не поступишь столь гадко.

— Да, конечно, — подтвердил Эндри, поворачиваясь и садясь на край кровати.

— Знаешь, если хочешь удовлетворить меня, не опозорив, делай так.

Мурелліс взяла его руку и засунула себе под юбки между бедер. Эндри почувствовал, что вспотел и сильно дрожит. «Что бы подумала Веландер?» — вдруг захотелось узнать ему, однако потом другая мысль пришла в голову Эндри: «Какая разница, что думает Веландер?»

— И затем я могу честно сказать, что провела с тобой наедине время, и это правда. Ты был между моих ног, ты сделал это, но медикар моей матери поклянется в моей до сих пор сохранившейся девственности... но теперь иди, тебе нельзя слишком долго оставаться. Я задержусь здесь, и буду наслаждаться воспоминаниями.

Эндри встал, но Мурелліс указала на маленькие старинные часы на стене. Стрелка сдвинулась на отметку пять минут. Значит, прошла всего одна минута.

— Стой, еще не пора, — прошептала Мурелліс.

Пока Эндри стоял там, он заметил веревочку с колокольчиком и с кисточкой на конце, а также тарелку с надписью «кухня» на стене. Когда прошло две минуты, Мурелліс прошептала: «Вперед». Эндри отпер дверь и вышел. Мурелліс тут же закрыла за ним. На секунду Эндри прислонился к двери, думая: «По крайней мере, это были не только обещания, как у мадам Джилли». Вдруг дверь в конце коридора отворилась, и появилась девушка, с которой был Уоллес. Она взглянула на Эндри, посмотрела на ближайшую открытую дверь, кажется, немного смутилась. Затем девушка поспешила обратно.

Эндри мгновенно вынул кинжал мадам Джилли. Он осторожно пробрался к первой закрытой двери. Она была отделана деревянными панелями и с массивной рамой. В пространство между стеной и дверью Эндри засунул свой кинжал, немного надавил, вынул его и заглянул внутрь. В воздухе болталась две худые белые ноги и пара волосатых ягодиц. Эндри узнал

спину: она принадлежала мужчине, который общался с той женщиной — а ей могла быть только графиня — и получил пять плетей. Эндри прошел обратно в зал и встретился с матерью Мурелиис.

— Две с половиной минуты, молодой человек, — заявила она, широко улыбаясь и сжимая его руку. — Это было великолепно и очень мило с вашей стороны.

— Я... э-э-э... а сколько времени вы от меня ждали? — заикаясь, произнес Эндри.

— Вы не знаете? Ну, четверть минуты считается оскорблением. Одна минута — просто вежливость. Две минуты — достойно уважения, три — немного вульгарно, четыре — предел приличного поведения, а пять — скандал.

— Ох. Ах, ну... Мурелиис — достойная, но соблазнительная девушка, — выдавил из себя Эндри, с трудом подыскивая нужные слова.

«Какой сюрприз, — подумал Эндри. — Вот так это делают знатные. Все совсем не так, как в альберинских тавернах, где девицы сидят на коленях у парней и пьют вместе пиво». В этот момент закончился последний танец. Эндри подошел к первому из рекконов, которого заметил. Это был Эссен. Вскоре собрались и остальные рекруты, крепко держа некоторых из своих друзей.

— Я хочу сделать кое-что с Уоллесом! — прошептал Эндри на ухо Эссену, но тот не расслышал.

— Господа, можно с вами поговорить? — спросил чей-то голос.

Ни Эндри, ни его рекруты не повернулись: ни к кому из них не обращались подобным образом. К Эндри подошел посыльный в форме с несколькими мотками веревки золотистого цвета, прикрепленной к плечу, и слегка поклонился.

— Сир, вы — делегат Эндри Теннонер? — спросил он.

— Да, — сдержанно ответил Эндри, понимая, что не следует показывать своего немного пренебрежительного отношения к служащим определенного ранга.

— Ее Императорское Высочество принцесса Сентерри желает видеть Вас. Будьте добры, встаньте и постройте ваших рекконов.

Эндри тотчас приступил к исполнению приказа, и отовсюду послышалось шарканье сапог, когда рекруты переходили с места на место. Принцесса приближалась, идя под руку с виконтом Коссереном; от них не отступал ни на шаг капитан Гилврэй. Все повернулись, с нетерпением ожидая увидеть, что же произойдет. Разговоры утихли.

— Делегат Теннонер, также известный под прозвищем «животное», я очень ждала встречи с вами, — сказала принцесса, и внезапно она стала для Эндри единственной, кто существовал во всем мире, а время словно остановилось. Он лишь мог заметить, что у нее каштановые волосы, заплетенные в тугую косу. Принцесса казалась Эндри красивой, но не такой, как остальные: она была чувственной.

— Ваше Высочество, вы очень добры... э-э-э... великодушны, — ответил Эндри, вдруг испугавшись, что не сможет подобрать слов.

— Я читала ваш отчет о том, как вы защищали мой пустой экипаж и обманули прозрачного дракона, заставив его подумать, что я была там, внутри. Делегат Теннонер, вы — очень храброе животное. Я слышала, вы вспороли шкуру дракона. Об этом стоит рассказать. Лезвие вашего топора частично расплавилось, рукоять обуглилась. Можно увидеть ваше оружие?

Эндри вынул свой топор и, положив его на ладонь, протянул принцессе. Она взяла его за конец и неосознанно на миг приняла боевую позицию. «Знакома с приемами фехтования», — подумал Эндри.

— Отлично, — произнесла принцесса Сентерри. — Нужно повесить этот топор на стену в моем новом тронном зале в Логъяре. Можно взять его?

— Да, Ваше Величество, это большая честь для меня.

— Но вам понадобится новый топор, — сказала она, передавая оружие Эндри лакею. — Я не могу позволить, чтобы вы бились за меня, имея в руках лишь бутылку из-под пива. Капитан Гилврэй?

Гилврэй протянул ей свой собственный топор. На лезвии было выгравировано изображение герба Гвардии Сопровождения Путешествий.

— Осмелюсь напомнить, Ваше Величество, что только гвардейцы Сопровождения Путешествий могут носить оружие с подобным гербом, — произнес Гилврэй.

— Ах да, и только дворян можно зачислять в ряды Сопровождения Путешествий. Но разве делегат Теннонер не благороден, капитан Гилврэй?

— Он имеет полное право так называться, Ваше Высочество. Эндри может играть на музыкальных инструментах, петь, танцевать, читать, писать, обсуждать объективные и магические науки и вести себя так, как велят правила этикета и хорошего поведения. Он также говорит на трех языках.

— Качества, присущие благородному, и делают из человека благородного, капитан Гилврэй, если только люди не считают его животным. Делегат Теннонер, будьте добры, встаньте на колени.

Эндри встал на оба колена. Топор опустился, лезвием вверх. Он коснулся сначала правого плеча Эндри, потом левого.

— Делегат Теннонер, вы можете встать. Вы имеете право обладать гербом. Поднимитесь, реккон дворянского рода Эндри Теннонер, — с этими словами принцесса повернулась к Эссену. — Реккон Эссен Эссарен, встаньте на колени. Я заметила, что мои верные рекконы нуждаются в опытном командире, пусть и не слишком опытном, но отважном человеке, который объяснял бы приказы руководства. С сегодняшнего дня я назначаю вас верховным маршалом рекконов Сопровождения Путешествий. Поднимитесь, маршал Эссен Эссарен.

Когда Эссен поднимался на ноги, раздались аплодисменты. Рукоплескания для него и Эндри звучали долго. Принцесса повернулась в сторону, сделала пару шагов и вдруг снова обратила свой взгляд на Эндри.

— О, и еще кое-что, господин Теннонер: это ваше, — сказала она, бросая ему топор Гилврэя. Эндри поймал его на лету. — Теперь можете носить герб без страха, что вас кто-нибудь арестует.

Эссен поклонился Эндри, когда принцесса Сентерри ушла.

— Сир, спасибо вам, спасибо вам огромное, — прошептал он, ловя Эндри за руку. — Я постараюсь, чтобы у вас обо мне всегда было хорошее мнение.

— Мне? Я никому ничего не говорил, — тихо ответил Эндри, у которого все кружилось перед глазами. — Просто кто-то заметил ваши таланты и умения, вот и все. Подождите-ка! Вы же теперь мой командир.

— Сир, она сделала нас частью войска, — произнес Сандер. — Мы прикреплены к самой Гвардии Сопровождения Путешествий. Официально!

— Ух, это да, — хором сказали Эндри и Эссен.

— Сир, можно напиться? — спросил Дэнол Эссена.

— Да пожалуйста — но после бала, — ответил Эссен.

Остаток вечера прошел почти незаметно. Снова в бальном зале появился Уоллес, и Эндри заметил, что графиня также вернулась к своей компании и стала болтать с мужем. «Если бы только он знал, — подумал Эндри. — Если бы еще знала мать Мурелис».

— Эндри!

Ноги Эндри подкосились, когда он услышал сзади голос Мурелис. Он повернулся и одновременно поклонился.

— Я должна извиниться, я пропустила вручение тебе титула, — тихо произнесла она, беря его за руку.

— Да ничего, особо смотреть было нечего, — ответил Эндри.

— Мама сказала, если бы она знала, дала бы мне знак разрешить тебе остаться три с половиной минуты.

Эндри живо представил себе то, что можно было сделать за три с половиной минуты, но не сказал ни слова.

— Я должна отправиться в имение лорда Кориата завтра. Там состоится помолвка моей сестры. Но через три дня я вернусь. Мама приглашает тебя на послеобеденный чай, и мы будем двадцать минут совсем одни. Понимаешь, что это значит?

— Ну да, вполне, — сказал Эндри. — Но у нас приказ выйти отсюда через два дня.

— О да? Черт возьми! А когда ты приедешь обратно?

— Не могу сказать. Меня припишут к гарнизону Логьяр на пять лет.

— О дорогой мой, целых пять лет. К тому времени, вероятно, я выйду замуж за какого-нибудь старого богатого маразматика, а ты сможешь залезать через окно в мою спальню и дать мне ребеночка, на которого у мужа уже не останется сил, и мальчика воспитают настоящим лордом, и это будет твой сын, и он будет сильным и красивым, и очень, очень храбрым. О Эндри, мне уже не терпится, я так этого жду.

— О да, и я тоже.

Шел третий час ночи, когда Эндри с остальными рекконами наконец покинули дворец. Странно, но никто из них не был пьян. Рекконы так гордились зачислением в ряды Гвардии Сопровождения Путешествий, что хотели доказать: они настоящие рыцари, которые ведут себя прилично и достойно.

— Так этот щеголь подходит и говорит: «Пожалуйста, не бейте меня, но мне придется взять вас за руку», — смеялся Костигер, заходя со всеми в ворота. — А я ему: «Все в порядке, сир, я знаю, та леди хочет, чтобы я пригласил ее на танец, а сама не может сделать этого по причине классовых различий. Клянусь улыбкой Удачи, тебе надо было видеть его лицо!

— Очень хорошо, — прокомментировал Эндри.

— Так что такое классовые различия? — спросил Костигер.

— Та старая шлюха неплоха в постели, — сказал Хартман. — Лакомый кусочек.

— Чего? — спросил Эссен.

— Я сказал «та госпожа», что тебя заинтересовало?

— Та старая шлюха стоит три сотни золотых крон в год по сравнению с девицей, с которой я танцевал, — сказал Дэнол. — И вообще она не выглядит старше тебя.

— Три сотни золотых крон? — воскликнул Хартман.

— Ее последний муж был пивоваром, — добавил Дэнол.

— Тебе надо бы ее попробовать, — засмеялся Костигер. — Может, получишь приглашение в ее особняк.

— На чай, — улыбнулся Дэнол.

— В ее койке, — предположил Костигер.

— Она дала мне это на память, — сказал Хартман, размахивая какой-то карточкой.

— Это же приглашение, — ответил Эндри.

— Что? Ну-ка, поближе к свету. Кто умеет читать?

— Дай сюда, — вздохнул Эндри. — Леди Полкингганс-Клунс из особняка «Глоток Эля»... просит почтить своим присутствием... реккона Хартмана из Сопровождения Путешествий... на чай... пирожные... в три часа после полудня... или это «на рассвете»?

— Полдень? Рассвет? Так когда, черт вас возьми... Сир!

— На рассвете, — сказал Дэнол, посмотрев Эндри через плечо.

— Найди мыло и наполни лохань для лошадей, — закричал Сандер.

Все мыло использовали перед балом, поэтому Хартман и несколько других рекконов решили совершить нападение на прачечную. Эндри пошел в конюшню с глиняной лампой и начал качать воду в лохань для лошадей, пробормотав: «Именно этой ночью барды могут написать замечательные песни».

— Эндри?

Он медленно повернулся, услышав голос Веландер. Она выглядела неважно. Стояла, прислонившись к повозке. На Веландер была тонкая накидка, туника и узкие штаны.

— Эндри, это ты?

— Да, я. Разве не видишь?

— Нет. Слепая.

Она открыла глаза, и оттуда заструился бело-голубой свет. Она снова закрыла их.

— Веландер, что с тобой случилось? — воскликнул Эндри.

— Дракон поразил меня. Не вижу теперь. Почти не двигаюсь. Встала, помылась, привела себя в порядок. Нашла одежду в повозке. Хотела опрятно выглядеть. О! От тебя пахнет... женщиной.

— А да, я танцевал с несколькими. На балу. Так что же с тобой?

— Да ничего. Забудь. И как танцы? Девушки милые?

— Милые, но... не интересные, — Эндри не был уверен, правильно ли подобрал слово, но все-таки оно показалось ему подходящим. — Вот еще что. Принцесса дала мне право на ношение герба и назначила Эссена маршалом. Рекконы... черт, как это... прикреплены. Прикреплены к Гвардии Сопровождения Путешествий. Великая победа.

— О, я очень рада. Прими мои поздравления.

— Спасибо.

— Я мылась. Почистила зубы, клыки, все. Волосы тоже привела в порядок.

—Ты могла бы пойти на бал, если бы сделала это пораньше, — засмеялся Эндри. — Ты могла бы стать моей спутницей: в приглашении было написано, что я вправе привести кого-нибудь.

— Я? — выдохнула Веландер, и ее мерцающие глаза широко открылись, но затем поспешно закрылись вновь.

— Почему нет? Там никто не выглядел лучше, чем ты.

Проблема Эндри заключалась не столько в том, что у него не было большого опыта общения с девушками, сколько в другом: Эндри даже не знал, как следует разговаривать, точнее, не представлял себе, как себя вести во время беседы. Веландер молчала, стоя в темноте возле повозки. Она выглядела больной и сердитой одновременно.

— Эндри, договор. Да? Помнишь?

— Ну да, на балу я пил только воду, смешанную с соком лайма.

— Ты почти не пьешь, я больше не охочусь... на людей.

— Тут кости. Почему?

— Ты...достоин уважения. Во всем.

— Я тоже тебя уважаю за попытку. Я знаю, как это, должно быть, сложно... говорю от имени всех людей.

— Ты храбр. Знаю это. Если ты будешь что-то делать, много мне понадобится? Много нужно знать?

— Если смогу...

— Подойди ближе.

Хотя на лице Эндри не отражалось ничего, кроме ужаса, он сделал несколько шагов вперед. Веландер медленно подняла руки и заключила Эндри в объятия. Через мгновение она еще сильнее обняла его. Эндри заставил себя ответить, хотя Веландер была холодной и твердой. Она дрожала: в ней боролись сила воли и желание немедленно накинуться на свою добычу. Веландер еще сильнее сжала руки. В спине у Эндри что-то щелкнуло и хрустнуло. Она прислонилась своей щекой к щеке Эндри, и это прикосновение было таким же холодным и твердым, как грязь зимней ночь на альберинских улицах... хотя от Веландер пахло мылом, и каждый раз, когда она делала выдох, в воздухе чувствовался аромат листьев мяты.

Но прежде чем Эндри смог это ощутить, Веландер уже отступила назад и ослабила свои тиски.

— О, спасибо большое, — прошептала она.

Когда все закончилось, Эндри испытал огромное облегчение. Такого не было даже после того, как он получил право на ношение герба от принцессы и не сделал ни одной глупости. И вот это случилось. Он никогда не смог бы решиться сам обнять Веландер за шею.

— В Кловессере, когда ты была в повозке и ела... Я ударил тебя, и ты... подняла голову.

— Да.

— Выражение твоего лица... оно было таким злым.

— Помешал мне поесть. Опасно.

— Но ты все-таки напала не на меня, а на прозрачного дракона. Почему?

Веландер напряглась, сжала губы, затем так внезапно обмякла, что Эндри подумал: «Она сейчас упадет». Она задержала дыхание, словно пыталась набраться храбрости.

— Потому что я люблю тебя, — наконец прошептала она.

Эндри показалось, что внезапно открылась дверь, послышался топот чьих-то бегущих ног, и вдруг все стихло. «При всех или нет, этого не избежать», — подумал он, стараясь привлечь Веландер к себе. Появилось ощущение, что он пытается сдвинуть с места бронзовую статую, которая намертво прикреплена к полу. Его пальцы ласкали ее волосы, влажные и холодные.

— Слышу других рекконов, — прошептала она.

— И что они? — прошептал в ответ Эндри.

«Нет ужасного запаха, — подумал он. — Аромат мыла и свежих листьев мяты в ее дыхании...». Его губы встретились с ее губами, и они не были больше холодными, они словно ожили. Он ощущал где-то в глубине твердые клыки; крошечные частички его жизненной силы по губам переходили в ее тело. Он осторожно сделал шаг назад, медленно, не желая оскорбить Веландер перед остальными рекконами. Лучи жизненной силы, связавшие их, вспыхнули, заискрились, затем исчезли. Его губы пронзила резкая боль, и внезапно они онемели.

Веландер повернулась в сторону остолбеневших рекконов.

— Вам никогда не узнать, насколько храбр и отважен ваш делегат, — тихо сказала она.

— Прошу прощения, госпожа, но я думаю, мы знаем, — сказал Эссен.

— Особенно теперь, — добавил Костигер.

Веландер снова повернулась к Эндри и так близко прижалась к нему, что ее клыки коснулись его уха, и прошептала:

— Я ухожу. Пойду к адскому пламени. Думай обо мне.

— Я люблю тебя, — услышал свой голос Эндри.

Она повернулась, стала искать на ощупь повозку и попыталась залезть в нее, но упала.

— Эндри, помоги мне, пожалуйста, — тихо попросила она.

Эндри сцепил руки под ее ногами, и она смогла на них встать, словно на ступеньку. Веландер залезла в повозку и устроилась под брезентом без единого звука. Эндри упал. Его рекконы бросились вперед.

— Эндри, сир, вы живы? — закричал Дэнол.

— Да, но сил нет, — только и смог ответить Эндри.

— Ну, девушки еще не такое способны с парнями сделать, — сказал Костигер.

— Нужно выспаться, — произнес Эндри и тут же провалился в сон прямо у колеса повозки. Рекконами пришлось перенести его на кровать.

Спустя полчаса как все ушли из тени рядом с повозкой вышла Терикель и беззвучно покинула конюшню. Она не давала воли чувствам, пока не ушла на достаточное расстояние, но потом по ее щекам покатились слезы.

Ларон вошел в таверну «Радость короля» и заказал вина. Он выпил лишь треть кружки и бросил деньги официантке. Девушка вскрикнула от удивления, сделала шаг назад и остановилась. Ларон был капитаном Императорской Армии Основных Путей Сообщения и выглядел очень молодо. Официантка знала, что той ночью состоялся бал, и думала, что у него, вероятно, возникли проблемы.

— Разочарование в любви, господин? — спросила она, пододвигаясь к столу.

— Вовсе нет, — ответил Ларон и залпом выпил еще треть кружки.

— Почему же тогда вы так печальны?

— Печален? — засмеялся Ларон, поставив пустую кружку на голову. — Просто потерял своего лучшего и единственного друга.

— Он умер?

— О да.

— Ох, мне очень жаль. Погиб в сражении?

— Можно и так сказать.

— Бедный юный воин, — сказала она, пропуская прядь его волос сквозь пальцы.

Капитан Гилврэй не мог уйти к себе в комнату до тех пор, пока не убедился, что все, с кем он пришел, не только покинули бал, но и вернулись в свои казармы и бараки, находящиеся на другой стороне дворцового комплекса. В «Перечне передвижений» была записана полная история, и потребовалось около четверти часа, чтобы прочесть ее. Имя Ларона упоминалось в главе «Спутники. Женщина. Слуга. Обстоятельства». Гилврэй мрачно ухмыльнулся. «По крайней мере, кто-то смог забыть Сентерри», — подумал он. Наконец Гилврэй открыл дверь в свою комнату, осторожно вошел, держа свечу, огляделся в поисках незваных гостей, захлопнул дверь и запер ее на засов. Он обернулся и увидел перед собой Терикель.

— Как вы сюда попали? — воскликнул Гилврэй. — Где вы были?

— Я сведуща в магии крови, — сказала Терикель, как будто это все объясняло.

— Если принцесса узнает, я потеряю уважение в ее глазах.

— Не узнает. Коридор заколдован. Вам можно пройти, больше никому.

Наступило молчание, никто не двигался с места.

— Ну? — спросила Терикель.

— Ну? — повторил Гилврэй.

— Почему вы не спрашиваете, почему я здесь?

— Хорошо, почему вы здесь?

— Мне нужен безопасный проход на Альпенфаст. Безопасный проход в место, куда в последнее время было сложно попасть, а тем более мне.

Гилврэй подошел к кровати, поставил свечу и стал снимать сапоги.

— Почему вы пришли ко мне? Мне было сложно даже принцессе Сентерри обеспечить безопасный проход, пришлось привлечь всю Гвардию Сопровождения Путешествий.

— Вы родом из Альпенниен, а Альпенфаст находится как раз на границе с Альпенниен, возле Карунзеля. Сентерри проведет три дня в Карунзеле — он станет первым большим городом, который она посетит в своих новых владениях. Три дня, капитан Гилврэй. Можете поехать в Альпенфаст со мной, убедитесь, что я безопасности за его стенами, и вернетесь вовремя в Карунзель, чтобы вывести Сентерри и Гвардию Сопровождения Путешествий.

— Ехать день и ночь, не спать, менять лошадей в каждом городе... это можно сделать. Но почему я?

— Не стройте из себя непонимающего, капитан. Я проверяю всех, с кем имею дело, и я проверила вас особенно внимательно. Я же жрица Метрологов, помните? Мы хотим знать все. Вы родились в знатной семье в Альпенниен, порабощенной три поколения назад. Вас привезли в Палион, но ни разу не назначали выкуп. Другая часть вашей семьи присвоила ваши имения и замки, но вы и ваши родственники смогли сохранить имя. Сарголанская империя признает вас, но те, кто присвоили себе землю, поклялись в верности империи, поэтому государство их не трогает.

— Правда, — сказал Гилврэй, откинувшись на кровать. — Если один перестает придерживаться традиций, то другой получает помощь со стороны империи. Я разорвал замкну-

тый круг, я сделаю себе имя и получу землю в собственность в Кейпфанге. В прошлом месяце я официально отказался от наследных угодий.

— Что и стало причиной благосклонного к вам отношения во всех замках Альпенниен. Вас приглашают всюду, где бы вам ни захотелось побывать, и мы могли бы отправиться вместе. Вы сыграли бы роль моего возлюбленного и объяснили, что показываете свои прежние наследные угодья.

— Ну в это было бы трудно поверить, госпожа. В жизни Сопровождения Путешествий происходит не так много событий, и всем так и хочется посплетничать. Если бы мы были вместе, это бы сразу заметили.

Терикель села на другой конец кровати, подняла ногу и положила ее на ноги Гилврэя. Его глаза широко открылись, но он не двинулся ни с места.

— Не так сложно дать повод для сплетен, капитан. Причем это ведь произойдет по нашему обоюдному согласию.

— О-о-о... ты соблазнительна и очень красива, но мои сердца не с тобой...

— И принцесса знает это! — твердым голосом заявила Терикель. — И виконт Коссерен, и капитан Ларон. Я разговаривала с ней, и она согласна подарить вам маленький замок возле Логьяра, если вы перестанете любить ее, и люди это увидят. У вас есть имя, и вскоре будут новые земли. Все, что вам нужно, — возлюбленная.

— Она — принцесса — хочет, чтобы мои сердца принадлежали другой? — прошептал он.

— Не хочет — ей так нужно.

Гилврэй протянул руку, поднял ногу Терикель, поколебался немного в нерешительности и снова положил на свои ноги. Терикель улыбнулась мягкой, широкой и невероятно соблазнительной улыбкой. Она щелкнула пальцами, и свеча погасла.

— Твои заклинания не позволят слугам, сплетникам и другим незваным гостям найти нас, — произнес Гилврэй, когда их руки ласкали друг друга в темноте.

В ответ Терикель сделала выдох, и на ее ладони появились завихрения эфирной энергии, которые стали приобретать некую форму. Через некоторое время они превратились в маленького светящегося дракона. Он имел голубой цвет, из-за чего лицо Терикель, произнесшей пару слов на торейском языке, тоже приобрело голубоватый оттенок. Услышав слово, которое означало «вперед!», дракон захлопал крыльями на ее ладонях, полетел к двери, соприкоснулся с деревом и исчез, растворившись в нем. Комната снова погрузилась в непроглядную темноту. Гилврэй стал снимать обувь с ног Терикель.

— Я чувствую себя предателем, — сказал он, лениво касаясь своими пальцами ее ног. — Сентерри — это центр и смысл моей жизни.

— Но ваша связь со мной делает ее жизнь легче, капитан. Так вы поступаете только из-за нее.

— Но я все равно чувствую себя предателем. Я никогда, никогда не изменял принцессе.

— Хорошо, чуть-чуть вины не повредит, появятся новые сплетни, мой лихой капитан. Поверьте мне на слово.

На следующее утро Эссен подписал увольнительную для Хартмана. Эндри сообщил об этом оружейнику, и Хартману выдали кольчугу, зеленые брюки, жакет, зеленый плащ с императорским гербом, поножи и шлем с огромным забралом. Он оделся, и оружейник подогнал доспехи. Хартман вздохнул с облегчением, когда узнал, что ему можно будет ехать на мерине, а не на боевом жеребце.

Тем временем Эссен нашил три красных звезды маршала на плечи куртки.

— Это неправильно, должна быть только одна звезда, сир, — сказал Эндри Эссену, поднимая его кольчугу. — У всех рекконов по одной.

— Да ладно тебе, Эндри. Глядишь, лезвие топора или стрела от них отскочит. Кольчуга-то защищает лишь от случайных попаданий.

— Все равно неправильно, сир.

— Нам нужно быстро ехать. В тяжелом доспехе умереть можно.

Эндри надел кольчугу, взял топор и сделал несколько выпадов в сторону.

— Тяжеловато на плечах, но идти можно.

— Тяжеловато, как и все заботы этого мира, Эндри. А как, кстати, твоя девушка?

— Не очень, сир.

— Любите друг друга?

— Да.

— Тогда ей повезло, да и тебе тоже. Вот принцесса Сентерри и виконт Коссерен. Нет между ними никакой любви. Мне говорили, она заставляет его заниматься с ней любовью шесть раз за ночь, затем выгоняет его из комнаты и велит спать на полу.

— Конечно, нет любви, сир.

— Иногда он спит на земле возле ее шатра.

— На земле, где сплю я, нет никакого шатра.

— На балу, Эндри. Такая кудрявая... Ты с ней не?..

— Нет, сир. У меня есть возлюбленная, которой я верен.

— Так вот ты какой. Она же холодная как лед, пьет кровь и притом мертва.

— Но она нуждается во мне. Она не видит, больна и должна спать весь день и всю ночь в пустой повозке. Говорят, любовь слепа, маршал Эссен.

— Тогда графине тоже нужны очки, Эндри. Уоллес хвастается всем, кто его слушает, что он переспал с кухаркой в одной комнате отдыха, желая попасть в другую, где его ждала графиня.

— Единственная причина, почему еще никто не вырвал его сердца, состоит в том, что их сложно найти из-за маленького размера, сир, — пробормотал Эндри. — Так как же быть, если всякая любовь столь безнадежна?

— О, не любая. Капитан Гилврэй и старейшина, очевидно, спали вместе прошлой ночью.

Эндри вытаращил глаза, сглотнул и стиснул зубы. Заговорить он смог не сразу.

— О да? — ответил он. — Ну, теперь есть настоящая любящая пара. У обоих не было возлюбленных, а ведь они замечательные и обаятельные люди. Да не оставит их Удача.

— Сыграем что-нибудь, парень?

— Конечно. Может, ты на волынке? Я возьму ребек. «Зеленый маршал Молния», сир?

— Не-е, парень. Давай-ка что-нибудь новое в честь капитана и его женщины.

— О да, придумаем мелодию и назовем ее «Радость капитана Гилврэя».

Когда на следующий день рекконы отправились в путь, тело Веландер осторожно уложили в повозку, которой правил Уоллес. Было еще пять других запасных телег, управляемых гвардейцами Сопровождения Путешествий, и Сентерри сидела в новом экипаже, предоставленном местным королем. Уоллес начал пользоваться популярностью среди рекрутов, поскольку он использовал минимальное количество ингредиентов и посуды и готовил мясо вкуснее, чем любой другой повар императора. А теперь, после порки, о нем стали говорить еще чаще.

Во время каждой остановки, пока лошади отдыхали, Эндри совершенствовал свои навыки владения топором и копьем, и, когда он уставал, маршал и Ларон продолжали обучать его этикету и различным правилам поведения. Уоллес также принимал непосредственное участие в образовании Эндри, а тот, в свою очередь, стал помогать Уоллесу в овладении искусством верховой езды. Однако Уоллес не переставал жаловаться, что мешало проведению занятий.

— Я получил пять плетей, представь себе, — говорил Уоллес, когда Эндри вел его лошадь по кругу. Они остановились, чтобы Сентерри могла поговорить со служащим из провинции, принесшим петицию.

— Если бы ты получал по пять плетей каждый раз, когда ты об этом говоришь, сейчас у тебя было бы уже пять тысяч плетей, — сказал Эндри.

— Я и чувствую это как пять тысяч плетей.

— Уоллес, может, хватит уже? Я получил пятьдесят плетей, но я не скулю.

— Да, но у меня это было в первый раз!

— Так от этого больнее, что ли?

— Да!

— Давай держись веселей, женщины будут восхищаться твоей выдержкой.

— Выдержкой? После пяти жалких ударов плетью?

— Я могу устроить...

— Нет!

— Уоллес, что ты рассказал о нас графине?

— А, графиня, я думал, ты уже и не спросишь. Под ее юбками открылись врата рая, на ней вообще не было нижнего белья — так сейчас модно в Глэсберри.

«Мне тоже предоставлялась возможность это узнать», — подумал Эндри, но просто улыбнулся и кивнул.

— О Эндри, муж совсем не обращает на нее внимания, а мысль о том, что она лежит с героем битвы у Кловессера, пробуждала в ней такую страсть...

— Я спросил, что ты ей рассказал, а не о том, какая она в постели!

— О, пустяки, я лишь приукрасил самую малость, и то, что я рассказал, было не так уж далеко от правды.

— Вероятно, только то, что ты — переодетый придворный, и поездка наша — совсем не то, что кажется, и касается Стены Драконов и каменных кладок, а ты желаешь отомстить за смерть императора, а Сентерри хочет сделать гораздо боль-

ше, нежели просто временно управлять Логъяром, а империю ждут великие потрясения, так как она стремится превратить Логъяр в средоточие своей силы на юге, и...

— Ты подслушивал!

— Я бы не стал, но ты предсказуем, как восход солнца, но едва ли столь же красив. Уоллес, ты понимаешь, если она поверит даже в десятую часть всей той ерунды, которую ты наговорил, может начаться ни много, ни мало — война!

— Что? Никогда! Кто воспримет ее серьезно!

— Принц Валиос, третий из наследников императорского трона Саргола, для начала! Графиня — одна из его самых доверенных и надежных шпионок.

Уоллес открыл рот, желая ответить, но тут же закрыл его: в голове стали возникать разные мысли о возможных последствиях его трепа две ночи назад. Лошадь, которую вел Эндри, еле передвигала ноги. Уоллес практически отпустил поводья. Он так и ехал с открытым ртом. Туда залетела муха. Уоллес закрыл рот, фыркнул и выплюнул ее.

— Тебе повезло, если графиня просто хотела провести ночь с каким-нибудь выделывающимся болваном, — сказал наконец Эндри.

— Может, если она пользуется известностью как шпионка, она подумала, что я пытался снабдить ее неверной информацией, — с надеждой произнес Уоллес. — Она почти не обращала внимания на мои слова.

— А если она поверила, тогда — как однажды сказала старейшина Терикель — о последствиях лучше не задумываться.

Рекконы, почти не отдыхая, прошли семьдесят миль до границы между Фертеллианом и Кейпфангом за один день, затем немного сбавили темп. Сентерри собиралась встретиться с как можно большим количеством местной знати и желала постоянно быть на виду. Кейпфанг был самым южным

регионом империи. Его восточная часть изобиловала равнинами и лесами, где стояло множество городов, ферм и замков, между которыми пролегали хорошие дороги. Западная часть была гористой и труднопроходимой. Столицей был Логьяр, находящийся на юго-западе материка. Из-за своей удаленности Логьяр оказался недоступным даже для завоевателей: на него никогда не нападали. Поход на этот город для войск был долгим и утомительным, и, если бы кто-то решил все же решил отправиться сюда, это вызвало бы крайнее неудовольствие местных жителей. Сентерри собиралась завоевать новые провинции своим обаянием, но задача оказалась не из легких. Давно на эту землю не ступала нога члена императорской семьи. Когда-то сюда заявился один принц, привел армию и потерял пятьдесят тысяч убитыми. Тогда он отправился вместе со своими людьми в горы, желая подчинить себе менее крупный регион... с тех пор о нем ничего не было слышно.

Теперь Стена Драконов находилась всего лишь в ста милях от них. Оранжевая полоса мерцала на голубом небе днем, а поздно вечером свет заходящего солнца гас неестественно долго. Веландер все время проводила в повозке, но люди чувствовали такое облегчение, не видя ее, что с радостью позабыли о ней. Расспросы о Веландер были чреваты перспективой стать ее новой жертвой. Некоторые говорили, что она больна и умирает. Большинство надеялось: так и есть.

Было достаточно и других поводов для беспокойства. Например, тюрьма местного гарнизона была забита до отказа — множество бандитов просто мечтали в нее попасть. Сентерри и ее приближенным сказали, что огромный дракон ростом в сто футов проглотил разбойника целиком. Терикель в сопровождении рекконов отправили на расследование этого случая, и она выяснила: слухи были чрезмерно преувеличены.

— Следы длиной в пять футов и сломанные ветви деревьев свидетельствуют о росте дракона лишь в двадцать девять футов, — сообщала она Сентерри, Ларону и Гилврэю.

— Двадцать девять футов, — повторил Ларон, стараясь запомнить эту цифру.

— Ах, вот еще что. По наброскам, сделанным по рассказам тех, кто видел его, ясно, что у него были слабые, маленькие, длиной в семь футов, крылья и длинная шея. Смотрите сюда, на бумагу.

Рисунки стали передавать из рук в руки. Как и ожидала Терикель, принцесса и два ее капитана выглядели скорее смущенными, нежели испуганными, когда рассматривали наброски.

— Кажется, их сделал человек, который никогда не мог хорошо изобразить дракона в школе, — сказал Гилврэй.

Пятерых гвардейцев Сопровождения Путешествий и Эссена послали по следам дракона, но они нашли всего лишь гору чего-то, похожего на навоз. То, что они сначала приняли за экскременты гиганта, оказалось тремя истлевшими телами, которые рассыпались при прикосновении. Тогда гвардейцы отказались идти дальше. Не то чтобы преследовать дракона оказалось сложно, но нежелание Эссена продолжить путь стало подходящей причиной для возвращения.

— Никогда не видел таких трупов, — рассказывал потрясенный Эссен Эндри и остальным рекконам после доклада Гилврэю. — На их лицах застыл ужас.

— Думаю, и я бы немного расстроился, если бы меня заставили смотреть в задницу огромной птицы-дракона изнутри, — сказал Дэнол.

— Говорят, люди, подобные этим, сошли с гор из-за Стены Драконов, — заявил Сандер. — Девица из таверны, с которой я болтал прошлой ночью, говорила, что животные с чувствительностью к эфирной энергии не любят их.

— Почему же? — спросил Эндри.

— Она сказала, их жизненная сила сразу же исчезает, сир. Бамс — прямо как удар молнии, и все.

— Она это видела?

— Ну нет, но она частенько проводит время с одинокими мужчинами-путешественниками, и один из них был помощником мага шестого уровня. Он рассказал, что его учитель стоял прямо под магической завесой в небе. Учитель направил свое заклинание на крысу и на Стену Драконов одновременно. Раздался взрыв.

— Это было из-за заклинания?

— Наверно, заклинание и крыса вместе. На всех, кто наблюдал, полетели комки грязи.

— Взрывающаяся крыса? А маг что?

— Все нормально, сказал он. Взрывается только из-за активных, действующих заклинаний. Маг может пройти через небесный занавес, и ничего не случится. Если направить туда птицу и прикрепить к ней управляющее заклинание, то повсюду полетят обуглившиеся перышки и жареное мясо. Незаколдованная же птица может спокойно миновать Стену, по его словам. Потом он сам шагнул внутрь.

— Не рассказывай дальше, — сказал Эндри. — Помощник мага шестого уровня посвящения попробовал провести эксперимент с птицей побольше?

— Э-э-э, тот помощник мага находился на достаточном расстоянии от места второго опыта. Очевидно, после этого отменили ежегодную миграцию гоблинов. У них там был наблюдатель. Он все видел.

Глава 6
Школа драконов

На пятый день после выхода из Глэсберри Гвардия Сопровождения Путешествий увидела горы Кейпфанг. Это была изувеченная горная цепь, вся изрезанная остроконечными вершинами и крутыми хребтами, в которой практически не было гладких, округлых склонов. Повсюду лежал снег, а западный ветер пронизывал до костей. Позади гор виднелся гигантский вихрь оранжевого цвета — Стена Драконов, увенчанная огромной радугой.

Они шли по главной дороге на юго-запад, когда наткнулись на местный патруль, рассматривающий пять темно-коричневых предметов цилиндрической формы. Два из них были коровой с теленком, но трое других, казалось, были во что-то одеты. Гилврэй остановил коня и наклонился, желая поговорить с начальником патруля, пока Эссен, Эндри и Терикель осматривали тела. Эссен начал тихо напевать:

Жила-была старушка,
Она проглотила корову,
Я не знаю, как
Она проглотила корову...

— Семифутовый клюв, наверно, тут поработал, — сказала Терикель, протыкая палкой рассыпающееся тело.

Подошел Гилврэй с пожилым начальником патруля, и тот взмахнул топором в направлении одного из тел.

— Это был Блондариан по кличке Вор, — объяснил он. — По светлым волосам видно. У некоторых такой оттенок каштановых волос. Его разыскивали за воровство и грабеж. Частенько добывал кусок хлеба разбоем на дорогах, но предпочитал воровать.

— А те двое кто? — спросил капитан Гилврэй.

— Не так-то просто сказать, но вот что. У них был еще четвертый, но мы поймали его в прошлом месяце, суд велел его повесить за воровство.

— Та птица-дракон просто огромная, — сказала Терикель, проверяя какие-то цифры, записанные на тростниковой бумаге. — Следы длиннее шести футов.

— Хотелось бы знать, сколько их тут было?

— По моим подсчетам, минимум трое. Кажется, они выходят на охоту ночью и едят только то, что замечают. Например, коров, телят, овец, пастухов, разбойников во время их ночных вылазок в поисках припоздниившихся путников.

Эндри достаточно насмотрелся на аристократов из командования Сопровождения Путешествий, пока был делегатом рекконов. Он заметил напряженные отношения не только между Сентерри и Коссереном, но и между Гилврэем и Ларoном. Оба капитана всегда ехали возле экипажа принцессы Сентерри, но никогда не разговаривали друг с другом, даже если была возможность. «Ревнуют Терикель», — догадался Эндри. Ларон на его памяти ни разу не флиртовал со старейшиной, но сейчас стало ясно, что он мог испытывать к ней не просто дружеские чувства. Коссерен всегда ехал перед экипажем, а принцесса проводила большую часть времени за рассматриванием окрестностей из маленького заднего окна. Коссерену нравилось ехать впереди и нравилось, что за ним в этот момент наблюдают, поэтому он выглядел вполне счастливым до тех пор, пока не приходилось остановиться. Сентерри же, казалось, было грустно все время.

На восемнадцатый вечер их пути Эндри лег спать вскоре после захода солнца, устроившись на простыне и под одеялом, которое когда-то служило покрывалом на кровати в Доме Отдохновения мадам Джилли. Веландер вылезла из повозки и на ощупь нашла Эндри, расположившегося на своем одеяле между колесами.

— Какие края с оборками, — заметила она. — Странное одеяло для солдата.

— Подарок мадам Джилли из Палиона за спасение Терикель, — засмеялся в полусне Эндри. — Оно очень теплое.

— Эндри, ты один?

— Рядом никого нет, — ответил Эндри.

— Хорошо. Знаешь... я не подходящая возлюбленная. Холодная кровь, больная, мертвая, слепая. С каждым днем все слабее. Загляни в рот. Клыки шатаются, почти выпали. Когти тоже. Однажды стану просто горсткой пыли. Превращусь в горстку пыли, а рядом будет зеленый камень. Если ты окажешься поблизости, возьми камень, разбей его топором.

— Я разговаривал с Лароном. Он носит такой же камень. Он сказал...

— В нем душа. Если разобьется, душа освободится.

— Веландер!

— Обещаешь?

— Так ты действительно хочешь покончить со всем этим?

— Да. С твоей помощью.

Веландер, не отпускающую язвительных замечаний, было как-то непривычно видеть, но Эндри понравилась такая перемена в ее поведении. Проблема состояла в том, что, казалось, она все время испытывает боль и на самом деле день ото дня становится все слабее. Больше не было историй об ужасных убийствах в Глэсберри, не было разорванных шей, не было истекающих кровью тел людей, распростертых на улицах. Все указывало на то, что болезнь подходит к концу, а с ней и сама Веландер.

— Вот еще что, — заявила Веландер, протягивая к нему руку. Он взял ее в свою. Но руки обоих были очень холодными и слабыми. — Я люблю тебя, но... если другая симпатичная девушка скажет, что ты ей нравишься, не отказывай ей.

— Веландер! Нет...

— Послушай! Как я уже говорила, я не подходящая возлюбленная. Но я люблю тебя. Верю, что заниматься любовью приятно.

— О да, люди мне часто об этом говорили.

— Тогда не отказывай девушке! Ради меня! Я не ревнивая. Ненавижу ревнивую.

— Думаю, ты имеешь в виду ревность, ты путаешь понятия, которые Терикель называет существительными и прилагательными.

— Ненавижу ревность, это разрушило мою жизнь.

Эндри не нашелся, что ответить.

— Веландер?

— Да?

— Ляг рядом со мной.

— Но... Эндри, зачем?

— Укрой нас одеялом.

— Нет! Не заниматься любовью. Тогда я потеряю контроль над собой. Убью тебя.

— Я так и думал, но мы просто будем лежать в объятьях друг друга в одежде и спокойно спать.

— О... э-э... у меня нет слов, — произнесла Веландер, тронутая до глубины души.

Некоторое время они тихо лежали. Веландер положила руку Эндри на грудь, прислушиваясь к ударам его сердец. Наконец она расшнуровала тунику, взяла руку Эндри и дотронулась ею до своей мягкой, гладкой, но очень холодной груди.

— Все для тебя, хотя и немного, — сказала она. — Проблемы, проблемы, вечно эти чертовы проблемы!

— У всех есть проблемы, — ответил Эндри. — Мы любим друг друга.

— Да. У других много проблем, нет любви.

— Я заметил, что Ларон и другой капитан не разговаривают друг с другом, — сказал Эндри.

— Капитаны обожают принцессу. Виконт занимается любовью с принцессой. Иногда. Это причиняет им боль.

— А как принцесса Сентерри относится к ним? — спросил Эндри, который внезапно забыл о своих чувствах и ощутил себя мышкой, которую бросили в колодец.

— Соблазнила Ларона. Он спас ее, когда она была пленницей... нет, рабыней. Она испытывала к нему благодарность.

— Ну это понятно.

— Принцесса пыталась полюбить Ларона. Я тоже... но не вышло.

— Но... кажется, у него есть все! Привлекательная внешность, приятные манеры, деньги, звание!

— Ларон... черт! Как называется старик, которому все время что-нибудь не так?

— Капризный.

— Да!

— Но Ларону всего лишь пятнадцать лет.

— Ларону семьсот лет.

— Он мне рассказывал эту историю, но я не верю в нее.

— Это правда. Сентерри мила, молода, красива. Но... не очень умна.

— Правда? Я думал, все принцессы очень мудры.

— Ха! Добродушные, но неглубокие, всего лишь эмоциональные. Немногие мужчины это замечают. Не очень-то и хотят. Ларон был повсюду, сделал все. Очень устал от мира. Совсем не терпеливый с ней, со мной. Лишенный сил. Как старый, древний человек.

— Думаю, в этом что-то есть, — произнес Эндри, обдумав то, что рассказала Веландер. — Ларону трудно объяснять что-то, он всегда считает, что прав.

— Только молодые верят в любовь, Эндри. Ты, я — мы молоды. Ларон нет. Эндри, хочу сказать кое-что личное. Прошу тебя держать это в тайне. Пожалуйста.

— Обещаю.

— Сначала он презирает тебя. Потом терпит тебя. Затем восхищается тобой. За тридцать дней ты превращаешься из вонючего, пьяного моряка в дворянина, имеющего право носить герб принцессы. Вряд ли только из-за выпивки. Мне так кажется. Эндри, я последую твоему примеру. Взгляни в мою душу, увидишь зло. Сентерри думает, Веландер слаба, глупа, на нее не стоит тратить времени. Если не обращать на себя внимания, что это такое? Опускаться. Не мыться. Носить грязную одежду, охотиться на пьяных. И с тобой что-нибудь сделать.

— Ты же себя погубишь.

— Могу питаться животными. Если даже и так. Сейчас вопрос. Экипаж сгорел, остались только рекконы, причем в сложном положении. Ты нападаешь на прозрачного дракона, желая спасти рекрутов — простых людей. Затем идешь ко мне, грязный, пьяный враг.

— Это был мой долг...

— Гормоны у тебя заиграли в яичках?

— Думаю, ты имеешь в виду яйца.

— Да, яйца! Поэтому?

Эндри ответил не сразу. У него были свои причины, о которых он никогда не задумывался прежде. Вспоминая, Эндри заметил, что его рука стала неметь от холода, исходящего от правой груди Веландер.

— Ну... как-то раз я был в порту Альберина, работая на погрузке. Внизу я увидел грузчика, спустившего с поводка своего пса, который бросился на кошку с котятами. Я тут же

кинулся туда, но кошка и котята были уже мертвы. Кошка могла бы убежать, но не тронулась с места. Я убил пса большим ножом, потом нашел грузчика и раздробил ему локоть. С тех пор он не смог больше работать в порту. Затем я заставил его съесть свою собаку. Сырое мясо. Все за один присест. Сейчас он драит полы в таверне «Корабельный червь» и никому не смотрит в лицо. Когда я бился с прозрачным драконом, я представил себя той кошкой-матерью. Надеюсь, ты меня понимаешь.

— Ох. Так ты любишь кошек?

— Я... уф... да, можно так сказать.

— Я тоже.

— О, у нас много общего, — засмеялся Эндри. — Я бы попросил тебя выйти за меня замуж, но тогда тебе нужно пообещать, что не воспитаешь из детей демонов.

— Да, я обещаю, — просто ответила Веландер.

Наступило молчание, которое долго никто не решался нарушить. «Даже красноречивому человеку было бы трудно найти, что сказать», — подумал Эндри.

— Эндри, у меня есть все. Красивый мужчина, который лежит рядом со мной и просит выйти за него замуж. Я люблю и любима. Это все, чего я могу хотеть. Теперь пора остановиться. Зло. Стыдно. Во снах до сих пор убиваю. Каждый день становлюсь хуже.

— Веландер, если есть что-то, что я могу сделать, скажи мне.

— Все, что можешь, ты делаешь.

Гилврэй и Терикель исчезли почти сразу, как Сопровождение Путешествий прибыло в Карунзель. Это было не очень хорошо с их стороны, поскольку на вторую ночь намечался бал в честь приезда Сентерри в ее новое владение. Принцесса назначила Ларона командиром Гвардии Сопровождения

Путешествий в отсутствие Гилврэя, о чем ему незамедлительно сообщили по возвращении. Это вызвало раздражение у капитана, однако он воспринял такую меру наказания как закономерное последствие любовной связи с Терикель и не стал противиться. Поскольку за последнее время рекконы и гвардейцы ничего героического не совершили, никто из них не был приглашен на праздник. Лишь Ларон стал исключением, являясь самым старшим по званию, но он пришел один, без пары, вежливо отвечал всем, кто с ним заговаривал, ни разу не танцевал и рано покинул бал.

На следующее утро Эндри и Уоллес поехали в повозке на один из рынков в Карунзеле, желая запастись продовольствием на остаток пути. К тому времени репутация Уоллеса как отменного повара не вызывала сомнений даже у Сентерри, и он подготовил длинный перечень того, что следовало купить, а также взял с собой деньги.

— Хорошее масло, масла из Карунзеля никогда не бывает много, — произнес Уоллес, ставя шестой большой кувшин в повозку.

— Особенно если тебя собираются немного поджарить за разбалтывание секретов известному шпиону, — ответил Эндри.

— Может, заткнешься уже? Что еще? Масло для ламп, смешанное с разными травами.

— Масло для ламп и травы?

— Такой состав в местах большого скопления народа отпугивает мошкару, причем обладает очень приятным ароматом. Принцессе он особенно нравится.

Уоллес снова растворился в толпе, оставив Эндри присматривать за тележкой. Рядом шныряли какие-то подозрительные типы. Эндри запоминал их внешность, бросая искоса взгляды в их сторону. Эндри поймал себя на том, что постоянно за кем-то наблюдает, и пожалел, что не взял с собой Костигера: тогда появилась бы возможность все рассматривать и обсуждать одновременно.

— Брат Теннонер!

Эндри так увлекся поисками подозрительных типов с невинным видом, что не заметил приближения четырех действительно безобидных личностей, хотя на одном из них и были сильно затемненные очки, а рукой он почти все время прикрывал рот.

— Вильбар, вот кого я давно хотел видеть! — воскликнул Эндри. — Давай, залезай в повозку, садись рядом со мной и наблюдай за всяким мусором.

Вильбар залез, и те, кто бродил возле телеги, полностью потеряли интерес к происходящему.

— Брат, мы слышали, принцесса вскоре прибудет, и надеялись увидеть тебя вместе с ней, — сказал Вильбар.

— И старейшину Терикель тоже, — заявил Мэбен, запрыгивая внутрь и размахивая рукой, словно спрашивая разрешения немедленно ринуться раскрывать все тайны.

— У нас нет денег, — сказала Риеллен. Эндри, глянув вниз, обратил внимание, что она была одета как мальчик, и даже подстригла волосы до плеч. — Мы хотели бы знать, дозволяет ли нам старейшина отправиться в Логьяр вместе с Гвардией Сопровождения Путешествий.

— Что? — воскликнул Эндри. — Революционно настроенная группа студентов в свите пятого по счету наследника императорского трона?

— Мы противостоим не королевской власти, а магическому сообществу, — объяснил Аллэн.

— Мы не противостоим императорской власти, — добавила Риеллен.

— Мы бы встали на ее защиту! — крикнул Мэбен, взмахивая ножом величиной примерно в треть его роста.

— Вы уверены, что не одержимы идеей совершить что-нибудь противозаконное с каменной кладкой возле Логьяра? — подозрительно поинтересовался Эндри.

— Мы хотим стать студентами академии в Логьяре, — сказал Вильбар. — Брат Мэбен говорит, мы все можем остановиться у его родителей. Они живут там.

— Слушайте, я не в силах остановить вас, а госпожа Терикель уехала с капитаном Гилврэем две ночи назад. Я могу поговорить с капитаном Ларoном; но если он откажет, то все.

Через три часа с покупками было покончено благодаря самоотверженной помощи студентов. Уоллес был в восторге, поскольку снова получил возможность командовать, и активно поддерживал идею взять студентов с собой. Однако Уоллес по-прежнему оставался последним, к чьему мнению прислушивались. Эндри провел Уоллеса и студентов в комнату в дворцовом комплексе для гостей, где остановился Ларон.

— Обилие роскоши, и все заработано потом и кровью угнетенных крестьян, — пробормотал Вильбар, поднимаясь по спиральной лестнице и оказываясь на мозаичном полу, на котором изображалась мифическая сцена превращения первого прозрачного дракона.

— И явные искажения исторических реалий, — присвистнула Риеллен.

— Хватит уже! — сказал Эндри, приложив палец к губам. — Если вы хотите помощи со стороны императорской семьи, ведите себя с вежливо.

Они свернули в широкий коридор, устланный коврами, и остановились у двери, на которой на золотом крючке висела гравюра с гербом Ларона. Подняв руку, чтобы постучать, Эндри услышал сердитые голоса, доносившиеся оттуда.

— Я останусь в рядах Гвардии! — настаивала женщина, говорившая по-диомедански.

— Мы путешествуем, придерживаясь определенных правил, и нам нужна полная безопасность! — закричал в ответ Ларон. — В целях безопасности приказ главнокомандующего Гвардией Сопровождения Путешествий обсуждению не подлежит.

— Я могу назначить нового командующего!

— Давайте... Ваше Высочество.

Нависла такая многозначительная пауза, что страшно было ждать, когда же она наконец разродится. Помощь акушерки была бы очень кстати. Казалось, рука Эндри постучала сама по себе.

— Войдите! — тут же крикнул Ларон, очевидно, раздражаясь из-за незваных гостей. Эндри нажал на металлическую ручку, и дверь отворилась. Ларон, принцесса и один из ее слуг стояли на расстоянии шага друг от друга и смотрели на него. — Заходи, заходи, мы не на церемонии, — громко сказал, улыбнувшись, Ларон. — Эндри, ты встречался с Ее Императорским Высочеством принцессой, но, вероятно, с ее фрейлиной еще нет. Разреши представить тебе великолепную Долвьенн, обладательницу титула «Защитница монаршей спальни» и, очень возможно, следующего командира Сопровождения Путешествий.

Эндри поймал себя на том, что у всех на глазах нервно трет руки. Он с силой сжал ладони вместе и поклонился принцессе, словно молился богу реки Альбер. Студенты, стоявшие позади, последовали его примеру: поклонились и снова выпрямились.

— Сир, рад сообщить вам, что добровольцы, прикрепленные в помощь рядовому третьего класса Уоллесу Бейкеру, ответственному за приготовление пищи для Ее Императорского Высочества в пути, прибыли!

— Студенты? — тихо спросил Ларон.

— Да, сир.

— Не военные?

— Нет, сир.

— Гвардия Сопровождения Путешествий является военным подразделением. Только воины могут быть в ее рядах.

Эндри заметил, что принцесса Сентерри неотрывно смотрит туда, где он стоит, но избегает встретиться с ним глазами. «О нет, она по-настоящему ценит только Уоллеса, — подумал он. — Хотелось бы знать, сколько мы протянем в кипящем оливковом масле?»

— Сир, — отрывисто произнес Эндри. — Я объяснял Уоллесу Бейкеру, рядовому третьего класса, что он находится на военной службе, сир!

— Ответ — «нет», ты свободен.

— Подожди! — закричала Сентерри, до сих пор не спускавшая глаз с Эндри. — Эй, вы четверо, это вы помогли моим рекконами уйти из Кловессера?

— Да, прекраснейшая и мудрейшая принцесса, — сказал Вильбар, стоявший за Эндри.

— Тогда, прошу принять мои извинения, я все еще вас не отблагодарила. Так чего же вы хотите? Каждому по золотой кроне или мои письменные рекомендации герцогу города Карунзель? Или, может, еще что-нибудь?

— Отправимся в Логьяр с вашим отрядом, Ваше Высочество, — ответил Вильбар.

— Это все? Конечно, вы можете поехать со мной в качестве моих гостей. Хотели бы вы помогать ловкому повару? Я уверена, вы не разочаруетесь, узнав новые способы приготовления разных блюд. Все в порядке, капитан Алиасар?

— Замечательно, Ваше Высочество, — ответил Ларон, и ни один мускул не дрогнул на его лице.

Когда они вышли из покоев Ларона, Сентерри молча поманила остальных за собой. Она привела их в свою гостиную и закрыла дверь. Взяв Аллэна за руку, принцесса пошла с ним по зеркальном полу. Эндри заметил, что юноша был практически одного роста с Сентерри, хотя из-за своей груди и бедер она казалась в два раза шире. Его волосы почти не отличались от ее локонов каштанового цвета, только волосы Аллэна были короче: они доходили ему только до плеч. И последний раз их мыли еще в Кловессере.

— Думаю, мне нужно подстричься, Долвьенн, — сказала нараспев она. — Молодой человек, как вас зовут?

— Мое имя — Аллэн Аллек.

— Ваше Высочество, мне уйти вместе с рядовым третьего класса, Уоллесом Бейкером? — спросил Эндри, отчаянно надеясь узнать какой-нибудь секрет высочайшей важности, связанный с безопасностью императорской фамилии. — Еще четыре телеги нужно загрузить продовольствием, ведь завтра мы отъезжаем.

— Бейкер, иди. Теннонер, останься.

Когда Уоллес ушел, Сентерри обратилась ко всему отряду, показывая рукой на Долвьенн.

— Аллэн, иди и прими ванну, Долвьенн вымоет твои волосы и уложит так же, как и мои. Она причешет и надушит их, и никто не отличит твои волосы от моих. Потом тебе принесут что-нибудь простое и просторное из моей одежды, и Долвьенн научит тебя ходить так, как хожу я. Мне очень не нравятся те дворяне, которые отправились со мной в путь, за исключением Долвьенн, я бы лучше провела время среди повозок с продовольствием. Одними из самых замечательных людей, когда-либо повстречавшихся мне, были обычные крестьяне. Иногда мне приходит в голову, а не отравляет ли душу дворянский титул сам по себе... Но хватит уже философствовать. Аллэн, веди себя, как я, тогда заработаешь право для всех своих друзей путешествовать под моей защитой. Ты согласен?

— Да, Ваше Высочество, — тут же ответил Аллэн.

— Великолепно. В свою очередь, ты сможешь провести две восхитительных недели, общаясь с очаровательной Долвьенн в роскошном королевском экипаже. Теперь все, кроме Аллэна, свободны.

Никто не проронил ни слова, пока они не миновали спиральную лестницу.

— Мудрейшая и Прекраснейшая принцесса, да? — спросила Риеллен, когда все спустились.

— Она — принцесса народа! — утверждал Вильбар. — Как она сама сказала, она возвращается к людям, чтобы вернуть свое доброе имя в их глазах...

— Справедливейшая и Сиятельнейшая принцесса, да? — прервала его Риеллен.

— Да хватит уже, вы двое! — оборвал их перебранку Эндри. — Ваше прибытие в Логьяр зависит от воли принцессы Сентерри. Если она изволит поменяться именем, одеждой и... и... и...

— Полом? — подсказал Мэбен, помахав рукой.

— Да, и полом с Аллэном, вам придется потакать ее желаниям, пока городские стены Логъяра не окажутся далеко позади. До тех пор не перечить — и не раскрывайте рот, если вас не спрашивают!

Карунзель находился на краю невысокого, но крутого склона гор Кейпфанг, и когда Гвардия Сопровождения Путешествий проезжала через городские ворота под радостные приветствия местных жителей, вид им открылся потрясающий. На Сентерри был, как обычно, шарф, который предохранял от солнечных ожогов ее нежную кожу, однако оставлял незащищенными каштановые волосы. Всю дорогу она благосклонно помахивала рукой всем лачугам, протянувшимся за городскими стенами.

Тем утром вернулся Гилвраэй и, хотя выглядел очень уставшим, принял командование Гвардией Сопровождения Путешествий. Терикель решила остаться с магами и волшебниками Альпенфаста, о чем и сообщила. При этих словах Ларон поспешно прикрыл рот рукой, желая скрыть улыбку. Как обычно, рекконов послали вперед, а с ними крытую повозку и то, что Уоллес называл «приютом гурмана». Когда принцесса решила разбить лагерь на открытой местности, им пришлось пройти еще полмили, опередив Гвардию Сопровождения Путешествий и королевский экипаж, устроиться на выбранном месте, разбить шатры, разложить спальные мешки и устроить навесы, и перекусить, ожидая прибытия всех остальных. Когда показался экипаж, Аллэн замахал рукой в знак приветствия, продолжая разговаривать с Долвьенн.

— И вот, Риеллен и я откололись от кловессерской группы освобождения и образовали народное движение «За доступность магического знания». Через месяц у нас появились последователи, поэтому мы слились с «Новым союзом сту-

дентов прикладных наук», который состоял из трех человек, и создали группу магических замыслов и общих оккультных планов.

— Ты, должно быть, очень умен, если запомнил столько сложных названий, — заметила Долвьенн.

— Эй... ты мне льстишь! — негодующе воскликнул Аллэн.

— В придворных кругах это называется «любезно себя вести». Кто-нибудь на моем месте...

— Нет, нет, нет, твое место — это заниматься подготовкой государства.

— Как это?

— Ты должна сказать мне то, что ты действительно думаешь.

— Мое мнение? Кого волнует то, что я действительно думаю?

— Твое мнение не менее важно, чем мое, как и мнение принцессы, старейшины или делегата рекконов. И... э-э... кто имеет самый низкий социальный статус... определенный государством?

— Рядовой Уоллес Бейкер.

— О да, и его мнение тоже. Итак, каково ваше мнение, леди Долвьенн?

— Мое мнение? О чем?

— О, о чем мы говорили... что ты думаешь обо мне, когда не пытаешься льстить?

— Я думаю, что ты действительно умный и целеустремленный человек.

— Э-э-э... Спасибо.

— И очень наивен. Ты говоришь о государственной измене и намереваешься разрушить монархию. Я могла бы доложить о тебе, и тебя бы повесили...

— Нет, нет, нет, нет, у королевского дворца есть свое место: он — символ империи. Но истинная власть должна быть у мнения народа.

— Чьего мнения?

— Народ. Народное мнение. Мнение тех, кто был избран народом.

— Кого?

— Всех!

— Даже крестьян?

— О да.

— Безумие! Крестьяне — невежи.

— Так вся остальная знать и правители являются мудрыми людьми?

Долвьенн вспомнила принцессу перед тем, как дать ответ:

— Одни мудрее других. Но крестьяне — все невежи.

— Я тоже?

— О нет, — тут же ответила Долвьенн. — Ты мог бы быть благородным. Наверно, гвардейцем, если бы научился сражаться.

— Мой отец был кузнецом, а моя мать — прачкой.

— Да? Тогда ты наполовину ремесленник и наполовину крестьянин. Вероятно, ты мог бы стать маршалом, орущим на крестьян. Маршал Аллэн — это звучит неплохо.

— Нет! Любой в силах сделать то, что захочет! Народ должен судить по заслугам. Госпожа, а вы могли бы быть... принцессой.

— Какая нелепость! У меня нет способностей к управлению государством.

— Еще меньше способностей, чем у вашей принцессы?

Долвьенн задумалась. Еще никто прежде не предполагал, что она может быть могущественнее принцессы, хотя принцесса почти всегда интересовалась мнением Долвьенн, и, когда не следовала ее совету, происходили беспорядки, неудачи, бедствия и даже катастрофы.

— Расскажи еще что-нибудь, — сказала Долвьенн.

— У меня с собой, здесь, под одеждой, несколько брошюр, написанных моей рукой, — сказал Аллэн, роясь в складках и оборках юбок в поисках своих сочинений.

— О, как интересно.

— Ты еще их не читала.

— Я имею в виду, у тебя неплохие ноги.

— Здесь заканчивается безопасная территория, — сказал Гилврэй, проезжая через ворота Карунзеля с Коссереном и Ларoном, который скакал чуть поодаль. — Перед нами — пойма реки Рейсвотер, а в шестидесяти милях отсюда — форт Мизери.

— Очень приятное место, — произнес виконт Коссерен. — Но путешественники обычно так устают, добравшись до этого места, что называют его...

Коссерен умолк, увидев перед собой лица с каменным выражением.

— Пройдя еще шестьдесят миль, мы окажемся на полностью незащищенной местности, где не будет никакого прикрытия, — продолжил Гилврэй. — Река Рейсвотер омывает крутые предгорья на западе. Через нее есть мост. Река также протекает мимо протектората Альпенниен, который является наиболее дальней территорией империи. Пропустим поворот, пойдем немного дальше и окажемся в Логьяре. Я хочу добраться до форта к завтрашней ночи, остаться там на день и отдохнуть. Дорога не из легких: будет трудно и холодно. Нам потребуется время на восстановление сил.

— Желание моей жены, изложенное здесь, состоит в том, чтобы... — Коссерен развернул свиток тростниковой бумаги и прищурился. — Сделать комплимент форту и выпить чаю с командующим, затем проехать к городу Ольвермэю и встретиться с графом... э-э... Ольвермэя. Я согласен.

— В докладах командующего гарнизоном Карунзеля говорится, что неподалеку может быть три или четыре отряда из Альпенниен, — сказал Ларон. — Здравый смысл подсказывает мне то же самое.

— Ты сомневаешься в моем здравом смысле? — негодующе воскликнул Коссерен.

— Ваш здравый смысл не подлежит сомнению, господин, — ответил Ларон.

Виконт нахмурился и некоторое время раздумывал, были ли эти слова оскорблением или нет. Гилврэй прокашлялся:

— Моя задача по доставке старейшины Терикель на Альпенфаст помешала мне прочитать доклады здешних военачальников, капитан Ларон, — сказал он. — Мне придется опираться на ваше суждение, насколько безопасной является эта дорога для принцессы. В противном случае мы потребуем остановки и вернемся к воротам Карунзеля, поскольку они еще совсем недалеко от нас, всего пара миль.

— Поэтому я должен положиться на вас, сир, — ответил Ларон.

— На меня, капитан Ларон?

— На вас, капитан Гилврэй. Вы прошли пятьдесят миль в глубь территории Альпеннием по главной дороге по направлению к Объединенным Кастелланиям. Если бы там были три или четыре отряда, вы бы их заметили. Вы заметили какие-нибудь признаки присутствия кавалерии, имеющей агрессивные намерения и продвигающейся сюда?

— Нет, сир.

— В этом случае, сир, мы продолжаем наш путь в дальше. Сообщи в Логьяр, что ничего необычного нет, все спокойно и отряды из Альпеннием нигде не замечены. Мы собираемся пересечь мост через Рейсвотер и, таким образом, появимся неожиданно, а затем без потерь вернемся в Карунзель, ведь мы не так далеко.

— Мой здравый смысл не подлежит сомнению, — пробормотал Коссерен, не прислушиваясь к разговору. — Капитан Алиасар, я спрашиваю, вы относитесь к тем людям, которые бы усомнились в моем уме?

— Честь и унижение значат многое для горных народов, — сказал Ларон Гилврэю, не обращая внимания на виконта. — Унизишь члена правящих кругов Сарголан-

ской империи, и тебя станут уважать. Получишь знаки почета — и сможешь объединить все горные территории. А объединившись, они сумеют закрыть любую дорогу от Баальдера до Логьяра и наложить дань. Тогда или разразится война, или империя будет расколота на несколько частей.

— А вас бы что больше устроило? — спросил Гилврэй.

— На самом деле, ничего, — тут же ответил Коссерен.

— Когда-то Сентерри похитили и сделали рабыней, — продолжил Ларон. — Из-за этого вожди некоторых племен уверены в ее слабости. Если бы ее снова похитили, тогда бы они узнали, насколько она слаба.

— Естественно, такого больше не случится, — твердо сказал Гилврэй.

Впереди, в телеге, названной Уоллесом «приютом гурмана», сидели рядышком Сентерри и Риеллен. Мэбен же и Вильбар примостились рядом с Уоллесом. Уоллес прислушивался ко всему, что говорят, не поворачивая лица к принцессе. К его сожалению, Сентерри чаще всего молчала.

— Хотя я и считаюсь посвященной восьмого уровня, мои навыки не уступают умениям магов девятого уровня, — рассуждала вслух Риеллен, затем обратилась к Сентерри. — Вы когда-нибудь слышали о «стеклянной крыше», Ваше Высочество?

— Нет, но думаю, ее разбила бы первая же сильная буря.

— Название — всего лишь метафора, Ваше Высочество. Это значит, что существует невидимый барьер, который не дает талантам женщины развиться в полной мере там, где всем управляют мужчины.

— Похоже на ситуацию при дворе Палиона, — вздохнула Сентерри, кое-что вспомнив. — О, как бы мне хотелось подняться ввысь подобно птице, минуя высокие стеклянные крыши или чердаки. Я бы не отказалась взглянуть вниз на своих новых подданных.

— Ваши глаза могут воспарить, Ваше Высочество, даже если ноги и останутся на земле.

— О! Как это так?

Риеллен сняла толстые очки и протерла их рукавом:

— Заклинание, образ птицы с вашими глазами.

— А как это?

Студентка вздохнула. Если начать объяснять все Сентерри, то потребовалось бы много времени, и эти тысячи слов заменила бы простая демонстрация. Она снова надела очки и стала оглядываться в поисках Эндри, затем позвала его в «приют гурмана»:

— Брат Теннонер, принц... то есть моя сестра...

— Брат! — подсказала Сентерри.

— Мой брат хочет, чтобы я произнесла заклинание и вызвала образ птицы, глазами которой мы сможем видеть как своими. Вы можете принести мне обычную птицу?

— Я велю рекконам заняться этим. Поговорю с маршалом.

Эндри подъехал к рекконам и поприветствовал Эссена.

— Те вороны, кружащие над нами, — сказал он, указывая рукой на небо. — Может кто-нибудь из рекконов принести сюда одну живьем для студентки в «приюте гурмана»? Она хочет провести опыты с заклинанием образа.

Эссен достал из сумки арбалет, взвел его, затем вынул оперенную стрелу из седельной сумки и вставил ее в специальное углубление. Вскинув арбалет на плечо, он выстрелил, даже не целясь. Сбитая ворона упала ему под ноги.

— Эй, вот птица для принцессы, а я получу обратно свою стрелу, — сказал Эссен.

— Сир! Как вы узнали? — воскликнул Эндри.

— Чутье реккона. Обостряется в сельской местности.

Эндри вручил оглушенную птицу Риеллен, которая произнесла заклинание. Ворона тут же оказалась опутана тем, что Эндри показалось тонкой сетью ярко-синего цвета, кото-

рая собралась под крыльями птицы и вскоре исчезла. Затем Риеллен направила лучи заклинания к закрытым глазам Сентерри, произнесла еще несколько непонятных для Эндри слов и резко подбросила птицу в воздух. Раздался громкий хлопок, и та стала подниматься ввысь, кружась по спирали. Ни Риеллен, ни Сентерри не сдвинулись с места. Ворона превратилась в едва различимую точку.

— Я вижу Гвардию Сопровождения Путешествий, идущую следом за нами! — закричала в восторге Сентерри. — Какой замечательный вид! Я вижу щиплющих траву овец, шляпы пастухов и город — мой город! Чудесно! О, но вта пойменная равнина очень уж ровная, на нее неинтересно смотреть. Пусть летят мои глаза к горам Альпенниен, я хочу видеть снег!

По мере увеличения расстояния Риеллен приходилось еще сильнее концентрироваться. Наступило молчание. Риеллен должна была говорить и слушать, а также направлять летящую где-то далеко магическую ворону.

— Над рекой мост, на нем много людей, — сказала Сентерри. — Это река с очень быстрым течением, перейти ее непросто. Какой большой мост! Три, нет, четыре всадника могут ехать плечом к плечу!

Риеллен полетела дальше, обратив внимание на то, что там собрались сотни всадников, готовых перейти мост через реку Рейсвотер. Также от нее не укрылось, как кавалерия разделилась на две колонны, одна пошла на северо-восток, в Карунзель, другая — на юго-восток, не придерживаясь определенного направления.

— Что-то здесь не так, — произнесла Риеллен, заставляя птицу сделать несколько кругов.

— Как-то неинтересно, — возразила Сентерри. — Все эти скучные солдаты Альпенниен в своей скучной форме.

— Форма Альпенниен? — выдохнула Риеллен.

— О да, даже я знаю о том, какие там носят плащи. Воины Карунзеля — ярко-красные, Гвардия Сопровождения Путешествий — темно-синие, отороченные красной тесьмой, и...

— Их там, наверно, сотни, тысячи! — воскликнула Риеллен, заставляя ворону взлететь вверх в поисках лучшего вида.

— Им не напугать сотню гвардейцев Сопровождения Путешествий, девочка, — отозвался с козел Уоллес. — У них нет ничего, никакого могущества.

— А они вообще должны там быть?

— Хватит уже! — воскликнул Уоллес. — Я же не солдат.

— Прошу прощения, прошу прощения! — закричал Мэбен, размахивая рукой. — Тебе платят как солдату, ты носишь форму, ты давал клятву, так что ты...

— Реккон Теннонер, иди сюда! — позвал Уоллес.

Эндри подъехал к «приюту гурмана», и тут же на него накинулись Уоллес, Сентерри и трое студентов: все заговорили одновременно. Он велел остановиться и попросил всех, кроме Риеллен, не нарушать молчания, пока Сентерри описывала то, что происходило у моста через Рейсвотер.

— За мостом — дюжины, дюжины улан! — сообщила она, ее глаза все еще были закрыты. — Все идут вверх по дороге, по четыре в одной линии. Уже сотни пересекли мост, и они разделяются на две группы. Начинается пожар в одном из домов.

— Вы уверены, это все уланы? — спросил Эндри.

— Они на лошадях, в форменных плащах и кольчугах. При себе у них длинные копья с заостренными концами. Думаю, через мост прошли уже сотни и находятся сейчас на территории Кейпфанга. Наверно, пять или шесть сотен в каждой из двух групп.

— Это же два отряда! — воскликнул Эндри.

— Я буду жаловаться кастелянам в Альпенниен! — твердым голосом заявила Сентерри.

Затем Сентерри сделала ошибку, открыв глаза. Связь с птицей оборвалась, и перед ее глазами что-то ярко вспыхнуло, и на мгновение Сентерри ослепла. Риеллен продолжала поддерживать контакт, плотно закрыв глаза и прижав ко лбу пальцы.

— Ястреб. Летит подо мной, прямо на Гвардию Сопровождения Путешествий и королевский экипаж, — сказала она. — Может, это шпион, как и я.

— Как мне попасть обратно? — спросила Сентерри, но Риеллен не обратила на нее внимания.

— Кажется, скоро уланы Альпенниен отрежут королевский экипаж от Карунзеля, — сообщила Риеллен.

— Забудь про экипаж, как же мы? — закричал Уоллес.

— Ты у меня узнаешь, ты говоришь как предатель! — закричала в ответ Сентерри, до сих пор ослепленная и не соображающая, кто говорит.

— Мы уже проиграли, — сказала Риеллен. — Мы не очень далеко ушли вперед, могли бы вовремя вернуться. Э... мост сейчас свободен, все уланы собираются обойти нас с севера и с юга.

— Все уланы, госпожа? — спросил подошедший Эссен, прислушиваясь к разговору.

— Никого не осталось. Кажется, они напали на караульное помещение возле моста. Оно в огне, вижу тела на земле.

— Где ястреб-образ с Альпенниен?

— Подожди... по-прежнему летит на север, к Гвардии Сопровождения Путешествий и королевскому экипажу.

— Он видел нашу птицу?

— Трудно сказать, вероятно, нет.

— Ты можешь убить его?

— Убить его? — выдохнула Риеллен. — Я даже не знаю, как нужно на земле сражаться, не говоря уж о воздухе.

— И кстати, ястребы едят ворон, — сказал Мэбен, размахивая рукой.

— Что случится, если ты заставишь ворону очень быстро лететь и врезаться в ястреба? — спросил Эссен.

— Э, да почти то же самое, если бы я упала на тебя с очень большой высоты. Воин не я, а ты, но никто из нас не смог бы остаться без ранений — в лучшем случае.

— Тогда направь свою ворону в ястреба, немедленно!

— Но сир, мы потеряем отряды Альпенниен из виду, — запротестовал Эндри.

— Да, но мы уже достаточно видели.

Под ярко озаренным небом Гилврэй, Ларон и Коссерен заметили приближающееся облако пыли, из которого летели оперенные стрелы. Двое человек упали, и Гвардия Сопровождения Путешествий и королевский экипаж на минуту остановились. В этот момент они увидели впереди скачущих всадников.

— Там, на юге, облако пыли! — закричал Гилврэй. — Облако на севере и облако на юге! Мы не можем уйти отсюда и вернуться в город.

— Я вижу боевое знамя, — сказал Ларон, поднося к глазам бинокль.

— Нужно срочно принять какое-нибудь решение, — сказал Коссерен.

— Там два отряда, — заявил Гилврэй.— В каждом по пятьсот человек, но только один из них движется по направлению к нам. Виконт Коссерен, как вы думаете, один гвардеец из Гвардии Сопровождения Путешествий стоит пяти улан?

— Конечно, капитан.

— Двое на одного — и то не так просто, — заметил Ларон.

— Тогда мы разворачиваемся и скачем назад в город, охраняя экипаж со всех сторон и вклиниваясь в отряды улан, — решил капитан Гилврэй. — Враги расступятся, мы без труда отобьемся в случае нападения и доставим принцессу в невредимости к воротам. Он развернул лошадь к приближающемуся отряду и поднял свой топор:

— Гвардия Сопровождения Путешествий, построиться клином и прикрыть королевский экипаж! Идти возле него к воротам. Кучер, поворачивай к городу и скачи галопом. Командир Кальяр, подайте сигнал. Вперед!

Началась суета, и опытные рекконы на лошадях построились и двинулись к городу прежде, чем Кальяр закончил трубить в горн.

— По моему приказу переходим на галоп и — вперед! — закричал Гилврэй.

— Да что тут такое вообще происходит? — воскликнула Долвьенн, выглядывая из окна экипажа. — Мы повернули назад в город!

— Может, кто-то что-то забыл? — предположил Аллэн.

— Мы скачем клином! — закричала Долвьенн, поворачиваясь к нему.

— Откуда ты знаешь? Мне кажется, просто много лошадей, и все.

— Они думают, что принцесса находится в экипаже! Но она за нами, где-то в полумиле отсюда. Если мы избежим опасности, принцесса Сентерри попадет в нее!

Аллэн высунулся из другого окна и посмотрел назад. Он не видел ничего, кроме пыли.

— За нами никого нет, вот что могу сказать, — произнес он.

— А от чего мы тогда бежим? — закричала Долвьенн, не надеясь получить ответ. — Гвардейцы! Гвардейцы! Сюда!

Никто не обратил на нее никакого внимания. Долвьенн решила попробовать вылезти из окна.

— Госпожа, разве так можно? — воскликнул Аллэн, решив попытаться остановить ее.

Долвьенн почти выбралась наружу, но сильно ударилась о козлы.

— Эй, кучер! Что происходит? — спросила она.

— Приказ скакать в город, госпожа, — закричал тот.

— Почему?

— Я не задаю вопросов, я выполняю приказы, госпожа.

— Но ты точно что-то видел! Твои козлы выше, чем седла гвардейцев!

— Только облако пыли на запáде, госпожа.

— Пыль? Только пыль? Почему?

— Не знаю, госпожа.

Несколько минут Долвьенн обдумывала услышанное. Пыль. И больше ничего. Столько пыли может появиться только из-за большого количества лошадей. Как бы там ни было, Сентерри находилась в полумиле отсюда и уж точно не под охраной Гвардии.

— Кучер, мы должны повернуть назад, принцессы нет в экипаже! — закричала Долвьенн.

— Я видел, как она заходила туда, госпожа.

— Нет же, она в «приюте гурмана».

— Госпожа, сейчас не время играть в эти ваши игры. Сейчас просто сидите тихо и держитесь.

Долвьенн снова задумалась, что же делать. Гвардейцы знали, что Сентерри часто выкидывала подобные штуки, особенно когда ей было скучно. Путь оказался не из легких, и гвардейцы стремились защитить принцессу от любых неожиданностей, даже от не представляющих опасности. Они хорошо справлялись со своими обязанностями, и Сентерри скучала. Однако гвардейцы не учли, что при всей своей недальновидности принцесса оказалась достаточно хитрой особой. Она могла скрыть свое исчезновение, и они этого бы даже не заметили.

Долвьенн схватила вожжи и запрыгнула на козлы.

Лошадям пришлось резко развернуться. Слишком резко. Они споткнулись, кучер пошатнулся, попытавшись удержать равновесие, но потерял его, отпустил вожжи и выпал на дорогу.

Грохот при крушении экипажа было слышно далеко. Прошло не более тридцати секунд, как раздался приказ всем остановиться и развернуться. Кучер вывалился в грязь, поэтому почти не получил повреждений. У Долвьенн начал вспухать

синяк, и пошла кровь из-за мелких ранок от пыли и камешков, но ничего серьезного. Долвьенн вполне могла передвигаться самостоятельно. Кучер слегка хромал. И очень, очень злился.

— Это она, капитан, она выхватила вожжи ... — начал кричать он, жестами указывая на Долвьенн и четырех лошадей, часть из которых была мертва, а часть билась в предсмертной агонии. Но Долвьенн не дала ему продолжить.

— Принцесса Сентерри в «приюте гурмана»! — закричала она Гилврэю.

— Что? Серьезно? — спросил Гилврэй, наблюдая за приближающимися отрядами.

— Загляните в экипаж!

Маршал слез с лошади и поспешил к повозке. Он вытащил тело Аллэна из-под обломков и щепок. Одежда и волосы казались теми же самыми, но лицо... лицо не было лицом Сентерри.

— Это студент, сир, и он погиб. Сломана шея.

Гилврэю пришлось быстро принимать другое решение. Сентерри находилась в той повозке, и, естественно, рекконы как можно быстрее доставят ее в город. Но нужно было задержать отряды. Тогда бы в этой суматохе появилась возможность ускользнуть, особенно если бы никто из вражеских улан, добравшись до экипажа, не обратил внимания на тело в юбках с рыжими волосами.

— Виконт Коссерен, вы останетесь здесь и проводите повозку и свою жену к городским воротам, как только она появится здесь, — закричал Гилврэй.

— Да, но...

— Капитан Ларон, мы построимся в линию и нападем на отряд с флангов. Гвардия Сопровождений Путешествий, построиться, разворачиваемся! — снова закричал Гилврэй, указывая своим топором на запад. — Караульный Кальяр, трубите в горн!

— Вы собираетесь напасть? Без меня? — завопил Коссерен.

— По моему сигналу — в атаку с флангов! — приказал Гилврэй.

— Тут я командую! — закричал Коссерен, выступая перед Гилврэем.

Казалось, Гилврэй ожидал этого, но он уже вскинул свой арбалет:

— Маршал, садитесь верхом, берите за поводья коня виконта и уведите его отсюда до прибытия повозки с принцессой, — приказал Гилврэй. — Переходим на галоп, капитан Ларон. По моему приказу — вперед!

Взяв в галоп, Гвардия Сопровождения Путешествий подняла облако пыли. Маршал посмотрел на взбешенного Коссерена, затем перевел взгляд на юг, ища глазами «приют гурмана». Коссерен вынул кинжал и метнул его в маршала, едва успевшего обернуться. Кинжал не попал в цель, однако ранил маршала в правый глаз. Тот отпустил поводья и упал с лошади. Коссерен поскакал прочь, кинув мимолетный взгляд туда, откуда должна была появиться повозка с принцессой.

Оставшись одна, Долвьенн, хромая, подошла к лошади маршала и повела ее к хозяину, снимая на ходу свои юбки.

— Что же это все... — начал кучер.

— Давай мне свои брюки — или я обвиню тебя в содействии похищению принцессы! — закричала Долвьенн.

Кучер колебался. Неповиновение приказу, касающемуся принцессы, и вероятность быть обвиненным в предательстве — или брюки. Кучер решил, что потерять последние будет наименьшим злом. Забрав топор у ошеломленного маршала и сняв плащ, Долвьенн натянула одежду, которая, как она надеялась, поможет ей сойти издалека за гвардейца; затем забралась в седло и посмотрела на юг. То, что она там увидела, ее очень удивило. Быстро все обдумав, Долвьенн, вложив стрелу, взвела арбалет маршала. Затем поспешила вслед за Гвардией Сопровождения Путешествий

Ларон и Гилврэй отдали приказ перейти на легкий галоп, а затем ускорили темп, когда показались вражеские уланы. Расстояние между двумя отрядами сокращалось, и мимо

Гилврэя пронесся всадник, пронзительно крича: «Гвардия, за мной! В атаку!»

— Виконт Коссерен, — начал Ларон, но слово «отступаем» так и осталось непроизнесенными. Там, где должна происходить самая ожесточенная битва, это могли воспринять как общий приказ к бегству. Гилврэй поднял свой топор, желая отдать приказ герольду.

— Императорская Гвардия Сопровождения Путешествий, вперед! — закричал он, указывая оружием на улан.

Коссерен выбился из линии атакующих, но, поскольку, по его мнению, командовал воинами он, это не играло никакой роли. Впереди в рядах вражеского отряда, казалось, началась суматоха. Гвардейцы не стремились нанести упреждающий удар в целях сохранения неприкосновенности города, они действительно перешли в атаку! Ларон обнаружил, что до сих пор держит перед собой топор, а остальные всадники, стоящие по обе стороны от него, уже приготовили свое оружие к бою. Чувствуя себя странно взволнованным, он тоже взмахнул топором. Впереди виднелась темная масса врагов, которая все увеличивалась, вздымая пыль и размахивая оружием, сверкающим в лучах солнца. Императорские воины вложили стрелы в арбалеты, держа их в левой руке, когда Гилврэй снова поднял топор и опустил его, тем самым отдав сигнал к началу наступления. Во врага полетел град стрел. Начали падать лошади, о них спотыкались другие. Расстояние между отрядами еще уменьшилось, и оставшиеся в живых враги также перешли в нападение. Стрелы, пущенные ими, создали брешь в рядах Гвардии Сопровождения Путешествий. Коссерен качнулся в седле, когда в него попала одна стрела, но не упал. Через минуту он уже вклинился во вражеский фланг, а за ним и вся императорская гвардия.

Известно, что лошади достаточно умны, чтобы во время галопа не сталкиваться. Они скачут туда, где есть свободное пространство. Так поступили и кони гвардейцев, которые оказались зажатыми внутри растянувшегося отряда, размахи-

вающего топорами и копьями. Некоторые даже проскакали дальше, чем было нужно, затем развернулись, чтобы мчаться обратно. Ларон перехватил удар топором сверху и метнул оружие одного врага в шлем другого. И опять, отражая нападение воина, физически более крепкого, одним взмахом топора вонзил лезвие в его лошадь. Конь взбрыкнул и понес. Тем временем Ларон сразил следующего улана, который только что насадил на свое копье одного из гвардейцев, нанеся удар по кольчуге около шеи.

Гвардия Сопровождения Путешествий практически достигла своей цели в первые минуты битвы. Не более дюжины врагов пробрались к остаткам экипажа. Там их встретили кучер и маршал, успевшие вооружиться арбалетами из ящика с оружием. Прошла еще минута, и к двум защитникам повозки присоединились еще десяток кавалеристов из города. Вместе им удалось отстоять экипаж и мертвое тело студента — мага, переодетого в принцессу.

В центре поймы реки находились две группы всадников и две повозки. Они были далеки от праздного времяпрепровождения. Эссен приказал Костигеру вылезти из фургона и сесть на лошадь. Затем лошади, потянув повозку, галопом поскакали по главной дороге на юг, словно пытались промчаться мимо второго вражеского отряда и оказаться на открытой местности.

— Госпожа, вы уверены, что мост через Рейсвотер был свободен от улан из Альпенниен? — спросил Эссен Риеллен.

— Если там кто-то из них и остался, то не более полудюжины.

— Тогда вперед. Мы галопом пройдем мост, охраняя экипаж. Как только пересечем мост, обрушим деревянный настил, чтобы не дать врагам нас быстро нагнать. Затем сойдем с дороги и поднимемся на холмы, откуда кавалерия не сможет нас достать.

— А как насчет повозки? — спросил Уоллес.

— А что с ней, сир? — ответил Эндри.

— Мы оставим телегу и лошадей, — сказал Эссен.

— Вы имеете в виду, нам снова придется идти пешком, сир? — вскрикнул Уоллес.

— Рядовой Бейкер, у вас есть выбор: вы можете остаться у повозки и быть растерзанным противником, — закричал Эссен. — Теперь по моему сигналу — на мост! Выходим!

Очень любопытен тот факт, что люди, которые критикуют чьи-то тактику и стратегию в той или иной битве, обычно рассматривают план сражения на карте или читают о нем в исторической хронике, то есть у них есть время на обдумывание того, что они бы сделали в данном случае. Во время же настоящего сражения на одних птиц-шпионов нападают другие или отовсюду летят стрелы, и все происходит невероятно быстро. Везде стоит клубами пыль, люди делают то, что не стали бы делать при похожих обстоятельствах, будучи спокойны, и те, кто занимает ключевые позиции, обычно погибают.

Благодаря маршалу, кучеру и десяти всадникам из города, дорога к воротам оставалась свободной к тому времени, как Эссен и рекконы с телегой стали переправляться через мост. Эссен не мог этого знать, но знал другое: за мостом было чисто. Никто не ожидал, что принцесса Сентерри станет искать пристанища в землях тех, кто ее преследовал. Вражеский отряд устремился в южном направлении дороги, желая перекрыть ее, чтобы перехватить любых путников. Спустя некоторое время они и Гвардия Сопровождения Путешествий бились за право отправить друг друга в загробный мир.

Долвьенн была очень неглупой молодой женщиной, но даже ее запутали позиции участников событий в долине реки Рейсвотер тем утром. Вспомнив о фургоне, мчащемся

куда-то далеко на юге, и о повозке, которую сопровождали рекконы на запад и гнали лошадей, не давая им передохнуть, она справедливо заключила, что Сентерри находилась в повозке, а не в фургоне. Но она ошибалась, считая, что рекконы ведут ее к полю битвы, где Гвардия Сопровождения Путешествий могла бы защитить ее. Поэтому Долвьенн ринулась в самую гущу событий: там на одного гвардейца приходилось пятеро улан. Гвардия Сопровождения Путешествий Сарголанской империи была практически уничтожена, поскольку врагов было слишком много.

Четверо улан внезапно перестали атаковать Долвьенн, поняв по длинным волосам, которые она забыла убрать, что это переодетая женщина — вполне вероятно, принцесса с окрашенными волосами. Захватить ее живьем — вот в чем заключалась их цель, поэтому уланы начали окружать ее. Капитан Гилврэй перестал биться с врагами и поспешил на помощь Долвьенн. Один из вражеских улан пустил стрелу в лошадь Долвьенн, но вместо этого попал в правое бедро всадницы. Круг сужался. Однако Долвьенн сдаваться живой не собиралась.

Поняв, что отрезана от остальных, она замедлила ход и подождала до тех пор, пока улан почти схватил под уздцы ее лошадь, затем выстрелила в него из арбалета маршала. Стрела прорвала кольчугу и прошла через плечо навылет. Улан вскрикнул и выпустил поводья, пытаясь вытащить стрелу. Долвьенн кинула оружие в седельную сумку и ухватилась за топор. Один из противников натянул лук, но в это время Гилврэй сразил двух других вражеских улан. Лучник повернулся к Гилврэю. Пользуясь моментом, Долвьенн пришпорила лошадь. Лучник вновь обернулся — и ее топор, описав плавную дугу, опустился ему на руку и на оружие, тетива жалобно зазвенела. Улан, с раненой правой рукой и со сломанным луком, кинулся прочь прежде, чем Долвьенн успела занести топор еще раз.

Долвьенн оглянулась на Гилврэя и увидела, как один из врагов падает с лошади, а Гилврэй пытается вытащить свой топор из кольчуги на груди убитого. Только ему это удалось, как подскочил другой улан и ударил его. Но лезвие застряло в шлеме, и Гилврэй остался жив. Улан снова занес свой топор — и ему на голову опустилась секира Долвьенн. Враг свалился с лошади и затих. К тому времени Гилврэй тоже лежал на земле. Он встал и, пошатываясь и хватаясь за голову, побрел прочь без шлема, ослепленный своей же кровью. Долвьенн подъехала к нему.

— Капитан, сюда! — закричала она. — Это Долвьенн.

— Я ничего не вижу! — закричал Гилврэй, поднимая окровавленную руку.

— Давайте ко мне, капитан.

— Не вижу. О Мираль, я ранен.

— Вот моя рука, забирайтесь на лошадь.

Прошла целая вечность, пока он смог залезть в седло. Опасаясь, что не справится, Долвьенн тем не менее усадила Гилврэя за собой. Одной рукой он держался за нее, другой — за окровавленную голову. Вдалеке Долвьенн заметила, как часть всадников отделилась от остатков Гвардии Сопровождения Путешествий и направилась к обломкам экипажа. Ларон подозвал к себе восьмерых выживших гвардейцев, протрубив в горн Кальяра, пока Долвьенн приближалась к ним. Она проехала мимо тела Коссерена, в котором было не менее полудюжины стрел. Одна, торчавшая из его правого глаза, казалось, достигла своей цели — принесла смерть виконту.

— Гвардейцы здесь, сир! — крикнул Ларон, но Гилврэй по-прежнему ничего не видел и у него сильно кружилась голова.

— Он ранен, — объяснила Долвьенн.

— Я принимаю командование! — заявил Ларон, поднимая топор.

— Принцесса в той повозке, капитан, — сказала Долвьенн, указывая на мост.

Внезапно Ларон понял, что решил сделать Эссен. Дорога к мосту была свободна, повозка почти добралась до места, и оставалась лишь слабая надежда, что там не окажется слишком много улан.

— Гвардия, к мосту! — закричал Ларон.

Уоллес знал только одно, когда уланы, взявшие его в окружение, пришпорили своих лошадей, приказывая ему остановиться: его жизнь была не дороже жизни любого из людей, находящихся в долине. Уоллес испытывал муки крушения самооценки.

— Я — жирный идиот и тупой музыкант, — громко сказал он, почти постоянно взмахивая вожжами. — Я могу приготовить еду из любых отходов на оловянной сковородке и на открытом огне, но кто хочет отобедать с двумя приближающимися отрядами горных улан?

— Ну, не я! — выкрикнул Вильбар, стараясь заглушить грохот колес и стук лошадиных копыт.

— Я вообще не голоден! — воскликнул Мэбен, размахивая в воздухе рукой.

В повозке Сентерри и Риеллен хватали тяжелые мешки с мукой и овощами и выкидывали их на дорогу.

— Всего лишь эта повозка и лошадь между нами и тысячей восставших улан! — закричал Уоллес, словно хотел себе напомнить о том, что происходит.

— Революционеров из Альпенниен! — закричала Риеллен.

— Может, они подвергнут нас страшным пыткам, а потом убьют, — сказал Уоллес.

— Хуже, они подвергнут нас страшным пыткам и не убьют, — возразил Мэбен.

— Они хотят захватить только меня, — закричала Сентерри. — За меня дадут большой выкуп.

Уоллес обдумал то, что сказала принцесса. Сначала ему это показалось хорошей идеей. Вероятно, их быстро выкупит Палион и сарголанский королевский двор... Тогда в нем быстро узнают бывшего магистра музыки, а затем... «С другой стороны, может, пытки и смерть от рук горных варваров — не так уж и плохо», — решил Уоллес.

— Мы должны попытаться ускользнуть, чтобы защитить вашу честь, Ваше Высочество, — закричал Вильбар Сентерри. — Да, Уоллес, сир?

— Здесь решаешь не ты! — закричал тот в ответ.

Лошадь перешла в галоп. Справа Уоллес заметил сражающихся, которые были, как он предполагал, Гвардией Сопровождения Путешествий и один из отрядов горных улан. Слева в воздух поднималось облако пыли: оттуда приближался другой отряд, захвативший фургон и не обнаруживший принцессы внутри. Рекконы скакали впереди, и на секунду Уоллес подумал, что их все бросили. Затем он заметил неподалеку мост и нескольких всадников перед ним. Уоллес проклял себя за то, что не разгрузил повозку раньше. Кто сейчас захочет есть? Тяжелые кувшины с подсолнечным маслом, масло для ламп и бутылки с медицинским спиртом были прочно привязаны друг к другу, и ни Риеллен, ни Сентерри не умели распутывать такие узлы, судя по крикам и проклятиям, доносившимся из глубины повозки.

Добравшись до моста, рекконы наткнулись на десятерых горных улан, которые сидели в засаде. Завязался бой. Улан, похожий на Хартмана, продемонстрировал свое умение владеть топором, и в это время из-за его спины вылетело копье. Уоллес увидел, как один из рекконов зашатался и упал, но его убийца был тут же обезглавлен рекрутом плотного телосложения — очевидно, Костигером.

— Клянусь лунными мирами, не думал, что люди могут умирать так быстро, — пробормотал про себя Уоллес, думая, сколько ему самому потребуется на это времени. Приближа-

лись все новые кавалеристы, и на мгновение Уоллес совсем пал духом.

— Мы обречены! — закричал он, отпуская вожжи.

— Гвардейцы Сопровождения Путешествий! — пронзительно взвизгнула Сентерри.

Уоллесу тут же опять захотелось исчезнуть, и он направил телегу к каменному зданию таможни, объятому огнем. Проезжая здание, Уоллес заметил тела гарнизонных караульных и служащих, но ворота на западную дорогу остались распахнутыми настежь, хотя от верхней деревянной арки валил дым. Оттуда прорывалось пламя и обгоревшие обломки время от времени падали вниз. Уоллес решил попытаться пройти. Оглянувшись на долину, он заметил улан, которые, казалось, появлялись отовсюду. Также от его внимания не ускользнуло, что их повозка оказалась в огне, а Сентерри и Риеллен старались сбить пламя пустыми мешками. Мимо проскакал Эссен, указывая топором на мост.

— Уоллес, остановись в середине моста! — закричал он и ринулся вперед.

Дорога сузилась, затем перешла в мост. Уоллес обнаружил, что стоит над бушующим, грохочущим потоком — такой была река Рейсвотер. Перед ним остановился Эссен, развернул свою лошадь и поднял топор. Этот жест, должно быть, означал: «Стой!». Однако он также мог означать: «Я убью тебя, если ты не остановишься!». Уоллес решил не двигаться дальше.

Повозка лишь наполовину заградила мост, но Уоллес понял, что овладеть мостом можно в считанные минуты, поэтому не пропускал никого, не давая пробиться в центр. Размахивая топором, он отпустил тормоза и приказал всем выйти.

— Что ты делаешь? — спросил Вильбар.

— Эссен хочет спасти нас! — закричал Уоллес. — Поворачивай повозку.

— Нет, давайте проголосуем! — ответил Вильбар.

— Предатель! — взвизгнула Сентерри. — Я приказываю тебе делать то, что скажет Эссен.

Несколькими взмахами топора освободили лошадь от упряжи, и Риеллен с Сентерри отпустили ее на запад. Эссен поднес ко рту свисток и три раза отрывисто свистнул. Уоллес попытался вспомнить, означало ли это «немедленно ко мне», «нападаем», «отступаем» или «остановимся перекусить», но рекконы и гвардейцы перестали сражаться с уланами и направились к мосту.

— Студенты, сражаться умеете? — спросил Эссен.

— Мы предпочитаем вести переговоры, — ответил Вильбар. — На самом деле, вероятно, еще не поздно устроить собрание и...

— Отправляйся к женщинам, и, если кто-нибудь будет им угрожать, постарайся с ним договориться.

Рекконы добрались до моста, и Эссен взмахом руки велел им пропустить повозку. За ними следовала Долвьенн, из бедра которой торчала стрела. Рядом сидел Гилврэй. Уоллес узнал капитана по плащу — его лицо было залито кровью. Последними подоспели гвардейцы, их осталось всего восемь человек. Как только они миновали повозку, Уоллес и Эссен освободили колеса и начали ее поворачивать. К тому времени рекконы слезли с лошадей и стреляли из арбалетов в улан поверх горящей повозки.

«Горит». Это слово вспыхнуло в мозгу Уоллеса словно яркий метеор на небе, на котором не было ни Мираля, ни лунных миров.

— Твой топор! — крикнул он, ринувшись с оружием Эссена к кувшинам с подсолнечным маслом и маслом для ламп.

— Не можешь же ты даже сейчас думать о спасении своего чертова масла... — начал Эссен, но Уоллес разбил один из кувшинов под повозкой. Затем достал следующий и сделал то же самое. Эссен понял, что тот задумал, и стал разбивать кувшины и выливать содержимое на доски с восточной

стороны телеги. Уоллес слышал сигнал горна улан и заметил, как на востоке собирается несколько дюжин вражеских всадников.

— Хватит, уходим! — закричал Эссен, кидая кусок горящего брезента в разлитое масло. Пламя тут же охватило повозку и перекинулось на мост. Возле Уоллеса появился Эндри и стал пробираться к телеге. Эссен попытался остановить его, но тот ударил его по лицу и продолжил осуществлять задуманное. Бросившись в повозку, объятую огнем, он вытащил из-под кучи одежды и еды тело. Уоллес понял, что они с Эссеном забыли про Веландер. Эндри, шатаясь и сбивая на себе пламя, нес горящую Веландер. Вокруг них вскоре собрались другие рекконы, которые потушили на них огонь.

Они отступили от повозки на западное крыло моста. В центре несколько горных улан слезли с лошадей. Двое разбивали перила, пока остальные боролись с пламенем или толкали телегу копьями. Один накрыл руки плащом и освободил тормоза повозки.

— Мы должны остановить их! — закричал Ларон, слезая с коня. — За ними два отряда! Все спускайтесь на землю, и по моей команде...

Раздался взрыв: в горящей повозке разорвался большой кувшин с маслом для ламп, который Уоллес не заметил. Улаы посыпались в разные стороны с моста, повсюду полетели щепки от перил. Мост продолжал полыхать.

— Вы можете произнести огненные заклинания, сир? — спросил Эссен, подойдя к Ларону.

— Да, но только одно, но после него у меня почти не останется сил, — ответил Ларон.

— Посмотрите под мост! — закричал Эндри, обращаясь ко всем, кто его услышит.

На призыв откликнулись все, кроме Гилврэя, который потерял сознание и упал с лошади Долвьенн, и Веландер, лежавшей без чувств на протяжении всей битвы. Подпорки моста были объяты неистовым ярким пламенем.

— Смола горит. Все может развалиться, — сказал Эссен. — Наверно, капли горящего масла попали туда.

— Все, у кого есть арбалет, готовься и — стреляй! — закричал Ларон. — Не дайте им переправиться через мост до тех пор, пока не прогорит дерево.

Рекконы и гвардейцы начали обстреливать мост, выхватывая одну стрелу за другой. Не отставал даже горнист Кальяр, вытащивший арбалет из седельной сумки Долвьенн. Неприятель поспешил ответить тем же, но действовал не очень уверенно из-за беспорядка в рядах лучников и уланов. Прибыло командование, а с ней и знаменосец, который начал раздавать приказы и строить всадников. Через две минуты запас стрел для арбалетов стал иссякать. Враги перешли в наступление.

Около двух десятков лет назад были наняты рабочие для замены старых трухлявых балок моста на новые, прочные, из ясеня. Однако они использовали более дешевую древесину и покрыли поверхность смолой, чтобы скрыть подлог, затем пропитали все особым водонепроницаемым составом. К тому времени как враги оказались на мосту, сосна если не полностью прогорела, то стала слишком тонка и не могла выдержать вес шестидесяти лошадей и всадников в доспехах. В середине мост треснул и обрушился, а остальной настил лопнул в нескольких местах. Везде было полно людей. Рекконы и гвардейцы радостно засвистели и стали обстреливать из своих арбалетов командира отряда улан, его знаменосца и остальных военачальников, оказавшихся на западной стороне моста. Те смотрели на огромную пропасть, где когда-то была центр моста, а сейчас кружились в водовороте их подчиненные и лошади, обреченные встретить здесь свою смерть.

— Командир, прикажите своим людям сложить оружие и слезать с коней, а потом отдайте мне свой топор! — крикнул Ларон, говоря на придворном сарголанском.

— Кому я имею честь отдать свой топор? — спросил военачальник улан.

— Капитану Алиасару, подданному принцессы Сентерри, нового регента Логьяра и всего Кейнфанга.

— Вы дворянин, сир?

— Если нет, разве я был бы капитаном, сир?

Военачальник отдал приказ, затем слез с лошади и сдался Ларону. Когда тот забрал знамя отряда, с другой стороны моста полетели стрелы, пущенные разъяренными уланами.

— Все назад к изгибу дороги, — велел Ларон, и они, сев верхом на лошадей, тронулись с места.

Сначала предполагалось осмотреть раненых, но ранены оказались почти все. В наборе для шитья, который когда-то дала Эндри Желена, оказалась иголка, единственная пригодная для зашивания ран. Но пострадавших в бою оказалось слишком много. В качестве средства дезинфекции использовали крепленое вино, найденное в седельной сумке у Костигера, на бинты пошла рваная одежда.

Уоллес обнаружил неглубокое ранение на ноге и, хотя не мог вспомнить, когда его получил, тут же упал в обморок. У Эндри было сломано два ребра, а также резаная рана от правого глаза до челюстной кости. Но сначала решено было зашить голову Гилврэя, а затем вытащить стрелу из бедра Долвьенн. Ларон обладал познаниями в медицине, а Эссен был знаком с народными средствами и лечением спиртом, и им пришлось применить свои навыки в полной мере. Сентерри сидела на земле вместе с Эндри и время от времени прикладывала к его ране смоченную в вине тряпку, пока он ожидал своей очереди. Долвьенн устроилась по другую сторону от Эндри и крепко сжимала свое бедро, стараясь не смотреть на стрелу.

— Мне сказали, что выжило только несколько гвардейцев из Сопровождения Путешествий, — растерянно произнесла Сентерри, словно не вполне понимая, что говорит.

— Не знаю, Ваше Высочество, — ответил Эндри. — Может, одних взяли в плен, а другие ранены и не могут двигаться.

— Кто-нибудь видел виконта Коссерена? — спросила Сентерри.

— Я, — отозвалась Долвьенн. — Казалось, он был мертв.

— Мертв! — воскликнула Сентерри, прижимая тряпку к глазу Эндри вместо раны.— Ты уверена?

— У него из глаза торчала стрела, и он не шевелился.

Сентерри закрыла руками лицо, размазывая по нему кровь Эндри. Подошел Эссен, оставивший Гилврэя.

— Ваше Высочество, не могли бы вы помочь позаботиться о капитане? — кланяясь, спросил он.

— Позаботиться о нем? Как?

— Вымыть ему лицо, отгонять мух, давать ему воды... ну просто быть рядом.

Она направилась к Гилврэю, и Эссен стал осматривать стрелу в бедре Долвьенн.

— Да... стрела. Воткнулась в бедро и застряла там. Капитан Ларон, сир?

Ларон схватил Долвьенн за руки, а Эндри лег ей на ноги, прижав их к земле, пока Эссен разрывал одежду вокруг раны. Затем он стал извлекать зазубренную стрелу. Это была очень долгая, трудная и болезненная для Долвьенн процедура. Эндри казалось, что она длится уже целую вечность, и, представив ощущения девушки, он сам едва не потерял сознание. Наконец Эссен передал ему стрелу, полил рану вином и зашил ее.

— Сохрани наконечник, — прошептала Долвьенн, когда Ларон промокнул пот у нее на лбу.

Эндри вложил ей в руку наконечник стрелы. Теперь настал его черед. В какой-то момент он потерял сознание, и очнулся уже лежащим возле Долвьенн и Гилврэя.

— Рана на лице болит? — спросила Долвьенн. Гилврэй по-прежнему был без сознания.

— Когда зашивали, было хуже, — ответил Эндри.

— Я думала, раны от стрел такие маленькие и аккуратные, — сказала Долвьенн, все еще мучаясь от сильной боли. — Но сейчас я убедилась совсем в другом.

— Вам что-нибудь нужно, госпожа? — спросил Эндри, с усилием поднимаясь. — Скажите.

— Реккон, вы не можете встать, отдыхайте.

— Я отлично могу встать, — возразил Эндри.

— А что с рядовым Уоллесом?

— Он только придет в себя, увидит раненых и снова падает в обморок, госпожа.

После того как была обработана последняя дюжина раненых, Эндри предоставил Ларону отчет. Оставалось двадцать три человека и восемнадцать лошадей. Восемь гвардейцев и четверо рекконов должны были выполнить возложенную на них задачу — прикрыть тех, кто отвез бы подальше тяжелораненых. Запас постельных принадлежностей, денег и продовольствия подходил к концу. Ларон доложил об этом Сентерри, а она, в свою очередь, созвала совет. Созывать, впрочем, никого не пришлось — все уже были на месте, лежа на земле и приходя в себя от ранений.

— Может, я не очень вам полезна, но как ваш монарх пока еще могу кое-что сделать, — произнесла Сентерри. — С этого момента я объявляю формирование Регентской Гвардии Кейпфанга. Она будет состоять из Гвардии Сопровождения Путешествий из Палиона, Дворцовой Гвардии Логьяра и рекконов, защищавших меня. Все три подразделения сохранят свою независимость и названия в Регентской Гвардии.

— Так значит, на самом деле мы не просто гвардейцы, мы на службе Ее Величества Королевы, — прошептал Эссен Эндри.

Эндри пожал плечами, и этот жест, казалось, говорил сам за себя.

— Гвардейцы, я знаю, вы не в восторге оттого, что простые люди занимают ваше привилегированное положение.. Но без них я бы давно уже стала трофеем улан. Теперь, вероятно, вы хотите знать, каковы наши следующие действия.. Капитан Ларон?

Все взглянули друг на друга. До этого никто как-то не задумывался об этом, но теперь всем захотелось знать ответ на вопрос «Что дальше?».

— Враг соорудит подвесной мост через поток еще до конца дня, — предупредил Ларон.

— Но сир, чтобы построить мост, способный выдержать лошадь, потребуется несколько дней, — возразил кто-то из гвардейцев.

— Значит, его пересекут сильные, крепкие, здоровые и вооруженные мужчины. Большая же часть нашего оружия повреждена, у нас осталось всего около двух дюжин стрел для арбалетов.. Запасов совсем мало, и еще меньше денег, чтобы мы могли их пополнить. Чем дольше будем идти до Логьяра, тем вероятнее, что нас поймают, и тем больше погибнет раненых.

— Когда мы сможем выступить, капитан Ларон? — спросила Сентерри.

— Через полчаса. Все должны успеть собраться. Что-нибудь еще?

Что-нибудь еще было. В душе Сентерри страх уступал место гневу.

— Самое главное — мы должны говорить на всеобщем сарголанском, — сказала она, кивнув на трех пленников. — Некоторые из нас — простые люди, и я хочу, чтобы все понимали разговоры друг друга. А сейчас такой вопрос: почему вы нарушили договор, заключенный много лет назад, и подняли восстание?

Принцесса была в ужасном настроении, и на лезвии топора в ее руках блестела кровь. В нескольких местах виднелись синяки, а предплечье кровоточило.

— Я заявляю о своем праве на наследство, плодородные долины украдены у меня...

— Не очень хорошее начало, попробуйте снова, — крикнула Сентерри.

Командир уланов прищурился:

— Моим людям было недостаточно скудных пастбищ, нам пришлось...

— Капитан Алиасар, что вы думаете о шансах выжить для облаченного в доспехи человека со связанными руками, который должен пройти до конца моста и упасть в бурный поток?

— Они невероятно малы, Ваше Высочество. Он, наверно, сразу же утонул бы.

— Мне бы хотелось провести эксперимент.

— Правда, Ваше Высочество?

— Да. Думаю, он, скорее всего, нашел бы смерть среди скал или замерз до смерти в холодной воде, не успев утонуть. Мы можем проверить это на их командире.

— Вероятно, мы нарушим какой-то договор, касающийся обращения с пленными, — сказал Ларон.

— О, думаете, он может пожаловаться регенту Логъяра? — спросила Сентерри.

— Подозреваю, регент не захочет обращать на это внимания, — произнес Ларон.

Командир вздрогнул и, казалось, принял решение.

— Я не давал клятвы верности никому из противников Палиона, — сказал он как можно тверже.

— Тогда мне понравится правда, даже если и не вся, — сказала Сентерри. — И помните: я кое-что знаю об интригах, я же принцесса и выросла в императорском дворце. Если я пойму, что вы дали нам ложные сведения, тогда...

— Задавайте свои вопросы, — произнес командир, которому, казалось, уже не терпелось быть подвергнутым допросу.

— Кто вы?

— Карасерн, кастелян Маунтфорта.

— С кем вы планировали свое восстание?

— С императорским посланником из Палиона. Мне обещали титул барона нижних равнин, если я захвачу вас. Мне также было поручено убить волшебницу с черными волнистыми волосами и странным акцентом. Ей приблизительно тридцать лет. Терикель Эример.

— Убить волшебницу? Почему?

— Мне говорили, что ее будут использовать для захвата Стены Драконов, а она бы стала с помощью заклинаний сжигать наши замки и города. Стена Драконов проходит как раз над моими землями.

Сентерри и Ларон обменялись многозначительными взглядами.

— Этот посланник, — сказал Ларон. — Опишите мне его.

— Я видел его только при плохом освещении.

— Опишите его, — настойчиво повторил Гилврэй.

— Э... он... высокий... у него животик... но широкие плечи.

— Как он был одет? — спросила Сентерри.

— Плащ красновато-коричневого цвета, коричневые сапоги для верховой езды. На нем был капюшон. Я видел лишь мельком его лицо.

— Подумайте-ка хорошенько, — предупредила Сентерри, махнув рукой на разрушенный мост.

— Его подбородок! Я видел его подбородок! Он был чисто выбрит.

— Опишите его манеру приветствия, — приказала Сентерри.

— Приветствия? Э-э-э...

— Напрягитесь. Постарайтесь вспомнить, — добавил Ларон.

— Э-э-э, немного франтовато. Он подносил обе руки к лицу, тыльной стороной друг к другу, протягивал как можно

дальше левую, а затем проделывал то же самое правой. Лишь тогда кланялся.

Сентерри немного подумала и коснулась плеча Ларона.

— Такое приветствие подойдет для посланника принца, но это еще ничего не значит, — сказала она, отведя капитана в сторону.

— Вполне вероятно, что это значит все, — ответил Ларон. — Две широко разведенные руки — так приветствует кого-либо посланник императора или наследного принца. Или кто-то из четырех принцев, или принцесса. Но кто посланник? Непонятно. Дворец полон высоких, чисто выбритых вельмож средних лет с брюшком.

— Вероятно, именно поэтому его выбрали посланником, — сказала Сентерри. — С другой стороны, может существовать некто, пытающийся убедить всех, что как раз принц и является организатором.

— Сомневаюсь, — произнес Ларон. — Кастелян был в Палионе четыре месяца назад, и он посетил королевский дворец. Думаю, посланника он знал. Хотя их могли и познакомить уже там. Вспомни, у Карасерна, очевидно, была очень веская причина послать два отряда против Гвардии Сопровождения Путешествий. Мы все-таки одержали победу, и те, кто оказался тогда в городе, все видели. На самом-то деле произошел вооруженный мятеж. Кастеляну не нужна была война со всей Сарголанской империей.

— Пока он был уверен, что империя заставит его за это отвечать! — заключила Сентерри.

— Да. Так вы думаете, Ваше Высочество, за всем этим стоят ваши люди?

Сентерри взяла капитана за руку и повела обратно к командиру горных улан.

— Спасибо, ваша информация оказалась чрезвычайно полезной, — произнесла она любезно. — Теперь вы мой пленник, и, когда я приеду в Логьяр, предоставлю вам возможность

выбирать: присягнуть на верность мне или ждать выкупа. Капитан Ларон, мне бы хотелось, чтобы Регентская Гвардия отправлялась в путь.

Хартман наблюдал за длинной вереницей воинов, ожидающих прибытия белой лодки. «Даже во время путешествия в Мрачные Земли знать идет вперед», — подумал он.

— Реккон Хартман здесь? — спросила женщина в красной одежде, правившая лодкой.

— Это я, — произнес дух Хартмана, поднимая руку.

— Ты встречался с моим возлюбленным, Эндри Тенноне-ром?

— Я — что? — воскликнул Хартман, с трудом делая несколько шагов мимо удивленных духов мертвых дворян. — Но ведь вы — Смерть.

— Как он? — спросила мадам Джилли, помогая Хартману забраться в лодку. — У него уже появилась любимая?

— Вроде как да. Она обладает сверхъестественными возможностями, и в ее жилах течет холодная кровь. Но она перестала разрывать у людей горло и пить их кровь из-за любви к нему.

— Да? — пронзительно вскрикнула мадам Джилли, отталкиваясь от берега. — Чудесно! Кстати, не называйте меня Смертью, это совсем не так.

Уоллесу пришлось ехать верхом, и от седла у него все болело. Раненые стонали от быстрого темпа, которого придерживался Ларон, но выбора не было. Эссен прикинул, что, вероятно, горным уланам хватит трех дней на восстановление моста, и всадники на лошадях пересекут реку. Если только враг их настигнет, все закончится очень быстро: сейчас Гвардия Сопровождения Путешествий не представляла

собой реальной силы, они были истощены. Однако Эссен не учел тот факт, что конница из соседнего города может прийти им на помощь и напасть на неприятеля. В действительности так и произошло, и если бы Сентерри и ее свита остались возле моста, то были бы спасены, как только появился бы временный веревочный мост, сооруженный ее верными подданными.

Когда Стена Драконов осветила сумерки, они остановились и отпустили лошадей пастись. Поблизости находилась маленькая укрепленная таверна, но внутри устроились сторонники вражеских улан, которые вряд ли были бы рады их видеть. Повозку и стреноженных лошадей пришлось оставить в поле. Эндри заметил, что у колеса телеги сломалась ось. При свете костра он пытался ее починить.

Ларон отдал приказ спать только до рассвета: тогда следовало продолжить путь. Трактирщик мог оказаться не лучше кастеляна и рассказать преследователям о них. Спустя несколько часов Эндри, несмотря на слабость и усталость, поправил ось. По отблеску за горами стало понятно: поднимается Мираль. Значит, уже наступила полночь.

— Тебе надо поспать, потом не будет возможности, — услышал Эндри голос Гилврэя рядом.

— Слишком много разных мыслей, сир, — ответил он, ища в темноте командира.

— У тебя первая битва? — спросил Гилврэй, осторожно вставая и очень медленно пододвигаясь к нему.

— Битва... а-а-а... да, первая, сир.

— Ты отлично сражался. Гвардеец Палвер сказал, ты расправился с двумя уланами, атаковавшими его. Да и я сам видел, как ты храбро бился.

— А, я неплохо дрался раньше.

— Мне довелось поучаствовать в двенадцати настоящих сражениях. Они были немного масштабнее вчерашнего, но не столь кровопролитными.

Эндри не ответил. Молчание затягивалось.

— Я ушел из Палиона с почти сотней гвардейцев. Нас осталось лишь девять.

— Еще пять рекконов, сир, капитан Ларон — и рядовой Уоллес.

— Тогда шестнадцать, но всего девять из них — гвардейцы. Мы вчера потеряли девять или десять убитыми, Эндри. Даже один павший считался бы катастрофой в других битвах. Я могу назвать имя каждого убитого. Все они были храбрыми, и не важно, живы они еще или уже нет.

— Должно быть, вам очень важно защитить принцессу, сир.

— О да, и не только мне, но и всем гвардейцам, мертвым и живым. Это дело чести. В прошлом году принцессу Сентерри похитили, и мы оказались бессильны. Стражники охраняли пустые комнаты, а мы, Гвардия Сопровождения Путешествий, прочесали даже пустыни и не нашли ничего, кроме слухов. А в то время принцесса находилась в руках работорговцев. А потом один из ее братьев, а может, кто-то из слуг выяснил, что она жива. Вскоре принцесса была спасена. Без нашей помощи. И решила не возвращаться во дворец, а остаться в другой стране, помогая беглым рабам и всем страждущим. Потом она приехала обратно. На этот раз мы смогли защитить ее честь. Она станет хорошим регентом, когда мы вернемся в Логьяр. Хотя со смертью Коссерена Сентерри перестала быть королевой...

— А кто такой регент, сир?

— Регенты правят, когда нет подходящего монарха: он слишком юн или слишком глуп, или слишком ленив. В Кейпфанге семья, обладающая властью, объединилась с местными вождями около восьмидесяти лет назад. Восстание было подавлено, монарха лишили наследства, но появился претендент на трон. Им стал виконт Коссерен. Когда Сентерри вышла за него замуж, по сарголанскому закону ее объявили королевой Кейпфанга.

— Он, казалось, был добрым человеком, сир, и умело обращался с лошадью и топором.

— Таким он и должен был быть. Большую часть своих двадцати четырех лет Коссерен потратил на верховую езду и фехтование, его учителями являлись величайшие люди империи. В Гвардии Сопровождения Путешествий он считался лучшим фехтовальщиком — гораздо лучше меня. Из шестидесяти дуэлей ни в одной он не потерпел поражения. Две были против Ларона, одна — против меня.

— Простите меня за дерзость, но кто бросил вызов, сир?

— О, Коссерен, всегда Коссерен. Если бы у тебя была репутация человека, умеющего обращаться с топором, ты бы не упустил возможности вызвать кого-то на дуэль и лишний раз отстоять свою честь.

— Он никогда не бросал мне вызов, сир, а господина Ларона я побеждал.

— Но ты — наемник из чужой страны, причем очень сомнительного происхождения... Ты даже, можно сказать... — Гилврэй поднес палец к губам и подмигнул: — из низшего класса. Вот если бы ты рассек ему лицо надвое и таким образом одержал победу, то всю оставшуюся жизнь ему пришлось бы объяснять, как какой-то грязный ублюдок из Альберина смог взять над ним верх. Шрам, оставленный мной, считался бы ранением, полученным в результате сражения с капитаном Гвардии Сопровождения Путешествий. И этим он бы не преминул похвастаться.

— Так он и правда был отличным воином, сир?

— Храбрости ему было не занимать, не спорю. Но Коссерен был слишком глуп. Пьяница, лежащий в грязи во время сильного дождя, — и то лучше, чем Коссерен.

— О нет, сир. Принцессе Сентерри он нравился.

— Принцессе он не нравился, она лишь подписала некие свитки, дала клятву и лежала в его кровати, пока он... На самом деле, он что-то делал в спальне такое, что очень раздражало принцессу! Хотя, возможно, Фортуна не всегда посылает страдания тем, кто влюблен.

Эндри почти мгновенно уловил скрытый намек в словах Гилврэя. Он немного поколебался и решил, что обычные формальности капитан на время решил забыть и, возможно, проверяет, задаст ли он вполне очевидный вопрос.

— Разрешите спросить, сир. Вы любите принцессу? — произнес Эндри.

— О да. Я обожаю ее, и уже два года состою у нее на службе. Но я понимаю причины, по которым она вышла замуж за виконта Коссерена. Сентерри получила королевство в составе империи. Некоторые посылают на смерть тысячи людей для того, чтобы покорить меньшие по размерам территории. Теперь он мертв... Но у меня нет королевства, которое я бы мог ей предложить.

— Уоллес! — прошептал Эндри.

Уоллес заворчал, но перевернулся.

— Уоллес, ты спишь? — спросил Эндри, стаскивая с него одеяло.

— Почему из всех вопросов, которые можно задать, я слышу именно этот...

— Понимаю это как «нет». Ты должен помочь мне приладить колеса к новой оси телеги.

— Черт бы тебя побрал вместе с твоей телегой!

— На ней ты завтра поедешь, если колеса будут на месте. Со мной сейчас разговаривал капитан Гилврэй. Он сказал, что если повозку не починят к рассвету, то мы оставим ее здесь.

— О, черт с тобой, Эндри. Ладно.

Несмотря на свои недовольства и жалобы, Уоллес был физически крепок и, в отличие от других, практически не ранен. Вскоре они прикрепили правое колесо. С левым все оказалось гораздо проще, и через двадцать минут — в течение этого времени Уоллес не переставал злиться — телега стояла на колесах.

— Вся эта изнуряющая езда верхом, и вот теперь у нас снова есть повозка, — вздохнул Уоллес, садясь на траву и рассматривая телегу в зеленом свете Мираля.

— Неважно, хорошие новости или не очень, у тебя всегда найдется, на что жаловаться, Уоллес, — сказал Эндри, устраиваясь рядом с ним. — Что ты знаешь о капитане Гилврэе?

— Ты имеешь в виду капитана Гвардии Сопровождения Путешествий?

— О боги лунных миров! Уоллес, здесь есть всего один Гилврэй! Он — единственный, у кого дырка в голове больше, чем у меня.

— А, он — праправнук одного лорда с Альпенниен, которого насильно привезли в Палион восемьдесят лет назад и заковали в кандалы после великого восстания 3061 года. Его семья в течение трех поколений находится на службе у императора.

— Я заметил натянутые отношения между ним и Коссереном, — начал Эндри.

— Ну не будем об этом, если, конечно, ты не хочешь этими словами стереть все различия между тридцатью разными социальными категориями и классами.

— Эти различия уже не важны, — сказал Эндри. — Теперь натянутые отношения возникли между ним и Ларoном.

— Ах да, Ларон. Довольно милый молодой человек, который сражается подобно пантере, но обладает мудростью и манерами древнего старика. С ним не все так просто. Он сыграл свою роль в бегстве принцессы от работорговцев, затем был ее спутником, поскольку Сентерри некоторое время жила как простая женщина, пытаясь понять саму себя. Некоторые считают Ларона возлюбленным принцессы.

— Думаешь, это правда?

— Вероятно, нет. Хотя виконт Коссерен был бы слишком глуп, чтобы жаловаться на свою невесту, потерявшую невинность до свадьбы — ведь она дочь императора.

— Она вышла за Коссерена по любви? Не могу в это поверить! — сказал Эндри, качая головой.

— Ха! По сравнению с ним даже ты кажешься разумней. Все было делом рук императора. Сентерри хотела стать независимой, а отец направил ее желание в нужное русло. Правление Логьяром и титул королевы обеспечивали относительную свободу, и соблазн оказался слишком велик. Она вернулась к светской жизни в Палионе: Сентерри провозгласили королевой и регентом при самом императоре после свадьбы с виконтом Коссереном, который являлся претендентом на трон Кейпфанга и...

— Я знаю все это.

— Час спустя император был убит, и я...

— И это я тоже знаю. Так кем теперь, после смерти Коссерена, является принцесса Сентерри? И капитан Ларон?

— Ларон — ее личный маг, даже несмотря на то, что у него всего лишь девятый уровень. У капитана есть свиток посвященного из одной диомеданской академии, но ничего более. Ни важного общественного положения, ни прошлого, ни семьи. По его словам, он потерял все, когда сгорела Торея. Очень удобно: сгорела Торея. Все исчезло, и все исчезли. Вероятно, большая часть из них даже не была в то время на Торее. Но судя по его манерам, речи и поведению, Ларон — знатного происхождения.

«Судя по его манерам, речи и поведению, — подумал Эндри. — А я кто, если судить по моим манерам, речи и поведению?»

— Что с нами будет, как ты думаешь, Уоллес? — спросил Эндри, внезапно почувствовав себя очень усталым.

— Ну, на самом деле, перспективы у нас хорошие. Если ты уйдешь в отставку без тысячи акров и маленького замка, я буду очень удивлен.

— А ты, Уоллес?

— О, мне бы хотелось следить за твоим хозяйством. Ведь моя биография не из самых лучших, да? Мы бы могли стать мощной силой при дворе Логьяра, с твоей-то храбростью и моим пониманием тайн, страсти и политики. Я...

— Тайны, страсть и политика! — шепотом воскликнул Эндри.

— Все это очень важно. Я узнал, что простые люди тоже делают то, что им нравится. Придворные просто не сплетничают о них, а барды не сочиняют о них песен.

Эндри ничего не сказал. Сначала Уоллес подумал, что он придумывает подходящий ответ, но потом понял: Эндри заснул.

— Как обычно, — пробормотал Уоллес. — Будит меня, а сам засыпает. А мне теперь не уснуть. Но сейчас хоть есть повозка.

На следующее утро они свернули лагерь, когда солнце еще не поднялось выше линии горизонта. Перед отбытием Гилврэй созвал всех. Капитан выглядел очень слабым: Костигеру пришлось поддерживать его. Но Гилврэй хотел удостовериться, что все знают о передаче полномочий.

— Я хочу объявить о следующем: сегодня рано утром Ее Императорское Высочество назначила капитана Ларона главнокомандующим Регентской Гвардии до тех пор, пока мы не доберемся до Логъяра, — начал он. — Поскольку предстоит очень опасное путешествие, нужен крепкий и физически выносливый человек. Капитан Ларон сейчас обратится к вам.

Ларон поднялся со своего места. Он стал говорить быстро, словно боясь навлечь на себя недовольство:

— После вчерашней битвы нас осталось мало. Но я сомневаюсь, что враг пойдет по нашим следам, не имея, по крайней мере, сотню уланов и лошадей. Потребуется время, но они отправятся в погоню. Когда неприятель прибудет сюда, люди из той укрепленной таверны скажут, сколько дней назад мы ушли, много ли нас и в каком мы состоянии. Поэтому спрячьте свои бинты, сидите в седле прямо и смотрите так, будто уже готовы к очередной битве. Врагу придется вести себя более

осторожно, а осторожность заставит их двигаться медленнее. Я должен еще добавить, что при принятии важных решений буду советоваться с капитаном Гилврэем, и если со мной что-то случится, командование перейдет к нему.

Эссен отвел Ларона в сторону, пока остальные седлали лошадей. Он кивнул головой в направлении укрепленной таверны.

— Все мертвы, сир, — тихо сказал он.

Ларон заметил, что из трубы не идет дым.

— Я не понимаю, — ответил он, вздрогнув, хотя отлично все понял.

— Пойдемте, посмотрите на все своими глазами.

Часть крыши таверны, не видимая из лагеря, была вырвана, несколько балок превращены в щепки. Казалось, здесь орудовал чей-то огромный клюв.

— Я стоял на страже за два часа до рассвета, — рассказал Эссен, пока они шли дальше. — Неожиданно появился не то дракон, не то птица. Вел себя очень тихо, несмотря на свои размеры. Он был величиной в башню. Дракон нагнулся и засунул голову внутрь таверны через эту соломенную крышу. Я видел, как он вытащил оттуда пятерых и проглотил. Потом он улетел.

— Почему ты не поднял тревогу? — сердито спросил Ларон.

— Мы потушили костры, люди спали. Я подумал, лучше оставить все как есть, сир, чем паниковать и привлечь внимание дракона.

Ларон на мгновение представил последствия хаоса, в который оказались бы вовлечены больные и раненые, и дракона, такого огромного, что он мог проглотить корову.

— Правильное решение, маршал Эссен, — признал он.

Они залезли в таверну через дыру в крыше. Гигантский хищник просто забрал людей, а все остальное оставил нетронутым.

— Пусть Уоллес пригонит повозку сюда, но скажи ему, что люди из таверны ночью бежали, — сказал Ларон, осмотревшись. — Возьмите оттуда все, что может пригодиться. Вероятно, путешествие растянется на неделю.

— Но, кажется, драконы летят туда же, куда идем мы, — сказал Эссен.

— Да я заметил. Может быть, их специально направляют по нашему пути. Кто-то надеется, что они нападут и на нас тоже, но, может быть, они не умнее павшего виконта. Этот дракон напал на таверну — место, где чаще всего останавливаются люди. Может быть, нам следует избегать трактиров. Может быть, может быть, всегда может быть.

Ларон добился того, что за день они прошли достаточно много по извилистым горным дорогам, хотя, если смотреть по карте, казалось, что очень мало. Эссен отлично знал местность, поскольку служил здесь пять лет назад. Первоначально предполагалось пройти по главной дороге к южным кастелланиям Альпенниен, а затем отправиться дальше на юг, в Логьяр. Корма для лошадей было достаточно, а фермеры и жители деревень считали, что отряд принадлежит какому-то вождю в Альпенниен. Никто из разбойников и не думал нападать на такую большую вооруженную группу, но Ларон начал беспокоиться: все идет слишком уж хорошо. Он подумывал, не пытается ли кто-нибудь внушить им ложное ощущение безопасности.

— Если наших пленников опознает хоть один сельский житель, местное ополчение не пропустят нас спокойно, — говорил Ларон, идя с Эссеном во главе отряда. — Может, спрячем их в повозку?

— Перед нами появится, по крайней мере, пять пропускных пунктов, сир. Телегу обыщут в каждом из них.

— Я не позволю, чтобы их убили, и мы не можем их отпустить, поэтому в Логьяр придется идти другим путем. Но каким?

— Через Альпенфаст, сир. Там, где храмы Небесного Зеркала.

— Альпенфаст. Это независимая кастеллания в Альпеннии, как я припоминаю.

— Да, сир. Они попытаются заставить нас отпустить пленных прежде, чем мы минуем их земли, но нападать на нас не станут. Альпенфаст находится глубоко в горах, так что когда узники выберутся к ближайшему большому городу и поднимут тревогу, мы будем уже в безопасности.

— Есть еще какой-нибудь путь к Логъяру?

— Если у вас есть крылья, сир, тогда можно полететь.

— Тогда Альпенфаст! И не говори никому, пока мы действительно не свернем с дороги.

На третий день Эссен приказал свернуть на очень узкую тропу и идти на юго-запад. В отряде это вызвало непонимание: многие, зная особенности дороги, не посчитали решение Эссена правильным.

— Если бы дорога была кораблем, крысы бы стали покидать его, — сказал Эндри, вместе с другими рекконами пробираясь среди валунов, оползней и кустарников, растущих посередине дороги.

— Кажется, здесь тысячу лет никто не ходил, — заметил Уоллес. — Почему люди перестали пользоваться этой дорогой?

— Наверно, потому, что какой-то удалец сжег мост.

— Опять ты за свое! Если бы я не поджег тот мост, мы бы давно уже стали обедом для горных грифов.

— Не уверен, я не видел никаких грифов или орлов в последнее время.

— Да им тут есть особо-то нечего, наверное, — пробурчал Уоллес. — Но и нам не на кого охотиться, а запасы продовольствия подходят к концу. Повару не так-то просто.

Ларон приказал остановиться, чтобы рекконы могли вернуться и скрыть следы, свои и лошадей, в том месте, где они сменили направление движения. Дорога напоминала путь к какой-то ферме, поэтому хотелось надеяться, что преследователи не заметят ее или не обратят внимания. Корма для лошадей было мало, но они пока не были сильно голодны. Время от времени им встречались небольшие домики, из трубы которых шел дым, но никто ни разу не вышел оттуда, желая поприветствовать гостей.

— Просто вообрази, как же там живется, — сказал Эндри. — До ближайшей таверны еще идти и идти.

— И ближайший приличный рынок — в городе Карунзель, — добавил Уоллес.

Странная заброшенная тропа вела их все выше, и вскоре вместо редких домиков им стали встречаться лишь руины. Ночью величественная мерцающая пелена — Стена Драконов — была так близко, что, казалось, краем своей радуги касалась головы и сияла подобно Миралю.

Мираль теперь поднимался около восьми часов утра и садился через пару часов после захода солнца. В полдень двадцать восьмого дня Пятого месяца отряд подошел к внушительных размеров, однако не лишенной изящества стене. Она была не менее шестидесяти футов в вышину и перекрывала ущелье, по которому пролегала дорога. В основании находилась двойная дверь из крепкого дерева, а на скале выше значилось слово «Альпенфаст».

Не успел отряд дойти до стены, как отворилась левая половина двери. Появился караульный в блестящем стальном шлеме и доспехах и поднял руку. Ларон слез с лошади и направился к нему.

— Кто вы? — спросил караульный на придворном сарголанском.

— Мое имя — капитан Алиасар, и я действую от имени принцессы Сентерри из Сарголанской Империи. Прошу предоставить нам убежище от мятежников из Альпенниен.

— Немногие путешественники приходят по этой дороге, — ответил караульный. — Только мародеры и бандиты. Именно поэтому мы и построили стену.

— Мы шли так, желая укрыться от преследователей, у нас не было выбора. Каким будет ваш ответ? Большинство из нас серьезно ранено.

— Вижу, у вас трое пленников.

— Да, из отрядов, которые напали на нас.

Караульный скрылся за дверью, но не стал закрывать ее за собой. Прошло несколько минут, и он вновь появился перед Ларoном.

— Капитан Алиасар, я могу предложить вам убежище от имени моего господина. Но в Альпенфасте царят мир и покой. Ваших пленников придется освободить.

— Принцесса Сентерри знает о ваших правилах и обычаях. Она хочет отпустить их здесь на свободу.

— В таком случае — добро пожаловать!

К вечеру они подошли к самому Альпенфасту. Он был скорее похож не на город, а на монастырь: множество храмов вокруг огромного университета, и некоторые из зданий тянулись вплоть до самого озера «Небесное Зеркало» — широкой спокойной водной глади, окруженной горами. Отряд прибыл тихим вечером: вершины и склоны отчетливо отражались на неподвижной поверхности воды.

— Здесь живут этеорены, — объяснил Ларон, огибая Небесное зеркало по дороге, вымощенной красным гранитом, и подходя к домам. — Жрецы, посвятившие себя изучению эфирных сил и небесного свода. Они живут здесь уже более четырех тысяч лет.

— Их прибрежные храмы и дворцы — настоящие шедевры искусства, — добавила Долвьенн.

— Да, разве они не прекрасны? Они являют собой одиннадцать важнейших архитектурных стилей и школ акреманской цивилизации, успевшей возникнуть и пасть за то время, пока этеорены вели свои научные изыскания.

— Там строится дворец в сарголанском стиле, — сказал Уоллес, сидя в повозке и указывая на здание с изогнутыми куполами и огромными сводчатыми окнами.

— Даже если когда-нибудь Сарголанская империя встретит свой конец, в том дворце будут жить, — произнес Ларон.

— Хорошее место, — заметил Эндри. — Как бы остаться здесь навсегда?

— Они умерщвляют свою плоть и дают обет безбрачия на всю жизнь.

— Ох. Ну тогда только зайти в гости, не более.

— Я думал, ты бросил пить, Эндри?

— Почти, но мне нравится компания тех, кто пьет. Кстати, у меня есть возлюбленная.

— В таком смысле это слово употребляют впервые, — произнес Уоллес.

— Ты не понимаешь значения, — ответил Эндри.

— Она заморила себя голодом и теперь не может даже двигаться.

— Да, но я уважаю ее за это. Она делает так из-за меня.

— Я бы никогда не заморил себя голодом из-за женщины.

— Уоллес, ты бы предпочел, чтобы женщина тебя бросила?

— Ох. Э-э-э... Ну, конечно, меня всегда очаровывали маленькие глупости, которые делают влюбленные, желая доказать свою страсть. Поцелуй ее от меня, Эндри.

— Сомневаюсь, что ей это понравится.

Каждому из отряда было оказано внимание со стороны жрецов, когда они дошли до дворца, построенного этеоренами пятьсот лет назад для своих гостей. У многих началась

лихорадка: раны стали воспаляться, несмотря на все усилия, приложенные Ларoном и Эссеном. Удивительно, но Гилврэй, получивший самые серьезные травмы, быстро шел на поправку. В свете предстоящего обеда Ларон решил формально передать ему командование Регентской Гвардией. Жрецы настаивали, что пленников не следует отпускать до тех пор, пока принцесса Сентерри и ее свита также не соберутся в путь, чтобы ни у кого не было преимущества во времени.

После обеда Сентерри, Долвьенн, Ларону и Гилврэю подали хмельной мед на каменном балконе на отвесной стене, откуда открывался прекрасный вид на озеро.

— Вода такая спокойная, что видно, как в ней отражаются звезды, — произнес Гилврэй.

— Озеро кажется отверстием в земле, через которое проглядывает другое небо, — сказала Долвьенн.

— Жрецы говорят, нам повезло, — добавил Ларон, перегнувшись через мраморные перила и глядя в воду. — Торейские бури обычно вызывают волны. Вероятно, Стена Драконов и на самом деле сдерживает их.

— Разве не для этого ее и создавали? — спросила Сентерри.

— Да, Ваше Высочество, но не всегда получается именно так, как было задумано.

Они немного помолчали, наслаждаясь тем, что никуда не нужно ехать, а можно спокойно отдохнуть на чем-то более удобном, чем седло, скала, трава и козлы повозки Уоллеса. Воздух быстро свежел, ветер сменился к ночи. Когда Долвьенн, съежившись от холода, начала дрожать, Гилврэй дал ей свой плащ.

— Хотелось бы знать, сколько гвардейцев и улан полегло в той битве, — произнесла задумчиво Сентерри, словно обращаясь сама к себе.

— По подсчетам капитана Ларона, приблизительно девяносто гвардейцев, один реккон и один студент либо мертвы, либо пропали без вести, — сказал Гилврэй. — Вероятно,

триста улан были убиты или так серьезно ранены, что упали с лошадей. Думаю, погибло еще приблизительно шестьдесят человек, когда обрушился мост через реку Рейсвотер.

— Так много, — проговорила Сентерри, которая прежде никогда не видела настоящей битвы.

— За всю историю одному отряду не удавалось обратить в бегство целое войско, — заметил Гилврэй. — Гвардейцы, отдавшие свою жизнь в этой битве, будут воспеты бардами.

— Однако это ужасная цена... просто за то, чтобы защитить мою честь.

— Мы все посчитали за честь заплатить такую цену, Ваше Высочество. Для нас было позором то, что однажды вы попали к работорговцам.

— А теперь я могу считать себя свободной? Это горы Альпенниен, а их жители, кажется, подняли восстание.

— Вы по-прежнему под защитой гвардейцев, хотя их сейчас в десять раз меньше, чем прежде.

— Да, — вздохнула Сентерри, откидываясь назад на своем сидении. — Если бы мне пришлось выбирать между вами с вашим отрядом, капитан, и девятью полками улан, я бы выбрала первое. Не проводите ли вы нас в спальню?

— Конечно, Ваше Высочество. Госпожа Долвьенн?

Гилврэй протянул руку поднимавшейся Долвьенн и помог ей встать. Хромая, она шла между Сентерри и Гилврэем, опираясь на них. Ларон смотрел им вслед, затем повернулся обратно к озеру. «Они ни разу не упомянули виконта Коссерена, — подумал Ларон. — И всего один раз прозвучало мое имя. Но уж лучше один раз, чем ни разу».

Веландер перенесли в лазарет, где монахини ее вымыли и уложили в постель. Они очень беспокоились, что девушка была очень холодной, а ее сердца не бились. Но Эндри их успокоил, сказав, что для нее это нормально. Ее клыки и когти

почти исчезли, и Эндри не пришлось давать никаких неприятных дополнительных объяснений. Когда один из жрецов поднял веко Веландер, оттуда вырвался яркий бело-голубой свет.

— Я Селверис, медикар, — сказал священник, который привел Эндри в комнату Веландер. — Она ненадолго пришла в сознание, когда я осматривал ее, а сейчас... Могу сказать лишь одно: она ни на что не реагирует.

— Ее состояние... э-э... немного тревожит, — осторожно произнес Эндри.

— Тревожит? — повторил жрец, стоящий рядом с ним возле кровати Веландер. — Ты понимаешь, что, если принять во внимание результаты несложных проверок, она мертва, хотя и может говорить и чуть-чуть двигать рукой? А свет из ее глаз!

— Что вы посоветуете? — спросил Эндри. — Завтра мы должны уйти.

— Без сомнения, Веландер лучше не оставаться здесь. Конечно, она может пробыть тут столько, сколько...

— Проживет?

— Я хотел сказать «пожелает», Эндри. Я ничего не могу для нее сейчас сделать, но подозреваю, что ей будет лучше, если ты здесь переночуешь. Сестра может понаблюдать за ней, а ты поспишь.

— Сир, я не могу навязываться...

— Капитан Ларон говорил, ты ей очень дорог.

— Я... я... я... — Эндри дышал с трудом, его лицо покраснело.

— Извини, Эндри, я тебя обидел?

— Я... нет, но... Веландер значит многое и для капитана, и...

— Еще одна очень неловкая ситуация?

— Э-э-э... да! Да. Э-э-э... Еще одна?

— Люди часто рассказывают медикарам вещи, которые не решились бы поведать даже возлюбленным... особенно тогда, когда видят медикара в первый и последний раз. Энд-

ри, если вспомнить все сложности и обстоятельства, от твоих спутников у меня волосы встали бы дыбом — если бы у меня вообще были волосы, конечно. Оставайся со своей девушкой, парень. Я пришлю сестру.

Медикар поклонился и вышел. Эндри сел на кровать рядом с Веландер и взял ее за руку. Ее кожа была холодной, но сухой.

— Эндри, — прошептала девушка.

— Вел, ты проснулась!

— Я все слышала. Ты был ранен, Эндри?

— Только лицо.

— Можно потрогать?

Эндри положил ее пальцы на шрамы на правой щеке.

— Впечатляет. Должно быть, выглядит... лихо. Нравится девушкам.

Эндри нежно поцеловал ее в лоб, затем в губы. Тонкие лучи фиолетового цвета между ними немного подрожали и исчезли, когда он снова сел.

— Я хочу нравиться только тебе.

Сестра принесла лекарства и положила их рядом с кроватью, но голова Эндри по-прежнему оставалась на груди Веландер. Ее сердца не издавали ни звука.

— Как была битва, плохо? — спросила Веландер, когда сестра ушла.

— О да.

— Ты убил кого-нибудь?

— Нет. Хартман и я сражались вместе. Я начинал, он приближался сзади и убивал. До тех пор, пока его самого не убили.

— Ты никого не убивал?

— Нет, никого.

— Случайно, Эндри?

— Когда мог, я пытался оглушить врага топором.

— Почему?

— Ну, чтобы они остались живы.

— Они же хотели убить тебя!

— Ну да, но, знаешь, их всех ждали девушки, семьи, друзья, они любили выпить и, вероятно, старались как-то улучшить свою жизнь. Я хочу сказать, что у них была своя жизнь и место в жизни остальных. Я не мог просто взять и покончить с этим.

— Эндри, Эндри... изумительно. Ты желаешь научиться утонченным манерам и изменить себя в лучшую сторону... но ты уже лучше. Лучше, чем остальные. Лучше, чем я.

— Ты глупышка, Вел.

— Нет, Эндри, послушай. Некоторых из тех, кого ты встретишь, ты будешь должен убить. Если оставишь их в живых, не уничтожишь зло.

— Ты имеешь в виду, мне надо было убивать людей в сражении?

— Я имею в виду, ты думаешь... э-э-э... как все люди, похожие на тебя. Ладно. Я говорю плохо. Очень плохо.

— Перед тем как ты умерла, Вел, ты кого-нибудь убила?

— Да. Шла война.

— Ох. Тогда ты, наверно, думаешь, что я слаб и глуп.

— Нет. Я считаю тебя самым замечательным человеком во всем мире. Восхищаюсь тобой. Обожаю тебя. Убийство дракона изменило меня, но... встреча с тобой изменила меня еще больше.

Эндри сел, погладил ее волосы. Некоторое время они молчали, наслаждаясь безмолвным присутствием друг друга.

— Ларон говорит, ты — жрица из Метрологов. Они образованные люди. Изучают звезды, но и не бросают людей, попавших в беду.

— Замечательно ты их описываешь.

Он положил свою руку поверх ее руки.

— Веландер, если ты выкарабкаешься, ты думаешь, мы справимся?

С видимым усилием Веландер схватилась за его пальцы.

— Если... было бы чудесно... но «если» не бывает. Эндри, тебе же нравится Терикель, да?

— Ну да, она приятная и мудрая женщина, — осторожно ответил Эндри.

— Нет! Она нравится тебе... ну как ты выражаешься... как твоя девушка?

— Что? Она — старейшина всего Ордена Метрологов, и одна из сильнейших магов мира, я даже не мечтал о том, чтобы подержать ее за руку.

— Терикель, она глубоко опечалена. Дает приказы, много работает, страдает, переносит ужасные тяготы — все ради добра. Иногда сталкивается с очень неприятными людьми, и все ради добра. Будь рядом с ней, Эндри. Если ей нужна поддержка, поддержи ее. Сделай это для меня, так легче уйти в Мрачные Земли.

— Нет, Веландер! Ты — моя девушка, так нечестно!

— Честь? — тихо засмеялась Веландер. Глупый. Говоришь как Ларон.

Через шесть часов после полуночи Эндри, забывшийся усталым сном возле кровати Веландер, проснулся оттого, что его кто-то тряс. При свете тусклой лампы он увидел Ларона, стоящего перед ним и прижимающего к губам палец.

— Пойдем со мной, — тихо сказал тот и вывел Эндри из комнаты.

— Еще даже солнце не встало, капитан, — произнес Эндри, пока они шли мимо крытой галереи с колоннами, увитыми плющом. — Что происходит?

— Ты приглашен на завтрак. Это будет очень хороший завтрак. На великолепном каменном балконе над озером, когда лучи солнца озаряют с востока горные вершины, а воды Небесного зеркала еще окутаны легкой дымкой, такой же

голубой, как небо. Думаю, подадут хрустящий хлеб и мед из клевера с прохладным мятным молоком. К сожалению, некоторые из приглашенных в очень плохом настроении и готовы сражаться друг с другом до победного конца, а затем перебросить поверженных через перила моста в озеро — а ведь ущелье не меньше девяноста футов в глубину. Понимаешь, выяснилось, что истории, которые были рассказаны, не всегда и не во всем совпадают.

— Ох. А кто это люди?

— Я, капитан Гилврэй, принцесса Сентерри, госпожа Долвьенн — назову лишь несколько имен. Верховный надзиратель Альпенфаста согласился рассмотреть это дело, и инквизитор задаст пару вопросов.

— Рассмотреть де...

— Рассмотреть дело. Это когда судья решает, кто прав, а кто виноват. А сейчас из надежного источника мне стало известно, что ты никого не убивал и ты — девственник.

— Уоллес! — пробормотал Эндри, и на его лице было такое выражение, словно он готов покончить с собой.

— Это правда?

— У меня, как у реккона, есть право на небольшие личные тайны, капитан, неужели нельзя оставить это как есть, и пусть гадают?

— Эндри, тебе скоро зададут вопросы, когда ты будешь находиться под воздействием очень опасного эфирного заклинания. Если ты убивал или с кем-то хоть раз переспал, тогда ты ощутишь боль, словно в каждую клетку твоего тела вонзятся раскаленные добела иглы. Если нет, ты ничего не почувствуешь. Я снова тебя спрашиваю, ты убил когда-нибудь кого-нибудь и занимался ли ты любовью с женщиной?

— А Уоллес не узнает?

— Нет.

— Тогда ответ «нет» и «нет».

Они прошли еще сотню футов, прежде чем Эндри взял Ларона за руку и остановил его.

— Можно задать очень деликатный вопрос? — спросил Эндри.

— Ты можешь получить неделикатный ответ, но спрашивай, если хочешь.

— Один парень любит знатную женщину, но есть девушка, которая любит его. Девушка действительно нуждается в нем, и он дает ей всю любовь, какую только может, но истинные чувства вынужден хранить в секрете. Чтобы защитить чувства девушки и не создавать неприятностей для той знатной женщины. Он правильно делает?

Ларон скрестил на груди руки и некоторое время смотрел на Эндри, и при свете лампы его зеленые глаза сверкнули.

— Дай-ка угадаю. Ты — парень, Веландер — девушка, а Сентерри — знатная женщина?

— Мне бы не хотелось говорить, господин, но не могли бы вы дать мне ответ?

— Да, Эндри, он поступает правильно. Парень приносит в жертву свое счастье ради девушки, он бы даже умер за нее. Это по-настоящему благородно. И если при этом он тайно любит другую женщину, это еще более достойно уважения. Такая любовь утонченна, и она появилась в другом мире много лет назад. Я лишь здесь узнал о подобных чувствах, поэтому тебе бы лучше спросить совета у кого-нибудь еще.

— Так поступают благородные?

— О да, именно так — и спасибо тебе за то, как ты относишься к Вел.

— О, господин...

— Ни слова больше! Я тоже заботился о ней и тайно любил другую, ты не один такой, Эндри. Теперь пойдем дальше, нас ждут важные и сердитые люди в очень милом местечке.

Как и обещал Ларон, там, куда они пришли, было невероятно красиво, еда и напитки оказались простыми, но вкусными, однако атмосфера была ужасной — словно в бочке,

наполненной большими, волосатыми и крайне злыми пауками. Эндри сразу же заметил Терикель, которая показалась ему очень грустной. Некоторое время все молчали, как будто не желали демонстрировать свою неприязнь до окончания завтрака. Солнце осветило горные вершины, со стола убрали подносы, и все смогли полюбоваться на необычайно красивые дома, озеро и пейзаж вокруг. Наконец прибыли верховный надзиратель и инквизитор, и Эндри с удивлением узнал, что медикар Селверис также являлся верховным надзирателем — и господином всего Альпенфаста. С другой стороны, жители Альпенфаста носили монашеское одеяние коричневого цвета и сандалии, поэтому старшего определить оказалось сложно. Инквизитор был рыжим лысеющим человеком в очках с оправой из проволоки.

— Мне стало известно, что между вами, дорогие гости, возникли враждебные чувства, — начал Селверис, вставая во главе стола. — Раздаются крики, устраиваются сражения, произносятся заклинания. В одном случае шелковую одежду гостя превратили в порошок — это грубое нарушение его прав. Некоторые из моих жрецов были напуганы.

— Кто никогда прежде не видел обнаженной женщины, — добавил инквизитор.

— Хотя мы редко вмешиваемся в дела наших гостей, сейчас гости — вы: главы государства, командующие, обладающие огромной властью, и представители другого, не менее важного, ордена. Вероятно, некоторые из вас являются шпионами и даже имеют захватнические намерения. Поэтому очень многие люди заинтересованы в раскрытии правды. Все ли вы этого хотите? Никому не разрешается уйти прежде, чем все станет известно.

В шепоте, поднявшемся за столом, чувствовалось одобрение. Селверис сделал шаг назад, пропуская вперед инквизитора по имени Малекниар.

— Я — инквизитор Альпенфаста, — произнес Малекниар, слегка кланяясь и складывая руки. — Мне нужны два человека, женщина и мужчина, которые никогда не убивали, чья девственность не вызывает сомнений, то есть она не нарушена. Полагаю, добровольцы Долвьенн и Эндри?

Эндри и Долвьенн вышли вперед.

— Ах, великолепно. Сейчас есть вопросы, пока мы еще не начали?

— Ведь существует множество женщин-девственниц и мужчин—девственников, которые никогда не убивали и живут в ваших храмах, — сказал Эндри. — Почему я?

— Вы не проходили подготовку для ритуала посвящения, и это отличает вас от жрецов Небесного зеркала. Сильные посвященные могут контролировать заклинание и даже искажать правду. У вас нет вопросов, госпожа? — спросил он Долвьенн.

— Я никогда осознанно не убивала, высокоученый инквизитор, но если кто-то умер от ран, нанесенных мной, не повредит ли это?

— Намерение и знание — вот все, что требуется. Что-нибудь еще? Замечательно, тогда мы начинаем. Вы двое, поднимите, пожалуйста, руки и встаньте в центре стола, пока я буду произносить заклинание истины.

Эндри, который не дотрагивался ни до какой другой женщины, кроме Веландер с тех пор, как они покинули Глэсберри, почувствовал, что рука Долвьенн теплая и влажная. Малекниар, сложив ладони, пробормотал какие-то таинственные слова, вызвавшие к жизни потоки эфирной энергии. Они превратились в шар фиолетового цвета размером приблизительно в человеческую голову.

— Пожалуйста, поднесите свободные руки к сфере заклинания истины, — произнес он, заставляя шар подниматься над ними.

Когда Эндри и Долвьенн дотронулись до шара, потоки энергии мгновенно охватили их руки и начали распространяться по всей коже под одеждой до тех пор, пока тела не оказались покрыты тонкой светящейся сеткой фиолетового цвета. Эндри не чувствовал ничего, кроме легкого покалывания.

— Хорошо. Заклинание приведено в действие, и никто не погиб в страшной агонии, можно идти дальше. Как известно, ни Эндри, и Долвьенн не разрешено говорить неправду. Более того, Эндри поймет, когда мужчина солжет осознанно, а Долвьенн — когда скроет правду женщина. Например, Эндри, что ты на самом деле думаешь обо мне, инквизиторе?

— Кажется, вы слишком милы, чтобы быть инквизитором, — сказал Эндри, не задумываясь.

— О, спасибо. Поскольку заклинание истины очень действенно, нам не нужны те ужасные люди, которые, желая добиться правды, пытают и запугивают своих жертв.

— И чаще всего нам требуется приятный и доброжелательный человек, похожий на Малекниара, ведь правду так горько слышать, — добавил Селверис.

— Долвьенн, скажи нам, что ты на самом деле думаешь о своей госпоже, принцессе Сентерри?

— Она — потакающая своим желаниям, тупоголовая, вероломная, плохо воспитанная маленькая дрянь, которая принимает свои лучшие решения только по моему совету, чьи капризы и причуды стоили жизни бессчетному количеству людей...

— Думаю, хватит, — прервал ее инквизитор, повернувшийся к Сентерри. — Ах, Ваше Высочество, по потрясенному выражению вашего лица понятно, что вас немало удивили истинные чувства верной наперсницы. Так почти всегда случается. Наверно, вам следовало первой испытать на себе заклинание истины и дать ответ на вопрос. Вы бы не смогли

остановить себя и говорили без умолку. Хотя наделенный силой посвященный иногда и может солгать, нам станет понятно, если такое произойдет.

Сентерри, пошатываясь, обошла вокруг стола, и инквизитор поставил ее между Долвьенн и Эндри. По его команде они хлопнули в ладоши и приблизились к принцессе.

— Так, а сейчас, Ваше Высочество, может быть, мы услышим, что вы на самом деле думаете о Долвьенн?

— Самодовольная, амбициозная стерва, я не удивлена, что она до сих пор девственница, она такая ограниченная и разумная во всех своих поступках, и ее девственность было бы трудно нарушить даже зубилом каменщика или молотом...

— Хватит об этом! — сказал инквизитор, махнув рукой. — Между вами определенно все давно не так гладко. Ваше Высочество, можно спросить, что вы на самом деле чувствуете по отношению к капитану Гилврэю?

Сентерри удалось некоторое время помолчать, но желание говорить было похоже на то, что чувствует человек, когда ему нужно чихнуть: очень некомфортно до тех пор, пока не сдашься.

— Он так серьезен, и потому я не могу не дразнить его. Я знаю, он влюблен в меня, мужчины часто влюбляются в меня, а после вступают в Гвардию Сопровождения Путешествий. Я переоделась и ехала в «приюте гурмана» лишь для того, чтобы подразнить капитана Гилврэя. А теперь я узнаю о том, что он предал меня. Как так мог поступить любящий меня человек?

— Достаточно, Ваше Высочество, вы свободны, — произнес инквизитор. — Командир Эмтеллиан, наверное, вы следующий.

— Не могу поверить, что я сказала все это, — пробормотала, спускаясь, Сентерри, дрожа и покрываясь потом.

— Командир, скажите нам, кто вы, — сказал инквизитор.

— Я — кастелян Эмтеллиан из Виндовера, командир отряда, сам себя назначивший на эту должность.

Наступило полное молчание. Инквизитор пришел в себя первым.

— А как вы связаны с капитаном Гилврэем? — спросил он.

— Я предложил ему покинутый замок в Клаудфолле с землей в сотню квадратных миль, с тремя деревушками и хорошими пастбищами, если он приведет меня к принцессе Сентерри. Он согласился, и мы вместе разработали план, как схватить ее после выхода с Гвардией Сопровождения Путешествий из города Карунзель.

— Ты — подлое ничтожество, — медленно произнесла Сентерри, глядя на Гилврэя, но тот сидел, закрыв глаза и храня молчание.

— О, понятно. Вы хотели получить за нее выкуп? — поинтересовался инквизитор.

— Нет, я хотел жениться на ней и объединить все земли Альпенниен и Кейпфанга.

От удивления Ларон открыл рот.

— Впечатляет. Тогда у вас была бы половина территории империи и треть всего населения. Но Сентерри уже замужем.

— Виконту Коссерену подготовили славную смерть.

— Кастелян Эмтеллиан, можете вернуться на свое место. Капитан Гилврэй, подойдите сюда и встаньте возле сферы заклинания истины.

У Гилврэя был такой вид, как будто он шел на гильотину. Его глаза по-прежнему оставались закрыты, хотя лицо и было обращено к сидящим за столом, когда он встал между Эндри и Долвьенн.

— Капитан Гилврэй, расскажите о вашей службе.

— Я служил пажом при дворе Палиона в течение трех лет, затем провел семь лет в рядах ополчения, получил дворянский титул. Два года — в числе гвардейцев Сопровождения Путешествий.

— А что вы чувствуете по отношению к принцессе?

— Я обожаю ее с того момента, как впервые увидел. Я думал, принцесса отвечает мне взаимностью, но когда она вышла замуж за виконта Коссерена, я чуть не умер с горя.

— Но вы хотели предать ее?

— Нет, я собирался послать Коссерена против улан Альпенниена с Гвардией Сопровождения Путешествий, и тем временем благополучно доставить принцессу в Карунзель. Она бы стала вдовой, а я оставался рядом, и та подлая, невежественная свинья Коссерен перестал бы причинять ей боль. Принцесса, вероятно, стала бы все больше симпатизировать мне.

— Тебе? — засмеялась Сентерри. — Безземельному офицерику?

— Я жил надеждой. Надежда — это все, что есть у воина. Надежда, что на поле брани не поразит случайная стрела, надежда на повышение, надежда привлечь внимание богатой женщины.

— А что вы делали на границе с самой беспокойной провинцией империи? — спросил инквизитор.

— Старейшина Терикель попросила меня сопровождать ее. Еще в Глэсберри мы стали спать вместе, и я чувствовал, что чем-то обязан ей.

— Ты, подлый предатель! — закричала Сентерри. — Ты восхищаешься мной, ты, ты...

— У меня были дюжины любовниц с тех пор, как вы назначили меня капитаном Гвардии Сопровождения Путешествий. Но, закрывая глаза, я представлял, что каждой из них являлись вы. Терикель...

— Он говорил, я была первой! — воскликнула Терикель, вскакивая на ноги, но затем снова падая на стул.

Ларон положил руку на глаза и покачал головой. Сентерри ухмыльнулась и стала смотреть куда-то вдаль, поверх озера.

— Терикель попросила сопровождать ее сюда, на Альпенфаст, пока принцесса находилась в Карунзеле. Я приехал вместе с ней один, потом ко мне на обратном пути обратился кастелян Эмтеллиан.

— Спасибо, капитан, пожалуйста, садитесь, — сказал инквизитор. — Сейчас вы все, наверно, видите, почему заклинание истины предназначено только для храбрых людей — или для тех, у кого нет выбора. Правда горька, и вы не в силах солгать. Вас видят именно таким, какой вы на самом деле, и часто не с лучшей стороны. Мы, жрецы, соглашаемся проводить этот ритуал раз в неделю и, несмотря на боль, чувствуем невероятное спокойствие. Терикель, теперь ваша очередь.

Терикель беспокойно заерзала и, казалось, вся сжалась.

— Я... я не уверена, что справлюсь, — едва слышно прошептала она.

— Старейшина, вы уже видели истинную сущность других, теперь должны сделать то же самое. У вас нет выбора.

— Нет! Есть вещи, которые...

— Старейшина, взгляните на верхние балконы, окружающие этот. Фигуры на перилах не горгульи, это воины-жрецы с арбалетами. Любой из них может попасть в яблочко с сотни ярдов в ветреный день. Стоит мне указать на вас — и в вашу грудь полетят три дюжины стрел, едва вы успеете сделать вдох. Все присутствующие при заклинании истины равны, даже я должен выйти и отвечать на ваши вопросы, если захотите. Вперед, старейшина Терикель. Этот опыт может изменить всю вашу жизнь.

Дольше, чем остальные, шла Терикель к сфере заклинания истины. Эндри и Долвьенн хлопнули в ладоши и подошли к ней. Терикель прикрыла глаза.

— Старейшина Терикель, что я могу сказать? — начал инквизитор. — Я знаю, что вы испытываете, дорогая госпожа, и поверьте мне, я постараюсь быть как можно более благоже-

лательным. Так, а сейчас... почему вы соблазнили капитана Гилврэя? Только чтобы в безопасности добраться сюда, минуя Альпенниен?

— Нет... нет. У меня были личные причины.

— Восхитительно, моя дорогая, восхитительно, — сказал инквизитор с благоговением. — Вы сопротивляетесь, хотя являетесь посвященной всего лишь одиннадцатого уровня. Только посвященный тринадцатого уровня некогда оказывал противодействие. Вероятно, вам стоит вскоре вновь пройти процедуру идентификации, но сейчас не об этом речь. Какие у вас были другие причины?

На лбу Терикель заблестели капельки пота, и она начала дрожать от напряжения. Рот открылся, челюсти разомкнулись.

— Легче сказать правду, — сказал инквизитор.

— Мне он... нравится.

— Это ложь! — воскликнула тут же Долльенн.

— Это не кончится, пока мы не узнаем правду, — предупредил инквизитор.

По лицу Терикель текли слезы, и они были розоватого цвета. Вскоре их цвет потемнел, и из носа пошла кровь.

— Предать, я хотела предать, я стремилась предать! — внезапно закричала Терикель.

— Скажите нам, кого вы хотели предать, и как.

Вдруг показалось, что Терикель расслабилась, словно решила уступить неизбежному.

— Лишь предательство, предательство ради нашего же спасения. Предательство для меня — это как сильная и острая специя, поверьте, это действительно так. Я предала Ровала, человека, который был очень, очень дорог мне, когда соблазняла... других мужчин, желая добраться сюда. С моим очаровательным, страстным и галантным Ровалом все отношения

были искренними, возвышенными и красивыми, пронизанными любовью, основанными на доверии и взаимной нежности. Но... нет... хватит.

— Продолжайте, — произнес инквизитор.

— Но с... моим покровителем... пришлось раздвинуть ноги... а потом и с капитаном... это был чувственный, великолепный, ослепительный, пьянящий восторг с привкусом вины в каком-то злом экстазе, о да... когда я одевалась утром, меня всегда мучили угрызения совести, но их заглушали мысли о следующей ночи. К тому времени, как я приехала в Глэсберри, капитан уже давно находился в брюхе морского дракона, но здесь оставался Гилврэй, ах... и я знала, что он был галантным мужчиной и стал бы сопровождать меня, руководствуясь благими намерениями, если бы я попросила, но необходимость добраться до Альпенфаста стала поводом его соблазнить, сделать непростительную вещь по отношению к Ровалу... но невероятной силы удовольствие от сознания вины и риска оказалось...

— Достаточно, Терикель, это было не то, что...

— Я говорю правду, сначала я уступила своему покровителю в храме Метрологов в Альберине в ночь перед отплытием. Моя жрица Жустива увела Ровала прочь, когда он пришел и стал искать меня, я слышала неподалеку его голос. Он спросил, куда я ушла и почему не сказала ему, что ухожу. То были его последние слова, которые я слышала. Жустива посоветовала Ровалу идти к ближайшей каменной кладке: туда, по ее уверениям, отправилась я. Он тут же поехал к каменной кладке Септир, не сообразив, что Логъяр находился ближе к Альберину, всего лишь через пролив Страха. В то время я предавалась ласкам с другим мужчиной. Капитан Гилврэй обожал принцессу, и так приятно, когда предательство взаимно. Это произошло после бала...

— Эндри и Долвьенн, отпустите ее! — закричал инквизитор, и Терикель упала ему на руки. — Хорошо, спасибо, и примите мои извинения, — произнес он, отведя старейшину обратно на ее место. — Я совершил ошибку, мне следовало помнить, что вы говорили о личных причинах. Я мог бы определить границы, не унижая вас этим, но что сделано — то сделано. Бывало и хуже, теперь отдыхайте. Высокоученый Селверис, каково ваше мнение?

— Вы сделали грубую ошибку, высокоученый инквизитор. Когда заклинание истины будет разрушено, в шаре появится кнут, и вы получите сто один удар хлыстом.

— В этом нет необходимости, — задыхаясь, произнесла Терикель. — Только я заслуживаю такого наказания.

— Моя обязанность — не допускать подобных промахов, госпожа. Если это все-таки происходит, мне придется превратить это в назидательный урок. Мне следует пытаться выяснить правду, важную для безопасности государства, а не разрушать вашу душу, — Малекниар повернулся к остальным. — Подумайте о своих самых сокровенных и ужасных тайнах, и я смогу их узнать. Если кто-то из вас хотя бы шепнет жестокое или язвительное слово очаровательной старейшине Терикель, я лично позабочусь о еще ста одном ударе хлыстом: такова будет цена за попытку унизить ее.

— Я видел, как он это делает, — сказал Селверис.

Инквизитор снова обратился к Терикель:

— Госпожа, вы сможете снова выдержать заклинание истины?

— Да, — прошептала она, и сама подошла к Эндри и Долвьенн.

— Почему вы приехали в Альпенфаст? — спросил инквизитор.

— Чтобы узнать, каким образом можно разрушить Стену Драконов, — ответила Терикель хриплым и усталым голосом.

— Почему вы хотите ее разрушить?

— Поскольку слишком много силы находится в руках глупых, жестоких, жадных и амбициозных людей.

— Глупый, жестокий, жадный, амбициозный — я думаю, это относится почти к каждому в этом мире. По моему мнению, Стена Драконов — самое большое несчастье, случившееся с нами, с тех пор, как Торея была сожжена другим эфирным механизмом — Серебряной Смертью. Проблема в том, что Серебряная Смерть являлась оружием, оставленным древней высокоразвитой цивилизацией, и, уничтожив, его нельзя было восстановить. Стену Драконов можно создать еще раз, поскольку мы знаем основные правила ее действия. Зачем тогда разрушать, Высокоученая Терикель?

— Когда солдат встречает на поле битвы врага, он сражается, даже если знает, что ему придется драться еще с дюжиной других. Он сражается, надеясь, что все-таки одержит победу. У меня мало помощников, но я верю: мы победим.

— А в чем состоят ваши интересы в политике Сарголанской империи?

— Ни в чем. Я ненавижу это место и хочу домой.

— Что вы хотите от нас, в Альпенфасте?

— Познакомиться с одними из старейших прозрачных драконов: Учителем, Наблюдателем и Судьей.

— Больше ничего?

— Больше ничего.

— Спасибо, госпожа, вы можете сесть. Когда придет время мне получить наказание, вам, конечно, предоставят право нанести столько ударов, сколько посчитаете нужным.

Терикель в нерешительности стояла перед инквизитором, затем обвила его руками и прижалась щекой к его щеке.

— Вас не нужно наказывать за то, что я такая, — сказала она, отступая.

— Именно поэтому меня и накажут, — ответил Малекниар. — Кастелян Эмтеллиан, пожалуйста, вернитесь к заклинанию истины. Поверьте, не будет никаких личных

вопросов, ничего, что не относится к политике. Я не намерен получить больше плетей, чем уже заслужил. О, и, Терикель, вы познакомитесь со старейшими прозрачными драконами.

Эмтеллиан выглядел вполне спокойным, когда снова встал между Эндри и Долвьенн.

— Кастелян, сколько уже вы и принцесса Сентерри планируете побег?

— Около года, — сказал кастелян, не успев испугаться. За столом раздались удивленные вскрики.

— Расскажите нам об этом заговоре.

— Только попробуй! — закричала Сентерри, вскакивая на ноги.

— Сядьте, Ваше Высочество, — произнес инквизитор, невозмутимо посмотрев на принцессу. — Второй раз я вопрос задавать не буду.

— Давай, — сказал Гилврэй.

Сентерри попыталась смерить инквизитора высокомерным взглядом, затем упала на сидение.

— Сентерри и я встретились некоторое время назад, когда я посещал двор Палиона, желая вновь принести присягу верности императору. Мы понравились друг другу, но было очевидно, что император не одобрит связь между нами. Принцесса, изменив облик, отправилась в Диомеду якобы для того чтобы взять уроки танца живота. Я, переодевшись в раба, тоже поехал туда. Я мог бы похитить ее и увезти в свои родные горы через пустыню. Выглядело бы это так, как будто я спас ее от работорговцев. Сентерри бы заявила, что они ее изнасиловали, а я решил отомстить за ее поруганную честь и убил их. Как порядочный человек, я мог бы восстановить честь принцессы, женившись на ней после того, как убил тех, кто опозорил ее.

— Но ее похитили настоящие работорговцы прежде, чем вы смогли осуществить задуманное?

— Да. Мой план провалился, и вы все знаете, что случилось потом. Я был опустошен, когда Сентерри вышла замуж за Коссерена. Я хотел вызвать его на дуэль, каким-нибудь образом оскорбив, я надеялся убить его, я люблю ее...

— Спасибо, достаточно, Вы свободны. Сентерри, пожалуйста, войдите снова в зону действия заклинания истины.

У Сентерри вид был вызывающий, но испуганный, когда она вступила в поле действия заклинания во второй раз.

— Что вы чувствуете по отношению к кастеляну? — спросил Малекниар.

— Когда ему не удалось приехать в Диомеду — а это являлось частью нашего уговора — я подумала...

— Она не отвечает на поставленный вопрос! — воскликнула Долвьенн.

— Пожалуйста, попробуйте ответить еще раз, Ваше Высочество, — сказал инквизитор.

— Мне жаль, Эмтеллиан. Я никогда не тосковала по тебе, я глупа, испорчена, я эгоистка. Судьба распорядилась так, что меня на самом деле похитили, прежде чем ты прибыл в Диомеду. Когда Ларон и его демон спасли меня... ты был далеко, далеко оттуда. Старейшина Терикель права, когда говорит, что в предательстве есть особая пьянящая прелесть. Ларон стал моим любовником, и он лишил меня девственности. После... я не могла вернуться к тебе. Когда отец предложил мне выйти замуж за идиота Коссерена, я согласилась, желая наказать себя. Затем графиня Белльсарион подошла ко мне на балу в Глэсберри и передала твою записку. Я смела надеяться, что когда-нибудь и у нас может появиться надежда на будущее.

— Спасибо, вы свободны, Ваше Высочество. Теперь всем разрешается разойтись: я закончил. Перед тем, как принять наказание за то, что я причинил Терикель, я дам вам возможность сделать любое заявление под действием заклинания истины.

— Высокоученый господин, почему меня не вызвали? — спросил Ларон.

— Потому, что я вижу невиновных. Невинных в этом случае. Однако ты можешь сделать заявление, если хочешь, но не сейчас. Долвьенн, сначала говори ты.

— Мне не хочется больше никогда в своей жизни встречаться с принцессой Сентерри, — произнесла Долвьенн. — Капитан Гилврэй, я презираю ее за то, что она сделала с вами.

— Спасибо. Реккон Теннонер, что вы хотите нам сказать?

— Я хочу, чтобы Веландер стало лучше. Если кто-нибудь может ей помочь, пожалуйста, сделайте это. И еще я хочу, чтобы моя настоящая любовь пережила весь позор, который ей пришлось сегодня ощутить.

— Твоя настоящая любовь не Веландер? — воскликнул Ларон.

— Нет, это...

— Стоп! — закричал инквизитор. — Эндри, храните ее имя в тайне; это не наше дело. Терикель, идите сюда и говорите, если желаете.

— Мое единственное желание — разрушить Стену Драконов, — сказала старейшина твердым голосом, скрестив на груди руки. — Черт со всеми вами и с вашими заговорами и интригами. Мир стремительно катится прямо в ад, и никого это не волнует!

— Очень хорошо, Терикель, вы свободны. Капитан Гилврэй?

Гилврэй медленно, словно задумавшись о чем-то очень важном, шел туда, где Долвьенн и Эндри держали в руках шар заклинания истины.

— Леди Долвьенн, неделю назад вы спасли мою жизнь на поле боя. Вы храбрая, грациозная, умная, находчивая и очень,

очень красивая женщина. Мои сердца навеки принадлежат вам, независимо от того, нравлюсь я вам или нет, я укоряю себя за то, что не оценил вас сразу по достоинству.

— Ах! — воскликнул инквизитор. — Можете ответить, госпожа.

— Капитан, вы мне нравились с того момента, как вступили в ряды Гвардии Сопровождения Путешествий, — тихо проговорила Долвьенн.

— Кастелян, вы будете говорить? — спросил Малекниар.

— Да, высокоученый господин, — ответил он, вставая и подходя к Эндри и Долвьенн. — Ларон, за то, что ты спал с моей возлюбленной, я убью тебя. За то, что спас ее от работорговцев, я дам тебе один дополнительный день, и только потом приду за тобой. Сентерри, я по-прежнему люблю тебя, хочешь ты этого или нет. Инквизитор, хочу выразить вам свою благодарность. Капитан Гилврэй, вы самый лучший командир, против которого когда-либо довелось сражаться. Это все.

— Ларон? — спросил инквизитор.

Ларон поклонился, находясь в зоне действия заклинания истины, прежде чем начать говорить:

— Высокоученая Терикель, много лет назад ваш возлюбленный Ровал был моим лучшим другом и часто моим единственным другом. Я... я надеюсь вернуться в Альберин, поскольку думаю, что ему потребуется друг рядом, когда он узнает о ваших поступках. Это все, высокоученый инквизитор.

— Ваше Высочество, теперь только вы отделяете меня от наказания, — сказал инквизитор. — Говорите, сколько пожелаете.

— К сожалению, высокоученый инквизитор, мне нечего сказать. Примите мою благодарность, вы заставили меня задуматься о своем характере за последние полчаса. Долвьенн,

Гилврэй, я выношу вам смертный приговор за предательство. У вас есть день на то, чтобы исчезнуть, потом я пошлю своих людей по вашему следу. Кастелян Эмтеллиан, моя любовь принадлежит вам. Примите вы ее или нет, это ваше решение. Больше мне сказать нечего.

— Заклинание истины обладает странным очарованием, — произнес инквизитор. — Люди часто так сильно хотят узнать секреты других, что забывают о своих собственных. В первый раз испытать на себе действие заклинания они вызываются сами. Второго раза... почти никогда не бывает.

Закончив расспросы, Малекниар встал в центре стола и хлопнул в ладоши. Никто не обратил особенного внимания, когда он вступил в зону действия заклинания: ведь остальные уже прошли через это.

— Перед разрушением заклинания истины у меня есть право задать вам один вопрос, — сказал он. — Прошлой ночью в нашей библиотеке были обнаружены два человека, по неосторожности задевшие защитное заклинание. Мне бы хотелось подвергнуть их заклинанию истины — с вашего разрешения.

Все присутствующие согласились. Им хотелось отвлечься от пережитого за счет кого-то другого.

Два жреца привели Вильбара и Риеллен. После некоторых общих объяснений о действии заклинания истины Риеллен пригласили вступить в зону его действия.

— Почему вы занимались шпионажем? — грозно спросил инквизитор. Задавая вопрос Риеллен, он проявлял меньше терпения, чем по отношению к остальным, сидящим за столом.

— Мы освобождали знание, монопольно присвоенное ученой элитой, желая донести его до простых людей, — ответила Риеллен.

— Но кого вы работаете?

— На группу магических замыслов и общих оккультных планов.

— Кто еще в этой... э-э... группе?

— Вильбар и Мэбен.

— Почему Мэбена не было с вами?

— Он сказал, мать учила его соблюдать правила гостеприимства, потому он остался в комнате. Я говорила, что ему не следует путать понятия о чести среднего и низшего класса, пришла пора простым людям узнать о своем праве на знание, но Мэбен послал меня куда подальше и пожелал нам попасться.

— Простые люди слишком глупы — иногда настолько, что даже не способны скрыться где-нибудь от дождя, — сказал Эмтеллиан.

Настала очередь Вильбара испытать действие заклинание истины, но он упал на колени.

— Мне не нужно заклинание истины, я живу ради принцессы Сентерри, я могу умереть за нее! — воскликнул студент, поднимая сложенные ладони и указывая ими на Сентерри. — Встреча с ней изменила мою жизнь, я навсегда отказываюсь от революционных замыслов, я не мог набраться смелости и сказать об этом Риеллен и Мэбену, но теперь я не желаю говорить ничего, кроме правды, я заявляю, что обожаю даже пыль, по которой ходит принцесса Сентерри...

— Хватит, пожалуйста, уходите! — закричал инквизитор, закрывая лицо рукой.

— Ваша организация, кажется, ведет подрывную политическую деятельность, — заметила Сентерри, рассматривая Риеллен, демонстративно отводящую глаза. — Если я когда-нибудь поймаю вас за границами Альпенниен, то повешу за предательство. Вильбар, вы, начиная с сего момента, находитесь под моей охраной и защитой.

Инквизитор разрушил заклинание истины, Долвьенн немедленно отпустила руку Эндри и, хромая, пошла к капитану Гилврэю. К тому времени Сентерри находилась в объятьях

Эмтеллиана, а Терикель вытирала кровь с лица салфеткой. Ларон направился к Эндри.

— Нам пора, парень, если тебе не хочется понаблюдать за наказанием, — сказал Ларон, указывая на главную дверь.

— Так это то, чем занимаются лучшие представители нашего общества? — пробормотал Эндри, и его лицо приняло озадаченное выражение.

— Вот куда уходят наши налоги, Эндри. Я забыл спросить, как Вел?

— Умирает, но мы уже попрощались.

— Ты думаешь, она бы захотела со мной поговорить, прежде чем я снова исчезну?

— Я думаю, она стала бы настаивать на этом.

Утром, спустя несколько часов, Ларон отправился в путь вместе с Риеллен, Долвьенн и Гилврэем. Мэбен решил, что должен вступить в ряды жречества, и, прежде чем дать обет послушания, пришел в комнату к Эндри, неся что-то под мышкой. Это оказалась одежда, которая подходила лишь тому, кто был по меньшей мере на два фута ниже Эндри, несколько украденных книг о магических заклинаниях, горстка серебряных и медных монет, одеяло и нож.

— Я слышал, рекконов пошлют вслед за капитаном Гилврэем и леди Долвьенн, — сказал Мэбен.

— Ну да, — ответил Эндри. — Мы должны не терять их из виду, пока не кончится день, затем привести к ним Регентскую Гвардию и отряд кастеляна. Кажется, они спешат прямо в Логъяр, поэтому мы тоже отправляемся туда.

— Но я думал, тебе нравится капитан.

— Да, но я солдат, а Сентерри — мой командир.

— Эндри, я слышал, высокоученая Терикель должна идти с рекконами.

— О да, и Уоллес тоже. Сентерри сообщила ему, что случилось с инквизитором, затем пообещала сделать его поваром во дворце Логьяра. Он очень хочет попасть туда и устроить пир, когда приедет принцесса. А сейчас, Мэбен, я должен присоединиться к рекконам, поскольку в полдень мы уже уходим. Присмотри за Веландер, пока она здесь.

— Конечно, и береги себя, Эндри.

Глава 7
Страх дракона

На второй день после выхода из Альпенфаста рекконы заметили на дороге странные ровные круглые следы. Как правило, вокруг них были разбросаны кости.

— Где-то рядом прозрачные драконы, — заявил Эссен, слезая с лошади и вынимая острый, по виду дорогой топор из руки скелета на краю одного из следов.

— Да я заметил, сир, — ответил Эндри, принимая у него топор.

Они перешли вброд широкую, но мелкую реку и некоторое время ехали вдоль берега. Дорога превратилась в ровное заросшее травой поле, окруженное горами.

Теперь чаще всего Эссен ехал рядом с Эндри, который рассказывал ему о заклинании истины. Еще Эндри объяснял ему кое-какие правила поведения, о которых узнал от Ларона и Уоллеса.

— Не принимай чопорность за чувство собственного достоинства, когда видишь человека в первый раз, — сказал Эндри так, чтобы слышал Уоллес, управляющий повозкой. — Чопорным быть легко. Чувству собственного достоинства надо учиться.

— С каких это пор я стал чопорным? — возмутился Уоллес.

— С тех пор как одна женщина не дала тебе пощечину, когда ты с вожделением посмотрел на нее, — засмеялся Эссен.

Все, за исключением Терикель и Уоллеса, тоже засмеялись. Затем Эндри продолжил урок:

— Благородным людям не нужно ничего доказывать, и при этом они ведут себя очень естественно.

— Наверное, благородные люди не хвастаются? — спросил Эссен.

— Да, кажется, так. Ларон говорил, хвастовство не принесет никакой пользы. Уверенность в себе и непринужденная манера поведения расскажут больше, чем часовое повествование о себе.

— Ну а о чем тогда говорить?

— О человеке, с которым ты общаешься. Пусть он почувствует, что важен тебе.

Издалека послышались глухие удары колокола, отозвавшиеся эхом в горах.

— Что это? — спросил Эндри.

— Большой колокол, — ответил Эссен.

— Нет, я имею в виду, что это означает?

— Это колокол смерти в Альпенфасте, — хрипло произнесла Терикель с повозки.

— Но, госпожа, Веландер долго находилась между жизнью и смертью, — сказал Эндри. — Почему мы должны быть уверены, что она действительно умерла?

— Им лучше знать такие вещи, чем нам, Эндри. Отпустим ее. Да останется ее образ чистым и светлым в наших воспоминаниях.

Вечером Терикель попросила сделать остановку. Они находились в небольшом овраге с ровными краями, и дорога, идущая кругом возвышающейся впереди горы, сужалась так, что телега едва могла проехать. Как сказала Терикель, гора называлась «Коготь-скала». С другой стороны путь резко обрывался: взору открывалось ущелье. По оценкам Эссена, его глубина достигала не менее полумили.

— Костигер, Дэнол, поднимитесь на ту часть горы и проверьте, чтобы там не было никаких засад — не хочется, чтобы на нас напали, когда мы будем на узкой тропе, — велел Эссен. — Оставайтесь там до тех пор, пока мы не дойдем до конца. Мы будем ждать с лошадьми на той стороне. Госпожа, сколько времени вам потребуется?

— Вероятно, два дня, маршал Эссен.

— Два дня? Мы можем ждать только в течение этой ночи.

— Я могу отправиться назад, в Альпенфаст, но у меня есть одна просьба. Отпустите со мной Эндри, он умеет играть на ребеке. Это очень важно.

Эссен нахмурился и покачал головой:

— Играть могут Эндри, Дэнол и я, но мы — рекконы. Мы должны исполнять приказ — преследовать капитана и его госпожу.

— Я слышал, кто-то говорил о музыке? — спросил Уоллес торопливо. — А у меня случайно с собой лира, и я не реккон.

— Ах да, но засунь что-нибудь в рот, чтобы ты не мог петь свои ужасные баллады, — засмеялся Эссен. — Хорошо, госпожа, но повозка остается с нами: она послужит великолепной мишенью для врагов. Я оставлю двух лошадей для вас и Уоллеса. Уоллес, я напишу тебе разрешение покинуть нас, но, когда госпоже ты больше не понадобишься, скачи за нами.

— Понял, сир, — ответил, поклонившись, Уоллес.

Они привязали двоих лошадей так, чтобы их не было видно. Затем рекконы продолжили свой путь по сужающейся дороге вокруг горы. Стало смеркаться, и Терикель попросила Уоллеса развести огонь и ждать вместе с ней. Но, поскольку они находились уже довольно высоко, для разведения костра не нашлось ничего, кроме кустарника и веток.

— А теперь, высокоученая старейшина, не хотелось бы вам музыки или песни? — спросил Уоллес, подкрепляя слова игрой на лире.

— Не сейчас, — ответила Терикель, подбрасывая в костер ветки. — Я дам знать, когда. Тогда ты сможешь играть.

— Ах, как можно говорить о времени для игры? Это, прежде всего, искусство, которое само выбирает момент для явления себя миру. Мы сидим здесь вдвоем, в глухой местности. Разве сейчас не самое лучшее время для нежной романтической песни?

— Уоллес, когда мне захочется музыки, я скажу тебе. Разговор окончен.

— Но, но...

— Когда мне захочется музыки, я скажу тебе!

— А как с платой?

— Платой?

— У меня появились некоторые проблемы, когда я согласился сыграть для вас. После того как я вам стану не нужен, мне придется ехать одному и нагонять своих товарищей. Мы ведь, конечно, знаем, что это значит.

— Конечно? Значит?

— Ведь я сам вызвался участвовать в этом опасном приключении, поскольку думал, что вы захотите лечь со мной, и вновь почувствовать невыразимое удовольствие от предательства. Ну да, мне многое известно о вас...

— Уоллес, мне нужна музыка как часть... сигнала. Я не умею играть. Без тебя я пропала.

— О, госпожа, тогда у вас проблема. Как порядочный человек, я останусь здесь до утра и буду защищать вас от ночных опасностей, но мне нужна плата за музыку — вознаграждение барда, так сказать.

Уоллес засмеялся про себя. Терикель положила руку на лоб, закрыла глаза и покачала головой. Некоторое время она обдумывала сложившуюся ситуацию.

— Что ж, хорошо, Уоллес, но это никак не связано с удовольствием от предательства. Мне просто нужна музыка, судьба всего мира зависит от музыки, мне необходима музыка. Все, что я чувствую по отношению к тебе, — небольшое, нет, сильное отвращение, но я тоже иногда не вызываю у кого-то положительных эмоций, поэтому какая разница? Давай, пусть так случится, сделаем наше маленькое грязное дело.

— Госпожа, госпожа, — пробормотал Уоллес, перебирая струны на лире. — Нет, я обещаю...

Стрела, выпущенная из арбалета, выбила лиру из его рук, и она упала с глухим стуком. Уоллес вскрикнул и поднял ладони. Терикель приподняла тунику, взялась за шнуровку своих брюк для верховой езды — и замерла.

— Подумал, что вам может понадобиться мужчина для охраны, госпожа, — послышался голос Эндри. — Не в этом умение Уоллеса. По крайней мере, не в музыке. Я принес ребек и сыграю бесплатно.

— Эндри? — пролепетал Уоллес, медленно опуская руки.

— Он самый.

— Ты не можешь быть здесь!

— Но я здесь..

— Ты же реккон. Тебе приказали преследовать Гилврэя и Долвьенн.

— Я дезертировал.

— Ты — что? Ты... ты ревнуешь!

— Госпожа, я здесь, чтобы играть музыку и охранять вас, — произнес Эндри. — Если вам хочется поразвлечься с Уоллесом, я обеспечу вам надежное прикрытие.

— Я бы лучше поцеловала слизняка! — огрызнулась Терикель, оправляя тунику.

— Я... я только искал справедливого вознаграждения, и... я... я понял, что нужно было старейшине, это...

Уоллес перестал говорить, когда что-то огромное проплыло над его головой. Оно замерло, затем сделало круг, рассматривая их умными мерцающими глазами, хотя до земли было не менее тысячи футов.

— Дракон, — взвизгнул Уоллес.

— Скажи мне что-нибудь, чего я не знаю, — ответил Эндри дрожащим голосом.

— Музыку, сейчас же! — закричала Терикель.

— Он сломал мою лиру! — воскликнул Уоллес.

— Удачный выстрел, — сказал Эндри, доставая ребек. — Думаю, начну с «Драконов Альберина».

— В Альберине нет драконов, — произнес Уоллес, не отрывая взгляда от неба.

— Есть. Каменные. Они на воротах города, — объяснил Эндри, осматриваясь по сторонам — нет ли вокруг людей.

— Говорят, их дыхание жарче раскаленной добела стали, — сказал Уоллес. — А крылья около двухсот футов в размахе.

— Говорят, они могут разговаривать, — ответил Эндри. — Говорят, они умнее нас.

— Кто бы так ни говорил, он неплохо информирован, — заметила Терикель. — Все это правда.

Сделав несколько кругов, дракон полетел к уступу горы, где находились Эндри, Терикель и Уоллес. Он сел там, посидел немного и скрылся из виду.

— Я прошу тебя начать играть, Эндри, — сказала Терикель, рассматривая то место, куда приземлился дракон. — Тогда он почувствует, что мы не опасны.

— Я тоже буду играть, — неожиданно воскликнул Уоллес, ползя за лирой и вытаскивая ее из травы. — Посмотри на это! Лира сломана! Твоя стрела расколола основание.

— Удача направила мою руку, — ответил Эндри, начиная наигрывать рил.

— Хорошо получается, Эндри, — похвалила Терикель. — Если дракон не превратит нас в пепел и золу, наверно, тебя станут называть Эндри, Очаровывающим драконов.

— Очаровывающим драконов? — удивился Уоллес. — Вы имеете в виду, если бы у меня был музыкальный инструмент, то меня тоже можно было бы называть Очаровывающим драконов?

— Только дотронься до моего ребека — и я мигом отрежу тебе яйца и скормлю их дракону, — сказал Эндри, не переставая играть.

Терикель указала на небо, и Эндри с Уоллесом посмотрели туда. Дракон вернулся.

— Он хочет поговорить, — произнесла Терикель. — Это условное обозначение — летать кругами, сидеть на краю обрыва, затем смотреть на нас, пока звучит музыка.

— Гигантский ублюдок, — сказал Эндри. — До того края, очевидно, не менее тысячи футов.

— Драконы никогда не упрощают жизнь людям, — ответила Терикель.

— Вы имеете в виду, нам придется лезть наверх? — задыхаясь, спросил Уоллес.

— Да, — подтвердила его опасения Терикель. — Дракон, который хочет поговорить, сидит над нами. Мы должны лезть наверх к нему.

— А дракон не обидится, если не все полезут? — спросил Уоллес.

— Он слышал музыку и знает, что кто-то ползет наверх, и если заметит, как один из нас уходит прочь, то воспримет это как неуважение по отношению к себе.

— Но я все-таки собираюсь поступить по-своему!

Эндри тут же стащил Уоллеса, намеревающегося улизнуть, с лошади, и, связав, оставил лежать на земле, пока Терикель готовилась к подъему. Уоллес изрыгал проклятья и умолял отпустить его. Эндри взял свой ребек и снова стал играть.

— Дракону нравится, как ты играешь, — сказала Терикель, забрасывая сумку на плечо.

— Откуда вы знаете?

— Мы до сих пор живы, несмотря на неуважительный поступок, совершенный Уоллесом. Пошли, пора взбираться на гору. Каждые пару минут мы будем останавливаться, и ты что-нибудь сыграешь.

Эндри освободил Уоллеса и пошел за Терикель, которая уже начала подниматься. Через пару минут Уоллес понял, что лучше не оставаться здесь в одиночестве, но куда идти и с кем — он пока не решил. Казалось, Терикель знала, как не стать добычей прозрачных драконов, но рекконы обладали преимуществом: они были далеко отсюда.

— Терикель сказала мне, что заколдовала лошадей, — донесся голос Эндри. — Дотронься до одной из них — и на твоей руке появится ожог.

Спустя несколько часов после захода солнца Терикель разрешила сделать привал. Уоллес допытывался у Эндри, все ли в порядке, но в конце концов пришел к выводу, что дракон, без сомнения, летает быстрее, чем идет лошадь. Терикель сидела неподалеку, медитируя, создав вокруг головы замысловатое эфирное облако.

— Вот дрянь, — ворчал Уоллес, поедая свой обед, состоящий из измельченных орехов и сушеных фруктов, и запивая его водой из деревянной фляги.

— Вовсе нет, — ответил Эндри. — Когда я был в море...

— Знаю, знаю, пища все время оказывалась пропитанной холодной соленой водой. Хотя сейчас против соли я бы не возражал.

Они некоторое время сидели на земле и ели из жестяной миски. Терикель была неподалеку, но не двигалась с места. Эндри взял ребек и начал играть.

— Не посмотришь? — спросил Эндри, ложась на спину и смотря на небо, но не переставая играть.

— Ах да, это Стена Драконов.

— Ты просто посмотри на нее! Полнеба в огнях.

Уоллес тоже лег и посмотрел вверх. Стена Драконов находилась не совсем над его головой, а, скорее, на западе.

— И что? — спросил он.

— Это то, чего мы никогда прежде не видели. Хотелось бы знать, зачем она на самом деле?

— Если бы я знал, был бы величайшим магом.

— Но Уоллес, разве... ну... тебя не наполняет восторг?

— Знаешь, Эндри, иногда мне кажется, ты говоришь только для того, чтобы услышать звук своего собственного голоса.

Уоллес укутался в одеяло, нашел небольшую пещерку, лег и отвернулся. Эндри сел, снова взял свой ребек и сыграл несколько мелодий, желая дать дракону знать, что они все еще здесь и по-прежнему не представляют опасности. Терикель перестала медитировать, подошла и расположилась рядом с Эндри. Она расчесала свои волосы, заплетя их в маленькие косички, и прокашлялась.

— Я знаю, сейчас не самое подходящее время, Эндри, но по поводу Уоллеса... — начала Терикель.

— Да?

— Я... я благодарна тебе, — тихо сказала она. — Я также должна кое-что объяснить.

— В этом нет необходимости, госпожа.

— Пожалуйста! Играй и слушай. Мне бы не хотелось, чтобы Уоллес подслушал, если проснется. Когда-то, лет десять назад, я была красивой молодой жрицей, только принявшей духовный сан. До меня никто не получал таких высоких отметок по теории и практике заклинаний Метрологов. Однако та, что выполняла обязанности старейшины в то время, хотела от меня иного. Был мужчина, не обладавший привлекательной внешностью, но он знал многие из магических секретов, которые не знал больше никто. Мне приказали... хорошо вести себя с ним... Так велела сама старейшина.

Эндри вздохнул. Он выглядел смущенным и предпочел бы не слышать того, что она говорит.

— По мне лучше хорошая, честная битва, госпожа.

— Сражаются свиньи, и тогда пахнет навозом, Эндри. Я одержала победу в своем маленьком грязном бою. Старейшина осталась довольна мной, и послала меня взять

приступом постель другого важного человека из одной группировки, сейчас его имя уже не столь интересно. Ей было необходимо узнать его тайны. Еще дюжина соблазнений, и я научилась потворствовать ужасным мужчинам и испытывала удовольствие от предательства. Затем я подружилась с одной студенткой, искренней идеалисткой, — Веландер. Она даже попросила меня стать ее «родной душой» — а большей чести, согласно ордену Метрологов, оказать невозможно. В ту ночь, когда Веландер завершала свой духовный ритуал, а я должна была бодрствовать всю ночь вместе с ней, старейшина приказала мне соблазнить мужчину. Худшего человека, чем он, представить трудно. Но я сделала это, В смысле, сделать это оказалось легко. Чувство вины и удовольствие бушевали в моей душе: я чувствовала себя листком, попавшим в водоворот.

Теперь Эндри просто перебирал струны, и были слышны лишь трели да рулады: это лучше всего скрывало слова от чужих ушей.

— Сентерри рассказала Уоллесу то, что вы говорили под действием заклинания истины, — произнес он. — Уоллес хвастался мне этим. У меня было ощущение, он попробует добиться вас сегодня вечером.

— Он — гадина, но я подняла тунику для него прежде, чем появился ты. Я поддалась ему, Эндри. Это и мучает меня.

— Ха-ха, да нет же! — засмеялся Эндри. — Я знаю Уоллеса, ему не надо ничего, кроме... э-э... добывательства.

— Не добывательства, а добычи.

— О, нет. Я хочу сказать, это как бы не совсем поражение. Для него. Вы — не победа.

Терикель распустила волосы и крепко сжала колени.

— Эндри, Веландер ненавидела меня за то, что я ей причинила, но, узнав на своем опыте, что мир часто бывает очень жесток, простила меня. Я очень благодарна тебе, Эндри, но я не могу причинять тебе боль...

— Не продолжайте, госпожа, — резко прервал ее Эндри. — Уже было слишком много женщин, которые, по их словам, хотели защитить меня от «боли в душе» или как там это называется. Вы велели исполнять музыку Уоллесу, а не мне, хотя я бы не потребовал за игру денег. У меня почти нет никакого образования, госпожа, но я не глуп. Женщины не воспринимают меня всерьез и произносят ласковые слова, только когда я собираюсь уходить. Я любил Веландер потому, что она попросила помощи. Она попросила меня, грязного несмышленыша Эндри с бурдюком вина в одной руке и с украденным ребеком в другой. Но все то время я на самом деле любил не ее, поскольку она... Но нет, не будем об этом. Лучше поспим, завтра, думаю, предстоит тяжелый день.

Терикель еще крепче сжала колени, и по ее щекам потекли темные слезы. Внезапно Эндри перестал играть:

— Госпожа! Ваши слезы... это снова кровь.

Терикель коснулась пальцем своей щеки и посмотрела на него.

— Заклинание истины заставило меня заглянуть внутрь себя, когда я сопротивлялась ему, вот и все. Эндри, я хочу, чтобы ты ушел. Сейчас. Я заплачу Уоллесу его грязную цену, и завтра он будет играть.

Эндри пожал плечами:

— Как пожелаете, госпожа. Я говорил, Веландер попросила меня присмотреть за вами, но поскольку у вас другие планы, я ухожу. Хотя не забывайте: я играю бесплатно.

— Ты к тому же девственник, Эндри. Прозрачный дракон поглотит тебя, чтобы получить твою жизненную силу. Уоллес-то в безопасности. Вот что я хотела сказать тебе пару минут назад.

— Ах да, и это все? — засмеялся Эндри. — Тогда пусть жалкий негодяй остается там, где сейчас, госпожа. Я сыграю для дракона, а затем буду с ним сражаться, если он нападет на меня.

— Ты же погибнешь! — воскликнула Терикель.

— Вероятно, но какая разница? Я уже повстречался с перевозчицей. Отличная девушка.

Некоторое время Терикель сидела, обхватив руками колени, и Эндри стал снова играть. Слезы темного цвета бежали по ее подбородку и оставляли пятна на одежде. Медленно она выпрямилась, потянулась и прошептала заклинание в сложенные чашечкой руки. Эндри казалось, что оно, постепенно материализуясь в воздухе, приобретало зловещий облик, и ему быстро представилась голова чудовища с разверстой голодной пастью. Терикель постояла, удерживая заклинание-образ в одной руке, затем посмотрела на Эндри.

— Мне нужно ненадолго пойти к Уоллесу, — заявила она.

— Как так можно? — спросил Эндри сам себя. — Она же ненавидит Уоллеса, однако предпочитает лечь с ним, но не поцеловать меня в щеку.

Терикель со всей силы врезала ногой Уоллесу по ягодицам. Он взвыл и попытался сесть, но ударился головой о выступ скалы.

— Я хочу, чтобы ты смотрел на это, — сказала она, и из ее рук вырвались лучи, которые устремились в скалу и на Уоллеса. Лучи переплетались между собой до сих пор, пока не стали напоминать огромную паутину.

— Что вы делаете? — спросил Уоллес, отлично понимавший, что любые ее действия вряд ли были направлены в его пользу.

— Как только я здесь закончу, — прошептала Терикель. — Я искренне надеюсь, что у нас с Эндри появится наконец возможность удовлетворить потребности наших тел, и, вероятно, даже будет время на нечто большее. Мне не нужны лишние. Последуй моему совету, Уоллес, и не дотрагивайся до паутины.

Терикель перестала колдовать, и заклинание разлетелось на осколки по скале, которая служила входом в маленькую пещерку, где томился в заключении Уоллес. Заклинание ис-

тончалось, пока не превратилось в едва заметную мерцающую сетку. Терикель вернулась к Эндри. Он перестал играть еще в тот момент, когда услышал, как Терикель ударила Уоллеса.

— Что вы с ним сделали? — спросил Эндри.

— Заклинания обычно служат защитным барьером от зла, — сказала Терикель. — На этот раз получилось наоборот — зло оказалось внутри заклинания.

— Ох. Я надеюсь, Уоллесу не приспичит по малой нужде.

Терикель опустилась на колени, протянула руку и взяла ребек и смычок у Эндри. Затем осторожно положила их на редкую траву рядом с собой.

— Эндри, я только что обидела и унизила отвратительного человека, который меня обожает, — произнесла она. — Пожалуйста, сыграй завтра.

Эндри улыбнулся, подобрал ноги и обхватил руками колени — так, как недавно сделала Терикель:

— Конечно, это честь для меня.

Внезапно оттуда, где сидел в своей пещере Уоллес, раздался пронзительный крик.

— Кто-то дотронулся до заклинания! — воскликнула Терикель. Затем она повернулась к Эндри и, не отрывая от него взгляда, словно это было очень важно, прошептала:

— Эндри, я не хочу, чтобы ты завтра погиб. Подумай об этом. Она как-то по-детски ему улыбалась и не отводила глаз.

— Все очень странно, — сказал Эндри. — Судьба играет со мной.

Внезапно Терикель упала на колени и отвернулась:

— Я забыла, что ты видел, какой ужасной я могу быть там, на Альпенфасте. Ты должен чувствовать ко мне отвращение, о да, я это сейчас понимаю.

— Нет, нет...

— Жаль, поскольку... когда ты вновь появился в моей жизни тогда, в Хархе, я была счастливее, чем за многие предыдущие годы. Я так гордилась, что ты так быстро изменил-

ся и стал совсем другим. Ты похож на Ларона, только ты... невероятно молод и неопытен. Я решилась переспать с тобой. Тебе девятнадцать. Мне тоже было девятнадцать, когда по приказу старейшины я познала мужчину. Я подумала, что с тобой я могла бы вновь стать юной и чистой, но мое время ушло. Когда ты сблизился с Веландер, я поняла: это Судьба наказывает меня за прошлое. Оказалось, мне не суждено было опять превратиться в невинную девушку.

— Я... вы?.. — воскликнул Эндри.

— Да, ты просто очарователен, и твоя чистота нетленна, ее не уничтожить никаким оружием. Все мои любовники были ужасными, старыми людьми. Ну, Ровал оказался не ужасным, но в наших отношениях он был лидером, он опекал меня. Я же слишком стеснялась и не могла подойти к тебе: ведь я на десять лет тебя старше. Ты бы, наверно, не посмеялся надо мной, но пожалел. Это еще хуже. Понимаешь?

Эндри медленно протянул Терикель руку ладонью наверх. Ее глаза широко раскрылись, потом она подошла к нему и взяла его за руку.

— Ах да, вот что. Я полюбил замечательную женщину, но всегда беспокоился, не поведет ли она себя как остальные и не отправит меня подальше с добрым... э-э-э... дипломатичным напутствием. Я предпочитал жить надеждой и не иметь ничего, кроме надежды — это лучше, чем открыться и увидеть, как моя любимая поспешит прочь. Когда я находился под воздействием заклинания истины, помните, я почти произнес имя моей настоящей возлюбленной. Ее имя было «Терикель».

— Эндри Теннонер, ты хочешь сказать, что мы проехали вместе половину Акремы, все время изнывая от любви друг к другу, и ничего не сделали с этим до самого Глэсберри? — воскликнула Терикель.

— Ну... да.

Терикель высвободила руку и нажала массировать виски.

— Когда-нибудь мне захочется стать богом, — заявила она.

— Почему же, госпожа?

— Потому что я хочу свернуть Судьбе шею за то, что она сделала с нами!

Терикель положила руку Эндри на плечо, и они некоторое время сидели на земле, склонив головы друг к другу, наблюдая за отблесками оранжевого света; затем приняли более удобную позу, улегшись на траве, и разделись. Послышался сдавленный вскрик: Уоллес снова дотронулся до магической сетки.

Эндри узнал много нового из уроков, преподанных ему Терикель. Так, он понял, что двум людям, спящим вместе, гораздо теплее, чем тем, кто спит поодиночке. Эндри лежал, обняв Терикель, до тех пор, пока она не пошевелилась, проснувшись.

— Вот теперь ты знаешь, — прошептала она ему.

— Воспоминания об этом будут придавать мне сил, — вздохнул он, зная, что самое приятное скоро закончится.

— Тонкий, но выразительный комплимент, Эндри. Спасибо. Это достойно... Ты доставил мне большое удовольствие. Ты дал мне силу принять важные решения, и я сделаю все ради спасения людей, похожих на тебя — добрых и заботливых. Давай теперь оденемся и освободим Уоллеса.

Одевшись, Эндри наблюдал за Терикель, которая направилась к пещерке, где сидел Уоллес. Она подошла к нему и прикоснулась к сетке-заклинанию, до сих пор не дававшему Уоллесу возможности двигаться. Раздался негромкий щелчок, и сетка исчезла. Удар по ягодицам разбудил спавшего узника.

— Вставай, лежебока, пора лезть дальше.

— Да, матушка, что бы вы... я... где, что... Утро! — воскликнул Уоллес.

— Да, я потратила целую ночь на то, чтобы Эндри не пришелся драконам по вкусу. Я заперла тебя здесь, иначе ты чувствовал бы себя не в своей тарелке.

— И ей это замечательно удалось, — добавил Эндри.

Уоллес попытался принять пренебрежительный вид, но казался лишь раздражительным и почему-то очень расстроенным.

— Скоро будет туман, — сообщила Терикель, собирая сумку. — Это из-за колдовства драконов. Мы должны как можно быстрее отправляться в путь.

— А как же завтрак? — возразил Уоллес.

— Забудь о нем, — посоветовал Эндри. — Женщины предпочитают мужчин худощавого телосложения, уж поверь мне.

Через пару минут они, укрытые густым туманом, снова стали забираться на гору. Солнце село, быстро становилось холодно, и дальше нескольких дюймов впереди ничего не было видно.

— Остановись здесь, сыграй что-нибудь для прозрачного дракона, — попросила Терикель.

Эндри исполнил рил, и Терикель вскоре решила продолжить восхождение. Туман стал таким густым, что Уоллес едва различал свою руку перед лицом.

— Морозит, — сказал Уоллес, надеясь на то, что остальные чувствуют то же самое.

— Да, и дышать трудно, — произнес Эндри.

— Мне тоже. Мы уже очень высоко в горах. Мало воздуха, нечем дышать.

— Если воздуха бывает мало, тогда я дядюшка покойного императора.

— Да ты даже не его отец.

— Нет, я о другом. Нырнешь в воду — и не можешь дышать. Заберешься очень высоко в горы — и тоже не можешь дышать. Интересно. Надо рассказать об этом парням в Баржардсе.

— А больше ты ничего не знаешь?

— Например?

— Здесь эхо, как в пещере.

— В пещере? — удивился Эндри. — Это должна быть очень большая пещера.

— Мы в самом деле в пещере, — сказала Терикель. — Пожалуйста, перестаньте болтать о всякой ерунде.

Туман вокруг них стал темнеть. Внезапно глаза ослепил яркий луч голубого цвета. Терикель произнесла заклинание, и над ее головой появился маленький светящийся шар. Туман рассеивался. На стене неподалеку они заметили изображение большой ядовитой змеи с огромными крыльями.

— Дракон, — прошептал Уоллес.

— Да, дерни его за хвост! — отозвался Эндри, тыкая Уоллеса в живот своим ребеком. — Дошло?

— Нет, дракон! Магическое животное, изрыгает огонь, пожирает людей, разве тебя не учили этому в альберинских школах? Эй! Да ты хоть понимаешь, о чем я говорю?

— Не заткнетесь, вы двое? — заворчала Терикель. — Эндри, иди медленно и одновременно играй.

Они последовали за Терикель. Эндри исполнял медленный степ-марш, когда все вошли в большую пещеру. Пол был ровным и плоским. Очевидно, когда-то здесь проводились религиозные ритуалы. Под ногами лежала разноцветная мозаика, но повсюду царило запустение. Ничего опасного не было заметно. Остатки древних разрушенных колонн и статуй были сдвинуты к стенам, слепые глаза статуй смотрели с каменных лиц. Сохранились лишь статуи трех огромных крылатых ящериц, сидящих на задних лапах. Все, кроме глаз ящериц, темных и пустых, было сделано из голубоватого стекла. Силуэт дракона четко вырисовывался в темноте, и Эндри заметил, что он светится белым — это производило сильное впечатление. Статуи походили на изваяния из черного камня, располагающиеся по обеим сторонам городских ворот в Альберине, но по размеру те не превосходили лошадь. Головы же этих драконов поддерживали свод пещеры, и до заостренных концов сложенных крыльев можно было дотянуться, только

если встать на высокую скалу. Позади драконов на стене было что-то написано, и Эндри обнаружил, что может видеть древнюю тайнопись прямо сквозь их тела.

— Вот они, драконы, — сказал Уоллес. — Во всяком случае, их статуи. Настоящие драконы не такие большие, и они не блестят.

— Уоллес! — воскликнул Эндри.

— Что?

— Та статуя слева только пошевелила хвостом.

Терикель, идущая впереди, остановилась и начала читать заклинание. В полумраке появились плечи и голова жреца из Альпенфаста, который обратился к драконам от имени Терикель. Почти материализовавшись, призрак стал излучать свет. Старейшина из рода Метрологов низко поклонилась каждой из трех фигур. Глаза центрального дракона оживали, начиная излучать бело-голубое сияние, и он медленно прищурился.

— Ожил, — еле выдавил из себя Уоллес высоким хриплым голосом.

Эндри беспокоило больше не то, что прозрачные драконы заметят их, а то, что они их не заметят, особенно если решат прогуляться или выдохнуть огонь. Центральный дракон открыл пасть, и между клыками показались языки серебряного с голубоватым оттенком пламени. Он раскатисто прокашлялся: казалось, это приближается гроза.

— Ого, спорю, он вчера ночью съел что-то острое, — сказал Эндри высоким голосом, и ему показалось, что с ним говорит кто-то еще.

— Для меня честь встретиться с вами, Учитель, — произнесла Терикель по-диомедански, кланяясь центральному дракону. Затем она повернулась и поклонилась двум оставшимся. — И с вами, Судья и Наблюдатель.

Челюсти дракона снова пришли в движение, и снова пещера содрогнулась от грохота.

— Те двое мужчин за мной также смертные, — сказала Терикель.

Неожиданно Эндри понял, что огромный дракон что-то сказал. Эндри решил не отрывать от него взгляда, чтобы не пропустить ни слова когда тот в следующий раз откроет рот.

— Стройный мужчина — мой музыкант и воин, — сказала Терикель. — Второй — повар. У них у обоих хорошие манеры.

— Музыкант и воин? — спросил голос, напоминающий раскат грома.

— Да. Он преданный человек, ему можно доверять.

Дракон медленно наклонился и уставился на Эндри и Уоллеса.

— Я не девственник! — закричал Уоллес.

— О да, и я тоже, по крайней мере, после вчерашней ночи, — пролепетал Эндри, чувствуя невероятное облегчение оттого, что это было правдой.

— Грязный предатель, — огрызнулся Уоллес, внезапно вспомнив о своих муках прошлой ночью. Забыв о драконе, он повернулся к Эндри:

— Но я делал это чаще.

— О да, и иногда даже в компании, — ответил Эндри, и на мгновение страх перед драконом сменился раздражением на Уоллеса.

— И знаешь, это, что называется, дешево и сердито! Насколько мне известно, ты делал это максимум один раз!

— Нет, пять! О, извините, госпожа.

Терикель стояла, закрыв рукой глаза и качая головой. Дракон отвернулся от них и снова посмотрел на нее. Он громко произнес пару слов, но Эндри не понял, что они означают.

— Кажется, дракон недоволен, — сказала Терикель.

Дракон отрывисто произнес что-то еще, но Эндри опять ничего не понял.

— Я не понимаю, мне всего тридцать лет.

Раздался грохот, содержащий, как показалось Эндри, вопрос.

— Я имею в виду, что вы изучали науки об эфире в течение многих тысяч лет, и у вас есть знания, о которых я даже не догадываюсь.

Вновь Эндри услышал гром, и снова с вопросительной интонацией.

— У драконов и Метрологов общие интересы. Я Терикель, старейшина Ордена Метрологов.

— Метрологов больше не существует.

Эндри уже почти привык к рычащей манере разговора этого огромного существа. Уоллес по-прежнему выглядел очень испуганным.

— Немногие из нас остались в живых, когда Торея была разрушена, — ответила Терикель. — Мы восстанавливаем наш Орден в Альберине, а теперь у нас есть миссия в Сарголе.

— Многие из нас погибли на Торее, — сказал Наблюдатель. — Виной этой катастрофы стали люди. И опять они вмешиваются в то, что едва понимают. Если бы Стена Драконов могла ослаблять ветра и дожди, прозрачные драконы построили бы ее много лет назад.

— Именно поэтому я здесь, — сказал Терикель.

— Мы не раскроем тебе никаких секретов эфирных конструкций.

— Мне не нужны секреты, я лишь хочу узнать о ваших наблюдениях за ветрами. Воздух — ваша стихия, вы знаете ее лучше, чем любой из смертных. Скажите, ветра меняют направление? Стена Драконов оказывает на них влияние?

— А мельничное колесо замедляет стремительный поток воды?

Терикель на минуту замолчала, размышляя.

— Да, но очень незначительно.

— Точно так же и здесь. Стена Драконов замедляет скорость ветров, но в случае торейских бурь она будет не более, чем мельничным колесом, сдерживающим огромной силы напор бушующего потока воды.

— Маги это понимают?

— Только дурак не обратил бы внимания на это. Хотя есть глупые люди, которые считают самым главным воссоздание Стены Драконов.

Мысли в голове Терикель возникали одна за другой.

— Торейские бури станут еще сильнее? — спросила она.

— Сейчас они на пике своей силы, — ответил Учитель. — Через пять лет все станет таким же, как было до сожжения Тореи.

— У вас есть доказательства? — тут же задала вопрос Терикель.

— Драконам не нужны доказательства. Мы знаем силу ветра, в котором летим. Мы видим сверху облака и чувствуем жару и понижение температуры гораздо лучше, чем вы, смертные. Мы помним все и можем предсказать, что случится в будущем. Бури утихают, старейшина Терикель, но они начали утихать до того, как было положено начало строительству Стены Драконов. Результат ее действия — капля в море.

— Капля в море? Тогда вам даже обращать на нее внимания не стоит.

— Правильно.

— Так значит, Стена Драконов бесполезна, — сказала Терикель, и в ее голосе послышалось скорее утверждение, чем вопрос.

— Стена Драконов очень полезна, но эта польза не касается контроля над бурями.

— Это оружие, да? — спросила Терикель, перебирая в голове все возможные варианты.

— Смертная, ты знаешь, что это оружие. Стену Драконов использовали для борьбы с тобой, когда ты была на пути сюда. Почему ты здесь?

— Чтобы заявить, что Стена Драконов является оружием. Чтобы спросить, как разрушить ее. Навсегда.

— Все, принимавшие участие в ее создании, знают: это оружие. Все новые каменные кладки присоединяются к ней с каждым днем, люди чувствуют страх, если оказыва-

ются в стороне. Но использовать Стену Драконов в качестве оружия может только одна тайная организация.

— Да таких организаций дюжины, скоро будут сотни.

— Сотни? — спросил Наблюдатель. — Назови хоть одну.

— Высший Круг Посвященных Скалтикара желает использовать ее для разрушения храмов Скептиков, Независимый Орден Отступников и Народный Магический Фронт — для ослабления власти своих союзников, Сарголанского Правления Посвященных, которое, в свою очередь, стремится лишить лидерства Высший Круг и взять под контроль разрозненные местные храмы, таким образом подчинив себе посвященных всего континента...

— Достаточно, спасибо, — сказал Наблюдатель.

— Я знаю еще тридцать пять других тайных сообществ, — вздохнула Терикель. — Иногда я задаюсь вопросом, есть ли где-нибудь люди, не желающие кого-нибудь убить.

— Да, но это не те люди, которые создают эфирные небесные конструкции, способные превратить целые королевства в гору золы и пепла, — ответил Наблюдатель.

— Наблюдатель, — начала Терикель, но затем покачала головой и уставилась на пол пещеры.

— Отлично, кажется, ты сделала очень важный вывод.

— Да, спасибо, думаю, да, — ответила Терикель.

— Теперь о разрушении Стены Драконов. Нам следует принять более подходящую форму. Пожалуйста, не пугайся.

Наблюдатель медленно лег на пол пещеры. Сначала его крылья начали уменьшаться в размере, пока совсем не исчезли, затем тело перестало мерцать и потускнело. Широкая, похожая на бочонок, грудь рассыпалась каскадом искр, в центре которого образовался темный плотный шар. Затем появилась хрупкая пожилая женщина невысокого роста, которая отряхнула свою одежду, поклонилась гостям и улыбнулась. Эндри показалось, что она несколько взволнована, и видел, как из ее рта и глаз струится свет. К тому времени два других дракона также легли на пол; с ними начались те же превращения.

— Судья и Учитель скоро присоединяться к нам, — объяснила Наблюдатель, беря Терикель за руку и ведя к соседней стене. Как только они приблизились, появилась кирпичная дверь.

Эндри и Уоллес прошли в нее следом за ними и оказались в маленькой уютной комнате с удобными креслами, расположенными вокруг низкого стола. Миниатюрная женщина подвесила чайник над очагом и осторожно на него дунула. Вода внутри начала кипеть.

— Все будут чай? — спросила Наблюдатель.

Судья и Учитель появились, когда Наблюдатель разливала чай, но Судья обнаружил, что у них нет песочного печенья, и поспешил наружу снова. Наблюдатель подошла к Уоллесу и Эндри.

— Красавчик, ты переспал со 137 женщинами, — сказала она с легким сарказмом, который прозвучал как неподдельное удивление.

— Грязная развратная свинья! — воскликнул Эндри.

— Музыкант, до прошлой ночи ты был девственником.

— Девственником! — громко закричал Уоллес. — Принцесса Сентерри сказала мне, что ты был даже не способен удовлетворить мою жену.

— Сто тридцать семь! — закричал в ответ Эндри. — Зачем так много? Никто не хотел спать с тобой во второй раз?

— Господа, господа, — начала Наблюдатель.

— Если женщина была со мной, то о тебе она никогда и думать не станет, — фыркнул Уоллес.

— Если женщина была с тобой, у нее надолго пропадет желание общаться с мужчинами, — крикнул Эндри.

— Господа, прошу вас! — воскликнула Наблюдатель, топая ногой. — Так значит, Эндри, ты сделал это впервые прошлой ночью?

— Э-э, это правда, — пробормотал Эндри.

— Жаль. Почему ты решил... переспать с женщиной?

— Потому что леди Терикель сказала, что вы съедите меня, если я... не попробую.

— Съесть — слишком сильно сказано, — произнесла Наблюдатель. — Смаковать — более подходящее выражение.

— Что? Смаковать... это как бы распробовать то, что собираешься съесть?

— О нет. Может, ты бы понравился мне четыре тысячи лет назад, но не сейчас. Плоть и все остальное лишь отвлекает.

— Хочешь песочного печенья, Музыкант? — спросил Судья, подходя к Эндри с подносом.

— Спасибо большое, — поблагодарил Эндри, беря одно.

— Интуиция подсказывает мне, что ты очень хорошо познакомился со старейшиной прошлой ночью, — произнес радостно Судья.

— Оттуда вы знаете, сир... Дракон Судья?

— Ведь это было недавно, запах остался, по нему и понятно. Если проходят несколько дней, то уже сложнее. Людям трудно понять, но любой дракон может... почувствовать разницу.

— Вы разочарованы, сир?

— Я? Почему?

— Потому что вкус моего тела испорчен, и меня уже нельзя съесть?

— За какого дракона ты меня принимаешь? — грозно спросил Судья, и его дыхание стало таким горячим, что опалило тунику Эндри. — Съесть тебя? Человека? Или ты не это имеешь в виду?

— Я... что? Я имею в виду что, сир? — заикаясь, произнес Эндри.

— Ты мог бы бояться только Наблюдателя, но и ее вкусы изменились.

— Ох. Извините, сир. Не обижайтесь, сир.

— Съесть человека! Что за мысль! — восклицал Судья, отворачиваясь и качая головой.

В другом конце комнаты Терикель разговаривала с Учителем. Он стал высоким худым мужчиной с застывшей на лице ухмылкой.

— Старейшина, я чувствую, тебя что-то беспокоит. Мы можем помочь?

— Драконам нужно что-то дать взамен. У меня ничего нет.

— О нет, у тебя есть одно важное дело, ты не в силах оценить, насколько оно важно. Драконы берут, люди делают. Ты не можешь понять то, что предлагаешь нам, поскольку не ценишь этого. Мы видим тебя такой, какая ты есть, а у тебя очень, очень низкое мнение о самой себе.

— Я не понимаю.

— Конечно, нет. Музыкант ценит тебя за теплое отношение к нему прошлой ночью, и он знает, что ты занимаешь высокое положение, и много училась. Но он не понимает в тебе другого: жрицу, ученого и мага.

— Чтобы понять ученого, нужно быть им.

— Именно, старейшина. Точно так же только дракон видит, какая ты на самом деле.

— Мне... не нравится смысл этих слов, — сказала Терикель.

— Но это так. А теперь, хотела бы ты помочь разрушить Стену Драконов?

— Для меня нет ничего желаннее.

— Тогда я произнесу особое заклинание.

— Что? — воскликнула Терикель, скептически улыбаясь. — Это так просто?

— Нет, вовсе нет. Я стану очень слаб, а ты, вероятно, умрешь. Предстоящие страдания ты не видела даже в своих самых ужасных кошмарах, и если тебе суждено выжить, ты изменишься навсегда.

Терикель молча обдумывала его слова. Подходящего ответа никак не находилось, и она кивнула, желая показать, что готова ко всему.

— Есть еще какие-то просьбы, с которыми я могу помочь? — спросил Учитель.

— Вы можете залечить раны в сердце человека? — грустно спросила Терикель. — Можете изменить прошлое?

— Нет, старейшина.

— Тогда вы можете вылечить очень больную девушку?

— Очень больную?

— Она умерла несколько месяцев назад. Она питалась только кровью смертных и их жизненной силой. Ее собственная кровь была холодной, и ее сердца не бились. Теперь она мертва. Более или менее.

— Мне кажется это абсолютно нормальным. Мои сердца уже пять тысяч лет не бьются.

— Но она не хочет быть такой, она хочет снова жить, — умоляюще произнесла Терикель. — Она скорее уморит себя голодом, чем убьет кого-нибудь, она очень слаба.

— Это та, которую при жизни звали Веландер?

— Да. Она — мой лучший друг и возлюбленная Эндри.

— Возлюбленная? Он, должно быть, очень терпелив. Ох! Но ты и Музыкант... Она, должно быть, тоже очень терпелива.

— Вы встретитесь с ней? Возможно, вы сможете помочь.

— Я уже ее видел. Ее небесное имя — «Вынуждающая».

Внезапно Терикель утратила самообладание и со всей силы бросила свою чашку с чаем на пол.

— Вы хоть слушаете меня, глупый старик? — грозно спросила она. — Ей нужна помощь, а все, что вы делаете — это жонглируете словами!

Учитель щелкнул пальцами, и Эндри с Уоллесом перестали существовать.

Эндри осмотрелся по сторонам и узнал берег и реку. Его окружала темнота, характерная для той области, что находится между жизнью и смертью. Мерцающая белая лодка похо-

дила на маленькие речные лодки в Альберине, и, когда она приблизилась, Эндри заметил, что перевозчица была не той, что раньше, однако вовсе не незнакомой ему.

— Мадам Джилли? — позвал Эндри, рассматривая красное платье и лицо перевозчицы.

— Эндри, что ты здесь делаешь? — закричала мадам Джилли, стараясь перекрыть шум темных волн, и с удивлением посмотрела на него. — Тебя нет ни в Отрывках, ни в Регистре!

— Думаю, я пока еще жив.

— Тогда почему ты здесь?

— Не могу сказать точно, я разговаривал с прозрачным драконом по имени Наблюдатель, потом очутился здесь. Но, мадам Джилли, вы живы!

— Ну, на самом деле, нет. Но я перевозчица.

— Вы чудесно выглядите!

— Спасибо, я сама придумала фасон этого платья. Оно отвлекает приходящих сюда. Умирать-то не особо приятно. Я перевозила Портера и Хартмана, они просили передать тебе привет.

— Вот это да. Как они?

— Ну, мертвы они, как и следовало ожидать. Поэтому радостно видеть кого-то живого, например, тебя.

Лодка уткнулась в черные камни на берегу реки, и Эндри взял багор у мадам Джилли и помог выбраться. Они обнялись, и Эндри испытал неожиданные ощущения от прикосновения живого, теплого женского тела. Но ощущения были знакомы.

— Ты испорченный мальчишка, — засмеялась мадам Джилли, забирая у него багор. — Ты не мог бы подумать об этом сейчас, если бы в твоей жизни не было других девушек.

— Да, правда, — признался Эндри.

Мадам Джилли взяла багор и заторопилась к группе теней, стоящих и сидящих на берегу реки.

— Я ненадолго, ко мне зашел старый дорогой друг, — начала она очаровательным голоском. Эндри заметил, что она отложила в сторону багор и теперь держала в руках палицу, окованную железом. Затем мадам Джилли без предупреждения швырнула палицу в пах одного из духов, наиболее массивного на вид.

— Урод, я заставлю тебя платить за то, что при помощи лжи и льстивых фраз пролез в мою постель, хотя моим последним любовником мог стать Эндри! — закричала она, бросившись в темную воду вслед за упавшим туда и скрючившимся Уоллесом.

Перед ним появилась огромная голова с узкими мерцающими глазами и громко произнесла: «В загробном мире купаться нельзя». Уоллес остановился, посматривая то на чудовище, то снова на мадам Джилли, пытаясь решить, кто из них страшнее.

— Если он попробует выбраться на берег, Чаварлеон, съешь его! — закричала мадам Джилли, свесив ноги в воду и держа палицу наготове.

Некоторые из духов мертвых начали хлопать в ладоши. Мадам Джилли поклонилась и, прежде чем вернуться к Эндри, послала им воздушный поцелуй.

— О боже, мне стало гораздо легче, — заявила она, взяв Эндри за руку, и повела его наверх по берегу, где сидели и терпеливо ждали своей участи призраки.

— А вы уверены, что можно бить духов? — спросил Эндри.

— Это часть моего стиля. Пока Ее Величество Перемена не жалуется, я буду делать то, что мне нравится с теми, кто мне не нравится. Она так мила, она бы тебе понравилась! Кстати, Уоллес еще не мертв — но хватит об Уоллесе! Я слышала от Хартмана, что Веландер теперь твоя девушка.

— Да, — сдержанно ответил Эндри. — Но она очень больна, почти мертва — ну более мертва, чем обычно. Вскоре Веландер станет одной из твоих пассажиров.

— Ее нет ни в Отрывках, ни в Регистре. Не теряй надежды.

— Мадам Джилли, я знаю, я потерял ее, но так много всего, что я хотел бы сделать с ней вместе. Музыка в альберинских тавернах, танцевальные фестивали на улицах Варфсайда и Баржардса. Я хотел играть музыку, чтобы она танцевала, я хотел научить ее игре на лире, тогда бы мы вдвоем могли организовать ансамбль. И... после ночи, проведенной с Терикель...

— Терикель! Нет, не рассказывай о ней, продолжай.

— Я... я хотел показать ей, что такое просыпаться в объятиях того, с кем был близок всю ночь... Ах, мадам Джилли, я простой парень, мне не подобрать слов, которыми можно это описать. Я хочу, чтобы Вел была счастлива, вот и все.

Эндри вынул из сумки ребек и начал наигрывать рил. Несколько душ, стоящих поблизости на берегу, стали танцевать друг с другом, остальные начали отхлопывать ритм. Эндри казалось, что он играл очень долго. Он остановился, когда мадам Джилли положила ладонь на его руку.

— Эндри, для тебя есть задание, — сказала она. — Возвращайся в Альберин и жди Веландер там.

— Но она же в Альпенфасте, мертвая. Я имею в виду, не двигается и лежит как мертвая, в отличие от разгуливающих тут мертвых.

— О, она в состоянии ехать, Эндри. Я знаю это из надежных источников.

— Но почему Альберин?

— Потому что это твой дом и потому что у Веландер нет дома.

Эндри и Уоллес исчезли. Мадам Джилли смотрела, как большой черный предмет погрузился в темные воды, затем нагнулась и положила руку на плечо душе, сидящей рядом.

— Веландер, ты все слышала, — тихо сказала она. — Он любит тебя, он хочет тебя, у него есть планы вашей чудесной совместной жизни, и теперь, после замечательной ночи в горах, он даже знает, что делать.

— Я так устала, — произнес дух. — Я такая уставшая... все время.

— Ты на границе моего маленького королевства, но ты еще не готова пересечь ее. У тебя есть причины вернуться обратно или ты хочешь остаться здесь на очень долгое время?

— Я так устала, отдохну тут.

— Ты могла бы жить. Вместе с Эндри. Разве это не стоит того, чтобы чуть-чуть приложить усилия?

— Эндри... потеряла его.

— Не так. Я потеряла Эндри. У тебя еще есть шанс.

Мадам Джилли выпрямилась и пошла обратно к лодке, в которой она назвала имя следующего пассажира и помогла духу забраться. Отталкиваясь от берега, она оглянулась и заметила, что на том месте, где сидела Веландер, было пусто.

Терикель поискала глазами Эндри и Уоллеса.

— Я не глуп, и я не старик, — говорил Учитель. — И я не жонглирую словами. Твой друг Вынуждающая меняется. Ты не можешь не видеть, что, пока одна часть ее слабеет, другая становится сильнее. Если она решит снова жить... ни один разумный дракон не превратит ее тело в пепел в то время, когда она беспомощна. Без сомнения, Веландер пугает меня, хотя я и не отличаюсь особенной разумностью.

Терикель вдруг ощутила себя очень расстроенной и смущенной. Учитель не только знал Веландер, он боялся ее. Учитель, прозрачный дракон.

— Если вы не отличаетесь особенной разумностью, тогда какой у вас характер? — спросила Терикель.

— Я романтик. Люди-романтики ради своих возлюбленных убивают соперников на дуэлях. Разумные люди убили бы миллионы просто потому, что взяли нож правой рукой, а не левой. С другой стороны, я дракон-романтик, а это не то же самое, что человек-романтик... но чтобы понять, нужно быть драконом. Я надеялся, что Вынуждающая угаснет, но теперь я не так в этом уверен. Разумные драконы раздражают меня... так же, как и разумные люди. Вынуждающая убила одного очень разумного дракона, поэтому она мне нравится.

— Учитель, мое мнение о вас полностью переменилось, — произнесла Терикель.

— Ты хочешь спасти Вынуждающую. Я спасу ее, если она хочет быть спасенной. Она сможет есть вареную репу, запеченную рыбу, жареных крыс на палке и все, чем питаются смертные. Если и когда Музыкант заключит ее в свои объятия, Вынуждающая станет теплой — я имею в виду, при условии, что ты посмотришь на это сквозь пальцы — понятия о морали так изменились за последние пять тысяч лет. Олгез Влрой перед тем, как стать моей женой, научила меня изящным манерам, тогда все было правильно.

Терикель потребовалось время, чтобы понять смысл сказанного.

— Учитель, это чудесно, — закричала она, не осмеливаясь верить. — Что я могу для вас сделать?

— Разрушить Стену Драконов.

И опять Терикель потребовалось время, чтобы осознать смысл сказанного.

— Разрушить Стену Драконов? — воскликнула она. — Да! Да, да, да! Вот что для меня здесь важнее всего! Если бы я уже знала, как ее уничтожить, то, как вы думаете... Ну ладно, тогда скажите мне, как. Кажется, вы считаете, что я могу сделать это... я внимательно слушаю вас.

— Лети на восток до тех пор, пока есть силы.

— Лететь? Но...

— Не прерывай меня. На экваторе увидишь каменную кладку Каунтер. Приложи это к центральному мегалиту.

Учитель поднял вверх кулак, затем медленно раскрыл пальцы. На ладони был черный шар размером с яблоко. Его поверхность пылала.

— А теперь успокойся, старейшина, я не собираюсь делать с тобой ничего предосудительного.

Учитель швырнул шар в грудь Терикель. Ткань ее туники начала дымить, и повсюду стали падать искры. На несколько минут ее мышцы онемели, Терикель не могла дышать, появилось ощущение, что в ее грудь изнутри воткнулось множество игл. Внезапно все прошло, она глубоко вздохнула и положила на больное место руку. Под обожженной тканью кожа осталась неповрежденной.

— О боже, — сказал Учитель, смотря на руку. — Последний раз, когда я касался женщины... В Палионе занимались рыболовством, и жило там около тридцати душ, не считая шести свиней, одиннадцати овец и коровы. Получил пощечину за это.

— Ах! — прошептала Терикель. — Что вы сделали со мной?

— Это было то, что я смог сохранить, но потребовалась тысяча лет, чтобы получить это. Послушай внимательно, я сообщу тебе слова заклинания, к которому ты можешь прибегнуть в случае необходимости, а также использовать по окончании поисков.

Терикель послушала и повторяла слова до тех пор, пока Учитель не удостоверился, что она их запомнила.

— Тебе скоро пора идти, — произнес он. — Поскольку мы тоже должны отправиться в путь. Быть в пещере драконов — это совсем не то, что говорить с драконом, да? А, еще одна вещь.

— Да?

— Твое небесное имя — «Расправляющая крылья».

Учитель сделал непонятный плавный жест рукой, и появились Эндри с Уоллесом. Они оба казались измученными, и Уоллес даже более, чем Эндри. Вскоре к ним присоединилась Наблюдатель, стряхивающая пыль с ворота своего плаща.

— Эндри, ты очень хорошо сыграл для нас на ребеке, — заявила она. — Судья и я решили отблагодарить тебя, выполнив любую твою просьбу. Говори, и я постараюсь сделать то, что ты хочешь.

— Я бы попросил вас вылечить Веландер и вернуть ее к жизни, госпожа, — тут же сказал Эндри.

— Я уже слышала об этом, не говори о ней. Несколько минут назад Веландер была на пороге смерти, сейчас ей уже лучше. Просьба исполнена.

— Вы имеете в виду, она будет жить? — воскликнул Эндри.

— Да, при условии, если вы вернетесь в Альберин.

— Но откуда вы знаете? Она же в Альпенфасте — и Альберин! Откуда вы узнали? Это был сон... сон наяву?

— Если мы говорим про один и тот же сон, то это был скорее ночной кошмар, — произнес Уоллес.

— Веландер сейчас слабеет потому, что становится сильнее, — сказала Наблюдатель.

— Я не понимаю, Дракон Наблюдатель.

— Эндри, не пытайся понять. Чего бы еще тебе хотелось?

— Чего еще? Ах да, а вы можете освободить старейшину Терикель от ее демона предательства?

Терикель покраснела и попыталась возразить, издав хриплый звук. Даже Уоллес выглядел смущенным.

— О-о-о, я не могу сделать этого, — сказал Судья.

— Уже сделано, — заявил Учитель.

— Что? — воскликнула Терикель.

— Просто она еще не знает об этом, — объяснила Наблюдатель. — Может, попробуешь еще раз, парень? Знаешь, ты мне на самом деле нравишься. Две просьбы, и обе за дру-

гих людей. Мы могли бы рассказать, где находятся древние тайники с золотом, за несколько дней поднять твой магический уровень до десятого или одиннадцатого уровня посвящения или сделать еще много полезных вещей, — Наблюдатель положила свою костлявую руку на руку Эндри и улыбнулась ему, ее глаза заискрились: — Давай, попробуй снова.

Эндри подумал. Уоллес вынул песочное печенье из кармана и стал жевать его.

— Ну? — тихо произнесла Терикель, почесав голову.

— Не могли бы вы освободить Уоллеса от его демона? — спросил Эндри.

Уоллес выронил остатки песочного печенья. Терикель украдкой улыбнулась.

— У него их несколько, — сказала Наблюдатель. — О каком ты говоришь?

— А о чем ты вообще думаешь, ты что делаешь, Эндри? — испуганно спросил Уоллес.

— О... о самом худшем из них, — ответил Эндри.

— Эндри, слушай, я очень привязан к своим демонам, — пробубнил Уоллес. — Они мне очень нужны.

— От его ужасных баллад? — спросила Наблюдатель.

— Вы слышали их? — онемел от удивления Уоллес.

— О да, когда я не здесь и не занимаюсь всякими вещами, касающимися драконов, иногда я мою кружки в тавернах. Судья подметает лестницы в Альпенфасте, а Учитель то тут, то там работает в саду.

— Ага, — сказал Судья. — Подметаешь ступеньку, любуешься на Небесное зеркало, думаешь о чем-нибудь возвышенном, затем спускаешься на следующую ступеньку и подметаешь ее тоже.

Эндри попытался вспомнить лицо пожилого смотрителя во дворце, в котором они останавливались в Альпенфасте. В памяти Уоллеса возникла маленькая старушка, собиравшая пустые кружки в таверне Кловессера под названием «Дыхание Дракона». Терикель снова начала тереть виски.

— Терикель, дорогая, — произнесла Наблюдатель. — Хоть мы и образованны, беспощадны, бессмертны и более могущественны, чем вся сарголанская Императорская Армия, это вовсе не значит, что мы не можем быть и обычными людьми тоже — просто немного особенными.

— Таким образом в жизни устанавливается равновесие, — промолвил Судья.

— Вы в силах решить проблему Уоллеса с женщинами? — спросил Эндри.

— Что? — закричал Уоллес. — Нет! Мне нравится моя проблема с женщинами, это придает мне силы! Нет! Прочь от меня!

Судья и Учитель схватили Уоллеса за руки и подняли его тунику. Наблюдатель приблизилась к нему, медленно подняв сухонькую ладонь. Между ее большим и указательным пальцами появился черный шар размером с горошину, и Наблюдатель бросила его в Уоллеса. Шар попал в пах, и спереди на штанах возникла большая дымящаяся дыра.

— Ты прожгла меня! — завизжал Уоллес.

— О нет, ничего страшного не случилось, — произнесла Наблюдатель. — Посмотри-ка сюда, думаю, это выглядит очень мило.

На месте пениса Уоллеса появилась маленькая разноцветная голова с подозрительно смотрящими глазами-бусинками. Она раскачивалась на длинной чешуйчатой шее и загадочно глядела на Уоллеса. Наружу высунулся раздвоенный язык.

— Уберите это от меня! — закричал Уоллес, отталкиваясь от самого себя до тех пор, пока не уперся в стену.

— Но это же ты сам, — сказала Наблюдатель.

— Думаю, почти так выглядел Судья, когда был молодым, — произнес Учитель.

— Должен признаться, мне всегда нравилась роль защитника моральных устоев, — промолвил Судья. — Вероятно, таким было неосознанное желание со стороны Наблюдателя.

— О боже, — охнула Терикель, склонившись и осматривая магический протез Уоллеса.

Маленький дракон открыл пасть и зашипел на нее. Терикель отскочила назад. Наблюдатель протянула к протезу руку, и на нее посыпались искры. Они были болезненного пурпурного цвета.

— Если бы я была смертной женщиной, эти искры причинили бы мне сильную боль, — сказала Наблюдатель. — А как же мы его назовем?

Уоллес ничего не ответил: он стоял, прижавшись к стене, и что-то невнятно бормотал.

— Нужно дать какое-то имя, которое подходит Уоллесу, — предложила Терикель.

— Уилли! — воскликнула Наблюдатель. — Уоллес и Уилли. У Уоллеса есть свой собственный маленький Уилли. У Уоллеса верный Уилли.

— Уилли никто не нравится, кроме тебя, Уоллес, — сказал Учитель совершенно обезумевшему Уоллесу. — Поэтому береги его от других людей — в противном случае последствия могут быть крайне неприятными.

— Чудовища! — пронзительно завизжал Уоллес. — Настоящие чудовища!

— Ну да, мы прежде всего прозрачные драконы, — произнесла Наблюдатель.

— А надолго у него Уилли? — спросил Эндри.

— О, на всю мою работу — пожизненная гарантия, — заверила его Наблюдатель.

— Пожизненно? — закричал Уоллес и упал в обморок.

— Когда будете спускаться, смотрите по сторонам, — сказал Учитель. — На расстоянии пущенной стрелы от ваших лошадей прячутся четырнадцать вражеских улан из Альпенниен. Вероятно, у них приказ убить вас.

— Нас? — воскликнул Эндри. — Но я думал, принцесса и кастелян... помирились.

— Да, но Терикель решилась разрушить Стену Драконов.

— А кастелян здесь причем?

— Стена Драконов разделила всю область Альпенниен на две части. На западе вспыхнуло восстание, и сарголанские правители и военные наместники были свергнуты. Они поспешно возводят замки, стены, набирают армии. Когда наконец Стена Драконов рухнет, восточная область Альпенниен до гор Кейпфанга станет объектом нападения с их стороны. Даже хуже, Вильбар уже учит магов в Альпенниен, как строить миниатюрные каменные кладки. Это настоящая катастрофа.

— А что с кастеляном? — снова спросил Эндри. — Он же влюблен в принцессу Сентерри, да?

— Тем хуже. То, что было восстанием, теперь превратится в непрерывную войну. Кастелян заявит о своей женитьбе и желании дать наследника сарголанскому трону. Четверо братьев Сентерри уже сейчас собирают армии, чтобы бороться друг с другом из-за трона. Кастеляну нужно всего лишь подождать, пока их силы истощатся, а затем послать своих людей, чтобы завладеть троном от имени Сентерри. Их первый сын станет следующим императором. Если Терикель разрушит Стену Драконов слишком быстро, тайная армия Альпенниен больше не будет тайной. Но она и не получит соответствующей подготовки и экипировки и не сможет противостоять войску Сентерри.

— И принцессе не потребуется много времени, чтобы разделаться с противниками, — добавила Наблюдатель.

— Правильно. А сейчас нам нужно снова превратиться в драконов и заниматься делами драконов, поэтому прощайте. Да не оставит вас Удача!

Трое смертных скрылись в тумане, в молчании спускаясь с горы. Эндри тащил Уоллеса на плечах. Солнце уже почти скрылось за высокими горами, оставалось меньше часа, прежде чем оно зайдет совсем.

— Так кто же это был? — спросил Эндри Терикель, когда они медленно шли вниз по дороге. — Разве могут ящерицы разговаривать — и выглядеть как люди?

— Драконы не ящерицы, и они похожи на нас, — ответила Терикель.

— Как так, госпожа? — снова задал вопрос Эндри.

— Есть заклинание, известное только посвященным одиннадцатого уровня, и даже они не все могут справиться с ним, — сказала Терикель, остановившись проверить, пришел Уоллес в сознание или еще нет. — Оно называется «хождение по воздуху». Нужно вызвать ветра, четко представив их во время произнесения заклинания. Посвященный, способный завершить это заклинание, может использовать воздушные потоки и лететь на них. Мне это удалось. Один раз. В Альберине высокоученая Уэнсомер приобрела известность благодаря своему умению исполнять подобные магические ритуалы. Однажды она произнесла это заклинание во время посещения императорского дворца в Палионе. Уэнсомер вызвала сильнейшие, но едва ощутимые ветра и вихри высотой в двести футов. Она посадила императора себе на спину, и облетела дворец со всех сторон. Императрице это не очень понравилось, но что она могла сделать?

Уоллес застонал. Терикель вынула из-за пояса топор и ударила его по голове рукоятью.

— Так о чем я говорила? Ах да, «хождение по воздуху» — первое испытание на долгом пути превращения в дракона.

— Превращения в дракона? — переспросил Эндри. — Человек становится драконом?

— Прозрачным драконом. Это очень важно. Не обычным драконом, который выглядит как ящерица, способная изрыгать огонь.

— А те драконы, потопившие «Буйную пташку», были просто обычными драконами?

— Да. Прозрачные драконы — это маги, мужчины и женщины, способные «ходить по воздуху». В течение многих лет они учились тому, чтобы с помощью все новых заклинаний за-

ставлять свои тела лучше летать. Маги проводили много дней за ритуалами, паря в воздухе. Прошли годы, и в конце концов они перестали использовать заклинания. Некоторые из них говорят, что полет даровал им прозрение и безмятежность, и поэтому они не хотят снова становиться похожими на нас. У них появилась навязчивая идея соединить эфирную энергию и жизненную силу, они одержимы мыслью контроля над энергией. Время и возраст перестали владеть физическими телами этих магов: их поддерживают эфирные конструкции. Они способны жить в течение многих веков и даже дольше. Отношение к этому меняется, если ты сам дракон. Перестаешь быть собой. Меняется отношение ко всему, и меняется сам человек. Они по-прежнему говорят и мыслят, но их отношение ко всему можно описать как чопорно-высокомерное и очень холодное.

— Так те существа в пещере были людьми? — спросил Эндри.

— Да.

— Но их рост достигал пятидесяти футов! — не унимался Эндри. — Может, и больше. Потом они стали... ну... как мы.

— Маленькие тела, которые ты видел, — их настоящие тела. Вероятно, «настоящие» — не очень подходящее слово, но это так. Учитель, Судья и Наблюдатель — старейшие прозрачные драконы, их возраст — свыше пяти тысяч лет.

— Кажется, они были похожи на сумасшедших, — сказал Эндри.

— Те трое так мудры и могущественны, что по собственному желанию становятся людьми, желая лучше понять мир.

— Они превратились в прозрачных драконов с целью возвыситься над человеческим существованием, и они так высоко поднялись над ним, что теперь становятся людьми.

— Эндри, думаю, ты опошляешь ситуацию.

У Сергаля не оставалось другого выхода, нежели обдумать появление Огненного Ветра к тому времени, как сотая миниатюрная каменная кладка соединилась со Стеной Дра-

конов. В числе сто ничего особенного не было, кроме того, что оно являлось относительно большим и подчеркивало серьезность сложившегося положения. Почти три тысячи магов сейчас оказались во власти энергии Стены Драконов, и в любой момент кто-то из них мог обнаружить, во-первых, отсутствие контроля со стороны других, а во-вторых, свои неограниченные возможности. Неограниченные при постоянно увеличивающемся количестве энергии.

Огненный Ветер оставался единственной надеждой Сергаля. О нем он знал лишь то, что это был некий способ вытянуть энергию из Стены Драконов, а если будет вытянуто достаточно энергии, Стена Драконов потеряет свою форму, и заклинание, опоясавшее весь мир, разрушится. «Времени не много, — напоминал он себе. — Совсем немного времени».

Сергаль произнес заклинание Огненного Ветра.

Сергаль находился в каменной кладке Центрас, когда от Стены Драконов принесся Огненный Ветер. Маги Стены Драконов не являлись единственными свидетелями его рождения. На всех трех континентах миллионы людей увидели радугу, которая, мерцая и поднимаясь в воздух, закрыла собой Стену Драконов. Над радугой ярко вспыхнула блестящая линия голубого цвета и как-то странно заискрилась.

От Стены Драконов отделилось и вспыхнуло переливающееся голубоватое пламя, осветив тридцать четыре королевства. Оно медленно двигалось к звездам. Пламя казалось ярким, но не слишком. Жители древнего города Зальмек увидели, как оно задержалось на голубой вершине каменной кладки Центрас.

Терикель и Эндри сидели вдвоем на узком выступе, наблюдая за последними лучами заходящего солнца. Устав от тяжести тела Уоллеса, Эндри вылил часть содержимого бурдюка ему на голову. Тот очнулся и стал осматриваться по сторонам, затем взглянул на свое тело, желая удостове-

риться, что воспоминания, оставшиеся в памяти, были всего лишь плохим сном. Обнаружив обратное, Уоллес начал бредить, невнятно бормотать и биться о землю головой. Эндри и Терикель пришлось связать его и вставить в рот кляп.

Лишив Уоллеса возможности двигаться, они поели и на некоторое время забыли о том, что произошло в пещере. Затем Стена Драконов снова стала темой их разговора. Когда дневной свет погас, над ними в небе стала мерцать и переливаться эфирная паутина.

— Это оружие, — сказала Терикель, взглянув вверх на Стену Драконов. — Оружие огромной разрушительной силы, вот что это. Оно может уничтожить целые королевства.

— Звучит угрожающе, — ответил Эндри, осознавая значение сказанного в общем, но не задумываясь о частностях.

— Контролировать ветра? Укротить торейские бури? Бессмыслица! У Стены Драконов иное, более важное предназначение.

— Прошу прощения, госпожа, но торейские бури очень, очень сильны.

— Точно. Поэтому можешь вообразить, какую угрозу может представлять Стена Драконов. Проблема в том, что у каждого монарха, мага и вождя, находящегося на любом из трех континентов, свои планы на нее, и любой в силах ее контролировать. Благодаря миниатюрным каменным кладкам.

— Значит, всякий крестьянин может стать богом, — произнес Эндри, начиная понимать всю сложность ситуации. — Плохая идея, если вспомнить некоторых парней. Например, представь — бог Уоллес. Кому нужна такая глупость?

— Людям, которые хотят, чтобы пострадал каждый, Эндри. Подозреваю, прозрачные драконы приложили руку... или коготь ко всему этому.

— Что мы будем делать? — спросил Эндри. — Я могу помочь?

— Это только мое дело. Я должна кое-что завершить. Но все очень сложно.

— Что, госпожа?

— То, из-за чего у меня возникнет множество проблем.

— Еще больше, чем сейчас, госпожа?

— Без сомнения, еще больше, Эндри, — ответила Терикель, указывая на тонкую яркую линию голубого цвета, передвигающуюся по небу и удаляющуюся от Стены Драконов. — И с каждым магом, связанным со Стеной Драконов. Если посмотреть, как эта голубая полоса двигается по отношению к звездам, то, кажется, она один раз в день обходит кругом весь мир. При условии, что это полный круг, некая часть того луча проходит над любым городом, замком, верфью, мостом и гарнизоном. А также над любой академией. Разрушь все это, и что останется?

— Дороги, фермы и бандиты — прошу прощения, госпожа.

— Эндри, Эндри, в это время прошлой ночью мы занимались любовью и потом спали вместе, — сказала Терикель неожиданно очень усталым и каким-то обезумевшим голосом. — Пожалуйста, не забывай об этом и зови меня «Тери».

— Извините, госпожа — то есть извините, Тери.

— Одно маленькое дополнение к твоему ответу, если не возражаешь.

— Нет, конечно... Тери.

— Среди бандитов есть главари, которые не являются ни хорошими, ни плохими. Собирается вместе полдюжины парней с оружием, они грабят и сжигают фермы, бесчестят женщин и убивают мужчин. Главарь — их предводитель. Многие крестьяне видят, что они живут хорошо, поэтому присоединяются к их шайкам. Пройдет месяц — и появится масса разрушенных ферм, мелкий вождь и пятьдесят вооруженных

парней. Он тоже главарь, Эндри, и его слово определяет, кому жить, а кому умереть. Кто тебе больше нравится: он или наследный принц Альберина?

Эндри невесело засмеялся, покачав головой и толкая ногой булыжники к краю обрыва в темноту.

— Да, без правителей нет правил, вы правы, — произнес наконец он. — Стена Драконов то же самое, да? Маги могут сделать то, что им нравится, поскольку их никто не контролирует. Проблема вот в чем: один мизинец любого из них сильнее дюжины крестьян.

— Так, значит, стоит швырнуть в них пивной бутылкой, да? — сказала Терикель, удачно изображая акцент Эндри.

Они оба засмеялись, вставая, но, дотронувшись до руки Терикель, Эндри перестал улыбаться.

— Перед тем как мы пойдем... мне нужно сказать... ну... не пойми неправильно...

— Пока не скажешь, я все-таки не смогу понять правильно.

— Ну... Вел — моя девушка, но люблю я тебя. Я беспокоюсь о тебе. Ты как человек, идущий по дороге, на которой орудуют разбойники, и это большая...

Терикель так крепко обняла Эндри, что тот едва не задохнулся. Она долго не выпускала его.

— Я делаю это потому, что один парень сделал для меня очень многое, Эндри, — прошептала она. — Боюсь, я люблю тебя так, как хотела любить Ровала. Я никогда не была слишком любезна с ним, но ты и я — это другое.

Терикель порылась в своей сумке и достала книгу, несколько драгоценных украшений, заколки и пару эфирных амулетов. Она передала их Эндри.

— Эта книга — на память обо мне. Береги ее, а все остальное продай. Все из Тореи, такого нигде не найдешь.

— «Основные заклинания и магические формулы для одаренных», — прочитал Эндри.

— Я читала ее, чтобы улучшить свои познания в альберинском, но это хороший учебник для таких талантливых, как ты, — объяснила Терикель. — Вскоре я оставлю тебя, Эндри. У меня много дел, но я буду биться до последнего, если узнаю, что кто-то... преследует моих друзей. Если отправишься в Альберин, сможешь присмотреть за Ровалом?

— Я клянусь, Тери.

— И если у альберинки по имени Уэнсомер появятся проблемы — пожалуйста, сделай все, что в твоих силах. Она замечательный маг, а ее танец живота просто удивителен.

— Хорошо.

— И последнее: возьми с собой Ларона в Альберин. Уэнсомер и Ровал — его единственные оставшиеся в живых друзья.

— Да, возьму.

— Знаешь, что сейчас произойдет, Эндри?

— Ну да, ты получишь подарок от меня с, так сказать, наилучшими пожеланиями, — сказал Эндри, вручая ей две сумки. — Одолжу у Уоллеса, у него их всегда много.

— Эндри... я... я не понимаю.

— Очевидно, ты собираешься сегодня ночью умереть, вот и все. Враги не преследуют мертвых, даже я это знаю. Я разыграю большой грустный спектакль. Я понимаю тайный смысл слов, и мне ясно, что ты имеешь в виду.

— Я рада, что ты мне не враг, Эндри, ты всегда знаешь, что я хочу сказать. Спасибо за все, но там, куда я иду, не нужны пожелания.

Поднявшись, чтобы отправиться дальше, Эндри вдруг ткнул большим пальцем в сторону Уоллеса. Связанный и с кляпом во рту, тот заснул.

— Мне бы не хотелось нести Уоллеса дальше, — сказал Эндри. — Что мне с ним делать?

— Я знаю несколько рецептов знахарей и магических наговоров и могу спрятать в его памяти те воспоминания, ко-

торые связаны с появлением Уилли. Уилли используется для успокоения изнасилованных девушек и детей, увидевших ужасные злодеяния.

— И надолго это?

— Пока он не захочет в туалет.

Когда они начали спускаться, Уоллес смог идти, хотя четко и не помнил, что случилось с ним в пещере прозрачных драконов. Терикель и Эндри пошли быстрее и поздно вечером подошли к месту, где оставили лошадей. Эндри остановил спутников, прежде чем они начали последний спуск.

— Кони должны быть там, — произнес он, смотря вниз, на небольшое пастбище.

— Я чуть было не пожелал, чтобы прозрачные драконы съели их, — пробормотал Уоллес. — Не знаю, что хуже: идти, и тогда будут болеть ноги, или ехать верхом, и тогда будет болеть все остальное из-за седла.

— Их нет, — сказал Эндри.

— Не глупи, они там, — ответил Уоллес.

— Привязь была длиной около десяти футов. Этого достаточно: их должно быть видно при свете Стены Драконов.

— Ты уверен?

— Я плотник, Уоллес! Я в состоянии четко определить расстояние на глаз.

— Ты говорил, что Терикель заколдовала лошадей, — вдруг вспомнил Уоллес.

— Я солгал, — ответил Эндри. — Драконы были правы. Кто-то там, внизу. Он ждет нас.

— Ждет и хочет убить нас? — мрачно спросил Уоллес.

— Ждет и хочет убить меня, — произнесла Терикель.

— Ах да, правда, — оживился Уоллес. — Значит, они не преследуют намеренно меня или Эндри.

Эндри обнял Терикель, покачав головой:

— Какими бы ни были обстоятельства, госпожа, вы провели ту ночь со мной. Сейчас вы — моя девушка, и я никогда не покину вас. Уоллес, можешь проваливать, если хочешь.

— За лошадями следят, а до Логьяра десять дней пути пешком, — сказал Уоллес.

— Да, а те отважные ребята, что следят за ними, не против сделать что-нибудь ужасное с нашими телами, — заметил Эндри.

— Не пойми неправильно, но им и правда нужна только леди Терикель, — попытался возразить Уоллес. — Я мог бы спуститься и объяснить, что драконы все еще с вами разговаривают, и уехать. Я приведу рекконов, ведь они могли бы разобраться с ними.

— Уоллес, они скорее поверят, что любому, кто был здесь, рассказали, как разрушить Стену Драконов, — сказала Терикель. — Тебя убьют.

— Откуда ты знаешь! — воскликнул Уоллес.

— Ну ладно, иди, — разрешила Терикель, вручая Уоллесу кусок белой ткани.

— С другой стороны, мы все понимаем, какие глупые выводы могут сделать жестокие необразованные солдаты, — вздохнул Уоллес, возвращая ткань обратно.

— Они считают, мы не в состоянии никуда добраться без лошадей, — произнес Эндри, посмотрев туда, где дорога поднималась наверх. — Но мы в состоянии добраться туда, куда не смогут добраться лошади. Подождите тут.

Эндри ушел и вернулся через полчаса.

— У них есть лошади, наши лошади, но они смогут пробраться только туда, куда пройдут лошади, если они захотят ехать верхом, — объяснил он. — Мы можем лезть по скалам.

— Лезть? — спросил Уоллес. — Ты имеешь в виду, повернуть назад, наверх, к драконам и их пещере? Я сомневаюсь, что они помогут.

— Нет, не наверх, а вокруг. Поскольку дорога окружает гору, она становится очень узкой. Отличное место для засады.

— Зачем нам делать это? — поинтересовался Уоллес. — Мы уже попали в засаду!

— Самое главное — то, что дорога сужается. То, что мы попали в засаду — не так важно, — ответил Эндри.

Потребовалось четыре часа, чтобы обойти гору кругом, и, когда они добрались до дороги на другой стороне, была почти полночь. Произошел крайне неприятный эпизод: Уоллес решил, что ему нужно помочиться, и Терикель пришлось снова использовать заклинание забвения. Те, кто их преследовал, пока были слишком далеко. Пройдя по извилистой горной тропе и миновав крутой обрыв, Терикель, Эндри и Уоллес очутились на маленьком заросшем травой лугу.

— Теперь пора подумать о способе передвижения, — сказал Эндри. — Подождите здесь.

— Почему мы не торопимся? — спросил Уоллес. — Через день или два они поймут, что мы не собираемся возвращаться.

— Но тогда они поскачут за нами. У них есть лошади, а скорость лошадей в четыре или пять раз быстрее нашей, а ты еще и еле плетешься. Госпожа, оставайтесь здесь до тех пор, пока не услышите громкий крик, затем считайте до трехсот. Если к тому времени мы не появимся, отправляйтесь в Логьяр. Уоллес, пошли со мной.

— Мы же не собираемся совершать никаких подвигов, да? — спросил Уоллес.

— Если бы собирались, я бы не взял тебя с собой.

Эндри обнял Терикель, и она ответила ему, сжав с неожиданной силой.

— Для меня было честью стать объектом вашего внимания, госпожа, — прошептал Эндри.

— Для меня было честью стать твоей девушкой, реккон, — прошептала Терикель в ответ. — До свидания.

Пригнувшись, Уоллес и Эндри тихо исчезли в темноте. Эндри вел их по тропинке, ширина которой была лишь в несколько локтей. Уоллес заявил, что дальше выступа скалы, находящегося на высоте около ста футов на дорогой, он не пойдет.

— Тогда жди здесь, — едва слышно ответил Эндри.

— Разве тебе не понадобится моя помощь? — поинтересовался Уоллес.

— Конечно, нет, я взял тебя лишь потому, что не хотел оставлять наедине с леди Терикель.

Некоторое время Уоллес сидел молча, затем заглянул за край выступа. Дорога казалась невероятно длинной, а Терикель скрывал сумрак. Уоллес подумал о том, как придется карабкаться назад в одиночестве, а еще потом Терикель станет спрашивать, почему он бросил Эндри. И он решил, что попытка карабкаться в гору без посторонней помощи равносильна сумасшествию. Цена за возможность поухаживать за Терикель показалась ему слишком высокой. Уоллес сел и закрыл глаза.

— Итак, я здесь, один, в самом центре гор Кейпфанга, окруженный гигантскими драконами и вражескими уланами, практически без пищи, без коня и безо всяких надежд увидеть цивилизованный мир в ближайшие десять дней. Что же еще со мной произойдет?

В его памяти стало всплывать смутное воспоминание о пещере прозрачных драконов, но Уоллесу никак не удавалось воссоздать полную картину происшедшего.

— Нет, это просто смешно, — произнес он, шумно вздохнув. — Кто бы мог подумать, что магистр музыки дойдет до такого? Я достану свою лиру и исполню печальную песнь...

но она будет короткой. Ирония судьбы: я, униженный, нахожусь на высочайших во всей Акреме горах. Наверно, это неплохое начало для песни...

Уоллес стал сочинять стихи.

Терикель выглянула за край дороги. Подножие утеса скрывалось где-то в самом низу, в темноте. Она сняла плащ и стянула с себя доспехи, которые легко соскользнули с ее тела. Хотя кольчуга и стоила несколько годовых жалований опытного ремесленника, Терикель швырнула ее через край утеса. Кольчуга долго сверкала в сиянии Стены Драконов, пока не исчезла в темноте внизу.

Терикель начала избавляться от лишней одежды, связав все шнурки и засунув одно в другое. Ножом она сделала разрез на ладони и брызнула пару капель крови на обочину дороги. Открыв сумку, Терикель вынула часть ее содержимого, затем съела и выпила столько, сколько хотелось. Делая все поспешно, но осторожно, она смастерила из плаща маленький мешок для того, что решила взять с собой. Положив сумку и топор на землю, Терикель набросила мешок на плечи.

На все это ей требовалось полчаса, и даже больше, но в распоряжении Терикель было всего лишь несколько минут. Она потратила пару из них на изготовление из веревки и сумки сбруи и поводьев, затем, сложив руки, произнесла заклинание, направив его на сбрую.

И вновь Терикель прочитала заклинание и дунула на тускло поблескивающую сбрую. Из ее середины начал подниматься луч, похожий на шпиль. Чем больше он становился, тем меньше мерцала энергия заклинания. С каждым вздохом Терикель чувствовала себя все слабее, отчетливо понимая, что любой, кто очутится здесь, может легко захватить ее. Пока шпиль продолжал увеличиваться, возник странный лег-

кий ветерок, но она знала: ничто не могло помешать ей. Ей повезло неожиданно: торейские бури в горах надолго утихли, но Терикель напомнила себе, что целые империи иногда одерживали победы или терпели поражение по чистой случайности. Перед тем как Терикель решила не рисковать и не пытаться увеличить его еще больше, высота шпиля уже достигла свыше пятидесяти футов.

«Он должен быть вполовину меньше, да и поводья не очень прочные. Но ладно, тут меня никто проверять не станет», — подумала она, остановившись на минуту передохнуть и сконцентрироваться.

Очень осторожно Терикель подняла сбрую над головой, надевая ее на себя, затем дотянулась до шпиля и разделила его надвое. Две его половины широкими лучами взмыли в небо. Когда между ними образовался угол наклона в сорок пять градусов, Терикель махнула рукой назад и направила эфирные ветра на сбрую на своей спине. Затем она продолжила усиливать воздушные потоки. Когда они образовали с прямой линией угол в пять градусов, Терикель наконец-то остановилась и решила снова отдохнуть.

Все это время она испытывала невероятно сильную боль, боль, подобную той, которую испытывает бабочка, вылупляясь из кокона и расправляя крылья. Однако могло быть и хуже — Удача была благосклонна к Терикель. Все, что ей сейчас оставалось сделать — это прыгнуть. Терикель напрягла память, пытаясь вспомнить, куда ее приглашали с тех пор, как она покинула Палион. Казалось, ничего не было забыто, и ситуация выглядела лучше, чем Терикель надеялась. Как только она исчезнет, все подумают, что она мертва, и перестанут гнаться за ней.

Терикель встала, чувствуя дыхание эфирных воздушных потоков, сбивающее с ног. Пора было прыгать, прежде чем неожиданный порыв ветра лишит ее опоры. И она прыгнула.

Восходящий поток подхватил Терикель, когда она находилась на расстоянии всего нескольких ярдов от земли, и подбросил ее вверх. На Терикель была темная одежда, поэтому на ночном небе, во мраке возвышающихся вдали гор и при общей плохой видимости она стала практически не заметна. Под ней проплывали долины, с высоты казавшиеся большими черными пятнами, а остроконечные вершины слепили глаза белизной лежащего на них снега и ледников. Воздушные потоки несли ее, холодные воздушные потоки — они вытягивали тепло из ее тела. Если бы она провела в воздухе час, то неминуемо бы замерзла до смерти. Но ей не был нужен целый час.

Уоллес проснулся от грохота где-то вдалеке. Он потряс головой. Земля под ним дрожала. «Землетрясение», — подумал Уоллес, на минуту оцепенев от страха. Вдруг все стихло. «Наверно, это было маленькое землетрясение», — решил он. Мысли Уоллеса вернулись к его печальной песни. Он стал повторять ее про себя.

— Уоллес, пора, — сказал Эндри откуда-то сверху.

— Зачем? Я слышал грохот.

— Не будет тебе больше капустной похлебки, — сказал Эндри, появляясь из полумрака.

— Так что произошло? — не унимался Уоллес.

— Где? — спросил Эндри, поднимая сумку.

— Знаешь, земля дрожала.

— А, это, — ответил Эндри, засовывая руки в заплечные лямки.

— Это мог быть дракон.

— Не знаю. Наверно, дракон просто пукнул. Очень громко пукнул.

— Не говори ерунды! — резко оборвал его Уоллес, начав вслед за ним спускаться вниз. — Это ты был причиной грохота?

— Да нет, я не так громко пукаю.

— Эндри! Что случилось на самом деле?

— Не паникуй. Я забрался на скалу над дорогой, где она проходит по узкому ущелью, и устроил завал. Столкнул пару больших валунов. Теперь у нас есть одно место над дорогой, на расчистку которого уйдет день или два.

— Завал? Но даже я могу перебраться через завал.

— Да, но не с лошадью же. Перед тем как лошади наших преследователей минуют это место, их хозяевам придется потрудиться и убрать с пути камни. Пока они будут идти за нами, мы уйдем далеко. Ведь так больше шансов остаться в живых, как ты думаешь? Я уже четко различаю дорогу — но где госпожа?

Они спустились на дорогу. Остроконечные вершины отливали теперь зеленым там, где их не освещала Стена Драконов. Мираль почти полностью поднялся на востоке, и дорога, на которой оставалась Терикель, стала отчетливо видна в сиянии его колец. Уоллес осторожно подошел к краю утеса. Он нашел сумку и топор Терикель. Больше ничего.

— Старейшина, мы должны идти! — крикнул Уоллес как можно громче.

Терикель не откликнулась на его призыв. В отличие от Эндри, который тут же вырос у него за спиной.

— Заткни свой проклятый рот! — зашипел он. — Где она?

— Ее сумка здесь, но ее самой нет.

Эндри быстро осмотрелся:

— Сумка и топор — все аккуратно сложено на одной стороне дороги. Больше ничего нет вокруг — или нет! Есть!

— Что?

— Там, на обочине. Темное, липкое, холодное.

— Что? Темное, липкое, холодное? Говори понятно! Ты говоришь, словно только что вывалился таверны после бессонной ночи.

— Кровь! — прошептал Эндри.

— Кровь? — открыл от удивления рот Уоллес.

— Вокруг... пятна везде. Словно кто-то застал ее врасплох и ударил... Но Терикель сражалась с ним...

— С кем?

— Должно быть, по этой стороне от моего завала остался кто-то из врагов. Госпожа! Где вы?

— Я получу приз, если скажу «там, внизу»? — сказал Уоллес, указывая за край.

— Ублюдок пытался убить ее.

— И неплохо справился со своей работой.

— Но она забрала его с собой, когда упала вниз, — произнес Эндри. Его голос начал дрожать. Эндри еле удерживался от рыданий. — Она... она умерла в объятиях какого-то проклятого улана из Альпенниен...

— И ты называешь меня безнадежным поэтом? — воскликнул Уоллес. — Эндри, очнись! Нам нужно бежать.

Эндри заглянул за край. Уоллес тоже посмотрел, затем поспешно отступил и закрыл глаза.

— Может, она жива там, внизу, упала на ветви или что-нибудь еще, — с надеждой произнес Эндри.

— Что? Не глупи! — ответил Уоллес, оттаскивая его от края.

— Я должен что-нибудь сделать.

— Потребуется много времени, чтобы спуститься вниз, и тебе нужна будет очень длинная веревка.

— Если бы только я мог видеть! — закричал Эндри, снова заползая на край обрыва. — Внизу так темно, что даже с собакой-ищейкой ничего не найдешь.

— Ни одна собака-ищейка... — начал Уоллес.

— Ш-ш! Что это?

Где-то вдалеке они услышали голоса — и лай.

— Уланы из Альпенниен! — воскликнул Уоллес. — И с ними собака-ищейка!

— Прощай, моя любимая, и пусть не оставит тебя Удача, — сказал Эндри, последний раз заглядывая за край. — А теперь — беги, Уоллес!

Уоллес бежал три минуты без остановки. Затем еще пятнадцать быстро шел. К концу часа он просто шел и на рассвете уже вяло плелся. К тому времени красота горного рассвета на востоке и поражающая взгляд полоса мерцающего света на западе — Стена Драконов — утратили для Уоллеса все свое очарование. Он изнемогал от напряжения, а Эндри — от Уоллеса.

— Разве мы не можем спуститься с дороги и спрятаться? — умолял тот.

— Забыл про собаку-ищейку? — отвечал Эндри.

— Но это безнадежно! Мы не дойдем до границы, даже если выдержим до вечера.

— Да, но мы можем наткнуться на усадьбу, где есть лошади. Шевелись быстрее.

— Нет, подожди немного, я уже не помню, когда в последний раз облегчался.

«Это должно было случиться рано или поздно», — подумал Эндри в ту минуту, как Уоллес поднял свою тунику и снова обнаружил дыру, прожженную в штанах. Крик ужаса эхом отозвался в горах.

Для Веландер, подвергшейся заклинанию драконов, самым болезненным оказалось прохождение через различные его стадии и побочные эффекты. Есть ведь разница: кулачный бой насмерть или хороший массаж. В обоих случаях испытываешь боль, но точно знаешь, что массаж все-таки безопаснее.

— Ты заметишь, как твое тело слабеет, — сказал Учитель. — Причина в том, что мы не знаем правильного метода. Ты первая, кто проходит через это.

— Где я? — спросила Веландер почти шепотом.

— Все еще в Альпенфасте, в той же самой кровати. Просто ее перенесли на крышу, и теперь тебя можно лечить, не повредив мебель и все остальное.

— Я не могла ничего повредить, — простонала Веландер. — Я едва в силах говорить.

— О нет, вовсе нет. Понимаешь, некоторое время ты была мертва. Однако беспокоиться не о чем.

Веландер попыталась засмеяться.

— Все мы немного похожи на тебя, Веландер, — сказал Учитель. — Только растениям не нужно питаться жизненной силой других существ. Ест ли человек орех, репу, сладкий пирожок или куриную ножку, он питается жизненной силой других существ. Ты вплотную подошла к границе со смертью, ведь ты провела значительное количество времени рядом с ней, поскольку твои потребности более... так сказать, необычны.

— Да, мне нужна кровь живых людей.

— Да, да, и теперь ты моришь себя голодом, поскольку ненавидишь ту, кем стала. Однако другая часть тебя не подвластна контролю, но ты не осознаешь этого. Ты, моя дорогая, впитала в себя заклинание, превращающее смертного в дракона. Дракон в течение многих лет создавал его и смог полностью подчинить своей власти. Но внезапно заклинание оказывается у тебя, а ты не представляешь, что с ним делать. Второе Я твоего подсознания контролирует заклинание, и поэтому мы должны разобраться с этим. Однако это не так просто.

— Я понимаю в общем, но детали мне не ясны, — призналась Веландер.

— Посмотри на меня, — велел Учитель. — Я прозрачный дракон.

Веландер открыла глаза и уставилась на него. И обнаружила, что видит! Она попыталась сесть, но не смогла двигаться. Красота Альпенфаста на миг ослепила ее. Было раннее

утро: на фоне горных склонов храмы и дома казались экзотическими кристаллами, вырастающими из темной вулканической скалы. В Небесном зеркале отражались разноцветные облака, диск Мираля с кольцами казался бледным на проясняющемся небе, а Стена Драконов превратилась в отвесную скалу оранжевого цвета, возвышающуюся над всей округой. Для той, что была слепа с момента ухода из Кловессера, зрелище на самом деле являлось впечатляющим, и у Веландер возникло ощущение, что с минуты на минуту она упадет в обморок. Ветер свежел из-за приближающейся бури, а воздух становился пронизывающе холодным. Веландер обнаружила, что они и правда находятся на крыше.

Учитель, стоявший возле ее кровати, был высоким худым мужчиной. Он улыбнулся Веландер, и его кожа слегка заискрилась голубоватым цветом.

— Я дракон, — сказал Учитель. — На Альпенфасте мы известны также как прозрачные драконы, драконы-студенты или драконы-студенты-неудачники. О, смертные думают, мы здесь все жрецы, но все это лишь помогает избежать бесконечных объяснений и избавиться от героев, приходящих сюда с желанием убить драконов. Посмотри-ка. Я могу растянуть свою кожу и стану драконом с размахом крыльев в двести футов, но я лучше останусь таким, какой я сейчас — чтобы не дать ветру сдуть меня отсюда, поскольку энергия не весит ровным счетом ничего.

— Ничего?

— Ну, на самом деле, от подобного заявления у некоторых прозрачных драконов-теоретиков крылья бы встали дыбом, но тебе потребуется пара веков на обучение, чтобы понять все это. Проблема в следующем, Веландер: на эфирном уровне у тебя есть предпосылки и возможности для превращения в дракона. Но у тебя также есть проблема отождествления. Очень сложная проблема отождествления. Ты не совсем жи-

вая, как было раньше со мной. Я беру тебя обратно на границу со смертью. Терикель говорила мне, что Ларон привез тебя сюда и дал нынешний... статус — это единственное слово, которым я могу это описать. Он привел тебя назад не мертвую, а я приведу тебя назад живой.

— Живой? — выдохнула Веландер.

— Да, да, с теплой кровью, с бьющимся пульсом, вместо людей ты будешь есть еду, что подают в тавернах, и все остальное, но только тогда, когда опустится Мираль. Когда Мираль поднимется, ты станешь такой же, как я.

— Вы... вы имеете в виду, частично драконом?

— Прозрачным драконом, да, но с одним очень важным, и очень опасным, отличием. Вероятно, у меня появятся враги среди прозрачных драконов за то, что я собираюсь для тебя сделать, но я уже немного повздорил с парой из них, поэтому пусть это станет для них наказанием Всевышней Матери за глупые поступки.

К полудню кровь с новых мозолей Уоллеса уже капала с его сапог и с каждым шагом оставляла в пыли темные пятна. Им не повстречалось ни одной фермы или путника. Рекконов также нигде не было видно.

— Черт! — в который раз прошипел Уоллес.

— Уилли был не совсем то, что я имел в виду, — признался Эндри.

— А о чем же ты думал?

— О, я хотел, чтобы прозрачные драконы сделали тебя более приятным по отношению к женщинам, вероятно.

— Я и так им нравился. Очень нравился.

— Или даже превратить тебя в девушку...

— В девушку?

— Чтобы ты смог увидеть ситуацию с другой стороны.

— Чудовище.

— Хотелось бы знать, чем на самом деле все закончилось в пещере прозрачных драконов? — сказал Эндри, бросая взгляд назад, через плечо.

Уоллес поднял тунику и показал на Уилли.

— Если это не принимать во внимание это, — произнес Эндри.

— Он мужского рода! — заявил Уоллес.

— Уилли может быть и девочкой, — предположил Эндри.

— Женский пенис?

— Ладно, ладно, он мужского рода. Но меня тревожит другое: мне бы хотелось понять, чем занималась Терикель. Тогда мы могли бы продолжить ее дело.

— Ты — пожалуйста. Я же собираюсь стать дворцовым поваром в Логъяре. Остановимся у тех скал? Мне снова нужно облегчиться.

Эндри сел и сделал глоток из бурдюка, пока Уоллес устраивался за скалами.

— Ха, я все еще не могу заставить себя прикоснуться к этой ужасной штуке, — пожаловался Уоллес.

— Не проси помочь, — ответил Эндри.

— Давай, страшила, делай на ту трещину. Ха! Не хочешь посмотреть?

— Нет, спасибо, — крикнул Эндри.

— Уилли выполняет команды, он наделал на трещину.

— О да, тогда ему самое место в армии, — произнес Эндри.

— Вот думаю: может, научить его показывать фокусы?

День близился к вечеру, когда Эндри и Уоллес услышали вдалеке лай. К тому времени Уоллес шел, тяжело опираясь на Эндри. Как выразился Эндри, быстрее он мог двигаться, только если бы опустился на колени и полз.

— Собака-ищейка! — выпалил Эндри.

— Может, ищут чего, — ответил Уоллес.

— Или кого! Меня, например! — возразил Эндри.

— Ты слышал, Уилли? Он завидует, поскольку он совсем обычный, простой человек.

— По крайней мере, я могу...

— Сто тридцать семь, помнишь? — прошептал Уоллес. — О мои ноги! Это конец, они поймают нас, — застонал он.

— Нет, мы должны найти укромное место до наступления ночи. Потом, может, украдем коня у кого-нибудь из врагов.

— Если бы я сделал это сюжетом своей баллады, слушатели катались бы по полу от смеха, — ответил Уоллес.

— О да, но тогда ты, по крайней мере, сможешь умереть сидя.

— Ты... ты прав. Давай наверх, на холме — груда камней.

Камни оказались древней усыпальницей. Склеп неплохо сохранился, внутри все было цело. С вершины открывался замечательный вид. Что было важнее с практической точки зрения, склеп находился на крутом холме, куда лошадь не смогла бы легко забраться. В поле зрения появились всадники из Альпенниен, Эндри насчитал четырнадцать — именно о таком количестве предупреждал дракон. Еще была собака-ищейка, которая свернула с дороги и направилась прямо к усыпальнице. Эндри удалось убить ее с четвертого выстрела из арбалета.

— По крайней мере, они не найдут нас по запаху, — объяснил Эндри.

— Какая разница, если они уже нашли нас! — ответил Уоллес.

Враги приближались, но арбалетов, в отличие от Эндри, у них не было. Эндри выпустил еще одиннадцать стрел и попал в бедро одному из уланов и в круп лошади. Она взбрыкнула, сбросив всадника, который, упав, сломал ногу.

— Они готовятся напасть, — сказал Эндри, снова прицеливаясь.

— Побереги стрелы, у тебя осталось всего девять штук, — напомнил ему Уоллес.

— Ранил! Одного в ногу!

— Ну да, это полностью меняет дело. Я... ты слышал?

— Что?

— Какой-то грохот.

— Гром вдалеке. Небо затягивают тучи, поднимается ветер.

Приближались семеро уланов, вооруженных топорами. Они шли тесным строем, подняв щиты и оружие над головой. Лучники прикрывали их с двух сторон. Эндри лег на землю, приготовив арбалет. Он наблюдал и ждал. Склон был слишком крутым для того, чтобы взять его штурмом, но враги могли оказались упорными.

Эндри резко выскочил и пустил стрелу, затем снова присел, когда в его голову полетел град стрел неприятеля.

— Я их видел, Уоллес, переходим к плану «Скала».

— План «Скала» уже выполняется, — ответил Уоллес, тяжело дыша.

Они подняли небольшую скалу и замерли, держа ее на плечах.

— Считаем до трех, — сказал Эндри. — Раз, два, три!

Скала весила фунтов восемьдесят, но Эндри и Уоллесу удалось метнуть ее в ряды врага с впечатляющей скоростью. Она обрушилась на щит того, кто шел в центре, и, поскольку все щиты были сдвинуты вместе, когда тот упал, за ним свалилось еще четверо. Трое оставшихся поползли вперед, продолжая наступать, и оказались возле усыпальницы.

Эндри держал в одной руке свой топор, а в другой — топор Терикель. Он вскочил на ноги и двинулся на первого из врагов. Лучник пустил в него стрелу, но попал в одного

из своих, из-за чего тот потерял равновесие и покатился по склону. Другой побежал на Уоллеса и ударил его щитом. Уоллес опрокинулся на спину, враг поставил ногу ему на живот и поднял топор — и тут неожиданно из штанов Уоллеса вылез Уилли, объятый огнем, и дотронулся до штанины улана. Пламя перекинулось туда и стало медленно лизать сапоги. Он закричал от ужаса и выронил свое оружие — и Уоллес тотчас всадил его ему в шею. Вскочив на ноги, Уоллес заметил, что Эндри и третий враг перестали сражаться и смотрели на Уилли. Уоллес взмахнул топором и практически отсек улану голову.

Надев шлем убитого, Эндри огляделся, желая узнать, что делают остальные. Они собирались с силами для новой атаки. На это раз лучников было больше.

— Это за госпожу, подонки! — вызывающе крикнул Эндри. — Ага, следующего заколю — и глазом не моргну! Давай, давай, кто следующий?

«Не подгоняй их, дурак!» — подумал Уоллес.

Раздался треск: стрела попала в камень рядом с головой Эндри.

— О, отлично! Потрать все стрелы, если хочешь!

— Ради Бога, Эндри, разве я сказал о том, что их нужно поторопить? — воскликнул Уоллес, заменяя свою обгоревшую тунику одеждой убитого. — О, посмотри-ка сюда! У него полный кошель серебра.

Внезапно оттуда, откуда они пришли, послышался рев. Эндри заметил, как все оставшиеся в живых уланы обернулись и на мгновение замерли. Эндри тоже повернул голову в ту сторону. Он увидел громадную птицу, с шумом двигающуюся по дороге. Она шла на лапах и была выше, чем большинство домов в той части Альберина, где жил Эндри. Уланы бросились врассыпную. Двое раненых, оставленных присматривать за лошадьми, залезли в седла и поскакали на юг, подальше

от дороги. Птица поймала первого из улан, спасавшихся бегством. Она схватила его за голову, сильно встряхнула, и в воздух взлетело обезглавленное тело и упало где-то далеко. Следующую свою жертву огромная птица разорвала надвое.

— Нам повезло, — сказал Эндри.

— Что? — выдохнул Уоллес, неотрывно наблюдавший за чудовищем, которое бросило две половины лучника в разных направлениях.

— Один из драконов пришел нам на помощь.

— Он не похож на дракона!

— Думаю, это просто детеныш дракона.

— У них нет детенышей, в драконов превращаются маги, помнишь?

— Ну, может быть, маг-дракон снова научился ходить.

— Мы обречены.

— Да нет, Уоллес, подумай. Они-то все тут, и только мы одни спрятались.

Лучники снова построились вместе и по команде стали пускать стрелы в приближающуюся птицу. Каждая стрела попадала в цель, но, увы, ни одна из них не причинила никакого вреда. Птица неуклюже проковыляла мимо усыпальницы, где прятались Уоллес и Эндри. Когда она добралась до лучников, местность огласилась новыми криками и воплями. Уоллес отвернулся, закрыв глаза руками. Эндри тоже стало не по себе, но он медленно поднял голову.

— Вероятно, если мы будем сидеть очень, очень тихо... — прошептал Уоллес, прижимаясь к стене и закрыв руками голову.

Птица наклонилась и проглотила следующего человека. Ее голова крепилась на конце тонкой извивающейся шеи длиной в пятнадцать футов. Тело же представляло собой огромный пивной бочонок на двадцатифутовых раскачивающихся лапах. Вдобавок к этому у твари был достаточно мощный

хвост с парой ободранных перьев. Два крошечных крыла выглядели так, будто их прилепили на плечи в качестве декоративного украшения.

Уланы, что залезли на лошадей, как только заметили птицу, неслись во весь опор на восток. Чудовище проводило их взглядом, повернулось к перепуганным, но крепко привязанным коням, остановилось и, казалось, на мгновенье задумалось. Затем оно взревело подобно раскату грома и отправилось вслед за всадниками.

— Как только птица скроется за тем холмом, мы спустимся к тем лошадям, заберем двух, отпустим остальных и галопом поскачем на запад, — сказал Эндри. — Вопросы есть?

— Д-д-д! — ответил Уоллес: у него стучали зубы.

Тела, остатки тел и брошенное оружие, валявшееся повсюду — вот что увидели Уоллес и Эндри, когда вылезли из усыпальницы и забрались на коней. Они выбрали самую смирную лошадь для Уоллеса. Эндри взял коня, который, казалось, обладал самыми крепкими нервами — это было важно в сложившейся ситуации.

К вечеру они добрались до границы с вражеской территорией, предъявили документы, дали взятку и объяснили, что пытаются догнать отряд рекконов. По словам стражника, рекконы прошли здесь день назад. Эндри удалось обменять своих изможденных лошадей на двух новых за сорок серебряных монет и... право взглянуть на Уилли.

— Может, стоило предупредить их о приближении птицы-дракона? — спросил Уоллес, когда они отъехали.

— Ты думаешь, они захотят проверить ее документы прежде, чем пропустят? — ответил Эндри, которому больше по душе были большие города вроде Логьяра — там можно было оставаться незамеченным.

Дорога повернула на юг, и они ехали всю ночь при свете Стены Драконов. Рано утром Уоллес смог убедить фермера, что их взмыленные, усталые лошади являлись достойной

заменой двум свежим коням, в то время как Эндри целился из арбалета фермеру между глаз. Его жена и дочь смотрели с пониманием, обняв друг друга.

— Мои лошади ведь это все, чего вы хотите, да? — спросил фермер, поняв желание незваных гостей заключить сделку без лишних проволочек.

— Смотри, мы оставляем двух наших лошадей и берем других — твоих, полных сил, — сказал Эндри.

— Честь моей жены и дочери вне опасности?

— Я не буду, он не может, — начал Эндри.

— Ты говоришь им, я евнух? — воскликнул Уоллес, который отличался особой чувствительностью, когда разговор заходил об этом вопросе. — Ну, у меня есть кое-что — и оно гораздо интереснее того, что в штанах у него.

С этими словами Уоллес поднял тунику. Уилли зашипел на фермера, затем изрыгнул сноп пламени и искр на его жену и дочь, предупреждая их держаться подальше. Женщины тут же упали в обморок, не выпуская друг друга из объятий. Фермер выпучил глаза и зашевелил губами, но не смог произнести ни звука.

— О да, такое порой случается, — произнес Эндри, опуская арбалет. — Пошли, Уоллес, пора.

После прыжка с дороги Терикель не смогла далеко улететь. Поиски восходящих потоков увели ее за несколько миль от Когтя-скалы, но потом Терикель повернула обратно. Ей было нужно то, что и любому дракону: найти укрытие от ветра с ровным местом для приземления и удобный выход к отвесной скале для прыжка. Когда Терикель вернулась, то заметила две фигуры, спешащие на запад, и обнаружила, что дорогу преграждает завал, которого не было пару минут назад. Она

облетела вокруг Когтя-скалы, вытянула ноги, потеряла скорость и почти остановилась. Наконец Терикель приземлилась на бегу возле пещеры прозрачных драконов.

Никто не вышел, чтобы поприветствовать или, наоборот, напасть на нее. Именно этого она и ожидала. У драконов были ловушки и предупредительные заклинания для тех, кто приближается пешком, но не для незваных гостей, чьей родной стихией являлся воздух.

— Прошу прощения, но я ненадолго, — сказала Терикель, подумав, что вряд ли ее услышат. Затем высвободила руки из крыльев и начала работать.

Терикель тихо прошептала заклинание, и появилась спутанная поблескивающая сетка. Терикель подняла ее и плотно прижала к темени на голове. Потянула. Сетка закрыла все ее тело и плечи. Терикель продолжала тянуть до тех пор, пока не ней не осталось свободного места. Затем она с усилием выдернула руки. Сетка превратилась в рукава и перчатки поверх одежды. Терикель снова потянула и вскоре оказалась в мерцающем костюме. Даже прежде, чем она закончила, температура ее тела начала повышаться. Волшебный костюм не нагревал, но не позволял теплу выходить. Терикель знала, что это долго не продлится, и стала экспериментировать со своим телом.

Она укутала себя в густой мех под сеткой и представила легкий ветер. Но волшебный костюм по-прежнему не давал уходить теплу ее тела. Терикель даже придумала для себя специальное магическое приспособление в форме клюва, чтобы исключить нагревание воздуха, который она вдыхает. Без эфирной сетки Терикель замерзла бы через час, но без холодного воздуха она бы умерла от теплового удара еще раньше. В полете можно было бы чувствовать себя лучше. Она расправила крылья, медленно и осторожно, затем подошла к краю обрыва перед пещерой. У Терикель уже был неудачный

опыт, но зато она знала, с чем предстоит столкнуться — даже если и не совсем понимала почему. В первую очередь ей пришлось сделать крюк.

— Это же ненадолго, Ровал, но я приду к тебе, — прошептала Терикель. — Да, я покидаю тебя, но... Эндри порядочный, не такой, как остальные. Тебе нужно было это сказать, но я говорю тебе только сейчас... к своему стыду.

Она прыгнула.

Осмотрев Коготь-скалу, Терикель развернулась и полетела параллельно с оранжевым занавесом из эфирных энергий — Стеной Драконов. Она менее чем за час преодолела расстояние, на которое ушло бы много дней езды верхом на лошади. Ловя восходящие потоки и паря на них, Терикель неустанно следила за тем, чтобы не оказаться слишком близко к мерцающей оранжевой полосе.

Высоко впереди голубой столп стал сливаться с оранжевым вихревым потоком и растянулся от земли до радуги, венчавшей Стену Драконов. Терикель знала, что он отмечал каменную кладку Логьяр, находящуюся на расстоянии в милю от побережья. Оглянувшись вокруг, она заметила сгущающиеся облака. Вскоре из-за них не стало видно даже Стену Драконов. Ветер подозрительно усиливался. Но никакое изменение его направления или облака не могли помешать Терикель двигаться на запад. Она увидела каменную кладку и, оценив размеры ее кругов, подсчитала, что находится на высоте около четырех тысяч футов и на расстояние двух миль оттуда.

Когда Терикель, скользя, приземлилась на воду, на нее обрушился такой шквал западных ветров, прорвавшихся через Стену Драконов, который заставил думать только о том, как бы не потерять равновесие. Она знала, что ее несет на восток, но Скалтикар был на юге. Точнее, в ста сорока милях к югу. Терикель перестала сопротивляться и поверну-

ла крылья так, чтобы они создавали нужный угол наклона по отношению к ветру для хотя бы незначительного смещения к востоку. Даже сияние Стены Драконов померкло из-за бури. Дождь хлестал Терикель по щекам, и она начала чувствовать, что ей становится холодно. Это была проблема, и Терикель отлично это осознавала. Крылья не весили ничего, в отличие от воды и льда на крыльях: они превышали массу всего ее тела и тянули камнем вниз.

Терикель окончательно потеряла ощущение времени и пространства тому моменту, как дождь кончился, и небо стало светлеть. «Где-то за облаками, наверно, появились первые лучи солнца», — подумала она. Вопрос состоял только в том, была она над землей или нет. Терикель попыталась понять, что за волны бушевали под ней. Большие, тяжелые, они наслаивались одна на другую, гонимые торейскими бурями от пролива Страха. Значит, она все еще находилась над проливом.

Вдалеке возник огромный столб белого цвета и снова исчез. Терикель всегда была осторожна, сталкиваясь с неизвестным, но что бы то ни было, оно появилось, по крайней мере, в двух тысячах футов под ней. «Но это были не просто брызги», — поняла Терикель. За каждой белой вспышкой оставался едва заметный след темного цвета. Пик Морского Дракона! Это через него перекатываются волны, вздымая столько брызг. Последний раз ей довелось видеть его во время плавания на «Буйной пташке». Значит, Терикель находилась вблизи от Северного Скалтикара. Но в этом месте побережье Северного Скалтикара изгибалось на юг.

Терикель сложила крылья и резко спикировала вниз. Крылья находились в почти вертикальном положении и совсем ее не поддерживали. Она начала быстро падать, но потом снова набрала скорость. Благодаря этому Терикель отнесло на юг.

Спустя несколько минут рядом с ней, слева, показался Пик Морского Дракона. Его накрыла волна высотой в полторы тысячи футов, вызвав всплеск брызг выше самой высокой когда-либо построенной башни.

Оглядевшись, Терикель заметила, что горизонт стал каким-то зазубренным. «Северный Скалтикар», — подумала она, но едва радость от этой мысли объяла все ее тело, по спине пробежал холодок сомнения. Терикель находилась уже слишком близко и не могла набрать больше скорости, если бы резко спикировала. Но нет скорости — нет движения вперед. Терикель снова упала, на этот раз на расстоянии в несколько миль от гребней волн. Горы Северного Скалтикара оказались еще ближе, но ее стало сдувать назад. Терикель устремилась вперед снова, надеясь поймать воздушный поток в другом направлении. Она добралась до самых облаков, затем, сориентировавшись по солнцу, опять нырнула.

Был полдень, когда она перестала пытаться приземлиться. Терикель находилась над непроницаемой толщей воды. «Корабль», — подумала она. «Если я увижу корабль, я смогу приземлиться на воду, подняться на борт и заплатить за проезд в Северный Скалтикар». Терикель по-прежнему боролась с ветром, который относил ее на восток, и, сражалась с ним, пока серый день не начал превращаться в вечерние сумерки.

— Ровал! Я попыталась! — закричала она, повернувшись к западному горизонту. Затем посмотрела на восток и полетела по направлению ветра.

С этим заклинанием нужно быть всегда начеку, Терикель знала это, как и любой посвященный высокого уровня. Стоило ей утратить бдительность, и ветер исчез бы, и ей бы не удалось воссоздать его до прикосновения к воде. Перед ней был открытый океан, и где-то вдалеке, на расстоянии в несколько дней пути — южное побережье мертвого континента Торея. На юге, но поближе, находился большой остров Цур-

лан. Пятьсот миль, если она правильно вспомнила карту, что лежала в ее скрученной сумке. Еще одна ночь без сна и опять борьба с западным ветром за продвижение на юг. Терикель вглядывалась в окружающую темноту, пытаясь понять, куда она летит, по одному лишь ветру.

Глава 8
Птенец дракона

Эндри и Уоллес нагнали рекконов, когда уже стали видны стены Логьяра. Пока они рассказывали о гибели Терикель и о птенце ростом в пятьдесят футов, с которым им предстоит сражаться, если они не поторопятся, рекруты добрались до городских ворот.

— Так что ты собираешься делать? — спросил Уоллес Эндри, когда они подошли к гарнизонным казармам.

— Я снова вместе с рекконами.

— Ты же сказал, ты дезертировал.

— Я солгал. Убедил маршала Эссена дать мне время, чтобы я мог присмотреть за Терикель.

— В этом не было необходимости! С Терикель был я!

— Ну да, поэтому я и решил за ней присмотреть. Маршал решил, нам можно провести два дня в тавернах, смешавшись с местными жителями, чтобы разыскать беглецов. Ты формально прикомандирован к рекконам в качестве слуги. Значит, ты идешь с нами.

— Ох. А что случится, если мы их увидим?

— Не кричи и никому не рассказывай.

— Понятно. А сейчас можно выпить пинту за счет принцессы?

— Да. Но я не буду.

— Что? Ты идешь в таверну, а пить не будешь?

— Именно.

— Но так было не всегда. С тех пор, как я тебя встретил...

— Я пообещал Веландер...

— Веландер нет. Почему не выпить за нее?

— Она бы предпочла, чтобы я ради нее отказался от выпивки.

— Да ладно, парень! Опрокинь пинту, спой грязную песню и ущипни девку за задницу.

Эндри засмеялся и хлопнул Уоллеса по плечу.

— Забавно. Я пытаюсь изменить свое поведение в лучшую сторону, а ты — в худшую. Я вот о чем я подумал. Веландер, наверное, подарила бы мне одну ночь в таверне.

— Ага, ну тогда вперед.

— Нет, нет, наверно, приберегу это на особый случай.

— Особый случай? Мы только что пережили путешествие, по сравнению с которым даже самые захватывающие эпопеи бардов кажутся шуткой, и ты считаешь, что не следует отметить то, что мы до сих пор живы?

— Это как девственность, Уоллес. Не теряй ее слишком поспешно, тогда сможешь получить истинное удовольствие.

— Вот это уж точно ерунда.

Рекконы провели свою первую ночь в Логьяре в гарнизонных казармах, и не появлялись снаружи вплоть до вечера следующего дня. Эссен приказал им привести себя в порядок и облачиться в самую лучшую одежду, словно они действительно собирались уйти на ночь и хотели хорошо развлечься. Он разбил их на пары, себе в пару взял Эндри. Проходя через ворота гарнизона, Эссен попросил у Эндри расческу.

— Мы должны замечательно выглядеть этой ночью, парень, — сказал он.

Эссен на мгновение глянул наверх. Над городом возвышалась Стена Драконов, заслонив собой половину неба.

— Где вы учили диомеданский, сир? — спросил Эндри.

— Я жил там. Пять лет на границе, к северу от Солтбери, в местечке под названием Редстоун.

— Ах да? И чем занимались?

— Наемником был.

— Но Уоллес говорил мне, что в войне за Сентерри Редстоун захватили сарголанцы. По слухам, все защитники Диомеды были перебиты.

— Ну да, однако ее похитили работорговцы, не диомеданцы.

— Думаю, диомеданский наемник, наверно, оказался бы первым на очереди претендентов отправиться в мир иной.

— Ну да, парень, но я-то из Альберина. Меня заковали в кандалы, пока сарголанцы решали, что делать. Затем они узнали, что совсем не диомеданцы похитили Сентерри. Вот твоя расческа, спасибо.

— Так вы альберинец, сир?

— О да, родился на Фордж Хилл, — ответил Эссен по-альберински. — Я был учеником кузнеца, пока один из арбалетов моего наставника не использовали во время убийства. Однажды утром пришел на работу и увидел горящий магазин и тело учителя на улице. Без головы. Она оказалась на шесте в руках парня из ополчения. Остальные разговаривали с местными жителями, и я подумал, что, вероятно, спрашивают о тех, кто еще работал в лавке «Луки лучника».

— «Луки лучника?» — спросил Эндри, расчесывая волосы. — Есть такая песня, «Покажись, лучник Борри».

— Да, знаю. Год спустя от имени императорской семьи было сделано заявление, что, вероятно, они немного поторопились, убив не только убийцу, но и его семью, закадычных дружков, портного, кузнеца и плотника. К тому времени я уже был наемником — барабанщиком в гарнизоне Лейсера. За последние тридцать лет я побывал среди рекконов Сарголла, в отряде особого назначения, в морской пехоте Диомеды и даже в числе хранителей виноградных садов в местечке Гладенфалле. Когда император обнаружил, что почти весь гарнизон Редстоун вырезан, он решил образовать его вновь из тех, кто остался в живых. Его Императорская Гвардия Сопровождения Путешествий три или четыре раза в тот год попадала в засаду, поэтому, по мысли императора, было бы неплохо взять реккона-разведчика. Теперь ты знаешь все.

— Сейчас вы — маршал рекконов. Хорошая карьера для выходца из народа.

— Да, но я никогда не буду дворянином, парень.

— Вы бы хотели быть им, сир?

— А разве кто-нибудь был бы против?

— Я думал об этом. Быть дворянином — очень лестно, но вспомните о поведении Гвардии Сопровождения Путешествий. За исключением капитанов и маршала, разве кто-нибудь из них говорил с вами? В смысле, не просто «Ну как денек-то, а?». Никто и ни разу, клянусь. Мы все равно что собаки-гончие, с которыми можно иногда побеседовать. Я слышал, как они общаются между собой. Они повышают голос, когда поблизости простые люди, желая произвести на нас впечатление. Но в их разговорах, сир, столько ерунды! Сколько золотых крон в год приходится тратить на содержание престарелых отцов. Кто из знати приглашал их на утренний чай или кофе и сколько раз. Какова стоимость доспехов, какой мастер ковал лезвия их топоров и сколько стеклянных окон в их фамильном особняке.

— Да, но, знаешь, это не так компания, которую я ищу.

— Они скучны, сир. Живут для того, чтобы произвести впечатление друг на друга. Они одержимы желанием жить напоказ, и поэтому забывают о самой сущности жизни.

Эссен засмеялся, но покачал головой:

— Следовательно, твоя работа по совершенствованию своих манер закончена, да?

— Не совсем, сир. Я узнал, что значит быть благородным, и это другое. Многие парни являются благородными по-своему. Вы и другие рекконы именно такие.

— Не знаю, не знаю, Эндри.

— Поверьте мне на слово, сир.

Эндри расчесал свои волосы и завязал их сзади к тому времени, как они приблизились к первой таверне в списке Эссена.

— Первая таверна находится около магической академии, — сказал маршал. — Мы можем исполнить пару песен вместе со студентами, произнести несколько умных слов в хорошей компании и скромно выпить эля. Студентам нравится обсуждать то, о чем они только что читали. Мне часто доставалась выпивка бесплатно — просто за рассказы о моих путешествиях и битвах.

— Это, должно быть, Академия Эфирных Наук для Благородных города Логьяр, — произнес Эндри, когда они с Эссеном остановились у ворот с горгульей, украшавшей высокую стену. Ворота были закрыты, но к стене оказалась прислонена лестница.

— Лестница прикреплена к стене, — заметил Эндри.

— Ага, студенты не хотят, чтобы какой-нибудь крестьянин украл ее, — заявил Эссен, обходя ее.

— Зачем запирать студентов внутри, пусть и оставляя лестницу?

— Чтобы они учились.

На узкой соседней улочке они обнаружили таверну под названием «Кружка Вдохновения». Из нее доносились звуки музыки, и, войдя, Эндри и Эссен попробовали эля, который им понравился, но из еды оказались лишь соленые сосиски и холодные фруктовые пироги. Следующий час прошел в приятной обстановке: они играли на волынке и ребеке, пока студенты танцевали с местными девушками. Эндри и Эссен сделали небольшой перерыв и решили что-нибудь выпить, как вдруг в общем гаме Эндри услышал до боли знакомый серьезный голос.

— Братья, друзья, вы можете спросить, кто я такая, но вам лучше спросить — кто наше правительство? Новый регент и ее будущий супруг! Запомните эти слова, братья, она пришла к власти вовсе не честным путем.

— Это девушка-студентка из Кловессера, да?

— Ага, Риеллен, и она говорит о перевороте, — ответил Эндри. — Да, и еще раздает листовки. Вы же не собираетесь ее арестовать, сир?

— Нет. Кто бросается на бродячую нищенку, призывающую к перевороту?

— Ну я могу назвать двух людей, которые на это способны. Посмотрите на дверь.

— Ополчение, — прошептал Эссен. — А на улице их, наверно, еще больше: уже сейчас двое у двери и по одному у каждого окна. Как обычно при аресте.

— И, сир?

— И что, Эндри?

— Что делать-то, сир?

— По закону мы должны помочь с арестом, знаешь ли.

— Так каковы ваши приказы, сир?

Эссен в задумчивости потеребил подбородок, смотря на Эндри. Казалось, он ждет от него какой-то подсказки.

— Ты когда-нибудь нарушал закон ради забавы, а?

— Ну да, сир.

— Сейчас сделаешь это?

— Да, сир. Разрешите озвучить дерзкий план, сир?

— Пожалуйста.

— Добраться до Риеллен, заткнуть ей рот и вывести ее. Ополчение беру на себя.

— Встреча через пятнадцать минут в «Дудочке и Кувшинчике». Или сразу, как освободишься, — ответил Эссен. — Дай-ка свой ребек, нельзя, чтобы его сломали.

Эндри подошел к одному из воинов, поднял кружку и заговорил по-сарголански с сильным альберинским акцентом:

— Брат, рад тебя видеть. Выпьем, а? Пусть благоволит Удача регенту — принцессе Сентерри!

Воин на секунду поднял свою дубинку, но затем увидел звезду делегата на тунике Эндри и узнал герб рекконов. «Кто-то важный, вероятно, даже герой, без сомнения, чужеземец,

выглядит как профессиональный наемник и, скорее всего, на службе у нового регента-принцессы», — промелькнуло у него в голове.

— Эй, реккон, я на службе, — начал воин.

— На службе всех верных сарголанских подданных, выпей за здоровье принцессы Сентерри!

— Да, да, через минуту, почему бы сейчас тебе не пойти к стойке бара и там я присоединюсь к тебе...

— Пей, иначе ты пропал! — закричал Эндри, хватая воина за руку, выворачивая ее, и опрокидывая его на пол.

Другой воин, стоящий рядом, начал заносить топор для удара, но Эндри выхватил свой за лезвие и кинул рукоятью в противника, пытающегося ослабить хватку. Острое, из хорошей стали лезвие топора убивает сразу же — в отличие от куска дерева длиной в ярд, который оглушает, из-за чего человек падает на пол и тихо лежит там несколько минут. Эндри попал рукояткой в шлем воина. Он оказался дешевым и легким, сделанным из толстой кожи и металла, скорее для вида, нежели для защиты. Он не смог смягчить удар. Воин упал. В это время попытался встать на ноги первый противник, но Эндри заметил это и со всей силы пнул его в живот. Тот согнулся надвое. Для подстраховки Эндри ударил его по голове.

Еще двое воинов вошли через переднюю дверь, но к тому времени там скопилось множество студентов, в спешке покидающих таверну. У обоих воинов было по топору в одной руке и по дубинке в другой. Эндри прицелился в брешь между двумя студентами и кинул свое оружие. Воин, в которого он попал, согнулся от боли. Четвертый из прибывших к тому времени уже понял, что пьяный реккон сразил трех его товарищей из городского ополчения Логьяра, а сам он отделался только синяком. Он повернулся и бросился бежать. Эндри успел добраться поймать его в толпе студентов и сильно ударил его по форменному шлему. Шлем треснул. Воин упал без чувств.

Пятый из ополчения все еще наблюдал из окна, но уже решил, что будет лучше отправиться за подкреплением.

Дэнол и Сандер разговаривали с Эссеном в «Дудочке и Кувшинчике», когда появился Эндри. Последовал напряженный момент; затем они увидели, что он улыбается, и не похоже, чтобы его преследовали.

— С удовольствием докладываю, что один из противников сбежал, четверо повержены с незначительными ранениями, и никто из окружающих не пострадал по случайности, — сказал Эндри, отсалютовав Эссену.

— Сир, что, во имя ада, вы вытворяете? — воскликнул Дэнол.

— Мы с Эндри решили уйти с наемной службы реккона-ми, — ответил Эссен.

— Что? Вы не можете сделать этого, сир! Я однажды... э-э, служил помощником законника, я знаю законы.

— О да, но мы можем уйти, Дэнолариан. Другой вопрос — будет ли наше увольнение принято.

— Но почему увольнение? — не унимался Дэнол. — Вы же герои!

— Я пообещал одному человеку доставить другого человека в Альберин, — сказал Эндри. — Кроме того, после того, как я побывал на ритуале заклинания истины, я бы предпочел держаться подальше от принцессы.

— Да, эта история хорошо известна, — согласился Эссен. — Все, кто был допрошен, разболтали всем остальным признания других участников ритуала, чтобы как-то отвлечь внимание от своих собственных. Принцесса — не та, кому бы я хотел служить дальше. Девять из каждой десятки в Гвардии Сопровождения Путешествий погибли, защищая ее честь, а теперь она спит с предводителем наших врагов и собирает союзников, чтобы сражаться с собственными братьями. Через

неделю или две мы будем гибнуть в войне с ними, а еще через две недели они снова пригласят друг друга на обед. Кроме того, мне нравятся оба капитана, и я не буду их выслеживать просто потому, что так взбрело в голову принцессе. Долвьенн также долгие годы служила ей верой и правдой, а теперь она вынуждена бежать. Сколько пройдет времени, когда гнев принцессы падет на нас? С меня хватит.

— Но по закону вы будете считаться дезертирами, если не доложитесь к завтрашнему дню, — заметил Дэнол.

— Дезертиры! — воскликнул Сандер. — Вы оба.

— О да, — сказал Эссен. — Но только с завтрашнего дня, когда мы не доложимся гарнизонному начальству.

— Но — но что будет с нами, рекконами? — спросил Сандер. — Маршал и делегат ушли! Кто будет вести нас, и кто будет говорить за нас?

— Вас остается трое, выберете нового делегата, — сказал Эссен.

— Э, а что случится со мной, брат? — спросила Риеллен, решившая, что даже революционерам следует быть вежливыми по отношению к воинам, которые только инструменты в руках правительства — ведь они поклялись ему в верности, и должны выполнять свою клятву.

— Мы собираемся найти тихое местечко, чтобы обсудить различные способы скрыться с глаз долой, остаться в живых и возможно, добраться до Альберина, — ответил Эссен. — При условии, что ты не будешь читать нам лекции на тему революций и не станешь распространять памфлеты, мы с удовольствием возьмем тебя с собой.

Эндри, Эссен и Риеллен покинули таверну, но они не успели уйти далеко. Оба реккона внезапно выхватили топоры.

— Кто-то бежит за нами, Эндри, — сказал Эссен.

— Поворачиваем и сражаемся, сир? — спросил Эндри.

— Не стоит волноваться, сир, — сказала Риеллен. — Это Сандер и Дэнол.

Сандер и Дэнол нагнали их. Некоторое время они шли молча.

— Кто-нибудь может написать заявление об увольнении и для меня тоже? — спросил Сандер.

— Я сделаю это, сир, — сказал Дэнол.

— Лучше забыть слово «сир», парни, мы сейчас обычные дезертиры, — заметил Эссен.

— Должна сказать, что я очень благодарна вам за то, что вы присоединились к группе магических замыслов и общих оккультных планов, — начала Риеллен.

— Ошибаешься, девочка, — сказал Эндри. — Это ты присоединилась к рекконам-дезертирам принцессы-регента. Это так, если ты не хочешь стать отличным развлечением для зевак, попав завтрашним утром на очень короткую встречу с очень сильным мужчиной с очень большим топором.

Они нашли Костигера в таверне «Свинья в мешке», но тот сказал, что не видел Уоллеса возле гарнизонных ворот. Эндри и Эссен сообщили ему о своем желании дезертировать и позвали Костигера с собой.

— Сир, хотя от меня пользы и немного, но я с удовольствием, — сказал Костигер, снимая свой шлем реккона и почесывая голову. — Но почему дезертировать?

— Потому что за нами охотятся замечательные храбрые люди ввиду того, что мы не поддерживаем правящую фамилию, — ответил Эссен.

— Кстати, принцесса Сентерри — не наша правительница, — заговорил Эндри. — Мы все из Альберина. Наследный принц — вот наш настоящий монарх.

— Но наследный принц тоже имеет к этому отношение, — возразил Дэнол. — Ты когда-нибудь задумывался, почему император Северного Скалтикара отказался возвести его на трон, когда умер его отец?

— Ну... нет, — признался Эндри, который абсолютно не интересовался политикой до приезда в Саргол.

— Он человек со странностями. В прошлом году принц устроил прием, где еду подавали обнаженные девушки, а всем гостям велели прийти в костюмах котов. Никому не разрешалось ничего говорить, кроме «Мяу», а наказанием за нарушения правила служила бутылка со сливками и большой колокольчик.

Они снова замолчали: каждый представил себе, как проходил прием у принца.

— Он ни разу не развязал войну, — произнесла Риеллен.

— Ха-ха! — засмеялся Дэнол. — Со смертью его отца настал вечный мир. Нет ни одного монарха в Скалтикаре, который не живет в страхе перед угрозой того, что его пригласят на очередную оргию.

Риеллен кашлянула. Все пятеро мужчин повернулись к ней. Внезапно почувствовав смущение, она сняла очки и начала протирать их рукавом.

— По сравнению с теми монархами, которых я видела за прошедшие недели, думаю, что наследный принц — очень милый человек, — заявила она, и снова надела очки. Все пятеро, стоявшие рядом, закивали головой в знак согласия.

— Я с вами, — произнес Костигер. — Давненько уже я не бывал дома.

— Тогда решено, — тихо объявил Эссен. — Мы идем в Альберин.

— Как? — спросил Дэнол. — Я наводил справки, ведь капитан и Долвьенн тоже хотели там скрыться. Все большие корабли затонули или так сильно пострадали, что почти не держатся на воде. Остались только несколько рыбацких лодок, но они не выходят дальше бухты Логьяра.

— Я бы лучше пересек пролив Страха в шлюпке, чем снова служить в Сарголе, — сказал Эссен.

— И я, — добавил Эндри.

—Я, вероятно, всего лишь ученый, мало понимающий в практической стороне жизни, — сказала Риеллен. — Но нас многовато для шлюпки, даже для плавания в бухте в штиль. Последний тихий день в проливе Страха... э... я не помню, чтобы он когда-нибудь был.

Внезапно Эндри ударил кулаком по столу. Все обернулись, но он по-прежнему невозмутимо сидел на стуле. Рот Эндри открылся, а его мысли были далеко отсюда.

— О чем думаешь-то, а? — спросил Эссен.

— Мы можем пересечь пролив Страха, — сказал Эндри почти шепотом. — Нам нужна всего лишь шлюпка.

— Ну это же была шутка, Эндри, — ответил Эссен.

— А поблизости шлюпки наверняка найдутся, — продолжал Эндри.

— Шутка, сир, — повторила Риеллен. — Это когда веселятся, рассказывают забавные истории. Вы можете посмеяться над ними, но серьезно воспринимать не стоит.

— Послушайте, я когда-либо рассказывал вам о гибели «Перевозчика»?» — спросил Эндри.

Все покачали головами и придвинулись ближе к столу.

— Именно поэтому мой отец перестал выходить в море в качестве корабельного плотника. «Перевозчик» был большим торговым судном. Оно попало в бурю близ побережья восточного Скалтикара. Огромные волны захлестнули палубу и сорвали замки люков. Шторм продолжал бушевать, вода заполнила каюты, и корабль начал тонуть. Отец выбрался, когда судно уже шло ко дну, и считал, что все равно что погиб, пока не заметил шлюпку, плывущую среди других обломков. Отец схватился за нее и залез наверх. Вода попала внутрь, но он вычерпал ее ладонями. И знаете что?

Все пятеро дружно покачали головой.

— Ему не пришлось вычерпывать воду вплоть до самого побережья Скалтикара, где отец оказался два дня спустя. Корабль был таким большим и тяжелым, что погиб из-за волн, а маленькая шлюпка уцелела именно благодаря им.

— Но я все-таки думаю, лодка будет немного перегружена, — начала Риеллен.

— Нет, шлюпка! — воскликнул Эндри. — Пузатая маленькая лодка. Одной достаточно, чтобы подниматься и падать вместе с огромными волнами, а не бороться с ними. Ты сам так сказал, Дэнол. Я видел несколько маленьких лодок у берега.

— Если все так просто, почему никто еще не сделал этого? — спросил Эссен.

— Боятся, — предположил Дэнол.

Риеллен вдруг взмахнула руками. Она решила, что если собирается стать членом военного отряда, то должна внести посильный вклад. Она решила, что будет наблюдать за опасностью издалека и предупреждать тех, кто будет лучше сражаться, получив от нее информацию, поэтому сама назначила себя часовым.

— Посмотрите в окно, — тихо сказала она. — Шлем.

— Нет его там, — ответил Эндри.

— Не двигайся, — предупредил Эссен.

— Дверь открывается, входит воин, — сообщила Риеллен. — Он нас заметил, разглядывает, может быть...

— Это Уоллес! — выдохнул Эндри, почти упав на стол от облегчения.

Уоллес поспешил к ним и грузно опустился на край скамьи. Эндри знал, что люди приходят в таверну, желая выпить, и он будет выглядеть подозрительно, если не будет пить — поэтому перед ним стоя эль. Уоллес схватил кружку Эндри, осушил ее и вернул ему.

— Меня узнали! — затаив дыхание, прошептал Уоллес. — Как только я побрился и подстриг волосы, меня стали называть Мильвариосом из Турлоссена. Магистром музыки и убийцей императора по совместительству. Ох!

— Ты убил правителя? — едва слышно произнесла Риеллен, проникшись благоговейным страхом.

— Что тут случилось? — спросил Эссен.

— О, я принял ванну и облачился в нарядную одежду, желая продемонстрировать свое красивое мускулистое тело. В смысле, ты велел нам привести себя в порядок: ведь впереди веселая ночь.

— Я говорил о ночи в тавернах, не о королевском дворе Логьяра, — сказал Эссен. — Продолжай.

— Только я вышел в коридор, как встретился с придворным герольдом из Палиона. Появившись из-за угла, он закричал так, словно все подземные демоны вместе взятые, затем кинулся прочь. Я поспешил в другом направлении — к себе в комнату. Я три раза приклеивал обратно к лицу остатки бороды и сжег недавно купленную одежду. Затем я вышел и спросил маршала, в чем дело. Он заставил меня искать себя самого в течение часа. Наконец решили, что герольд совсем одурел от вина, выпитого за обедом. Но мне этого хватило. Моя борода уже отваливается, смотрите. Он провел рукой о щеке, и на ней остались пятна клея и волосы.

Я не смогу так долго прятаться.

— Моя мама всегда предупреждала меня о мальчиках с волосатыми руками, — сказал Эндри.

Уоллес не понял намека Эндри, но по смеху стоявших рядом альберинцев догадался, что стал объектом его шутки.

— А моряк вы хороший, сир? — поинтересовался Эндри у Эссена.

— Я служил на галерах матросом, знаешь ли. Помогал вычерпывать воду, чинить снасти и все остальное.

— Ну тогда вы опытнее многих. А как насчет тебя, Уоллес? Ты на самом-то деле бывал в море?

— Я играл на борту императорского корабля на реке Палион во время церемоний. Знаю наизусть восемь «Водных музыкальных сонат Элберрили».

— Простого «нет» было бы достаточно, — заметил Дэнол. — Я был моряком и работал в Торе... то есть, на диомеданских судах, сир.

— Кто еще? — спросил Эссен. — Никто? Значит, два матроса и корабельный плотник. Штурман бы нам не помешал.

— Мы можем завербовать одного! — воскликнул Эндри. — Раз так поступили со мной, можем и мы поступить так же.

— О, я немного разбираюсь в астрономии, — быстро добавила Риеллен, поднимая руку.

— Спасибо за предложение, девушка, но нам вряд ли понадобится рассматривать небо, за исключением тех случаев, когда будут бури. Нужен кто-то, кто разбирается в навигации и умеет ориентироваться по направлению ветра, движению волн, повышению уровня воды и другим подобным признакам.

— Сир, мы должны отправиться в гавань, — сказал Эндри Эссену. — Думаю, только вы и я. Там можно найти штурманов.

— Хорошо, — ответил Эссен. — Остальные останутся здесь. Ведите себя тихо. И Риеллен! Если начнешь подстрекать к мятежу во время моего отсутствия, я вернусь и убью тебя собственными руками.

— Делегат, сир, у вас все еще есть тот свиток от принцессы? — спросил Дэнол. — Который она дала вам на балу в Глэсберри?

— Да, он в кармане моей куртки. Зачем тебе?

— Маленький каприз, сир, не откажите.

Эндри и Эссен медленно шли по гавани Логьяра, и то, что они видели, приводило их в уныние. Не было ни одного большого судна. Пару маленьких только начали ремонтировать, причем за прошедшее время работа едва сдвинулась с места. Несколько кораблей пробились в бухту Логьяра несмотря на сильную качку и штормовой ветер, но все они оказались небольшими. К тому же буря практически уничтожила их,

и никто не торопился устранять повреждения. Залатали лишь мелкие дыры: этого было достаточно, чтобы команда могла жить внутри. Шпангоуты рассохлись, их требовалось вновь проконопатить и просмолить, иначе корабль, спущенный на воду, немедленно пошел бы ко дну.

Дул ураганный ветер, начинал моросить холодный дождь. На улице оставаться не хотелось, но Эндри с Эссеном некуда было идти. Внизу, в гавани возле пирсов, поднимались и с грохотом опускались гигантские волны из пролива Страха — высотой в двадцать футов, похожие скорее на частые приливы и отливы. Там были построены вертикальные заграждения для защиты от исполинских волн. Там же находилось несколько рыболовецких суденышек. Однако трудно было поверить, чтобы пролив покорился бы какому-либо судну даже в хорошую погоду.

— Вон судно побольше, сир, — сказал Эссен, указывая на маленькую пузатую шхуну с треугольными парусами на мачтах.

Корабль поднимался и снова опускался на воде, пришвартованный к пирсу. Над ним поднимался к небу дымок.

— На борту кто-то есть, и, кажется, там бы поместилось человек десять, не меньше, — сказал Эндри. — Пойдем и спросим.

Они запрыгнули внутрь, дождавшись очередной волны, приподнявшей корабль, но при звуке их шагов раздался скрип, и открылся корабельный люк. Из него появилась удивленная седая голова.

— Прочь отсюда, ублюдки! — послышался крик, но на этом все закончилось: никаких магических заклинаний или оружия.

— Добрый вечер, сир, — поздоровался Эссен на сарголанском, опускаясь на корточки. — Мы бы хотели нанять вашу шхуну и отправиться в путешествие.

— Сейчас?

— Чтобы произвести впечатление на определенных дам.

— Ну, я не могу дать вам ее, — пробурчал старик.

— Можно узнать почему?

— Потому что она не моя! — Седая голова закашлялась — или засмеялась.

— Ты понимаешь, в чем тут дело? — спросил Эссен по-альберински, поворачиваясь к Эндри.

— Он немного попугал нас или неудачно пошутил, но зато мы знаем, что не он владелец шхуны. Пойдем посмотрим.

Судно оказалось немного обветшалым, но в достаточно сносном состоянии. Старик жил внутри днем, а ночь проводил на одном из разбитых кораблей. Хозяин шхуны и его помощник находились по ночам на берегу, а днем отсыпались внутри. К тому времени уже начало смеркаться.

— Мы могли бы дождаться их возвращения, — предложил Эссен.

— Да, но мы же должны быстро покинуть Логьяр, — тветил Эндри.

— Если мы наймем эту плавучую штуковину, в первую очередь придется сделать запасы в дорогу.

— Да, но нам нужна лишь еда на неделю и несколько бочек воды.

— При такой погоде торговля на ночных рынках не проходит.

— Тогда какой-нибудь трактирщик продаст нам из своего погреба то, что нам нужно. Лучше бежать прямо сейчас, пока мы вместе с продовольствием не попались в руки принцессе.

— Ладно, ты меня убедил, — сказал Эссен. — Эй, где найти владельца?

— Хозяина и владельца зовут Норриэйв, — пробормотал старик. — Черный акреманец с севера. Помощник — Хэзлок. Он близорукий, со сломанным носом, потерял несколько зубов, без пальца... на одной из рук. Найдете его в «Веселой пинте»: Хэзлок обычно там пьет.

Они вышли на палубу, и, когда накатили волны, перепрыгнули на пирс. Эндри снова посмотрел на шхуну.

— Лунная тень, — вглядевшись, прочитал он сбоку название.

— Нам надо было спросить, где находится «Веселая пинта», — сказал Эссен, ударив ладонью по лбу. — Я вернусь обратно.

— Я знаю где, сир. Давайте заберем остальных и пойдем.

— А где же она? — спросил Эссен.

— Помните старую морскую песню?

В «Веселой пинте» хорошая драка —
Лучше не найти в Сарголане.
Угол Ашерской дороги и Нижней улицы.

Не желая приходить большой компанией и тем самым вызывать подозрения, они решили, что Эндри, Эссен и Уоллес зайдут в таверну первыми. Бармен сердито взглянул на них, затем продолжил протирать оловянную кружку. Официантка, держа в одной руке разбитую рукоять топора, обернулась, сидя на стуле возле стойки бара, но даже не подумала подниматься. За ее внешность любой маршал предложил бы ей серебряную императорскую монету и пятилетний контракт. Несколько мужчин, вероятно, бывшие моряки, тоже заметили вошедших. Они стали подмигивать, толкать локтями друг друга, перешептываться и кивать головой. Некоторые посетители окинули новоприбывших оценивающим взглядом.

— Видишь кого-нибудь похожего? — спросил Эндри.

— Старик со шхуны сказал, Норриэйв — черный акреманец из северных королевств, а Хэзлок грубиян и тупица, способный посадить судно на мель, — ответил Эссен.

— Вижу девять черных акреманцев и три дюжины других людей. Все выглядят грубиянами и тупицами.

— У Хэзлока нет глаза.

— У семерых не хватает глаза... но подожди-ка. Вон там стоит одноглазый и разговаривает с черным акреманцем.

Они пошли туда, где сидели двое мужчин. Акреманец был сильно пьян. Его товарищ откинул голову назад и налил себе пива в ноздри, затем тоненькой струйкой выдавил его из слезного канала здорового глаза. Из-под повязки на больном глазу тоже стало сочиться пиво. Акреманец захлопал в ладоши.

— Хозяин Норриэйв, полагаю? — быстро произнес Эндри по-диомедански.

— Э-э-э... бр-р... мался, — пробубнил тот и свалился вперед, сильно ударившись головой о стол.

— Значит, ты — помощник Хэзлок, — произнес Эндри.

Пиво перестало литься из глаза Хэзлока, закапало и вскоре исчезло.

— Э-э-эт... мой... хозяин... э-э-э... принадлежу ему, — заплетающимся языком, но более отчетливо сказал Хэзлок.

— Этот ужасный тип еще может говорить, — заявил Уоллес.

— Кого это ты называешь ужасным типом? — спросил Хэзлок, начиная подниматься.

— Парня, у которого его деньги, — тотчас ответил Эндри.

— А, тогда не меня, — заявил Хэзлок, плюхнувшись обратно.

— Мы можем тебя угостить? — произнес Эссен.

Попытавшись кивнуть, Хэзлок мотнул головой. Уоллес и Эндри посчитали это за согласие и сели, пока Эссен подзывал официантку. Она подчеркнуто не обращала на них внимания. Вошла Риеллен и встала у двери, не желая проходить дальше. На нее тоже начали бросать оценивающие взгляды, заговорщически подмигивать, кивать и жестикулировать.

— У тебя есть судно в аренду? — спросил Эндри. — Шхуна?

— Л-л-лучшая ш-ш-шхуна на воде, — заявил Хэзлок. — Или под водой.

— Звучит не очень-то обнадеживающе, — сказал Уоллес.

— Я осмотрел судно, так и есть, — ответил Эндри. — Мой друг Хэзлок, за сколько бы вы разрешили воспользоваться вашей замечательной шхуной для короткого путешествия?

— Пут-тешествие в б-бухте — пять сер-ребряных монет. Если еще к-куда — всех д-денег мира не х-хватит.

— Ну, кажется, вполне разумно, — сказал Эндри. — Вы говорите за хозяина Норриэйва?

— Конечно, я г-г-говорю за х-хозяина Нор-рриэйва, — пробормотал Хэзлок. — Он не в состоянии г-г-говор-р-рить.

Он ударил Норриэйва кулаком по плечу. Тот заворчал.

— Считаю это за ответ «да», — заявил Эндри.

Хэзлок свалился назад и ударился затылком о пол. Эндри и Уоллес посадили его обратно на стул и проверили, жив ли он.

— Прямо как ночью в Баржардсе, — усмехнулся Эндри.

— Чем-то похоже и на обед в Гильдии Музыкантов, — поддержал его Уоллес.

Отворилась дверь. Все недовольно обернулись, Эндри с Уоллесом тоже посмотрели туда. Вошел Ларон. Большинство снова занялось своими делами. Несколько человек продолжали разглядывать вошедшего, подмигивая, кивая и жестикулируя.

Ларон заметил Эндри и Хэзлока. Он едва наклонил голову, пошел к бару и что-то сказал. Официантка и бармен не обращали на него внимания. Безо всякого предупреждения Ларон ударил бармена в лицо. Тот взглянул на него, но, кажется, действия Ларона не произвели должного эффекта. Тогда Ларон потер кулак и забрал несколько оловянных кружек и большой кувшин с вином. Затем бросил перед барменом монету и пошел туда, где сидели Эндри, Эссен и Уоллес.

— Не люблю пить один, — заявил Ларон, устроился на стуле, откупорил кувшин и наполнил до краев каждую из кружек.

Все взяли себе вина и чокнулись. Эндри поставил свою кружку обратно, так и не притронувшись к ней. Уоллес сделал несколько глотков. Ларон выпил все залпом и налил еще. Риеллен стояла в стороне и наблюдала. На секунду все замолчали.

— Ну, не стойте же столбом, остановите меня! — крикнул Ларон. — Чувствую, будет отличная драка. Это же самая лучшая таверна для драк во всей Сарголанской империи.

— Даже есть песня о ней, — проговорил Уоллес. — Хочешь, исполню ее для тебя?

— Утухни, — сказал Эндри.

— Ну и манеры! — ухмыльнулся Уоллес.

— Ну тогда замолчи.

— Мы недавно ушли от своих, — заявил Эссен.

Все, за исключением бармена и официантки, посмотрели на них долгим оценивающим взглядом.

— Эй, я совсем не уверен, что попытка пересечь пролив Страха менее опасна, чем пребывание здесь, — тихо произнес Уоллес.

— Пересечь пролив Страха? — закричал Ларон. — Забавно! Я тоже хочу пересечь пролив Страха. Пришел сюда в поисках некоего хозяина судна. Плохая идея, мы все умрем, но я пообещал своим друзьям.... — Ларон осушил половину содержимого своей кружки. — Хорошо все-таки иметь друзей, настоящих друзей. Деньги, ополчение, вознаграждение за твою голову — не важно, ведь у меня есть друзья.

— Сир, вы пьяны, — заявил Уоллес.

— Мы только что добились права арендовать шхуну... — начал Эндри.

— Замечательно! Я когда-то был штурманом.

— Точно! — воскликнул Эндри. — А я служил моряком и плотником, Уоллес — поваром, а те двое являются хозяином лодки и его помощником. Эссен и Дэнол тоже знакомы с мореплаванием.

Ларон приподнял голову Норриэйва и посмотрел на его лицо. Затем обернулся к Хэзлоку, сидевшему на другом конце стола:

— Знаю их. Плавал с ними. На «Лунной тени».

— Это та шхуна, которая стоит в бухте, — прошептал Эссен.

— Отлично! Отличная маленькая шхуна. Много... — Ларон заговорщически понизил голос, — особенностей.

Дверь снова отворилась. Вошли двое мужчин, одетые как воины Цурлана. Они были без оружия. С ними вошел усталый человек невысокого роста. Он посмотрел вокруг и что-то прошептал своим спутникам. Затем показал на рекконов и поспешно исчез. Два цурланца подошли к столу. Один вынул маленькую потрепанную книгу, что-то проверил и поклонился:

— Добрый вечер. Меня зовут Акиро. Это мой брат Азиро. Мы решили... э-э... подраться в тавернах Акремы. Говорили, что вы — великие герои. Спасли принцессу. Хотите хорошую драку?

— Да, — ответил Ларон. — Может, чуть попозже. — Он сделал очередной глоток: — Садитесь. Выпьете?

— Не пьем перед дракой, — сказали Акиро и Азиро хором, но сели.

— Эй, я и правда думаю, что нам пора идти, — повторил Уоллес. — Кажется, тут очень опасно.

— Нет, нет, нет, будь смелее, ты же профессиональный убийца, убивший императора! — добродушно закричал Ларон. — Награда за тебя, живого или мертвого, — пятьсот золотых крон... или это пять тысяч?

— Заткнись! — прошипел Уоллес, протискиваясь вперед и показывая ему кулак.

— Но почему? — закричал громко Ларон. — Тебе нужно гордиться, что такого убийцу, как ты, здесь боятся. Помнишь, ты закрутил с той шпионкой в Глэсберри, разболтал все секреты, а принцесса чуть не погибла?

— Это был не я! — воскликнул Уоллес.

— О, и убил того Стража Трона в Палионе тоже не ты?

— На десерт, — предположил Эидри.

На несколько секунд повисло полное молчание. Риеллен так сжалась, что, казалось, стала в два раза меньше. Все со страхом смотрели друг на друга. Кто-то открыл ставни окна и обнаружил, что с другой стороны заперто. Только бармен и официантка по-прежнему ни на что не обращали внимания.

— Дамы, господа, прошу вас, — начал Эссен.

— А я в Особом Воинском Отряде, мы еще круче, — заявил Ларон.

— О-о-о! — воскликнули Акиро и Азиро.

— Вы знаете о нас?

— Величайшие в мире воины! — воскликнул Акиро. — Нужно драться.

— Почему бы и нет? Ты против меня, Уоллес — против твоего брата.

Прежде чем Уоллес понял нависшую над ним угрозу, Азиро сделал шаг вперед и ударил его коленом в пах. Затем, почувствовав резкую боль, пронзительно закричал и попытался убрать ногу. Уилли вцепился зубами в его коленную чашечку, из его ноздрей вырывалось пламя. Затем он отпустил Азиро и исчез под туникой Уоллеса. Азиро покатился по полу, сбивая огонь с пылающих брюк.

— Такое не каждый день увидишь, — произнес бармен, и официантка кивнула.

Эссен подошел к бармену и вынул золотую крону. Тот сунул ее в карман.

— Пока мы находились здесь, мои ребята побывали в погребе и позаимствовали кое-какие запасы, — заявил Эссен. — Это за них.

Бармен подбросил монету высоко в воздух. Она приземлилась в руку официантке, но та и глазом не моргнула.

— Давай драться, парень из Особого Воинского Отряда! — закричал Акиро и бросился на Ларона.

Ларон отпрянул и нагнулся, схватив за руки нападающего Акиро. Цурланец перевернулся на спину и отлетел в сторону, с грохотом свалившись на пол посреди испуганных завсегдатаев «Веселой пинты». Объятые паникой, они стали избивать Акиро. Хромая, Азиро поспешил на помощь брату, от остатков его штанов все еще валил дым. Эссен начал собирать своих подчиненных, и они выбрались через переднюю дверь.

Когда они вышли на улицу, Ларон ушел вместе с Эндри, затем они вернулись с Долвьенн и Гилврэем. В течение следующей четверти часа дюжина человек устроилась на борту «Лунной тени», взяв с собой бочку вина, бочку воды, тюк соленой колбасы и пять ящиков того, что Костигер считал галетами. Увидев судно, Уоллес повернулся и хотел бежать, но был пойман и связан Костигером. Всем пяти рекконам пришлось нести его на борт. Седой сторож, присматривающий за «Лунной тенью» днем, стоял на пирсе и махал рукой, не обращая внимания на сильный дождь и пронизывающий ветер. Возле него был Дэнол, ожидая приказа отправляться. Реккон сунул серебряную монету и кипу бумаги в костлявую руку сторожа.

— Передай это стражникам из гарнизона! — как можно громче крикнул он.

— Дэнол, пора! — велел Эндри, и Дэнол отвязал последний трос от швартовной тумбы и запрыгнул на палубу. Когда «Лунная тень» стала удаляться от берега, Дэнол вернул свиток, который принцесса отдала Эндри.

— Что в нем? — спросил Эндри.

— Освобождение для всех нас, рекконов, — ответил Дэнол. — Подписано самой принцессой. Или, по крайней мере, это замечательная подделка ее почерка.

Эндри вел шхуну, пока Эссен и Дэнол подняли маленький парус.

— Как только пройдем выход из гавани, нам понадобится Ларон, — закричал через ветер Эндри.

— Он спит под палубой, сир, вместе с хозяином судна и его помощником, — ответил Дэнол. — Долвьенн и Гилврэй в каюте. Капитан очень устал от долгого путешествия, рана в его голове опять дала о себе знать.

— Пусть Костигер притащит Ларона сюда и выльет ведро воды ему на голову.

— Почему он нам нужен, сир? Вы разве не моряк?

— Моряк, но только он навигатор. Я умею чинить снасти и стоять за штурвалом, но не больше. Теперь притащите Ларона сюда и разбудите!

Где-то далеко сквозь шум ветра послышались вопли.

— Опять птица-дракон! — воскликнул Эндри, оборачиваясь в сторону Логьяра. — Молитесь каким хотите богам и надейтесь на то, что она не умеет плавать.

Веландер была слаба и едва смогла раздвинуть солому, которая укрывала ее в повозке. Она тяжело вывалилась на дорогу, и пошла, едва волоча ноги. Наблюдатель, правившая на козлах, посмотрела на нее. Судья стоял рядом с лошадью и чесал ее за ухом, пока Учитель кормил яблоком.

— Ты уверена в своих действиях, Веландер? — спросила Наблюдатель.

— Эндри... он рядом? — задыхаясь, прошептала та.

— Я проверю, — сказал Учитель. — Мне говорили, он собирался в «Веселую пинту», чтобы разузнать о судне и переправиться через пролив Страха. Предполагаю, тебе не терпится увидеть его.

— «Веселая пинта». Как до нее добраться?

Учитель объяснил ей, и Веландер неровной походкой заковыляла по темным, промозглым улицам.

Ролларик и Шайларен тайно следовали за Веландер, не желая спугнуть свою жертву. Они решали, в каком месте лучше всего приблизиться к ней, и очень удивились, когда она

повернула на мост, чтобы перейти реку Лориакен. Эта местность была опасна даже для мужчины, путешествующего в одиночестве. Веландер остановилась, положила руки на каменные ограждения и стала рассматривать темную воду.

— Что она делает, Рол? — спросил Шайларен.

— Ничего. Может, думает покончить жизнь самоубийством.

— О, плохо. Мы ведь ее еще даже не ограбили.

— Да, ты прав. Если она бросится в воду, то все достанется рыбакам.

— Тогда пошли.

Они не заметили, как под кожей Веландер что-то мерцало и шевелилось.

— О госпожа, какая замечательная ночь! — произнес Шайларен, приближаясь к Веландер.

Пока он говорил, Ролларик поспешил перейти мост, потом остановился и повернулся, закрывая путь. Они стали приближаться к Веландер с двух сторон.

— Случайно не ищешь работу? — спросил Ролларик. — У меня есть кое-что для тебя, пошли.

Веландер никак не показала, что заметила их. Ролларик подошел к ней со спины, взял за руку и за подбородок. Опытный уличный грабитель, который хватает сзади, ожидая сопротивления. Жертвы цепляются за руку и пытаются ослабить давление на горло. Затем они стараются выскользнуть, иногда как-нибудь изогнуться. Веландер схватила Ролларика за руку, но сделала то, чего тот совсем не ожидал: оттолкнула назад. Прежде чем Шайларен угадал ее намерения, Ролларик уже оказался прижатым к перилам моста на противоположной стороне. Он споткнулся и упал, потащив за собой Веландер.

Шайларен поспешил туда и взглянул через ограждение, но из-за темноты было невозможно что-либо рассмотреть. Где-то внизу, под водой или, вероятно, на ней, виднелась пе-

ревернутая полузатонувшая лодка. Но нет, она поднималась вверх — это оказался огромный клюв, по размеру больше лошади, и мерцающий голубой глаз! Голова дотянулась до остолбеневшего Шайларена, и голубой глаз посмотрел на него, затем из реки стала подниматься бесконечная шея. Голова взглянула на Шайларена сверху, клюв открылся — и раздался рев. Рев настолько оглушительно громкий, что от него волосы вставали дыбом. Клюв сомкнулся вокруг Шайларена, и еще до того, как он был подброшен в воздух, пойман и проглочен, грабитель был мертв.

На краю моста появилось двое ночных стражей порядка. Обняв друг друга за плечи, чтобы не упасть, они подошли к повороту, с радостью увидев за ним прямую улицу.

— Это мог быть только гром, — невнятно пробурчал тот, что был справа.

— Если это так, нам бы лучше поискать убежище. В таверне «Голова королевы», например, — ответил его спутник.

— Вон, уже идет дождь.

Они остановились, поняв, что на них смотрит глаз на голове с клювом размером больше любой лодки. Из реки выросла невероятно длинная шея, а за ней показалось и тело. Дальше вылезла нога, и грязная ступня с тремя когтями встала на мост. Каменщик, умерший триста лет назад, был бы очень, очень горд, поскольку его мост не сломался, когда гигантский дракон весом в двадцать тонн выбрался из воды и устроился на нем.

— Я — иду! — громогласно заявило существо на ломаном диомеданском. Его шея казалась больше самой длинной органной трубы, когда-либо построенной на Акреме.

— Мы не станем тебе мешать, — едва слышно пробормотал тот, кто был справа.

— Не разговаривай с ним, Пассор, его не существует, — ответил его спутник.

Птица переступила через караульных и скрылась на дороге позади них. Дорога казалась слишком узкой для нее, но после того, как она прошла по ней, улица значительно расширилась.

Ролларик и Шайларен смотрели с мрачным предчувствием на женщину в красном платье, стоящую возле белой лодки. Она держала свой багор словно оружие.

— Хотели напасть на моего друга Веландер, да? — спросила она низким угрожающим голосом. — А сейчас, Ролларик и Шайларен, вам предстоит незабываемое приключение.

Веландер было трудно в чужом теле. Ей не удавалось хорошо вообразить дракона: она не могла правильно запомнить пропорции их тел. Так, ее крылья достигали размеров постельных простыней, а особенности носа и головы ускользали из внимания, поэтому она изображала только птичий клюв. Однако в действительности размеры оказывались иными. Ноги у ожившего существа были длиннее, чем у остальных драконов, которых Веландер придумывала раньше, и глаза очутились на расстоянии пятидесяти футов над землей. Тело состояло из чистой эфирной энергии, сжатой и тщательно переплетенной заклинанием мага, убитого ею в Кловессере, и поэтому весило не больше собственного тела Веландер, и его легко поднимал ветер. Чтобы справиться с этим, она наполнила себя водой, которая также обладала свойством замедлять попавшие в нее оружие или снаряды.

В результате занятий, проведенных Учителем, сознание Веландер теоретически было подготовлено к контролю над драконами, но на практике ей удавалось пока еще не все. Дракон мог есть любую пищу, но особенно нуждался в большом

количестве жизненной силы. Веландер вела его в нужном направлении и пыталась удостовериться, что поблизости не было ни в чем не повинных прохожих, когда она теряла контроль.

Идти по Логьяру оказалось непросто. Веландер плохо знала местность и старалась найти дорогу со своей высоты в пятьдесят футов. Наконец она опустила голову так, что та оказалась на одном уровне с улицами, и, нагнувшись, пошла вперед, следуя указаниям Учителя. Маршрут стал понятнее, но случайные прохожие теряли дар речи от ужаса: одного взгляда на бредущее вдалеке громадное чудовище им было остаточно. Случайно повстречавшись с головой, появляющейся то на одной, то на другой улице, люди с криками бросались прочь.

Показалась «Веселая пинта». Веландер выпрямилась, затем посмотрела вниз, на крышу, покрытую шифером. Наклонив голову вбок, она услышала, как внутри разгорается одна из знаменитых здешних драк. Веландер просунула голову через крышу, открыла клюв и заревела. Сейчас она уже знала, что подобные действия заставят ее жертв оцепенеть от страха. Акиро, Азиро и несколько завсегдатаев остолбенели. Веландер склонила голову на бок и стала рассматривать лица тех, кто уставился на нее. Эндри среди них не было.

— Такое не каждый день увидишь, — произнес бармен, и даже официантка вздернула бровь и слегка кивнула в сторону Веландер.

Словно по сигналу завсегдатаи «Веселой пинты» кинулись к выходу. Два матроса крепкого телосложения подбежали к двери, сорвали ее с плетей, не обращая внимания на замок, и промчались между тридцатифутовых ног Веландер. На подоконник запрыгнул огромный грузчик и выломал его вместе со ставнями, рамой и петлями. Другие понеслись к погребу, спрятались за официанткой или даже начали колотить стены ногами, надеясь пробиться на улицу.

Веландер заметила, что осталось двое. Акиро застрял под тяжелой балкой, которая весила больше тонны, а Азиро отчаянно пытался освободить своего брата. Раздался сильный грохот — Веландер сделала вдох: словно по огромной органной трубе прошли сотни кубических ярдов воздуха.

— Скучно! — заревела она, и от ее крика разлетелись на мелкие кусочки бутылки и оконные стекла поблизости.

Акиро с новыми, откуда-то взявшимися невиданными силами взялся за балку — и, отшвырнув ее в сторону, освободил брата, поднял его и побежал прочь.

— Я бы не сказал, что скучно, — заявил бармен, обращаясь к Веландер.

— Да, гораздо веселее, чем обычно, — согласилась официантка.

— Где Эндри? — снова загрохотала огромная голова.

— Если это один из тех моряков, что были здесь раньше, то ушел в гавань, — ответил бармен.

— Уплыл, — добавила официантка.

— В Альберин, в Скалтикар, — закончил бармен.

Последний из завсегдатаев «Веселой пинты» выбрался из укрытия лишь одиннадцать недель спустя, но о судьбе Акиро и Азиро узнали только через два года. Перекупщик ценных металлов рассказал, что они работают в шахте по добыче золота в двух тысячах миль отсюда, в горах на северо-востоке Акремы. По словам того же самого перекупщика, братья никогда, никогда не выходят на поверхность.

Веландер убрала голову из таверны и выпрямилась. Существу ростом в пятьдесят футов трудно идти по улицам в поисках одного определенного дома, найти городскую гавань оказалось проще: ее было видно издалека. Веландер неуклюже побежала и через пару минут уже стояла на пирсе. Она увидела маленькое судно с парусом, раскачивающееся на воде. Пирс треснул под ней, но Веландер выбралась на землю, ревя от боли и разочарования. Стоя на берегу, она вглядывалась

в залив, где постепенно исчезала «Лунная тень», и закричала: «Эндри!» Ее призыв был похож на раскат грома, длившийся около пятнадцати минут.

— Ты все, дорогая? — раздался позади голос Учителя, говорившего на мертвом ларментийском языке.

Безо всякого предупреждения птица-дракон Веландер исчезла, оставив после себя лишь двадцать тонн речной воды, тело самой Веландер, а также тела Ролларика и Шайларена.

— Ой, ой, ты испорченная штучка, не так ли? — спросила Наблюдатель, пробираясь по воде и помогая Веландер сесть.

— Именно поэтому я и здесь, — вздохнула Веландер, дрожа от холода и боли.

— Пора закончить твои уроки, — сказал Учитель.

— Кто я? — спросила Веландер.

— С тобой не так просто, — ответил Учитель. — Ты не совсем прозрачный дракон, не совсем человек, не совсем жива и не совсем мертва.

— И ты женщина, — произнесла Наблюдатель. — Более или менее.

— Какое облегчение, — сказала Веландер. — Но я хочу быть живой.

— Мы уже объясняли, ты можешь быть только наполовину живой, — заявил Учитель.

— Он имеет в виду, живой в определенную половину суток, — вмешался Судья. — Разве ты не знаешь, Учитель, что неправильно понятое выражение или грамматические ошибки могут положить начало войне? Веландер, тебе вопрос. Кем ты хочешь быть? Ты можешь быть живой, но тогда ты обязана стать также и драконом. Ты убила прозрачного дракона и выпила его кровь. Такого прежде еще никогда не случалось, и сейчас ты в состоянии делать то, на что другому потребуется двести лет учения. Ты хочешь быть драконом?

— Да, думаю, да.

— Этого ответа недостаточно, — сказал Судья.

— Да, я очень хочу, — твердо заявила Веландер. — Я очень хочу быть прозрачным драконом, потому что тогда стану живой для Эндри.

Они устроились вместе с Веландер в повозке, затем Судья и Учитель подняли бортики. Через пятнадцать минуты они добрались до городских ворот. Учитель и Судья сидели на соломе вместе с Веландер, обсуждая ее прошлое.

— Тебе двадцать один год, — сказал Учитель. — Ты получила девятый уровень посвящения, а тридцать дней назад убила прозрачного дракона и впитала в себя его жизненную энергию.

— Одного из тех глупых молодых драконов-политиков, — произнес Судья. — Воин ветра Маулер, как я его называю.

— Лафонтен, как ты говоришь, Веландер. Так даже лучше, должен признать.

— Как могла смертная выпить жизненную энергию дракона? — спросил Учитель. — Она бы ее убила.

— Но я не была смертной, ведь я не была живой, — объяснила Веландер.

— А, теперь понятно, — сказал Учитель. — Знаю похожий случай. Его звали Ларон. Он был мертв, мог ходить по земле только тогда, когда поднимался Мираль и пил кровь и жизненную силу живых. Впервые я повстречался с ним два века назад. Располагающие манеры, несмотря на глупую бородку, скрывающую прыщи. Но, по его словам, другого существа, похожего на него, не существовало. Откуда ты?

— Ларон создал меня.

— Вот это да. Я очень надеюсь, вы не собираетесь пожениться, — крикнула Наблюдатель, сидящая на месте кучера.

— Никогда! — резко ответила Веландер и начала всхлипывать, уткнувшись носом в колени. — О Эндри, ты даже не знаешь, что я опять жива.

— Эндри, — вздохнула Наблюдатель. — Этот благородный молодой человек.

Они подъехали к городским воротам. К ним приблизился караульный, съежившийся под дождевиком.

— Ворота закрыты до особого распоряжения, — заявил он.

— Дружок, значит, тебе нужны деньги, чтобы открыть их, да? — ответила Наблюдатель по-сарголански.

— За все золото империи я бы не открыл эти ворота, — тут же воскликнул караульный. — Вокруг бродят чудовища.

— Чудовища? — спросила Наблюдатель, кажется, скорее обеспокоенная, чем испуганная.

— Думаю, он имеет в виду нас, — предположил Судья.

— Но мы же не чудовища, мы — приличные создания. Мы всего лишь хотим уйти из города вместе с нашей ученицей.

Караульный упер руки в бока под плащом:

— Теперь послушайте, леди. Валите-ка вы отсюда в какую-нибудь гостиницу и следите за указами. Заместитель действующего регента подписал указ о введении осадного положения, и пока он не решит...

Наблюдатель встала, открыла рот — и на ворота с шипением обрушился стремительный поток раскаленной плазмы. Когда караульный поднялся на ноги, а повозка уже покатилась прочь из города, появился начальник смены. За ним следовало шесть воинов, вооруженных арбалетами. От больших двойных ворот остались лишь четыре тлеющих столба с петлями, которые шипели при попадании на них капель дождя.

— Что такое тут произошло? — спросил начальник. — Стрелки, готовьтесь к бою.

— Маленькая старушка в телеге... — начал караульный.

— Что? Ты что, напился на дежурстве?

— Нет, сир, но...

— Иди за повозкой! Останови ее!

— Нет, сир — даже за все золото Акремы.

— Ты не повинуешься моим приказам? — грозно спросил начальник.

— Нет, сир, но я не буду преследовать телегу.

— Я остановлю их сам, но тебе несдобровать. Стрелки, целься! Раз, два...

Один из воинов заметил, с какой скоростью караульный отскочил в сторону, тут же бросил арбалет и устремился за ним. Когда они обернулись туда, где стояли начальник и пятеро арбалетчиков, то увидели только длинную яму овальной формы, окруженную тлеющими булыжниками.

— Наверно, так Мать Мира наказывает глупцов, — прошептал караульный.

— И медленно соображающих, — добавил арбалетчик.

В повозке Веландер слушала рассуждения о самой себе как о прозрачном драконе.

— Ты сбежала в середине курса лечения, — вздохнул Учитель. — С тобой нужно было еще многое сделать.

— Да, особенно с теми лучами энергии, которые, как ты думала, были направлены против тебя, — сказал Судья. — Они стали результатом заклинания того глупого дракона — Воина ветра Маулера.

— Политикана, — крикнула Наблюдатель с места кучера.

— Они случайно притянулись к твоей душе, — продолжил Учитель. — Одни несли положительную жизненную энергию, другие — отрицательную. Нам придется сделать это снова, на сей раз более тщательно, а затем присоединить остальные.

— Это так больно, — тихо пожаловалась Веландер.

— Да, но сейчас все будет под контролем. Тогда ты станешь прозрачным драконом, похожим на нас.

— Ну все-таки не совсем таким, как мы, — добавил Судья.

— Но я уверена, мы останемся друзьями, — заверила ее Наблюдатель.

Как и говорил Эндри, «Лунная тень» то взлетала вверх, то падала вниз на огромных волнах, послушная неистовой стихии. Два паруса были порваны в первый же час плавания

по заливу, на берегу которого стоял Логьяр, и к рассвету на шхуне почти не осталось неповрежденного такелажа, а время от времени судно заливало водой.

Ларон говорил всем, что, вероятно, он оказался слишком пьян, раз решился на подобное путешествие. Уоллес спрятался в носовом отсеке и не вылезал оттуда, а Риеллен беспрестанно спрашивала Эндри, почему они отправились на верную смерть. Наконец им удалось смастерить прочное весло из остатков десятифутовой мачты. Также трижды пришлось залатать порвавшийся парус. Ларон убеждал всех, что очень важно держать курс на юг и потому призывал грести вправо.

Когда Норриэйв и Хэзлок проснулись, они посчитали, что пассажиры подняли мятеж, и хотели заковать их в кандалы. Однако они прислушались к словам Ларона, который сказал, что даже если каждый на борту будет вычерпывать воду, чинить оснастку и делать прочую работу, этого едва хватит, чтобы удержаться на плаву и придерживаться определенного направления, так что каждая пару рук на счету. На второй день Ларон заявил о невозможности оценить пройденное расстояние из-за огромных волн, и, следовательно, шхуна по-прежнему могла находиться в проливе Страха. Только на третий день он покинул Дэнола, Костигера, Риеллен и Хэзлока, пытавшихся не выпустить весло из рук, и спустился под палубу, туда, где лежали больные. К тому времени недомогание чувствовали почти все. Когда корабль отплывал, больше всех нездоровилось Гилрэю, но сейчас он стал медикаром «Лунной тени», отчаянно боровшимся с приступами истерии, истощением, холодом, морской болезнью, ранами и слепым ужасом, пытаясь не дать людям пасть духом и заставить их выйти наверх или вычерпывать и откачивать воду внизу.

— Вы ранены, сир? — закричал он, увидев спускающегося по ступенькам Ларона. С его появлением нижнюю палубу снова захлестнули волны.

— Пустяки, — закричал тот в ответ сквозь шум волн, скрип дерева и завывающий ветер. — Как вы тут?

— Всегда хотел быть медикаром, сир, но мой отец говорил, что это занятие для людей среднего класса. Я проходил специальные курсы при Офицерской Академии Императорской Армии и...

— Нет, я имел в виду, вы в порядке?

— Не хуже остальных, сир.

— Но не плохо? Ладно, не обращай внимания на это слово. У меня есть хорошие новости, но есть и плохие. Хорошие новости в том, что, судя по приливам и отливам, мы недалеко от Северного Скалтикара.

— Плохие же новости должны быть действительно плохими, чтобы омрачить такую хорошую новость, сир, — ответил Гилврэй.

— Да. Гигантские волны, достигая отмели, начинают крушить все на своем пути. Рано или поздно они погубят «Лунную тень».

— И тогда мы умрем, да, сир?

— Вероятно, есть один шанс из десяти тысяч, что мы уцелеем, если воды из шхуны откачают достаточно. Пусть работают все, кто может. Я возвращаюсь наверх.

— Слышали? — закричал Эндри, стоявший у насоса. — Давайте, напрягитесь!

— Отойди, Эндри, — ответил Норриэйв, привязанный к самодельной кровати. — Иди на палубу, им скоро потребуются свежие силы. Я разберусь с насосом.

Все, кто находился на палубе, были привязаны к поручням и другим частям шхуны, которые были надежно закреплены. Шестеро человек схватились за руль, и не давали ветру завладеть «Лунной тенью». Вдруг Ларон указал вперед.

— Земля! — закричал он. — Горы! Северный Скалтикар! Мы близко!

— Но я думала, мы хотели сойти на берег, — закричала сквозь шум ветра Риеллен.

— Нет, нам нужно держаться середины пролива до тех пор, пока не минуем Пик Морского Дракона, затем повернуть к спасительному восточному побережью материка. Там волны в десять раз меньше. Через неделю, вероятно, мы сможем войти в гавань Альберина.

— Что сейчас происходит, сир? — спросил Эндри.

— Гигантская волна накроет нас, если пройдем через отмель, тогда мы все утонем. Недалеко горный остров — самая северная часть Скалтикара.

— Эта гигантская волна, сир? — воскликнул Костигер, показывая на что-то рукой.

Все обернулись. Казалось, на западе стала подниматься линия горизонта, изгибаясь и превращаясь в пену.

— Поворачивай! Поворачивай на левый борт! — закричал Ларон. — Мы должны налечь на руль или госпожа Удача посчитает нас недостойными.

«Лунная тень» медленно, но разворачивалась, и едва не оказалась погребена под очередной огромной волной. Находящихся на шхуне объял ужас, но они еще крепче вцепились в руль.

— Не смотрите назад! — закричал, обернувшись, Ларон.

Все тотчас повернули головы и пожалели об этом. «Лунная тень» стремительно неслась вниз под углом сорок пять градусов, накреняясь с невероятной скоростью.

— Если мы опрокинемся, то погибнем! — выпалил Ларон.

— Разве мы уже не мертвы? — воскликнула Риеллен, цепляясь за руль и ногу Дэнола.

— Держись крепче, сейчас она нас накроет! — отчаянно завопил Ларон.

Волна захлестнула шхуну, но «Лунная тень» устояла. Стихия бушевала, ревела, крушила все, что попадалось на ее пути. Внезапно наступила тишина. Корабль очутился под водой. Руль выбило из рук Риеллен. Она нащупала ве-

ревку, привязанную к ее талии, пытаясь не обращать внимания на мысль, пульсирующую в мозгу, что при подобных обстоятельствах она давно должна была погибнуть. В этот момент ее вытолкнуло на поверхность, Риеллен увидела вокруг остальных, державшихся из последних сил. Дэнол потянул ее за веревку.

— Хватайся за сетку! — закричал он, когда Риеллен прижало к «Лунной тени».

Когда она залезла на шхуну, то заметила, как та снова начала уходить под воду.

— Что тут происходит? — из открытого люка послышался голос Норриэйва.

— Прикрой этот чертов люк! — приказал Ларон и добавил: — И продолжай качать!

— Мы по пояс в воде, потребуется не менее пятнадцати минут, чтобы убрать даже...

— У вас минута, задраивай же люк!

Сильно потрепанный парус сорвало, и поэтому, когда «Лунная тень» выровнялась, стало лучше видно.

— Пятьдесят узлов! — воскликнул Ларон, но его никто не слушал. «Лунная тень» начала поворачиваться, и вода снова хлынула на палубу.

— На левый борт! — закричал Ларон, но шхуна уже оказалась во власти морской стихии.

Казалось, на этот раз без воздуха пришлось обходиться дольше, и когда они наконец вынырнули, то обнаружили, что воды стало еще больше. Люк снова открылся.

— Черт, Ларон, теперь мы по шею в воде, — пробормотал Норриэйв. — Насос находится слишком глубоко, им никак не воспользоваться, если не вытащить его на палубу.

— Вытаскивай, или его смоет следующей волной! — велел Ларон.

— Со следующей волной мы все равно утонем! — возразил Норриэйв.

— Собери всех на палубе и привяжи, — ответил Ларон. — И закрой этот чертов люк!

«Лунная тень» снова стала выравниваться, когда тех, кто находился внизу, вытащили наверх.

— Когда мы опять уйдем под воду, сосчитай до ста, подожди, пока твои легкие не начнут гореть от недостатка воздуха, и тогда развязывай узлы, — приказал Норриэйв. — Может, кто-то из нас выживет среди камней и волн, и выберется на берег, но оставаться здесь, на шхуне, когда умерла последняя надежда... О, Мать Мира, неужели все волны такие огромные? — воскликнул он, оглянувшись.

— Право руля! — закричал Ларон. — Черт, еще, еще, еще!

— Слишком тяжело, сир, — ответил Костигер. — Сила...

— Черт, давай, давай! Я иду на помощь.

— Держись, Ларон! — воскликнул Норриэйв. — Тебя же сейчас смоет.

— Право руля, еще! — приказал Ларон, не обращая на него внимания.

Эта волна отличалась от прежних, и «Лунной тени» потребовалось больше времени, чтобы выровняться. Справа показались горы. Внезапно Эндри заметил, что вода перестала прибывать. Шхуна плыла так быстро, что ветер сдувал с лица мокрые волосы. Посмотрев вперед, Эндри увидел вытянутый глубокий залив, где волны едва вздымались. Все вокруг закричали от радости и стали подбрасывать вверх веревки.

— Скалтикар! — воскликнул Костигер. — Трижды ура штурману Ларону!

Впереди лежал порт Фальгат, но «Лунной тени» потребовался весь оставшийся день, чтобы преодолеть пятнадцать миль до причала. Насос работал без перерыва, все без устали выкачивали воду. Но уровень воды почти не понижался. К ве-

черу они добрались до гавани, и едва «Лунная тень» подошла к причалу, тут же бросили линь. Следом кинули веревки и вытащили шхуну на берег. Как только «Лунная тень» оказалась вне власти волн, из трюма и из люка хлынула вода.

— Почти все замки сорваны, — сказал Норриэйв, уперев руки в бока и качая головой. — Бедная девочка превратилась в развалину. На ее ремонт уйдет столько же, сколько ушло на строительство.

— Но мы все уцелели, — сказал Ларон.

— Я думал, ты погиб, Ларон, и после того, что ты сделал с моей шхуной, я бы, наверно, хотел, чтобы так и было.

— Мы заплатили за проезд.

— Ага, но это едва покроет затраты.

Норриэйв пошел к маяку смотрителя. Эссен и Эндри присоединились к Ларону, который все еще рассматривал «Лунную тень». С нее капала вода.

— Она должна была затонуть много раз, — произнес Эндри. — Я знаю шхуны и морское дело, однако «Лунная тень» оказалась особенной. Словно Удача держала ее на ладони, не давая уйти под воду.

— Не Удача, Эндри, — ответил Ларон. — Шхуна имеет особый корпус, может погружаться или снова всплывать. Другое судно не смогло бы преодолеть пролив.

— Какой корпус, капитан?

— Особый. Шхуна «с секретом». Ее можно потопить, спрятав под водой, а затем снова вывести на поверхность.

— Капитан, вы все придумываете.

Ларон положил руку на странный квадратный маленький люк на корпусе «Лунной тени». Он был закрыт, сквозь щели сочилась вода.

— Да, Эндри, я все придумываю. Госпожа Удача была невероятно добра к нам, поэтому в ближайшее время нам лучше ее не гневить.

К ним подошли Гилврэй и Долвьенн. Они улыбались, хотя едва держались на ногах.

— Ну, хозяин Норриэйв теперь станет богатым и счастливым человеком, — сказал Гилврэй.

— Почему? — спросил озадаченный Ларон.

— В трюме «Лунной тени» оказалась куча ящиков с очень ценной корой деревьев, используемой медикарами. Все было упаковано в кишки овец, поэтому я сомневаюсь, что хоть какая-то часть пропала — за исключением небольшого количества, потребовавшегося мне на лечение больных в пути.

— Кора медикаров, сир? — переспросил Ларон. — Костигер говорил, это галеты.

— Костигер не умеет читать, — ответил Эндри. — Коробки лишь выглядели как коробки с галетами. Наверно, хозяин «Веселой пинты» как-то раз принял их в качестве платежа.

— Она собрана далеко на севере Акремы, в тропиках, — продолжал объяснять Гилврэй. — Там кора достаточно дешевая, но из-за торейских бурь, бушующих в Скалтикаре, здесь она стала, наверно, бесценной. Я украл... ну, позаимствовал несколько полос. По одной для каждого реккона и для других пассажиров. Норриэйв разбогатеет. Я уверен, он не будет против.

Ларон поспешил к маяку, чтобы сообщить Норриэйву хорошие новости, а также собрать остальных и решить, где провести ночь.

— Лучше всего было бы отправиться в Альберин и продать нашу кору медикаров, прежде чем Норриэйв приедет со своими ящиками и займет все рынки, — задумчиво произнес Эссен.

— Вам решать, сир, — ответил Эндри.

— Нет уж, спасибо. Мы здесь всего лишь наемники, и мы равны. Ты Эндри, я Эссен. Ты собираешься в Альберин?

— Да, у меня там семья.

— Тогда ты с нами? Думаю, остальные тоже пойдут туда.

— Я с тобой, Эссен. А сейчас давай-ка найдем какую-нибудь таверну и поедим чего-нибудь горячего.

Эссен отправился в Фальгат, рядом с ним с одной стороны шел Ларон, с другой — Гилврэй и Долвьенн. Риеллен сопровождала рекконов, Уоллес плелся позади, покачивался, но, тем не менее, не отставал. Они остановились в гостинице под названием «Вид на океан», откуда можно было видеть залив, если залезть на крышу, но вода уже никого не интересовала.

— Ну, Альберин в шестидесяти милях от нас, за холмами, — сказал Эндри, когда все собрались вокруг камина в зале. — Три дня пешком.

— Да, не близко, — согласился Эссен.

— Я говорю — мы поедем, — заявил Уоллес.

— Поедем? — изумился Эндри. — На чем? Если ты не заметил, мы все деньги отдали за аренду «Лунной тени».

— Да, и мы больше не в сарголанской армии, — добавил Эссен. — Мы не можем просто попросить лошадь и получить ее.

— Я мог бы продать здесь свою кору медикаров, — сказал Уоллес. — И купить коня.

— Да, но здесь она дешевле раз в десять, чем будет в Альберине, — возразил Эссен. — Хозяин Норриэйв только что отнес три ящика местным торговцам за ремонт шхуны. Кору сбывают здесь, но не в Альберине — пока.

— Я думаю, нужно завтра собраться и отправиться в путь, — предложил Эндри.

— Ну а я думаю, нужно сначала отдохнуть, — ответил Уоллес. — У нас хватит денег на еду в течение недели и сон под крышей.

— Да, путешествие было очень утомительным, — согласился Гилврэй.

— Эндри, можно тебя на пару слов? — спросил Ларон.

Они подошли к стойке и попросили остальных пересесть к камину. Когда они остались одни, Ларон склонился к Эндри.

— Мы должны зайти в Коллегию Воинов, — тихо произнес он. — Это по пути в Альберин. Я останусь там.

— Я пообещал кое-кому, что отвезу тебя в Альберин, — ответил Эндри.

— Да? — удивленно спросил Ларон. — И кому?

— Тому, кто думает, что тебе нужно быть там.

— Терикель?

— В Альберине его звали Ровал. Так мне говорили. Ему нужен друг, который будет рядом.

— Но у меня важное дело в Коллегии, — настаивал Ларон. — Судьба всего мира зависит от этого, поверь мне.

— Если тебя не волнует судьба друга, как ты можешь говорить о судьбе всего мира? — спросил Эндри, глядя Ларону в глаза, словно надеясь найти в них ответ.

Ларон прикрыл ему рукой ладонью и посмотрел на остальных. Они отдыхали и даже, как казалось, были счастливы. Одни избежали смерти, другие наслаждались любовью. Рекконы уже много лет не оказывались так близко от дома. У всех скоро должны были появиться деньги, и, следовательно, надежда на обеспеченную жизнь. Уоллес встал и развел широко руки, сделав глубокий вдох.

На каменистые склоны Когтя-скалы
Мы взбирались, хоть далека была цель.
И вот мы здесь, по-прежнему сильны —
Эндри, Уоллес и Терикель.

И мы станем повелителями драконов — р-р-р!

Костигер решил, что Уоллес заслужил награды, и вылил содержимое своей кружки ему на шею.

— Хорошо, Эндри, пойдем со мной завтра в Коллегию, — сказал Ларон, аплодируя раскланивавшемуся Костигеру. — Если там решат, что мне следует идти, то не о чем и говорить. Я отправлюсь в Альберин вместе с тобой.

В результате дискуссии, затянувшейся до позднего вечера, было решено собираться в путь. Путешествовать в большой, хорошо вооруженной группе было безопаснее, и казалось разумным приехать в Альберин прежде, чем кора медикаров заполнит городские рынки.

В Коллегию Воинов вела одна-единственная дорога. Она поворачивала, затем ныряла под каменную арку возле столба с отметкой «Тридцать миль до Альберина». На арке было выгравировано «Коллегия Воинов», а ниже — несколько скрещенных топоров. На центральном камне был изображен огромный глаз. За аркой взору открывалось заброшенное поле, откуда в небо поднимались клубы дыма. Некоторые из старых зданий еще сохранились, и дороги, ведущие к ним, оказались практически не повреждены.

— Драконы, — сказал Эссен, когда все остановились и уставились на арку.

— Очень большие драконы, — произнес Костигер.

Все замерло, двигался лишь дым. Эндри прошел через арку и приблизился к обуглившимся руинам.

— Эндри Теннонер, там очень опасно! — закричала ему вслед Долвьенн по-альберински с сильным акцентом.

Эндри остановился, опустился на колено и вытянул руку.

— Тепло, еще тепло, — сказал Эндри. — Это случилось совсем недавно.

— Нам пора, Эндри, — позвал Ларон. — Как бы там ни было, это может вернуться.

— Сомневаюсь, господин. Не вернется, — Эндри встал, уперев руки в бока. — Нам бы надо по крайней мере обследовать это место и сообщить о нем.

— Сообщить о нем кому? — закричал Уоллес. — Матери нашего мира? Прости меня, Мать, но один из божков небрежно обращается с громом и превратил этот город в пепел, а смертных — в клубы дыма, и... им это не нравится.

— Эндри прав, по крайней мере, нам следует понять, что мы можем здесь сделать, — решил Ларон, словно желая рассердить Уоллеса. — Капитан Гилврэй, можно вас попросить отвести остальных вниз по дороге и разбить лагерь в полумиле отсюда? Эндри и я останемся здесь, пока не стемнеет, и посмотрим, что из этого выйдет.

— Вам понадоблюсь я, — сказала Риеллен, следуя за Ларoном и Эндри, проходящими через арку.

— Что? Это слишком опасно! — воскликнул Ларон, поворачиваясь и расставляя руки, чтобы не пустить ее.

— Эндри только что сказал, это больше не опасно.

— Это слишком опасно для женщины.

— И что из того, что я женщина? — сердито воскликнула она.

— Ты не так сильна, как мы, и не можешь сражаться.

— А вы не ученые.

— Я — ученый, — ответил Ларон, роясь в карманах и вынимая нечто, похожее на мокрый свиток. — Видишь, Академия Мадам Ивендель, Диомеда.

— И сколько вы изучали науку холода? — грозно спросила Риеллен. — Я специализировалась в науке холода и...

— Пусть она идет, — произнес Эндри.

— Но она...

— Господин, даже мой небольшой опыт свидетельствует, что женщины, занимающиеся мужскими делами, справляются гораздо лучше мужчин. Пойдем, девочка.

Поверхность была покрыта пеплом, но под ним лежало тонкое, хрупкое стекло.

— Воины-маги сражаются с помощью заклинаний, — тихо сказал Эндри Ларону и Риеллен. — Кажется, что заклинания были произнесены неправильно.

— Или некий враг воспользовался им правильно, — ответила Риеллен.

— Это похоже на то, что случилось в Кловессере, — заметил Эндри. — Стена Драконов, да?

— Я сейчас узнаю это, — сказала Риеллен, и Эндри увидел, как она начала отмерять шаги, двигаясь по прямой линии.

Повсюду лежали тела, наполовину обугленные и истекающие кровью. Их еще не тронули хищники, видимо, шакалы и птицы, питающиеся падалью, еще не успели до них добраться. Риеллен перешла на другую сторону спаленной местности, подняла обгоревшую палку и кусок шиферной плиты и что-то нацарапала на нем. Затем стала отступать назад.

— Ты не хочешь измерить что-нибудь еще? — спросил Эндри.

— Именно этим я сейчас и занимаюсь. Когда я сделаю назад половину того количества шагов, которое я уже отсчитала, то достигну центра. Если я пойду оттуда под правильным углом, то скажу, является сожженная местность кругом или эллипсом.

— А это важно?

— О да. Эллипс значит, что причиной жара стала Стена Драконов, а круг — что это пришло откуда-то сверху.

— Эй, а что такое эллипс?

— Фигура, похожая на овал.

— А что такое овал?

Сожженная местность оказалась правильным кругом. Риеллен сделала еще несколько наблюдений, а потом обратила внимание Эндри на скалу.

— Заметь, она превратилась в стекло сверху и немного сбоку по кругу, — сказала она. — Все остальные скалы, которые я здесь видела, были такими же. Огонь спустился сверху. Из одного источника, находящегося на большой высоте. Вероятно, произошел короткий взрыв. Если бы взрыв затянулся надолго, то тела превратились бы в пепел, но они лишь частично обуглились. Скалы же расплавились только сверху.

— А что привело к этому? — спросил Эндри.

— Не Стена Драконов. Она бы оставила следы в форме эллипса на земле и расплавила скалы с западной стороны. И не дракон. Даже огромному дракону пришлось бы не один раз извергать пламя, чтобы устроить такое.

— Но почему ты уверена, что все произошло мгновенно?

— Посмотри на тела. Кажется, все занимались своими обычными делами, ни у кого не было оружия в руках. Воины и их оруженосцы не ожидали нападения.

— Следовательно, мы не знаем причины происшедшего, но знаем, что не могло ею быть, — сказал Эндри, махая рукой Ларону и зовя его сюда.

— Это была Стена Драконов.

— Но ты говорила...

— Смотри, вот камень с вершины западной стены Академии Кловессера, — произнесла Риеллен, вытаскивая из мешка обломок. — Я взяла его, когда мы убегали, и он был таким горячим, что пришлось завернуть его в шарф. Теперь отломи кусок оттуда и сравни, насколько они расплавились.

Камни расплавились одинаковым образом.

Тут Риеллен и Эндри увидели приближающегося Ларона. Риеллен снова что-то нацарапала на шиферной плите.

— Судя по обширности разрушений, могу сказать, что тут побывала целая стая драконов, — предположил Ларон, когда все двинулись дальше.

Эндри чувствовал легкое раздражение, когда Риеллен объясняла свои наблюдения Ларону. Образование, титул, богатство, сила и даже манеры — все это не играло роли, если

речь заходила о том, что правильно и что неправильно. «Следовательно, зачем мучиться, получать образование и совершенствовать свои манеры?» Эта мысль ошеломила Эндри почти так же, как и картина разрушения вокруг них.

— Мне жаль, что все ваши друзья мертвы, — сказал он Ларону, когда Риеллен закончила объяснять.

— Все погибли, — задумчиво произнес Ларон. — За исключением Ровала. Но даже он мертв внутри.

Лагерь разбили возле фермы, принадлежащей Коллегии Воинов. Выяснилось, что один крестьянин рубил деревья поблизости и видел, как все произошло. Он рассказал, что слышал шипение и треск, а за ними раздался взрыв, похожий на удар грома, и в небо поднялось облако дыма. Это случилось день назад, и хотя в небе над Коллегией и были облака, в целом оно оставалось ясным. По словам крестьянина, драконы не появлялись. Почти все воины из Коллегии оказались там в то время. Предварительно был созван общий совет для обсуждения ситуации со Скептиками.

— Скептики вызывали недовольство у Коллегии? — спросил Ларон. — Вряд ли. Это всего лишь орден жрецов-агностиков, занимающийся наукой. Они не представляют никакой угрозы.

— Сейчас уже нет, господин, — сказал крестьянин. — Нечто сожгло дотла их храмы за одну ночь.

— Что? Но их было не меньше дюжины.

— Да, господин, именно поэтому встречались воины Коллегии. Невидимая угроза нависла над землей. То была Стена Драконов, вот что я думаю.

— Эндри и я завтра срочно отправляемся в Альберин, — заявил Ларон Риеллен, когда крестьянин ушел. — Мы должны сообщить об этом ополчению. Если явится еще кто-то, им придется встретиться с вооруженными воинами.

Ларон ожидал, что возникнет спор о необходимости провести голосование, но вместо этого Риеллен неожиданно показала на что-то наверху.

— Вам лучше бы сказать им об этом, — произнесла она.

Облака рассеивались, и стали проглядывать звезды. Кроме них, все заметили отчетливую тонкую и яркую линию голубого цвета.

— Впервые я увидел ее на Когте-скале, но с тех пор было облачно, — поделился Эндри. — Тери... то есть Терикель... она очень не понравилась.

— Смотрите, линия медленно движется к звездам, — сказала Риеллен. — И, судя по углу наклона, я бы предположила, что она пересечет Стену Драконов у каменной кладки Центрас, на экваторе.

— Линия связана со Стеной Драконов, но тянется по всему миру, — внезапно понял Ларон. — Наверно, она проходит через...

— И земли Коллегии Воинов, и храмы Скептиков, — закончила за него Риеллен. — Из-за этой штуки пламя Стены Драконов может вспыхнуть в любой точке мира. Наш мир в опасности.

Побережье Тореи вначале было трудно различить, затем, по мере того как Терикель, стремившаяся долететь до него прежде, чем начнется буря, которая снесет ее на запад, приближалась к нему, оно вырисовывалось все отчетливее. Терикель медленно снижалась и пыталась сопоставить то, что видела, со своими воспоминаниями. Земля как-то странно блестела, травы и листьев нигде не было. Она заметила на берегу холм и горы, уходящие в глубь материка. Холм казался очень неровным, и некоторые его склоны спускались прямо в море. Стал виден маленький город, с бухтой и камен-

ным пирсом. И еще один холм. Зантриас. В прошлом году этот торейский порт был последним, что видела Терикель перед гибелью материка.

Наступил вечер. Процветающим, благоденствующим городом Зантриас предстал перед Терикель в последний раз тем утром. Теперь она кружила над руинами, борясь с ветрами и бурей, до сих пор бушующей в море, и постепенно снижалась, летя по спирали к холму, где находились остатки храма Метрологов. К тому времени Терикель уже три дня не ступала на землю и поэтому то засыпала, то вздрагивала и просыпалась. «Стоит только задремать чуть сильнее, и заклинание исчезнет, — говорила она тогда себе. — А если заклинание исчезнет, исчезнут и крылья». Развалины главного храма Метрологов и других примыкающих к нему зданий были по-прежнему узнаваемы, хотя все деревянные перекрытия и сгорели.

Терикель чувствовала, как ее изможденный разум окутывает паутина сна, но сейчас под ней была уже не вода. Она миновала церемониальную площадь Метрологов, где желающие принять духовный сан проходили суровые испытания. Алтарь в форме огромной каменной руки был все еще здесь, обуглившийся и разрушенный на части сильным огнем, погубившим Торею. Терикель вспомнила, что Веландер стала последней, кто прошел здесь посвящение. Терикель взлетела высоко над бухтой и тотчас узнала каменный пирс, где стояла «Лунная тень» во время этого ритуала. Повсюду валялись блестящие расплавленные осколки, похожие на чешуйки отмершей кожи. «Лунная тень» была привязана там, когда... Терикель заставила себя вспомнить, что находилась в объятиях капитана, Ферана, пока Веландер проходила обряд посвящения. Она вздрогнула, снова представив, как старейшина приказывает ей соблазнить шпиона и оставить Веландер одну.

— Если бы можно было все вернуть, я бы велела этой старой кошелке самой выполнять свою «миссию доброты», — сказала Терикель сама себе, надеясь, что так бы и случилось.

Она вспомнила, как в одно чудесное утро смотрела сквозь зарешеченные окна каюты капитана «Лунной тени» на ясное небо. Через полчаса порт и все, кто оказался там, исчезли вместе с материком. Находящиеся на борту «Лунной тени» выжили, потому что корабль был непотопляемым: он словно держался за воздух. Веландер примчалась по дороге от храма, осознав угрозу, исходящую от Серебряной Смерти. Ларон серьезно воспринял ее предупреждения, и «Лунной тени» едва удалось избежать гибели в огне. С тех пор тихое солнечное утро всегда вызывало в душе Терикель чувство беспокойства.

Пустынная местность, которая была под ней, ничем не отличалась от других пустынных местностей, однако Терикель хотелось приземлиться именно туда. Без людей она казалась какой-то неправильной: в памяти всплывали такие живые воспоминания — словно призраки, не нашедшие успокоения. На каменном пирсе лежали тюлени и похожие на черепах морские существа. На них набегали пенные волны, вздымаемые поднимающимся ветром. Именно здесь Терикель когда-то прогуливалась с Веландер, и здесь однажды ночью она бежала, взявшись за руки с Фераном, не зная, что это были ее последние шаги по Торее.

— Я должна еще раз пройтись по Торее. Материк достоин лучших воспоминаний, — сердито сказала она. — Это место ничем не хуже остальных: тут тоже можно приземлиться, переждать бурю и выспаться.

Терикель стала искать широкую, ровную площадку для приземления, и тут ее внимание привлекло движение на одной из разрушенных улиц. Подлетев ближе, она увидела темные очертания, внезапно превратившиеся в бегущую фигуру, которая исчезла за углом. Среди теней возникло еще что-то, тоже вскоре пропавшее из виду. «А ведь Зантриас по-прежнему обитаем», — подумала Терикель. Вероятно, это были заблудившиеся ловцы тюленей, которые не смогли выбраться во время торейских бурь, сделавших путешествия по морю не просто опасными, а смертельно опасными.

Терикель знала, что издалека она напоминала маленького дракона. Ловцы тюленей вряд ли бы с радостью приветствовали подобное существо. Самые маленькие драконы пользовались самой дурной славой, поскольку они всегда были особенно ненасытны и жадны до жизненной силы. В глубине души маги переставали быть людьми и потому охотились за всем, из чего могли черпать энергию. С другой стороны, если ловцы тюленей не знали о драконах, то для них Терикель являлась просто одинокой уставшей женщиной с волшебными крыльями за спиной.

Внезапно идея приземлиться на развалины показалась ей неудачной, и спать там тоже не хотелось, хотя сон Терикель был жизненно необходим. Сон означал потерю контроля и, следовательно, исчезновение крыльев, однако мысль об отдыхе в безопасном месте не давала покоя. Где-нибудь внутри материка, там, где нет никого, интересующегося мертвой землей материка Торея.

С моря надвигалась буря, дул резкий ветер, и приземлиться было сложно. Терикель воспользовалась восходящими воздушными потоками вокруг Зантриаса, чтобы снова набрать высоту, и оказалась над сушей. Ко второму дню полета самой главной задачей стало не заснуть, и сейчас это превратилось в настоящую проблему. Хотя ведь, наверно, в глубине Тореи представится множество шансов приземлиться, избавиться от заклинания и отдохнуть.

Терикель не испытывала острого чувства голода, поскольку в воздухе съела то, что оказалось в мешке. Сбавив скорость, она освободила руку и засунула ее в сумку. Оставалась еще половина припасов, но запас воды почти подошел к концу.

Наступила ночь, когда Терикель перестала набирать высоту: она оказалась над облаками. Снова поела, желая скорее отвлечься, нежели утолить голод.

На западе появился большой зеленый диск Мираля с кольцами, хотя отчетливо видимый лунный мир был выше и ярче него. Терикель снова подумала о своих планах и неприятностях. Торея находилась внизу, и на рассвете она могла найти место и приземлиться. Там Терикель, наверно, проспала бы два дня перед перелетом через океан Бесконечности. Вода в мешке кончалась, но в прозрачных родниках Тореи было полно чистой и свежей воды. Проблема состояла в том, что на Торее не было ничего, кроме свежей и чистой воды, а еды у Терикель оставалось всего на три дня.

— Тебе нужно захотеть есть, голод не даст заснуть, — говорила она сама себе, заставляя свой мозг работать.

Когда Терикель очнулась, крылья исчезли.

Через две или три минуты она бы неминуемо врезалась в землю и тут же потеряла бы сознание. За несколько секунд до удара Терикель произнесла заклинание, сложив руки, и появился новый эфирный луч. Сложность была в том, что, когда она разделила луч на части, он не смог разойтись в стороны, и это ограничило размах крыльев. В момент прохождения через верхние слои облаков крылья, вероятно, достигали пять футов в ширину — в десять раз меньше нужного. Но чтобы не врезаться в землю, требовалась хотя бы половина длины.

— Еще немного, всего три минуты! — закричала Терикель, надеясь, что Судьба услышит ее мольбы.

Окруженная стремительными потоками воздуха и полной темнотой, она решила, что любой план, даже самый никудышный, лучше слепой паники. Терикель наконец смогла разделить луч. Медленно, но заклинание начало действовать. За ее плечами образовались крылья V-образной формы. Прошла еще одна минута, и Терикель уже летела вниз, но больше не падала.

Вокруг Терикель сверкала молния, когда она проходила сквозь нижние слои облаков. Вспышки озаряли вершины гор, находящиеся чуть ниже. Быстро приняв очередное от-

чаянное решение, Терикель начала искать ровную площадку. Она находилась над самой высокой из вершин и могла ориентироваться только по ярким вспышкам, когда поравнялась с достаточно прямой и, как казалось, ровной белой полосой, и стала снижаться со скоростью шестьдесят миль в час.

«Пусть там будет снег, пусть там будет много снега», — в надежде на мягкое приземление умоляла Терикель, опуская ноги и поднимая жесткие крылья. В то же время ей хотелось верить, что долгожданная земля уже совсем близко.

Глава 9
Девушка-дракон

Был вечер, когда группа беглецов во главе с Лароном спустилась с последнего холма, отделяющего их от Альберина. Они остановились у разрушенной башни, между городом и горами Риджбэк. Альберин раскинулся на темной равнине на берегу океана и напоминал ковер, усеянный маленькими яркими пятнышками, которые постепенно разгорались и выпускали дым.

— Трудно поверить, что это Альберин, — сказал Эндри Эссену, когда все повернулись к городу. — Я такого прежде никогда не видел.

— Но разве ты не родился здесь?

— Да, но я видел город только из порта и с дороги в Ахраг. Я издалека рассматривал башню, но думал, что там живет какой-то сиятельный герцог. Я не знал о том, что она разрушена. Теперь любуюсь Альберином, стоя возле нее, словно важный господин, вернувшийся домой после войны. И мы дома! На самом деле — дома!

— Это ты дома, — пробормотал Уоллес. — Это не мой дом, и, кажется, до него идти еще далеко. Но спазмы в икрах уже отдаются в бедрах.

— Но ты можешь вдыхать аромат мускусных кустарников и сосен! — воскликнул Эндри, делая глубокий вдох. — Мне становится так хорошо, когда я ощущаю этот запах.

— Вот почему у нас, поэтов, есть место для души, — произнес Уоллес. — Вот почему я...

Пятеро рекконов подняли топоры и направили лезвия на голову Уоллеса.

— Даже не думай об этом, — сказал Эндри.

Ларон продолжал рассматривать город.

— Я тоже здесь был и знаю, что до Альберина еще три часа пешком, — произнес он. — Пора.

Дорога теперь все время спускалась вниз, но Уоллес быстро понял, это оказалось не лучше. Идешь вверх — болят мышцы в ногах, идешь вниз — начинаются судороги в ступнях.

— Так что мы сейчас делаем? — спросил Уоллес. — Что с деньгами, едой, ночлегом, водой, мягкими бинтами и смягчающей мазью для моих ступней?

— Возле шлюза есть монетный двор, — ответил Эндри. — Он никогда не закрывается, поскольку баржи с материка могут прийти в любое время. Мы продадим там нашу кору медикаров, сядем на паром и отправимся в Варфсайд, где много таверн и постоялых дворов.

— Звучит слишком хорошо, чтобы быть правдой, — заметил Уоллес.

— А какие там девушки, Эндри? — вмешался Костигер. — Прошло девять лет с тех пор, как я...

— Решил посвятить себя военной службе в чужих странах? — засмеялся Дэнол.

— В Альберине много девушек, — сказал Эндри.

— Девушки, — вздохнул Уоллес, и Уилли тотчас зашипел из-под туники. Уоллес ударил себя рукой по лбу: — Вот! Я знал, это слишком хорошо, чтобы быть правдой!

— Почему он не спрятан? — спросил Эндри.

— Потому что он натирает мне ноги, когда я иду.

Альберин протянулся на шесть миль в длину и семь в ширину. Он располагался на берегу залива, отмели и подводные камни которого надежно защищали город от волн, ураганов, вражеского флота и нежданных гостей. Единственный пригодный для судоходства канал отлично просматривался с башни Требуч — хорошо оснащенной крепости, построенной на одном из островков. Башня также служила и маяком. Юго-

восточная часть города раскинулась на возвышенности; кроме дворца, больших храмов и особняков знати, там расположились и дома состоятельных людей. Кварталы на южной окраине населяли ремесленники. Границей города служила река Альбер. К северу он нее находился процветающий производственный центр города; оттуда на юг вел один-единственный мост. Зато лодок было множество. Это было решение правительства — иметь лишь один мост в городе, и никого не волновало, что это может повлечь за собой какие-то проблемы.

У шлюза беглецы обменяли деньги, которые у них были, на серебряные нобли Скалтикара, и обнаружили, что за кору медикаров предлагают очень хорошую цену. После того, как вопрос с деньгами и документами был улажен, они стали подниматься на паром. Уоллес залез первым, и прежде, чем сесть, нагнулся и поцеловал деревянную скамейку.

— Это зачем? — спросил Эндри, садясь рядом с ним.

— Она отвезет меня туда, куда я хочу, и мне не придется идти, — объяснил Уоллес, закрывая глаза в блаженной истоме и кладя ноги на скамейку.

Долвьенн и Гилврэй расположились слева от Эндри. Он обращал их внимание на городские достопримечательности, пока перевозчик неторопливо отталкивался багром.

— Это самый известный в мире багор, к нему нельзя прикасаться, — заявил Уоллес, открывая глаза.

— Вообще-то это обычный багор, используемый на пароме, — ответил Эндри. — Они все одинаковой длины, но этот легче.

— Говоришь, существует всего лишь один мост? — сказала Долвьенн.

— О да, госпожа. Смотрите, прямо за излучиной. Он называется просто «Мост», поскольку он один.

— И все им пользуются?

— О нет, ведь здесь плавает множество лодок. Большинство из них — крохотные суденышки, с веслами или баграми. Перевозчики спят там под парусами. Разбуди их в любое

время, дай монету — и они привезут тебя сюда. Вон некоторые причаливают. Зажиточные люди живут на юге, бедняки вроде меня — на севере. Сейчас мы проезжаем Баржардс — мой дом.

— Ох. Куда мы сейчас направляемся?

— Туда, где река впадает в бухту. Варфсайд — трущобы респектабельного юга, куда ходят богатенькие, чтобы...

— Петь, пить и развлекаться?

— Ну да... да. Но там безопасно. Относительно. На другой стороне реки находится Неверсайд — трущобы из трущоб. Думаю, он называется так потому, что туда лучше не ходить никогда, особенно в темноте.

— Неприятное место, да? — спросил Гилврэй.

— Скорее, опасное. Метрологи построили свои храмы в Варфсайде, но я там не был. Куда думаешь отправиться, Уоллес?

— О, Варфсайд мне как-то больше по душе. Вероятно, устроюсь работать поваром, специализирующимся на сарголанской кухне.

— О да, мудрое решение. Зайди в «Светильник», что в конце Корабельной улицы. Они часто играют сарголанскую музыку, и там дешевые комнаты. Я со своими друзьями возьму как-нибудь лодку после работы, купим по пирогу и пинте и станем играть до тех пор, пока не прозвенит в полночь колокольчик, затем снимем комнату и заснем на полу. Как-то раз нас было пятнадцать человек в одной комнате.

— Звучит отвратительно, — заявил Уоллес. — Моя кухня будет привлекать более достойных посетителей.

— Все одинаковы, когда выпьют, — сказал Эндри.

Никто не заметил небольшой перемены в поведении Уоллеса, когда они вошли в Альберин, и причиной этой перемены стала уверенность в себе. Уоллес наконец оказался в большом городе, где его не разыскивал закон, здесь его даже не знали.

Кроме денег, на которые можно было безбедно жить в течение нескольких недель, появилась возможность получить работу. Все это означало независимость от Эндри и остальных. Уоллес снова вспомнил обиду, боль и пережитые страдания, виной которых являлся Эндри.

— Предполагаю, тебя здесь ждет некая девушка, — зловеще произнес он, понимая, что до сих пор не может примириться с появлением Уилли.

— Не некая, Веландер — одна и единственная, — с тоской в голове ответил Эндри.

— А что с Терикель? — спросил Уоллес.

— Терикель? — воскликнули хором Ларон, Гилврэй и Долвьенн.

— Она всего лишь учила меня, как обезопасить себя от драконов, — застенчиво произнес Эндри, закрыв рукой глаза.

— Я слышала, есть много причин, почему люди делают это, — заявила Долвьенн. — Но о такой я прежде не слышала.

— Она не предлагала научить меня, как обезопасить себя от драконов, — пробормотал Уоллес.

— Почему я не удивлен? — сказал Ларон.

— А ты не был верен Веландер! — крикнул Уоллес, презрительно взглянув на Эндри.

— Если я и поддался искушению, то только оттого, что провожу слишком много времени в твоей компании, — огрызнулся Эндри. — Но ведь Вел мертва и никогда об этом не узнает. Дух моей возлюбленной сейчас где-то высоко в небе.

— Возлюбленной? Да она же пахла как ковер, забытый в грязи на аллее, так воняет что-то сгнившее, промокшее и покрытое плесенью. А ее дыхание! Словно отходы на скотобойне, словно испортившееся мясо, смешанное с застоявшейся кровью.

— Эндри, сир, там причаливает судно. Оно из Варфсайда? — вмешалась Долвьенн, заметившая, что разговор превращается из саркастически-добродушного подшучивания в опасную перебранку, задевающую чувства друг друга.

— Единственная причина, почему она не разорвала твое горло и не выпила кровь, состоит в том, что у Веландер слишком хороший вкус! — воскликнул Эндри, не обращая внимания на Долвьенн.

— Единственная причина, почему ты ей понравился, состоит в том, что ты такой же грязный и вонючий, как она сама! — закричал в ответ Уоллес.

— Возьми свои слова обратно! У меня дома, в Баржардсе, все моются каждое утро холодной водой и дегтярным мылом. Мы меняем одежду раз в неделю, иногда два раза.

— Вот что получается, когда низший класс слепо копирует привычки высшего. Ваши девушки учатся хорошим манерам и поведению, а люди, похожие на меня, пользуются ими в публичных домах, затем возвращаются домой и рассказывают своим друзьям, как...

Эндри со всей силы ударил Уоллеса кулаком в пах. Из туники тут же вылез объятый пламенем Уилли и вцепился своими зубками в запястье Эндри. Пытаясь освободиться от Уилли, тот ударил Уоллеса в лицо свободной рукой.

— Хватит! — закричала Долвьенн, хватаясь за Эндри и оттаскивая его в сторону. — Прекратите, вы двое!

— Послушай, ты, Уилли, я буду бить его до тех пор, пока ты не уберешься! — заорал Эндри, ударяя Уоллеса еще раз.

К тому времени все уже наблюдали за дракой на пароме — и пассажиры, и перевозчик. Паром врезался в камень — так, что обшивка едва не отлетела. Он начал медленно тонуть. Пассажиры выбрались наружу и вскоре уже стояли в конце Корабельной улицы.

— Теперь я знаю, почему моя мама никогда не позволяла мне играть с невоспитанными детьми простолюдинов! — сказал Уоллес, одной рукой закрываясь сумкой, а другой утирая кровь с разбитого носа.

— Надеюсь, он не ядовит, — ответил Эндри, обматывая правое запястье, откуда тоже шла кровь.

— Ядовит? Вот дурак! — фыркнул Уоллес, затем пожелал всем спокойной ночи и зашагал в сторону «Светильника».

— Храм Метрологов в другом конце улицы, — сказал Эндри. — Кто идет туда? Вероятно, сможем остаться там на ночь, если заплатим.

Ларон поднял руку, за ним Гилврэй и Долвьенн.

— Думаю, я с вами, — кивнула Риеллен, последней медленно поднимая руку. — Но мне нужно знать, где находится городская магическая академия.

— Тогда увидимся там, — ответил Эндри. — Наверно, на лечение моего запястья потребуется время.

— Возможно, я с рекконами зайду в «Светильник» выпить по пинте, — отозвался Эссен.

— Мы будем изображать из себя простых посетителей, пока не поймем, разыскивают ли нас, — объяснил Костигер.

— А я думаю, причина, по которой я бежал, уже родилась, получила образование, научилась торговому делу и вышла замуж, — произнес Сандер.

— Наверно, я присоединюсь к вам там, — сказал Эндри. — Я еще не вытаскивал свой ребек из провощенной кожи, в которую завернул его во время последнего путешествия, я все-таки надеюсь это сделать.

Храм Метрологов находился в трети мили от реки. На двери висела горящая зеленая лампа, обозначавшая, что здесь исцеляют больных. Жрица, чье имя было Жустива,

пригласила Ларона войти. Ларон позвал за собой и остальных. Вскоре беглецов отвели в комнату для гостей, а Эндри задержался в холле с Жустивой. Осмотрев укус на запястье и выслушав его объяснение, как это произошло, жрица заверила, что эфирные создания, подобные Уилли, не ядовиты.

— Послушайте, прежде чем я уйду, я хочу дать вам одну вещь, — сказал Эндри, вынимая пакет. — Это кора медикаров, мы принесли ее из Акремы.

— Кора медикаров? — воскликнула Жустива. — Но она стоит много денег, даже такое малое количество.

— Около шестидесяти ноблей, думаю.

— Эндри, я не в силах тебя отблагодарить, — произнесла потрясенная Жустива. — Это очень щедрый подарок.

— Я был знаком с парой Метрологов, ваша светлость. Замечательные женщины, и я думал, если вы все такие, то, наверно, потратите всю кору медикаров на помощь бедным и обездоленным.

— Ты был знаком со жрицами Метрологов? — спросила Жустива, и ее лицо внезапно помрачнело. — А не звали одну из них высокоученая Терикель?

— О, да. Но моей возлюбленной была Веландер.

— Ты — и Веландер? — от удивления Жустива широко открыла глаза и едва могла говорить. — Но мне говорили, она мертва.

— Да, это так.

— Эндри, ты сказал, она была твоей возлюбленной?

— Да.

— Возлюбленная... держать ее в руках, целовать, сидеть рядом, глядя друг другу в глаза?

— Да. Госпожа, я знаю, многие считают Веландер немного странной, но я вижу в ней больше хорошего, чем плохого. Теперь мне пора идти.

— Эндри, подожди. Можешь остаться здесь на ночь, если тебе нужна крыша над головой. У меня есть вопросы. Много вопросов.

— Спасибо большое, госпожа. Но я, наверно, пойду в «Светильник» и сыграю с друзьями несколько мелодий, а потом засну на скамейке до рассвета. Сейчас некоторые уже лежат в постели... Вероятно, я смогу ответить на ваши вопросы в другой раз.

— Есть кто-нибудь здесь сегодня, кроме воинов и Скептиков? — спросила мадам Джилли, когда ее лодка снова коснулась прибрежных камней.

— Погиб без боя, — пробормотал дух одного на вид крепкого воина.

— Не верится в то, что случилось, — сказал Скептик, садясь за ним.

Конечно, Уоллес знал, каково быть фаворитом императора, но уже успел подзабыть это состояние и даже мечтать не смел о чем-то таком снова. Лишь в глубине его души оставалась надежда. Он вошел в таверну и заметил, что повар был болен, а вокруг собралось много голодных завсегдатаев. Уоллес предложил свои услуги в качестве повара, и хозяин «Светильника» принял его с распростертыми объятиями. Надев фартук, закрывающий дыру, которую Уилли прожег в тунике, Уоллес встал к железной печи через пять минут после того, как зашел в таверну.

Вскоре появились Эндри и Эссен и начали играть самые популярные мелодии сарголанской империи. «Светильник» слыл весьма приятным ночным заведением, и потому прибывали все новые посетители. В тот момент, когда в воздухе распространился аромат пикантных сарголанских блюд, мимо таверны проходил придворный менестрель принца, направлявшийся домой после ночной церемонии. Он решил зайти

и перекусить. Поев, певец захотел увидеть местного повара, и как только хозяин таверны сообразил, кто с ним разговаривает, тут же познакомил Уоллеса с придворным, по счастливой случайности знавшим магистра трапезы наследного принца Альберина. Уоллес получил приглашение посетить дворцовую кухню на следующий день.

На следующее утро в 10 часов, за час до того, как Уоллес должен был отправиться во дворец, Эндри привела на кухню жена трактирщика.

— Бедный парень, его, похоже, выгнали из дома, — говорила она Уоллесу. — А он так замечательно играл вчера ночью. Ты можешь задержаться и дать ему немного хлеба и сыра, и еще чего-нибудь горячего, а, Уоллес?

Уоллес был слишком заинтригован, чтобы вспоминать о пережитой неприятной поездке на пароме, и он предложил Эндри стул возле печи. Эндри же просто хотелось кому-нибудь, все равно кому, пожаловаться на свои злоключения.

— Меня не было шестьдесят дней! — сказал он, стараясь говорить без раздражения, но в его голосе звучала обида. — Моя мама собирала... ну... обед всей семье на работу, и когда я зашел... ну... ты о таком и знать не можешь.

— Я и не узнаю, если не скажешь, — ответил Уоллес, согревая для него хлеб на печи.

— Она бросила в меня разделочную доску, а все, что я сделал, это сказал «привет».

Он показал Уоллесу синяк на предплечье, в которое попала доска.

— Затем она начала кричать, кем я вообще себя считаю, если так долго отсутствовал и неожиданно так просто заявился. Когда я попытался объяснить ей, она пошла на меня с кухонным ножом. Немного вспыльчивая она, моя мама. Не любит моряков, уходящих надолго в плавание, и моя сестра Флорри считает, что однажды один ограбил ее и сбежал, когда...

— А ты сбежал? — прервал его Уоллес.

— Ну нет, я был не дома тогда. Я скрутил ей руку с ножом и потянул ее вниз. Она вывернулась и упала на стол, и... ну... тот сломался.

— Ты применил силу против своей матери? — еле выдавил из себя Уоллес.

— Да.

— Она пострадала?

— Да нет. Она схватилась за ножку от стола и снова пошла на меня, и я побежал к двери. К тому времени появился отец, желающий узнать, что тут за шум, и принес с собой топор. Я уклонился от удара, ударил его в лицо и кинулся к двери.

— Ударил его в лицо? — спросил Уоллес, и его глаза сузились.

— Ну, я сильно ударил его. Веришь? А у меня после путешествия остались шестнадцать сарголанских серебряных монет и пять скалтикарских серебряных ноблей. Это больше, чем я бы мог заработать за сто двадцать дней дома.

— Ты говорил, у тебя было мало денег, когда мы приехали в Фальгат, — вспомнил Уоллес.

— У меня не было денег только на покупку лошади для тебя.

— А я терпел этот двухдневный ад, чтобы добраться сюда! — закричал вне себя от возмущения Уоллес.

— Но зато ты похудел, Уоллес, и хорошо выглядишь. Будешь нравиться девушкам.

— Одна замечательная штука с именем Уилли уж сумеет позаботиться о моей непорочности. Однако мне нужно хорошо выглядеть для наследного принца. У меня встреча с ним через час, и есть надежда, что я стану его поваром. Нужно хорошо выглядеть.

— Ему нравится сарголанская кухня, да?

— Очевидно. Интересно, нужен ли ему магистр музыки?

— Даже не пытайся узнать, а то ему и есть не захочется.

— Ничего другого, кроме сарказма, я от тебя и не ожидал. Так каковы твои планы?

— Я не думаю о том, что будет после сегодняшнего вечера, а сейчас я собираюсь напиться до головокружительного беспамятства. Веландер должна мне одну ночь в городе. Хочешь пойти со мной?

— Извини, вероятно, к тому времени я уже получу должность повара в самом дворце. Позови с собой рекконов.

Храм Метрологов находился у основания Дворцового Холма, недалеко от главного городского храма Универсале. Храм Метрологов был виден из каждого уголка Варфсайда, а Универсале стоял на прямой длинной улице, протянувшейся по всему городу. Она заканчивалась у реки возле Моста и стены у шлюза. Судя по Храму Метрологов, ему было несколько веков. Под слоем побелки едва читались слова «Охрана гавани». Очевидно, храм долгое время не использовался по назначению.

Последняя посетительница в седьмой день Шестого месяца появилась, когда колокол на башне Универсале начал бить полночь. Диакониса, служительница ордена, присоединившаяся к Метрологам лишь пару месяцев назад, впустила ее. Это была женщина приблизительно двадцати лет, среднего роста, с каштановыми волосами, убранными назад. Но выглядела она не как проститутка, которые чаще всего приходили в храм в этот час — обычно после нападения или перенесенных побоев. Из-под плаща виднелись черное одеяние воина, черная юбка до икр и черные сапоги для верховой езды. На одной руке висел плащ, в другой женщина держала шляпу с пером. Казалось, ее одежда больше подходит для местности более теплой и сухой, чем Альберин.

— Надо увидеть старейшину, — сказала она по-диомедански.

— Сейчас полночь, достойная Жустива спит, — ответила диакониса. — Вам нужно убежище?

— Нет.

— Тогда вам следует договориться о встрече на завтра. Как вас зовут?

— Веландер Салварас, последняя из храмов Зантриас и Гелиона.

Менее чем через минуту Веландер провели в спальню с высоким потолком, где Жустива в спешке смахивала пыль с того, что в действительности являлось троном старейшины. Это было деревянное кресло с накинутым на него куском ткани. Веландер вежливо кашлянула. Жустива вздрогнула, повернулась, уронила тряпку на трон и медленно опустилась на него.

— Достойная Веландер, вы застали нас врасплох, — сказала она на зантрианском языке.

— Говори по-диомедански, если желаешь, старейшина, — ответила Веландер, поклонившись. — Я пытаюсь углубить свои познания в этом языке.

— Но я знаю мало диомеданских слов, достойная Веландер. Лучше говорить на зантрианском.

Решив, на каком языке они будут общаться, Веландер и Жустива замолчали. Достойная Жустива скрестила на груди руки, затем снова опустила их и положила на подлокотники кресла. Веландер стояла, сжав руки перед собой. Она не могла заставить себя разжать их и спрятать за спину. Одновременно она надеялась выглядеть расслабленной, поэтому старалась не выдать волнения. Правая рука Жустивы вздрогнула. Она сжала руки, затем снова положила их на подлокотники и вцепилась в них. «Сейчас начнется», — подумала Веландер.

— Достойная высокоученая Терикель Эример назначила меня старейшиной! — выпалила Жустива на одном дыхании.

— Я склоняюсь перед тобой, — сказала Веландер и поклонилась.

Этот жест вывел Жустиву из равновесия. Она внутренне приготовилась к борьбе. Однако борьба не начиналась. Что оставалось делать?

— Ох. Ах... ну, очень мило с вашей стороны, — ответила она слегка раздраженно. — Что я могу для вас сделать?

— Я жрица Метрологов. Это храм Метрологов. Ты моя старейшина.

— Ох. Очень хорошо — я имею в виду... хорошо, что вы решили вернуться к нам, Метрологам. В смысле, вы сами из Ордена Метрологов.

Понимая всю нелепость своей речи, Жустива заставила себя замолчать и обдумала слова гостьи. Веландер почтительно стояла перед ней. Жрица высшего уровня признала ее власть над собой, хоть и непонятно, полностью или нет.

— Естественно, мы позаботимся о вас, — заявила Жустива.

— Благодарю, — ответила Веландер, снова кланяясь.

— Высокоученая Терикель часто о вас говорила, пока не уехала в Акрему, — продолжала Жустива. — Она рассказывала, что вы изменились. Посылали ей несколько писем. Вы говорили, что... ну... изменились. В смысле, сильно изменились.

— Изменилась. Да, я изменилась. Я снова жива. По большей части.

Жустива сглотнула:

— Ох. Ну тогда... хорошо... думаю, вы знаете о смерти высокоученой Терикель?

— Да.

— Мне говорили, вы тоже мертвы! — воскликнула Жустива, но, смирившись с очевидным фактом, взяла себя в руки.

— Только временами, — тихо ответила Веландер.

Жустива схватилась за лицо руками и стала массировать виски — точно так же вела себя Терикель, когда испытывала волнение. Веландер не двигалась.

— Мы должны провести переизбрание и назначить новую старейшину.

— Да.

— Значит, вы вернулись, чтобы занять место, принадлежащее вам по праву.

— Нет.

Жустива не могла представить такого ответа. Терпение жрицы лопнуло.

— Достойная Веландер, чего вы хотите? — закричала она. — Я имею в виду, чего вы хотите на самом деле? У нас нет богатства, и почти нет денег даже на еду. Высокоученая Терикель практически разорила орден, когда наняла «Буйную пташку» и отправилась в Саргол.

— Я могу передать двадцать сарголанских золотых крон в дар ордену, — сказала Веландер, вынимая кошелек и протягивая его Жустиве.

— О, спасибо, — поблагодарила Жустива, беря кошелек, и заглянула внутрь. Там было двадцать монет. Все золотые.

— Я не буду спать здесь, это не станет нарушением ваших правил? — спросила Веландер, снова низко кланяясь и складывая перед собой руки.

— О, пожалуйста, — Жустива почувствовала непреодолимое желание скрыться и лечь где-нибудь в тихом месте, положив на глаза влажную тряпку. — Вы можете идти. Встреча подошла к концу.

— Нет, старейшина, нет.

— Нет?

— Вы должны спросить меня, хочу ли я еще что-нибудь сказать.

— О, Да. Конечно. Хорошо, хотите ли вы еще что-нибудь сказать?

Жустива сделала ошибку, позволив себе так быстро сдаться, но отступать было уже невозможно.

— Откуда вы узнали, что Терикель мертва? — спросила Веландер.

— Ларон сказал мне.

— Ларон! Он в Альберине?

— Да, и находится здесь. Он приехал час назад.

— Старейшина, можно я задам личный вопрос?

— Личный? Но мы едва знаем друг друга — в смысле, вы почти ничего обо мне не знаете.

— Личный, касающийся Ларона.

— Ларона? О нет, между нами ничего не было — я имею в виду, вообще ничего.

— Я думаю, вы говорите о делах.

— Да — ну, нет, я не вела с ним дел, за исключением нынешнего момента. Он спит с нами — с моими жрицами — здесь, один. Стена Драконов! Из-за нее Ларон должен встретиться с важными людьми. Завтра.

— И я тоже. С Лароном еще кто-нибудь пришел?

— О да, несколько довольно милых людей. Медикар по имени Гилврэй и его помощница Долвьенн здесь, и еще Риеллен, студентка. Приятная девушка, она умнее, чем многие из нас, вместе взятые, но некоторые из ее идей...

— Заслуживают того, чтобы повесить ее за измену?

— Да.

Веландер обдумывала слова Жустивы. Люди Ларона пришли в Альберин и остановились в храме. Эндри с ними не было. Это смущало. Эндри же не погиб. Наверно. Он много говорил о таверне под названием «Светильник». Веландер решила попозже заглянуть туда.

— Старейшина, когда состоится переизбрание?

— Переизбрание? Завтра, скорее всего. Все, кто обладает правом голоса, находятся в настоящее время в Альберине.

— Назовите мне час, я приду. Конечно, я буду голосовать за вас, мне очень нравится, как вы управляете орденом.

Это было последней каплей в чашу терпения Жустивы. Она упала на кресло-трон, закрыла лицо руками и всхлипнула. Веландер ждала, когда ей сообщат о часе проведения переизбрания, вежливо сцепив руки перед собой.

— Как я управляю? — наконец прошептала Жустива между рыданиями. — Три года назад я была проституткой на острове Гелион и брала с моряков десять монет, и пятнадцать — в праздничные дни. Или когда в порт приходили торговые суда. А что изменилось сейчас? Да у подушки высокоученой Терикель в десять раз больше мудрости. Я просто наблюдаю за Метрологами, но не указываю им путь. Веландер, в глубине души я знаю, вы должны занять этот трон и управлять Метрологами.

Веландер покачала головой. Жустива задрожала. Сейчас она выглядела особенно несчастной.

— Они любят вас, они боятся меня, — произнесла Веландер, подбирая слова. — Они умрут ради вас, но не ради меня, — она помогла Жустиве подняться. — Это все, что я хотела сказать, Достойная старейшина, и теперь мне пора отпустить вас, чтобы вы могли вернуться в постель. У меня есть комната в таверне неподалеку, в «Капризе парня с баржи». Пожалуйста, не говорите никому, что я в Альберине.

— Да. Не скажу ничего. Но, послушайте... я останусь старейшиной, если вы будете помогать мне в некоторых делах... важных делах. Пожалуйста. Станьте старейшиной для старейшины, если вы понимаете, что я имею в виду.

— Отлично понимаю, — сказала Веландер, сжимая ее руку и потом отпуская ее, и проходя вместе с Жустивой к двери. — Вот мой первый совет. Спрячьте все самое ценное, архивы, записи в надежное место. Организуйте небольшую больницу для бедных в другом месте, а здесь пусть не будет никого.

— О, я уже велела сделать все это, — ответила Жустива. — Самое важное уберут к завтрашнему дню, а некоторые из Метрологов остановятся в другом месте.

В первый раз за ночь Веландер удивилась.

— О, почему? — поинтересовалась она.

— Я слышала, что храмы Скептиков разрушены. По словам многих людей, это боги наказывают Скептиков за их атеизм. Может, они и правы. Но Скептики занимались научными исследованиями, как и мы. Я решила, что мы тоже можем быть в списке тех, кто подлежит уничтожению, из-за приверженности науке. Поэтому и начала рассредоточивать орден по всему Альберину.

Жустива отворила дверь на улицу для Веландер, которая поклонилась ей, сделала шаг вперед, затем остановилась и повернулась.

— Если что-то будет не удаваться, старейшина, никогда, никогда не позволяйте себя жалеть и говорить себе, что вы глупая и неспособная! — твердым голосом заявила Веландер и скрылась в непроглядной пелене дождя.

У академика Гарриса, ректора Альберинской Академии Эфирной Философии, была своя кровать, но проводил ли он там время, никто точно не мог сказать. Каждую ночь после ужина он засиживался перед камином с записями, книгами и свитками и читал. В конце концов Гаррис засыпал, обычно приблизительно в полночь. Около часа ночи приходила горничная, укрывала его одеялом, подкладывала в камин дров, затем поднималась в спальню академика и проводила остаток ночи в его роскошной большой кровати.

— Гаррис.

Это было похоже, скорее, на угрожающее шипение. Гаррис проснулся, снял очки для чтения и осмотрелся. Иногда, когда пламя касалось их, шипели поленья. Гаррис не боялся огня. Порой раздавался громкий треск, и повсюду разлетались искры. Или в воздух поднимались облака дыма и заволакивали всю комнату. Однажды выступ на бревне оказался железным наконечником стрелы, который попал в дерево три

десятка лет назад, и врос в него. Гаррис даже увидел как-то маленькую фею-хранительницу леса в огне, освобожденную из тела мертвого дерева. Она помахала ему и исчезла в дымоходе. Посмеявшись над собой, Гаррис снова сел.

— Гаррис, ты в опасности.

Гаррис оглянулся, и пожалел об этом. Из мрака на него смотрело бледное лицо. В воздухе витал запах соли для ванны и аромат мускуса. Лицо подплыло ближе, и стало возможным различить женское тело. Под плащом женщины виднелся черный камзол с двойным рядом серебряных пуговиц. На ней была юбка до икр и сапоги для верховой езды. Она выглядела необычно для Альберина в застегнутом плаще и со своей шляпой в форме полумесяца с черным пером, и казалась совсем молодой. Сейчас Гаррис ощутил другой запах. Едва уловимый, это был запах ателье, средства от моли и абсолютно новой одежды. Женщина говорила на диомеданском языке с акцентом.

— Э-э... кто вы? — спросил Гаррис.

— Зовут Вынуждающей, — ответила Веландер.

— О. Ну, замечательное... сильное имя. Что я могу сделать для вас, госпожа Вынуждающая?

— Вчера я проходила мимо земель Коллегии Воинов. Все сожжено дотла. Круг. Храмы Скептиков. Выжженный круг. Академия Тайного Эфирного Познания. Все сожжено. Храм Матери в горах Риджбэк. Выжженный круг. Понимаешь?

— Держу пари, вы проделали долгий путь.

— Я думаю, изучаю. Все обуглилось. Здесь чему-то научусь. Словно змея кусает за палец. Не делай ничего, можешь умереть. Отдерни руку — резко. А вдруг змея не ядовитая. Что скажешь?

— А, да, в такой ситуации я бы, наверно, узнал ответ на вопрос «А что такое змея?». Другое существо, существо как альтернатива человеку. Альтернатива мне, то есть. Ха-ха.

— Понимаешь, что это значит для академий?

— Ну, не совсем. Но подождите-ка. В смысле, что делать? — спросил Гаррис, цепляясь за кресло. — То, о чем вы говорите, отдергивание рук и все остальное, звучит очень серьезно. Я имею в виду, я мог бы опробовать старый план «Случайная катастрофа», да? Ну, знаете, отослать преподавателей, студентов, коллекцию марочных вин, книги, записи, магические амулеты, устройства и так далее.

— Нет. Только людей и книги. Нет времени на остальное.

— Нет, нет, погодите-ка, госпожа. Вы забираетесь сюда без предупреждения, рассказываете о страшных теориях, пытаетесь заставить меня разрушить целую академию и забыть про моих гостей, и на каком основании?

— Метрологи уехали. Вчера. Старейшина Жустива. Поможет спрятать твои книги.

— Метрологи уехали? Ну такого еще не было. Тогда да, наверно... но это важное решение, касающееся плана «Случайная катастрофа».

— Сгорит. Важное решение?

— Ох! Да. Так. Но ведь нужно спрятать семь тысяч книг!

— Вероятно, только библиотеку в Скалтикаре.

— Но почему? Откуда идет угроза?

— Не могу сказать, но доказательства очевидны! Существовавшие прежде академии сожжены дотла.

— Моя дорогая госпожа, если бы вы пришли и заявили: «Прячься, в коридоре бродит голодный волк!», я воспринял бы вас более серьезно, чем когда вы просто говорите: «Прячься, а то может случиться нечто ужасное». Спасибо за беспокойство, но боюсь, академия останется там, где была. У меня свыше девяноста гостей, и все высшие маги.

— Что? Кто?

— О, отступники, маги, не захотевшие присоединяться к Стене Драконов. Собрались здесь на конференцию. Неко-

торые из них живы только потому, что пришли сюда, их храмы и академии разрушены.

— Конференция? — спросила Веландер, не смея поверить своим ушам.

— Да, по поводу этой бессмысленной Стены Драконов. Отступники и Противники Стены Драконов — вот как они себя называют. Пять Скептиков, двое из Академии Тайного Эфирного Познания, почтенная жрица из храма Матери Мира...

— Под одной крышей? — воскликнула Веландер.

— Ну, в трех зданиях, и, следовательно, там три крыши.

— Кто собрал конференцию? Ты?

— О нет, я просто сидел, думал о высоком. И внезапно появились люди. Они рассказали мне все об этой конференции, которую я организовал, и... ну... мне не хотелось говорить им, что ничего нет. Провел целый день за составлением программы и ее согласованием, пока декан факультета практических заклинаний ездил с ними на лодке по реке Альберин.

Веландер было о чем подумать, когда она уходила из академии. Кто-то собрал конференцию, конференцию всех несогласных магов, которые формально или неформально не участвовали в Стене Драконов. Они находились в одном месте, и это место оказалось меньше, чем общая площадь Коллегии Воинов.

Не то чтобы Варфсайд был безопасной частью города, просто преступники, заправляющие там, вели себя более разумно, чем в Неверсайде. Сквозь пелену дождя Веландер заметила, как за ней следуют трое, затем она обратила внимание, что трое превратились в двоих. Улица извивалась, повторяя изгибы тропинки, около тысячи лет назад проложенной стадом овец в глухой чаще. Вдалеке Веландер увидела оди-

нокую фигуру. Когда они поравнялись, человек вынул топор и протянул его перед собой, заграждая путь.

— Эй, я из стражи Варфсайда, — сказал он. — А ты бежишь с места преступления?

— Да нет, — ответила Веландер, останавливаясь.

— Ну тогда я уверен, тебя не затруднит задержаться, пока я проверю, что за тобой нет слежки.

— Нет слежки.

Никого не было видно. Мужчина бросил взгляд в сторону. Судя по выражению лица, его, видимо, что-то злило. Затем он повернулся.

— Ты девушка! — внезапно воскликнул он.

— Одетая как парень — новая сарголанская мода, — ответила Веландер, осторожно оглядываясь. При тусклом свете уличного фонаря стали видны две группы людей.

— Эй, кто это? — закричал стражник. — Тут четверо и там приближаются еще четверо, вероятно, они гонятся за вором.

Мужчина схватил Веландер за плечо, но она взмахнула рукой и вырвалась. Две группы подступали к ней со всех сторон, и Веландер побежала по переулку, который уперся в ничем не примечательную кирпичную стену.

— Еще несколько минут, еще несколько этих чертовых минут, — пробормотала про себя жрица, оборачиваясь и вынимая топор. Веландер пару раз взмахнула им, но ей было непривычно использовать оружие без своих сверхъестественных способностей. На другом конце переулка выстроились девять мужчин и заградили собой проход. Они почти полностью закрыли собой свет от уличного фонаря.

— Пару минут, черт, всего пару минут, — прошептала Веландер, поднимая топор и принимая боевую стойку. Раздался тихий смех. Мужчины подошли ближе, но соблюдали осторожность. Им не хотелось проблем, им нужна была жертва, а то, что ею оказалась девушка, являлось лишь плюсом.

Расстояние между силуэтами уменьшилось. Веландер замешкалась и со всей силы взмахнула топором, для верности держа его двумя руками. Она поняла, что достигла своей цели: раздались проклятия.

— Удача, Удача, будь со мной, — произнесла громко Веландер на зантрианском языке.

— Чужестранка, — сказал кто-то по-альберински.

— Наступает.

— Ну же, ударь меня!

— Окружай ее.

В следующий раз Веландер попала в дубинку одного из мужчин. Затем кто-то подобрался к ней и сбил с ног. Топор вырвали из рук жрицы; она услышала, как его с грохотом отшвырнули прочь. Чьи-то руки вцепились ей в ноги и ухватились за юбку. Веландер закричала и в темноте обо что-то ударилась головой. Раздался треск, и из-за боли перед глазами поплыли разноцветные круги. Жрица снова закричала. Чья-то рука сжала ее шею и засунула в рот кляп. Веландер чувствовала под ногами мокрые булыжники и что-то липкое. Кто-то навалился на нее и не давал пошевелиться.

Где-то рядом разбилась бутылка.

— Ужасно. Что-то нужно делать со всеми вами.

Никто не двигался с места. Веландер тоже притихла. В конце улицы стояла одинокая фигура, выделявшаяся при тусклом свете уличного фонаря. Минуту все смотрели на говорящего. Кажется, он еле держался на ногах.

— Дюжина на одного. Точнее, на одну женщину. Думаете, это нормально? Эй, давайте сюда!

Веландер не понимала альберинского. Пьяный наклонился и поднял топор жрицы. В его руке тускло поблескивала разбитая бутылка. Двое из группы быстро спустились вниз по переулку к незнакомцу, но, когда они приблизились, тот покачнулся, взмахнув топором. Раздался глухой стук: рукоять топора свалилась ему на голову. Затем его схватили за руку и толкнули лицом в стену.

— Убирайтесь, уроды! — заорал пьяный. — Кстати, девочка, спасибо за ночь!

Еще трое навалились на пьяного, которого Веландер внезапно узнала. Она услышала звук оружия и глухие удары. Вновь в переулке появилась одинокая раскачивающаяся фигура.

— Черт, освободите ее! — рявкнул мужчина. Трое, державшие Веландер, отпустили ее и кинулись прочь, но жрица изогнулась и устремилась за ними, вцепившись в две ноги. Ноги принадлежали двум разным мужчинам — они потеряли равновесие и рухнули на мостовую. Послышался громкий шум и треск: это спаситель Веландер всадил топор в живот третьего из преследователей и ударил его по голове. Последние двое уже освободились от хватки жрицы, и один из них хромал, поскольку ее спаситель помял ему бока, пока он вставал. Второй сцепился с Эндри, и слышались только глухие удары, когда тела шлепались о стену. Веландер увидела, как один схватил другого за голову и бьет его о стену. Потом она увидела, что в переулке стоит лишь одинокая фигура. Жрица наконец-то смогла вынуть изо рта кляп.

— Я немного говорю по-диомедански, — сказала она.

— О да, и я тоже, — ответил по-диомедански очень, очень знакомый голос. — Эй, госпожа, с вами все в порядке?

«Эндри, — подумала Веландер. — Эндри жив». Она как-то не могла себе представить, что, когда она появится перед ним, Эндри будет мокрым, взъерошенным и грязным. Кроме того, жрица все еще находилась под впечатлением от пережитого.

— Гордость исчезла, честь осталась, — ответила она, надеясь, что он не узнает ее голос.

— Ох, хорошо. Дайте руку. Пойдем прочь отсюда.

На дороге при тусклом свете фонаря Веландер увидела, что ее спасителем действительно был Эндри. Неподалеку

появились проститутки, ищущие спасения от дождя под навесом.

— Девушки, я нашел преступников, которые пытались напасть на госпожу, — заявил Эндри и упал на колени. Его вырвало темной, пахнущей алкоголем жидкостью.

Одна из женщин подняла топор Эндри и направилась к другому концу дороги. Эндри, в промокшей от дождя одежде, скорчился на земле и оглядывался по сторонам в поисках ночлега. Веландер погладила его по голове, затем посмотрела на одну из проституток.

— Говоришь по-диомедански? — спросила она. Девушки пожали плечами. — Присмотрите за ним, — произнесла снова Веландер, хлопая Эндри по руке. — Хороший человек, храбрый. Я пошла. За помощью.

Через пару минут подошли двое патрульных из ночной стражи Варфсайда, один держал на шесте фонарь. Проститутка схватила Эндри за ногу и пыталась утащить его прочь, но поняла, что ее подруги исчезли, и решила последовать их примеру. Эндри в одиночестве остался лежать под дождем на улице, скорчившийся и спящий. Топор Веландер был рядом с ним.

— О, у него оружие! — сказал мужчина с фонарем.

— В Альберине оно есть у каждого, — ответил его спутник, толкая Эндри сапогом. — Давай-ка проверим его. Диомеданские погоны, отметины трех лезвий, изображение части герба на рукояти — о, у него под одеждой кровь!

Мужчина с фонарем склонился над Эндри:

— О да, кровь там, где ее еще не смыло дождем. Убийство где-то поблизости.

Двое караульных подошли к началу улицы и заглянули за угол, подняв фонарь. Придя в себя от ужасного зрелища,

представшего их глазам, один присвистнул, а второй направился с фонарем дальше.

— «Полуночники», — сказал тот, у которого был фонарь. — Джаррин по прозвищу «Ястреб», глава братства Ждущих и Радушных.

— Союз Полночных Проституток прислал на них больше жалоб, чем обычно.

— А что это за парень, который располосовал их?

— На нем одежда чужеземца. Какой-то воин.

Над ними появилась огромная тень, и на крышу почти бесшумно, если не обращать внимания на скрип дерева и хруст черепицы, приземлилось некое существо. Оно сложило крылья, сделавшись похожим на темную башню с двумя поблескивающими глазами. Никто его не заметил. Крадучись, прибыли другие патрульные и вскоре заполнили собой всю улицу. Два поблескивающих глаза следили, как девять тел загружали в телегу. На самый верх этой кучи положили Эндри.

Селфорд не удивился и не обеспокоился, когда во время завтрака с Парченом, королевским счетоводом, ему принесли приветственное письмо от чужеземной графини.

— Жрица из Тореи и, кстати, из Ордена Метрологов, — заметил Парчен, разглядывая письмо.

— «Срочно... при любом удобном случае... прибуду в 10», — прочитал Селфорд. — Метрологи многое делают, чтобы сохранить здоровье черни, и занимаются бесплатным обучением. Лучше встретиться с этой графиней.

— Она может быть настоящей графиней?

— Да, думаю, да. Вероятно, внебрачная дочь, которую заставили стать жрицей и послали к нам, чтобы избавиться от нее. И эта неконтролируемая эфирная конструкция...

— Серебряная Смерть.

— Да, она расплавила Торею до самого основания, и все наследники превратились в коричневый дым, а она стала графиней. Думаю, нужно устроить официальное мероприятие. Собрать пять-шесть здравомыслящих придворных и велеть Флез подать к десяти чай и ячменные лепешки на западную галерею.

Жустива посоветовала Веландер отправить письмо наследному принцу, но совсем не удивилась, когда по прибытии во дворец им сообщили, что тот нездоров, и их встретит королевский певец, Селфорд, и поприветствует Веландер в Альберине. Толпа скучные придворных источала скучные комплименты за чаем с ячменными лепешками в течение полутора часов, затем прибыл Селфорд и произнес короткую речь от имени наследного принца. Придворные тут же исчезли, оставив его наедине с двумя жрицами.

— У меня есть просьба, — начала Веландер.

— Да, это срочно? — спросил Селфорд, поднимая бровь. — Я понимаю, что Метрологи на грани разорения, поэтому представляю, какой будет ваша просьба.

— Прошу, арестуйте всех магов в Альберине и заприте их в тайной башне, — серьезно произнесла Веландер.

— Что? — воскликнул удивленный Селфорд и потом предположил, что она, вероятно, шутит. — Графиня... я... я полагаю, я должен тогда обыскать их дома и академию?

— Возьмите только книги и спрячьте их, — ответила Веландер с прежним выражением лица.

— Но почему?

— Опасность.

— Графиня, графиня, — засмеялся певец. — Вам стоит найти другой способ убедить принца пойти на это. Разозлен-

ные маги могут быть очень опасны, не нужно без повода их беспокоить.

— Ах. Тогда, возможно, маленький скандал, — начала Веландер.

— Нет лучше места для скандалов, чем королевский двор Альберина, графиня, — ответил Селфорд, подмигнув. — У нас случаются такие скандалы, о которых другие королевства не смели и мечтать.

— Старейшина Жустива? — произнесла Веландер, посмотрев на старейшину Метрологов.

— Несколько месяцев назад у бывшей старейшины Терикель была любовная связь с принцем, — сказала Жустива странно уверенным голосом. — По крайней мере, именно об этом она мне сама говорила.

— Тайны возбуждают так же, как самая бесстыдная оргия, — ответил Селфорд.

— Может, да, а может, и нет. В свою очередь, в обмен на право Метрологов воспользоваться последним в альберинском торговом флоте большим кораблем и отправиться на нем в очень опасное путешествие, она предложила развлекать принца в постели в течение нескольких часов.

— Ах, обычное средство расчета в любовных делах... используется чаще, чем золото или серебро.

— Меня попросили охранять их покой.

— Какая благодарная задача — стоять на страже, пока другие заняты любовью. Я часто делаю это для принца.

— Когда он ушел, я пошла за ним.

Рот Селфорда открылся, и его челюсть осталась в том же положении. Взгляд перебегал с Жустивы на Веландер, потом остановился на Жустиве. Он вспомнил, что надо закрыть рот.

— Когда-то я была проституткой, господин, шлюхой. Я очень хорошо знаю, как остаться незамеченной на темных улицах. Принц вошел в Ночной Салон Особого Массажа

и Лекарственных Трав мадам Фивирингли по черной лестнице, и приблизительно через семнадцать ударов сердца вы вышли через парадный вход. Мне едва хватило времени измерить шагами длину здания.

— Кому вы рассказали? — прошептал Селфорд, внезапно превращаясь в совсем другого человека.

— До прошлой ночи — никому. Затем графиня Веландер сообщила мне, что маги и академики, находящиеся в Альберине, в большой опасности, и ей не удается привлечь их внимание к своим предупреждениям. Я рассказала ей о вашем приключении со старейшиной Терикель.

— Знаете, наследный принц не может быть повсюду в одно время, — начал Селфорд. — Иногда людям нравлюсь я, и они выбирают меня...

— Прошлой ночью во дворце, в башне «Цитадель», собрался совет по благоустройству дворца, — сказала Веландер.

— Там часто проходят встречи, — ответил Селфорд, будучи полностью уверенным, что сложившаяся ситуация как-нибудь разрешится сама собой.

— Я слушала возле окна.

— У самого высокого окна самой высокой во дворце башни?

— У меня есть крылья длиной в двести футов и шея длиннее этой комнаты. Проверьте стены башни, увидите отметины от когтей. Я была там. Слушала, о чем говорили на совете. Хотите, расскажу?

— Нет! Нет, нет, нет. Знаете, лучше мы созовем другой совет. Сейчас. Сюда, через несколько минут все будут здесь.

На то, чтобы созвать совет, потребовалось почти столько же времени, сколько было нужно для того, чтобы залезть на вершину башни «Цитадель». Вскоре все устроились

в маленькой и скромно обставленной, но очень уютной комнате. Селфорд выглянул из окна, заметил несколько глубоких царапин на камнях стены и закрыл ставни. Раздался стук в дверь, и певец поприветствовал невысокого мужчину с хитрым взглядом, заостренной бородкой и лысой головой. Он нес большую книгу в кожаной обложке. С мужчиной пришла женщина приятной наружности с седыми волосами. На руках она держала поднос с ячменными лепешками, чайником и тремя чашками. Кажется, вошедшие удивились, увидев Веландер и Жустиву.

— Графиня, старейшина, познакомьтесь: это Парчен, — сказал Селфорд, похожий на генерала, объявляющего об унизительном поражении своим соратникам. — Парчен — королевский счетовод. С подносом — Флез. Она служанка. Парчен, Флез, познакомьтесь со старейшиной Жустивой, главой Ордена Метрологов. Графиня Веландер тоже является жрицей Метрологов. Она также и прозрачный дракон.

Парчен и Флез некоторое время обдумывали то, что сообщил им Селфорд, и решали, шутит он или нет. Наконец они поверили в серьезность происходящего.

— Принести еще две чашки? — спросила Флез.

— Не притрагивайся к ним, — сказала Жустива.

— Попытаешься — пострадаешь, — добавила Веландер.

— Позвольте представить вам еще кое-кого, — произнес Селфорд и потянул за драпировку, которую Жустива и Веландер посчитали частью интерьера комнаты.

Их взору предстало мумифицированное тело наследного принца со стеклянными глазами. Селфорд пододвинул кресло принца к круглому столу в центре комнаты. Веландер и Жустиве оказалось не на чем сидеть, поэтому Селфорду пришлось уйти и поискать им стулья. Когда он вернулся, Флез разливала чай членам совета по благоустройству дворца. Селфорд запер дверь и присоединился к остальным, сидящим за столом,

и стал неспешно пить свой чай. Веландер взяла миндальное печенье у Флез. Жустива сцепила руки и посмотрела на Селфорда.

— Ну? — сказала она.

— Наследный принц умер пять лет назад, подавившись клубникой в шоколаде, — начал Селфорд.

— Моей, — добавила Флез.

— Это произошло во время первой встречи с принцем после смерти его отца, — сказал Парчен. — Он посчитал мои объяснения финансового положения дворца слишком скучными и решил позвать нового певца и жонглера.

— Я же принес только свою лютню, я не знал, что мне придется еще и жонглировать, — продолжил Селфорд. — Я взял несколько ягод клубники в шоколаде у Флез и стал ими жонглировать. И время от времени ягода попадала мне в рот, и я съедал ее.

— Не говорите мне, что принц велел вам попасть ему в рот, — сказала Жустива.

— Ну, в общем, да, — ответили хором Селфорд, Парчен и Флез.

— И он поперхнулся.

— Да, — ответил Селфорд.

— Но это был несчастный случай. Почему вы никому не сказали?

— Во время встречи со мной, — произнес Парчен.

— И моего жонглирования, — добавил Селфорд.

— И моя клубника в шоколаде, — заметила Флез.

— Понимаете, начальник дворцовой стражи не очень приятный человек, — объяснял Селфорд. — Прежний король умер после того, как напился до белой горячки, и упал, пытаясь забраться по спиральной лестнице во время Посольского бала. Начальник велел казнить королевского глашатая, шеф-повара, хранителя винного погреба и дегустатора за причастность к его смерти.

— Если ему наливали столько вина, неудивительно, что он так напился, — заявила Жустива.

— Именно. Принц был жив в течение нескольких дней — в этом мы хотели всех убедить и потому стали искать для начальника причину смерти. Но все оказалось не так просто, как мы думали. Только через пять месяцев мы смогли положить его, согнув ноги в коленях, в этот шкаф. Тем временем Парчен отправился на курсы таксидермистов, поскольку принц умер.

— А я много лет подкармливала бездомных котов на аллеях Варфсайда, — произнесла Флез. — Но никому не показалось странным, что я выходила из дворца с ведрами мяса с немного резким запахом.

— Однажды начальник сменился, и у нас появилась проблема: как быть с принцем, находящемся в столь необычном состоянии, — сказал Парчен. — Я сделал этот занавес, чтобы приходящие люди могли видеть его лежащим в постели, дремлющим в кресле, сидящим на собраниях комитета по благоустройству дворца, а сзади даже можно было повернуть рычаг, и принц стал бы махать рукой народу со стены во время больших праздников.

— Не верится, что такого не заметил никто из придворных или послов, — сказала Жустива, качая головой.

— Ну, я устраиваю неплохие пирушки, — ответил Селфорд. — При пяти или шести балах в неделю придворные и остальная знать редко находятся в трезвом состоянии и что-либо соображают. Парчен так хорошо вел королевские счета, что в течение года все долги были выплачены, и император Северного Скалтикара даровал принцу медаль за эффективную экономическую политику. Флез внимательно следила за тем, чтобы никто ничего не узнал, и нам удавалось отправлять в изгнание, казнить или подкупать всех подозрительных. Месяцы превратились в годы, и...

— Так... золотой век процветания Альберина... благодаря певцу, счетоводу и служанке? — спросила Веландер, закрыв глаза и массируя виски кончиками пальцев. Как Терикель.

— По сути, да, — ответил Селфорд. — Я одного роста с принцем, наши фигуры похожи. Я отрастил себе такую же бороду и добился того, чтобы все любовные похождения принца скрывались под завесой тайны.

— Я ел то, что ел он, — признался Парчен. — Но я не пью, и Флез пришлось позаботиться о вине.

— А я люблю время от времени пропустить глоток-другой, — сказала Флез.

Жустива закрыла глаза рукой:

— Хватит! Дайте мне изложить ситуацию так, как я ее понимаю. Наследный принц Альберина умер пять лет назад, и все это время вы управляли королевством, устраивали оргии, опустошали его запасы, спали с его любовницами, наслаждались его тонкими винами и иногда смахивали пыль с его тела.

— Ну, можно и так сказать, — ответил Парчен.

— Замечательно. Совету по благоустройству, также известному как наследный принц Альберина, подчиняется каждый маг и студент Альберина. Вы организуете вывоз книг из их библиотек туда, куда я напишу: перед своим уходом я оставлю список. В свою очередь, я никому не выдам ваш секрет.

— И это все? — спросил Парчен. — Вам не нужно золото, почести, титулы, земли?

— Нет, — ответила Жустива. — А вам?

— Пожалуйста! — сказала Веландер, поднимая руку. — У меня есть одна просьба.

Эндри медленно просыпался, а вместе с ним просыпалась и боль. Его ребра словно изогнулись дугой, несколько зубов, казалось, выпали, голова была готова расколоться, и появи-

лось такое ощущение, что во рту довольно долго жило какое-то неприятное существо. Когда Эндри попытался открыть глаза, то обнаружил, как один глаз не открывается и распух.

— О-о-о, — тихо застонал он. — Все болит... О да, драка, наверно. Избили до полусмерти.

Эндри сел и осмотрелся по сторонам. Оказалось, он находится в маленьком пустом подвале. Наверху была узкая дубовая дверь, и через оконную решетку проникал свет.

«О нет. Я заперт. Опять».

Эндри подергал дверь:

— Эй, есть там кто?

— Да?

— Эй, я проснулся.

— И?

— А что я сделал?

— Убил девять человек.

— Вот черт! — воскликнул Эндри, медленно сползая по стене на пол.

Через несколько минут снаружи раздался шум, и дверь открылась. Эндри вывели двое охранников в доспехах и в необычных ярко-красных плащах. Они прошли с ним вниз по улице, где возле коляски ждало около полудюжины охранников на лошадях.

— Сир, можно мне взять расческу и умыться перед встречей с судьей? — спросил Эндри начальника охраны, который залез в коляску вместе с ним.

— У меня нет расчески, а ты не встретишься с судьей.

«Не встречусь с судьей», — подумал Эндри. Он заметил, что коляска катится по направлению к Дворцовому Холму. Там жил наследный принц, и значит, приговор был вынесен монаршим указом. Обычно так поступали с опасными преступниками, но если он убил девятерых, то, вероятно, являлся очень опасным.

Коляска с грохотом въехала через главные ворота и очутилась возле бокового входа во дворец. Эндри провели внутрь по трем лестничным пролетам. Наконец он оказался в одной из дворцовых башен. Начальник охраны представил его двум большим, крепким парням с надетыми на голову капюшонами, которые оказались королевским палачом по имени Игоньер и его учеником. Следом за ними возник маленький худой человек с лысой головой и острой бородкой. Он размотал свиток:

— Эндри Теннонер из Баржардса, внимание наследного принца привлекло убийство девяти граждан, совершенное вами прошлой ночью в переулке Варфсайда.

— Господин, я...

— Сохраняйте молчание! Вы приговорены к смерти и будете повешены на рынке Варфсайда, когда кончится дождь.

— Вот черт.

— Однако Его Королевское Высочество может пересмотреть дело при условии, что вы присоединитесь к дворцовой охране. Вы согласны?

— Это шутка? — воскликнул Эндри.

— Буду считать, что вы не против. Гвардеец Теннонер, вот серебряный нобль принца, подпишите свиток. Поздравляю, принц объявляет вас национальным героем, избавившим город от девяти опасных преступников без лишних затрат на судебное разбирательство. Игоньер, Торфен, вымойте его, приведите в порядок и выдайте форму гвардейца и одежду в течение десяти минут. Состоится короткая церемония в честь вашего посвящения, Теннонер, и мы не можем заставлять наследного принца ждать.

Лишенные возможности казнить Эндри, Игоньер и его ученик сделали процесс приведения новоиспеченного гвардейца в порядок как можно более неприятным. Эндри раздели, засунули в корыто, в котором обычно пытали водой, и стали

тереть жесткой мочалкой до тех пор, пока кожа не заблестела в темноте, затем заставили вытираться и натягивать форму гвардейца во время прохода через девять пролетов лестницы в восточную приемную дворца. Эндри пришел мокрым, но одетым и выглядел вполне прилично.

Когда Эндри оказался внутри, там уже его ждало около трех дюжин придворных, по лицам которых казалось, что они недавно перенесли тяжелые испытания. Начальник стражи толкнул Эндри к мужчине с острой бородкой. На вид ему было около тридцати лет. В отличие от остальных, мужчина не выглядел больным. Он тоже обладал какой-то странной, едва заметной самоуверенностью членов королевской семьи — подобное Эндри уже заметил во время своих путешествий по Сарголанской империи. Также он обратил внимание, что мужчина был одет в красное одеяние поверх черной шелковой рубашки, его волосы оказались черными и волнистыми, а борода — аккуратно подстриженной. Он напоминал наследного принца, чьи портреты висели повсюду в большинстве альберинских таверн. Те, кто пришел вместе с мужчиной, выражали ему свое уважение, но что-то казалось странным. «Он не может быть наследным принцем, — подумал Эндри. — Судя по балладам Уоллеса, принц не прочь выпить, а этот выглядит нормальным».

Появился герольд. В руках он держал жезл — непременный атрибут любых церемоний, но этот видимо в течение последних трех тысяч лет использовали как оружие.

— Объявляется: гвардеец Эндриан Теннонер из дворцовой стражи, прежде реккон Эндри Теннонер, в Сарголе повелением Сентерри награжденный гербом с изображением черного топора на зеленом поле, позже ставший воином Сарголанского Императорского Войска, службы разведки, в личном распоряжении императорской семьи.

Раздались негромкие вежливые аплодисменты. Герольд ударил об пол жезлом. Услышав удар, многие вздрогнули.

— Да будет известно, что в восьмой час пополудни в двенадцатый день Шестого месяца сего года реккон Теннонер в одиночку спас леди знатного происхождения, оказавшуюся в руках уличной банды под названием «Полуночники», и убил всех девятерых членов банды, тем самым положив конец ее существованию.

Снова раздались аплодисменты. Эндри показалось, что вместо хлопков в ладоши он слышит звуки джиги, исполняемой на ребеке. «Вот черт, это та девушка из аллеи, — подумал он, когда в его голове стали всплывать воспоминания о прошедшей ночи. — Вот почему я убил тех детин, они окружили ее». Герольд стукнул жезлом в третий раз:

— Да будет известно во всем королевстве, что реккону Теннонеру наследный принц выражает благодарность и с сего момента велит называть его «Национальный герой».

К Эндри приблизился мужчина в ярко-красном одеянии. — Наследный принц не может присутствовать, о чем очень сожалеет, слишком хорошо погулял прошлой ночью, ха-ха. Я Селфорд, его певец, он попросил меня поблагодарить вас за избавление Альберина от «Полуночников» и за спасение графини.

Эндри знал, что о принце следовало говорить «Его Высочество», но поскольку другой королевский музыкант был его другом, он не удивился, что певец не соблюдает формальности. Титул «графиня» не отпечатался в и без того переполненной впечатлениями голове Эндри.

— Это честь для меня, сир, — пробормотал Эндри, решив, что эти слова подойдут.

— Плохие времена настали, Теннонер. Чернь нападает на знать, они начинают думать. Принцу не нравятся люди, которые думают. Эта Стена Драконов была очень плохой идеей.

Маги управляют миром! В следующий раз инженеры попробуют завладеть миром, а потом, вероятно, даже законники.

— Вовсе нет, сир.

— А теперь, если кто спросит, говори, что ты стал гвардейцем альберинской дворцовой стражи вчера, — произнес Селфорд почти шепотом. — Я поставил на документе вчерашнее число, и ты, конечно, получишь оплату за дополнительный день.

— Господин?

— Неплохо для принца — заполучить в дворцовую стражу парня, спасшего графиню-чужестранку.

— Графиню?

— Да ладно, я же придворный певец — я просто пошутил. Твоей первой обязанностью будет охранять графиню, которую ты спас вчера ночью — только не нужно убивать столько народу, если она снова окажется в опасности.

— Графиню, сир? — переспросил удивленный Эндри, наконец-то поняв, что он спас очень важную леди.

— Да, и она говорит только по-диомедански — ты говоришь по-диомедански?

— Да, — ответил Эндри, по-диомедански.

— Замечательно, это значит, мне также не понадобится переводчик. Графиня Веландер Салварас из Зантриаса, вы уже встречались с гвардейцем Эндри Теннонером.

Эндри показалось, что Веландер возникла из небытия рядом с Селфордом, хотя она всего-навсего вышла из-за его спины. Она была одета так же, как прошлой ночью, но сейчас все на ней казалось чистым и сухим. На куртке виднелся двойной ряд серебряных пуговиц, придававший Веландер довольно лихой вид, а серебряные заколки не позволяли волнистым русым волосам упасть на лицо. Она пришла вместе с Жустивой, жрицей Метрологов.

— Гвардеец Теннонер, галантный и благородный, — произнесла Веландер, склоняясь перед ним в реверансе. — Я буду счастлива оказаться в твоих руках.

Терикель была первой, кто увидел руины Ларменталя с высоты в две мили. Свет утренней зари на горизонте выхватывал из полумрака огромные концентрические волны стекла. После прыжка Терикель несколько ночей спала в обледеневшей пещере, просыпалась поесть и засыпала снова. Солнце было уже достаточно высоко, и лучи, играя, касались стеклянных волн. То тут, то там уродливые наросты портили совершенство пейзажа, выступая, подобно пням деревьев. Это были колонны храмов и дворцов, когда-то являвшихся гордостью Ларменталя.

— Бедный Ларменталь, что с тобой стало? — тихо сказала Терикель. — Где прекрасные башни университета, где твои дворцы, такие белые, что, казалось, их построили из блоков замороженного молока?

Терикель жила в Ларментале два года и закончила здесь университет с самыми высокими отметками за целое десятилетие истории учебного заведения, а потом присоединилась к Метрологам. Она недолго могла наслаждаться красотой окружавшего ее города, но сейчас увидела его в иной, первозданной чистоте. Ларменталь был похож на красивую морскую раковину в стеклянном футляре: изящный, но мертвый.

Сидя в одиночестве в своем неуютном убежище, Терикель сделала много выводов относительно того, что раньше не хватало времени обдумать. Очевидно, с помощью заклинания она сконцентрировала в себе огромное количество энергии, которую собиралась использовать против определенной каменной кладки на другом краю света. Насколько Терикель

знала, Учитель мог дать ей свою энергию, накопленную за тысячи лет; ему было пять тысяч лет, за это время он мог создать большие запасы. Благодаря этому Терикель могла создать очень большие остроконечные крылья. Она к тому же знала анатомическое строение птиц — это помогало.

Когда буря наконец утихла и Терикель снова стала готовиться в путь, она произнесла заклинание перевоплощения, создававшего специальный защищающий от холода костюм. Попробовав несколько раз, она смогла частично извлечь из своей груди энергию Учителя и создала из нее дюжину энергетических лучей. Терикель прикрепила лучи к крыльям, и медленно взмахнула ими.

Эфирные лучи, наполненные энергией, данной Учителем, подбросили ее на десять футов над землей, и, в пятый раз взмахнув крыльями, Терикель уже оказалась высоко в небе и быстро летела над горами. Она повернула на север, осмотрела горы и неторопливо, величественно направилась в Ларменталь.

«Наверно, я не очень похожа на прозрачного дракона, но я и не прозрачный дракон», — говорила Терикель сама себе, рассматривая свою тень, передвигающуюся по блестящей поверхности Тореи.

Именно Ларменталь был тем местом, где Серебряная Смерть вышла из-под контроля. Сейчас самый красивый город Тореи лежал застывший, углубления между стеклянными волнами постепенно заполнялись дождевой водой. Теперь между концентрическими волнами стекла находились озера, повторявшие их форму. Некогда здесь находились Ларон и Веландер, и Терикель тогда хотелось присоединиться к их маленькому элитному сообществу. И вот сейчас она снова была на земле Тореи, хотя и покрытой снегом. Терикель достигла своей цели. Мертвый Ларменталь был как-то по-особенному красив, и это ее очень расстраивало. Результату столь могущественного зла и воплощению смерти не следует так пленять взор.

Затем она повернула снова на восток, но на этот раз не пыталась набрать высоту. Терикель двигалась вперед благодаря взмахам мощных, сильных крыльев, используя энергию Учителя для сжатия лучей. Неподалеку ярко заблестела река Бакс — иная стихия серебряного цвета, переливающаяся на безжизненной поверхности. Терикель пролетела над слиянием рек Бакс и Диоран, затем увидела расплавленный город на берегу реки Диоран. Здесь когда-то пришвартовалась «Лунная тень». Об этом рассказывал Ларон. Небо было достаточно ясным, и в голову Терикель пришла грустная мысль: на континенте, гибель которого породила торейские бури, погода стояла лучше, чем в Альберине.

Облака не появлялись вплоть до Залива Островов. Сами острова напоминали бледные, отшлифованные опалы, выложенные на темно-синем бархате моря. Западные ветра были здесь гораздо слабее, и Терикель продвигалась медленно. Миновав побережье, она заметила, что на полуострове Клолан наступила ночь, хотя там, где летела она, по-прежнему светило солнце. Терикель начала отсчет.

— Терикель.

Магическое заклинание, созданное ей самой, раздражающе-упрямо повторяло ее имя, не давая заснуть.

Миновав полуостров, Терикель оказалась перед безграничной поверхностью Среднего Океана Бесконечности. До Дакостианского побережья оставалось шесть тысяч миль. Терикель никогда не была в Клолане до гибели Тореи. Здесь жили в основном крестьяне. Они не строили университетов. Даже маги казались какими-то непохожими на магов с других материков. Терикель почувствовала, что ей следует снова обдумать некоторые детали своего путешествия, но видимость была слабая из-за полумрака, и приходилось концентрироваться.

— Терикель.

Заклинание произнесло ее имя, но Терикель было не до сна. Она была не только одной из немногих жителей Тореи, кто выжил после пламени Серебряной смерти. Она стала одной их еще более немногих, кому довелось вернуться домой. Дом. Терикель на самом деле считала это место домом. Сюрреалистичный, замерзший дом из расплавленного стекла, но все-таки дом.

Наследный принц Далзори был известен своими непредсказуемыми поступками, и когда он превратился в декадентствующего тирана, это повергло в ужас летописцев настоящего и историков будущего. Рассказывали, что он поднимался вместе с первыми лучами солнца, изменял внешность и отправлялся во дворец, чтобы проверить, надлежащим ли образом ведут себя его придворные.

Селфорд обычно начинал день в подземельях под дворцом, где сидели политические противники Далзори. Селфорд выводил их на часовую гимнастику в зал, который когда-то был огромной камерой пыток. По мнению заключенных, он по-прежнему ею и оставался. По окончании гимнастики узники спешили обратно к себе на короткий отдых. Говорили, Далзори нравилось, чтобы пленники были здоровыми.

Поговаривали, принц Далзори принимал ванну в мраморном бассейне в центре королевской обеденной галереи, но никто ни разу не застал его за подобным занятием. Те придворные, что уже проснулись или еще не добрались до своей постели, завтракали и обсуждали дорогие яства, редкие вина, интересные сплетни и иногда даже государственные дела.

Далзори завтракал один. Обычно он съедал омлет и тост с кольцами лука. Когда у него было особенно плохое настроение, принц намазывал тост маслом. Ему нравилось назначать наказания с утра пораньше, поэтому он зачитывал

список провинившихся и посылал вердикты со своим счетоводом, Парченом. Придворные, исключавшиеся из ночной оргии, подлежали наказанию сразу после завтрака. Иногда, в особо важных случаях, обидчика изгоняли на месяц, но к таким крайним мерам принц прибегал редко. Хотя Далзори и считал себя настоящим борцом за дисциплину, он не был садистом.

Наследный принц обладал некими отличительными чертами, которые делали его эффективным правителем, несмотря на его необычное поведение. Он читал в два раза быстрее, чем большинство других людей, складывал и вычитал числа в уме подобно опытному клерку, помнил названия, причины, политические связи и скандалы лучше придворного историка и спал два-три часа в течение ночи. Кроме того, у принца была цель, которой его более заурядные соперники и враги никогда не смогли бы добиться.

Как известно, в тот день Далзори, переодевшись, бродил где-то, пока Селфорд пробовал пищу, приготовленную сарголанским поваром, прибывшим из таверны «Светильник» пару ночей назад. Хотя Селфорд съел немного, все оказалось невероятно вкусно. Когда он закончил, он велел вызвать к себе этого повара. Герольд вновь ударил жезлом о пол.

— Представляю бывшего наемника Уоллеса Бейкера из империи Саргол, — объявил герольд, и лакей вывел смущенного Уоллеса в центр площадки. Тот в страхе посмотрел на еду, в большом количестве стоявшую перед Селфордом. Певец поднялся и стал медленно ходить вокруг Уоллеса.

— Так, Уоллес Бейкер, вы высокий, сильный, здоровый и стройный мужчина, — начал певец принца, и приглашенные придворные перестали есть и разговаривать, обратив на них внимание. — Никогда не полагайся на худого повара — хорошее выражение, как я считаю.

— Разрешите сказать, сир?

— Да?

— Это очень глупое выражение.

— Правда? Я навел о тебе справки, мне нравится знать все о подданных принца. У меня довольно длинный и довольно интересный доклад о тебе. Во-первых, я знаю, что твой пенис превратился в дракона с именем Уилли, и, во-вторых, у Уилли очень высокие моральные принципы. Он защищает твою непорочность и следит за общим самочувствием. Герольд, ударьте его в пах.

Герольд вышел на площадку и сделал то, что ему велели. Послышалось сильное шипение, и из-под туники Уоллеса полетел сноп пламени, искр и дыма. Герольд закричал, попытался отпрыгнуть и упал с площадки, оставив в зубах Уилли позолоченную лайковую туфлю. Уилли отбросил ее в сторону и исчез под складками туники. Придворные вежливо захлопали в ладоши. На горящую туфлю наступил стражник, потом выкинул ее и увел прочь герольда, который находился в состоянии между приступом истерики и нервным срывом.

— Замечательно, принцу понравятся доказательства тех необычных и фантастических фактов, что указаны в докладе, — сказал Селфорд. — Так, читаем дальше... Вы когда-то были Мильвариосом из Турлоссена, мастером музыки при сарголанском императорском дворе. Скучно. О, тут написано, Вы — худший бард на всем континенте Акрема и, вполне вероятно, во всем мире. Вот это уже интересно.

— Да? — воскликнул Уоллес.

— В-четвертых, вы, очевидно, умертвили императора Саргола.

— «Умертвил» — сильно сказано, сир.

— Он был скучным человеком без пороков. Он мог начать войну, в которой погибли бы целые города и миллионы людей, просто потому, что их правители вели себя... ну... как наш принц. Вы наемный убийца? Или по личным мотивам?

— Сир, вы не понимаете.

— Это же не идеализм, да? — спросил Селфорд, внезапно став подозрительным.

— Это была группировка злоумышленников, — медленно произнес Уоллес, неожиданно поняв, что, вероятно, принц и император находились не в лучших отношениях.

— Наемник, отлично! Принц так ненавидит идеалистов, у них появляются идеи. Приятно видеть простых наемных убийц, не обремененных идеализмом. Дальше... известный прелюбодей, лгун, трус и зануда.

— Это слишком сильно сказано, сир.

— А в десятом пункте говорится, что храбро сражался в битве... м-м-м... в битве у моста через Рейсвотер. О дорогой, это неважно.

— Но я дезертир, сир. Я сбежал из личной стражи самой принцессы Сентерри.

— Да? Интересно. Принцу, конечно, потребуются доказательства. Так, вы спасли нескольких людей от прозрачного дракона в Кловессере.

— Только потому, что к моему уху был приставлен арбалет, сир.

— А как насчет путешествия на маленькой шхуне через пролив Страха?

— Меня затолкали на борт, сир, тумаками и криками. Пяти сильным мужчинам потребовалось...

— Замечательно, я знал, что найдется объяснение. Однако пункт тринадцатый будет трудно понять. Вы проехали много сотен миль со старейшиной Терикель из Метрологов и не соблазнили ее.

— Я пытался, сир, но она обиделась, и из-за ее заклинания я чуть было не лишился руки. Видите обожженную...

— Ха, это может быть от горячего подсолнечного масла. Вам придется придумать объяснение получше, Уоллес Бейкер.

— Сир, на балу в честь принцессы Сентерри в Глэсберри я соблазнил горничную и графиню Белльсарион за три минуты.

— О да, я читал ее отчет о том бале, но она не называла имен. Это вы «с хорошо подвешенным, но безвкусным языком»?

— Вероятно, такое впечатление я произвел на нее, сир.

— Замечательно, замечательно, вы отлично подходите. Мне нужно каждый час делать доклад о... О, я почти забыл. У вас есть опыт руководства группой кухонных работников? Вам придется время от времени готовить приемы, скажем, раз в два-три дня.

— У меня есть опыт руководства струнными квартетами и оркестрами, сир.

— Не важно, музыканты, повара — одно и то же. Ладно, пойдемте на кухню, Уоллес. Слуга принесет вам свитки на подпись, а также меню для довольно необычного приема сегодня вечером.

На повестке дня у наследного принца была не столько ночь с наемными убийцами, сколько вечерний чай с похитителями. Всех высших магов, жрецов и академиков, оставшихся в городе, немедленно арестовали и заключили под стражу в дворцовых покоях и темницах, где они обнаружили охлажденное красное вино и паштет из гусиной печени с пикантными рисовыми лепешками. Тем, кто попытался произнести опасные заклинания, заткнули рот, затем отправили в камеру пыток для вечерней гимнастики. Через час заключенные бросились наутек в свои комнаты, а Селфорд стал разговаривать с мастером утонченных пыток, Игоньером.

— Я не совсем понимаю, почему нам нужно было арестовывать всех этих высокоученых людей, но раз уж они здесь, можно применить к ним что-нибудь особенно ужасное, — заявил Селфорд.

— Для Гарриса, вероятно, соберем группу женщин, которые будут расспрашивать его о плотских утехах? — предложил Игоньер.

— Я не знал, что он интересуется плотскими утехами, — ответил Селфорд. — Во всяком случае, неизвестно, с кем.

— Именно, господин. Просто примените к нему заклинание истины на глазах у всех.

— Ах да, правильно, так и сделаем.

— А теперь эта конфетка — высокоученая Уэнсомер Каллиентор. Она единственная во всем мире посвященная тринадцатого уровня, которая отказывается от признания своего тринадцатого уровня. С ней не очень-то просто.

— Принц ненавидит ее, — твердым голосом сказал Селфорд. — Полгорода думает, что у нее веселее, чем у него.

— Ну, Уэнсомер — необычная женщина: толстая, ленивая, лишенная амбиций; любит высоких, стройных, крепких воинов, неутомимых в постели, и еще любит кремовые пирожные, разные изысканные яства и крепленые вина. Большую часть времени проводит за едой, танцем живота, занятиями любовью. Обожает дорогое шелковое нижнее белье, которое едва прикрывает ее огромное тело, и лежит на подушках в форме определенных человеческих органов, читая ученые трактаты о неприличных магических заклинаниях.

— Не беспокойся, я уже решил ее судьбу, — ответил Селфорд.

— Лорд Селфорд, из всех арестованных людей она — самая загадочная. Остальные — маги-недоучки, творческие гении, убежденные противники чего-нибудь, жрецы-неудачники и академики, увиливающие от своей работы. Уэнсомер — могущественная одаренная волшебница, даже говорят, что она лично уничтожила Серебряную смерть, древнее эфирное оружие, расплавившее Торею. Уэнсомер — не такая, как другие.

— Она так же обладает самым высоким уровнем посвящения из всех магов в Скалтикаре и может собрать этот идиотский Совет Высших Магов. Так уже было в той ситуации с магами, поддерживающими Стену Драконов. Думаю, в тот раз заклинание-послание Уэнсомер приняло форму двух разговаривающих ягодиц, и теперь ей мстят за обиду.

— Глупо с их стороны, ведь они обладают силой богов.

— Нет, они боятся ее. Помни, она разрушила Серебряную смерть — невероятно могущественное эфирное оружие.

Приготовив еду, попробовав ее и вдоволь покричав на кухонную прислугу, Уоллес весь день испытывал приступы раздражения и был близок к нервному срыву, когда начался вечерний прием. Слуги унесли тяжело нагруженные подносы и тарелки и, вернувшись назад, рассказали, что гости в восторге от кушаний. Уоллес взял кувшин дорогого вина, шлепнулся на скамейку, вытащил пробку и стал лить вино прямо себе в рот. Почти ничего не попало мимо. Затем Уоллес отбросил кувшин в сторону, он разбился о край камина.

На самом деле он не собирался шпионить, но ему нравилось смотреть на людей, наслаждающихся едой, приготовленной его руками. Уоллес медленно встал, пошатываясь, дошел до дворцовой прачечной, попросил наполнить бак теплой водой и, не раздеваясь, залез туда. Целый час он снимал одежду прямо в воде, потом позвал лакея и послал его за пакетом с чистой туникой и полотенцем. Вернувшись, чересчур усердный лакей по ошибке попытался вытащить мокрую одежду Уоллеса из бака. На поверхности появилась голова Уилли и стала изрыгать огонь. Лакей с криками кинулся прочь. Уоллес рассердился, поскольку полотенце оказалось вне пределов его досягаемости.

Закончив одеваться, он почувствовал во всем теле необыкновенную легкость и свежесть. Внезапно Уоллес вспомнил об одной важной детали и полез в пакет. Он не носил защиты со своего приезда в Альберин, но, убедившись в разрушительных способностях Уилли, решил снова ей воспользоваться. Защита представляла собой металлический шар с веревочками, немного напоминающий сердце, с мягкими прокладками по краям и внутри. Уоллес снял брюки и показал его Уилли. Тот подозрительно осмотрел приспособление: ему уже когда-то уже приходилось там сидеть.

— Это чтобы твоя жизнь стала проще, Уилли, — уверял Уоллес маленького дракона. — Помни, все ужасные люди не смогут добраться до самых нежных и интимных частей моего тела. Он остановит их прежде, чем ты обожжешь или укусишь их.

Уилли не умел улыбаться, но, казалось, смирился с перспективой вновь оказаться в заключении.

— Штанам и тунике тоже будет проще, — пробормотал Уоллес, связывая веревочки.

Поднявшись по ступенькам в пиршественный зал, он услышал среди музыки, смеха и разговоров крики. Кричала женщина — словно бы в агонии в камере пыток. Уоллесу показалось, что ей пытаются заткнуть рот. Он пошел туда, где распорядитель приема, ожидая приказов принести следующее блюдо или устроить новое развлечение, наблюдал за пирушками, оргиями и балами, стоя на балконе. Рядом с распорядителем на случай появления незваных гостей находилось четверо вооруженных стражников.

Уоллес постучал в дверь, и через несколько минут она открылась.

— Ах, мой дорогой повар, добро пожаловать, — поприветствовал его распорядитель. — Невероятно, невероятно вкусно. Особенно еда для пыток.

— Еда для пыток? — спросил удивленный Уоллес.

— Да, да, настоящий шедевр. Проходите, присаживайтесь.

К стулу на круглой площадке была привязана женщина, и все придворные со своих мест могли ее видеть. На ней оказался костюм исполнительницы танца живота, и перед ней стояла очень большая свинья, которую герольд держал на красном поводке. Свинья вот-вот готовилась схватить с тарелки ореховые пирожные — предмет особой гордости Уоллеса. Герольд ударил жезлом об пол.

— Охлажденный медовый крем и кокосово-миндальное печенье с кусочками шоколада, — объявил он, и придворные захлопали в ладоши.

На каждый стол несколько лакеев одновременно поставили подносы. Также принесли отдельный поднос без крышки для свиньи и положили его на пол. Свинья начала пожирать печенье, а женщина закричала от возмущения сквозь кляп во рту. Некоторые из придворных засмеялись и захлопали в ладоши.

— Ах, наш принц Далзори, он иногда превосходит сам себя, — гордо сказал распорядитель.

Оцепенев от потрясения, Уоллес посмотрел на столы и заметил, что все странно одетые, а чаще вовсе раздетые гости уже еле двигались от переедания. Селфорд в неброском черном шелковом одеянии, улыбаясь, сидел на троне и медленно попивал из стакана воду. Уоллес оглянулся на женщину, которая показалась ему знакомой. Когда-то она обладала хорошей фигурой — но сейчас располнела. От сострадания к несчастной, словно от острой боли, Уоллес почти согнулся вдвое.

— Кто это? — тихо спросил он.

— О, великая волшебница Уэнсомер, — ответил распорядитель.

— Но что она сделала?

— Устраивала слишком много пирушек и оргий, которые считались лучшими, чем у принца. Не беспокойся, приблизительно через месяц ей скажут, что произошла большая ошибка, свинью посадят на вертел, а высокоученую Уэнсомер пригласят на праздник.

Когда Уоллес ушел с балкона, его голова кружилась. Певец упустил в своем досье то, что, хотя Уоллес Бейкер и был трусом и уличным невежей, он оказался способен на храбрые, не эгоистические поступки. Снова вспомнив о Уэнсомер, он исчез за углом.

Уже давно стемнело, когда Эндри и Веландер наконец решили вылезти из постели, помыться и одеться. Эндри заметил, что от Веландер пахло розами и мускусом, и она надевала чистое, выглаженное белье.

— Ларон спас меня от смерти. Показал мне, как выжить. Ты спас меня от бессмысленного существования. Заставил меня захотеть жить. Снова. Сегодня ночью будет нечто особенное.

— Еще более особенное, чем было у нас весь день? — засмеялся Эндри. — Это невозможно.

— Нет. В предыдущие дни Мираль чаще всего был внизу. Я жива.

— Не уверен, что понимаю тебя.

— Ты видишь, что я живая. Мираль поднимается — я дракон. Тело мертво, но я двигаюсь, говорю, кровь теплая. Все благодаря эфирной энергии. Сделай из меня что-нибудь. Без тела. Дракон в виде Веландер. Или, может быть, дракон в виде дракона.

— Эй, он убьет меня? — спросил Эндри, из всех сил стараясь понять.

— Драконы-наставники говорят «нет». А сейчас пойдем вниз по улице в таверну, взявшись за руки. Люблю, когда ты играешь на ребеке. Я послушаю.

— Мой ребек! Вчера ночью Эссен сказал, что возьмет его, ведь я едва стоял на ногах.

— Тогда пошли искать Эссена. Время есть.

Глава 10
Рождение дракона

Погода в тропиках была скорее переменчивой, нежели совсем плохой. Терикель миновала побережье Тореи на высоте двадцать тысяч футов, повинуясь воздушному течению, которое относило ее на восток или, точнее, на северо-восток. Под ней лежали облака, постепенно превращающиеся в грозовые тучи. Их было много. Терикель начала медленно набирать высоту, понимая, что гроза могла подняться выше, чем та высота, где она еще могла дышать.

Лететь как дракон — это словно ехать на лошади. В руках оказывалось больше силы, чем прежде, и для этого не нужно было ничего делать. Словно лежишь в постели. Терикель подумала о волшебнице, которая научила ее летать. У Уэнсомер были проблемы с весом, поэтому ей не нравилось выбираться из постели до полудня, и она страдала от склонности к чревоугодию. С одной стороны, Уэнсомер казалась последней, кто бы стал учиться летать, но сейчас Терикель поняла, что это являлось легким и расслабляющим занятием. Именно поэтому волшебница любила его. Расслабление тоже было большой проблемой. Заснешь — и заклинание, не прикрепленное к чему-нибудь материальному, могло исчезнуть за полчаса. Если летишь достаточно высоко, то хватало времени на создание новых крыльев. Но просыпаться было делом рискованным и опасным.

— Терикель!

Заклинание произносило ее имя каждые пятнадцать минут. Она совсем не спала, но полное спокойствие считала непозволительной роскошью. Все могло закончиться очередным долгим падением. Небо потемнело, когда солнце скрылось за горизонтом позади нее. Облака под Терикель озарились красными, оранжевыми, розовыми и золотыми вспышками, вдалеке мелькали белые, фиолетовые и иногда зеленые молнии. Терикель лениво приземлилась, чтобы посмотреть на закат солнца, затем сделала круг и полетела дальше.

— Терикель!

Цвета позади нее поблекли, но молния блистала по-прежнему. Терикель была в тропиках, и Уэнсомер говорила ей, что раскаты грома могли подняться туда, где... Она попробовала провести в уме подсчет. Шестьдесят тысяч футов. Она могла дышать на расстоянии лишь в тридцать тысяч футов, и, кроме того, это оказалось в три раза выше ее нынешнего положения. Нужно обойти стороной раскаты грома, перелететь их невозможно.

Появились звезды и Лупан. Терикель собралась с духом и направилась вперед. До Дакостии даже по самым надежным картам и схемам, которые она изучала, было семь тысяч миль. Над океаном. Океан Бесконечности оказался и в самом деле огромным. Его длина превышала двенадцать тысяч миль с юга до экватора — половину всего мира в обхвате. Его мало исследовали, никто не хотел туда плыть. Даже до торейских бурь ни один человек не пересекал Океан Бесконечности. Полет может расслаблять, но если летишь долго, то болит все тело.

— Терикель!

И все-таки она станет первым человеком, который перелетел через Средний Океан Бесконечности. Кто-нибудь другой может попробовать пересечь Южный Океан Бесконечности. Там, где не было ни пяди земли, бушевали ураганы,

с ревом носясь над Оксиданическим океаном и сталкиваясь друг с другом в проливе Страха. Это стало обычным явлением. Во время торейских бурь небо и земля словно перемешивались. Казалось, наступал конец света.

Терикель поднялась к звездам и взглянула вниз. Наклонив крылья, она скорректировала свой курс и впервые позволила себе забыться коротким сном. Дальше предстояло лететь с подобными передышками в течение следующих восьми дней.

— Терикель!

Она вздрогнула и проснулась, затем восстановила в сознании образ крыльев. И снова задремала.

Терикель летела уже пять дней, когда заметила Стену Драконов. Начинался вечер, и океан внизу был затянут облаками. Из-за заката они мерцали словно большой лес из светящихся темно-красных деревьев, и Терикель собиралась снова вздремнуть, но вдруг заметила, как озарился весь восточный горизонт.

На мгновение она растерялась. Неужели вместо востока она летела на запад? Терикель резко приземлилась и посмотрела на солнце. Половину диска закрывали облака. Терикель сделала круг. Противоположная сторона неба по-прежнему мерцала. Сияние было золотого и оранжевого цвета, к которому примешивались отблески заката.

— Терикель! — пискнуло заклинание, но сейчас Терикель стало совсем не до сна.

Она решила сделать круг побольше. Вероятно, Терикель совсем потеряла свет времени и перепутала восход с закатом. Прошло несколько минут, и она увидела, как солнце садится за облаками на горизонте. Ориентируясь по звездам, она

решила лететь в прежнем направлении. Сияние на востоке не исчезло. Но это не был отблеск заката. Терикель не видела Стену Драконов с такой высоты, но все-таки она казалась знакомой: огромная радуга, венчающая оранжевый светящийся занавес. Если это Стена Драконов, эфирное оружие... какая-то бессмыслица. Согласно господствующим в настоящее время теориям о длине мира, Стена Драконов должна была находиться как раз на противоположной стороне, а не там, где она видела ее сейчас. По небу над Терикель медленно двигалась голубая линия, вращаясь вокруг Стены Драконов.

В Терикель заговорила жрица Метрологов. Если сомневаешься, измерь то, что можно измерить. Она прикинула расстояние от нескольких наиболее ярких звезд до двух лунных миров. Получилось около дюжины градусов к северу от экватора. Это означало, что Терикель находилась над пустынями Северной Акремы, немного севернее каменной кладки Вейстланд. Она подумала было полететь под облаками, но отказалась от этой идеи. Пустыня выглядела так же, как и океан в темноте: непроглядная чернота. С другой стороны, вертикальная колонна голубой энергии врезалась бы в небо в районе каменной кладки Вейстланд и дальше через облака прошла бы до самой Стены Драконов. Это бы помогло Терикель. Она могла бы последовать, ориентируясь на Стену Драконов на юг, приземлиться в пустыне возле каменной кладки Центрас, убрать крылья и доставить дар Учителя к месту назначения.

Терикель сделала большой круг, повернув на юг и спускаясь туда, где преобладающие западные ветра не были такими сильными. Прошло несколько часов, и она посмотрела на звезды. На расстоянии в десять градусов к северу от экватора не было никакой эфирной мерцающей колонны голубого цвета, поднимавшейся с каменной кладки Вейстланд.

Конечно, Терикель не могла поверить своим глазам. Каменные кладки находились на расстоянии десяти градусов друг от друга. Однако Терикель никогда не была в каменной кладке Вейстланд. Вероятно, ее построили в неверном месте, и никто ничего не заметил.

Прошло несколько часов, но Терикель не спала. На рассвете она уже оказалась на расстоянии в пять градусов к северу от экватора. Стена Драконов по-прежнему оставалась на небе, и западный ветер нес ее именно туда. Хотя Терикель и пыталась лететь параллельно с магической эфирной конструкцией, она пролетела всего сто миль, и это в лучшем случае. Под ней раскинулись бесконечные облака. Они затягивали горизонт. Везде. Когда тьма рассеялась, Стена Драконов превратилась в оранжевый занавес в голубом небе. Но ее свет никогда не гас полностью, даже в полдень.

Терикель решила спуститься под облака, когда ночь кончится. Тогда песчаные дюны не кажутся похожими на волны и двигаются гораздо медленнее. Так или иначе нашлось бы место для приземления. Высоту набрать удалось с трудом, и потому быстро снижаться не хотелось, хотя Терикель сейчас было легче лететь, чем когда она пыталась пересечь пролив Страха. Потребовалось время, чтобы принять решение.

Снижение с высоты четырех миль до одной мили заняло около часа. Главным препятствием оказались облака. Спустившись, Терикель попала под дождь. Это было плохо, поскольку дополнительный вес на крыльях сильно отвлекал ее и не давал подняться. Вокруг кружились тяжелые серые облака, и сильные порывы ветра хлестали Терикель по крыльям. Если бы она оказалась над горами, окруженными облаками... то не знала бы, что делать дальше.

Когда Терикель наконец вынырнула из тумана, то до воды оставалось приблизительно двести футов.

Океан. Но на расстоянии в семь тысяч миль не могло быть никакой воды. В голову пришла мысль, что это полоса орошаемой пустыни, но волны казались более похожими на огромные океанские валы, чем на рябь на отмели. Терикель уже видела такое во время путешествий на «Лунной тени», «Мегазоиде» и «Буйной пташке». Набирая высоту, она начала медленно хлопать крыльями. Сжатие! Раздались шипение и потрескивание, доносящиеся от эфирной энергии, когда дар Учителя сжал лучи ее заклинания. Расслабься! Терикель еще немного набрала высоту. Из-за сильного дождя и размаха ее двухсотфутовых крыльев лететь стало сложнее, чем при ясной, безветренной погоде, стоявшей в пяти милях отсюда. Только поздним вечером Терикель смогла вновь пробиться сквозь облака. Взглянув на восток, она поняла, что не удалилась и на десять миль от Стены Драконов. По ее подсчетам, ей пришлось взмахнуть крыльями триста пятнадцать раз. А сколько потребовалось эфирной энергии? Что осталось от дара Учителя?

Задумавшись, Терикель попыталась понять то невероятное, что произошло. Судя по всему, она находилась над океаном, которого не могло быть. Или она пролетела лишних полмира. В десяти градусах к экватору, где, по-видимому, располагалась каменная кладка Вейстланд, не оказалось никакой колонны. Единственным объяснением этого служило лишь то, что Стена Драконов не прерывалась, а опоясывала мир. Однако тогда поглощенная ею энергия не могла бы рассеяться. Если бы повсюду не были построены каменные кладки, то, вероятно, Стена Драконов походила бы на крутящееся колесо со спицами только в одной половине. Вскоре колесо стало бы шататься и развалилось бы на части. Даже одна спица на противоположной стороне обеспечила бы большую

устойчивость. А там была эта спица, в середине Океана Бесконечности? Тогда она должна находиться прямо на экваторе, поскольку вокруг нее вращалась голубая линия.

Пока все эти мысли проносились в голове Терикель, она заметила вдалеке голубой столб света. Столб выходил из облаков и простирался по всей длине радуги вплоть до края Стены Драконов. Терикель знала, что экватор близко. Находящаяся там каменная кладка обеспечила бы прочность и стабильность — но стабильность для чего? Энергия вряд ли бы хлынула в землю или в небо. Две экваториальные каменные кладки означали, что кольцо вращения закреплялось в двух точках и вертелось вокруг них. Следовательно, кольцо могло накопить энергию, не подвергаясь воздействиям колебаний высших концентраций энергий. Если энергию было так легко накопить... тогда, наверно, не существовало ограничений ни в мощи Стены Драконов, ни в том, для чего ее можно было использовать.

Каменная кладка Каунтер оказалась на острове, покрытым вулканическим пеплом. Его восточное побережье переходило в шельф, равный по площади небольшому городу. Именно там и находилась каменная кладка. Вокруг острова не стояло пришвартованных кораблей, на нем даже не было никаких зданий. Однако внизу Терикель заметила шевеление и стала пристально вглядываться. На поверхности показалось нечто, по форме напоминающее невероятно большую рыбину, растянуло в стороны огромный рот и снова нырнуло. Морские птицы казались точками на воде по сравнению с ней. Так думала Терикель, находясь в двухстах футах от чудовища. Ни один корабль не выдержал бы нападения этого существа, и если на другой стороне Стены Драконов и находились какие-нибудь суда, то они не могли приблизиться к острову. Следовательно, только морские птицы и прозрачные драконы были в состоянии добраться сюда. Заклинания драконов оказывались

видимыми любому, находящемуся в том странном состоянии духа, когда открывается эфирная сущность мира. Все, поддерживающие каменные кладки, находились в этом состоянии, и они замечали дракона издалека. А драконы, ища чистую эфирную энергию, выслеживали таких магов. По сравнению с их могуществом заклинание крыльев Терикель было совсем слабым. И разве кто-нибудь его заметит?

— Конец настанет так быстро, что я его и не замечу, — прошептала Терикель про себя, готовясь к прыжку.

На западе показалась широкая полоса черного песка, и, приближаясь, Терикель начала разминать и вытягивать ноги. Она собиралась поймать ветер, дующий с юга, ветер, который был немного быстрее ее. Терикель снизилась, паря подобно чайке над черной прибрежной полосой, и мягко приземлилась на песок.

«Так хорошо я еще никогда не садилась, а ведь это всего лишь пятое мое приземление», — сказала она сама себе, начиная сбрасывать крылья. Ливень превратился в мелкий дождик, но даже тот почти закончился, когда Терикель решила обойти вокруг вулкана. Остров оказался не особенно большим, и с одной стороны он был сильно завален пеплом. В плодородной почве росло несколько кустарников, но деревьев не было. В воздухе витал неприятный резкий запах серы, было тепло и влажно.

Бредя по шлаку уже дольше часа, Терикель увидела каменную кладку. Издалека ей показалось, что именно этого она и ожидала: каменная кладка полностью состояла из прозрачных драконов. Там было лишь четыре концентрических кольца вместо шестнадцати, но прозрачные драконы сидели не на камнях, а, скорее, занимали удобные им позиции.

На спине, в том месте, где обычно находятся крылья, у них светились голубые лучи, которые, поднимаясь в небо, растворялись друг в друге и образовывали столб. Едва заметный блеск эфирного занавеса — Стены Драконов — был заметен и на севере, и на юге.

Терикель задумалась, что же делать дальше. Все казалось окутанным тайной, но ответы на любые вопросы появлялись сами собой. «Расположение каменных кладок Стены Драконов ведь вовсе не было выбрано удачно, — осознала вдруг Терикель. — Если сдвинуть ее на несколько сотен миль, то она бы стала гораздо ближе к большинству городов, а с ними и к тем удобствам и удовольствиям, которые так ценят маги». Стена проходила через самые обитаемые места прозрачных драконов в Акреме и Торее. Вот и ответ на вопрос о расположении. Какой-нибудь кладке нужно было обязательно находиться на противоположной стороне мира, поэтому каменная кладка Каунтер располагалась именно здесь.

«Драконы, повелевающие каменной кладкой», — подумала Терикель. Наконец-то стало ясно. Каменная кладка, видневшаяся вдали, походила на длинный рычаг под огромной, тяжелой скалой. И скала могла зашататься от прикосновения ребенка.

Терикель почувствовала себя уязвимой, но в каком-то смысле она находилась в безопасности. Ни один дракон или незваный гость не был в состоянии незамеченным добраться до острова, а те, кто устроились на каменной кладке, просто не верили, что существует другая возможность попасть сюда. Ее заклинание крыльев обладало малой силой, и драконы каменной кладки Каунтер не могли заметить его. А когда крылья исчезли, Терикель стала совсем невидимой для магов. Еще оставался дар Учителя, и хотя у нее нашлась бы энергия для взлета, дар был слишком глубоко спрятан, и потому незаметен. Терикель говорили, как избавиться от заклинания,

но ей также говорили, что она должна принести его сюда. Теперь она была на месте. Терикель не могла думать ни о чем другом, кроме своей миссии.

Она осмотрела маленькую равнину, залитую лавой. Растительность на ней отсутствовала. Но те, что наблюдали за происходящим, все равно скорее всего не могли заметить человека. «Я верю в это или всего лишь надеюсь?» — подумала Терикель. — Большая разница». Она начала продвигаться вперед. С ней ничего не случилось, ничто не шевелилось, кроме нее самой. Терикель подошла к ближайшей бреши между драконами во внешнем кольце. Свет вокруг нее стал бледно-голубым, кожу защипало. Прозрачные драконы слепо парили над ней, хотя они могли и быть сверкающими, просвечивающими фигурами. Терикель миновала следующее кольцо и услышала сзади шипящий треск. В воздухе запахло испарениями вулкана.

«Что случится, если я разрушу заклинание?» — подумала она. Наверно, в даре Учителя была накоплена эфирная энергия за тысячу лет. Драконы его тут же заметят. Терикель уверенно прошла следующее кольцо прозрачных драконов. Недалеко находилось и последнее кольцо. Терикель знала, что разрушит заклинание, это было неизбежно. Вероятно, Учитель принял в расчет ее решимость, когда давал ей задание. Учителю исполнилось более пяти тысяч лет, и мотивы его поступков были не только неизвестными, они являлись необъяснимыми. Терикель решила довериться Учителю, надеясь, что для него ее жизнь была дороже, чем лучнику его стрела.

Она остановилась перед центральным драконом. На нем не было брони, сплетенной из эфирной энергии, и он казался более просвечивающим, чем остальные. Внутри виднелись очертания темной фигуры мага. «Он замечает меня?» — подумала Терикель. — Если нет, то скоро заметит».

Терикель произнесла заклинание и быстро прижала руку к груди. Когда она отдернула ладонь, на ней лежал черный шар. Терикель глубоко вздохнула и, поразмыслив о том, что может ждать ее в загробной жизни, попыталась взять себя в руки. Затем она произнесла заклинание освобождения. Поверхность шара стала переливаться разными цветами и, наконец, стала ослепительно белой.

— Прижми меня к центральному дракону, затем уходи, пока не стало слишком поздно, — раздался голос Учителя, который говорил медленно и четко.

Терикель тут же приложила шар к боку дракона и как можно сильнее прижала его. Он растворился в прозрачной коже так же легко, как студень проходит через сито. Терикель сделала шаг назад и, посмотрев на руку, очень удивилась, что она все еще принадлежит ее телу. Оглянувшись назад, на прозрачного дракона, Терикель увидела, как по нему разливается яркий багрянец, и он начинает дрожать. Терикель повернулась и побежала на негнущихся и онемевших от долгой неподвижности ногах.

Ничто не сдвинулось с места, когда она проходила через кольца прозрачных драконов, но сзади разгорался ослепительно-красный мерцающий свет. Мерцающее заклинание – нестабильное заклинание. Это было заклинание, и оно мерцало, и все-таки, вероятно, это было самое выдающееся заклинание, которое когда-либо удалось магам — и драконам. Что случится, если оно исчезнет? Терикель почти прошла внешнее кольцо, когда поняла, что находится под воздействием сил, способных расплавить скалы за мгновение ока. Но с ней ничего не случилось.

Уставшие от бега ноги Терикель пронзила острая боль, пока она пробиралась по вулканическому шлаку. Даже при самых лучших условиях ей пришлось бы нелегко, и Терикель знала, что, упав от усталости, не сможет идти дальше. Впе-

реди показался валун размером с большой дом, и она тут же приняла решение, когда сзади, из-за каменной кладки, вспыхнул ярко-красный свет. По сравнению с эфирным могуществом прозрачных драконов заклинание крыльев оказалось бы очень слабым, но если драконы сейчас разыскивали именно слабые заклинания, то непременно заметили бы ее. Терикель могла или обойти кругом вулкан в надежде, что разрушение Стены Драконов не будет столь мощным и не приведет к обвалу всей горы, или попробовать взлететь. Терикель хотела лишь один раз взглянуть на каменную кладку Каунтер и принять решение. Прозрачные драконы исчезли, на том месте был прозрачный мерцающий цилиндр красного цвета, упирающийся в облака.

Забравшись на валун, Терикель стала расправлять крылья. Несмотря на происходящее с каменной кладкой Каунтер, она держала себя в руках. Появился луч длиной почти в сто футов. Когда луч начал разделяться, Терикель восстановила свой костюм для полетов. Земля уже дрожала у нее под ногами. Дар Учителя исчерпал свою силу и не мог помочь расправить крылья, но у Терикель оставалось еще немного своей собственной энергии. Она не стала произносить заклинание, чтобы согреть свою кровь: времени оставалось в лучшем случае только на вдох перед прыжком.

Терикель поднялась всего на пятьдесят футов над уровнем моря, когда внезапно стала падать вниз. Понимая, что сейчас врежется в воду, она вновь соединила лучи эфирной энергии с помощью своей собственной жизненной силы. Тело пронзила боль, словно Терикель завернули в мешок с иголками, и каждый мускул работал на пределе возможностей в течение четверти часа. «Высота», — подумала она. Если бы Терикель попробовала приземлиться, то на полной скорости вошла бы прямо в середину волны. Оставалось одно. Она снова расправила крылья.

Хотя она думала, что выдержит, если пять раз взмахнет крыльями, она чувствовала себя так, словно бежала на пределе сил не меньше получаса. Да, высоту набрать удалось, но снова расправить крылья уже казалось неосуществимым. Терикель находилась в двух минутах полета от вулкана и пролетела приблизительно милю. Порыв южного ветра подхватил ее и поднял немного выше. Терикель распахнула крылья, пытаясь воспользоваться удачей. Еще одно усилие — и она могла оказаться еще выше, но у Терикель не было сил терпеть боль. Она двигалась плавно, медленно снижаясь и изредка поднимаясь благодаря случайным порывам ветра.

Терикель не видела остров, когда разрушилась каменная кладка Каунтер, но свет, отражающийся от волн и облаков, до сих пор слепил глаза. «Как тихо, — подумала она и начала считать. — Но звук должен появиться. Шесть, семь, восемь. Сейчас день и светло, но после той вспышки кажется, что сейчас ночь. Семнадцать, восемнадцать, девятнадцать. Разве может быть столько света без звука? Двадцать восемь, двадцать девять, тридцать».

Терикель едва не потеряла сознание от грохота, который она ощутила всем телом. Вихрь закружил ее, на теле появились соленые капли. Мимо пролетел еще один вихрь, похожий на ливень с ураганом, и завертел ее в воронке с невероятной быстротой. Из-за жары, пронизывающей темноту, Терикель потеряла из виду остров. «Жара, — подумала она. — Восходящий поток, поток тепла». Она не повернула обратно к острову, но начала кружить вокруг огромного столба пара, поднимающегося в небо. В небо летела пыль и даже булыжники. Но зато Терикель могла подниматься вверх. Она быстро набирала высоту и сконцентрировалась на том, как удержаться рядом с потоками теплого воздуха, которые не заметила прежде, пробиваясь через слой облаков к солнечному свету. Солнце находилось низко на небе, близился вечер. Вдруг Терикель

вспомнила, что уязвима для сильного холода на этой высоте. Отдалившись от облаков и теплого воздуха, она высвободила руки и начала произносить заклинание термальной защиты.

Стена Драконов исчезла. По мнению Терикель, это было так, иначе ей не удалось бы обогнуть остров, но сейчас она четко видела: оранжевый занавес растворился. Облако по-прежнему поднималось, а с ним и Терикель. Дышать стало трудно, и ей пришлось лететь самостоятельно. Сориентировавшись по закату солнца и двум лунным мирам, жрица решила стремительно продвигаться на юго-восток.

Терикель не могла знать, что взрыв от разрушения Стены Драконов привел к возникновению трещин в вулкане, откуда лилась вода и смешивалась с расплавленной магмой. Много недель спустя должен был раздаться второй, гораздо сильнее первого, взрыв, и причиной его стал бы пар, а не эфирная энергия. Когда бы пыль, пар и дым рассеялись, острова на том месте уже бы не было.

Уоллес нашел Эндри в «Светильнике», он играл там с Эссеном. Повар и гвардеец недолго, но энергично о чем-то перешептывались и обменивались выразительными жестами. Затем Эндри повернулся к Эссену.

— Поиграй пока еще на моем ребеке, — сказал он. — Есть работа.

— По голове набить? — спросил Эссен.

— Дверь открыть. Вел, ты тут останешься?

— Воскресла из мертвых, вернулась, чтобы сидеть тут. Сейчас буду сидеть. Эссен защитит.

Как только ушел Эндри, показалась Риеллен, которая услышала, как Эссен играет «Лихой молодой маршал» и поспешила на звук.

— Эссен, сир, быстро, мне нужно найти Веландер! — закричала она сквозь музыку.

Эссен не перестал играть, но показал туда, где сидела Веландер. Через несколько минут Риеллен вывела Веландер на улицу.

— Вильбар здесь! — закричала она, в необычном возбуждении размахивая руками.

— Вильбар, приятный молодой человек из Кловессера? — спросила Веландер, скрестив на груди руки. Но в действительности она очень удивилась обеспокоенности Риеллен. — Он был с тобой на «Лунной тени»?

— Ты не понимаешь. Его не было на борту! Он появился только что. Я видела его во дворце, возле гостиницы. Когда я окликнула его, он побежал.

— Он переплыл пролив?

— Ну ты же переплыла пролив.

— Особый способ. Вильбар не смог бы им воспользоваться.

— «Лунная тень» была единственным надежным судном в Логьяре. Как Вильбар добрался сюда, если его не было на шхуне? Значит, так же, как и ты.

— Я сказала, особым способом... — начала Веландер. Затем вдруг замолчала. По словам Учителя, Вильбар научил многих в Альпенниен, как использовать миниатюрные каменные кладки, и хотя он ограничил их действия заклинанием, одновременно он сделал всех, принимающих непосредственное участие, потенциально бессмертными. Те, кто обладал сверхъестественными возможностями, созвали конференцию, собрав магов-противников Стены Драконов в одном месте. Теперь их арестовали и заперли во дворце, а Вильбар появляется на улицах Альберина.

— Сколько ты знаешь Вильбара? — спросила Веландер.

— О, пару месяцев, — сказала Риеллен. — Он просто появился в академии Кловессера в этом году.

— Прошлое не известно, вероятно, может летать, разыскивая магов. А тебе знакомо выражение «вторая линия защиты»?

— Да, и... о нет! — закричала Риеллен, прижав руки к щекам.

— Внезапно все стало ясно.

Для Эндри и Уоллеса не составило бы особого труда освободить Уэнсомер. Но помочь ей исчезнуть оказалось совсем иной задачей. Время от времени Селфорд выносил ее с пира привязанной к стулу, пока на площадке танцевали. Сейчас Уэнсомер находилась в комнате в основании башни «Цитадель» с закрытыми окнами и одной-единственной дверью. Каменная лестница извивалась вокруг башни по внутренней стене, и заканчивалась тяжелой железной дверью, запертой наглухо на висячий замок. Единственным источником света служил светильник, на крюке подвешенный к стене. Стражники, приведшие сюда Уэнсомер, внимательно проверили каждое из окон и удостоверились, что засовы крепкие. Затем один из них взбежал по каменным ступенькам и с грохотом закрыл висячий замок.

Через несколько минут после их ухода Уэнсомер услышала над собой голоса. Насколько получилось, она повернула голову. Высокий мужчина приятной внешности быстро спускался по лестнице, неся корзину для пикника.

— Что за блюдо? — пробубнила Уэнсомер сквозь кляп во рту, пока незнакомец развязывал веревки.

— Я Уоллес, госпожа, новый дворцовый повар, — объяснял он почти дрожащим голосом. — Я просто не мог видеть, каким пыткам вы подвергаетесь с помощью самых изысканных блюд сарголанской кухни, какие я только смог приготовить.

— Как ты вошел?

— Я был тут уже четверть часа назад, мой друг здесь гвардеец.

— Уоллес, ты не поторопишься? — послышался сверху голос Эндри.

— Вот и он. Стражники проверили засов на той двери наверху, но не петли, где не хватало шурупов. Эндри и я вынули их. Теперь пора лезть наверх. Это основание башни. Выйти можно только через эту комнату. Но я знаю еще один способ, как выбраться отсюда. У меня есть клещи, сейчас освобожу вас.

Они стали взбираться по ступенькам. Эндри закрыл за ними верхнюю дверь.

— Что в корзине? — задыхаясь, спросила Уэнсомер, когда они добрались до третьего пролета лестницы. — Веревка?

— Нет, мои самые лучшие пирожные и печенье, кусочек теплого пирога с мясом, кувшинчик охлажденного медового вина и...

— Покажи мне! — потребовала Уэнсомер. — Дай-ка сюда.

Она уставилась на кусок пирога с мясом, и к тому времени как тяжелая запертая дверь с надписью на «Совет по благоустройству дворца» осталась позади, уже успела съесть пять печенюшек и три пирожных.

Пришлось подниматься до последнего пролета. Затем они пролезли через люк, ведущий на крышу башни, и оказались над ночными улицами. Переведя дыхание, Эндри пристроил крышку люка обратно, а Уоллес и Уэнсомер начали распивать бутылку медового вина.

— Я надеся, вы произнесете заклинание и сможете ходить по воздуху, — выпалил Уоллес.

— О, я могу, я произнесу заклинание, но вас двоих нести будет тяжеловато, — ответила Уэнсомер. — Ты держись за мою спину, Уоллес, а что делать с твоим другом-гвардейцем?

Эндри вытащил длинную веревку из-под плаща.

— Свяжите меня здесь, — сказал он нетерпеливо. — Я заявлю, что Уоллес заставил меня помочь тебе, поэтому меня оставили.

— Звучит неправдоподобно.

— Так же неправдоподобно, как кое-какая правда об Уоллесе.

— Когда мы приземлимся на крышу моей виллы, я выстрою вокруг нее защиту с помощью заклинаний, и ни одно оружие не повредит ее, — произнесла Уэнсомер, оглядываясь, нет ли внизу, во дворе, лучников. — Тогда, Уоллес, ты ощутишь мою благодарность...

— Всему свое время, госпожа, — раздался голос из теней между зубцами стены. — Прямо сейчас возвращаться туда небезопасно.

Появилась маленькая пожилая женщина с доброй улыбкой, смахнула пыль со своих юбок и подошла к ним.

— Госпожа, — сказал Эндри, поклонившись. Его глаза широко открылись от удивления.

— Не верится, что мы встретились, — осторожно произнесла Уэнсомер.

— Но это так, — заявил Уоллес, который выглядел испуганным и сердитым одновременно. — Леди Уэнсомер, познакомьтесь с Наблюдателем.

— Наблюдателем за кем? Или чем? — спросила Уэнсомер. — Нет, подождите-ка минутку, я знаю лишь имя...

— Просто Наблюдатель, — ответил Уоллес. — Эта леди — прозрачный дракон.

По выражению лица Уэнсомер казалось, что она не верит ни единому слову.

— Это на самом деле правда, — сказала Наблюдатель.

— Докажите мне, — потребовала Уэнсомер.

— Боюсь, я не фокусница, дорогая, у меня такой образ, когда меня могут заметить люди, и я сохраню его, — извиняясь, произнесла Наблюдатель.

— Зато я могу доказать, — заявил Уоллес, подняв тунику и вытягивая оттуда мешок. Его штаны упали на пол. Там, под защитным приспособлением, оказалось еще что-то.

— Уоллес, это не подождет, пока мы не доберемся до виллы? — спросила Уэнсомер, нервно глядя на Эндри и Наблюдателя.

Защита упала в сторону. Выскочил Уилли, посмотрел на Уэнсомер и зашипел, обнажая клыки и извергая сноп искр в ее направлении. Уэнсомер закричала и отпрыгнула назад, едва не врезавшись в Наблюдателя.

— Моих рук дело, — гордо сказала Наблюдатель. — Можешь теперь убрать Уилли, Уоллес.

Уэнсомер осторожно сделала шаг вперед и съежилась:

— Он кусается? — поинтересовалась она.

— Боюсь, что да, — заверила ее Наблюдатель.

Уэнсомер вынула печенье из корзины и бросила его в сторону паха Уоллеса. Крошечный дракон, выросший из Уоллеса, тут же схватил его и отшвырнул подальше. Уэнсомер снова съежилась, прижав ладони к коленям и наблюдая за Уилли с безопасного расстояния.

— Какой очаровательный, — заявила она. — Конечно, с чисто профессиональной точки зрения.

— Конечно, — согласился Уоллес.

— Спасибо, — сказала Наблюдатель, хлопнув в ладоши. Кажется, она была очень довольна собой. — Тело Уоллеса продуцирует эфирную энергию для Уилли. У Уилли ума как у собаки. И такая же преданность.

— И он очень ревнивый, — добавил Уоллес.

— Обладает выраженной индивидуальностью: острыми клыками, вращающимися глазами, подвижностью. И даже — о, посмотрите, думаю, он застенчивый. Не любишь комплименты, Уилли?

— Он не любит женщин, — сказал Уоллес. — На самом деле, ему не нравится никто, кроме меня, если речь об этом.

— Ладно, спрячь его, — вздохнула Уэнсомер. — Наблюдатель, мы можем как-нибудь вас убедить избавить Уоллеса от... этой беды?

— Это не беда, — ответила Наблюдатель. — Уилли заставляет Уоллеса более... гармонично смотреть на жизнь. Он делает его лучше.

Уэнсомер повернулась к Наблюдателю и покачала головой.

— Это не доказывает, что вы прозрачный дракон, но меня впечатлило качество вашего заклинания. Скажите мне, почему небезопасно возвращаться на мою виллу?

— Потому что время пришло, Уэнсомер. У тебя много врагов, и большинство из них недавно обнаружило, что контролируют Стену Драконов, Огненный Ветер и всю их совокупную энергию.

— Наблюдатель, вы не знаете моих врагов, — ответила Уэнсомер, сложив на груди руки и склонив набок голову, словно пытаясь понять, была ли женщина могущественной богиней или просто обладала информацией, но являлась сумасшедшей. — Многие из них скорее убили бы друг друга, чем меня. Они бы никогда не стали действовать сообща.

— Ты не понимаешь, Уэнсомер. Они все контролируют Стену Драконов. Вот в этом-то и ошибка. Почти пять тысяч людей и драконов сейчас связаны со Стеной, и все они могут воспользоваться ее силой. Четыре тысячи девятьсот четыре бога, и все желают удовлетворить свои потребности. Поэтому прежде не было нападений или разрушений. Они постепенно узнают, что за возможности в их руках, и изредка экспериментируют. Вскоре погибнут все большие города, а также замки, крепости, армии и флот. Маги Лемтаса и Акремы начали сжигать покровителей, учителей, академии и места обитания друг друга.

— Как произошло в Альпенфасте? — спросил Уоллес.

— На Альпенфаст напали три дня назад, но он пока держится. Некоторые части Палиона, Диомеды, Глэсберри, Логьяра и Гладенфалле объяты огнем, а от армий Альпенфаста остались лишь доспехи и обуглившееся мясо.

— Моя мама! — воскликнула Уэнсомер. — У нее академия практической магии в Диомеде.

— Комплекс академии сровняли с землей, — сказала Наблюдатель. — Мне очень жаль.

Уэнсомер села, прислонившись к зубцу стены. Она не плакала, она просто не обращала ни на кого внимания. В башне зазвонил колокол. Кто-то ломился в люк снизу, начал стучать и требовать открыть.

Наблюдатель показала на небо, высоко в котором мерцала голубая линия — Огненный Ветер.

— Вот это оружие, — произнесла она. — Энергии передаются с его помощью от Стены Драконов через каменную кладку Центрас и каменную кладку на краю света. Разве заметит кто-нибудь, обладающий достаточной силой между ними Альберин? Двумя ударами было разрушено почти все, имеющее отношение к магии в Лемтасе — самом большом континенте мира.

— В смысле, не то чтобы я и мама совсем не ссорились, — продолжала рассказывать в пустоту Уэнсомер.

— Мы видели руины Коллегии Воинов, — сказал Уоллес.

— Лишь один или два члена Коллегии были на конференции и обсуждали Стену Драконов. Вероятно, для недовольных был большой соблазн уничтожить всю Коллегию разом. Понимаешь, нам потребовалось много времени, но мы узнали, что на самом деле за этим скрывалось. Маленькая радикально настроенная группа прозрачных драконов считает смертных слишком могущественными созданиями, которые должны служить только для воспроизводства немногочисленных новых драконов. Как можно еще быстрее уничтожить

нашу цивилизацию, чем предоставив каждому огромную разрушительную силу безо всяких ограничений? Самым важным считалось сжечь книги, истребить учителей, академиков и магов-отступников. Уэнсомер принадлежит к их числу, и она в большой опасности.

— Мама мертва, — хныкала Уэнсомер. — В смысле, я ненавидела ее. Еще я ненавидела свою сестру, но она заслужила лучшей доли.

— Все маги-отступники сейчас находятся в Альберине, на конференции. Нужно подумать, кто мог организовать ее, и...

Ослепительно-яркая бело-голубая вспышка осветила город. Линия, ставшая ее причиной, казалось, заняла на небе почти вертикальную позицию. Дом Уэнсомер превратился в поднимающийся вверх крутящийся огненный шар, с которого в разные стороны разлетались осколки. Через несколько минут всех оглушила мощная звуковая волна. Уэнсомер отвела взгляд от облака в форме гриба и посмотрела на Уоллеса.

— Если бы я послушалась тебя, то была бы сейчас там! — закричала она.

— И я! — ответил Уоллес.

Новая вспышка озарила город. Раздался взрыв, на этот раз где-то в Варфсайде. С неба градом посыпались обломки храма Метрологов. Часовые башни «Цитадель» бросились на землю, закрыв голову руками. Эндри заметил, что стражники под люком перестали ломиться в него и, вероятно, убежали прочь. Когда все взглянули на огненный шар, разрушивший храм, глаза ослепила еще одна вспышка. За ней последовал новый, более мощный взрыв.

— Это академия, — сказала Наблюдатель. — Ее атаковали из-за библиотеки.

— Почему? — спросила Уэнсомер. — В библиотеке академии не хранилось ничего особенного, даже моя, наверно, лучше.

— Возможно, это просто самая большая библиотека, уцелевшая в Скалтикаре, если не во всем мире. Никто не хочет, чтобы другой обладал какими-то преимуществами. Библиотеки, храмы, академии, армии, замки, порты, верфи, мосты и даже дома выдающихся магов были превращены в пепел и шлак...

Четвертая вспышка заставила Наблюдателя замолчать. На сей раз она появилась прямо над башней и оказалась настолько яркой, что пришлось закрыть глаза руками. «Я мертва», — подумала Уэнсомер. Когда свет немного угас, стало ясно: все живы, а дворец остался неповрежденным. Наблюдатель смотрела наверх и на что-то показывала. Со своего места Уэнсомер могла видеть среди облаков дыма, поднявшихся после трех взрывов, лишь голубую линию, которая означала, что Огненный Ветер затих.

— Случилось нечто важное? — спросила Уэнсомер, медленно вставая.

— Огненный Ветер — часть Стены Драконов, — сказала Наблюдатель, все еще смотря на небо. — Если его нет, то значит, Стена Драконов тоже исчезла. Это малоизученная область, но политики-идеалисты редко этим интересуются. Мы несколько раз пытались уничтожить Стену Драконов. Кажется, все-таки наши усилия увенчались успехом.

Внизу, в городе, словно маленькие искры горели крыши дюжин домов, вспыхнувшие от упавших обломков. До ушей часовых башни «Цитадель» донесся звон сигнального колокола, а с ним и свист, звук горна и крики людей.

— Госпожа, это самая высокая башня в городе? — спросил Эндри, смотрящий в противоположную от остальных сторону.

— Общепризнанный факт, — ответила Уэнсомер, не оборачиваясь.

— Тогда почему вон та сейчас выше?

Все обернулись. Остроконечная крыша северо-восточной башни, на которую показывал Эндри, вдруг оказалась над верхушкой башни «Цитадель».

— Та башня похожа на эту, — сказал Эндри. — У нее не должно быть остроконечной крыши.

— Но у нее она есть! — воскликнул Уоллес.

Пока они смотрели, крыша начала разворачиваться.

— Все пригнитесь! — предупредила Наблюдатель, когда прозрачный дракон начал расправлять крылья.

Уэнсомер ожидала, что дракон резко взлетит в воздух, но вместо этого он посмотрел вниз, а затем изрыгнул пламя. Все, что могло сгореть, включая дюжину стражников, охватил огонь. Дракон спустился с башни во двор и наклонился.

— Смотрит на основание башни, — сказал Эндри.

Шквал огня снес дверь в основании и подобрался к комнате, где томилась Уэнсомер. Сейчас все там было объято жаром раскаленной добела стали.

— Это предназначалось тебе, — сказала Наблюдатель Уэнсомер, когда пламя погасло.

— Вы прозрачный дракон, сделайте что-нибудь! — закричала Уэнсомер.

— Мне бы пришлось убить его, а это привело бы к гибели всего города.

— Что вы имеете в виду?

— Этот прозрачный дракон молод, однако накапливал эфирную энергию в течение многих веков. Его уничтожение тотчас дало бы выход энергии, а это далеко не самая лучшая идея.

— Он поворачивается к гостевому крылу, — сообщил Эндри. — Большинство арестованных магов там.

Дракон зигзагом изрыгнул поток ослепительно-белой плазмы на дом, тут же превратив его в пылающую преисподнюю. Уэнсомер показалось, что что-то не так, и, очевидно,

дракон придерживался того же мнения. Не было слышно криков агонии или отчаяния. Словно загоревшееся здание оказалось пустым. Прозрачный дракон пригляделся более внимательно. Именно в этот момент со стороны Варфсайда появилась огромная тень фиолетового цвета и напала на него.

Оба прозрачных дракона весили столько же, сколько их физические тела, но оба обладали огромным количеством энергии, и их эфирные тела были очень сильными. Вокруг башни вращались голубые и фиолетовые лучи, летала пыль от штукатурки, осколки от камня и куски черепицы. Уэнсомер посмотрела вниз, на сплетение мерцающих крыльев, ног, хвостов и голов драконов, которые сошлись в смертельной схватке во дворе.

— Этот дракон на нашей стороне? — спросил Эндри.

— Тот, кто снизу, не совсем дракон, хотя выглядит как дракон, — ответила Наблюдатель. — Ничто не может сопротивляться ему.

— Но второму дракону, кажется, это неплохо удается, — заявил Уоллес.

— Посмотри-ка, — сказал Эндри.

Фиолетовый дракон стоял над другим, широко расставив ноги, держа противника зубами за шею прямо под головой. То, что Уоллес принял за борьбу, было просто судорогами обреченного голубого прозрачного дракона. Приблизительно через три минуты голубой дракон начал мерцать и слабеть. Борьба закончилась.

— Тот фиолетовый называется вампиром, — сказала Наблюдатель. — Он медленно высасывает жизненную силу из своей жертвы, которая пыталась убить Уэнсомер и магов-студентов.

— И меня, — добавил Уоллес.

— Высасывает жизненную силу, — прошептал Эндри.

Наблюдатель положила свою руку на его:

— Мой дорогой, это было лучшее, что мы могли сделать для Веландер. Пока Мираль внизу, она абсолютно нормальная девушка, даже восхитительно нормальная. Она может выпить с тобой бокал вина в «Светильнике», есть котлеты на обед и, теплая, лежать в твоих объятиях с бьющимися сердцами, когда вы занимаетесь любовью. Но если Мираль поднимается, тогда...

— Это Веландер? — перебил ее Уоллес, показывая рукой вниз.

— Ну, всего лишь на следующие десять часов, — с негодованием ответила Наблюдатель. — И она может изменить свой эфирный образ и выглядеть... ну почти как Веландер. Именно этим я сейчас и занимаюсь. Согласись, быть время от времени прозрачным драконом — лучше, чем быть мертвой. Она высасывает энергию из другого дракона, медленно убивая его. Тогда не раздастся взрыв. Город в безопасности, и мы тоже.

Внезапно стало тихо. Внизу больше не мерцал голубой свет, а фиолетовые очертания громадной головы растворялись в темных клубах дыма. Гребень дракона поравнялся с амбразурой, а два голубовато-фиолетовых глаза уставились прямо на наблюдающих на самом верху башни «Цитадель». Голова по размеру могла сравниться со шхуной «Лунная тень». Эндри сделал шаг вперед, положил руки на зубец башни и вздохнул.

— Ох, любимая Веландер, что стало с нами? — произнес он.

Челюсти прозрачного дракона медленно разомкнулись, раздался рев.

— Наблюдатель, прошу вас, уведите Уоллеса отсюда, — сказала Веландер. Ее голос был похож на долгий раскат грома где-то вдалеке. — Нужно перекинуться парой слов с Уэнсомер. Лично. И с Эндри. Только наедине.

Наблюдатель и Уоллес поспешили к люку в центре башни и спустились вниз. Там было достаточно жарко после нападения на тюрьму Уэнсомер. К счастью, все ступеньки были

каменными, и, хотя они очень сильно нагрелись, они не сгорели. Наблюдатель остановилась у двери с надписью «Совет по благоустройству дворца», дунула на нее и перешагнула через пепел и угли, которые остались от двери. Она появилась с большим, но легким пакетом.

— Ты же не хочешь, чтобы он пропустил свою свадьбу? — спросила Наблюдатель озадаченного Уоллеса.

Как только они вышли со двора, Уоллес увидел Веландер, уцепившуюся за башню ногами и когтями на крыльях. На вершине башни Эндри смотрел ей прямо в глаза, хотя Веландер разговаривала с Уэнсомер.

— Уэнсомер, выходи замуж за принца, станешь принцессой, — сказала Веландер.

— Выйти замуж за подлого негодяя? — закричала от негодования Уэнсомер, забыв с кем разговаривает и при каких обстоятельствах. — После того, что он со мной сделал?

— Жустива объяснит. Править должен кто-то такой, как ты.

— Но я презираю правителей.

— То, что ты любишь, нуждается в защите.

— Я никогда не стану спать с ним в одной постели.

— Да, правда. Теперь пора. Выходи замуж за принца.

Когда Уэнсомер ушла, Эндри остался наедине с Веландер. Ему было немного неудобно: ведь рост Веландер достигал ста пятидесяти футов, и она могла сровнять город с землей, если бы у нее испортилось настроение. Но Эндри все равно не верилось, что Веландер была на это способна.

— Для нас все кончено, Эндри, — грустно и громко произнесла она. — Не останусь с тобой. Мираль наверху — я такая. Мираль внизу — я нормальная девушка. Очень скоро, когда Мираль поднимется. Я очень терпеливая. Но не могу заставлять терпеть тебя.

— Нет, любимая. Мы найдем башню, на которую можно сесть, или что-нибудь подобное. Есть такая, разрушенная, на горе к северу от Альберина.

— Эндри, нельзя. Во мне слишком много силы. Должна жить с Учителем, Наблюдателем и Судьей, учиться контролю, мудрости, всему этому. Стена Драконов стала уроком того, что происходит, когда в руках дураков слишком много власти. У меня слишком много силы, поэтому... надо многому учиться. Чтобы стать драконом, магам требуются века. Чтобы стать драконом, вампир просто убивает дракона и высасывает энергию. Так я сделала. Теперь многому надо учиться. В течение веков.

— Мы не можем хотя бы видеться? — спросил Эндри.

— Именно поэтому я здесь. Я пришла к тебе. Увидеть тебя, идти по улице, держаться за руки. Поцеловать тебя, спать с тобой, слушать, как ты играешь в таверне, быть в твоих объятиях. Теперь все кончено.

— Можно потом прийти к тебе? — с мольбой произнес Эндри.

— Ты? С нетерпением жду.

— Где ты будешь?

— Глубоко в горах Риджбэк — мой новый дом. Может, подождать год. Потом приходи.

— Ты не можешь остаться до тех пор, пока не превратишься в девушку? Тогда у нас было бы еще время.

— Лучше не надо. Наблюдатель и я сейчас улетаем. Путешествие слишком длинное для смертного. Если ты не справишься, я пойму.

— Я был на том свете, любимая, и находился на волосок от гибели. Там я попросил перевозчицу не забирать тебя. Как добраться до горы?

Эндри протянул вперед руку, желая коснуться губ дракона. Фиолетовое пламя затанцевало по его коже.

— Удачи, моя графиня и моя любимая, — сказал он.

— Удачи, мой храбрый и галантный воин, — хрипло, но нежно ответила Веландер.

Там, где был убит голубой прозрачный дракон, лежало тело Вильбара.

— Его звали Страж, он же Тальберан, он же Вильбар. Мы были знакомы с ним уже давно, — объясняла Наблюдатель. — Кажется, его группировка после разрушения Коллегии Воинов решила уничтожить всех скалтикарских магов в Альберине. Когда он обнаружил, что здания, подлежавшие уничтожению, были пустыми, то стал сам преследовать их обитателей.

Проходя мимо, Уоллес пнул ногой голову мертвого мага.

— Леди Наблюдатель, а что со мной? — спросил он.

— А что с тобой?

— Могу я снова стать нормальным и полноценным? Понимаете, избавиться от Уилли?

— Тебе не нравится Уилли?

— Нет! Послушайте, я уже достаточно наказан. А почему вообще мне дали Уилли?

— Это не было наказанием, Уоллес. Это была забота о тебе. За века я встречала много талантливых людей, и некоторые напоминали тебя. У тебя огромный потенциал, но желания примитивны. Тебе нужно освободиться от них и полностью реализоваться.

— Превращение в евнуха не поможет мне в этом! — огрызнулся Уоллес.

— Ты не был нормальным человеком, ты был животным.

— Мне нравилось быть животным. Я снова хочу быть полноценным. Помните, без меня Уэнсомер погибла бы. Разве мне ничего не причитается за это?

Наблюдатель вздохнула, затем положила себе на горло ладонь и сжала ее в кулак. Когда она разомкнула пальцы, Уоллес увидел маленький черный шар. Наблюдатель протянула его Уоллесу.

— Уэнсомер расскажет, как им пользоваться, — сказала она. — Конечно, шар может превратить тебя в то, чем ты был раньше, если именно этого вы оба хотите. Однако, Уоллес, помни: Уэнсомер мне нравится, а ты нет. Я не позволю тебе причинить ей боль, и если тебе суждено стать ее спутником, мне хотелось бы знать, что твоя душа изменилась в лучшую сторону. Только Уэнсомер вправе выбрать, как пользоваться шаром, но только ты вправе применять его.

— Неплохо, — заявил Уоллес, забирая шар. — Что делать?

— Тебе нужно прижать шар к своей груди, когда ты решишь, что хочешь измениться. Уэнсомер должна прочитать предупреждение и инструкцию, которые я прикрепила. Теперь я оставлю тебя, Уоллес. Я меняю облик. Мне придется сопровождать Веландер, когда она закончит прощаться с Эндри.

К тому времени, как Уэнсомер показалась из башни, Наблюдатель ушла, и Уоллес поспешил к ней, держа на ладони темный шар.

— Что это такое? — спросил он, протягивая руку.

— Заключенное в оболочку заклинание, — тут же ответила она. — Я тоже могу создавать такие, но тебе понадобится лупа, чтобы увидеть их.

— Они безопасны?

— Смотря как посмотреть, — сказала она, произнося заклинание, которое стало охватывать темную поверхность. Она поднесла шар к лицу и прочитала: — «То, что изменит Уоллеса, то, что захочет Уэнсомер, то, что восстановит Уолле-

са». Да, это именно оно, без шуток, ты просто произнесешь нужные слова и прижмешь его к груди. Только прочитаю предупреждение... О, боже! Старая крыса, но у нее есть чувство юмора.

Вдруг послышался звук шагов, и Уэнсомер посмотрела наверх:

— Ах, Жустива, я думала, ты под арестом!

Приближалась Жустива вместе с Селфордом, Парченом и Флез, несущей светильник. Селфорд и Парчен тащили большой мешок.

— Эй, мы только что видели, как маленькая старушка превратилась в дракона. И он был больше, чем тот, — сказал Парчен, показывая на Веландер, которая до сих пор сидела на башне, вцепившись в нее. — Перед изменением она дала нам этот пакет.

Пока он говорил, Веландер, изогнувшись, медленно слезла с башни, затем резко взлетела в небо, оставив за собой клубы пыли и пепла по всему двору и раздув маленькие костры из до сих пор тлеющих искр. Через несколько минут над руинами гостевого крыла появилась Наблюдатель. Затем обе они практически исчезли из виду, превратившись в две едва заметные точки, летящие на запад.

— Меня охватил ужас при мысли, что они собираются получить регистрацию и остаться здесь, — сказала Уэнсомер, смотря туда, где Эндри на вершине башни махал рукой.

— Можно вас на пару слов, госпожа? — спросил Селфорд, нервно поглядывая на Уоллеса. — Очень важно.

— Проходи в тронный зал, там поговорим, и я продолжу принимать участие в пире, — заявила Уэнсомер. — Уоллес, жди здесь. Когда Эндри спустится, отправь его ко мне.

— Эндри? — воскликнул Уоллес. — Почему?

— Ну, я думаю, ему нужно хорошо отдохнуть сегодня вечером, ведь Веландер сейчас нет. Скажем, мы немного повеселимся в тронном зале. Я попрактикуюсь в искусстве быть принцессой, а Эндри сыграет принца. Это поднимет нам настроение.

— А как же я? — негодующе воскликнул Уоллес. — Я должен быть главным евнухом?

— Только если ты желаешь, — засмеялась Уэнсомер, хитро улыбнувшись. — Дамы, господа, пройдем в тронный зал?

Оставшись один, Уоллес быстро утратил остатки хладнокровия. Он уставился на черный шар, лежащий на ладони, затем поглядел на вершину башни, где Эндри все еще смотрел вслед Веландер.

— Значит, ты то, что изменит Уоллеса, то, чего хочет Уэнсомер и то, что восстановит Уоллеса, — сказал он, поднося шар к глазам. — Почему же она сразу не воспользовалась тобой?

Уоллес перевел взгляд на Эндри.

— Она хочет переспать с нашим невинным и галантным молодым гвардейцем, а потом предаться развлечениям со мной, — решил он. — Ну, если справлюсь, то не буду больше проводить ночи в компании Уилли. Заклинание, следуй моим инструкциям! Я хочу получить то, что изменит Уоллеса, то, чего хочет Уэнсомер, и то, что восстановит Уоллеса!

С этими словами шар выцвел до светло-голубого и слегка засветился.

— Да! — победно прошептал Уоллес и оглядел двор, объятый огнем. Неподалеку стояли скамейки — на них сидели стражники, ожидавшие, пока их лошади поедят. Туда и поспешил Уоллес.

— Надеюсь, я не упаду в обморок и не разобью нос, ведь тогда юный невинный красавчик Эндри станет бесспорным любимчиком Уэнсомер, — сказала он, садясь и снимая тунику. Не произнося больше ни слова, Уоллес со всей силы прижал шар к груди.

Уэнсомер и ее спутники вошли в тронный зал, в котором никого не было. Однако лампы ярко горели, и повсюду были разбросаны остатки пира. Взяв себе бокал вина и куриную

ножку, Уэнсомер направилась к трону, села на него и взвалила ногу на подлокотник. Она осушила бокал и вгрызлась в курицу.

— Клянусь, это Игоньер предложил пытку со свиньей... — начал Селфорд, но замолчал, когда Уэнсомер кинула в него свой бокал. Но Селфорд стоял слишком далеко, и бокал попал в Парчена. Тот согнулся, потирая макушку.

— Эй, нам нужно поговорить, — сказала Жустива.

— Селфорд, я хочу другой бокал вина и одно из тех больших блюд котлет с орехами и травами, — заявила Уэнсомер. Селфорд поспешил выполнять ее приказ.

— Это не шутка, — предупредила Жустива.

— Я собираюсь превратить свинью в свиные сосиски, — заявила Уэнсомер. — И я хочу устроить пир, где все будет из свинины. Если наследный принц не одобрит, я буду очень, очень злой.

— Особых проблем не возникнет, — сказал Селфорд. — На самом деле, я уверен, наследный принц будет счастлив согласиться со всем, что вы скажете.

— Познакомьтесь с принцем, — произнесла Жустива, жестом указывая на Селфорда, Парчена и Флез.

Уэнсомер села и заморгала:

— Но я видела наследного принца пять лет назад. А это придворный певец, придворный счетовод и служанка принца.

— Наследный принц подавился клубникой в шоколаде, приготовленной Флез, а ягодами жонглировал Селфорд во время одного из скучных финансовых отчетов Парчена, — сказала Жустива. — Принц мертв уже пять лет. Его набальзамированное и мумифицированное тело в этом мешке.

Уэнсомер медленно встала, спустилась по ступенькам тронного возвышения, взяла кувшин вина с одного из столов и вернулась на трон. Она снова закинула ногу на подлокотник и поднесла кувшин к губам. Через некоторое время, показавшееся остальным вечностью, Уэнсомер поставила кувшин на другой подлокотник.

— Думаю, я смогу вам помочь, — объявила она. — Продолжайте.

— Это все, — сказала Жустива.

— Но принц был известен своей худобой, — возразила Уэнсомер.

Селфорд согнулся в подобострастной позе, поднял руку и покачал пальцами.

— Он был мастером маскировки и талантливым шпионом. Кажется, его уши слышали все.

— Вы удивитесь, если узнаете, сколько тайн люди обсуждают за чашкой чая, — произнесла Флез, тоже подняв руку.

— И, полагаю, этим и объясняется тайна, почему, при всей расточительности принца, финансовые дела в Альберине шли так хорошо, — сказала Уэнсомер, поворачиваясь к Парчену.

— Ну да, но перед сном я обычно пью бокал шерри, — добавил Парчен.

Уэнсомер дрожащим пальцем показала на мешок.

— И я должна выйти замуж за это? — спросила она. — Тогда первая брачная ночь оставляет желать лучшего.

— О нет, вы просто выходите за него замуж, а потом мы относим его в башню и поджигаем. Затем объявим, что он умер, защищая вас от дракона — то есть Вильбара.

— Он должен хорошо гореть, — сказала Флез.

— Я могу устроить свадьбу, — предложила Жустива.

— Но почему? — спросила Уэнсомер.

— Этот образ становится уже трудно поддерживать, — объяснил Селфорд. — Люди говорят, что на принца оказывают слишком сильное влияние его певец, счетовод и служанка. Другие хотят видеть его, так сказать, вживую.

— Мы можем объявить, что развлечение со скармливанием деликатесов свиньям было всего лишь шутливой предсвадебной церемонией, чем-то вроде холостяцкой пирушки, — предложил Парчен. — Если бы вы смогли заменить принца, все наши проблемы решились бы.

— При условии, что мне дадут клубники в шоколаде, — заявила Уэнсомер. — Очень хорошо. Не тяните.

Парчен взял одну из рук принца и поднес ее к трону. Затем протянул ее Уэнсомер. Жустива прокашлялась.

— Уэнсомер Каллиентор, вы согласны выйти замуж за принца Альберина? — спросила она.

— Да, — ответила Уэнсомер, положив палец на мумифицированную руку.

— Принц Далзори, вы согласны взять в жены Уэнсомер?

— Да, — сказали хором Селфорд, Парчен и Флез.

— Тогда объявляю брак заключенным.

Парчен и Селфорд поспешили выйти из тронного зала с мешком. За ними последовала Флез с кувшином масла для ламп.

— И если вы увидите гвардейца Теннонера, велите ему явиться сюда, — крикнула Уэнсомер после того, как допила остатки вина из терракотового графина. — Принцесса Уэнсомер, — пробормотала она. — Звучит так, словно я худая, болезненная девственница, которая не может пить даже слабый чай без того, чтобы не упасть в обморок. Ты знаешь, насколько я презираю королей, титулы и весь тот мусор, который съедает наши налоги? Это не слишком абсурдно?

— Абсурдно не более, чем то, что случайно выжившая бывшая проститутка стала старейшиной уцелевших в Скалтикаре Метрологов, — сказала Жустива, оформлявшая документы о заключении брака на одном из пиршественных столов.

Через двойные двери в зал вошел большой черный кот и неторопливо направился к трону по богато украшенному ковру. Он тут же привлек внимание Уэнсомер, поскольку как и любой другой кот, шел неторопливо, словно прогуливаясь. Кот остановился у самой низкой ступеньки тронного возвышения и сел, уставившись на Уэнсомер.

— Я думал, вы сказали, что в заклинании Наблюдателя не было никаких шуток, — произнес голос Уоллеса.

Пустой кувшин для вина выпал из рук Уэнсомер и разбился об пол.

— Скажите мне, что это не Уоллес, — прошептала Жустива.

Уэнсомер встала, снова спустилась к пиршественным столам, взяла кувшин и блюдце, затем подошла к трону и села на самую низкую ступеньку, возле кота. Налив немного на блюдце, она выпила большую часть того, что оставалось в кувшине.

— Снова. Думаю, я могу... справиться, — сказала Уэнсомер. — Очень хорошо, Уоллес, что ты сделал?

— Я просто последовал инструкциям — именно так, как вы велели.

— «Именно так» — это как именно?

— Я сказал: «Я хочу то, что изменит Уоллеса, то, чего хочет Уэнсомер, то, что восстановит Уоллеса».

Уэнсомер поставила кувшин на место, положила локти на колени, а подбородок на руку, затем посмотрела на Уоллеса.

— Это были три варианта, дурачок, не одна-единственная инструкция, — произнесла она медленно и отчетливо. — Первое... оставит тебя с Уилли. Второе... дает тебе... функциональный орган для развлечений и твое... ну... до недавнего времени крепкое и мускулистое тело. Третье... ты становишься Уоллесом... тем, которым ты был до того, как тебе дали Уилли.... невроначал... ну, превона... в смысле, первоначально. Там написано... жирные, покрытые мозолями ноги, обожженные пальцы... не помню остальное. Все вместе... изменило тебя, восстановило тебя, дало мне... то, что я хотела.

— Вы хотели кота? — воскликнул Уоллес.

— Мой любимый дорогой котик умер... несколько месяцев назад, — всхлипнула Уэнсомер. — Пуссингтон, о Пуссингтон... я так скучаю по тебе!

Слезы покатились по щекам Уэнсомер.

— Он умер от склероза печени, — сказала Жустива, смотря в свои бумаги. — Пять тысяч людей пригласили на помин-

ки. Каждому следовало быть полностью облаченным в черную одежду и привести с собой кота.

Уэнсомер начала сморкаться, не убирая локтей с коленей. Уоллес покачал головой, сел и начал лакать вино с блюдца.

Когда Эндри спускался с все еще теплых ступеней башенной лестницы, он почувствовал запах, похожий на запах горящей кожи и одежды. Он подошел к основанию башни и увидел Селфорда, Парчена и Флез, сидящих в бывшей тюрьме Уэнсомер вокруг того, что казалось грудой тлеющего мусора.

— Замечательная ночь, — неловко произнес Селфорд.

— Напоминает мне о днях в лагерях Ассоциации Молодых Воинов, — сказал Парчен.

— Тебя ждут в тронном зале, — сообщила Флез.

Эндри направился во двор, перешагнул через тело Вильбара и очутится в тронном зале. Там он увидел Жустиву, убирающую какие-то бумаги и свитки, и Уэнсомер, спящую на ступеньках. Большой черный кот посмотрел на него и отрыгнул.

— Прошу перенести принцессу Уэнсомер на своих плечах в королевскую спальню, — сказала Жустива.

— Принцессу Уэнсомер? — воскликнул Эндри. — Уже?

— Да. Принц женился на Уэнсомер, затем дракон убил его.

— Принц мертв?

— Да. Да здравствует принцесса.

Мадам Ивендель стояла на пирсе возле корабля и смотрела на Лавенци, уперев руки в бедра. Перед тем, как ответить, она наклонилась и проверила дыхание академика, но та не была пьяна.

— Итак, дом Уэнсомер разрушен, но сама Уэнсомер теперь принцесса Альберина? — сказала мадам Ивендель, не веря своим ушам.

— Все это случилось прошлой ночью, пока мы были в море, — объяснила академик-альбинос.

— Итак, мы предприняли столь утомительное путешествие по морю, и обнаружили, что прибыть в Альберин — почти такая же катастрофа, как остаться в Диомеде.

— Но она твоя дочь, она не причинит нам вреда.

— Может, и нет, но Уэнсомер любит исполнять танец живота, а также она чересчур снисходительна, ленива, обожает почести и зачастую страдает от похмелья. Лавенци, Академия мадам Ивендель скоро станет Тайной Академией мадам Ивендель.

Мадам Джилли держала багор в одной руке, а другой подзывала испуганного духа.

— Забирайся в лодку, Вильбар, Тальберан, Страж, или как там тебя еще.

— Ни за что, другие говорили мне, что ты можешь сделать.

— После того, что ты пытался сделать с моими друзьями? Я сделаю гораздо больше. Они такого еще не видели. Давай, нельзя стоять вечно на берегу реки между миром живых и мертвых.

— Я вполне могу подождать. Твой контракт не продлится вечно.

— Нет? Очаровательная богиня Перемена довольна моей работой, но как хочешь. Есть только один способ пересечь реку, а я перевозчица. Кто следующий?

В течение нескольких следующих недель Альберин старались привести в относительно нормальный вид. Стали появляться отчеты о сожженных городах или, по крайней мере,

сильно разрушенных, и о кратерах в полумиле от того места, где стояла каменная кладка. От Стены Драконов осталась борозда в сто футов шириной и тридцать футов глубиной, которая протянулась с севера на юг через Скалтикар, Альберин и Лемтас.

Империя Северного Скалтикара перестала существовать. Столица оказалась разрушенной вместе с армией и большинством крупных крепостей. Уэнсомер очень удивилась, когда обнаружила, что Альберин и его земли лишь немного пострадали от Стены Драконов и по сравнению с остальными королевствами сохранились очень хорошо. Она удивилась еще больше, когда в Альберин начали приезжать недавно коронованные или просто выжившие правители бывшего Скалтикара. Уэнсомер поняла, что причина того, что к ней прибудет Ассамблея Монархов Скалтикара — в относительной целостности ее города. Кроме того, ей принадлежал дворец, в котором представлялось возможным провести конференцию.

Самым главным являлось обсуждение договора об упразднении магии ради общественного блага. Естественно, магов обвинили в том, что произошло из-за Стены Драконов, и народ стал относиться к ним с большим недоверием. Провели магическое дознание, которое возглавила Уэнсомер. Тех, кого уличили в использовании магии, наказали по законам королевств, в которых они были пойманы. Одних сожгли заживо, других заперли в темницу, лишив возможности говорить. Однако существовала маленькая проблема: две трети монархов были посвященными восьмого или девятого уровня, а сама Уэнсомер имела двенадцатый уровень посвящения формально и тринадцатый уровень в реальности. Также постановили, что старшим инквизиторам по делам магов следует получить магическое образование, чтобы они могли выявлять других магов.

Была учреждена Союзная Империя Скалтикара, распространявшаяся на те области Скалтикара, которые не были более чем на полумилю похоронены под полярным льдом. Уэн-

сомер стала императрицей нового государства. Оправившись от шока, она устроила грандиозный праздник для правителей, находящихся на территории королевств континента. Уэнсомер потребовала, чтобы его организовали Селфорд, Парчен и Флез.

Эндри дрожал от мысли, что два стражника приведут его к самой императрице в ее личную спальню. Уэнсомер лежала на диванной подушке размером в большую кровать, ела медовые соты и пила какое-то очень дорогое вино из бутылки. Перед ней лежала стопка бумаг. Она подняла голову и увидела Эндри, который стоял неподвижно и смотрел прямо перед собой.

— Хватит, Эндри, это же я, — приказала Уэнсомер и снова стала разглядывать свои бумаги. — Однажды ты уже относил меня в постель.

— Ваше Величество, я клянусь честью, я не позволял себе вольностей с вами, — пролепетал Эндри.

— Я боялась, что ты скажешь это. Гвардеец Теннонер, тогда был самый худший день в моей жизни.

— Очень хорошо, Ваше Величество, — ответил Эндри, пытаясь говорить серьезно.

— Возможно, за исключением того дня, когда я уничтожила Серебряную Смерть, — продолжила Уэнсомер. — Но тогда была уже ночь, поэтому не считается. Я самый могущественный маг во всем мире, а также глава магического дознания.

— Невесело, Ваше Величество.

— И я стала императрицей. Все, чего я хотела, — это остаться одной и читать интересные магические тексты, улучшать свои навыки, есть и пить так, как я привыкла, развлекаться время от времени с тем, кто мне нравится, и уст-

раивать иногда обеды, на которые одеваться не обязательно. Вот такая я, — сказала она, протягивая руку и поднимая большого упитанного кота с кучи маленьких подушек, затем поправила их. — Иди в кухню, ты, ленивец, и пусть там приготовят вкусный обед на одного человека.

Она подтолкнула кота с края подушки. Он посмотрел на Эндри и заковылял к двери.

— Не откроешь ли ты мне дверь, Эндри? — спросил он знакомым голосом с сарголанским акцентом. — Мне не открыть самому.

— Скажи мне, что ты не Уоллес, — прошептал, придя в себя, Эндри.

— Моя мама учила меня никогда не лгать мужчинам в форме, — ответил кот. — Так что с дверью?

Эндри открыл дверь, и кот медленно вышел из комнаты.

— Но... но как?

— Спускайся на кухню, если ты не на службе, и тогда поговорим о произошедших событиях за блюдечком эля.

Эндри закрыл за котом дверь. Уэнсомер снова оторвалась от своих бумаг.

— Всю свою жизнь я презирала и осмеивала тех, кто обладает властью, — пробормотала Уэнсомер. — И что делает со мной Судьба? Я становлюсь императрицей для пятидесяти миллионов человек и всего континента. На меня сваливается куча проблем. Я организовываю тайную полицию, воспользовавшись своими полномочиями главного инквизитора. Наблюдатель рекомендовала взять тебя туда.

— Правда... Ваше Величество?

— Да. Твои обязанности будут состоять в спасении магов от полицейских управления магического дознания.

— Вы формируете отряд полицейских для подрыва работы своих же собственных полицейских? — спросил Эндри, почесывая затылок.

— Отлично, Теннонер, ты мне нравишься. Маги необходимы, но им нужно чувствовать свою вину и беспокойство из-за того, что они маги, иначе у них появятся идеи. Я не люблю магов с идеями... за исключением самой себя, да. Тебе понадобится специальная подготовка, и я случайно даже знаю, что единственный подходящий инструктор находится в Альберине. Его зовут Ровал, он спал под столом в «Светильнике», когда крепость Коллегии Воинов была разрушена.

— Ровал — это тот Ровал леди Терикель? — спросил Эндри, и у него по коже пробежал холодок.

— Вы знаете друг друга?

— Да, да. Я... ну... играю в «Светильнике». Он пьет там. Но у нас мало общего.

— Я не удивлена. Уоллес говорил мне о тебе и Терикель — но не беспокойся, твой секрет в безопасности. Я установила на яички Уоллеса специальное кольцо. Если он когда-нибудь заговорит о твоей тайне, кольцо начнет сжиматься до размера булавочной головки, что причинит Уоллесу ужасные неудобства.

— Ах, большое спасибо.

— Теперь вернемся к Ровалу. Этот человек очень дорог мне. Когда-то он был в моей охране, и как-то раз мы занимались любовью — хотя все было так запутанно после приема в нижнем белье на крыше во время зимнего солнцестояния. Ровал чувствует себя опустошенным с тех пор, как его бросила Терикель. Ему снова нужно дать ощущение цели. Приведи Ровала в чувства и спроси, не хочет ли он присоединиться к тайной полиции.

— Хорошо, Ваше Величество. Еще кто-нибудь?

— Девушка, которую ты спас в Кловессере, Риеллен. Ты, очевидно, знаешь ее.

— Но она в настоящее время под арестом за измену, Ваше Величество.

— Арест — сильно сказано. Мне кажется, она находится скорее на правах гостя, являясь героем всей империи. Прежде всего, Риеллен ворвалась в гостевое крыло, выкрикивая революционные лозунги, и привела всех студентов-магов к темнице, чтобы освободить магов-отступников. Спустя несколько минут прозрачный дракон спалил гостевое крыло. Конечно, стражники тут же их арестовали, но студенты остались живы. Это, думается, самое главное. Устрой ей побег. Дай взятку начальнику тюрьмы, и если получится дорого, пошли счет Парчену.

— А сколько человек вообще в тайной полиции, Ваше Величество?

— Пока трое...но я думаю, тебе понадобится, по крайней мере, в два раза больше. Есть какие-нибудь предложения?

— Я наведу справки.

— Великолепно. С этого дня будешь связываться со мной через Уоллеса.

— Но я гвардеец во дворце. Не проще ли встречаться с глазу на глаз?

— Не в твоем случае, Эндри. Теперь ты должен держаться от меня на расстоянии. Иди, напейся на службе и скажи что-нибудь не очень лестное обо мне или о моем дворе, — Уэнсомер кинула ему бутылку вина. — Я бы хотела свободных отношений, но подозреваю, ты одержим глупой идеей верности Веландер или Терикель, с кем там у тебя настоящая любовь. Как только тебя выгонят, ступай к полицейским-странникам. У них приказ завербовать тебя. Хватит уже держаться за бутылку, проваливай отсюда, освободи Риеллен, затем напейся и сделай так, чтобы тебя увидели в этом состоянии.

Как только ушел Эндри, появился Ларон.

— Хороший план, Ларон, спасибо, — сказала Уэнсомер, не поднимая головы. — Мне нравится поддерживать дух соперничества среди правителей и магов. Это не дает им расслабиться. Мы создаем хорошую команду. Ты уверен, что не хочешь быть в моей свите и моим советником?

— Думаю, наши отношения должны ограничиваться только деловыми интересами, Ваше Величество, — ответил Ларон.

— Так, опять унизил. Но кажется, ты намного счастливее, чем раньше. Встретил какую-то девушку, да?

— Нет, Ваше Величество.

— Тогда что?

— Мне... семьсот лет, но я выгляжу на пятнадцать. Как ваш советник, я могу говорить как мудрый старик, но на самом деле, я могу быть стариком, прячась в тени и помогая управлять огромной империей. Ведь мне разрешили жить старым и умным человеком. Быть молодым и мудрым — совсем не весело.

— Эндри молод и мудр.

— Нет, он молод, но он учится. Хотя Эндри — достаточно примечательный человек. Я имею в виду, кто еще отправился бы в путешествие к реке между миром живых и мертвых и устроил концерт для перевозчицы только для того, чтобы дать своей возлюбленной шанс выжить? А ведь в то время он тайно любил другую. Эндри спас Веландер потому, что это было правильно, а не потому, что он не мог без нее жить. Эндри видит цвета, не только черное и белое, он обладает большим терпением по отношению к остальным. В этом его сила, и в этом смысле он похож на вас.

— Да? Теперь мы должны стать друзьями?

— Нет, я просто говорю, что он — такой же хороший исполнитель, как вы — хорошая императрица.

Следующей ночью рекконы встретились с Эндри в «Светильнике», желая посочувствовать его исключению из дворцовой стражи. Там также была Риеллен в мужской одежде. Эндри и Риеллен отвели Эссена в сторону, за угловой столик,

пока остальные рекконы распевали песни вместе с другими посетителями таверны, и рассказали о плане Тайной Полицейской Инквизиции.

— Значит, инквизиция нам будет платить за спасение магов от инквизиции? — спросил Эссен, сцепив руки над головой.

— Ну да, — ответил Эндри.

— И магов-женщин, — добавила Риеллен.

— Но нас зачислят в ряды полицейских-странников.

— Да.

— И наша связь с инквизицией — это кот, который когда-то был Уоллесом?

— Я все еще Уоллес, — раздался голос из-под стола. — И нельзя мне еще блюдце вина? Шардонель 3138 из Ватерглена.

— Ну, это кажется достойным занятием, парень, — сказал Эссен. — А кто будет командовать?

— Вы, сир, — ответил Эндри.

— Нам нужно проголосовать, — заявила Риеллен.

— Все за то, чтобы Эссен стал главным? — спросил Эндри, поднимая руку. Риеллен нахмурилась, но также подняла руку. Из-под стола раздалось мяуканье.

— Кто против? Эссен, вы маршал Тайной Полицейской Инквизиции. За — две руки и мяуканье. Один воздержавшийся. Поздравляю.

— А что с остальными рекконами? — поинтересовалась Риеллен.

— О, я не скажу им, — сообщил Эссен, прижимая палец к губам.

— Вы не понимаете, мы хотим их тоже завербовать, — объяснил Эндри.

Спустя полчаса Тайная Полицейская Инквизиция расширилась до шести человек и одного кота. На первом собрании было решено, что Дэнол станет наставником Риеллен, а Ровал, вероятно, не является достаточно надежным человеком и потому недостоин членства в отряде. Но он мог бы

провести специальную подготовку, разработанную еще в Коллегии Воинов, когда постепенно отвыкнет от вина. Затем Ровала пригласили за их столик, купили большую кружку янтаря и сделали это звучащее вполне безобидно предложение.

— Следовательно, если ты займешься нашей подготовкой, Особый Воинский Отряд не прекратит существовать, — закончил свою речь Эссен.

— Мы все воины, — добавил Эндри и пнул Риеллен под столом, когда она начала открывать рот. — Тебе нужно лишь усовершенствовать навыки, которые у нас есть.

— Не должен... работать не на тех людей, — заплетающимся языком заявил Ровал.

— Наш тайный покровитель — новая императрица, — объяснил Эндри.

— Уэнси? Очаровательная девушка, но кусается больно.

Ровал положил руку ему на плечо, Эндри закрыл рукой глаза. Рекконы выглядели испуганными, Риеллен — озадаченной.

— Так каков твой ответ? — спросил наконец Эссен.

— С серебром согласен, — пробормотал Ровал. — Обстоятельства... сойдет.

— Понятно, — ответил Эссен.

— Страдаю из-за женщины.

— Так случается и с лучшими из нас, — поддержал Эндри, предварительно ударив Риеллен по голени.

— Предала меня, бросила, — сказал Ровал.

— Выпей еще, — предложил Костигер.

— Превратила меня в посмешище.

— Лучше в посмешище, чем в кота, — произнес голос из-под стола.

Жустива и ее Метрологи были жрицами-учеными, поэтому их и выживших Скептиков сейчас очень высоко ценили как учителей — академиков нового мира. Мира, который

остался после уничтожения Стены Драконов. Хотя им дали новое здание под академию, Жустива послала петицию Уэнсомер с просьбой восстановить храм Метрологов, символизирующий возрождение науки в империи. За четыре месяца место расчистили, возвели фундамент и установили колонны, поддерживающие крышу. Жустива часто проводила ночи в полумраке недостроенного храма, медитируя. Это было символично, поскольку таким образом получалось, что храм не перестают использовать, хотя его и разрушили и теперь восстанавливали.

Вскоре после полуночи прилетел маленький дракон, бесшумно спустился с чистого темного неба и приземлился на край крыши храма. Жустива наблюдала, как он осматривал строительную площадку. Очевидно, дракон явился в поисках Метрологов. А она была из Метрологов. Жустива прокашлялась.

— Я могу тебе помочь? — позвала она. — Я старейшина Метрологов.

Дракон осторожно посмотрел вниз и убрал назад крылья. Они до сих пор достигали, по крайней мере, ста футов в высоту, но тело дракона оказалось на удивление маленьким. Почти как тело человека.

— Ты можешь залезть на леса? — спросил дракон приглушенным мягким голосом. — Мне слишком сложно спуститься.

Жустива вскарабкалась по лестнице на каменную балку, которую поддерживали колонны, и села перед драконом. Теперь она поняла, что маг управлял очень сложным заклинанием. Он, словно птица, обладал грудным килем, и мог махать крыльями. То, что казалось на расстоянии клювом, являлось изящной маской и подвижным гребешком.

— Значит, Метрологи пережили Стену Драконов? — спросил ее дракон после неловкого молчания.

— Да. На храм было совершено нападение, но мы никого не потеряли. Уцелели даже книги. Теперь мы восстанавливаемся. У тебя к нам дело?

— Отчасти. Я была когда-то жрицей. Я пришла, чтобы отказаться от своих обетов.

— Терикель? — только и смогла произнести Жустива.

— У меня сейчас другое имя. Я слишком долго пользовалась крыльями, поэтому сейчас не могу от них отказаться.

— Ты имеешь в виду, ты в ловушке?

— Да нет. Я обнаружила, что мне нравится парить на расстоянии в пять миль над землей. Я могу там счастливо жить, наслаждаясь видом звезд и пейзажами внизу. Я счастливее всех, если я там, наверху. Мои учителя называют меня «Расправляющая крылья». У моих крыльев на концах — перья, а края острые. Это все тщеславие, да, но мы, драконы, очень тщеславны. Вероятно, придет время, когда мне не нужно будет больше спускаться вниз.

— Терикель, о Ровале, — начала Жустива.

— Нет прощения тому, что я сделала, — сказала Терикель. — Я поняла, я никогда не смогу быть хорошим человеком, поэтому я перестала быть человеком.

— Но я пытаюсь просить о прощении, Терикель. Я предала тебя Ровалу, я презирала тебя за то, что ты сделала... но не мне судить тебя. Я... я объяснила ему, чем ты занималась в вашу последнюю ночь в Альберине. Что еще я могу сказать? Это сломало его, это заставило остальных Метрологов ненавидеть тебя, но больше ничего не принесло. Я чудовище.

— Я единственное здесь чудовище, Жустива. Ты принимаешь мое отречение от обетов?

— Думаю, да. До сегодняшнего дня все считали тебя мертвой. Эндри и Уоллес рассказали, что ты упала с обрыва.

— Пусть так считают и дальше. Я не была хорошим человеком, мне лучше держаться подальше от тех, кому я могу причинить боль.

— Но ты не скучаешь по тому, что делало тебя похожей на нас? Ты можешь жить без вкуса вина и тонких яств, без прикосновений любимого?

— Да. А когда ты в последний раз пила вино, вкушала тонкие яства, чувствовала прикосновения любимого?

Вопрос застал Жустиву врасплох. Терикель была потеряна для нее, но Терикель была счастлива. «Разве можно желать своим друзьям чего-то большего, чем счастье?» — подумала Жустива. Терикель посмотрела наверх, Жустива проследила ее взгляд. Жустива не увидела ничего, но Терикель начала расправлять крылья.

— Мой наставник рассердится, — сказала Терикель. — Пора в путь.

— Подожди, прошу тебя! — воскликнула Жустива. — Ты простишь меня за... за Ровала и все остальное?

— Я дарую тебе прощение, но ты больше нуждаешься в своем собственном прощении. Я никогда не могла бы простить себя, поэтому я убегаю от себя. Когда-нибудь, вероятно, тебе придется сделать то же самое. До свидания.

Терикель прыгнула, не ожидая от Жустивы еще каких-то слов. Благодаря высокой крыше храма она, взмахнув крыльями, взмыла высоко, пролетела над Варфсайдом и быстро скрылась из виду. Внизу раздался негромкий крик, и кто-то начал карабкаться по приставной лестнице. На каменной балке рядом с Жустивой появилась Лавенци.

— Вы разговаривали с прозрачным драконом, — неловко сказала она, кладя руку на плечо Жустиве.

— «Дракон» — слишком сильное слово, — ответила старейшина.

— С кем же тогда?

— Это был призрак. Он пришел, чтобы сказать «до свидания».

Эпилог

Заведение Интимных Услуг Не Для Всех мадам Каррасель являлось замечательным прикрытием для Тайной Академии Прикладных Магических Искусств мадам Ивендель. Многие видели, как молодые парни и девушки с хитрым взглядом входили туда и выходили оттуда в необычное время, а тех, кто в самом деле интересовался интимными услугами уже возле дверей разворачивали прочь, заявляя, что вход только по приглашениям.

Лавенци легко вошла в роль члена подпольной организации. Высокий худощавый альбинос, с волосами такой же длины, как у Уэнсомер и с полными губами, она перекрасилась в темно-красный цвет. Будучи старшим академиком, Лавенци занимала важное положение в заведении мадам Ивендель. В ее обязанности также входили тайные поездки за пределами стен академии — во множество домов по всему континенту. Она искала потенциально талантливых студентов, которых следовало тщательно проверить, и затем зачислить в учебное заведение. Это была опасная работа, поскольку полицейские из Инквизиции знали, что маги не только прячутся в Акреме, но и занимаются обучением.

Этой ночью Лавенци не повезло. У кандидата в студенты оказалось очень мало способностей, и как-то не хватало заинтересованности в искусствах заклинаний, способах трансформации и эфирных силах в целом. Поняв, что он собой представляет, Лавенци задала лишь пару коротких вопросов,

вылезла из дома через окно, пробежала по плоским крышам и спрыгнула вниз, на улицу. Оглянувшись назад, она заметила, что вооруженные мужчины с факелами заградили вход, а группа стражников раскинула волшебную сеть. Кто бы ни организовал нападение, Лавенци поняла: без магии здесь не обошлось.

Она поспешила прочь, вздохнув с облегчением, поскольку удалось исчезнуть. Но тревога не покидала Лавенци. Полицейские подобрались очень близко и едва не поймали ее. Ее путь по городу был запутанным и вел к Неверсайду. По многим причинам Неверсайд являлся подходящим местом для магической академии. Слишком много подозрительного творилось там, где беззаконие стало нормой жизни. У мадам Ивендель было тут что-то вроде академии, большой дом с тремя дюжинами секретных входов и укрытий. На самом деле, здание являлось всего лишь убежищем, в котором маги скрывались от преследователей, но не более того. Некоторые из потайных ходов тянулись на четверть мили от дома, захватывая туннели и водостоки, а также крыши. Само помещение было сдано в аренду скупщикам краденого, использовавшим его как склад и тайный рынок — они не интересовались магами и убивали любых незваных гостей, выглядевших как стражники, полицейские или воины из ополчения.

Лавенци сделала ошибку, позволив панике овладеть собой. Она направилась к ближайшему дому. Лавенци медленно шагала по залитой светом Мираля улице, свернула на узкую аллею, и, отсчитав в темноте тридцать шагов, пошла направо. Как она и ожидала, там была дверь и замочная скважина. Лавенци вставила ключ — но дверь не открывалась! Сверху на нее упала магическая сеть, и тут же навалилось несколько сильных мужчин в доспехах. Прежде чем Лавенци смогла произнести заклинание огня, ей в рот засунули кляп и связали. Кто-то зажег светильник на шесте.

— Полиция Инквизиции, вы под арестом, — раздался голос из-под капюшона.

Лавенци увидела, как дверь отворилась, и девять фигур в масках и в черной одежде оказалось рядом с ней.

— Полагаю, вы — маг-академик, — сказал один из них. — Это хорошо, мы многое хотим от вас узнать.

Он ударил Лавенци по ребрам, и резкая боль пронзила все ее тело. Лавенци издала сдавленный из-за кляпа вскрик и, снова ощутив боль, поняла, что ребро сломано.

— Такова наша плата, и скоро вы узнаете, насколько щедрой она бывает.

Он снова ударил ее по ребрам, и Лавенци застонала. Внезапно где-то поблизости послышался звон разбитой бутылки.

— Это ужасно, с вами что-то надо делать! — раздался голос в начале аллеи.

— Что за... — начал мучитель Лавенци, но неожиданно в темноте пролетела половина кирпича, попала ему в голову и разбила ее. Мужчина упал на шест с лампой. Масло разбрызгалось, тело убитого охватил огонь. К тому времени пьяный альберинец добрался до остальных полицейских, и Лавенци в смятении кинулась к выходу, на бегу вытаскивая кляп. Она врезалась в другую группу мужчин, которые тут же окружили ее.

— Вы в порядке, госпожа? — спросил один из них приятным голосом.

— Мы — друзья, госпожа, — громко произнесла высокая фигура перед ней.

— Тот человек, вы должны помочь ему! — воскликнула Лавенци, не обращая внимания на острую боль в боку и надеясь, что они и в самом деле являлись друзьями. — Тот грязный пьяница, он пошел против девяти полицейских Инквизиции с бутылкой пива.

— Таков его выбор, — сказал высокий.

В этот миг для Лавенци мир словно перестал существовать. Звук ударов, сильных и слабых, донесся оттуда, откуда она только что убежала, а также стоны и крики от боли.

— Что это... — наконец выдавила из себя Лавенци.

— Он старается не очень их помять, госпожа, — ответил приятный голос.

— Но... один против девятерых? — не успокаивалась Лавенци.

— Тайная Полицейская Инквизиция, госпожа. А он — один из лучших.

— Тайная Полицейская Инквизиция? — спросила Лавенци.

— Да, госпожа.

— Противники Полицейской Инквизиции?

— О нет, госпожа, у нас нет ничего общего с этими ужасными людьми.

Лавенци услышала, как все внезапно стихло. Появился ее худой и грязный спаситель, отложил в сторону бутылку пива, снял клок волос с носка своего сапога, оправил одежду и поклонился ей.

— Пришлось подкинуть еще пару тел к тому горящему, пламя угасало, — заявил он. — Извините за опоздание, госпожа.

— Говорил же тебе, он был человеком, — сказал высокий. — Он никогда никого не убивал.

— Мы отведем вас обратно к мадам Ивендель, — произнес приятный юноша.

— Мадам Ивендель — нет! В смысле, я ничего не знаю о... доме мадам Ивендель.

— И мы тоже, госпожа. Пойдемте.

Внезапно Лавенци заметила, что ее сопровождение уменьшилось до трех человек.

— Лучше всего вам держаться за руки с Дэнолариаином, — сказал тот, кто, казалось, был главным. — Тот, кто куда-то торопится, вызывает подозрения. А так вы просто парень с девушкой, и идете в таверну.

Где-то позади них раздался крик.

— Наверно, госпожа, вас преследует очередной полицейский, — сказал Дэнол, беря ее за руку и застенчиво сжимая ее.

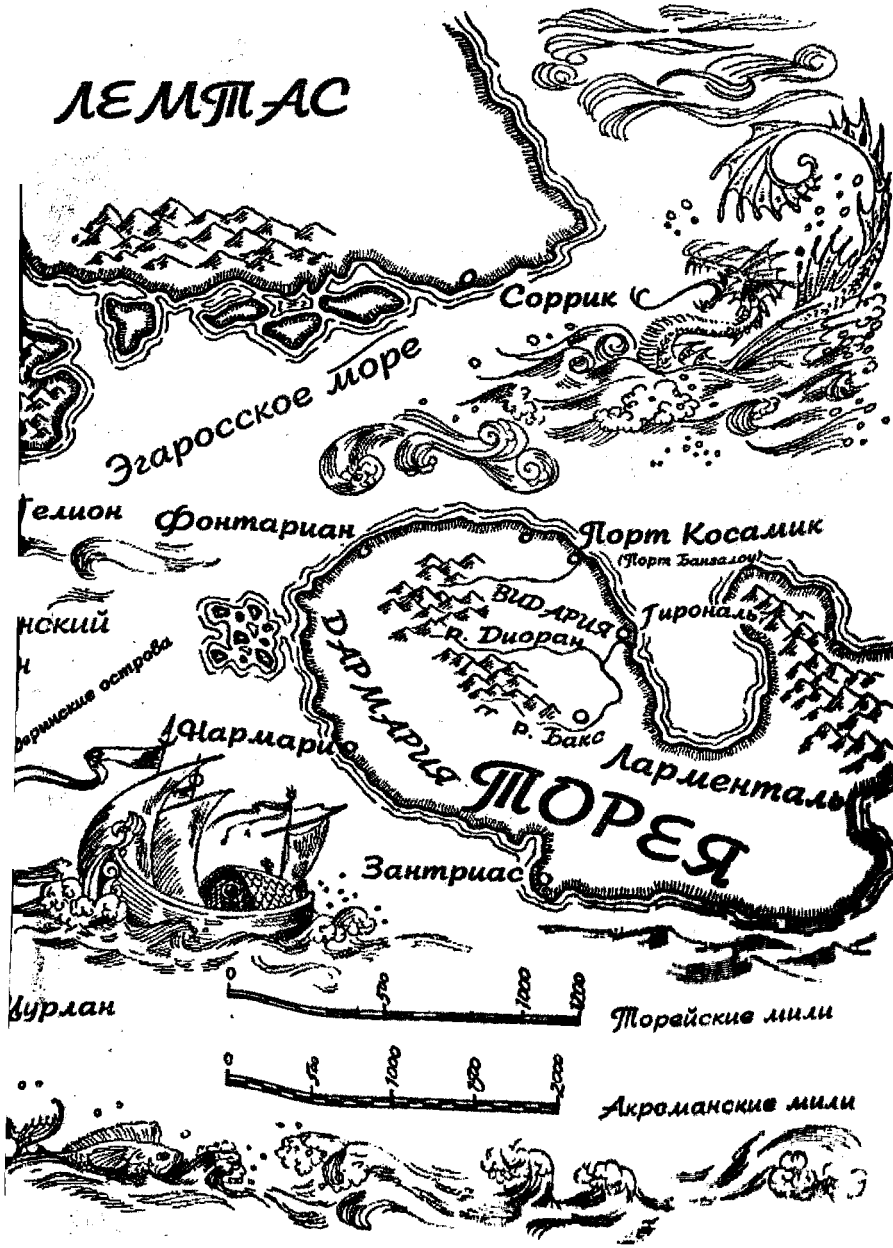
Они взяли лодку для переправы через реку Альбер и вскоре оказались в «Светильнике», где тайные полицейские инквизиторы, известные как Эссен и Эндри, волынку и ребек у трактирщика. Когда они начали играть рил, молодой и симпатичный Дэнол поклонился Лавенци и спросил, не хочет ли она потанцевать с ним. Ее мучила боль — словно раскаленную добела кочергу прижимали к ее ребрам. Но академик положила ладонь на протянутую руку Дэнола и, поднимаясь, стиснула зубы, постаравшись улыбнуться. Они начали танцевать. Позднее, когда Лавенци и Дэнол сидели и отдыхали, Лавенци указала на Эндри. Он играл элегию на своем ребеке.

— А кто тот молодой человек? — спросила она. — Простой воин или переодетый благородный? Он сражается словно герой эпических баллад, играет чудесную музыку, и... ну... его манеры просто очаровательны. Он же не простой крестьянин, да?

— Он обычный парень, — ответил Дэнол. — У него было две возлюбленных, и он потерял их обеих после одной-единственной ночи с каждой. Теперь он ушел в себя. Он говорит, что на нем проклятие, которое погубит любую, ставшую его возлюбленной.

Эндри и Эссен начали играть новую мелодию, и на этот раз Лавенци сама пригласила Дэнола танцевать. «Я бы не рассказала об этой ночи, этой таверне и этих людях даже перед троном самой императрицы Уэнсомер», — подумала Лавенци, когда посетители «Светильника» чокнулись своими кружками и начали отхлопывать ритм, а музыканты завели рил «Женщины Альберина».

ВЕРРАЛ
40
20
0
20
40
Стена Драконов
каменная кладка
Фелиция
каменная кладка
Литораль
каменная кладка
Вейстланд
Лиорренские горы
каменная кладка
Центрас
Портус
Оксиданический океан
каменная кладка
Альпин
каменная кладка
Логьяр
Логьяр
пролив Страха
Бантрион
каменная кладка
Фрост
каменная кладка
Септир
Альберин
Каркалус
Палион
Глэсберри
Лейсер
Солтберри
Диомеда
Бантак
Раситаль
Виндик
Плакидиус
СЕВЕРНЫЙ СКАЛТИКАР


ЛЕМТАС
Соррик
Эгаросское море
Гелион
Фонтариан
Порт Косамик
(Порт Бангалоу)
ВИДАРИЯ
Гирональ
р. Диоран
ДАРМАРИЯ
р. Бакс
Ларменталь
Нармария
ТОРЕЯ
Зантриас
Бурлан
Торейские мили
Акроманские мили

Содержание

Пролог 9

Глава 1
Заговор драконов 21

Глава 2
Битва драконов 79

Глава 3
Стена драконов 130

Глава 4
Сущность драконов 176

Глава 5
Птица-дракон 267

Глава 6
Школа драконов 315

Глава 7
Страх дракона 402

Глава 8
Птенец дракона 471

Глава 9
Девушка-дракон 525

Глава 10
Рождение дракона 577

Эпилог 626

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА ast
КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ Буква

МОСКВА:

- м. «Алексеевская», Звездный б-р, д. 21, стр. 1, т. (495) 232-19-05
- м. «Алексеевская», пр-т Мира, д. 114, стр. 2 (Му-Му), т. (495) 687-45-86
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (495) 267-72-15
- м. «Бибирево», ул. Пришвина, д. 22, ТЦ «Александр Ленд», этаж 0, т. (495) 406-92-65
- м. «Домодедовская», ТК «Твой Дом», 23-й км МКАД, т. (495) 727-16-15
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Крылатское», Осенний б-р, д. 18, корп. 1, т. (495) 413-24-34, доб. 31
- м. «Кузьминки», Волгоградский пр-т, д. 132, т. (495) 172-18-97
- м. «Медведково», ТЦ «XL Мытищи», Мытищи, ул. Коммунистическая, д. 1, т. (495) 641-22-89
- м. «Новослободская», д. 26, т. (495) 973-38-02
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, 4-й этаж, пав. 4а-09, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, стр. 1, т. (495) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52/2, т. (495) 306-18-97
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «XL», Дмитровское ш., д. 89, т. (495) 783-97-08
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, корп. 1, 3-й этаж, т. (495) 781-40-76
- м. «Сокольники», ул. Стромынка, д. 14/1, т. (495) 268-14-55
- м. «Таганская», Б. Факельный пер., д. 3, стр. 2, т. (495) 911-21-07
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15, корп. 1, т. (495) 977-74-44
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, корп. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (495) 267-72-15
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, корп. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18, т. (499) 619-90-89
- м. «Шукинская», ТЦ «Шука», ул. Шукинская, вл. 42, т. (495) 229-97-40
- м. «Коньково», ул. Профсоюзная, д. 109, корп. 2, т. (495) 429-72-55
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Коломенская», ТЦ, пр-т Андропова, вл. 25, т. (499) 612-60-31
- м. «Китай-город», ул. Маросейка, д. 4/2, стр. 1, т. (495) 624-37-33 (30-34)
- м. «Шелковская», ул. Уральская, д. 2
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, корп. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Иридиум», Крюковская площадь, д. 1
- М.О. г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ
КАЖДАЯ ПЯТАЯ КНИГА РОССИИ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ «Буква»

РЕГИОНЫ:

- Архангельск, 103-й квартал, ул. Садовая, д. 18, т. (8182) 65-00-95
- Белгород, пр. Хмельницкого, д. 132а, т. (4722) 31-48-39
- Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- Екатеринбург, ул. Сулимова, д. 50, ТРК «Парк Хаус», т. (343) 216-55-02
- Ижевск, ТРЦ «Столица», ул. Автозаводская, д. 3а, т. (3412) 90-38-31
- Калининград, пл. Калинина, д. 17/21, т. (4012) 65-60-95
- Красноярск, пр-т Мира, д. 91, т. (3912) 23-17-65
- Курган, ул. Гоголя, д. 55, т. (3522) 43-39-29
- Курск, ул. Ленина, д. 11, т. (4712) 2-42-34
- Курск, ул. Радищева, д. 86, т. (4712) 56-70-74
- Липецк, пл. Коммунальная, д. 3, т. (4742) 22-27-16
- Ростов-на-Дону, Новочеркасское ш., д. 33, ТЦ «Мега», т. (863) 265-83-34
- Рязань, ул. Почтовая, д. 62, т. (4912) 28-99-39
- Самара, ул. Дыбенко, д. 30, ТЦ «Космопорт», т. 8-908-374-1960
- Санкт-Петербург, Гражданский пр-т, д. 41, ТЦ «Академический», т. (812) 380-17-84
- Санкт-Петербург, Лиговский пр-т, д. 185, т. (812) 766-22-88
- Тверь, ул. Советская, д. 7, т. (4822) 34-53-11
- Тула, пр-т Ленина, д. 18, т. (4872) 36-29-22
- Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- Череповец, Советский пр-т, д. 88а, т. (8202) 53-61-22
- Новороссийск, сквер им. Чайковского, т. (8617) 67-61-52
- Краснодар, ул. Дзержинского, д. 100, ТЦ «Красная площадь», т. (861) 210-41-60
- Пенза, ул. Московская, д. 63, т. (8412) 55-12-75
- Ярославль, ул. Свободы, д. 12, т. (4852) 72-86-61
- Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- Ижевск, ул. Автозаводская, д. 3а, т. (3412) 90-38-31
- Мурманск, пр-т Ленина, д. 53, т. (8152) 47-20-43
- Новосибирск, ул. Ватутина, д. 44, ТЦ «Мега», т. (383) 230-12-91
- Пермь, ул. Революции, д. 60/1, ТЦ «7 пятниц», т. (342) 233-40-49
- Санкт-Петербург, ул. Чернышевская, д. 11/57, т. (812) 273-44-13
- Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- Чебоксары, ТЦ «Мега Молл», ул. Калинина, д. 105а, т. (8352) 28-12-59

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА АСТ

КАЖДАЯ **ПЯТАЯ** КНИГА РОССИИ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ БУКВА

В Москве:

- м. «Беляево», ТЦ «Александр Ленд», ул. Пришвина, д. 22, т. (495) 406-92-65
- м. «Бауманская», ул. Спартаковская, д. 16, т. (495) 267-72-15
- м. «Каховская», Чонгарский б-р, д. 18, т. (499) 619-90-89
- м. «Коломенская», ул. Судостроительная, д. 1, стр. 1, т. (499) 616-20-48
- м. «Новые Черемушки», ТК «Черемушки», ул. Профсоюзная, д. 56, т. (495) 739-63-52
- м. «Парк культуры», Зубовский б-р, д. 17, т. (495) 246-99-76
- м. «Перово», ул. 2-я Владимирская, д. 52, т. (495) 306-18-97
- м. «Петровско-Разумовская», ТК «XL», Дмитровское ш., д. 89, т. (495) 783-97-08
- м. «Преображенская площадь», ул. Большая Черкизовская, д. 2, к. 1, т. (499) 161-43-11
- м. «Сокол», ТК «Метромаркет», Ленинградский пр-т, д. 76, к. 1, т. (495) 781-40-76
- м. «Тимирязевская», Дмитровское ш., д. 15/1, т. (495) 977-74-44
- м. «Университет», Мичуринский пр-т, д. 8, стр. 29, т. (499) 783-40-00
- м. «Царицыно», ул. Луганская, д. 7, к. 1, т. (495) 322-28-22
- м. «Шелковская», ул. Уральская, д. 2
- м. «Щукинская», ТЦ «Щука», ул. Щукинская, вл. 42, т. (495) 229-97-40
- м. «Ясенево», ул. Паустовского, д. 5, корп. 1, т. (495) 423-27-00
- М.О., г. Зеленоград, ТЦ «Иридиум», Крюковская площадь, д. 1
- М.О., г. Люберцы, Октябрьский пр-т, д. 151/9, т. (495) 554-61-10

В регионах:

- г. Владимир, ул. Дворянская, д. 10, т. (4922) 42-06-59
- г. Волгоград, ул. Мира, д. 11, т. (8442) 33-13-19
- г. Екатеринбург, ТРК «Парк Хаус», ул. Сулимова, д. 50, т. (343) 216-55-02
- г. Ижевск, ТРЦ «Столица», ул. Автозаводская, д. 3а, т. (3412) 90-38-31
- г. Краснодар, ТЦ «Красная площадь», ул. Дзержинского, д. 100, т. (861) 210-41-60
- г. Красноярск, пр-т Мира, д. 91, т. (3912) 23-17-65
- г. Курск, ул. Радищева, д. 86, т. (4712) 56-70-74
- г. Липецк, пл. Коммунальная, д. 3, т. (4742) 22-27-16
- г. Мурманск, пр-т Ленина, д. 53, т. (8152) 47-20-43
- г. Новосибирск, ТЦ «Мега», ул. Ватутина, д. 44, т. (383) 230-12-91
- г. Пермь, ТЦ «7 пятниц», ул. Революции, д. 60/1, т. (342) 233-40-49
- г. Ростов-на-Дону, ТЦ «Мега», Новочеркасское ш., д. 33, т. (863) 265-83-34
- г. Самара, ТЦ «Космопорт», ул. Дыбенко, д. 30
- г. Санкт-Петербург, ТЦ «Академический», Гражданский пр-т, д. 41, т. (812) 380-17-84
- г. Санкт-Петербург, Лиговский пр-т, д. 185, т. (812) 766-22-88
- г. Тольятти, ул. Ленинградская, д. 55, т. (8482) 28-37-68
- г. Тула, ул. Первомайская, д. 12, т. (4872) 31-09-22
- г. Чебоксары, ТЦ «Мега Молл», ул. Калинина, д. 105а, т. (8352) 28-12-59

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой» или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

Издательская группа АСТ

Издательская группа АСТ, включающая в себя
около **50 издательств** и редакционно-издательских объединений,
предлагает вашему вниманию **более 20 000 названий книг** самых
разных видов и жанров.
Мы выпускаем классические произведения
и книги современных авторов.
В наших каталогах — интеллектуальная проза,
детективы, фантастика, любовные романы,
книги для детей и подростков, учебники, справочники,
энциклопедии, альбомы по искусству,
научно-познавательные и прикладные издания,
а также широкий выбор канцтоваров.

В числе наших авторов мировые знаменитости:

Сидни Шелдон, Стивен Кинг, Даниэла Стил, Джудит Макнот, Бертрис Смолл, Джоанна Линдсей, Сандра Браун, создатели российских бестселлеров Борис Акунин, братья Вайнеры, Андрей Воронин, Полина Дашкова, Сергей Лукьяненко, братья Стругацкие, Фридрих Незнанский, Виктор Суворов, Виктория Токарева, Эдуард Тополь, Владимир Шитов, Марина Юденич, Виктория Платова, Чингиз Абдуллаев; видные ученые деятели академик Мирзакарим Норбеков, психолог Александр Свияш, авторы книг из серии «Откровения ангелов-хранителей» Любовь Панова и Ренат Гарифзянов, а также любимые детские писатели Самуил Маршак, Сергей Михалков, Григорий Остер, Владимир Сутеев, Корней Чуковский.

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве и ближайшему Подмосковью:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж
Информация по оптовым закупкам: (495) 615-01-01, факс 615-51-10
E-mail: zakaz@ast.ru

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА
КАЖДАЯ **ПЯТАЯ** КНИГА РОССИИ

ПРИОБРЕТАЙТЕ КНИГИ ПО ИЗДАТЕЛЬСКИМ ЦЕНАМ
В СЕТИ КНИЖНЫХ МАГАЗИНОВ буква

Заказывайте книги почтой в любом уголке России
123022, Москва, а/я 71 «Книги – почтой»
или на сайте: shop.avanta.ru

Курьерская доставка по Москве
и ближайшему Подмосковью:
Тел/факс: +7(495)259-60-44, 259-41-71

Приобретайте в Интернете
на сайте: www.ozon.ru

Издательская группа АСТ www.ast.ru
129085, Москва, Звездный бульвар, д. 21, 7-й этаж

Информация по оптовым закупкам:
(495) 615-01-01, факс 615-51-10

E-mail: zakaz@ast.ru

МЫ ИЗДАЕМ НАСТОЯЩИЕ КНИГИ

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству АСТ.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

Макмуллен Шон

Прозрачные драконы

Фантастический роман

Редактор Н. Ефременкова
Художественный редактор О. Адаскина
Младший редактор Н. Дмитриева

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.007027.06.07 от 20.06.07 г.

ООО «Издательство АСТ»
141100, Россия, Московская обл., г. Щелково, ул. Заречная, д. 96
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU E-mail: astpub@aha.ru

ООО Издательство «АСТ МОСКВА»
129085, г. Москва, Звездный б-р, д. 21, стр. 1

Отпечатано с готовых диапозитивов
в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.

Шон Макмуллен.

Культовая фигура среди ролевиков, обладатель черного пояса по каратэ, знаменитый «постановочный» фотограф... но прежде всего — ВЕДУЩИЙ ФАНТАСТ АВСТРАЛИИ, удостоенный ДЕСЯТИ престижных литературных премий — как национальных, так и международных.

...В этом мире на небе — несколько лун, а в груди у людей — два сердца.

...Здесь стоят рыцарские замки и ведутся феодальные войны, странствуют по свету вечно голодные вампиры, талантливые дети отправляются учиться в Академию магии, рыцари бьются на турнирах за благосклонность дам...

Но теперь здесь произошло СТРАШНОЕ.

Новое тайное магическое оружие, силой которого можно уничтожить весь этот мир, попало в опасные руки.

Времени все меньше.

Кто решится предотвратить неотвратимое?

Только навеки оставшийся мальчишкой вампир Ларон — и горстка храбрецов, отправившихся с ним в опасное путешествие...

«Шон Макмуллен — Роджер Желязны "поколения PIII"».
«Kirkus»

«Изысканная и оригинальная сага, сюжетные повороты которой совершенно непредсказуемы!»
«Publishers Weekly»

«Блистательная, многогранная сага в лучших традициях "золотого века" фэнтези».
«Locus»

«Путешествие "Лунной тени"»
«Прозрачные драконы»

ISBN 978-5-17-041130-6

ШОН МАКМУЛЛЕН

Прозрачные драконы